

СБОРНИКЪ
МАТЕРІАЛОВЪ ДЛѢ ИСТОРИИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

ВЪ XVIII ВѢКѢ.

ИЗДАЛЪ

А. КУНИКЪ.

Часть I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1865.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.

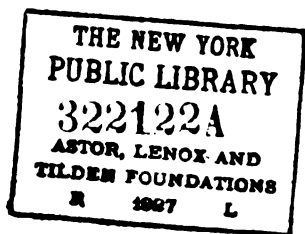
Еггерса и Коми., въ С. П. Б.

В. Глазунова, въ С. П. Б.

Н. Базунова, въ Москвѣ.

Энциджинца и Коми., въ Тифлисъ.

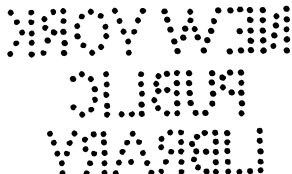
Цѣна 1 рубль сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ, 28 марта 1865 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	III — VII
Объ отношеніяхъ Ломоносова къ Тредіаковскому по по- воду Оды на взятіе Хотина. (<i>Вмѣсто Введенія</i>).	VIII—LVI
I. Поздравительная Ода Тредіаковскаго по случаю на- значенія барона Корфа президентомъ Академіи.	1 — 6
II. Рѣчь, сказанная, 14 марта 1735 г., Тредіаковскимъ по случаю открытія Россійскаго Собранія	7 — 16
III. Новый и краткій Способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ, изданный въ 1735 г., Тредіаковскимъ.	17 — 74
IV. Разныя стихотворенія, переведенныя Тредіаковскимъ тоническимъ размѣромъ въ 1734—1737 годахъ	75 — 86
V. Матеріалы для біографіи М. В. Ломоносова, съ 1736 по 1741 годъ. (№1—96).	87—200
VI. Ода гр. А. П. Шувалова на смерть Ломоносова, 1765 года.	201—223

Russ. Ac. Sc. 102337

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Занимаясь нѣкогда въ академическомъ архивѣ исторіею Академіи Наукъ, я невольно обратилъ вниманіе на разные важные документы, съ которыми связаны имена извѣстныхъ литературныхъ двигателей, какъ - то: кн. Кантемира, Миллера, Тредіаковскаго, Татищева, Ломоносова, Шлецера и т. д. Мало по малу у меня составилъ цѣлый сборникъ такихъ матеріаловъ, въ особенности изъ архивныхъ документовъ бывшей академической Канцеляріи, но я вскорѣ почувствовалъ необходимость нѣсколько ограничить выборъ документовъ. Между прочимъ мнѣ хотѣлось со временемъ разъяснить первое появленіе Ломоносова въ средѣ и подъ защитою Академіи, и при этомъ я не могъ не опредѣлить прежде всего значенія Тредіаковскаго до возвращенія Ломоносова изъ-за границы. Изъ собранныхъ мною извѣстій и вновь отысканныхъ литературныхъ произведеній кое-что мною сообщено было уже прежде.

Кромѣ напечатаннаго въ 1854 году перевода Фенелоновой оды 1738 года, я считаю не лишнимъ указать на нѣкоторые документы, помѣщенные мною во Введеніи къ Ученымъ Запискамъ (Т. I, 1852 г. стр. LXV—LXIX), равно какъ на собранные и объясненные мною матеріалы для исторіи литературной дѣятельности Ломоносова въ 1738 и 1741 годахъ (Уч. Зап.

Т. III, 1855 г. стр. 256 — 290); въ 1860 году собранныя мною письма Вольфа, относящіяся къ пребыванію Ломоносова въ Марбургѣ, включены были въ Сборникъ Вольфовыхъ писемъ, который въ томъ году изданъ былъ Академіей.

Сообразно первоначальной цѣли моего Сборника я не имѣлъ въ виду изданія всѣхъ тѣхъ архивныхъ документовъ 1736 — 1741 годовъ, которые не относятся прямо къ Ломоносову, но по случаю предстоящаго юбилея многіе выразили желаніе, чтобы я собралъ всѣ малѣйшія подробности, могущія пролить свѣтъ на тогдашнюю судьбу Ломоносова. Кромѣ того длинное письмо его отъ 16 ноября 1740 года, которое мнѣ стало извѣстнымъ лишь въ февралѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, побудило меня сообщить нѣсколько писемъ Фрейбергскаго горнаго совѣтника Генкеля не въ извлеченіи, а цѣликомъ. Все это значительно увеличило объемъ Сборника.

При собираніи свѣдѣній о вышеупомянутыхъ лицахъ я не обращалъ вниманія на то, на какомъ языкѣ сохранились эти свѣдѣнія. Почти всѣ письменныя извѣстія о Ломоносовѣ, относящіяся ко времени его пребыванія въ Германіи, дошли до насъ на нѣмецкомъ языкѣ. Необходимо нужно было, чтобы многія изъ нихъ впредь и другимъ извѣстны были въ подлинникѣ. Оказавшіеся въ Академіи документы на русскомъ языкѣ, относящіеся къ судьбѣ Ломоносова и двухъ товарищей его въ 1736 — 1741 (1743) годахъ, по большей части ограничиваются дѣловыми бумагами, извлеченіями изъ подлинныхъ документовъ и нѣкоторыми болѣе или менѣе точными переводами подлинниковъ. Нѣкоторый впрочемъ не очень ощутительный пробѣлъ замѣтилъ я только за 1741 годъ, что объясняется извѣстнымъ указомъ императрицы Елисаветы.

Всѣ изданныя мною бумаги имѣютъ официальный характеръ, въ томъ числѣ и латинское письмо Ломоносова къ Генкелю (см. № 67), потому что послѣдній приложилъ его къ своему донесенію, какъ документъ. Донесенія на нѣмецкомъ языкѣ, присланныя Ломоносовымъ изъ Марбурга въ 1737 — 1738 годахъ, въ тоже время, согласно данной ему инструкціи,

должны были служить доказательствомъ успѣховъ его въ изученіи нѣмецкаго языка. По этому мною и оставленъ безъ измѣненія встрѣчающійся кое-гдѣ оригинальный способъ правописанія Ломоносова, точно также какъ мною не измѣненъ и довольно странный мѣстами слогъ Генкеля и Шумахера.

Такъ какъ вообще многіе изъ напечатанныхъ мною документовъ написаны тяжелымъ слогомъ, то недавно выражено было желаніе, чтобы подъ моимъ наблюденіемъ изготовленъ былъ переводъ этихъ документовъ. Конечно мнѣ, какъ собирателю и издателю подлинниковъ, пока ближе извѣстны, нежели другимъ, вся связь между этими документами и кое-какія скрывающіеся въ нихъ отгѣнки и намеки, особенно въ бумагахъ академической канцеляріи. По первоначальному плану моего Сборника мнѣ прежде всего предстояло окончить изданіе всѣхъ назначенныхъ мною къ обнародованію подлинныхъ писемъ и документовъ, что требовало не мало труда. Теперь, когда *главная* задача исполнена, можно спокойно войти въ соображеніе о томъ, какимъ образомъ облегчить пониманіе изданныхъ мною документовъ. Критическая же оцѣнка ихъ составляетъ особенную задачу, — задачу необходимую, потому что нѣкоторыя мѣста могли бы подать поводъ къ недоразумѣніямъ, если бы ихъ стали разсматривать только отдѣльно, а не въ связи со всѣмъ остальнымъ.

Изъ числа не дошедшихъ до насъ бумагъ всѣхъ интереснѣе было бы письмо Ломоносова къ Шумахеру, отъ 21 мая 1740, отправленное изъ Лейпцига. Но объ немъ положительно можно сказать, что оно не получено. (Ср. распоряженія Шумахера ниже стр. 174, 175, 185 съ письмомъ Ломоносова на стр. 181). Долго я также не могъ отыскать письма Ломоносова къ Шумахеру отъ 16 ноября 1740, изъ Марбурга. Когда я выразилъ свое сожалѣніе объ этомъ нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей по Академіи, П. П. Пекарскій сообщилъ мнѣ, что это письмо уже списано и предназначено имъ къ печати, но что онъ готовъ передать мнѣ свою копію для пополненія моей коллекціи. Считаю пріятнымъ долгомъ выразить

здѣсь ему мою искреннюю признательность за столь обязательное сообщеніе *).

Брошюру графа Андрея Петровича Шувалова, которую многіе тщетно отыскивали долгое время и мнѣ наконецъ удалось найти въ Вольтеровской библіотекѣ, я сначала хотѣлъ отпечатать только въ 50 экземплярахъ, желая ею побудить знатоковъ литературныхъ лѣтописей Франціи и романской Швейцаріи къ разрѣшенію нѣкоторыхъ темныхъ вопросовъ о той роли, которую игралъ графъ Шуваловъ въ качествѣ почитателя Ломоносова и Вольтера. Но эта библіографическая рѣдкость возбудила во многихъ такой живой интересъ, что я по желанію ихъ также включилъ ее въ Сборникъ, не измѣнивъ того, что мною прибавлено въ Notice supplémentaire собственно для иностранныхъ историковъ и библіографовъ. Въ перепечаткѣ соблюдено правописаніе подлинника.

---

*) Письмо Ломоносова отъ 16 ноября 1740, какимъ-то образомъ попало въ одинъ изъ фоліантовъ Архива ученой Конференціи, находившійся въ 1860 году у меня въ рукахъ для выборки писемъ Вольфа отъ 1740 года, но тогда мнѣ нѣкогда было полюбопытствовать. Можетъ быть, г. Пекарскому при начатомъ имъ систематическомъ разборѣ академическаго Архива старыхъ дѣлъ удастся отыскать и письмо Вольфа отъ 25 ноября 1736 (см. ниже стр. 110) и письмо президента къ Генкелю (см. ниже стр. 176, отъ . . . 1740 г.).

А. Кушникъ.

Объ отношеніяхъ Ломоносова къ Тредіаковскому по поводу Оды на взятіе Хетина.*

(вмѣсто введенія.)

При начертаніи плана Императорской Академіи Наукъ были приняты во вниманіе почти всѣ отрасли человѣческаго знанія, но когда дѣло дошло до осуществленія ея идеи, оказалось необходимымъ значительно ограничить число предметовъ, которые должны были войти въ составъ ученыхъ занятій Академіи. Изъ первоначальнаго проекта сначала исключили разрядъ богословскихъ наукъ, предоставивъ попеченіе о преуспѣяніи ихъ Святѣйшему Правительствующему Синоду. Потомъ до крайности сократили объемъ историко-филологическихъ и политическихъ наукъ. Правда, послѣднія въ то время не дробились еще на такое множество специальныхъ предметовъ, какъ въ позднѣйшее время, но назначенныя для нихъ мѣста были слишкомъ несоразмѣрны съ числомъ мѣстъ, открытыхъ для физико-математическихъ наукъ. Это-то обстоятельство и должно было невыгодно дѣйствовать на осуществленіе задачи, возложенной на Академію ея основателемъ, — задачи ввести и акклиматизировать въ Россію науку: въ то время именно историко-филологическія науки болѣе всего могли возбуждать интересъ въ публикѣ и слѣдовательно болѣе всего служить самымъ естественнымъ звеномъ соединенія между нею и Академіею. Были, впрочемъ, еще и другія болѣе или менѣе важныя причины, которыя съ самаго начала вредили преуспѣя-

нію Академіи и не должны быть упущены изъ виду безпристрастнымъ историкомъ ¹⁾).

Многимъ, которые о прошедшемъ судятъ съ точки зрѣнія настоящаго времени, кажется страннымъ, что въ Академіи сначала не было обращено должнаго вниманія на изученіе русскаго языка и русской исторіи. Но въ то время словесность была еще больше личнымъ искусствомъ, нежели самостоятельной наукой, и притомъ, судя по нѣкоторымъ намекамъ Петра Великаго, мы въ правѣ допустить, что со временемъ предполагалось восполнить какъ этотъ, такъ и другіе пробѣлы и недостатки первоначальнаго проекта учрежденія Академіи Наукъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна собственно-ручная приписка Петра Великаго къ одному изъ параграфовъ проекта, требовавшему отъ каждаго изъ вызванныхъ академикомъ, чтобы онъ привезъ съ собою одного или двухъ хорошо обученныхъ воспитанниковъ, которые въ качествѣ его адъюнктовъ должны были совершенствоваться въ наукахъ подъ его руководствомъ, или сдѣлаться преподавателями въ академической гимназіи. Резолюція эта гласитъ:

«Надежить по два человекъ еще прибавить, которые изъ «славенскаго народа, дабы могли удобнѣе Рускихъ учить, «а какихъ наукъ, написать именно». Подъ этимъ онъ разумѣлъ западныхъ Славянъ ²⁾), но эта мысль, какъ и множество другихъ начинаній великаго преобразователя, по смерти его была забыта.

Первые академики не были достаточно знакомы съ весьма разнообразными цѣлями, которыхъ Петръ Великій желалъ достигнуть сразу посредствомъ Академіи. При всемъ томъ уже съ самаго начала между ними обнаруживалось нѣкоторое сознание необходимости заняться изученіемъ Россіи. Такъ Коль

¹⁾ На нѣкоторыя обстоятельства я вкратцѣ указалъ въ своемъ историко-литературномъ очеркѣ, составляющемъ введение къ вышедшимъ въ 1852 году Ученымъ Запискамъ И. Ак. Н. по I и III Отдѣленіямъ.

²⁾ См. доказательства, приведенныя мною въ изданіи: Briefe von Chr. Wolff aus den Jahren 1719—1753. St. Pet. 1860. стр. 244.

по собственному побужденію сталъ заниматься церковно-славянскою литературой, а Байеръ, хотя первоначально также назначенъ былъ для такъ-называемыхъ гуманіора, безъ всякаго посторонняго приглашенія примѣнилъ историко-филологическія занятія свои непосредственно къ изученію Россіи и поощрялъ молодаго адъюнкта своего Миллера къ изученію славянскаго и русскаго языковъ. Студенту Ададурову — впоследствии адъюнкту — поручено было составить русскую грамматику, которая въ 1731 году напечатана была въ видѣ прибавленія къ нѣмецко-россійскому Лексикону ³⁾. Хотя она была весьма неудовлетворительна, но все таки чувствовалась потребность продолжать въ этомъ духѣ, когда Академія со времени возвращенія Двора изъ Москвы въ 1732 году стала управляться отъ перваго своего упадка. Новый президентъ Академіи, баронъ Кейзерлингъ, отправляясь посломъ въ Дрезденъ, 18 декабря 1733 года составилъ на время своего отсутствія для Академіи и академической Канцеляріи инструкцію, въ 23-мъ § которой говорится слѣдующее:

«При семъ же рекомандую я сему Департаменту особливо, чтобъ стараться по всякой возможности о произведеніи Штатскаго и Газетнаго Лексикона, также и о поправленіи россійской и нѣмецкой грамматики ⁴⁾, понеже сіе въ пользу Академіи будетъ, и изъ которыхъ перво господинъ Вйкеръ, а послѣднее господинъ Ададуровъ въ состояніе привести на свои труды приняли».

Новую и во многихъ отношеніяхъ существенную услугу

³⁾ Teutsch-Lateinisches und Ruzsisches Lexicon, samt denen Anfangs-Gründen der Ruzsischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften zum Druck befördert.

Нѣмецко-Латинскій и Рускій Лексиконъ, купно съ первыми началами Рускаго языка къ общей пользѣ при Императорской Академіи Наукъ печатію изданъ.

St. Petersburg, gedruckt in der Kayserl. Academie der Wissenschaften Buchdruckerey 1731. 788 стр. и 48 стр. (Anfangs-Gründe der Ruzsischen Sprache) in-4°.

⁴⁾ Т. е. учебниковъ для академической гимназіи.

разработкѣ литературнаго языка и усовершенствованію русскаго слога оказалъ Василій Кириловичъ Тредіаковскій⁵⁾, тѣмъ что непосредственнымъ послѣдователямъ и подражателямъ своимъ указалъ и отчасти самъ проложилъ новые пути. Довольно долго существовало мнѣніе, что судь потомства относительно значенія Тредіаковскаго въ области народнаго просвѣщенія установился разъ на всегда: полагали, что почти стереотипные эпитеты: «пресловутый, уморительный», достаточно характеризуютъ человѣка, тогда какъ это только показывало, что его и сочиненія его изучали лишь поверхностно и даже весьма недобросовѣстно. Много этому способствовали приписываемое Петру Великому предсказаніе относительно Тредіаковскаго въ 1722 году, и насмѣшки, которымъ Екатерина II послѣ смерти его подвергала «Телемахиду»⁶⁾ За тѣмъ громкое имя Ломоносова и слѣпая вѣра въ авторитеты не позволяли историкамъ словесности отдать справедливость такому труженику, какъ Тредіаковскій. Но и послѣ 1849 года, когда Переваѣссскій положилъ начало разсудительной реакціи одностороннему взгляду на Тредіаковскаго, все еще слишкомъ мало умѣли строго отличать различные фазисы его литературной дѣятельности. Какъ это часто бываетъ въ области историческихъ наукъ, такъ и тутъ опять оказалось, что безъ основательнаго изученія деталей, какъ это уже давно блистательно доказали естествоиспытатели, нельзя окончательно рѣшить ни одинъ историческій вопросъ. Единственное обстоятельство, которое еще отчасти можно привести въ оправданіе многочисленныхъ критиковъ, это то, что нѣкоторыя изъ первыхъ, печатанныхъ сочиненій Тредіаковскаго сдѣлались большою библиографическою рѣдкостью или вовсе не были извѣстны. Тредіаковскій самъ въ позднѣйшіе годы съ явнымъ прене-

⁵⁾ Такъ Тредіаковскій самъ постоянно писалъ и печаталъ свою фамилію. Мы для однообразія держались этой формы, потому что не имѣли права переимѣнить ея въ статьяхъ ниже перепечатанныхъ.

⁶⁾ Ср. также фразу: *въ тредіаковщину затасалъ!* въ Дневникѣ Чиновника (Отеч. Зап. Томъ CI. 1855. Отд. I, стр. 129).

бреженіемъ глядѣлъ на первенцовъ своей любви къ литературѣ, или совершенно передѣлалъ ихъ, издавая въ 1752 году собраніе своихъ сочиненій ⁷⁾; такимъ образомъ долго не подозревали, что именно въ первыхъ печатанныхъ сочиненіяхъ его, относящихся къ тридцатымъ годамъ прошлаго столѣтія, кроется ключъ къ правильной оцѣнкѣ этого мученика русской словесности. Однимъ словомъ, во всей дѣятельности Тредіаковскаго слѣдуетъ строго различать три періода:

1) Періодъ первыхъ зачатковъ съ 1725 до 1734 года.

2) Періодъ авторитетности съ 1734 до 1740 года.

3) Періодъ соревнованія съ его послѣдователями съ 1740 до 1769 года.

Сообразно цѣли Введенія, мы сообщимъ здѣсь только нѣсколько замѣчаній относительно литературной дѣятельности Тредіаковскаго, въ теченіе втораго періода, замѣчаній, необходимыхъ для правильнаго уразумѣнія его отношенія къ Ломоносову. Въ короткой, автобіографической запискѣ, составленной имъ въ 1754 году для Академической Канцеляріи въ замѣнъ послужнаго списка, онъ самъ говоритъ о своемъ ученіи слѣдующее:

«Дѣдъ и отецъ мой были священники. Я именованный учившись, по желанію моего, покойнаго нынѣ, родителя, Словеснымъ Наукамъ на Латинскомъ языкѣ, еще въ молодыхъ моихъ лѣтахъ, въ Астрахани, гдѣ моя и Родина, у Римскихъ живущихъ тамъ Монаховъ, а по охотѣ моей къ ученію, оставилъ природный городъ, домъ, и Родителей, и уѣжалъ въ Москву, да и учился въ законоспаскомъ монастырѣ прежнимъ помянутымъ Наукамъ ⁸⁾. По окончаніи Реторики, нашелъ я способъ уѣхать въ Голландію ⁹⁾, гдѣ обучился Французскому языку Оттуду, шедши пѣшъ за крайнею ужé своею бѣдностію, пришелъ въ Парижъ ¹⁰⁾, гдѣ въ Унивѣрситетѣ, при щедромъ бла-

⁷⁾ Сочиненія и переводы какъ стихами такъ и прозою. 2 тома in-8°.

⁸⁾ Съ 1723 г.

⁹⁾ Въ 1725 г., а по Тредіаковскому въ началѣ 1726 г.

¹⁰⁾ «Въ оконченіи 1727 г.»

годѣтелей моихъ меня содержаніи, обучался Математическимъ и Философскимъ наукамъ, а Богословскимъ тамже въ Сорбонѣ; чему всему имѣлъ я письменное засвидѣтельствованіе за рукою такъ называемаго Ректора Магнифика Парижскаго Университета, для того что я тамъ содержалъ Публичный диспутъ въ Мазаринской Коллегіи; но письменный сей Аттестатъ, въ бывшее пожарное приключеніе въ концѣ 1746 года здѣсь въ СП-ѣ у меня згорѣлъ...»

По словамъ академика Миллера Тредіаковскій пріѣхалъ изъ-за границы въ Петербургъ съ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ и сблизился — стало быть не раньше осени 1730 г. — съ академическимъ студентомъ и переводчикомъ Адодуровымъ, у котораго онъ и жилъ.

Изъ-за границы онъ привезъ съ собою сдѣланный въ Гамбургѣ переводъ французскаго сочиненія (*Voyage à l'île d'Amour, ou la Clef des coeurs, par Paul Tallemant. Paris. 1713*), который въ 1730 году былъ напечатанъ Академіею и къ которому онъ между прочимъ присоединилъ самое старинное свое стихотвореніе: «Элегія о смерти Петра Великаго», сочиненное имъ въ 1725 году¹¹⁾. «Ъзда», по увѣренію академика Миллера, не понравилась публикѣ по неуклюжему своему языку, но для молодаго автора было очень отрадно, когда герцогиня мекленбургская (Екатерина Ивановна) въ 1731 году въ Москвѣ съ похвалою отозвалась о его произведеніи и обѣщала ему представить его царствующей Императрицѣ. (*La Princesse Catharine... me fait de telles graces, qui passerent mes Esperances, tantôt en me donnant des Louanges tantôt à mon Livre, tantôt en me temoignant Sa Bienveillance jointe à la promesse de me presenter à Sa Maj-té Imp-le par elle même* (ср. ниже стр. 66). Разсчетливый Шумахеръ, котораго впрочемъ Тредіаковскій въ то время уважалъ какъ своего покровителя, посоветовалъ ему представиться также президенту Блюмен-

¹¹⁾ Въ первоначальномъ своемъ видѣ стихотвореніе это отпечатано было также во 2-мъ и 3-мъ изданіи «Ъзды». Въ метрической передѣлкѣ оно явилось въ 1752 году въ его «Сочиненіяхъ и переводахъ»; срав. тамъ стр. XXIII.

тросту, и указавъ ему на необходимость перевода разныхъ сочиненій легкаго или поучительнаго содержанія, старался сообщить его дѣятельности опредѣленное направленіе.

Какъ бы неудаченъ ни былъ переводъ «Ѣзды», но онъ получилъ особое значеніе вслѣдствіе того, что Тредіаковскій въ предисловіи къ нему, хотя и не безъ опасенія господствовавшихъ предразсудковъ, рѣшился высказать свое убѣжденіе (см. ниже стр. 1), что русскій разговорный языкъ пора сдѣлать языкомъ литературнымъ, а употреблявшійся до того времени славяно-русскій языкъ предоставить авторамъ книгъ духовнаго содержанія. Этимъ положено было новое начало, которое оказало свое плодотворное вліяніе даже и на ближайшія за тѣмъ изданія Академіи на русскомъ языкѣ.

Въ то же время или вскорѣ послѣ того его, должно быть, уже занимала мысль, осуществленіемъ которой онъ на всегда составилъ себѣ имя въ исторіи русской поэзіи. Чтобы вполне оцѣнить это, нужно мысленно перенестись въ то время, когда въ публикѣ обращалось лишь очень мало книгъ легкаго содержанія и когда она кромѣ «Ѣзды» не могла отвести душу другимъ романомъ, а изъ періодическихъ сочиненій должна была довольствоваться тощими академическими Вѣдомостями и болѣе или менѣе популярно изложенными «Примѣчаніями на Вѣдомости». Понятно, что при такомъ ощутительномъ недостаткѣ въ чтеніи, стихи стариннаго силлабическаго размѣра, какъ бы они пусты ни были, пожирались съ жадностью, въ особенности послѣ того, какъ князь Кантемиръ затронулъ сатирическую струну. Восхищаться народными пѣснями, которыхъ въ то время было еще гораздо больше, такъ называемое образованное общество считало неприличнымъ. Самъ Тредіаковскій называлъ ихъ «подлыми» въ смыслѣ мужицкихъ, хотя и не могъ забыть впечатлѣніе, которое онѣ уже рано произвели на него. Объ этомъ свидѣлствуютъ первыя поэтическія его произведенія, напечатанныя въ концѣ «Ѣзды въ островъ любви». Онъ чувствовалъ, хотя и не вполне сознавалъ это, что въ этихъ народныхъ пѣсняхъ больше поэзіи, нежели во всѣхъ тогдаш-

нихъ «виршахъ». Но это знакомство съ народными пѣснями, въ тоже время, по его собственному сознанию, породило въ немъ убѣжденіе, что syllабическій размѣръ, который употреблялся въ искусственной поэзіи, вовсе не годился для русскаго языка и долженъ уступить мѣсто другому, болѣе естественному размѣру (ср. ниже прим. 17). Хорошо понимая, что въ русскомъ языкѣ собственно нѣтъ долгихъ гласныхъ, какія находятся въ греческомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и что слѣдовательно размѣръ русскихъ стиховъ долженъ основываться на удареніи, онъ придумалъ «*тоническій размѣръ*», — терминъ, который въ первый разъ употребилъ въ 1735 году (см. ниже стр. 23 = 4). Такимъ образомъ разъ на всегда указана была настоящая форма русской поэзіи.

Еще въ 1734 году онъ въ прежнихъ syllабическихъ стихахъ написалъ свою далеко не поэтическую оду на взятіе Данцига. Но между тѣмъ какъ Юнкеръ, авторъ прибавленнаго къ ней нѣмецкаго перевода, успѣлъ еще болѣе обратить на себя вниманіе Миниха и избралъ другую карьеру (внѣ Академіи), единственный русскій «пѣтъ» при Академіи остался ни при чемъ. По крайней мѣрѣ намъ не извѣстно, чтобы бѣднаго секретаря ¹²⁾ чѣмъ нибудь награждалъ Биронъ, которому онъ посвятилъ свою оду — съ расчетомъ ли или потому, что Биронъ главнымъ образомъ былъ виновникомъ войны съ Польшей.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Тредіаковскій выступаетъ съ новой одой, — привѣтственнымъ поздравленіемъ барона Корфа, назначеннаго 18 сентября 1734 года «Командиромъ Академіи». Нельзя конечно отвергать положительно, что онъ этимъ хотѣлъ обратить на себя вниманіе новаго начальника, но должно откровенно сознаться, что онъ при этомъ имѣлъ въ виду и другую, высшую цѣль, т. е. желалъ «россійскую, всѣмъ и младую и новую Музу» препоручить покровительству просвѣщеннаго любителя наукъ и литературы (ср. ниже стр. 6). Онъ самъ впоследствии былъ такого скромнаго мнѣнія объ этой по-

¹²⁾ Въ смыслѣ канцеляриста.

здравительной одѣ, что не только не включилъ ее въ Собраніе своихъ сочиненій (1752 г.), но и далъ замѣтить читателямъ (стр. 153), будто первымъ опытомъ употребленія тоническаго размѣра считалъ не эту оду, а вышедшій въ 1735 году «Способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ». Между тѣмъ печатные экземпляры оды сдѣлались такою рѣдкостью, что она ускользнула отъ вниманія всѣхъ прежнихъ библиографовъ и біографовъ, и можетъ быть сохранилась только въ Академіи Наукъ ¹³⁾.

Первая попытка сочиненія стиховъ въ тоническомъ размѣрѣ была еще довольно неудачна: какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ попыткахъ этого рода, Тредіаковскому пришлось измѣнить удареніе нѣкоторыхъ словъ (напр. въ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ: кóторый). Между тѣмъ просьба, съ которою онъ такъ наивно обратился къ новому президенту, не осталась безъ исполненія (см. ниже стр. 6). Въ теченіе зимы 1734 — 35 года созрѣла, должно быть, мысль объ учрежденіи особой конференціи подъ названіемъ «Россійскаго Собранія», единственная задача которой должна была состоять въ грамматической и лексикальной обработкѣ русскаго языка, равно какъ и въ усовершенствованіи русскаго слога посредствомъ хорошихъ переводовъ. Оставалось только опредѣлить способъ и методу осуществленія этой задачи. Съ самаго начала, конечно, не было излишку въ способныхъ труженикахъ: небольшая конференція эта состояла только изъ секретаря Тредіаковскаго, адъюнкта Адодурова, ректора Шваневича, студента Тауберта, въ качествѣ протоколиста, и гвардейскаго оберъ-аудитора Эмме. На долю Тредіаковскаго выпала честь 14 марта 1735 года (см. ниже стр. 16) открыть рѣчью это первое собраніе любителей русскаго слова. Въ томъ же году онъ издалъ обѣщанный имъ «Новый и краткій способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ съ опредѣленіями до сего

¹³⁾ Въ Сборникѣ сочиненій на разные случаи, напечатанныхъ въ прошломъ столѣтіи и внесенныхъ около 1840 г. въ каталоги подъ названіемъ: *Orationes panegyricae et Varia de regno Annae Ioannovnae* (in-fol.). Первое извѣстіе о сохранившемся экземплярѣ поздравительной Оды сообщено мною въ 1855 г.

надлежащихъ званій». Если до сихъ поръ еще далеко не понято важное значеніе этого сочиненія для того времени, то это, главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, происходитъ оттого, что Тредіаковскій самъ впослѣдствіи снова передѣлалъ эту первую теорію русскаго стопосложенія подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ противъ выданнаго въ 1735 годѣ исправленный и дополненный»¹⁴⁾. Вслѣдствіе этого первое изданіе было совершенно забыто и наконецъ сдѣлалось такою библиографическою рѣдкостью, что перепечатка его (стр. 17 — 74) для многихъ сдѣлалась необходимою.

Изъ вышеприведеннаго видно, что Тредіаковскій былъ собственно душою Россійскаго Собранія. Будь въ другихъ членахъ хоть доля того усердія, какое выказывалъ основатель этого собранія¹⁵⁾, оно успѣло бы сдѣлать гораздо болѣе. При настоящемъ же положеніи дѣла оно превратилось въ простое собраніе переводчиковъ, между которыми Тредіаковскій все еще занималъ видное положеніе. Онъ одинъ и былъ въ состояніи кое-какъ перелагать въ русскіе стихи стихотворенія, писанныя на разные случаи на иностранныхъ языкахъ. Въ донесеніи, поданномъ имъ 8 марта 1751 года президенту графу Разумовскому, онъ самъ говоритъ: «переводилъ я все покойнаго Юнкера оды, да многіе господина надворнаго советника Штелина». Подъ этимъ въ особенности слѣдуетъ разумѣть нижеприведенныя (стр. 77 — 82) стихотворенія, которыя печатались съ конца 1734 до весны 1737 года и до сихъ поръ были даже почти неизвѣстны библиографамъ¹⁶⁾. Тредіаков-

¹⁴⁾ Соч. и переводы 1752 г. I, стр. 92—155 и ср. его Доношеніе отъ 8 марта 1751 г. (Труды Россійской Академіи. Часть III, 1840, стр. 231): «Первый изъ русскаго народа привелъ я въ порядокъ наше стихотвореніе, избрѣвъ новое такъ называемое количество стихамъ, въ чемъ состоитъ вся душа и жизнь стиховъ, и которому всѣ наши хвалныи стихотворцы послѣдуютъ».

¹⁵⁾ Т. е. Тредіаковскій, потому что безъ его вызова барону Корфу едва ли пришло бы на мысль учредить особую Россійскую Конференцію.

¹⁶⁾ У Сопикова (IV, стр. 10) приводится заглавіе двухъ изъ этихъ одъ (см. ниже стр. 80, прим. 1 и стр. 82, прим. 1), но не точно и безъ имени Тредіаковскаго. С. Д. Полторацкій и Быстровъ также упоминають Оду на 28 апр. 1737 г. (см. ниже стр. 82, прим. 1), приписывая ее Тредіаков-

скій, какъ давно высказано, былъ одаренъ только незначительною творческою силою. Самъ онъ, конечно, былъ другаго мнѣнія о своемъ поэтическомъ талантѣ и въ 1735 году (см. ниже стр. 74) даже заключилъ свой «Способъ» объясненіемъ, что сочетаніе римъ, въ родѣ «лавку» и «булавку», еще не составляетъ поэта. Между тѣмъ онъ самъ почти вездѣ является римошлетомъ, въ особенности же въ своихъ метрическихъ переводахъ, гдѣ ему еще болѣе, нежели въ самобытныхъ его произведеніяхъ, приходилось бороться съ языкомъ. По видимому Тредіаковскій неохотно и съ отвращеніемъ принимался за должностные переводы и потому вовсе не старался отдѣлать ихъ сколько нибудь. Въ 1736 г. (см. ниже стр. 81) онъ даже опять вернулся къ прежнему силлабическому размѣру. Это вызвало неодобреніе со стороны «знатоковъ» русскаго слова и подало поводъ къ письму (*Lettre d'un Russe à un de ses amis, écrite au sujet de la nouvelle versification Russe*) на имя Штелина отъ 11 октября 1736 г.¹⁷⁾ относительно новаго русскаго стихосложенія (M. Trediakovsky la — т. е. оду Штелина — *traduisant en Vers Russiens sans scansion entendit de plusieurs connoisseurs que dans l'original allemand regnoit infiniment plus d'harmonie que dans la Traduction Russe. Il s'en entretenoit sur les raisons avec Mr. Stehlin et fut convaincu que la Langue Russe etoit assez propre pour cette harmonie*).

Съ весны 1737 года у насъ вѣтъ свѣдѣній и доказательствъ (см. ниже стр. 82) на то, что онъ продолжалъ сочинять переводы въ тоническомъ размѣрѣ. Его внѣшняя обстановка — онъ помогалъ еще своей бѣдной, овдовѣвшей сестрѣ — была такъ тягостна, что въ немъ должна была ослабѣть охота къ дѣятельности, хоть сколько нибудь творческой. Получивъ отъ Канцеляріи отказъ въ отпускѣ ему впередъ годоваго жалованья, подъ тѣмъ предлогомъ что въ кассѣ не было денегъ, онъ въ видахъ

скому, но выдаютъ ее безъ основанія за оригинальную. См. Москвитянинъ 1849 г. Часть IV, Отд. III, стр. 29.

¹⁷⁾ Письмо напечатано у Перевлѣскаго (Избранныя сочиненія В. К. Тредіаковскаго. М. 1849, стр. 104—110).

поправленія своихъ разстроенныхъ финансовъ просилъ объ увольненіи его въ Москву и Бѣлгородъ, обѣщая тамъ прилежно заняться переводомъ древней исторіи Роллена. Просьба его 6 февраля была исполнена, т. е. ему на предложенныхъ имъ условіяхъ данъ былъ отпускъ до 1-го января 1739 года¹⁸⁾.

Въ отсутствіи его всѣ оды при Академіи (см. ниже стр. 83) переводились прозой: основателя теоріи русскаго стопосложенія не кѣмъ было замѣнить даже по части переводовъ обыкновенныхъ торжественныхъ одъ. Но 1739-му году суждено было получить особенное значеніе для Тредіаковскаго. Осенью этого года ему, какъ «мастеру» русскаго стихотворства, поручено было рассмотреть оду харьковскаго профессора Витынскаго и, буде она заслуживаетъ вниманія, озаботиться напечатаніемъ ея. Правда, что заслуги его признаны были не очень компетентными лицами, но кто же, какъ не Тредіаковскій съ своимъ «Способомъ» могъ похвалиться тѣмъ, что онъ успѣлъ образовать учениковъ и послѣдователей? Въ тоже время выступилъ еще новый и притомъ болѣе даровитый послѣдователь Тредіаковскаго, — молодой Сумароковъ (род. 14 ноября 1718 года), который сочинилъ двѣ оды, поднесенныя Императрицѣ въ новый 1740-й годъ отъ имени Кадетскаго Корпуса¹⁹⁾. Первая изъ нихъ написана еще старымъ силлабическимъ размѣромъ, вторая же уже явно оказывается подражаніемъ тоническому размѣру, введенному Тредіаковскимъ; къ ней, по всему вѣроятію, относится отзывъ Ломоносова, сообщенный ниже (см. прим. 31). Но этотъ первый опытъ кадета-пѣвца былъ такъ слабъ, что самъ авторъ его впоследствии предалъ свой

¹⁸⁾ Свѣдѣнія по этому предмету находятся въ Приказной Книгѣ 1738 года, подъ 6 февраля (лист. 34 и 35).

¹⁹⁾ Ея Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, Самодержицѣ Всероссийской, поздравительныя Оды въ первый день Новаго Года 1740. отъ Кадетскаго Корпуса, сочиненныя черезъ Александра Сумарокова. Въ СПб. Печатано при Императорской Академіи Наукъ. (*Orat. Volum. II, № 29*). Первая Ода (на стр. III и IV) состоитъ изъ 8, вторая же (на стр. V и VI) изъ 9 строфъ. На стр. VIII — X прибавлена прозаическая «Traduction des Odes précédentes».

трудъ полному забвенію. Сообщаемъ здѣсь вторую строфу изъ той и другой оды, на которыя лѣтъ десять назадъ указалъ авторъ монографіи о Сумароковѣ²⁰⁾:

Хочется начать, трепещу нѣмѣя,
 Страхомъ пораженъ приступить не смѣя:
 Я боюсь когда ТУ начну хвалити,
 Пѣсню чтобъ простой ТУ не прогнѣвити.
 О! сберися смыслъ, сколько ти возможно,
 И трудись, трудись, только осторожно;
 Что бы мнѣ не впасть въ винность несказанну.
 Поздравлять хочу вить ВЕЛИКУ АННУ.

Чрезъ ТЕБЯ мой мечъ остеръ въ полѣ какъ сверкаетъ,
 И по волѣ имъ ТВОЕЙ маршъ какъ управляетъ,
 Маршъ сѣчется за ТЕБЯ войскомъ управляя,
 Маршъ съ ТОБОЮ и меня храбро защищая,
 Бомбы въ воздухѣ летятъ небо достигати,
 Чтобъ небесна на враговъ грому тамъ достати,
 И на землю что падутъ адъ тѣмъ разтворяти,
 АННА О ИЗВОЛЬ ВО ВѢКЪ МНОЮ ТЫ ВЛАДАТИ.

Какъ бы ничтожны ни были произведенія профессора и кадета, все-таки Тредіаковскій могъ гордиться тѣмъ, что онъ былъ для нихъ руководителемъ. Но въ то время ему уже нанесло роковой ударъ боже самобытное произведение Ломоносова, которымъ послѣдній совершенно затмилъ славу своего наставника. Первые слова оды на взятіе Хотина:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
 которыми Ломоносовъ описывалъ впечатлѣніе, произведенное на него вѣстію о *побѣдѣ* надъ Мусульманами, могъ повторить за нимъ и каждый поэтически-настроенный читатель, чтобы передать впечатлѣніе, произведенное на него этимъ стихотвореніемъ. Однимъ словомъ, это была *побѣда* въ области человѣческаго духа.

²⁰⁾ Сумароковъ и современная ему критика. Сочиненіе П. Булича. Спб. 1854. Первые строфы обѣихъ одъ по академическому экземпляру перепечатаны г. Буличемъ въ его сочиненіи на стр. 18.

Любовь къ поэзіи возбуждена была въ Ломоносовѣ, какъ извѣстно, переложеніемъ псалтыря Симеономъ Полоцкимъ. Любовь эта, говорятъ, побудила его также переселиться въ Москву, чтобы изучить тамъ стихотворную мудрость. Въ продолженіе времени (1731 — 1735), проведеннаго имъ тамъ въ духовныхъ Спасскихъ школахъ, онъ, по сохранившимся разсказамъ, сочинилъ нѣсколько стихотвореній, которыя, за исключеніемъ 10 изъ нихъ, не дошли до насъ. Когда онъ 1 января 1736 года пріѣхалъ въ Петербургъ²¹⁾, то незадолго передъ тѣмъ вышелъ въ свѣтъ Способъ Тредіаковскаго, который въ небольшихъ литературныхъ кружкахъ того времени очевидно надѣлалъ много шума. Особенный интересъ, конечно, онъ долженъ былъ возбудить въ Ломоносовѣ. Послѣдній нашелъ въ немъ стихотворные образцы, которые по формѣ своей совершенно отличались отъ прежнихъ виршей, а между тѣмъ на ухо дѣйствовали гораздо пріятнѣе ихъ, не смотря на то, что способъ выраженія и сочетаніе словъ должны были оскорблять природный вкусъ Ломоносова. Успѣлъ ли онъ въ то время ближе познакомиться съ Тредіаковскимъ, мы не знаемъ, но послѣдній былъ пріятелемъ Адодурова, которому президентъ Академіи Корфъ поручилъ надзоръ за 12 московскими студентами и ближайшее управленіе ихъ занятіями. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Ломоносовъ взялъ съ собою въ Марбургъ экземпляръ Способа, такъ какъ онъ изъ Фрейберга началъ вести полемику противъ нѣкоторыхъ выводовъ въ этомъ руководствѣ.

Если бы Академія предчувствовала, что у Ломоносова

²¹⁾ Вотъ что Ломоносовъ самъ пишетъ въ краткой автобіографической Запискѣ, составленной въ началѣ 1754 года (ср. выше стр. XIII), о его пребываніи въ Москвѣ и С. Петербургѣ до отъѣзда за границу:

«1. Въ Московскихъ Спасскихъ школахъ записался 1731 года Генваря 15 числа. Жалованья въ шести нижнихъ школахъ по 3 копейки на день. А въ седмой 4 копейки на день».

«2. 1736 г. Генваря съ перваго числа по Указу Правительствующаго Сената взять въ СПб. А. Н. — По Сентябрь былъ студентомъ при Ак. Н. Жалованья денежнаго не происходило, но содержанъ былъ на академическомъ коштѣ».

была склонность къ поэзіи, то она можетъ быть не рѣшилась бы послать его за границу, потому что предстоявшія ему тамъ занятія требовали напряженнаго и спокойнаго направленія мыслей. Поводомъ къ отправленію его за границу послужила Камчатская Экспедиція, и ближе всего, вѣроятно, полученное изъ Сибири письмо академика Гмелина (1735 г.), интересовавшагося также улучшеніемъ горнаго дѣла въ тамошнемъ краѣ. Баронъ Корфъ, который, вскорѣ по своемъ вступленіи въ Академію, принимая живѣйшее участіе въ ходѣ экспедиціи, хотѣлъ присоединить къ ней еще «знакомаго съ горнымъ дѣломъ химика» и наконецъ, по совѣту саксонскаго берграта Генкеля, рѣшился отправить за границу трехъ академическихъ студентовъ. Между воспитанниками Академіи достаточно подготовленъ былъ къ этому только одинъ, особенно по физикѣ и математикѣ; двухъ другихъ выбрали изъ числа московскихъ студентовъ и рѣшили всѣхъ трехъ, для приготовленія къ занятіямъ въ Фрейбергѣ, предварительно отправить въ Марбургъ.

Они прибыли туда 3 ноября 1736 года. По § 5 полученной ими инструкціи имъ вмѣнялось въ обязанность «стараться о полученіи такой способности въ русскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, чтобы они ими свободно говорить и писать могли и притомъ учиться прилѣжно рисованью». Изученіе русскаго языка поставлено здѣсь на первомъ планѣ очевидно по совѣту берграта Райзера отъ 28 марта 1736 года. Требованіе это тѣмъ понятнѣе, что въ то время ученымъ языкомъ преимущественно считался латинскій, а русскій языкъ въ этомъ отношеніи еще не былъ признанъ полноправнымъ. Изъ всѣхъ трехъ студентовъ одинъ только Ломоносовъ въ донесеніяхъ своихъ нѣсколько точнѣе исполнялъ означенный параграфъ. Къ донесенію своему отъ 15 сентября 1737 г., которое потребовали отъ него особымъ предписаніемъ (см. ниж. стр. 107, 110, 115) и въ которомъ ему съ намѣреніемъ хотѣлось доказать президенту Академіи свои тогдашніе успѣхи въ нѣмецкомъ языкѣ, онъ приложилъ рисунокъ въ распушку съ голой мужеской модели. Въ слѣдующемъ году (4 = 15

октября 1738 г.) Ломоносовъ представилъ еще болѣе удовлетворительныя доказательства своей дѣятельности. Когда академическая канцелярія повторила свое требованіе (см. ниж. стр. 124, 127), то онъ прислалъ образцы своего знанія четырехъ языковъ, въ томъ числѣ метрической переводъ одной изъ одъ Фенелона²²⁾. Президентъ не имѣлъ въ виду печатать эти пробныя работы (см. ниже стр. 128), а по всему вѣроятію хотѣлъ только приучить молодыхъ людей къ составленію отчетовъ о ихъ занятіяхъ. По этому и нечего удивляться, что переводъ оды былъ просто принятъ къ свѣдѣнію и оставался подъ спудомъ до 1854 года, въ которомъ былъ отпечатанъ лишь въ одномъ экземплярѣ и 12 янв. 1855 поднесенъ Академіею Московскому университету, въ день столѣтняго его юбилея.

Одинъ только Штелинь, кажется, упомянулъ объ этомъ переводѣ въ своихъ «Матеріалахъ для исторіи русской словесности», говоря²³⁾: «Около того же времени г. Ломоносовъ прислалъ изъ Марбурга... нѣсколько одъ тогдашнему президенту Бар. Корфу». Изъ сличенія этой записки Штелина съ тѣми свѣдѣніями, которыя онъ сообщаетъ въ своихъ «Чертахъ и анекдотахъ для біографіи Ломоносова» (см. ниж. прим. 32), еще никакъ нельзя заключить, что Ломоносовъ прислалъ изъ Марбурга нѣсколько одъ. Скорѣе должно полагать, что Штелинь въ позднѣйшее годы (т. е. вскорѣ послѣ 1765 и около 1782 г.) думалъ, что ода на взятіе Хотина прислана не изъ Фрейберга, а изъ Марбурга. Въ концептѣ похвальнаго слова Ломоносову, набросанномъ имъ вскорѣ послѣ смерти послѣдняго, Штелинь говоритъ объ этомъ положительно²⁴⁾: «Въ 1736-мъ его посылають въ *Марбургъ* къ Вольфу; изучаетъ нѣмецкую литературу, читаетъ поэтовъ (особенно Гюнтера); подражаетъ соотечественникамъ; первый даетъ стихамъ раз-

²²⁾ См. мою статью: *Нѣсколько словъ о Фенелонѣ и его одѣ 1681 года, переведенной Ломоносовымъ*, въ Учен. Зап. И. Акад. Наукъ. Томъ III (1855), стр. 257 — 263.

²³⁾ Москвитянинъ на 1851 г. Часть I, стр. 206.

²⁴⁾ По переводу Н. С. Тихонова въ Москвит. на 1853 г. № 3. Отд. IV, стр. 23.

нѣръ; *посылаетъ оду свою къ президенту академіи; свидѣтельство Вольфа о его способностяхъ. Отправляется въ Фрейбургъ къ Генкелю...*»

При полученіи въ Академіи перевода Фенелоновой оды, Тредіаковскій еще не возвратился изъ отпуска, такъ что онъ врядъ-ли когда нибудь зналъ о существованіи этого произведенія. Языкъ Ломоносова, при всей своей шероховатости, все-таки былъ несравненно благозвучнѣе того языка, на которомъ Тредіаковскій напечаталъ свои произведенія 1734—1737 годовъ; да и т. н. трохеи Ломоносова, въ первомъ его опытѣ, были гораздо правильнѣе, чѣмъ у Тредіаковского. Годъ спустя, послѣднему суждено было сильно разочароваться въ своихъ иллюзіяхъ.

Какъ бы сильны ни были заблужденія, въ которыя молодые люди впали въ Марбургѣ, все же изъ сличенія всѣхъ извѣстій видно, что горячая любовь къ наукѣ и къ поэзіи уберегла Ломоносова отъ совершенной гибели. Легко можетъ быть, что онъ особенно увлекся поэтической стороною тогдашняго быта нѣмецкихъ студентовъ, которая выражалась именно и въ пирушкахъ постоянно сопровождавшихся пѣснями (ср. замѣчаніе въ академической біографіи Ломоносова 1784 г.). Между книгами своими, купленными еще въ 1738 году, Ломоносовъ приводитъ и стихотворенія Гюнтера, которыя онъ, по увѣренію Штелина, почти зналъ на-изусть. Гюнтера справедливо считали первымъ нѣмецкимъ поэтомъ своего времени ²⁵⁾, особенно съ тѣхъ поръ, когда онъ написалъ оду на заключеніе мира императоромъ Карломъ V-мъ съ Турками въ 1718 году, начинающуюся словами: «Eugen ist fort, ihr Musen nach». Къ сочиненію этой оды поощрялъ молодого поэта покровитель его, лейпцигскій профессоръ Менке, который надѣялся, что императоръ за тѣмъ сдѣлаетъ Гюнтера своимъ придвор-

²⁵⁾ Новѣйшая монографія о немъ: *Leben und Dichten Joh. Christ. Günther's. Von Otto von Roquette. Stuttg. 1860.* Рокеттъ въ началѣ своего сочиненія помѣстилъ отзывъ Гёте о талантѣ Гюнтера (ср. у Перевлѣскаго, стр. XVIII).

нымъ поэтомъ. Но прозаическій австрійскій дворъ удовольствовался холоднымъ изъявленіемъ благодарности, а вскорѣ послѣ того — въ 1723 году — Гюнтеръ покончилъ свою безпокойную и бурную жизнь. Трагическая судьба его, отчасти еще ускоренная несчастною любовью, произвела глубокое впечатлѣніе, особенно на учащуюся молодежь, у которой онъ еще долго оставался любимымъ поэтомъ. Очень можетъ быть, что Ломоносовъ, который при сочиненіи оды на взятіе Хотина въ нѣкоторомъ отношеніи слѣдовалъ упомянутой Гюнтеровой одѣ 1718 года, надѣялся, что онъ въ Петербургѣ съ большимъ успѣхомъ, нежели Гюнтеръ въ Вѣнѣ, обратитъ на себя вниманіе своимъ произведеніемъ и въ тоже время нѣсколько загладитъ этимъ Марбургскія проказы. Въ изданіи сочиненій Ломоносова 1751 года ода эта озаглавлена слѣдующимъ образомъ:

«Ода 10, Блаженные памяти Государынѣ АННѢ ІОАННОВНѢ на побѣду надъ Турками и Татарами и на взятіе Хотина 1739 года».

Можно впрочемъ предположить и другой внѣшній поводъ къ сочиненію этой оды. Приѣхавъ 25 (14) іюля 1739 года въ Фрейбергъ, Ломоносовъ засталъ тамъ бывшаго академика Юнкера, который принималъ живѣйшее участіе въ судьбѣ всѣхъ трехъ молодыхъ людей и тотчасъ-же особымъ письмомъ старался нѣсколько успокоить гнѣвъ президента Корфа (см. ниже № 63, стр. 163). Какъ одами, такъ и личными качествами своими, Юнкеръ сумѣлъ приобрѣсти себѣ въ Петербургѣ расположеніе многихъ лицъ и, благодаря протекціи Миниха, промѣнялъ свое ложное положеніе при Академіи на практическую карьеру, въ которой онъ дѣйствительно выказалъ большое усердіе и даже успѣлъ понаторѣть, какъ между прочимъ на это намекаетъ также Ломоносовъ²⁶⁾. Во всякомъ случаѣ одна-

²⁶⁾ Юнкеръ находился въ лейпцигскомъ университетѣ въ одно время съ Миллеромъ, но при своей склонности къ поэзіи, поддерживаемой въ немъ стихами Гюнтера, не слишкомъ-то позаботился о приобрѣтеніи положительныхъ знаній. По мнѣнію Миллера, онъ и не былъ способенъ къ занятію мѣста въ Академіи; тѣмъ не менѣе его, по ходатайству Миниха, 29 апрѣля

коже можно сказать, что если передъ Ломоносовымъ и прославились мысленно неудачная ода Тредіаковскаго «о здачѣ города Гданска» и карьера Юнкера, все-же онъ навѣрное не думалъ стихами своими прославлять Миниха. Побѣда русской арміи при Ставучанахъ (18 августа 1739 года) и послѣдовавшее за тѣмъ 19 августа взятіе Хотина отозвались во всей Европѣ и воодушевили даже въ Россіи нѣкоторыхъ кропателей стиховъ, какъ напр. харьковскаго профессора Витынскаго (см. ниж. стр. 84) и ректора нѣмецкой школы при церкви Св. Петра, Махницкаго²⁷⁾. Возможно-ли было не встрепенуться патріотической душѣ Ломоносова и въ тиши горнозаводскаго мѣстечка не излить свои чувства въ поэтической формѣ, при вѣсти о томъ, что русская армія такъ блистательно отомстила Туркамъ за поражение Петра при Прутѣ!

1734 года, произвели изъ адъюнктовъ въ профессора. Къ Тредіаковскому Юнкеръ пришелъ въ ближайшія отношенія (см. ниж. стр. 45 = 40) и перевелъ его оду на взятіе Данцига (см. ниж. стр. 6). Онъ сопровождалъ также Миниха во время польской кампаніи, съ тѣмъ чтобы описать этотъ походъ, а вскорѣ послѣ того Минихъ взялъ его съ собою въ турецкую кампанію. Здѣсь Юнкеръ при главной квартирѣ составилъ такъ называемый дневникъ фельдмаршала, который, хотя и простирается только до 4 августа 1736 года, и написать мѣстами не совсѣмъ безпристрастно, все таки составляетъ для исторіи того времени чрезвычайно важный документъ (Онъ изданъ въ *Beiträge zur Geschichte des russischen Reiches. Von Ernst Hertmann. Leipzig 1843, стр. 117 — 244.* См. краткую Рецензію на это сочиненіе въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи. I. 1844, стр. 516). Получивъ приказаніе осмотрѣть соляныя озера въ Украинѣ и сообразить средства къ извлеченію изъ нихъ большей пользы, Минихъ, который постоянно оставался покровителемъ Юнкера, поручилъ это дѣло своему кліенту. Вслѣдъ за тѣмъ Юнкера сдѣлали камерратомъ и осенью 1737 года послали въ Германію, для изученія тамошнихъ солончакъ. Онъ усердно принялся за это дѣло и въ 1739 году пріѣхалъ въ Фрейбергъ, гдѣ Ломоносовъ переводилъ его донесенія и «много отъ него пользовался въ знаніи Солянаго дѣла». Юнкеръ умеръ въ 1744 году. Уже изъ-за однихъ довольно близкихъ отношеній его къ Ломоносову въ 1739 и 1741 годахъ желательно бы было отыскать бумаги Юнкера (см. Сборникъ П. Биларскаго, стр. 6. Если онѣ сохранились, то ихъ скорѣе должно искать въ Московскомъ Сенатскомъ Архивѣ, нежели въ здѣшнемъ. Въ библиотекѣ Академіи Н. сохранились однѣ бумаги поэтическаго, историческаго и географическаго содержанія.

²⁷⁾ Den Sieg der Russischen Waffen über die Türkische Armee, und die Eroberung der Türkischen Festung Choczim besinget allerunterthänigst Carl Siegmund Machnitzky, der teutschen Gesellschaft in Jena Mitglied, und Rector

Первое извѣстіе объ этой побѣдѣ Ломоносовъ встрѣтилъ вѣроятно въ *Hallische Zeitung* (см. ниже стр. 175), которая врядъ-ли почерпнула это свѣдѣніе изъ какого-нибудь Вѣнскаго листка, а скорѣе позаимствовала его изъ нѣмецкой петербургской газеты²⁸). Ода очевидно написана еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ полученнаго извѣстія. Это проглядываетъ во всемъ, въ особенности же въ первой строфѣ, въ которой онъ по-видимому описываетъ мѣстное положеніе тогдашняго своего пребыванія. Нѣсколько намековъ на его практическія занятія того времени встрѣчается также и въ остальныхъ строфахъ. Когда именно извѣстіе о побѣдѣ при Ставучанахъ проникло въ отдаленное нагорное мѣстечко, этого нельзя сказать положительно, но безъ всякаго сомнѣнія Ломоносовъ, принимаясь за сочиненіе своей оды, еще ничего не зналъ о заключеніи мирнаго договора съ Турціей, подписаннаго уже 18 (7) сентября того-же года, хотя приказаніе возвратиться изъ Дунайскихъ княжествъ въ Украину получено было Минихомъ только въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Отослалъ-ли Ломоносовъ 28-ми строфную оду свою въ Петербургъ вслѣдъ за написаніемъ ея, этого ничѣмъ нельзя доказать. Можно догадываться, что онъ уже прежде писалъ стихи четырехстопными ямбами, и что слѣдовательно ему, при его дарованіи, ода не стоила слишкомъ много времени. Въстѣ съ одою онъ отправилъ «*Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства*». Правила эти, въ которыхъ приводятся для примѣра оригинальные и переводные стихи разныхъ родовъ, безъ сомнѣнія занимали его еще прежде²⁹), нежели онъ изложилъ

---

der neuen St. Petri-Schule. St. Petersburg, gedruckt bey der Kayserlichen Academie der Wissenschaften 1739. 4 стр. in-fol. (*Orat. Vol. III. № 40*).

²⁸) Подробная реляція Миниха изъ Хотива, отъ 20 авг., привезена въ СПб. 3 сент. генералъ-маіоромъ Апраксинымъ и напечатана при академическихъ русскихъ и нѣмецкихъ Вѣдомостяхъ въ видѣ особаго Приложенія, вѣроятно къ №, вышедшему 7 сент., и кромѣ того, въ видѣ отдѣльной книжки церковно-славянскимъ шрифтомъ. По такому экземпляру вся реляція, въ 1854 году, была перепечатана въ Временникѣ Московскаго Общества Исторіи (Кн. 19-я. Смѣсь. стр. 19—36).

²⁹) См. ниже стр. XXXVII.

ихъ на бумагѣ въ опредѣленной формѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего Письма онъ болѣе или менѣе вступаетъ въ полемику съ Тредіаковскимъ, «Способъ» котораго онъ должно быть изучалъ еще въ Марбургѣ (ср. напр. его критику на колларій, ниже на стр. 4 = 23, 48. = 49).

Ода Ломоносова конечно затмила собою все, что до того времени могла представить русская поэзія, и въ глазахъ современниковъ, на сколько они вообще были приготовлены къ оцѣнкѣ подобнаго произведенія, должна была казаться верховъ совершенства. По этому очень понятно желаніе узнать поближе, какъ она была принята въ Петербургѣ и какое впечатлѣніе она произвела на тогдашнее образованное общество. При ближайшемъ разсмотрѣніи этого вопроса оказывается, что то что намъ доселѣ объ этомъ сообщали біографы Ломоносова, основываясь на преданіи, и что узнавалъ всякой, маломальски любознательный школьникъ, по крайней мѣрѣ отчасти — чистѣйшій мифъ. Впервые преданіе это появилось въ біографіи, которую Академія Наукъ помѣстила во главѣ первой части Собранія сочиненій Ломоносова въ 1784 году. Тутъ говорится еще о томъ, что ода «отдана была для просмотрѣнія г. Адодурову, обще съ нѣкоторыми Академиками». Позднѣйшіе компляторы, всякій по своему, разукрасили это преданіе. Мы считаемъ достаточнымъ привести здѣсь только не совсѣмъ объективно составленный рассказъ Перевлѣскаго³⁰⁾, сочиненіе котораго, какъ учебное пособіе, распространено больше другихъ.

«Вѣсть о славѣ русскаго оружія достигла Марбурга... Отправляя оду къ президенту академіи Корфу, Ломоносовъ видимо боялся за свое нововведеніе; а потому счолъ за нужное приложить письмо о нашей версификаціи вообще. Въ немъ Ломоносовъ просилъ разрѣшеніе академикомъ о томъ, «правдивы ли оныя мнѣнія, что о нашемъ стихосложеніи имѣеть, и по которымъ, доннынѣ сочиняя стихи, поступаетъ»».

«Къ счастью академики-нѣмцы не взялись судить ни о до-

³⁰⁾ Избранныя сочиненія М. В. Ломоносова. М. 1846, стр. XVIII и XXX.

стоинствѣ оды, ни о справедливости мнѣнія о нашемъ стихосложеніи, но поручили рѣшеніе этого дѣла адъюнкту математики В. Евд. Ададурову, бывшему впоследствии кураторомъ московскаго университета. Ададуровъ одобрялъ ученіе нашей версификаціи, и высоко оцѣнилъ торжественную оду, сочиненную по ея правиламъ. Опредѣлили напечатать ее, и въ торжественный день поднести императрицѣ. Такъ и сдѣлано. Въ торжественный день она поднесена Корфомъ Аннѣ Іоанновнѣ. Императрица благосклонно приняла стихи холмогорскаго рыбака, обучающагося въ Германіи, и приказала раздать ихъ придворнымъ. Общимъ удивленіемъ и единодушною радостію встрѣчена была первая ода Ломоносова . . . Позднѣйшіе читатели и критики не довольны первою одой Ломоносова . . . Но современники его были не такъ взыскательны, они не справлялись съ гюнтеровою одой (1718 г.); изумленные гармоніею русской рѣчи, новою, дотогѣ неслыханною, отъ души восхищались сочиненіемъ безвѣстнаго стихотворца. Иначе и быть не могло . . . »

Мы знаемъ въ настоящее время, что извѣстіе Дамаскина, автора академической біографіи, основано единственно только на показаніи Штелина, который, будучи уже болѣе 70 лѣтъ отъ роду, по порученію княгини Дашковой составилъ біографическую записку о Ломоносовѣ, напечатанную въ русскомъ переводѣ въ Москвитянинѣ. Въ то время, когда Дамаскинъ писалъ біографію Ломоносова, дѣйствительно кромѣ Штелина не было въ живыхъ ни одного изъ тѣхъ лицъ, которыя видѣли рукопись оды въ 1740 году. Въ Запискѣ Штелина, правда, говорится слѣдующее³¹⁾:

«Въ первое свое пребываніе тамъ³²⁾ будучи студентомъ, онъ скоро выучился говорить и читать по-нѣмецки . . . Въ особенности любилъ онъ стихотворенія Гюнтера и зналъ ихъ почти наизусть. По тому же размѣру сталъ онъ сочинять рус-

³¹⁾ Черты и Анекдоты для біографіи Ломоносова (Москвитянинъ на 1850 г. Часть I. Отд. III, стр. 2 и 3).

³²⁾ Въ Марбургѣ.

скіе стихи. Первымъ его опытомъ въ этомъ родѣ (въ 1739 г.) была торжественная ода на взятіе Очакова. Онъ послалъ ее къ тогдашнему президенту Академіи Корфу, который отдалъ ее на разсмотрѣніе Ададурову и Штелину».

«Мы были очень удивлены такимъ, еще небывалымъ въ русскомъ языкѣ, размѣромъ стиховъ, и нашли, между прочимъ, что эта ода написана въ Гюнтеровомъ размѣрѣ, и именно въ подраженіе его знаменитой одѣ:

Eugen ist fort! Ihr Musen nach etc.,

и даже цѣлыя строфы были изъ нея переведены».

«Она была напечатана при Академіи, поднесена Императрицѣ Аннѣ, роздана при Дворѣ, и всѣ читали ее, удивляясь этому новому размѣру. (Тогда Сумароковъ еще и не думалъ о сочиненіи стиховъ, тѣмъ менѣе такимъ размѣромъ; но все-таки въ послѣдствіи, въ царствованіе Императрицы Елизаветы, онъ хотѣлъ присвоить себѣ имя и честь перваго автора, который ввелъ этотъ размѣръ въ русскомъ стихосложеніи)».

Сказку о торжественномъ поднесеніи оды при дворѣ, не только приняли за чистую монету, но многіе еще разукрасили по своему! Къ несчастію до сихъ поръ ни одинъ изъ увѣровавшихъ въ эту сказку не могъ указать на дѣйствительное существованіе экземпляра такъ называемаго *editio princeps* этой оды. Ни въ академической, ни въ публичной библіотекѣ ея нѣтъ; не оказалось ея и въ эрмитажной библіотекѣ, когда въ 1862 году большая часть книгъ, накопившихся тамъ въ теченіи столѣтъ, передана была въ Императорскую публичную библіотеку. Въ библіотекѣ бывшаго шляхетскаго кадетскаго корпуса въ прежнее время не совсѣмъ удобно было удостовѣриться въ этомъ. Въ старѣйшихъ каталогахъ академической библіотеки также не упоминается о такомъ изданіи. О печатаніи оды Витынскаго и Махницкаго (см. выше стр. XXVII) говорится въ протоколахъ академической конференціи и канцеляріи, да и кромѣ того есть свѣдѣнія въ архивныхъ дѣлахъ канцеляріи. Правда, что Штелинъ былъ человекъкъ правдолюбивый, хотя

какъ собиратель анекдотовъ поступалъ не критически. Но странно то, что онъ въ своихъ «Чертахъ» и въ прибавленіи къ французскому письму Тредіаковскаго о русскомъ стихосложеніи, взятіе Очакова (въ 1737 году), которое самъ воспѣлъ въ нѣмецкой одѣ, смѣшиваетъ со взятіемъ Хотина 1739 г. Можетъ быть онъ подъ старость какую-либо другую изъ одъ Ломоносова, поднесенныхъ послѣ 1741 года императрицѣ Елисаветѣ, смѣшалъ съ одой на взятіе Хотина. Если уже не премѣнно хотятъ вѣрить показанію Штелина, то остается только предположить, что ода 1739 года была напечатана въ очень небольшомъ числѣ экземпляровъ, что впрочемъ едва-ли согласуется съ принятымъ въ Академіи правиломъ. Притомъ, академическая канцелярія (т. е. президентъ Корфъ, совѣтникъ Шумахеръ и юстиціей совѣтникъ Гольдбахъ) въ 1738 году прямо увѣдомила Вольфа (см. ниже № 37 стр. 128), что такъ называемыя зресііпа трехъ студентовъ не предназначаются къ печати. Относительно присланнаго вмѣстѣ съ одой «Письма о правилахъ Россійскаго стихотворства», мы положительно знаемъ, что оно по особымъ причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, не было напечатано въ 1740 году. Дамаскинъ, который первый напечаталъ это Письмо, сообщилъ при этомъ³³⁾: «Оно еще нигдѣ не выпечатано было. Мнѣ для внесенія въ его сочиненія сообщено изъ Санктпетербурга».

Самая ода въ первый разъ сполна была отпечатана Ломоносовымъ въ 1751 году, а именно въ его Собраніи разныхъ сочиненій³⁴⁾. Между одами своими, которыя въ изданіи 1751 года (см. стр. 49) начинаются одою 1742 года (Какой пріятный зефиръ вѣетъ), онъ, вѣроятно не безъ умысла, отвелъ 10-е, т. е. послѣднее мѣсто одѣ 1739 года. При этомъ бросается въ глаза еще другое обстоятельство. Въ Риторикѣ своей, напечатанной въ первый разъ въ 1748 году, Ломоносовъ для примѣ-

³³⁾ Покойнаго... Ломоносова собраніе разныхъ сочиненій. Книга вторая. Въ типогр. И. Моск. Унив. 1778 года.

³⁴⁾ Книга первая, стр. 157 — 171 и ср. Матеріалы изд. П. Билярскимъ, стр. 153.

ра приводитъ нѣсколько стиховъ изъ оды 1739 года, съ тѣмъ явнымъ намѣреніемъ, чтобы представить ихъ въ болѣе совершенной формѣ, особенно съ болѣе естественнымъ сочетаніемъ словъ. Такъ напр. въ Риторикѣ два стиха 10 строфы напечатаны слѣдующимъ образомъ ³⁵):

Въ Иранскихъ жаждущихъ степяхъ
 Не симъ ли Персы низложены?
 Онъ такъ взиралъ къ врагамъ лицомъ,
 Онъ такъ бросалъ за Бѣльгъ свой громъ,
 Онъ сильну такъ возносилъ десницу....

Въ изданіи же 1751 года мы читаемъ:

И Персы въ жаждущихъ степяхъ
 Не симъ ли пали пораженны? и т. д.

По этимъ стихамъ, лишь случайно появившимъ въ Риторику, мы конечно вправѣ заключить, что Ломоносовъ черезъ 9 лѣтъ послѣ написанія своей оды уже не былъ доволенъ ею и окончательную строфу ея скромно сочинилъ еще во время своего пребывания въ Фрейбергѣ.

Прости, что рабъ твой къ громкой славѣ,
 Звучить, что крѣпость силъ Твоихъ
 Придать дерзнулъ некрасной стихъ
 Въ подданства знакъ Твоей державѣ.

Но почему Ломоносовъ въ 1751 году согласился отпечатать оду опять въ первоначальной ея формѣ, которая не удовлетворяла болѣе его самага? Врядъ-ли это самоотверженіе можно объяснять одними только чисто библиографическими соображеніями, хотя и при перепечаткѣ въ 1751 году другой, уже болѣе удавшейся оды 1742 года, онъ также не сдѣлалъ въ ней тѣхъ поправокъ, которыя помѣщены имъ въ Риторику. Можетъ быть его побудила къ этому полемика, которую Тредіаковскій въ 1750 году открылъ противъ него въ введеніи къ переводу Барклеевой Аргениды (см. ниже прим. 48). Отпеча-

³⁵) Краткое руководство къ краснорѣчію, книга первая. § 68 (стр. 67).

тавь текстъ оды 1739 года безъ всякихъ измѣненій, не хотѣлъ ли Ломоносовъ показать этимъ, что и въ такомъ видѣ первый его поэтический опытъ, который вообще относительно размѣра можетъ быть названъ удачнымъ, превосходить произведенія презираемаго имъ наставника? Не даромъ Штелиня въ своемъ конспектѣ похвальнаго слова Ломоносову въ главѣ: *нравственный характеръ Ломоносова*, сказалъ (Москвит. на 1853 г., № 3, Отд. IV, стр. 25): «Равныхъ презиралъ..... Преслѣдуетъ бѣднаго Тредіаковскаго единственно за его дурной русской слогъ».

И такъ, пока не будетъ отысканъ экземпляръ мнимаго «*editio princeps*» оды 1739 года, или пока на основаніи архивныхъ или другихъ достовѣрныхъ данныхъ не будетъ доказано, что она была напечатана въ началѣ 1740 года, до тѣхъ поръ показаніе Штелиня нельзя считать безусловно вѣрнымъ. Правда, что тогда къ исторіи Академіи прибавится еще новый упрекъ. До того времени, скажутъ, Академія, кромѣ нѣмецкихъ и латинскихъ одъ, печатала пошлые русскіе вирши, да по большей части безобразные опыты Тредіаковскаго въ тоническомъ размѣрѣ, а стихотворенію молодого даровитаго русскаго студента, первому удачному произведенію «отца русской словесности», она не сочувствовала и сдала его въ архивъ!

Не говоря уже о томъ, что теперешнія понятія о значеніи, какое русская словесность имѣетъ въ школьномъ образованіи, въ семейномъ быту и въ развитіи всего общества, нельзя примѣнять къ положенію и явленіямъ 1740 года, стоятъ только задаться вопросомъ, что мы должны разумѣть подъ словомъ: «Академія Наукъ» въ 1740 году, и при какихъ обстоятельствахъ ода сдана была въ архивъ? Незначительные по числу члены *Ученой Конференціи* были даже при «главномъ командирѣ», баронѣ Корфѣ все еще слишкомъ подъ гнетомъ *Академической Канцеляріи*, или, какъ ее въ сенатскихъ бумагахъ очень удачно называли, «Академической Команды». Нѣкоторые изъ академикомъ, которые прибыли въ Россію въ молодыхъ лѣтахъ, какъ напр. Винсгеймъ и Эйлеръ-Миллеръ, Гмелинъ, Фи-

перъ и Стеллеръ, въ то время путешествовали по Сибири— на столько знали русскій разговорный и письменный языкъ, что въ случаѣ нужды могли бы дать отзывъ о стихотвореніи, если бы это до нихъ относилось. Кромѣ того, въ конференціи имѣли право засѣдать два адъюнкта Адодуровъ и Таубертъ, которые, какъ извѣстно, сами оказали услуги очищенію русскаго слога. Но если бы даже конференція равнодушно отнеслась къ произведенію Ломоносова, то это еще вовсе не должно казаться страннымъ. Развѣ Кантемиръ, получивъ въ Парижѣ въ концѣ 1742 г. «Способъ» Тредіаковскаго, вѣрно понялъ значеніе тоническаго размѣра? Сатирической отзывъ Сумарокова объ одѣ 1739 года, еще въ 1759 г. не былъ забытъ самымъ Ломоносовымъ. (См. ниже).

Сверхъ академической канцеляріи и конференціи была еще третья инстанція, которая преимущественно могла оцѣнить оду Ломоносова. Мы разумѣемъ *Россійское Собраніе*, которое во время пребыванія Ломоносова въ Петербургѣ— съ 1-го января до сентября 1736 г.,— усердно преслѣдовало свою задачу. Вотъ что мы читаемъ въ письмѣ Тредіаковскаго къ Штелину, отъ 11-го октября 1736 г., стало быть написанномъ въ то время, когда Ломоносовъ плылъ изъ Готланда въ Любекъ:

«*La Société Russe est instituée, depuis une année, non seulement pour cultiver la langue russe tant en prose, qu'en vers, mais aussi pour tout ce qui regarde l'histoire en general de notre nation, et pour faire la grammaire, dont nous sommes privés jusqu'à présent, qui doit être fondée sur le meilleur usage de la cour et des habiles gens, de même enfin que pour composer un dictionnaire complet. Et afin que l'on puisse exécuter plus exactement ce dernier article, on a choisi une personne dependante de la société* ³⁶⁾, qui va de coté et d'autre et recueille tous les termes techniques, qui sont propres à chaque art et science. Les personnes, qui la composent, s'assemblent trois fois

³⁶⁾ Вѣроятно младшаго члена студента Тауберта, поступившаго 9-го января 1726 года въ академическую гимназію. Ему поручено было составлять протоколы Россійскаго Собранія.

chaque semaine à l'Academie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg.... Tous ceux, qui sont du nombre de la Société, travaillent à présent aux diverses traductions des livres, afin de pouvoir s'acquérir par là l'abondance de mots, et de réduire premièrement la phraseologie à la justesse du génie de la langue. Il se trouva pourtant un parmi eux, nommé Trediakoffski, qui jeta les yeux même sur notre ancienne versification....»

Это Россійское Собраніе въ 1736 г. произвело на Ломоносова такое хорошее впечатлѣніе, что онъ и впоследствии желалъ возстановленія его въ видѣ отдѣльной конференціи. Такъ мы въ написанной имъ въ 1755 году критикѣ на академическій регламентъ 1747 г. читаемъ слѣдующее ³⁷⁾:

«Россійскаго Собранія, нужнаго весьма учрежденія тогда не было; слѣдовательно въ Регламентѣ и не упомянуто».

Въ представленіи къ графу Разумовскому отъ 7-го января 1758 года, Ломоносовъ ходатайствовалъ объ учрежденіи новаго «Россійскаго Собранія» ³⁸⁾.

Составляя въ Фрейбергѣ новую теорію русскаго стопосложенія ³⁹⁾ и принимая въ извѣстномъ отношеніи за исходную точку «Способъ» Тредіаковскаго, получившій свое начало подъ покровительствомъ Россійскаго Собранія, Ломоносовъ, конечно, подчинялся приговору этого собранія и между членами его надѣялся найти своихъ прямыхъ судей. Къ нимъ только и могутъ быть обращены начало и конецъ его «*Письма о прѣвѣлахъ Россійскаго стихотворства*».

«Почтеннѣйшіе Господà!

«Ода, которую Вашему рассужденію вручить нынѣ высокую честь имѣю, ничто иное есть, какъ только превеликія оныя радости плодъ, которую непобѣдимѣйшія Наша МОНАРХИНИ преславная надъ непріятелями побѣда, въ вѣрномъ и ревност-

³⁷⁾ Очерки Россіи. В. Пассека. II, стр. 55; у Смирдина I, 772; ср. Матер. изд. II. Билярскимъ, стр. 283.

³⁸⁾ Матер. изд. II. Б., стр. 360 и 362.

³⁹⁾ См. отзывъ о ней А. Галахова въ исторіи русской словесности Т. I. § 195 (стр. 355).

номъ моему сердцу возбуждала. Моя прорезвость, васъ неискуснымъ перомъ утруждать, только отъ усердныя къ отечеству и его слову любви происходятъ. Подлинно, что для скудости къ сему предпріятію моихъ силъ, лучше бы мнѣ молчать было. Однако не сомнѣваясь, что ваше сердечное радѣніе къ распространенію и исправленію Россійскаго языка, и мое въ семъ неискусство и въ Россійскомъ Стихотворствѣ недовольную способность извинить, а доброе мое намѣреніе за благо приметъ, дерзнулъ наймалѣйшей сей мой трудъ, купно со слѣдующимъ о нашей *Версификаціи вообще рассужденіемъ*, вашему предложить искусству. Не пристрастіе къ сему понудило, чтобъ большее искусство имѣющимъ правила давать: но искренное усердіе заставило отъ васъ самихъ научиться, правдивы ли оныя мнѣнія, что я о нашемъ стихосложеніи имѣю, и по которымъ до нынѣ, стихи сочиняя, поступаю. И такъ, начиная оное Вамъ, Мои Господѣ, предлагать, прежде кратко объявляю, на какихъ и основаніяхъ оныя утверждаю».

...Но, мои господа, опасаяся, чтобы не важнымъ сими моимъ письмомъ вамъ очень долго не наскучить, съ покорнымъ прошеніемъ заключаю. Ваше великодушіе, ежели мои предложенныя о *Россійской Версификаціи мнѣнія* нашему языку не свойственны и не пристойны, меня извинить. Не съ инымъ коимъ намѣреніемъ я сіе учинить дерзнулъ, какъ только чтобы оныхъ благосклонное исправленіе, или безпристрастное подкрѣпленіе, для большаго къ Поэзіи поощренія, отъ васъ получить. Чего несомнѣнно надѣясь, остаюсь, почтеннѣйшія господа», и проч.

Вѣроятно Ломоносовъ составлялъ себѣ въ Фрейбергѣ ложныя понятія о дѣятельности Россійскаго Собранія. Послѣднее еще существовало, но въ то самое время (5-го октября 1739 года) члены его, т. е. Тредіаковскій, Волчковъ, и адъюнкты Адодуровъ и Таубертъ, получили отъ Канцеляріи выговоръ въ видѣ «Ордера», которымъ имъ предписывалось «являться раньше въ Русскую Конференцію и заниматься прилежно», т. е. переводами.

Приложилъ ли Ломоносовъ еще другое письмо на имя

президента, объ этомъ у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Неизвѣстно также, получена ли была ода въ Петербургѣ въ то время, когда здѣсь еще не остылъ восторгъ, возбужденный побѣдою, или, что болѣе вѣроятно, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда вслѣдствіе политическихъ интригъ, уже заключенъ былъ невыгодный миръ съ Турціей и умы нѣкоторымъ образомъ отрезвились. По видимому посылка Ломоносова прибыла лишь въ концѣ 1739 или въ началѣ 1740 года. Врядъ-ли тогдашнія средства Ломоносова позволяли ему отправить по почтѣ пакетъ, пересылка котораго въ то время вѣроятно обходилась отъ 3 до 5 рублей ⁴⁰⁾. Въ очень подробной, писанной рукою самаго Генкеля, вѣдомости расходамъ каждаго изъ трехъ студентовъ, не упоминается о таковой издержкѣ, а на поѣздку ихъ въ Дрезденъ въ октябрѣ 1739 г., Генкель вручилъ каждому только по 5 талеровъ. О посылкѣ пакета чрезъ русское посольство при саксонскомъ дворѣ также нельзя найти никакихъ слѣдовъ. Вѣроятнѣе всего, что Ломоносовъ передалъ свое любезное дѣтище бывшему академику Юнкеру, когда послѣдній возвращался въ Петербургъ. Юнкеръ же отправился изъ Фрейберга только въ концѣ ноября или въ началѣ декабря, потому что Ломоносовъ, по собственному показанію ⁴¹⁾, «много въ *четыре мѣсяца* отъ него пользовался въ знаніи солянаго дѣла». Во всякомъ случаѣ Юнкеръ уже успѣлъ уѣхать, когда Ломоносовъ написалъ къ Генкелю помѣщаемое нами ниже (стр. 167) письмо на латинскомъ языкѣ. На переѣздъ изъ Фрейберга въ Петербургъ тогда нужно было употребить по крайней мѣрѣ мѣсяцъ. Достоверно то, что Юнкеръ не тотчасъ же уѣхалъ въ Украину, но еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1740 года въ Петербургѣ ожидалъ изъ Кабинета Министровъ указа объ отправленіи его туда.

Все, что мы кромѣ того знаемъ относительно приѣма, слѣ-

⁴⁰⁾ Получилъ ли онъ отъ Юнкера небольшой гонорарій за сдѣланные имъ въ Фрейбергѣ для него переводы, намъ неизвѣстно.

⁴¹⁾ См. Отеч. Зап. 1829 г. Часть 37, стр. 167; ср. Матеріалы изд. П. Билярскимъ, стр. 5.

ланнаго одѣ въ Петербургѣ, указываетъ на то, что она получена была здѣсь скорѣе въ 1740, нежели въ 1739 году, слѣдовательно въ такое время, когда не столько, сколько прежде, думали о побѣдахъ, а уже дѣлали большія приготовленія при дворѣ и въ Академіи къ великолѣпному празднованію заключенія мира. А этими приготовленіями въ Академіи стали заниматься уже съ 3 января 1740 г. (см. протоколы Канцеляріи).

Богѣ положительныя извѣстія о судьбѣ приложеннаго Ломоносовымъ къ его одѣ письма мы узнаемъ изъ доношенія Тредіаковскаго въ учрежденную слѣдственную Коммиссію о Шумахерѣ, отъ 19-го октября 1743 г. Въ то время Тредіаковскій снова искалъ ⁴²⁾ мѣста «профессора какъ Россійскія, такъ и латинскія элоквенціи» и для этого считалъ нужнымъ представить въ Сенатъ «къ освидѣтельствуванію краснорѣчія» разныя сочиненія, имъ издаваемыя, и къ нимъ, между прочимъ, присоединить свое отвѣтное письмо къ студенту Ломоносову въ Фрейбергъ, отъ 11-го февраля 1740 г.

1. «Въ прошломъ 1735-мъ годѣ—такъ начинается Тредіаковскій свое доношеніе въ слѣдств. Ком., отъ 19 окт. 1743—сочинилъ я книгу о Россійскихъ стихахъ подъ титуломъ *новый и краткій способъ*....

2. «Въ прошломъ же 1740-мъ годѣ ⁴³⁾, будучи въ Фрейбергѣ, студентъ Михайло Васильевъ сынъ Ломоносовъ, что нынѣ адъюнктомъ при Академіи, прислалъ оттуда въ Академію Наукъ Письмо, которымъ онъ опровергалъ правила положенныя отъ меня, а свои вмѣсто тѣхъ представилъ».

3. «Для защищенія моихъ правилъ принужденъ я былъ отвѣтствовать ему туда, сочинивъ мой отвѣтъ формою же письма, которое я и отдалъ въ Канцелярію Академіи Наукъ въ томъ же 1740-мъ годѣ; однако то мое отвѣтное письмо не послано къ нему и находится по нынѣ между прочими опечатанными письмами

⁴²⁾ О прежнихъ его попыткахъ см. Доношеніе отъ 28 февраля 1744 г.

⁴³⁾ Подъ этимъ Тредіаковскій, вѣроятно, разумѣлъ время полученія письма въ Академіи.

при Академіи, а въ которой палатѣ, о томъ уповательно, что вѣдаетъ унтеръ-библіотекаръ Іоганъ Таубертъ....»⁴⁴).

Такъ какъ Тредіаковскій просилъ Слѣдственную Коммисію о выдачѣ ему отвѣтнаго письма отъ 11-го февр. 1740 г., то началась переписка между Коммиссіею и академической Канцеляріей, состоявшей подъ командой Андрея Нартова. Наконецъ письмо Тредіаковскаго было отыскано и представлено въ Коммиссію при рапортѣ маіора Игнатъева отъ 30-го ноября. Но 7-го дек. Шумахеръ опять поступилъ въ Канцелярію. Изъ двухъ слѣдующихъ бумагъ видно, что Коммиссія считала нужнымъ окончить дѣло о письмѣ Тредіаковскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы положительно узнаемъ, что оно было написано 11-го февраля 1740 года.

«Въ Коммисію о Академіи Наукъ изъ оной Академіи подъ симъ подписать, оной Академіи отъ секретаря Василья Тредьяковскаго писанное февраля 11 дня 1740-го года въ Фрейсбурхъ къ адъюнкту Михаилу Ломоносову къ защищенію на книгу о россійскихъ стихахъ подъ титуломъ: *Новый и краткій Способъ* письмо, кѣмъ и для чего посылкою въ Фрейсбурхъ до опечатанія отъ Коммисіи академическихъ апартаментовъ, (въ коихъ оное нашлось), удержано?

«Декабря 14 дня 1743 г.

Секретарь Андрей Ивановъ.

На оборотѣ этого «Коммисскаго Запроса» находится слѣдующій отвѣтъ, съ собственноручною подписью одного изъ членовъ бывшаго Россійскаго Собранія, С. Волчкова.

«А по справкѣ въ Академіи Наукъ, какъ титулярной секретарь Третьяковской сіе письмо во отвѣтъ къ Ломоносову сочинилъ именемъ бывшаго Россійскаго Собранія (и) прочелъ,

⁴⁴) Это доношеніе Тредіаковскаго, напечатанное вполнѣ В. И. Ламанскимъ (въ III Томѣ Библиограф. Записокъ. М. 1861, столб. 355—356), вмѣстѣ съ канцелярскими бумагами къ нему относящимися сохранилось въ одномъ изъ фоліантовъ (Томъ 792 II Отдѣленія академ. Архива, т. е. бывшихъ академическихъ Канцеляріи и Коммисіи), содержащихъ все слѣдственное дѣло о Шумахерѣ.

то госнода тогдашніе адъюнкты Адодуровъ и Таубертъ, изъ которыхъ нынѣ гднѣ Адодуровъ ассессоромъ, а гднѣ Таубертъ унтер-библіотекаремъ, совѣтнику Шумахеру представили, дабы сего учеными ссорами наполненнаго письма для пресѣченія дальнихъ, бесполезныхъ и напрасныхъ споровъ къ Ломоносову не отправлять и на платежъ за почту денегъ напрасно не терять; то г. совѣтникъ Шумахеръ по оному ихъ представленію означеннаго письма къ Ломоносову въ чужіе края посылать не приказалъ, и такъ оное письмо въ старой судейской и осталось».

«Секретарь Сергѣй Волчковъ». ⁴⁵⁾.

Письмо, которое Тредіаковскій 11-го февраля 1740 года написалъ Ломоносову, Слѣдственная Коммиссія возвратила автору, не оставивъ, кажется, копій съ этого документа. О содержаніи его можно составить себѣ понятіе, между прочимъ, по документамъ 1750 и 1751 годовъ, когда антагонизмъ, начавшійся между Тредіаковскимъ и Ломоносовымъ, съ 1740 г., снова вспыхнулъ по случаю напечатаннаго первымъ перевода Аргениды англичанина Барклея. Самый переводъ уже былъ отпечатанъ, когда Тредіаковскій представилъ въ Канцелярію посвященіе своего труда Императрицѣ. Когда профессоры Ломоносовъ и Крашенинниковъ и адъюнктъ Поповъ не одобрили печатанія этого посвященія, то Тредіаковскій въ «доношеніи» отъ 17-го сентября 1750 года, подалъ на это жалобу ⁴⁶⁾, написанную съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Въ ней онъ, между прочимъ, выставяетъ

⁴⁵⁾ Судя по всему, эта справка, подписанная Волчковымъ, дошла до насъ въ оригиналѣ. То что я нашелъ въ другихъ фолиантахъ объ этомъ дѣлѣ, для насъ не имѣетъ никакого интереса. См. Реестръ указамъ академической Коммисіи (Томъ 780, № 69; «8-го ноября о вынятїи изъ книжной лавки посланнаго отъ секретаря Тредіаковскаго къ Ломоносову письма»), Журналъ Слѣдственной Коммисіи о Академіи (Томъ 783, 15 дек. и 26 окт. лист. 296) и Журналъ входящимъ дѣламъ по Коммисіи о совѣтникѣ Шумахерѣ. (Томъ 784, № 230. 287. 284. 285. 286)

⁴⁶⁾ Напечатано у Перевлѣскаго, стр. 134—141 (изъ Библіот. для чтенія за 1885 г. Томъ 12. Отд. V, стр. 31).

на видъ, что Ломоносова самого по печатнымъ его сочиненіямъ должно обвинить въ «излишнемъ ласкательствѣ» и что похвальное слово, произнесенное имъ же въ 1749 г., «наполнено солеписмами, не упоминая уже о... (его) Риторикѣ, которая въ премногихъ мѣстахъ ложна».

Во введеніи къ Аргенидѣ Тредіаковскій опять помѣстилъ разсужденіе о русскомъ стопосложеніи и, упоминая при этомъ на стр. LXV и LXVI о Письмѣ Ломоносова 1739 года, сказалъ (по журналу Канцеляріи ⁴⁷⁾), «что будто профессоръ господинъ Ломоносовъ писалъ *къ нему* господину Тредіаковскому изъ Фрейберга о ямбическомъ стихѣ, а господинъ профессоръ Ломоносовъ предъявлялъ словесно Канцеляріи, что сіе письмо не къ нему одному Тредіаковскому, но ко всему Собранію отъ него было писано». Вслѣдствіе этого Канцелярія 27-го февраля 1751 года постановила «оную спорную рѣчь вынуть совсѣмъ вонъ» и во всѣхъ экземплярахъ перепечатать стр. 65 и 66 Предувѣдомленія, «выпустя ту одну рѣчь *ко мнѣ*. А въ прочемъ во всемъ такъ оставить, какъ напечатано, безъ малѣйшей переправки, и о перепечатаніи онаго къ корректору Барсову, а... для вѣдома о томъ къ гг. профессорамъ Тредіаковскому и Ломоносову послать ордера, старую же страницу, которая будетъ перепечатана, состоящую въ 8-ю долю листа, уничтожить....»

Изъ второй редакціи этихъ двухъ страницъ оказывается однако, что Тредіаковскій по всей вѣроятности не совсѣмъ точно исполнилъ «указъ» канцеляріи. Эта вторая редакція сохранилась въ корректурныхъ листахъ Тредіаковскаго ⁴⁸⁾; гдѣ на стр. 66 напечатано было *ко мнѣ*, тамъ слова раздвинуты. Тоже самое замѣтно на стр. 65 въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ говорится о Ломоносовѣ и гдѣ Тредіаковскому не разъ, дол-

⁴⁷⁾ См. Матер. изд. П. Билярскимъ, стр. 149.

⁴⁸⁾ Пересматривая въ различныхъ библіотекахъ изданіе Аргениды съ тѣмъ, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли во всѣхъ экземплярахъ перепечатанъ означенный листокъ, я обратился къ А. А. Стойковичу, съ просьбою показать мнѣ всѣ экземпляры Аргениды, находящіяся въ Публичной Библіотекѣ. Между ними я и нашелъ вышеупомянутый корректурный экземпляръ.

жно быть, пришлось измѣнить первоначальную редакцію. Но означенныя двѣ страницы были перепечатаны еще въ третій разъ въ такомъ видѣ, въ какомъ мы ихъ находимъ въ другихъ дошедшихъ до насъ экземплярахъ Аргениды. При этомъ Тредіаковскій совсѣмъ опустилъ имя «Ломоносова» и болѣе выдвинулъ на первый планъ свои собственные заслуги. Обвиняя Сумарокова въ nepзпозвопительномъ хвастовствѣ, Тредіаковскій могъ бы еще указать на печатное доказательство 1735 года, т. е. на стр. 7 своего Способа (см. ниже стр. 25), гдѣ онъ трохеемъ даетъ преимущество передъ ямами, — мечта, которую онъ отстаивалъ и впослѣдствіи.

Для болшей наглядности сказаннаго нами, мы сообщаемъ здѣсь текстъ стр. 65 и 66, на сколько онъ заслуживаетъ вниманія, по 2-й и 3-й редакціямъ Предувѣдомленія:

ВТОРАЯ РЕДАКЦІЯ.

Іамбическій стѣхъ введенъ въ наше стѣхосложеніе *Профессоромъ Михайломъ Ломоносовымъ*, послѣ какъ уже былъ мною введенъ Хореическій — — —

ТРЕТЬЯ РЕДАКЦІЯ ⁴⁹⁾.

Іамбическій стѣхъ введенъ въ наше Стихосложеніе послѣ *того*, какъ ужъ былъ мною введенъ Хореическій, также и самое основаніе, или лучше душа и жизнь всего Стихосложенія, именномъ, Тоническое количество слоговъ, тоестъ, тотъ складъ почитать долгимъ, на который сила ударяетъ, прочіи всѣ въ словѣ короткими. Я прошу, чтобъ сказанное о семъ, было принято бесхитросно. Кои разглашаютъ ||, что Іамбическій Гексаметръ введенъ къ

⁴⁹⁾ Аргенида. Повѣсть героическая, сочиненная Іоанномъ Барклайемъ, а съ Латинскаго на Славено-Россійскій переведенная отъ Василья Тредіаковскаго, Профессора Элоквенци и Члена Императорскія Академіи Наукъ. Томъ I. С.-Иб. 1751 г.

— — — тѣ токмо что бесстыдно тщеславятся: *Профессоръ Ломоносовъ тогда еще писалъ* *) о семъ стихѣ изъ Фрейберга, когда — — — — —

Намъ первыми ими; тѣ токмо что бесстыдно тщеславятся: *Въ Россійскомъ собраніи извѣстно было о семъ стихѣ*, когда тщеславящіися знали, что Тамбъ, и умѣли его выговорить чисто.

*) Въ первой редакціи: *ко мнѣ*.

Изъ сообщенныхъ данныхъ нельзя также вывести положительнаго заключенія о томъ, была-ли напечатана ода Ломоносова въ январѣ или февралѣ (1740 г.) отдѣльно, безъ «Письма». Можно развѣ только предположить, или что ода была передана на разсмотрѣніе Адоурову и Штелину, а Письмо о теоріи просодіи поступило въ Россійское Собраніе, или что оппозиція Тредіаковскаго противъ Ломоносова побудила президента потребовать мнѣнія относительно оды отъ двухъ людей, которые, какъ извѣстно, пользовались его довѣріемъ и отличались спокойнымъ и безпристрастнымъ направленіемъ. Адоуровъ слылъ за знатока русской грамматики и участвовалъ почти во всѣхъ русскихъ изданіяхъ Академіи⁵⁰⁾; а Штелинъ по крайней мѣрѣ питалъ любовь къ искусству, самъ сочинялъ нѣмецкіе, латинскіе и италіянскіе стихи и къ новому изданію нѣмецкой грамматики, предназначавшейся для учениковъ академической гимназіи, въ 1740 году нарочно прибавилъ главу о просодіи, которая въ первомъ изданіи занимала только двѣ страницы⁵¹⁾. Во всякомъ случаѣ онъ лучше умѣлъ оцѣнить поэтическое значеніе русской оды, нежели самъ писать порядочные стихи на другомъ языкѣ. Приготовленія къ празднованію заключенія мира

⁵⁰⁾ Ср. на прим. его переводъ (Шумахерова) предисловія къ Описанію Комментаріевъ Акад. (СПб. 1728), перепечатаннаго въ Уч. Зап. по I и III Отд. Акад. (Введеніе, стр. XXXIII—XXXVI) съ его переводами, напечатанными въ Примѣчаніяхъ къ СПб. Вѣдом. за 1739 и 1740 гг. и съ нѣкоторыми дѣловыми бумагами того времени, написанными Адоуровымъ просто по русски.

⁵¹⁾ Нѣмецкая Грамматика изъ разныхъ авторовъ собрана и Россійской юности въ пользу издана отъ учителя Нѣмецкаго языка при Спб. гимназіи... 1730 года. (На нѣм. и русскомъ). Новое изданіе вышло въ 1745 г.

и самое празднество ⁵²⁾ (14 февр. и слѣд.), вѣроятно, скоро заставили забыть впечатлѣніе, произведенное одой. Самого президента Академія лишилась уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Еще до отъѣзда своего онъ распорядился (14 марта 1740 г.) изготовленіемъ новаго предписанія тремъ студентамъ. Хотя имъ въ этомъ предписаніи и дѣлается порядочный выговоръ за распутную жизнь ихъ въ Марбургѣ, но тѣмъ не менѣе, въ заключеніе бумаги, особенно вслѣдствіе удостовѣренія наставника ихъ Генкеля (отъ 24 декабря 1739 г.) объ успѣхахъ ихъ въ изученіи металлургіи, имъ обѣщается прощеніе въ такомъ случаѣ, если они будутъ вести себя какъ благоразумные люди (см. ниже стр. 168). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что благоприятный отзывъ Адодурова и Штелина также содѣйствовалъ возбужденію въ президентѣ вновь надежды на счастливый исходъ студентскихъ занятій и расположилъ его къ большей снисходительности.

Если ода дѣйствительно не была напечатана, то она могла сдѣлаться извѣстною только въ небольшихъ кружкахъ, посредствомъ рукописныхъ копій. Прежде я полагалъ, что Ломоносова ода побудила одного изъ академическихъ переводчиковъ переложить нѣсколько нѣмецкихъ стиховъ въ ямбическомъ размѣрѣ въ «Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ» 1741 года ⁵³⁾. Кажется однако же, что переводчикъ, подписавшійся буквою «О», передавая означенные стихи въ русскихъ ямбахъ, болѣе или менѣе удачныхъ, скорѣе увлекся нѣмецкимъ подлинникомъ Штелина, хотя недавній успѣхъ Ломоносова долженъ былъ отражаться прежде всего въ трудахъ академическихъ переводчиковъ. Несомнѣнно то, что подъ буквою «О» не должно разумѣть Тредіаковского.

⁵²⁾ Описаніе его напечатано въ Примѣчаніяхъ къ СПб. Вѣдомостямъ 1740 года (22 и 29 февр.).

⁵³⁾ См. мою статью: Первое подражаніе Ломоносова ямбами, въ концѣ 1740 года (въ Учен. Зап. Имп. Акад. Наукъ по I и III Отд. Томъ III, стр. 264). Можетъ быть мнѣ, при большемъ досугѣ, или П. П. Пекарскому удастся отыскать имя переводчика, который вовсе не дурень для того времени. См. его прозаическіе переводы въ прим. къ Вѣд. 1740 г., стр. 52. 59. 236. 244. 416. 420.

Но и молодой Сумароковъ какимъ нибудь родомъ, должно быть, узналъ объ одѣ Ломоносова, судя по желчной статьѣ послѣдняго, написанной въ 1759 году, или вскорѣ послѣ того. Въ этой недавно изданной статьѣ⁵⁴⁾, гдѣ Ломоносовъ насмѣшливо называетъ Сумарокова «Génie Créateur», встрѣчается слѣдующая фраза:

«... Génie Créateur! стихосложеніе принялъ сперва развращенное отъ Третьяковскаго и на присланныя изъ Фрейберга сродныя нашему языку и свойственныя (правила?) написалъ ругательную эпиграмму. Однако послѣ имъ же послѣдовалъ и писалъ по нимъ всѣ свои трагедіи и другіе стихи». Выше (стр. XX) нами показано, что Сумароковъ въ концѣ 1739 года дѣйствительно еще писалъ стихи плохими трохеями по примѣру Тредіаковскаго.

Но выбиваясь изъ всѣхъ силъ, чтобы опровергнуть предложенную опаснымъ соперникомъ теорію русскаго стопосложенія, или по крайней мѣрѣ часть его системы, Тредіаковскій самъ, какъ разъ въ это время, подвергся такому наглому оскорбленію, которое живо напоминало собою времена татарщины, вслѣдствіи чего онъ даже «разсудилъ пасть въ ноги» великаго визиря Бирона. Но паша Волынскій лишилъ единственнаго пята, котораго могли употреблять при дворѣ, и этой послѣдней надежды, — надежды найти надлежащую сатисфакцію у «Его Высокогерцоогской Свѣтлости». Побои, которыми бывший астраханскій воевода⁵⁵⁾ съ своею опричиной 4-го февраля и въ слѣдующіе дни угостилъ астраханскаго «мастера» въ замѣнъ гонорарія за заказанные ему шуточные стихи на свадьбу князя-апостата, какъ-то плохо вяжутся съ тѣмъ вос-

⁵⁴⁾ Примѣчаніе Ломоносова на сказанную о Сумароковѣ фразу: Quand un tel parallèle désigne deux génies créateurs. См. Лѣтописи Русской Литературы, издав. Н. Тихонравовымъ. Т. II. М. 1859 г. Отд. III, стр. 105 и ср. ниже стр. 208.

⁵⁵⁾ Есть преданіе, что Петръ В., вошедши въ 1722 г., вмѣстѣ съ Волынскимъ въ астраханскую школу, въ которой самымъ лучшимъ ученикомъ слылъ В. К. Тредіаковскій, сказалъ про него: «Вѣчный труженикъ, а мастеромъ никогда не будетъ». *Вотъ, великій былъ Государь*, въ послѣдствіи произнесъ будтобы изобрѣтатель тоническаго размѣра, а со мнѣ ошибся.

торгомъ, который, по словамъ Штелина, возбуждала при дворе ода Ломоносова. 10 февраля 1740 года до полусмерти избитый придворный «пінтъ» подалъ академической Канцеляріи свою жалобу на Волинскаго, въ которой, между прочимъ, уже и назначаетъ своего душеприкащика.

Читая его донесеніе о нанесенныхъ ему побояхъ и зная, что академикъ Дювернуа едва могъ предупредить угрожавшій ему въ ранахъ антоновъ огонь, нельзя не повѣрить, что больной серьезно приготовлялся къ смерти ⁵⁶). Въ такомъ случаѣ, письмо Тредіаковскаго къ Ломоносову, поданное имъ въ слѣдующій день, т. е. 11 февраля, въ академическую Канцелярію, для пересылки въ Фрейбергъ, заслуживаетъ еще особеннаго вниманія. Тредіаковскій на смертномъ одрѣ хотѣлъ оградить величайшій умственный подвигъ свой отъ нападеній и посягательствъ другихъ лицъ, которыя лишь вслѣдствіе его «Способа» стали ясно понимать форму русскаго стиха. Но звѣзда Тредіаковскаго уже начала меркнуть. За побой и увѣчье его, правда, послѣ паденія Волинскаго вознаградили изъ имущества послѣдняго двойнымъ окладомъ академическаго жалованія—720 рублей, но въ борьбѣ съ Ломоносовымъ ему не удалось остаться побѣдителемъ.

Отъ самого Хераскова Серг. Глинка ⁵⁷) слышалъ однажды, что будто бы Ломоносовъ въ 1742 г. увѣрялъ И. И. Шувалова: «... Мнѣ и на мысль не приходили оды съ тѣхъ поръ, какъ Тредіаковскій, изъ рабскаго подобострастія къ Бирону, сперва ему прохрипѣлъ какую-то оду, а потомъ, по его же повелѣнію, накропалъ другую на восшествіе на престолъ малолѣтняго Іоанна. И чтобъ этимъ рѣшамъ дать ходъ, — означалъ подъ ними мое имя. Эта нелѣпная клевета такъ меня поразила,

⁵⁶) См. извѣстную челобитную Тредіаковскаго и ср. біографическій очеркъ Волинскаго, напечатанный І. И. Шишкинымъ въ Отеч. Зап. 1860 г. Т. 130. Отд. I, стр. 97, 101, 544, 563 и 582. Многіе, конечно, еще живо помнятъ, какъ Отеч. Зап. въ 1845 г. Томъ XLI, отд. V, 23) отзывались о взглядѣ хулителей Тредіаковскаго на поступокъ Волинскаго.

⁵⁷) Русское Чтеніе. Часть II. Спб. 1845, стр. 281.

что я отрекся навсегда отъ одъ». Если преданіе это дѣйстви-
тельно основано на словахъ самого Ломоносова, то оно,
должно быть, очень искажено. Во-первыхъ объ одѣ Тредіа-
ковскаго, относящейся къ этому времени, намъ ничего неиз-
вѣстно, а во-вторыхъ Тредіаковскій, при всемъ недостаткѣ
чувства собственнаго достоинства, въ то время (императрица
Анна Іоанновна скончалась 17 октября 1740 года, когда
Ломоносовъ только-что возвратился въ Марбургъ изъ пер-
вой поѣздки своей въ Голландію), едва-ли признавалъ надъ со-
бою поэтическое превосходство *студента* Ломоносова. Мо-
жетъ быть все преданіе происходитъ отъ того, что за озна-
ченное стихотвореніе принимали одну изъ двухъ наскоро на-
брошенныхъ одъ, которыя Ломоносовъ сочинилъ послѣ воз-
вращенія своего въ Петербургъ въ 1741 году; одну на день
рожденія Іоанна Антоновича (12 августа), а другую на по-
ѣду при Вильманшtrandѣ (23 августа). Очень вѣроятно, что
въ 95 стихѣ оды 12 августа 1741 года⁵⁸), кроется намекъ
на подобострастное восхваленіе Бирона Тредіаковскимъ въ
1734 (и 1740?) году и на произведенія петербургскихъ нѣ-
мецкихъ риноплетовъ.

Проклята гордость, злоба, дерзость,
Въ чудовище одно срослись;
Высоко имя скрыло мерзость,
Слѣпой талантъ пустилъ взнестись!
Велить себя въ неволю славить,
Престолъ себѣ надъ звѣзды ставить,
Превысить хочетъ вышню Власть,
На мой животъ⁵⁹) ужъ зубы скалить;
Злодѣйства кто его не хвалить,
Погрязнетъ скоро въ мрачну пасть.

Какъ-бы то ни было, съ 1740 годомъ между Тредіаковскимъ
и Ломоносовымъ начались враждебныя отношенія, которыя

⁵⁸) Обѣ оды 1741 г. отпечатаны мною въ Уч. Зап. по I и III отд. Акад.
Т. III, стр. 271 и 278.

⁵⁹) Т. е. Іоанна Антоновича. Ср. стихъ 106.

съ небольшими перерывами продолжались болѣе 20 лѣтъ. Вступленіе Ломоносова въ академическую конференцію въ качествѣ адъюнкта въ янв. 1742 года возбудило, конечно, зависть Тредіаковскаго, гордившагося самимъ собою и своими произведеніями. Къ первому времени возвращенія Ломоносова слѣдуетъ, вѣроятно, отнести первоначальное составленіе эпиграммы, цѣль которой до сихъ поръ, какъ кажется, не была замѣчена. Тредіаковскій напечаталъ ее лишь въ 1752 году— слѣдовательно вскорѣ послѣ своей ожесточенной борьбы съ Ломоносовымъ въ 1751 году (см. выше стр. XLI), — помѣтивъ ее 51-ой и послѣдней «басенкой».

САМОХВАЛЪ.

Въ отечество свое какъ прибылъ нѣкто вспять,
 А нѣ-было его тамъ почитай лѣтъ съ пять;
 То зѣвсе предъ людьми, гдѣ было ихъ довольно,
 Дѣлъ славою своихъ онъ похвалялся больно,
 И такъ ужъ говорилъ, что не нашлось ему
 Подобнаго во всемъ, ни ровни по всему:
 А больше что плясалъ онъ въ Родосѣ исправно,
 И предпочтенъ за то отъ Общества преславно,
 Въ чемъ шлется на самихъ Родосцовъ нынѣ всѣхъ,
 Что почестъ получилъ великую отъ тѣхъ.
 Изъ слышавшихъ одинъ ту похвалбу всегдашню,
 Сказалъ ему: что намъ удачу знать тогдашню?
 Ты къ Родянамъ о томъ пожалуй не пиши:
 Здѣсь Родосъ для тебя, здѣсь нутка попляши ⁶⁰⁾.

Нельзя не упомянуть при этомъ о прекрасной чертѣ, относящейся къ первому времени антагонизма между Тредіаковскимъ, Ломоносовымъ и Сумароковымъ, т. е. о метри-

⁶⁰⁾ Сочиненія и переводы, стр. 226. Тредіаковскій при этомъ имѣлъ въ виду латинскій стихъ: *hic Rhodus, hic saltus* (съ вариантъ: *hic Rhodus, hic salta!*), основанный на греческомъ выраженіи «ῥόδου ἢ ῥόδου, ῥόδου καὶ τὸ πηδημα» (Fab. Aesop. 203. ed. Halm, № 30, 203^b, cf. Pargoemiogr. graec. ed. Schneidewin. Т. II. р. 461). Выраженіе это, по преданію, обращено было къ молодому чело-вѣку, который по приѣздѣ въ свою родину хвасталъ тѣмъ, что онъ въ Родосѣ всѣхъ очаровалъ своей пляской. Впослѣдствіи оно употреблялось вообще для обозначенія самолюбивыхъ и надмѣнныхъ хвастуновъ.

ческомъ переводѣ 143-го псалма, который сдѣланъ былъ каждымъ отдѣльно и потомъ отпечатанъ рядомъ⁶¹⁾. Первую мысль, по всей вѣроятности, подавъ Тредіаковскій, который этимъ хотѣлъ сдѣлать публику судьей въ вопросѣ о томъ, что заслуживаетъ преимущество въ русской поэзіи: хорей-ли или ямбы, впервые предложенные Ломоносовымъ.

Какъ ни трудился Тредіаковскій, чтобы создать художественно-поэтическое произведеніе, оно все таки не могло сравниться съ ямбами двухъ его соперниковъ. Онъ самъ сознавалъ это и воздалъ имъ должную справедливость, прося Сенатъ въ своемъ доношеніи отъ 28 февраля 1744 года учредить для него въ Академіи каеэдру «Россійской элоквенція». Въ § 4 онъ ссылается на то, что «Россійское стихотвореніе и новымъ изобрѣтеніемъ, по званію Акадѣмика, первый въ правильнѣйшій порядокъ привелъ и правила печатныя издалъ, *которыя уже подали причину искуснымъ людямъ о совершенствѣ науки сея стараться*; о чемъ прежде меня никто и не мыслялъ, довольствуясь токмо весьма неправильнымъ стариннымъ способомъ». Причислялъ-ли онъ къ этимъ «искуснымъ людямъ» только Ломоносова и Сумарокова, или также и Кантемира, мы не знаемъ. Послѣдній получилъ «Способъ», въ которомъ неоднократно о немъ говорится (см. ниже стр. 25, 26, 29, 72, 73), въ Парижѣ лишь въ концѣ 1742 года и уже черезъ недѣлю отправилъ въ Академію свой отвѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «*Письмо Харитона Макентина, содержащее Правила Рускаго стихосложенія*». 16 февр. 1743 секретарь Серг. Волчковъ былъ призванъ къ кн. Никитѣ Юрьевичу Трубецкому и получилъ отъ него рукопись (Кантемира) съ тѣмъ чтобы она, по желанію автора, была напечатана иждивеніемъ Академіи. Канцелярія, которая въ то время находилась подъ начальствомъ Нартова (Андрея Константиновича), разрѣшила уже въ февралѣ мѣсяцѣ 1743 года напечатать это письмо, но

⁶¹⁾ Три оды парафрастическія Псалма 143, сочиненныя чрезъ трехъ стихотворцовъ, изъ которыхъ каждой одну сложилъ особливо. 1744.

тѣмъ не менѣе оно явилось не ранѣе 1744 года въ видѣ приложенія къ Кантемирову переводу Гораціевыхъ Писемъ⁶²⁾. Правда, что князь Кантемиръ не успѣлъ вполне оцѣнить переворотъ, произведенный Тредіаковскимъ въ формѣ русскихъ стиховъ, но высказанное имъ одобреніе заслугъ Тредіаковского, вѣроятно, не мало обрадовало послѣдняго.

Письмо Харитона Макентина къ *пріятелю* о сложеніи стиховъ Рускихъ начинается такъ: «Государь мой! Я не знаю для какой причины отправленные вами книги въ прошломъ годѣ только на сей недѣль ко мнѣ дошли; но вы изъ того изволите узнать, для чего я медлил удовольствовать желаніе ваше въ томъ, что касается до книжицъ подѣ титломъ *Новаго и критическаго способа къ составленію Стиховъ Рускихъ*. Приложенной отъ остроумнаго ея сочинителя трудъ столь больше хваленъ, что въ самомъ дѣлѣ народъ нашъ до сѣхъ поръ лишаяся нѣкакимъ образомъ предводителя въ стихотворномъ теченіи, многіе часто съ прямой дорѣги сбивались. Наипаче же хваленъ, что съ необыкновенною Стихотворцамъ умѣренностію представляетъ опытъ свой къ испытанію и справленію тѣхъ, кои изъ насъ имѣютъ какое либо искусство въ стихотворствѣ». Изъ § 80 (. . . и нужны тѣ находки, понеже, правду сказать, мнѣ стиховъ нашихъ сочиненіе кажется весьма трудное, и въ тѣснихъ предѣлахъ заключено) и другихъ мѣсть видно, что петербургскіе пріятели не позаботились обрадовать князя сообщеніемъ Ломоносовой Оды 1739 года, если она дѣйствительно была напечатана.

Въ 1745 г. Тредіаковскій достигъ высшей цѣли своихъ стремленій: Штелина уволили отъ должности профессора элоквенціи, а мѣсто его заступилъ Тредіаковскій и притомъ, какъ онъ самъ любилъ говорить, профессоръ россійской и латинской элоквенціи, первый изъ Россіянъ.

⁶²⁾ Квинта Горація Флакка десять Писемъ первой книги переведены съ Латинскихъ стиховъ на Рускіе съ примѣчаніями изъяснены отъ знатнаго нѣкотораго охотника до стихотворства съ приобщеннымъ при томъ письмомъ о сложеніи Рускихъ стиховъ . . . 1744 года in-4°.

Какъ при жизни Тредіаковскій не пользовался особеннымъ почетомъ, такъ и послѣ его смерти, послѣдовавшей 9 августа 1769, не переставали надъ нимъ издѣваться. Молодое поколѣніе еще не умѣло живо представить себѣ затрудненія, которыя предстояло преодолѣвать первымъ русскимъ литераторамъ. Непозитичность самого Тредіаковскаго ярко бросалась въ глаза: не удивительно, что онъ и по смерти слылъ не поэтотъ, а *пѣитомъ*. А это слово, такъ часто, съ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, употребляемое имъ самимъ, естественно напоминало литераторамъ новаго поколѣнія «Оду о здѣчѣ Гданска», посвященную Барону. Но уже авторъ перваго словаря русскихъ писателей, Иванъ Дмитревскій (род. въ 1733 г.), умѣлъ, въ 1768 г. ⁶⁸⁾, оцѣнить настоящую заслугу Тредіаковскаго гораздо лучше, нежели безчисленное множество преподавателей словесности и журналистовъ-борзописцевъ второй половины 18-го и первой 19-го столѣтій. Въ то время, конечно, литературную личность еще не умѣли разсматривать съ объективной точки зрѣнія, — и *тѣми* бѣднаго пѣнта, увѣнчаннаго мученическимъ вѣнцомъ отъ Волынскаго, не давали покоя.

Въ 1789 г. явилось въ печати *посмертное* сочиненіе Тредіаковскаго, въ которомъ онъ самъ трунитъ надъ собою, какъ надъ «строгимъ Пѣнтою». Это мнимое посмертное сочиненіе пѣвца взятія Гданска состоитъ изъ Оды, напечатанной въ небольшую четвертку. Прежде чѣмъ сообщимъ первые 6 строчъ этого произведенія, замѣтимъ, что взятіе Очакова, т. е. «русской Трои», 6 декабря 1788, вызвало разнаго рода стихотворенія, между прочимъ, в одну оду, вложенную въ уста покойному Тредіаковскому, «изъ ада узрѣвшемуся на лиманѣ» при Очаковѣ. Вотъ заглавіе этой рѣдчайшей брошюры:

«Двѣ Оды на взятіе побѣдоноснымъ Россійскимъ воинствомъ города Очакова 1788 года Декабря 6 дня, сочиненныя

---

⁶⁸⁾ Французскій переводъ Словаря (*Essai sur la littérature russe*) вышелъ въ Ливорно въ 1771 г., но онъ сдѣланъ былъ уже въ 1770, когда извѣстіе о смерти Тредіаковскаго еще не дошло до переводчика.

Первая

Г. Т. .... мѣ въ царствѣ мертвыхъ,

Вторая

отставнымъ солдатомъ Моисеемъ Слѣпцовымъ.

Печатаны съ указаго дозволенія 1789 года». 21 стр. in-4°.

I.

ОДА

сочиненная г. Т. .... мѣ въ царствѣ мертвыхъ.

Азь Т. .... строгій Піита,
 Краснаго слога борзой писецъ.
 Сирѣчь, чья стопна мысль грановита;
 Что же бы въ рифму? .... Руской творецъ.

Звякнулъ на лиркѣ пѣсни похвальны
 Ративкамъ Рускимъ, аки Русакъ.
 Прочь скоротечно мысли печальны,
 Васъ не изволю слушать никакъ.

Вотъ ужъ тревожно въ мрачномъ жилищѣ
 Демоны злые злѣе стократъ,
 Или незгода въ Тартарской пищѣ?
 Иль прогоняють злыхъ на Евфратъ?

Ну же, о Муза! вспрянь изъ подъ бѣзды,
 Гдѣ ты гнѣдишься двадесять лѣтъ⁶⁴⁾;
 Пой громогласно пѣсни любезны,
 Нуди къ Россіи быстрой полѣтъ.

Лишь проглаголалъ⁶⁵⁾, духъ оперился,
 Стража бѣсовска брысь отъ меня;
 Нынѣ Т. .... самъ ободрился,
 Вотъ ужъ Пегаса шпорить коня.

Толкъ .... и изъ ада зрюсь на Лиманъ,
 Кая пречудность тамъ веселить!
 Згибла надежность вся въ бусурманъ!
 Въ тунѣ весь Тартаръ съ Туркомъ палить.

Подъ «похвальными пѣснями» во второй строфѣ покойный Тредіаковскій, конечно, разумѣлъ по преимуществу Оду на

⁶⁴⁾ Считая съ года сошествія Тредіаковского во адъ.

⁶⁵⁾ Слово, безъ сомнѣнія, взято изъ сочиненій Тредіаковского.

взятіе Гданска и эта догадка по видимому подтверждается подобною одою, которая первоначально напечатана въ Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ подъ заглавіемъ:

ОДА

Россійскимъ Солдатамъ на взятіе крѣпости Очакова 1788 года Декабря 6 дня, сочинена въ Москвѣ отставнымъ служивымъ Момсеємъ Слѣпцовымъ, и оттуда перепечатана въ Москвитянинѣ, какъ замѣчательная солдатская пѣсня старыхъ временъ⁶⁶). Но таже самая ода съ незначительными варіантами напечатана въ выше упомянутой брошюрѣ in-4⁰ (стр. 8 и слѣд.) въ слѣдъ за первою одою и значится (на стр. 8) подъ заглавіемъ:

II.

ОДА

сочиненная отставнымъ солдатомъ Момсеємъ Слѣпцовымъ.

Изъ этого довольно оригинальнаго произведенія, носящаго на себѣ явный признакъ вѣка Екатерины II, для насъ интересны только III-я и IV-я строфы, въ которыхъ мысль и тенденція выясняются для насъ только при сравненіи съ выше сообщенными отрывками I оды. Видно, что во второй одѣ Ломоносовъ прославляется не только, по извѣстному выраженію Сумарокова, какъ подобный Пиндару, но прямо выдается за русскаго Пиндара (ср. ниже стр. 206 отзывъ гр. Шувалова). Но кто подразумѣвается подъ «великимъ осломъ»? Обращая вниманіе на то, что авторъ въ I одѣ употребляетъ слово: *Пиита* для характеристики пѣвца Оды на взятіе Гданска и что Тредіаковскій, вслѣдствіе посвященія своего недорослаго дѣтища Бирону дѣйствительно заслужилъ прозвище *Пиитальстеца*, мы покуда останавливаемся на томъ, что пѣвецъ 1789 г. подъ великимъ осломъ дѣйствительно разумѣлъ историческую личность, хоть отъ природы не совсѣмъ глупую, но отличавшуюся лишь знаніемъ иппологіи и безчеловѣчными нравами.

Буде жъ пѣсня у народа,
Руска Пиндара свѣжа;

⁶⁶) Нов. Еж. Соч. Часть 34. Мѣс. Апр. 1789 г. стр. 51—64. — Москвитянинъ. 1853. № 23. Отд. IV, стр. 9.

Такъ моя, какъ въ новѣ мода,
 Хоть на время Госпожа.
 А къ томужь и та примѣта,
 Что не звукъ приманка свѣта;
 Смыслъ, порядокъ я дѣла.
 Естьлибъ пѣлъ и Ломоносовъ
 Не дѣла великихъ Россовъ,
 А великаго осла;
 Что объ немъ сказали въ мірѣ.
 Слыша громъ пустыхъ похвалъ?
 Что осла на громкой Лиры
 Духъ ослиной воспѣвалъ.
 А изъ этаго выходитъ,
 Что лишь съ истинной находить
 Похвалу себѣ Пѣвецъ.
 Пой, трещи хоть въ балалайку,
 Лишь не суйся въ подлу шайку
 И не будь Пінта льстецъ.

Кто былъ авторомъ этой шутовой піэсы, куда остается
 неизвѣстнымъ. Соляковъ (IV, 39) полагаетъ, что брошюра
 напечатана была въ Санктпетербургѣ, но очень можетъ быть
 что подъ вымышленнымъ именемъ «Слѣпцова» скрывается мос-
 ковскій юмористъ того времени. Забавно, что одинъ изъ по-
 клонниковъ Ломоносова, оскорбленный бурлескимъ тономъ ав-
 тора двухъ солдатскихъ пѣсень, поспѣшилъ отплатить

Посланіе къ Ломоносову въ Царство Мертвыхъ:

Познай, велика тѣнь, гремящій Ломоносовъ,
 Премѣны, безъ тебя наставшія у Россовъ.
 Безъ Лиры днесь хотятъ казаться въ высотъ,
 Твой полной духомъ звукъ, твой громъ пренебрегаютъ,
 И пресмыкаючи въ Пінтахъ возникаютъ,
 Что славу Россовъ пѣтъ стремятся на Гудкѣ.
 Недавно торжество надъ Югомъ злобнымъ Норда,
 И въ прахъ низверженъ Очакова стѣнъ горда
 Задумалось воспѣтъ какому то Слѣпцу:
 Не мысли, чтобъ тебѣ, великихъ дѣлъ пѣвцу,
 Онъ сталъ въ томъ подражать, и чтобъ, настроивъ Лиру,
 Старался такъ гремѣть, какъ нѣкогда ты міру
 Побѣду Россіянъ гремѣлъ надъ Хотинномъ.

Не съ Лирой нашъ слѣпецъ, явился онъ съ Гудкомъ,
Набравшій на подборъ подлѣйшія рѣченья.....

Какой тутъ смѣхъ, когда Россія торжествуетъ!
Тѣнь Ломоносова, я чаю, негодуеть...

Спокоенъ будь, о ты, велика мужа духъ!
Жаръ Лирой не во всѣхъ еще гремѣтъ потухъ,
Чистѣйшій вкусъ, въ стихахъ тобою насажденный,
Еще у насъ цвѣтетъ: во дни толь просвѣщенны,
Сколь можно намъ, тебѣ мы тщимся подражать,
Стезей твоей на Пиндъ стараемся взлѣзати.....⁶⁷⁾.

Охотно вѣримъ, что пѣвецъ очаковскихъ временъ избралъ
себѣ въ девизъ:

Совѣсть, Правда и ЦАРИЦА
Командиры мнѣ одни,

и предоставляемъ ему полное право изображать Тредіаковскаго пѣтомъ-льстецомъ: но что сказалъ бы онъ, если бы узналъ объ упрекѣ, не въ шутку сдѣланномъ Тредіаковскимъ (см. выше стр. XLII) Ломоносову въ «излишнемъ ласкательствѣ», и какъ бы согласилъ онъ свой отзывъ о чистотѣ поэтическаго характера Ломоносова съ (запрещенными) одами 1741 и 1762 г., если бы онѣ въ то время были отысканы?

Для насъ этотъ односторонній взглядъ пѣвца очаковскихъ временъ и его угрюмаго критика служить лишь новымъ побужденіемъ, какъ Тредіаковскаго, такъ и Ломоносова понимать и оцѣнивать какъ личности вѣка, въ которомъ они жили и дѣйствовали, вмѣсто того, чтобы, по прежнему, не задумываясь выставлять одного за образецъ всего пошлаго, а другаго за представителя всего прекраснаго и дѣльнаго. Время фразъ прошло и для прошедшаго, если оно дѣйствительно прошло для настоящаго.

---

⁶⁷⁾ Было ли это Посланіе гдѣ-нибудь напечатано, мнѣ не извѣстно. Оно, подобно выше приведенной брошюрѣ in-4°, находится въ одномъ изъ момъхъ Сборниковъ мелкихъ сочиненій временъ Екатерины II.

«На меня, прошу васъ покорно, неизволте погнѣваться, (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщины) что я оную не славенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собой говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенской, у насъ есть языкъ церковной; а сія книга мирская. Другая: языкъ славенской въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь темень, и многія его наши читая неразумѣютъ; А сія книга есть СЛАДКІЯ ЛЮБВИ, тогоради всѣмъ должна быть въразумительна. Третія: которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть, что языкъ славенской нынѣ жестоко моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми: но зато у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славенскимъ особымъ РЪЧЕТОЧЦЕМЪ хотѣлъ себя показывать».

«Ежели вамъ, ДОБРОЖЕЛАТЕЛНЫИ ЧИТАТЕЛЮ, покажется что я еще здѣсь въ свойство нашего природнаго языка не умѣтилъ, то хотя могу только похвалиться, что все мое хотѣніе имѣлъ, дабы то учинить; а коли же не учинилъ, то безсиліе меня къ тому недопустило, и сего, видится мнѣ, довольно есть къ моему оправданію *)».

---

*) Изъ Предисловія къ книгѣ: *«Бѣда отъ острога любви. Переведена съ Французскаго на Руское. Трехъ Студента Василья Тредіаковскаго и приписана Ею Сталеместу Князю Александрю Борисовичу Курлякину. Напечатана 1750.»*

I.

НОВОЮ ДОСТОЙНО УКРАШЕННУЮ ЧЕСТІЮ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНІШЕМУ ГОСПОДИНУ

ГОСПОДИНУ

ЮАННУ АЛВРЕХТУ БАРОНУ ФОНЪ КОРФФЪ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ КАМЕРЪ-ГЕРУ

НЫНѢ ЖЕ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ГЛАВНУЮ ИМЪЮЩЕМУ КОМАНДУ

ПОКОРНѢЙШЕЕ ПОЗДРАВЛЕНІЕ

ОТЪ

ВАСІЛІЯ ТРЕДІАКОВСКАГО.

I.

GLÜCKWÜNSCHENDER ZURUFF

AN DEN HOCHWOHLGEBORHNEN HERRN

HERRN JOHANN ALBRECHT VON KORFF

IHRO RUSSISCH-KAYSERLICHEN MAJESTÄT

würcklichen Cammer - Herrn

als Derselbe

VON IHRO KAYSERLICHEN MAJESTÄT

zum

CHEFF

DERO ACADEMIE DER WISSENSCHAFFTEN

WÜRDIGST ERNENNET WURDE

UNTERTHÄNIGST ABGESTATTET

VON

BASILIO TREDIAKOFFSKY.

Здѣ ся, ДОСТОИНЫИ МУЖЪ, что ТИ поздравляетъ,
Вящія и день отъ дня чести толь желаетъ,
(Честь, велика ни моглабъ коль та быть собою,
Будетъ, дастся какъ ТЕБѢ, вящшая тобою)
Есть Россійска муза, всѣмъ и млада и нова;
А по долгу ТИ служить съ прочими готова.
Многи ТЯ сестры ея славятъ АПОЛЛОНА;
Уха но не отвори и отъ Росска звона.
Слово красно произнестъ та хотъ не исправна;
Малыхъ но отцамъ дѣтей и нѣма рѣчь нравна.
Всѣ желанія свои просто ТИ вносить,
Тѣ сердечны пріими, се нижайша просить.
Щастлива и весела мудру ТИ служити:
Ибо можетъ чрезъ ТЕБЯ та достойна быти,
Славны воспѣвать дѣла, чрезъ стіхи избранны,
Толь великіи въ женахъ МОНАРХИНИ АННЫ.

Печатано при Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ,
1784 года.

Ja die Ehre wächst immer, wird sie nur auf Dich gelegt,
Dich, der was Ihn zieren solte, allzeit selbst zu schmücken pflegt.
WÜRDIGSTER, die, so Dir hier ihren treuen Eifer zeigt,
Wünschend dass von Tag zu Tag Dein verdientes Glück steigt,
Ist die RUSSIN, meine Muse, die in allem schwach und neu;
Doch glaub, dass sie, nebst den andern, Dich zu ehren wachsam sey.
Weil Dich ihre Schwestern nun als den Phöbus hoherheben,
Meynt sie, Du wirst ihren Thon auch geneigt Gehöre geben,
Und dass, da der Kinder Sprache Eltern allzeit wohlgefällt,
Ihre noch nicht reife Rede Deinen Beyfall mit erhält.
Dass Ihr Wünschen redlich sey, kanst Du an der Einfalt spüren.
Schau! sie bittet Dich gebeugt: lass Dich davon überführen!
Unter Deiner weisen Aufsicht lebt sie glücklich und erfreut
Und Dein immer reizend Beyspiel bringt sie zu der Würdigkeit,
Sich zum Thron der Höchsten FRAU in Gedancken aufzuschwingen,
Und der grossen KAYSERIN Helden-Thaten zu besingen.

St. Petersburg, Gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschaft. 1784.

С В Ъ Д Ъ Н І Я

О ВРЕМЕНИ СОСТАВЛЕНИЯ

ОДЫ БАРОНУ І. А. КОРФУ.

Извѣстія о сдачѣ Данцига пришло въ С. Петербургъ 3 іюля 1784 года. Вслѣдъ за тѣмъ явилась «Торжественная Ода о здачѣ города Гданска» В. Тредіаковскаго, написанная силлабическими стихами; ея посвященіе подписано 8-мъ іюля. Къ русскому тексту приложенъ былъ нѣмецкій переводъ академика Юнкера. Объ отношеніи его къ подлиннику можно судить по образчику, помѣщенному въ Приложеніяхъ.

Юнкеръ не имѣлъ особеннаго поэтическаго дарованія. Но кто прочтетъ Оду на обоихъ языкахъ, тотъ вѣрно согласится съ Тредіаковскимъ, который въ концѣ сопровождающаго эту оду «Разсужденія о Одѣ во обще» говоритъ: *«я не сомнѣваюся, чтобъ переводъ Нѣмецкой по есему краснае, и оаиловатлѣе»*. Могло быть, что его знакомые еще сильнѣе отзывались ему объ этомъ, какъ въ-послѣдствіи Штелинь, когда Тредіаковскій въ 1786 г. силлабическими-же стихами перевелъ его оду на взятіе перекопскихъ линій. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ достаточное основаніе (см. Приложенія) полагать что Тредіаковскій давно уже думалъ объ улучшеніи формы русской поэзіи. Случай предпринять это улучшеніе на дѣлѣ представился скоро, и первый, хотя еще слабый опытъ Тредіаковскаго навсегда проложитъ дорогу.

Указомъ 18 сентября 1784 г. баронъ І. А. Корфъ назначенъ былъ президентомъ Академіи Наукъ и увѣдомилъ о томъ Академію 28 сентября. По причинѣ болѣзни онъ могъ произнести свою вступительную рѣчь въ академической конференціи только 11 ноября. Тредіаковскому не было надобности ждать этой рѣчи, потому что литературное образованіе новаго президента, равно и его благосклонная обходительность, всѣмъ были извѣстны. Потому не удивительно, если остававшіяся одинокииъ и мало понимаемый въ своемъ благонамѣренномъ стремленіи литераторъ безъ всякаго вѣшняго повода рѣшился выразить задушевные желанія въ своемъ «покорнѣйшемъ поздравленіи», которое впрочемъ тѣсно связано съ «Рѣчью о чистотѣ Россійскаго языка».

II.

Р Ѣ Ч Ъ

КОТОРУЮ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ,

КЪ ЧЛЕНАМЪ РОССИЙСКАГО СОБРАНІЯ,

ВО ВРЕМЯ ПЕРВАГО ОНЫХЪ ЗАСѢДАНІЯ,

Марта 14 дня, 1735 года,

ГОВОРИЛЪ

ВАСІЛІЙ ТРЕДІАКОВСКІЙ,

Санктпетербургскія Императорскія Академія Наукъ Секретарь.

Печатано при Императорской Академіи Наукъ.

Въ Санктпетербургѣ MDCCXXXV.

При благословенной державѣ величайшія МОНАРХИНИ АННЫ, сего дождались мы щастія, Мои Господа, что и о совершенствѣ Россійскаго языка попеченіе воспріемлется. Оне дѣло не меньше полезное, коль трудное, главный въ сей Императорской Академіи Командиръ, остроумный, искусный, и мудрый мужъ, на васъ полагаетъ, вамъ ввѣряетъ, и всего къ тому возможнаго пригѣжанія, къ вѣщшему прославленію Россійскаго народа и его слѡва, отъ васъ ожидаетъ.

За толь нужное, но донынѣ оставленное, сіе начинающееся учрежденіе Его Превосходительству, высокоблагородному Господну, Господину Іоанну Албрехту барону фонъ Корфу, Ея Императорскаго Величества дѣйствительному Каммергеру, въ мудрыхъ мудрому, въ ученыхъ ученому, въ славныхъ славному мужу, не искусное мое перо, равно какъ и не обыкшій къ краснорѣчію языкъ, довольно и достойно возблагодарить никогда въ состояніи быть не можеть; всѣ любители наукъ учинять ему за меня сію справедливость, цѣлое оныхъ въ Россіи потомство благодаря не устанеть никогда въ похвалахъ его, самая, нынѣ еще чаемая, отъ сего польза, совершенный дасть способъ должно и прославить, и его ублажить.

Я только могу предъ вами сіе, Мои Господа; выговорить, что Его Превосходительства бодрое стараніе, мудрое управленіе, острое также разсмотрѣніе, какъ въ прочихъ Академіческихъ порядкахъ, такъ и въ семъ новомъ установленіи, прямую къ славѣ Россійской пользу, въ видѣ украшенномъ, прекрасномъ, и совершенномъ предъ мои представляютъ очи; и кажется мнѣ, что я вижу уже ту любезну, прибыточну, честну, хотя единымъ симъ не стройну и не достаточну, что и мнѣ съ вами, повелѣно совокупно присутствовать и трудиться.

Должность, которая на меня, но при васъ, Мои Господа, налагается, и по которой отъ меня, но не безъ васъ, исполненіе требоваться будетъ отнынѣ, мнѣ толь есть не обычна, толь силы мои превосходяща, толь мало тупости моего ума прилична, и отъ которыхъ меня толь многія причины, въ разсужденіи моихъ къ ней недостатковъ и неспособностей, долженствовали выключить, что въ самое сіе время, въ которое вамъ сію рѣчь произношу, не знаю, что долженъ я о себѣ помышлять. Возможножь сему стать, и правда ли то, что и я удостоенъ дѣйствительно вашего сообщества, котораго токмо таковой быть можетъ достоинъ, кто многого есть разума, довольныя науки, твердаго и зрѣлаго разсужденія, словомъ, подобный вамъ? Однако съ стороны разума, науки, разсужденія и многотруднаго искусства, хотя я васъ, Мои Господа, весьма нахожуся ниже; но послушаніемъ, но вочтеніемъ къ Его Превосходительству, съ вами сравниться всячески потщуся. Не будетъ во мнѣ, да и не надлежитъ, никакого повелѣніямъ его сопротивленія, не будетъ никакихъ отговорки, не будетъ, не будетъ никакого преслушанія; ко всему, чего моя должность требовать отъ меня ни будетъ, увидить онъ меня готова, ко всему, и всегда прилѣжна, ко всему радѣтельна, и толь, коль самая возможность до того меня допустить, и такъ, что, наконецъ, и Его Превосходительство достойнымъ меня нѣсколько быть вашего сообщества найдете, и вы не будете сожалѣть, что искусныя ваши наставленія, въ разсужденіи чистоты нашего языка, въ избытокъ мой, къ пользѣжь общей, купно съ вами трудяся, употребляю.

Однако сіе коль ни полезно есть Россійскому народу, то есть, возможное дополненіе языка, чистота, красота, и желаемое потѣхъ, его совершенство; но мнѣ толь трудно быть кажется, что не не страшитъ, уповаю, и васъ, Мои Господа, трудностію и тягостію своею. Но о единомъ тутъ чистомъ переводѣ степенныхъ, старыхъ, и новыхъ авторовъ дѣло идетъ, что и едино, и само собою коликъ проливаетъ пота, извѣстно есть тѣмъ, которые прежде васъ трудились въ томъ, и вамъ самимъ, которые нынѣ трудитесь; но и о Грамматикѣ доброй и исправной, согласной мудрыхъ употребленію, и основанной на ономъ, въ которой кодь много есть нужды, толь много есть и трудности; но и о дікціонаріѣ полномъ и довольномъ, который въ имѣющихъ трудиться васъ еще больше 7 силы требуетъ, нежели въ баснословномъ Сізюфѣ превеликій оный камень, который онъ на высокую гору одинъ все хотя вскатить, съ самага почитай верха нанизъ его не хотя опускаеть; но и о

Реторикѣ, и Стіхотворной Наукѣ, что все чрезъ мѣру утрудить васъ можетъ.

Чувствуя сіе толь тяжкое бремя, и видя въ Собраніи нашемъ толь малое насъ число, сомнѣваюсь, отпустите моему малодушію, чтобъ чрезъ насъ однихъ толикое дѣло могло совершиться. Впредь, твердо уповаю, когда малый, узкій и мѣлкій нашъ источникъ, наполнится посторонними струями, возрастетъ въ превеликую, пространную, и глубокую рѣку, то есть, когда число наше искусными людьми умножится и прибавится, тогда можно будетъ благополучнаго сему ожидать совершенія, и вновь къ старому приумноженія. Довольно съ насъ нынѣ и сея единыя славы, что мы начинаемъ, что начинаемъ подъ надзрѣніемъ нынѣшняго главнаго нашего Командира, что, наконецъ, начинаемъ въ государствование великія и не сравненныя САМОДЕРЖИЦЫ НАШЕЯ АННЫ, Матери отечества, и которая нынѣ есть чудо и удивленіе всему свѣту.

Поистиннѣ, Мои Господа, дѣйствія и добродѣтели увѣчанныя сея Героини толь велики, какъ всему земному кругу извѣстно, что ни самый совершенно исполненный языкъ рѣчей въ себѣ равныхъ, дабы описать оныя, найти не можетъ. Что же нашъ? и нашъ, который не токмо не исполненъ, но еще до нынѣ и дополняемъ быть не начать? И сего то ради нынѣ должность сія вамъ вручается, чтобъ, по скольку возможно, въ совершенство приводить нашъ языкъ, и чрезъ тобъ имѣть, хотя малое, средство къ прославленію дѣлъ и добродѣтелей ГОСУДАРЬНИ нашей.

Не сомнѣваюсь, чтобъ, украшая нашъ языкъ, не потщались вы описать, въ извѣстіе будущимъ родамъ, коль есть премудра ваша ИМПЕРАТРИЦА. коль храбра, щедра, и правосудна, коль любезна въ мирѣ, страдна въ пріуготовленіяхъ военныхъ, глубока въ разсужденіяхъ, не проникаема въ намѣреніяхъ, не утруждаема въ исполненіи своихъ предпріятій, не боязлива въ противныхъ случаяхъ, великодушна въ побѣдахъ, великогѣпна и преславна въ торжествахъ; но чтобъ и украшеннымъ могли мы описать, коль есть ОНА милостива, о томъ не токмо сомнѣваюсь, но еще и отчаяваюсь. Найдите мнѣ, прошу, таковаго Государя, которой бы во время самага сраженія взятыхъ воиновъ содержалъ какъ Посланиковъ, которой бы непріятелей не добровольно покорившихся какъ друзей, которой бы подданныхъ своихъ любилъ и жаловалъ, какъ дѣтей? А наша ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЬНЯ ИМПЕРАТРИЦА такъ поступила съ Французами, такъ поступаетъ съ Депутатами Гданскими, такъ жалуетъ и любитъ насъ своихъ подданныхъ, не спрашивая съ насъ за цѣлую половину года долж-

ныхъ себѣ податей, состоящихъ не въ нѣсколькихъ тысячахъ, но въ нѣсколькихъ милліонахъ. Ея! толико сіе потомкамъ будетъ не вѣроятно, колико есть истинно. Наивѣрнѣйшая сія правда такова быть вмѣняется, каковы преукрашенныя слогомъ басни древнихъ и новыхъ Пить намъ быть кажутся.

Что же до нынѣшнихъ временъ. Кто о семъ сомнѣвается? Кому сіе не достовѣрно изъ насъ быть мнится? Глухъ есть, кто не слышитъ громогласныхъ проповѣданій во всей Россіи, отъ всѣхъ чиновъ, на всякомъ мѣстѣ, о превеликой САМОДЕРЖИЦЫ нашей милости; слѣпъ есть, кто не видитъ повсюду текущаго, не удобопонятнаго потомкамъ, щедротъ ЕЯ источника; окамененъ есть, кто не чувствуетъ сердцемъ матерняго ЕЯ ко всѣмъ милосердія; а продрозостенъ и безуменъ есть, кто высоко мысля о себѣ, описать милости, щедроты, и ЕЯ милосердія всю великость возна-
10 мѣрится. Всея бы развѣ вселенныя довольно къ тому было добровѣщаніе, а единаго человѣка всякое скудно, убого, и не достаточно есть краснословіе.

Того ради, Мои Господа, не льстите, чтобъ и всѣ вы совокупно, повторяю, могли когда изъяснить по достоинству, хотя бы ваше и наисовершеннѣйшее было вѣтійство, милость правосудную, и правосудіе милостивое МОНАРХИНИ нашей АННЫ: безмѣрность ЕЯ щедротъ всѣ наиглубочайшіе умы въ свѣтѣ превосходить. И такъ оставимъ милосердіе ЕЯ, чтобъ продолжало свое теченіе; возблагодаримъ токмо всеблатому богу, что милостиво свое подобіе, ИМПЕРАТРИЦУ, то есть, АННУ, даровалъ намъ здѣсь, да здраво, благополучно и долговременно ТА царствуетъ надъ нами.

Гдѣжь я, и слово мое!... Извините меня, Мои Господа, что толь далеко отступилъ я въ сей моей рѣчи отъ намѣреннаго предложенія: истинно всегда въ живое прихожу чувство, сколько разъ ни размышляю о не измѣримой и никогда достойно могущей прославиться милости, которую ГОСУДАРЫНЯ наша имѣетъ; не знаю, благодарность ли моего сѣрдца (ибо и я, Мои Господа, довольно
11 оною, кто бы повѣрилъ? насладился) къ тому меня приводить, или чудная ЕЯ великость умъ мой ужасаетъ и удивляетъ.

Но къ намѣренной возвращаюсь рѣчи. Не забылъ я, Мои Господа, что оставилъ васъ при великихъ трудностяхъ полагаемаго на насъ дѣла. Правда, что сія трудность есть превелика; однако она не изъ таковыхъ, чтобъ не возмогла быть преодоленна. Всегдашнее тщаніе, не престанное размышленіе, не усыпный трудъ и на преждкомъ морѣ строить города, и на превысокія горы возводить рѣчки, и въ преглубокихъ безднахъ находить перла. Знаю,

что трудно будетъ начало; но своя есть честь и начатію. Вѣдаю, что скучно будетъ продолженіе; но и съ тѣмъ громкая сопряжена слава. А изъ полезнаго окончанія коликая похвала, коликія благодаренія, коликія прославленія произойти могутъ, кто сего не чувствуетъ? кто сего уразумѣть не можетъ? Однобъ развѣ сіе токмо отвратить отъ предпріятія насъ могло, что не надѣмся мы быть щастливы въ окончаніи, и что другимъ сей преславный жребій готовится, а не намъ.

Но, Мои Господа, для себяль единыя пчела сладкій медъ собираетъ, а и не для насъ? для себяль единого соболя драгоцѣнную ¹² носить одежду, а и не для насъ? не для себя и прекрасные цвѣты благовонны, но для насъ. На что намъ завидовать щастію и славѣ другихъ въ окончаніи, когда довольно онаго и оныя съ насъ будетъ въ начатіи и въ продолженіи? Но хотя насъ и трудности устрашаютъ; однако начнемъ, а начавъ изъ того нѣчто быть имѣеть, по крайнѣй мѣрѣ, поощреніе другимъ къ такому дѣлу; не начиная же ничего, ничего и не будетъ.

Сверхъ того, первые ли мы въ Европѣ, которымъ сіе не токмо трудно, но почти и весьма неприступно быть кажется? были, были таковыя, которые не бояся того, но смотря на будущую изъ сего пользу, начали, продолжали, и нѣкоторые съ похвалою окончили. Напримѣръ: не трудно было, въ самомъ началѣ, Флорентійской Академіи стараніе возымѣть о чистотѣ своего языка; возымѣла. Не страшно было, думаю, предпріять такъ же и Французской Академіи, чтобъ совершеннѣйшимъ учинить свойство ихъ діалекта; предпріяла. Не возможно, чаю, сперва казалось Лейпцигскому Сообществу подражать толь благоуспѣшно вышереченнымъ онымъ Академіямъ, коль тѣ начавши окончили щастливо; подражаетъ, и подражала благополучно.

Насъ, Мои Господа, что бы могло не допустить къ начатію ¹³ толь полезнаго, и толь надобнаго дѣла? Не думаете ли вы, что нашъ языкъ въ состояніи не находится быть украшаемъ? Нѣтъ, нѣтъ, Мои Господа; извольте отложить толь не основательное мнѣніе. Посмотрите, отъ ПЕТРА Великаго глѣтъ, обрадившись на многіе прошедшіе годы, то разсудивъ увидите ясно, что совершеннѣйшій сталъ въ Петровы глѣта языкъ, нежели въ прежде его бывшій. А отъ Петровыхъ глѣтъ толь отчасу во многихъ писателяхъ пріятнѣйшимъ оной становится, что ни мало не сомнѣваюсь, чтобъ великія АННЫ въ глѣта, къ совершенной не пришелъ своей высотѣ, и красотѣ.

Украсить оной въ насъ дворъ Ея Величества въ словѣ наивѣдливѣйшій, и богатствомъ наивеликолѣпнѣйшій. Научатъ насъ искусно имѣть говорить благоразумнѣйшіе Ея Міністры, и премудрѣйшіе Священноначальники, изъ которыхъ многіе, вамъ и мнѣ извѣстные, у насъ таковы, что намъ за господствующее правило можно бы ихъ взять было въ Грамматіку, и за наикраснѣйшій примѣръ въ Реторику. Научитъ насъ и знатнѣйшее и искуснѣйшее дворянство. Утвердить оной намъ и собственное о немъ разсужденіе, и воспріятое отъ всѣхъ разумныхъ употребленіе.

14 Сіе положивъ, не великой ли приступъ, не великая ли способность къ начатію Грамматіки? Чтожъ еще страшитъ насъ? Реторика? Помогутъ намъ въ ней премногіе творцы Римскіе, а наипаче хитрый и сладкій въ словѣ Маркъ Туллій Ціцеронъ. Помогутъ Французскіе Балзаки, Костарды, Патрю, и прочіе безчисленные. Помогутъ многіе преславные писатели Нѣмецкіе, а особливо здѣсь Превосходительнѣйшій нашъ главный Командиръ, котораго въ семь каково есть искусство, уже объявилось ученому свѣту чрезъ погребательное его слово, и чрезъ рѣчь, которую онъ имѣлъ въ здѣшней Императорской Академіи наукъ къ Господамъ Профессорамъ. Изъ основательныя Грамматіки, и красныя Реторіки не трудно произойти восхищающему сердцу и умъ слову питическому, развѣ только одно сложеніе стѣховъ неправильностію своею затрудитъ васъ можетъ; но и то, мои Господа, преодолѣть возможно, и привести въ порядокъ: способовъ не нѣтъ, нѣкоторые же и я имѣю. Вся трудность состоитъ въ дѣкціонаріѣ.

Я не противлюсь вамъ, Мои Господа; великое и трудное есть дѣло дѣкціонаріѣ, и дѣкціонаріѣ таковъ, какову ему быть надлежитъ, то есть полному и совершенному. Однако спрашиваю васъ: видали ли вы когда дѣкціонаріѣ на какомъ языкѣ?... Вижу, что никто изъ васъ не можетъ отрещися; знаю, что изъ оныхъ многіе вы видали, и на многихъ языкахъ. Сіе самое, Мои Господа, доказываетъ ясно, что и дѣкціонаріѣ не выше человѣческихъ силъ; а сего съ меня и довольно. Напраснобъ говорилъ я о переводѣ: нѣкоторые и изъ васъ самихъ, и не безъ похвалы, пускаютъ и пустили въ свѣтъ свои переводы; того ради и переводъ хотя труденъ, но бываетъ; хотя скученъ, но къ окончанію приходитъ. Трудъ, Мои Господа, трудъ прилѣжный все побѣждаетъ.

Видите, Мои Господа, что и трудность въ нашей должности не толь есть трудна, чтобъ побѣждена быть не могла. Одно тщаніе, одна ревность, одна неусыпность отъ насъ требуется. Можножъ дать и способъ, чрезъ которой тщаніе, ревность, и неусып-

ность не преминуемо имѣть мы будемъ. Вѣрьте мнѣ, когда о трудѣ помнить не станемъ, когда хвалы, славы, и общія пользы желать станемъ, когда не для того будемъ жить, чтобъ не трудиться, но для того станемъ трудиться, чтобъ и по смерти не умереть; тогда не чувствительно пристрастимся къ тщанію, ревности и неусыпности.

Напоследокъ, Мои Господа, хотя и кажется мнѣ, что я нѣсколько доказалъ пользу, славу, и могущую побѣдиться трудность въ шовой сей нашей должности; но весьма не знаю, приличнымъ и свойственнымъ ли словомъ оное я учинилъ. Того ради, для начатія вашей должности, самую сію рѣчь въ ваше отдаю разсмотрѣніе, прося, чтобъ вы въ ней не правильное исправили, не достаточное наполнили, не приличное приличнымъ и надлежащимъ украсили, лишнее вонъ выняли. КОНЕЦЪ.

ЗАМѢЧАНІЕ

О ВТОРОМЪ ИЗДАНИИ «РѢЧИ 1735 ГОДА».

Рѣчь, произнесенная В. Тредіаковскимъ 14 марта 1735, была напечатана отдѣльно въ малую 4-ю долю и продавалась въ академической книжной лавкѣ по 6 коп. Впослѣдствіи она самымъ авторомъ перепечатана (см. Сочиненія и Переводы какъ стихами такъ и прозою Василья Тредіаковскаго. Томъ второй. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1752 года, стр. 6—19) подъ заглавіемъ:

«Рѣчь, которую въ Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ къ членамъ бывшаго Россійскаго собранія во время перваго ихъ засѣданія Марта 14 дня, 1735 года о чистотѣ Россійскаго Языка говорилъ В. Т.»

До сихъ поръ у насъ пользуются одной этой перепечаткой, которая не вполне сходна съ текстомъ изданія 1735 года. Число вариантовъ втораго изданія довольно значительно, но они по большей части ограничиваются замѣной отдѣльныхъ словъ и короткихъ фразъ другими болѣе или менѣе удачными. Тамъ и сямъ авторъ исключалъ то или другое слово и только въ немногихъ мѣстахъ позволялъ себѣ вставлять новыя фразы для болѣе сильнаго или яснаго выраженія своей мысли. Словомъ, всѣ эти перемѣны касаются болѣе слога и правописанія, чѣмъ сущности дѣла.

Вторая редакція «Рѣчи 1735 года» перепечатана въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Тредіаковскаго.

III.
НОВЫЙ И КРАТКІЙ
СПОСОБЪ
КЪ СЛОЖЕНІЮ РОССІЙСКИХЪ СТИХОВЪ

СЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯМИ
ДО СЕГО НАДЛЕЖАЩИХЪ ЗВАНІЙ.

ЧЕРЕЗЪ
ВАСІЛЬЯ ТРЕДІАКОВСКАГО

С. Петербургскія Императорскія Академія Наукъ Секретаря.

Печатано въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ.

MDCCXXXV.

**Est Deus in nobis, agitante calescimus illo,
Impetus hic sacrae semina mentis habet.**

Ovidius Lib. 6. Fastorum.

То есть:

**Стихотворчеству насъ БОГЪ токмо научаетъ,
И Святый охоту въ насъ пламенну раждаетъ.**

Овидій въ кн. 6. о Фастахъ.

ВСѢМЪ
ВЫСОКОПОЧТЕННѢЙШИМЪ ОСОБАМЪ

ТИТУЛАМИ СВОИМИ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНѢЙШИМЪ
ВЪ РОССІЙСКОМЪ СТИХОТВОРСТВѢ ИСКУСНѢЙШИМЪ

ВЪ ТОМЪ ОХОТНО УПРАЖНЯЮЩИМСЯ

МОНЪ

Милостивѣйшимъ Господамъ.

Высокопочтеннѣйше Господа!

Не безъ основательныя причины, новый сей и краткій мой Способъ къ сложенію Россійскихъ Стѣховъ, ВАМЪ покорнѣйше приписываю. Правилъ, которыя въ немъ я положилъ, и по силѣ которыхъ не прямыми называю Стѣхами старыя наши Стѣхи, кому лучше, какъ ВАМЪ искуснѣйшимъ рассмотреть надлежитъ правость? А охотно въ томъ упражняющіеся вѣскольکو Стѣховъ здѣсь, до нынѣ въ Россіи не виданныхъ, въ примѣръ себѣ найти могутъ, и оныя употребить, буде за благо рассудятъ имъ слѣдовать, къ своей пользѣ.

ВАСЪ искуснѣйшихъ, ежели правила мои не правы, или къ стихотворству нашему не довольны, нижайше прошу, и купно исправить, и купно оныя дополнить; но въ томъ упражняющіеся чрезъ нихъ же поводъ возимѣютъ тщательнѣе рассуждать, и Стѣхи наши, чрезъ свое рассужденіе, отчасу въ болѣшемъ совершенствѣ въ Россійскій Свѣтъ издавать: Однимъ же и дру-

гниѣ ВАМЪ не не полезенъ правилами моиѣ быть уповаю, что однихъ ВАСЪ и другихъ новостію возбужду либо старыя наши Стіхи освидѣтельствовать, и по правдѣ ли тѣ носили имя Стіховъ до нынѣ, розыскавъ увѣдать.

СІЕ есть мое намѣреніе, въ семъ новомъ и краткомъ Способѣ къ сложенію Россійскихъ Стіховъ, который, какъ достойнѣйшимъ ВАМЪ, въ честь ВАШУ посвящаю; какъ благоразумнѣйшимъ, въ исправленіе отдаю; но какъ во всемъ, такъ либо и въ семъ, правду любящимъ, въ покровъ и защиту вручаю; не больше, поистиннѣ, малую, и весьма не дѣйствительную искру моего ума показать хотѣвшій, коль ВАМЪ и услужить, и ВАСЪ глубочайше тѣмъ почтить желающій,

Высокопочтеннѣйшіе Господа

Вашъ покорнѣйшій и нижайшій слуга:

В. Тредіаковскій.

Въ Поэзи вообще, двѣ вещи надлежитъ примѣчать. Пѣрвое: матерію, или дѣло, каковое Писа предпріемлетъ писать. Второе: версіѣкацію, то есть, способъ сложенія Стѣховъ. Матерія всѣмъ азыкамъ въ свѣтѣ общая есть вещь, такъ что ни который оную за собственную токмо одному себѣ почитать не можетъ: ибо правила поэмы эпическія, не больше служатъ Греческому языку въ Гомеровоѣ Іліадѣ, и Латинскому въ Віргіліевоѣ Энеидѣ, какъ Французскому въ Волтеровоѣ Ганріадѣ, Італіянскому въ изъавленномъ Іеросалимѣ у Тасса, и Англійскому въ Мітоновоѣ Поэмѣ о потеряннѣ Рая. Но способъ сложенія Стѣховъ весьма есть различенъ по различію языковъ. И такъ Авторъ славенскія Грамматки, которая обще называется *большая* и *Максимовская*, желая наше сложеніе Стѣховъ подобнымъ учинить греческому и латинскому, такъ свою просодію количественную смѣшнѣ написалъ, что, сколько разъ за оную не примешься, никогда не можешь удержаться, чтобъ не быть, смотря на оную, смѣющимся Демокритомъ не престанно. Ежелибъ онъ тогда рассудилъ, что свойство нашего языка того не терпитъ, никогдабъ таковыя просодіи не положилъ въ своей Грамматкѣ.

Другіе въ сложеніи нашихъ Стѣховъ до нынѣ правильнѣе поступали, нѣкоторое извѣстное число слоговъ въ Стѣхѣ полагая, пресѣкая оной на двѣ части, и приводя согласіе конечныхъ между собою слоговъ. Но и таковыя Стѣхи толь недостаточны быть видятся, что приличнѣе ихъ называть Прозою опредѣленнымъ числомъ идущею, а мѣры и паденія, чѣмъ Стѣхъ поется, и различается отъ Прозы, то есть, отъ того, что не Стѣхъ, весьма не имѣющею. Того ради за благо рассудилось, много прежде положивъ труда къ изобрѣтенію прямыхъ нашихъ Стѣховъ, сей новый и краткій Способъ къ сложенію Россійскихъ Стѣховъ издать, кото-

рые и число слоговъ свойственное языку нашему имѣть будутъ, и мѣру стопъ съ паденіемъ пріятнымъ слуху, отъ чего Стихъ Стихомъ называется, содержать въ себѣ имѣютъ. Будежь каковой недостатокъ и въ семь найдется; то покорно просятся благоразумные и искусные Люди, чтобъ объявить то Россійскому Собранію, которое всячески потщится, или сомнѣнія ихъ, въ рассужденіи Стиховъ, разрѣшить, или недостатки находящіяся въ сихъ новыхъ исправить, съ возможнымъ за таковое ихъ пріятство благодареніемъ.

А понеже въ сложеніи Россійскихъ Стиховъ такъ же двѣ вещи должно знать, то есть, свойственное званіе при Стихѣ употребляемое, и Способъ какъ слагать, или сочинять Стихъ; того ради свойственныя при Стихѣ званія Определеніями объявятся, а на способъ къ сложенію Стиха кратчайшія и ясныя Правила положатся.

И ТАКО:

ОПРЕДѢЛЕНІЕ I.

Чрезъ СТИХЪ, разумѣтся всякая особливо стиховная строка, что у Латинъ называется Versus; а у Французовъ: Vers.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ II.

Чрезъ СЛОГЪ: двухъ, или многихъ согласныхъ писменъ, съ каковымъ ни будь гласнымъ, или двогласнымъ сложенныхъ; или одного гласнаго, или двогласнаго однимъ и тѣмъ же временемъ, безъ всякаго раздѣленія, усть съ языкомъ движеніе. У Латинъ СЛОГЪ называется syllaba; а у Французовъ: syllabe. Полагается, что писмена, и оныхъ раздѣленіе, всякому вѣдомы изъ Грамматіки; однако, ПИСМЯ полатински именуѣтся Littera; а пофранцузски: Lettre.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ III.

Чрезъ СТОПУ: мѣра, или часть Стиха, состоящая изъ двухъ у насъ слоговъ; что у Латинъ называется Pes; а у Французовъ: Pied.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ IV.

Чрезъ ПОЛСТИШЕ: половина только Стиха, въ Героическомъ изъ семи слоговъ состоящая, и то первая; а вторая изъ шести. Сіе у Латинъ съ Греческаго называется Hemistichium; а у Французовъ: Hemistiche.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ V.

Чрезъ ПРЕСЪВЧЕНІЕ: раздѣленіе Стѣха на двѣ части, первое Полстѣшше всегда, чтобъ хорошимъ быть Стѣху, долгимъ слогомъ копящее. Но чрезъ долгій слогъ въ Россійскомъ Стѣхотворствѣ разумѣется тотъ, на которой просодія, или, какъ говорятъ, сила ударяетъ. И тако въ реченіи семь: СЛАГАЮ, ГА есть долгій слогъ; а СЛА и Ю, короткія. Пресъвченіе Латны называютъ *Cesura*; а Французы: *Césure*, или, *Repos*.

Королларій 1.

Отсюда слѣдуетъ, что всѣ реченія jednosложныя не могутъ быть, какъ токмо долгія. Долгота и краткость слоговъ у Латнъ называется *Quantitas*; а у Французовъ: *Quantité*, или *Longueur et Brieveté des syllabes*.

Королларій 2.

Того ради чрезъ сіе всякъ ясно выразишь можетъ, что долгота и краткость слоговъ, въ новомъ семь Россійскомъ Стѣхосложеніи, не такая разумѣется, какова у Грековъ и у Латнъ въ сложеніи Стѣховъ употребляется; но токмо *тѣмъическая*, то есть, въ единомъ удареніи голоса состоящая, такъ что, сколь греческое и латнское количество слоговъ съ великимъ трудомъ познавается, столь сіе наше всякому изъ Великороссианъ легко, способно, безъ всякія трудности, и на конецъ, отъ одинаго только общаго употребленія знать можно; въ чемъ вся сила новаго сего Стѣхосложенія содержится.

Королларій 3.

И такъ стѣпы имѣющія составлять новый нашъ Стѣхъ, какъ то въ правилахъ объявится, (изъ которыхъ пріемлется мною на то, называемая обыкновенно Спондей, которой состоитъ изъ двухъ долгихъ слоговъ, и котораго есть знакъ сей: — —; такъ же и Пуррѣхій, которой состоитъ изъ двухъ короткихъ слоговъ, и котораго есть знакъ сей: ◊ ◊; Хорей, или, Трохей, которой состоитъ изъ одного долгаго, и другаго короткаго слога, и котораго есть знакъ сей: — ◊; напоследокъ Іамбъ, которой состоитъ изъ одного короткаго, а другаго долгаго слога, и котораго есть знакъ сей: ◊ —.) должно разумѣть по силѣ и разумнѣю положенномъ во второмъ Королларіѣ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ VI.

Чрезъ РІОМУ: не число; но согласное окончаніе двухъ Стѣховъ между собою, состоящее или изъ тѣхъ же самыхъ писменъ, или изъ разныхъ, токмо подобнаго звона, чувствуемое всегда лучше

въ предкончаемомъ, или иногда въ кончаемомъ слогѣ Стиха. Сіе у Латинъ никакова имени не имѣеть: понеже ихъ Стихи согласно между собою не кончатся; но во Французской Поэзии, которая вся тажъ, что и наша, кромѣ нѣкоторыхъ не малыхъ околичностей, называется то: *Rime*.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ VII.

Черезъ ПЕРЕНОСЪ: не окончившійся разумъ въ одномъ цѣломъ Стихѣ, и перенесенный въ часть токмо слѣдующаго Стиха, а не до самаго его конца продолжающійся. Латины часто такъ переносятъ: понеже ихъ Стихи Рѣмъ не имѣють, того ради имъ нѣтъ нужды, чтобъ послѣдніе слоги другаго Стиха полною мѣрой равностію, въ рассужденіи перваго Стиха, и тѣмъ же бы звономъ чувствуемы были. Но Французы сей порокъ Стиховъ называютъ: *Ecjambement*, то есть: Перескокъ.

6

ОПРЕДѢЛЕНІЕ VIII.

Черезъ ПАДЕНІЕ: гладкое и пріятное слуху чрезъ весь Стихъ стопами переходеніе до самаго конца. Что чинится тѣмъ, когда первый слогъ всякія стопы долгій есть, а по крайнѣй мѣрѣ, нѣсколькіхъ въ Стихѣ стопъ, или когда одно писмя часто не повторяется, или когда стопа за стопу вяжется, что самое не дѣлаеть Стихъ прозаичнымъ. Паденіе Латины, въ рассужденіи ихъ Поэзии, называютъ *Cadentia*; а Французы въ рассужденіи своеа: *Cadence*.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ IX.

Черезъ СЛИТІЕ: когда реченіе кончится на и краткое тако: ѣ, а другое начинается чрезъ тожъ писмя; тогда краткое и не выговаривается, и какъ бы съѣдается, и съ другимъ тѣмъ въ одно мѣсто сливается. Напримѣръ:

Каждый имѣеть счищать кто стиховъ любитель.

Произносится тако:

Кажды имѣеть счищать, и проч.

Латны сіе называютъ *Elisio*; а Французы: *Elision*.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Россійскіе Стихи долженствуютъ имѣть или Рѣму непрерывную, или Рѣму смѣшенную. Рѣма непрерывная называется тогда, когда окончанію перваго Стиха, второй имѣеть подобное. Рѣма смѣшенная бываетъ тогда, когда согласное окончаніе первому Стиху кладется чрезъ Стихъ, или два, а въ случай и чрезъ три, буде Строфа

не чотку Стиховъ содержитъ. Рѣому непрерывную Французы назы-
ваютъ: Rime suivie; а смѣшленную: Rime mêlée.

Изъявивъ званій знаменованія, приступаю къ объявленію того,
каковъ Героическій Россійскій Стихъ быть долженствуетъ, и все
что до красоты сего Стиха касается, такъ же и чѣмъ оной поро-
чень бываетъ.

ПРАВИЛО I.

Стихъ Героическій Россійскій состоитъ въ тринадцати слогахъ,
а въ шести стопѣхъ, въ первой стопѣ пріемлющій СПОНДЕЯ — —,
ПУРРІХІЯ о о, ХОРЕЯ, или инако ТРОХЕЯ — о, ІАМБА о —;
во второй, третей, (послѣ которыя слогу пресѣченія долгому над-
лежить быть) четвертой, пятой, и шестой также. Однако тотъ
Стихъ всѣми числами совершенъ, и лучше, которой состоитъ токмо
изъ Хореевъ, или изъ большой части оныхъ; а тотъ весьма худъ,
которой весь Іамбы составляютъ, или больша́я часть оныхъ. Со-
стоящій изъ Спандеевъ, Пурріхіевъ, или изъ большой части оныхъ,
есть средній доброты Стихъ. Но что въ тринадцати состоитъ сло-
гахъ, тому причина: употребленіе отъ всѣхъ нашихъ старыхъ Сти-
хотворцовъ принятое. Въ примѣръ тому будь Стихъ первой изъ
первыя Сѣтуры Князя Антіоха Димитріевича Кантемира, безъ
сомнѣнія главнѣйшаго и искуснѣйшаго Пѣнты Россійскаго.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
умъ	толь	сла	бый	плодъ	трудо	въ	крат	кі	я	на	у	ки.

КОРОЛЛАРИЙ.

Слѣдовательно новый нашъ Стихъ составляется токмо изъ
стопъ двосложныхъ, для того что оной имѣетъ въ себѣ опредѣ-
ленное нѣкоторое еще число слоговъ; а трисложныхъ дактиличе-
скаго рода, (какъ то бываетъ въ греческомъ и латинскомъ Стихѣ,
по тому что греческой и латинской Стихъ имѣя только опредѣлен-
ное число стопъ, не имѣетъ опредѣленныхъ въ себѣ слоговъ,
такъ что иной ихъ Стихъ больше, а иной меньше слоговъ, въ
рассужденіи одного Стиха съ другимъ, содержать) принять никакъ
не можетъ.

ПРАВИЛО II.

Стихъ Героическій долженствуетъ раздѣленъ быть на два Пол-
стїшя, изъ которыхъ бы первое состояло изъ семи слоговъ, а
другое изъ шести. Причина тому: понеже Стихъ имѣетъ тринадц-
ать слоговъ; то которому ни будь Полстїшю надлежитъ имѣть
семь слоговъ. Но самый разумъ сказываетъ, что первому изъ
семи состоять пристойнѣе, для того что въ началѣ у прочитаю-

щаго духъ бываетъ крѣпчайшій, и бѣльшій, а къ концу слабѣйшій. Въ примѣръ беру вышеобъявленный же Стихъ.

1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6
умъ	толь	сла	бый	плодъ	трудо	въ	крат	кі	я	на	у	ки

ПРАВИЛО III.

Стихъ Героическій долженъ имѣть Пресѣченіе на седмомъ слогѣ такъ, чтобъ тотъ седмой слогъ кончилъ реченіе, и онъ же бы былъ долгій. Причина тому: понеже мѣра духа человѣческаго требуетъ того, для того что ежели бы однимъ духомъ читать, то бы не громокъ звонъ былъ Ріемы при концѣ, и такъ же, все бы однимъ звономъ гѣлоса надлежало весь Стихъ читать; а сіе бы не пріятнымъ весь Стихъ учинило, что искусствомъ всякому легко можно познать. Но когда въ два пріема Стихъ читается; то весьма онъ пріятенъ кажется, и духомъ всякой слогъ ясно выражается. Чегожъ бы ради оной седмой слогъ кончилъ реченіе, и для чего бы ему долгому надлежало быть, то причина есть сія: ибо что на седмомъ слогѣ нѣсколько надлежитъ отдохнуть, то явно, что на не оконченномъ худо бы было; но долгій долженствуетъ для того быть, по тому что на немъ гѣлосъ нѣсколько возвышается, а слѣдующее Полстїшіе низжайшимъ гѣлосомъ начинается. Французы въ прочитаніи Стиховъ весьма искусны; но сказываютъ, что не уступятъ имъ въ томъ Персіане, Арапы, и Турки. О дабы между нами сіе въ обычай вошло! тогда то бы прямую мы узнали Стиховъ сладость. Въ показаніе правільнаго Пресѣченія, все тотъ же Стихъ предлагаю.

Умъ толь слабый плодъ трудо́въ / краткіа науки.

И понеже отдохнуть надлежитъ на Пресѣченіи; того ради реченіе, въ которомъ находится Пресѣченіе, не долженствуетъ соединено быть разумомъ сочиненія грамматическаго, съ реченіемъ, которое начинается второе Полстїшіе. Таковыхъ недостаточныхъ Пресѣченій, которыя соединяются съ реченіемъ слѣдующаго Полстїшія, предлагаю я здѣсь примѣры, каковымъ весьма не надобно слѣдовать.

Предлогъ предъ своимъ падежемъ:

Не зовемъ Пинту чрезъ / Ріему доброгласну.

Именительный предъ личнымъ глаголомъ:

Стихотворчеству насъ Богъ / научаетъ токмо.

Но хорошій бы сей Стѣхъ былъ тако:

Стѣхотворчеству насъ Богъ / токмо научаетъ.

Глаголъ личный предъ именительнымъ :

Стѣхотворчествомъ нашии / многи славу въ людяхъ.

Но изряденъ бы Стѣхъ былъ тако:

Стѣхотворчествомъ нашии / въ людяхъ славу многи.

Глаголъ предъ своимъ правимымъ падежемъ :

Нынѣ ужъ я не люблю / Стѣхотворства стара.

Но хорошій Стѣхъ будетъ тако:

Стара ужъ я не люблю / нынѣ Стѣхотворства.

Стежь разумѣется о наклоненіи неопредѣленномъ :

Невозможно и любить / Стѣхотворства стара.

Стѣхъ будетъ совершенъ тако:

Стѣхотворства и любить / невозможно стара.

Прилагательное предъ существительнымъ :

Пресѣченіемъ худый / Стѣхъ, быть можетъ худшій.

Но слѣдующимъ бы образомъ былъ изряденъ :

Пресѣченіемъ худый / быть Стѣхъ можетъ худшій.

Существительное предъ прилагательнымъ :

О пріятенъ много Стѣхъ / глаткій слуху въжну.

Но изряденъ бы Стѣхъ былъ тако :

Слуху въжну много Стѣхъ / о пріятенъ глаткій.

Здѣсь надлежитъ примѣчать, что въ семь послѣднемъ случаѣ, существительное можетъ раздѣлено быть отъ своего прилагательнаго чрезъ Пресѣченіе, буде за тѣмъ прилагательнымъ слѣдуетъ другое, или третіе кончащее Стѣхъ; такъ же и прилагательное изрядно раздѣлится отъ своего существительнаго, когда другое или третіе идетъ за тѣмъ существительнымъ окончающее же Стѣхъ. Обоему сему примѣръ полагаю.

Существительное отъ прилагательнаго :

Больше стѣить словъ примѣръ / ясный и способный.

Прилагательное отъ существительнаго :

Выше мудрость, нежь драгій / Адамантъ и злато.

Сверхъ сего; разумъ продолжающійся послѣ Пресѣченія, не долженствуетъ кончиться предъ концомъ Стѣха: понеже бы сіе учинило видимо два Пресѣченія, и слѣдовательно три Полстїшїя; что Стѣхъ Героическій весьма обезображаетъ, и мерскимъ чудовищемъ дѣлаетъ. Напримѣръ :

Доброй человекъ во всемъ / добрымъ есть все; а злой
тщится пребывать въ злѣ / всегда; бѣсъ есть такой.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Частица *что*, ни въ своемъ знаменованіи, ни за возносите-
 лныя, *который, которая, которое*, слогомъ Пресѣченія быть не
 можетъ. Напримѣръ:

Въ своемъ знаменованіи:

Можноль уповать намъ, что / ты всѣмъ будешь вѣренъ.

Стихъ будетъ хорошій тако:

Можноль уповать, что ты / всѣмъ намъ будешь вѣренъ.

За возносительныя:

Я дворомъ владѣю, что / всѣхъ у насъ былъ общій.

Но изрядный Стихъ будетъ тако:

Дворъ, что всѣмъ намъ общій былъ / тѣмъ одинъ владѣю.

ПРАВИЛО IV.

Стихъ Героическій не долженствуетъ не доконченный свой
 разумъ переносить въ часть токмо слѣдующаго Стиха: понеже
 тогда Рѣма, которая наибольшую красоту нашихъ Стиховъ дѣ-
 лаетъ, не столь ясно чувствуется, и Стихи не равно падаютъ.
 Напримѣръ:

Суетная чѣсти стѣны! для тебя бываетъ

Многое адѣсь; но увы! все смерть отнимаетъ.

Однако, ежелибъ разумъ продолжился до конца слѣдующаго
 Стиха, и съ нимъ бы окончился; то переносъ не будетъ пороченъ.

Напримѣръ:

Суетная чѣсти стѣны! для тебя бываетъ

Многое, что на землѣ смерть намъ отнимаетъ.

ПРАВИЛО V.

Стихъ Героическій для нужды больше двухъ слитій имѣть не
 долженъ: ибо сіе Стихъ жестокимъ и не пріятнымъ чинить. На-
 примѣръ:

Преподобный и святой / избранный и вѣрный.

ПРАВИЛО VI.

Стихъ Героическій часто одно писмя, и одинъ слогъ не пріят-
 нымъ и не слаткимъ звономъ повторяетъ. Того ради весьма сего
 опасаться надлежитъ. Напримѣръ:

Мнѣ всегда тогда туда / зрѣть бѣда, худа мада.

ПРАВИЛО VII.

Стихъ Героическій слогомъ Пресѣченія соглашается дурно и
 не кстати съ слогомъ Рѣмы: ибо то чинить не одинъ, но два
 Стиха. Напримѣръ:

Тварей богъ есть всѣхъ отецъ: / Тотъ бо всѣхъ есть творецъ.

ПРАВИЛО VIII.

13

Стихъ Героическій весьма не пристойно непосредственными слогами предъ Ріемою, однимъ и тѣмъ же гóлоса звономъ съ нею падаетъ. Напримѣръ:

Мудрымъ человѣку быть / хоть не скоро, споро.

ПРАВИЛО IX.

Стихъ Героическій не красенъ, и весьма прозаиченъ будетъ, ежели слаткаго, пріятнаго, и легкаго паденія не возымѣетъ. Сие паденіе въ томъ состоитъ, когда всякая Стопа, или, по крайній мѣрѣ, большая часть Стопъ, первый свой слогъ долгій содержитъ; и когда одно писмя, и одинъ слогъ часто не повторяется, на конецъ, когда всякая Стопа, или большая часть Стопъ, между собою связываются, чѣмъ Стихъ отъ прозаичности, какъ я въ Опредѣленіи осмомъ упомянулъ, избавляется. Въ примѣръ представляю многажды повторенный отъ меня Стихъ Князя Антіоха Димитріевича Кантемира: ибо сей Стихъ весьма пріятно всѣми падаетъ Стопами:

— — — — — — — — — —
 Умъ толь сла бый плодъ тру довъ / краткі я на у ки.

Для сего то надлежитъ мѣрять Стихъ Героическій Стопами, а не слогами, какъ до нынѣ наши многіе Стихотворцы не правильно поступаютъ; а особливо веселые бандуристы, и не стройный полкъ Пѣснописцовъ: понеже мѣрять слогами весьма Стихъ прозаичнымъ, и не по охотѣ, учинится, развѣ по слѣпому случаю, какъ оный хорошимъ будетъ. А мѣрять стопами надлежитъ тако:

—	—	1	—	—	2	—	—	3	—	—	4	—	—	5	—	—	6	14
1	2		3	4		5	6		7	8	9		10	11		12	13	
Умъ	толь		сла	бый		плодъ	тру		довъ/краткі				я	на		у	ки	
1	2		3	4		5	6		7	1	2		3	4		5	6	
		1			2			3			4			5			6	

Или какъ въ Образцѣ слѣдующаго моего Двостішія:

—	—	1	—	—	2	—	—	3	—	—	4	—	—	5	—	—	6	
1	2		3	4		5	6		7	8	9		10	11		12	13	
Вы	ше		зла	то		се	реб		ра/зла	тажъ			доб	ро		дѣ	тель,	
1	2		3	4		5	6		7	1	2		3	4		5	6	
		1			2			3			4			5			6	

Черезъ сию схему выразумѣть, да и видѣть можно, что нашъ Героической Стихъ есть Эксаметръ, то есть, шестимѣрный, не

щитая слогъ Пресѣченія долгій, для котораго онъ Гиперкаталектическимъ, то есть, лишній слогъ внѣ числа Стопъ имѣющимъ, назваться можетъ.

Что говорено о Героическомъ нашемъ Стихѣ; тожь все разумѣть надобно и о томъ нашемъ Стихѣ, которой одинатцать имѣеть слоговъ, кромѣ того, что сей второй пресѣкаетъ пятый слогъ, и слѣдовательно второе Подстѣіе изъ шестижь слоговъ состоящее имѣеть. Но для того, что онъ пятью Стопами мѣрится; то Пентаметръ, или пятимѣрный назваться можетъ. А что Пресѣченія слогъ ¹⁵ долгій же и внѣ числа Стопъ включаетъ; то Гиперкаталектическимъ такъ же назваться долженъ.

Довольно сіе видѣть можно, въ ниже предложенной одной моей Сапфической здѣсь строфѣ, изъ трехъ ея первыхъ Стиховъ, которые Пентаметры, и которые идутъ тако:

— 1	) 2 Си	1	) 3 4 въ се реб	2	) 5 6 7 рѣ/всякъ ску	3	) 8 9 пой не	4	) 10 11 зна етъ,	5
— Срам	) но		) то ког		) дѣ/въ зем лю		) за ры		) ва етъ;	
— Тра	) ташцъ		) глупъ и		) мѣтъ;/тѣмъ то		) въ нуж дѣ		) вѣр но,	
1	2	1	3 4	2	5 1 2	3	3 4	4	5 6	5
кто въ немъ чивъ мѣр но.										

Стихи наши правильные изъ девяти, семи, пяти, такъ же и не правильные изъ осми, шести, и четырехъ слоговъ состояще, ничего въ себѣ стиховнаго, кромѣ слоговъ и Ріемы, не имѣютъ, какъ то выше видно изъ пятисложнаго нашего Стиха, въ Сапфической строфѣ обще Адоническимъ называемаго; того ради о нихъ ничего здѣсь больше и не предлагается.

Совѣстно признаваюсь всему Россійскому Свѣту, что и я нѣ Эксаметръ и Пентаметръ нашемъ, много противъ предложенныхъ мною Правилъ погрѣшалъ: понеже я такъ былъ наученъ. Но видя, что наши Стихи всѣ прозаичны, и на Стихи не походятъ; того ¹⁶ ради не усыпнымъ моимъ пригъжаніемъ, и всегдашнимъ о томъ рассужденіемъ старался я всячески, чтобъ нашимъ Стихамъ не даромъ называться Стихами, да ужѣ и льщу себя, что я наполь въ нихъ силу. И такъ дерзаю надѣяться, что благороднѣйшая, преславнѣйшая, величайшая, и двѣтушая Россія удостоитъ меня, за прежніе мои, прощенія въ тотъ образъ, что и первой я, какъ

мнѣ кажется, привесть въ порядокъ наши Стѣхи, да и первой же общаюся переправить, понеже самая большія часть Стѣховъ monkъ на свѣтъ не вышла, всѣ мои Стѣхи.

О ВОЛЬНОСТИ ВЪ СЛОЖЕНІИ СТИХА УПОТРЕБЛЯЕМОЙ.

Я разумѣю чрезъ Вольность въ Стѣхѣ, которая у Латинъ называется Licentia, а у Французовъ Licence, нѣкоторыя слова, которыя можно въ Стѣхѣ токмо положить, а не въ Прозѣ. И хотя Россійской Стѣхъ мало таковыхъ Вольностей имѣеть; однако надобно изъ нихъ нѣкоторыя главные здѣсь объявить.

I.

Глаголы втораго лица, числа единственнаго, могутъ кончиться на *ми*, вмѣсто на *шь*; такъ же и не опредѣленные на *ти*, вмѣсто на *шь*. Напримѣръ: *пишеш*, вмѣсто *пишешь*, и: *писати*, вмѣсто *писать*.

II.

Мѣстоимѣнія *мя*, *тя*, вмѣсто *меня*, *тебя*; такъ же *ми*, *ти*, вмѣсто *мнѣ*, *тебѣ*, не частожъ кладется *ти*, вмѣсто *твоей*.

III.

Слова: *будь*, *больш*, *иль*, *нежъ*, *межъ*, *однакъ*, *хоть*; вмѣсто: *буде*, *больше*, *илм*, *нежели*, *между*, *однако*, *хотя*.

IV.

Прилагательныя единственныя мужескаго рода, кончащіяся на *и* краткое тако: *и*, могутъ, по нуждѣ, оставлять краткое *и*. Такъ вмѣсто *довольный*, можетъ положится въ концѣ Стѣха: *довольны*. Однако надлежитъ смотрѣть, чтобъ нѣкоторое реченіе напередѣ положенное опредѣляло разумъ такъ, чтобъ ясно было, что то прилагательное единственнаго есть числа. Къ томужъ стараться надобно весьма, чтобъ, какъ возможно, не часто сію вольность употреблять: понеже она гораздо великовата.

V.

Существительныя и прилагательныя имена, которыя кончатъ творительный единственный на *ю*, послѣ каковаго нибудь гласнаго, могутъ оной кончить въ Стѣхѣ на *и* краткое. Такъ вмѣсто *совершенною правдою*, можно положить: *совершенною правдою*. Отъ именъ кончащихся на *е*, сказательный можетъ въ Стѣхѣ кончится на одно токмо *и*, безъ *и*. Такъ вмѣсто *о восклицаніи*, можно написать: *о восклицанн*.

VI.

Всѣ имена существительныя кончащіяся на *іе*, могутъ і пере-
мѣнить въ Стихѣ, смотря по нуждѣ мѣры, на *ь*. Такъ *щастіе*,
можетъ написано быть: *щастье*.

VII.

18 Многія реченія, которыя сложены въ самомъ началѣ изъ
частицъ *со*, *во*, *возь*, *вось*; такъ же отъ: *изъ*, и *объ* предъ *о*, могутъ,
для нужды въ Стихѣ, выкидывать писмя *о*. Такъ *сочиняю*, можетъ
написано быть: *счиняю*, *водружаю*: *вдружаю*; *возобновилъ*: *взобно-*
вилъ; *воспою*: *вспою*; *изожгу*: *изжгу*; *обошлю*: *обиллю*.

VIII.

Многіе звательныя падежи, которые у насъ всѣ подобны
именительнымъ, (кромѣ прелюбословенныхъ и превысокихъ свихъ
именъ: БОЖЕ, ГОСПОДИ, ИИСУСЕ, ХРИСТЕ, СЫНЕ, СЛОВЕ, то
есть, воплощенное СЛОВО) могутъ иногда въ Стихахъ образомъ
славенскихъ кончятся. Такъ вмѣсто *Філотъ*, можетъ положится:
Філоте; что я и употребилъ въ одной моей Сатурѣ.

IX.

Словамъ: *рыцерь*, *ратоборець*, *ратъ*, *витязь*, *всадникъ*, *богатырь*,
и прочимъ подобнымъ, нынѣ въ прозѣ не употребляемымъ, можно
въ Стихѣ остаться.

X.

Ежели матерія будетъ не важная и шутошная; то не не красно
положатся прилагательныя съ своими существительными, въ осо-
бливой поэзіи, (но весьма долгою и краткостію слоговъ мѣрной),
у нашего простаго народа употребляемая, напримѣръ: *тугой лукъ*,
бѣль шатеръ, и прочія премногія подобныя.

XI.

19 Сверхъ сего; слова, которыя двойное, и часто сомнѣнное
имѣютъ удареніе просодіи, могутъ положиться въ Стихѣ двояко;
напримѣръ: *цѣлты*, и *цѣлты́*. Однако, въ семъ случаѣ, больше
надобно держаться общаго употребленія. Впрочемъ, не для чего,
кажется, упоминать о прилагательныхъ сокращенныхъ, которыя
понеже и въ Прозѣ часто употребляются, то въ Стихахъ могутъ
употреблены быть, ежели надобно будетъ, и чаще.

XII.

Нѣкоторыя слова могутъ мѣнять, буде того нужда требуетъ
въ Стихѣ, гласныя своя писмена на другія, но такъ, чтобъ то
было нѣсколько употребительно, и слово бы осталось въ томъ

же знаменованіи; такъ же когда будутъ два тѣже, или разныя согласныя писмена въ реченіи, то одно выкинутъся можетъ, ежели потребно быть имѣть, такъ вмѣсто *камера, камора*; вмѣсто *милліонъ, млілонъ*; вмѣсто *прелестный, прелесный*. Однако сіе рѣтко надобно быть можетъ.

ЖИИ.

Основательное правило, которое утвердительныя рѣчи правильнѣй глаголомъ винительный падежъ, всегда перемѣняетъ въ родительный въ фразисѣ отрицательномъ, можетъ для крайнія нужды въ Стихѣ оный винительный и не перемѣнять. Такъ можно въ Стихѣ написать:

Воды пламень не гасятъ ваши тѣмъ сердечный;

вмѣсто:

Воды пламени не гасятъ ваши тѣмъ сердечнаго;

и:

Внутренній покой никакъ мнѣ сыскать не можно.

вмѣсто:

Внутренняго покоя никакъ мнѣ сыскать не можно.

Но сія вольность очень велика; Того ради рѣтко, или, какъ можно, ѿ никогда ея не употреблять.

ЖИУ.

ПРИВЪВЛЕНІЕ.

Вольности во обще таковой надлежитъ быть, чтобъ реченіе по вольности положенное, весьма распознать было можно, что оно прямое Россійское, и еще такъ, чтобъ оно нѣсколько и употребительное было. Напримѣръ: *брегѹ*, можно положить вмѣсто *берегѹ*; *брежно*, вмѣсто *бережно*; *стрегѹ*, за, *стерегѹ*; но *острожно*, вмѣсто *осторожно*, не возможно положить. И такъ, кажется мнѣ, что тѣ Стихотворцы, хотя съ другой стороны и достойны похвалы, весьма великую и нашему языку противную употребляютъ вольность, когда кладутъ вмѣсто, напримѣръ, *изъ глубины души, зъ глубины души*; вмѣсто *имлю способъ, млю способъ*.

О томъ

каковѣ должна быть рѣма, то есть, согласіе конечныхъ между собою въ Стихѣ СЛОВЪ.

О согласіи здѣсь конечныхъ между собою слоговъ, ни чего не надлежалобъ упоминать: понеже извѣстно есть всѣмъ нашимъ Стихотворцамъ, что сіе согласіе всегда лучше сходится на предкон-

чаемомъ слогѣ, то есть, на слогѣ, которой предъ самымъ послѣднимъ, хотя нѣкогда, и то въ комическомъ и сатирическомъ Стихѣ, (но что рѣже, то лучше) и накончаемомъ, то есть, на самомъ послѣднемъ то бываетъ. Однако для опроверженія нѣкоторыхъ правила (которые нѣжно мудрая говорятъ, что согласіе конечныхъ въ Стихахъ слоговъ худо сходится между прилагательными, причастіями, неопредѣленными, и прочая, дая тому причину, что таковыхъ согласій довольно можно и скоро прибрать; но для чего еще сіе согласіе запрещаютъ сіи господа кончить глаголами страдательными на *ся*, то не только я, но, надѣюсь, и сами они не знаютъ) предлагаю, что вся сила сего согласія, какъ нашимъ слухамъ о томъ извѣстно, состоитъ только въ подобномъ глоса звонѣ, а не въ подобіи слоговъ, или писменъ; и того ради нѣтъ тутъ причины выбирать части слова, но только надлежитъ прибирать не противный слуху, и согласный первому Стиха оконченію звонъ, каковыми бы онъ частями слова ни кончился. Чтожъ въ нѣкоторыхъ частяхъ слова довольно оныхъ согласій попадаетъ; то не только не порокъ брать, но еще бы надлежало, по моему, и радоваться, что таковыя подъ руками. Подлинно, что худо кончить на одно всегда реченіе, или гораздо часто на одинъ глоса звонъ; а впрочемъ напрасно симъ не надобную нѣжность наблюдающимъ въ Ріемѣ, тогда искать полдня, когда солнце садится. По сему видно, что сіи господа говорятъ только для того, чтобъ говорить, а не для того, чтобъ основательно говорить.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

О СОЧЕТАНІИ СТИХОВЪ.

Французская Поэзія, такъ же и нѣкоторыя Эвропскія, имѣя мужскаго и женскаго рода Стихи, сочетаваютъ оныя между собою. Французы сочетаніе Стиховъ называютъ: *Mariage des Vers*. Ежели бы древнимъ Латінамъ надлежало сочетавать свои Стихи; то бы не инако они могли лучше сіе назвать, какъ *Connubium Versuum*.

Мужскаго рода Стихъ во Французской Поэзіи есть тотъ, которой въ Героическомъ, или, какъ Французы обще называютъ, въ Александровскомъ, то есть, въ ихъ Стихѣ Эксаметрѣ, состоитъ изъ 12 слоговъ, а въ Пентаметрѣ изъ 10 оныхъ, ударяя въ обоихъ Ріему на кончаемомъ, то есть, на послѣднемъ слогѣ. Женскаго рода называется у нихъ тотъ, которой имѣетъ въ Эксаметрѣ 13 слоговъ, а въ Пентаметрѣ, 11 оныхъ, приводя паденіе Ріемы въ обоихъ на предкончаемый слогъ, то есть, на слогъ, которой

предъ самымъ послѣднимъ словомъ: мужскаго рода Стіхъ меньше слогомъ женскаго; а женскій всегда больше слогомъ мужскаго.

Вся сила сочетанія ихъ Стіховъ состоитъ въ томъ, что въ Стіхахъ непрерывныя Ріемы, по двухъ Стіхахъ мужскаго рода, полагаютъ они два Стіха женскаго рода; или: по двухъ прежде женскаго рода, кладутъ два Стіха мужскаго рода, и такъ все идутъ послѣдовательнымъ порядкомъ до самаго конца Поэмы. Въ Стіхахъ смѣшанныя Ріемы, которые почти всегда состоятъ изъ четверостишій, буде прежде положится мужскаго рода Стіхъ, то потѣмъ кладется женскаго рода другія Ріемы; а тамъ опять мужскаго рода соотвѣтствующій первому, и по немъ женскій согласный оконченіемъ Ріемы своему подобному. Буде же прежде положится въ Стрѣфѣ женскаго рода Стіхъ, то по немъ кладется мужскій, и послѣдовательно по порядку. Часто бываетъ у нихъ и такъ, что положивъ прежде мужскаго рода Стіхъ, ~~з~~ полагаютъ они два Стіха женскихъ непрерывныя Ріемы, а потѣмъ мужскій отвѣтствующій первому; или: ежели положится напередъ женскаго рода Стіхъ, то по немъ кладутся два Стіха мужскаго рода мужскія Ріемы, а потѣмъ женскій подобный звономъ Ріемы, первому женскому.

Сие сочетаніе Стіховъ, что не можетъ введено быть въ наше Стіхосложеніе, то, *первое*, для сего: Эксаметръ нашъ не можетъ имѣть ни больше, ни меньше тринадцати слоговъ. А ежелибъ сочетавать нашъ Эксаметръ; то илибъ мужскому у насъ Стіху надлежало имѣть тринадцать, а женскому четырнадцать слоговъ; илибъ женскому должно было состоять изъ тринадцати, а мужскому изъ двенадцати слоговъ. Равнымъ бы же образомъ принуждены мы поступать были и съ Пентаметромъ нашимъ по его пропорціи. Что все древнему нашему, но весьма основательному, употребленію такъ противно, какъ огонь водѣ, а ябеда правдѣ. *Второе* для сего: Свѣйство нашихъ Стіховъ всегда требуетъ ударенія Ріемы, то есть, приводитъ ладъ съ ладомъ, на предкончаемомъ слогѣ, въ чемъ почти главная сладость нашихъ состоитъ Стіховъ, а крайняя Ріема; хотя въ мало важныхъ, или шуточныхъ Стіхахъ, иногда кладется та на кончаемомъ, но и то по нуждѣ, да и весьма долженствуетъ быть рѣтко. А ежели бы сочетавать намъ Стіхи; то бы женской Стіхъ у насъ падалъ Ріемою на предкончаемомъ не обходимо слогѣ, а мужской не премѣнно бы на кончаемомъ. Таковое сочетаніе Стіховъ такъ бы у насъ мерское и гнусное было, какъ бы оное, когда бы кто наипоклоняемую, наивѣжнюю, и самымъ цвѣтомъ младости своя сияющую Эуропскую

24 Красавицу, выдавъ за дряхлаго, чорнаго, и девяносто лѣтъ имѣющаго Арапа. Сіе ясно будетъ, совершенно къ Стихамъ нашимъ примѣнившемуся. Слѣдовательно, сочетаніе Стиховъ, каково Французы имѣютъ, и всякое иное подобное, въ наше Стихосложеніе введено быть не можетъ, и не долженствуетъ.

Нѣкоторые, но нѣсколько, или лучше, весьма не основательно, толькожь съ хитрою насмѣшкою, предлагали мнѣ, что, буде, поднявъ брови и улыбаяся говорили, сочетаніе Стиховъ не будетъ введено въ новое твое Стихосложеніе; то новое твое Стихосложеніе не со всѣмъ будетъ походить на Французское. Сіи господа зная конечно думали, что я сіе новое Стихосложеніе взялъ съ Французскаго; но въ томъ они толь далеко отстоятъ отъ истинны, коль Французское Стихотвореніе отстоитъ отъ сего моего новаго. Я, что сіе праведно говорю, въ томъ ссылаюсь на всѣхъ тѣхъ, которые Французское Стихотвореніе знаютъ: оные могутъ всѣмъ засвидѣтельствовать, что Французское Стихосложеніе ни чѣмъ, кромѣ Пресѣченія и Рѣмы, на сіе мое новое не походить.

Пусть отнынѣ перестанутъ противно думающіе думать противно: ибо, поистиннѣ, всю я силу взялъ сего новаго Стихотворенія изъ самыхъ внутренностей свойства нашему Стиху приличнаго; и буде желается знать, но мнѣ надлежитъ объявить, то Поэзія нашего простаго Народа къ сему меня довела. Даромъ, что слогу ея весьма не красивый, отъ неискусства слагающихъ; но счастчайшее, пріятнѣйшее, и правнльнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ, нежели иногда греческихъ и латнскихъ, паденіе, подало мнѣ не погрѣшительное руководство къ введенію въ новый мой Эксаметръ и Пентаметръ, оныхъ выше объявленныхъ двусложныхъ тѣническихъ стопъ.

Подлинно, почти всѣ званія при Стихѣ употребляемыя, занялъ я у Французской Версификаціи; но самое дѣло у самой нашей природной, надревнѣйшей оной простыхъ Людей Поэзіи. И такъ зсякъ рассудить, что не можетъ, въ семъ случаѣ, подобнѣе скаваться, какъ только, что я Французской Версификаціи долженъ мѣшкомъ, а старинной Россійской Поэзіи всѣми тысячею рублями. Однако Франціи я обязанъ и за слова; но искреннѣйше благодарю Россіаннъ Россіи за самую вещь.

Отъ вышереченнаго не можно заключить, что понеже въ Стихосложеніи нашемъ нельзя быть сочетанію Стиховъ; то слѣдовательно и смѣшенной Рѣмы: Ибо Рѣма въ Стихѣ, каковабы Рода, и каковъ бы Стихъ ни былъ, состоитъ токмо въ ладѣ звона, которой можетъ положиться подобенъ первому чрезъ Стихъ, или чрезъ

два Поляки, у которыхъ Стихотвореніе во всежь сродное нашему, кромѣ паденія и стопъ, часто и красно употребляютъ смѣшенную Рѣму въ своихъ Стихахъ, которую уже и я употребилъ въ Одѣ моей о здачѣ гóрода Гданска, и въ другихъ многихъ Стихахъ.

Въ пѣсняхъ иногда не лзя и у насъ миновать сочетанія Стиховъ; но то только въ тѣхъ, которыя на Французской, или на Нѣмецкой голось сочиняются, для того что ихъ голосы такъ отъ Музыкантовъ кладутся, какъ идетъ ВерсѣИкацїя ихъ у Пить. Предлагаю я здѣсь тому въ примѣръ изъ двухъ моихъ пѣсенъ, (которыя сочинены на Французскїя голосы, и въ которыхъ по тóну употреблено сочетаніе Стиховъ) по одной первой строфѣ, которыя у Французовъ въ пѣсняхъ называются Couplets.

ПЕРВЫЯ ПѢСНИ СТРОФА:

26

Худо тому жити,
Кто хулитъ любовь:
Вѣкъ ему тужити
Утирая бровь.

* * *

ВТОРЫЯ ПѢСНИ СТРОФА:

Сколь долго, Климена,
Тебѣ не любить?
Временъ бо премѣна
Не знаетъ годить.
Нынѣ что есть можно,
Драгая моя,
Тождь утрѣ есть ложно,
И власть не своя.

* * *

Но въ другихъ пѣсняхъ, и въ другихъ нашихъ Стихахъ, которые для чтенія токмо предлагаются, сочетанія сего употреблять не надлежитъ.

Полно ужè мнѣ теперь о способѣ моемъ къ сложенію новыхъ нашихъ Стиховъ, словомъ токмо предлагать: время оной самымъ дѣломъ и примѣрами объявить.

ТОГО РАДИ:

СТИХИ НАУЧАЮЩІЕ ДОБРОНРАВІЮ ЧЕЛОВѢКА.

ПЕРЕВЕДЕННЫ СЪ ФРАНЦУССКИХЪ
ПОКОЙНАГО ФРАНЦІСКА ДЕ САЛІНЬНЯКА
ДЕЛА МОТТА ФЕНЕЛОНА,
УЧИТЕЛЯ ДѢТЕЙ КОРОЛЕВСКИХЪ,
СЛАВНАГО АУТОРА ТЕЛЕНАКА
ФРАНЦУССКАГО,
И БЫВШАГО ПОТОМЪ
АРХІЕПІСКОПА, ДЮКА КАМБРЕЙСКАГО,
СВЯЩЕННЫЯ РИМСКІЯ ІМПЕРІИ ПРИНЦА.
НАРОШНО СОЧИНЕННЫ РОССІЙСКИМЪ НОВЫМЪ
ЭКСАМЕТРОМЪ ДІЯ ПРИМѢРУ.

* * *

Отдавай то все ТВОРЦУ, долъгъ что отдавати;
Безъ рассутка жъ ничего ти бѣ не начинати.
Токмо съ добрыми людьми въ жизни сей дружися;
А таланты чрезъ твои никогда не льстися.
Съ мнѣніемъ другихъ всегда будь согласенъ прямо;
Никогда въ твоемъ стоять не изволь упрямо.
Внятно слушай, что тебѣ люди предлагають;
Больше умнымъ не кажись, нежели ты знають.
Съ тѣмъ о томъ не говори, смыслить кто что мало;
Прѣста сѣрдца быть тебя рѣчь и всебѣ казало.
Слово данное держи, былобѣ какъ ни трудно;
Ничегожъ не обѣщай вдругъ и не рассудно.
Будь услуженъ, будь и тихъ, ласковъ въ разговорѣ;
Всѣхъ пріятно принимай, былъ никтобѣ въ презорѣ.
Дерзостно не будь знакомъ, обходисяжъ смѣло;
Не размысливъ не вступай ни въ какое дѣло.
Безъ корысти всѣхъ люби, а прощай безъ мѣсти;
Низокъ будь большимъ, себязжъ подлымъ не бесчести.
Друженъ всѣмъ старайся быть, дружно поступая,
Тяжбы никогда ни съ кѣмъ самъ не зачиная.
Не провѣдывай ни какъ что чинять другіе;
Прѣсто крой дѣла твои, чтобъ не знали злые.

Рассмотря давай въ займы, толькожь добровольно;
 Если нада наградить, награждай довольно.
 И какимъ бы ни хотѣлъ образомъ ты быти;
 Быть безъ лишка, и себябъ въ томъ не позабыти.
 Страждеть кто твой другъ напасть? сожалѣй безмѣрно;
 Въ другъ всякъ порокъ сноси, все будь другомъ вѣрно.
 Побѣждай печаль, какъ духъ оной поддается;
 Не вини въ той никого, та какъ и минется.
 Учинить старайся миръ, ссоры гдѣ злодѣйство;
 Инакъ и не отищевай, какъ чрезъ благодѣйство. 29
 Жарко не жури людей, и хвали не льстивно;
 Мѣрно смѣйся надъ людьми; смѣхъ терпи взаимно.
 Каждая въ ремеслѣ своемъ чти ты безъ упрямства;
 Такъ же ничего не хуль одного для чванства.
 Благодѣтельствомъ твоимъ худо попрекати;
 Лучше оное всегда вѣвся забывати.
 Нуждну другу помогай, тотъ хоть и не просить;
 Кто дарить не такъ, какъ мотъ, щедра имя носитьъ.
 Пылка гнѣва угашай жаръ и не насытность;
 Говори добро всегда въ чьюлибѣ небытность.
 Благодарность бы была въ сердцѣ ти природно;
 Для забавы хоть играй толькожь благородно.
 Мысля, мало говори, обмануть не тщися;
 Чтобъ ти ни было дано, тѣмъ всегда хвалися.
 Должника не мучь, какъ онъ къ платѣ не исправень;
 Для себя, и для него, все будь добронравень.
 Ближнихъ щастія твоихъ не завидуи цвѣту;
 Вѣренное такъ храни, чтобъ не вынести свѣту.
 Крой, не чваняся ничѣмъ, тайну ти искусно;
 Презирай по семъ, какъ лгутъ по тебя что гнусно.

Здѣсь намѣрился я предложить такъ же въ примѣръ Героическаго нашего Стиха нѣкоторой Сонетъ, переведенный съ Францускаго покойнаго господина Баррѣ. Оный Сонетъ толь презрительно на Французскомъ сочинень языкѣ, что на силу могутъ ли ему подобныя найтися. Подлинно, что сей токмо можетъ тѣмъ Феніксомъ назваться, каковаго господинъ Боалѣ Депрѣ въ наукѣ своей о Пинтикѣ, говоря о Сонетахъ, желаетъ. Въ немъ колы матеря важная и благочестивая; толь и стіль есть красный и высокій.

Нѣкоторые изъ Франгузовъ предлагая прѣвила о Реторикѣ, за наилучшую штуку, въ рассужденіи краснорѣчія, сей въ примѣръ кладутъ. Я хотя переводнымъ и не могу равняться съ подлиннымъ, ибо и не мнѣ трудно то учинить; однако Стихомъ нашимъ Героическимъ, какъ мнѣ возможно было, такъ хорошимъ написагь.

Впрочемъ; Сонѣтъ имѣеть свое начало отъ Италянцовъ, и есть нѣкоторой родъ Франгусскаго и Италянскаго Мадригала, а Латинскія Эпіграммы. Состоитъ онъ всегда изъ четырнадцати Стиховъ, то есть, изъ двухъ чеверостішій на двѣ; токмо смѣшенныя, Ріемы, и изъ одного шестеростішя, имѣя всегда въ послѣднемъ Стихѣ нѣкоторую мысль либо острую, либо важную, либо благородную; что у Латинъ называется асипен, а у Франгузовъ chute. Порядокъ Стиховъ всегда въ немъ таковъ (кромѣ того, что въ шестеростішя иногда иначе смѣшивается Ріема) каковъ здѣсь предложенъ.

СОНѢТЪ

21

БОЖЕ МОЙ! твои судьбы правости суть полны!
 Изволяешь ТЫ всегда къ намъ щедротенъ быти;
 Но я тако предъ ТОВОЙ челоуѣкъ золь дольны,
 Что ужъ правдѣ мя ТВОЕЙ трудно есть простити.
 Ей, МОЙ ГОСПОДИ! грѣхи что мои довольны,
 То не могутъ и ТОВОЙ всяко мукъ избыти:
 ТЫ въ моемъ блаженствѣ САМЪ будто бы не вольны,
 Вся и милость мя ТВОЯ хочетъ погубити.

* * *

Буди же по ТВОЕМУ, то когда ТИ славно;
 Слезы на мои гнѣвись, очи льютъ что явно;
 Инъ греми; рази, пора, противна ПРОТИВНЫЙ.

* * *

Чту причину что ТЕБЯ такъ ожесточаетъ;
 Но помѣсту поразишь каковому, ДИВНЫЙ?
 Мя всего ХРИСТОВА КРОВЬ щедро покрываетъ.

Слѣдующее РОНДО, которое есть моего сочиненія, и которое такъ же предлагается въ примѣръ Героическаго нашего Стиха, здѣлано во всеподданѣйшее поздравленіе, по прошенію нѣкоторыхъ придворныхъ особы, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ НАШЕЙ ІМПЕРАТРИЦѢ АННѢ ІОАННОВНѢ СамодержицѢ Всероссийской, на высокій день ЕЯ рожденія, которое было, и торжествуется повсягодно общею и великою радостію Генваря 28 дня. Рондо такъ же есть нѣкоторой родъ Эпиграммы, и состоитъ всегда и не премѣнно изъ тринадцати Стиховъ, имѣя двѣ конечно только Рѣмы то непрерывныя, то смѣшанныя. Первое въ немъ реченіе, или иногда два и три, только не больше, долженствуетъ дважды повторяться, однако такъ, чтобъ то было къ стати, и весьма въ особливомъ разумѣ одно повтореніе отъ другаго, какъ то увидится въ слѣдующемъ моемъ Рондѣ. Рондо называется отъ круглости: ибо какъ въ кругѣ, или въ кольцѣ, конецъ съ концомъ сходится; такъ и въ Рондѣ первое реченіе съ послѣднимъ. Щастливѣе Воатюра въ сочиненіи Ронда не было на Французскомъ языкѣ.

РОНДО

33

ПРОСТО поздравлять ТЕБѢ, АННА несравненна,
 Что была сего ТЫ дня въ свѣтъ произведенна,
 Но отъ сѣрдца и души, лучше помышляю:
 Ибо слаткословну рѣчь я сложить не знаю,
 Не имѣя въ головѣ столь ума вложенна.

* * *

Умныхъ красно рѣчь хотя въ слогѣ расширенна,
 Чтожь тѣ больше говорятъ, ЗДРАВСТВУЙ, какъ, РОЖДЕННА?
 Тѣмъ трудятъ лишъ только ТЯ, какъ ни рассуждаю

ПРОСТО.

* * *

Милости отъ БОГА въ знакъ ТЫ намъ подаренна;
 Вся моя рѣчь правдой сей много украшенна.
 ЗДРАВСТВУЙ АННА въ долгій вѣкъ! весель восклицаю,
 Всѣхъ благъ, купно ТИ торжество я всегда желаю!
 Съ сердцемъ тако мысль моя право соглашенна.

ПРОСТО.

34 Думаю, что Эпістоля Россійскимъ Стихомъ прежде меня, буде не обманываюсь, никто еще не писывалъ; того ради одну здѣсь, какъ въ примѣръ новагожь Стиха Эксаметра, такъ и въ примѣръ самыя ея предлагаю.

ЭПІСТОЛА, слово есть Греческое, которое происходитъ отъ *Ἐπιστολή*, и значить: *посланіе, писаніе*, или просто, *письмо*, для того, что Греческій глаголь *Ἐπιστέλλω* значить: *посылаю, пишу*. ЭПІСТОЛА есть разговоръ отсутствующаго съ отсутствующимъ на письмѣ, каковъ бываетъ у присутствующихъ между собою на словахъ. Въ Эпістолю, ддятого что она разговоръ на письмѣ, надлежитъ прилжно наблюдать, чтобъ Стиль ея былъ кратокъ, силенъ, ни высокъ ни низокъ, прямо дѣло изъясляющій, а посторонняго ничего не примѣшивающій: Ибо все противное сему, читающаго приводитъ въ скуку, а пославшаго Эпістолю въ похуленіе. Много родовъ есть Эпістоля, какъ напримѣръ: *Родъ совѣтныя, поздравительный, сожалительный, купеческій, любовническій*, и прочая, ддятого что не сего есть мѣста о томъ говорить.

Рассуждать въ Эпістолахъ надбно и о семъ: кто пишетъ, къ кому пишетъ, куда пишетъ, ддячего, и о чемъ пишетъ: Ибо по разности сихъ обстоятельствъ, разна Эпістола написана быть можетъ.

Въ дружескихъ Эпістолахъ беречься должно, чтобъ съ утѣшнымъ не внесено было дерзновенное, и слуха недостойное; и буде таковое случится, то надлежитъ такими окружными, но честными словами описать, чтобъ только можно было о томъ догадаться, по тому что противное, подлаго воспитанія быть человѣка показываетъ, и въ великое презрѣніе пославшаго приводитъ. Въ Сатурическихъ Эпістолахъ такъ должно человѣка хулить, чтобъ только худыя его дѣла порочить, и то не безъ закрышекъ и не безъ отверницъ, укрывая, какъ можно, имя, и все то, по чему можно догадаться, что то конечно и точно о семъ, а не о другомъ человѣкѣ пишется; но чести его ни мало не касаться, и все сіе такъ, чтобъ впредь не было причины о томъ къ раскаянію, за тѣмъ, какъ говорится, *что написано перомъ, не вырубишь никогда топоромъ*. Въ Эпістолахъ о важныхъ дѣлахъ, а особливо о наукахъ, должно умѣренну быть въ Аполлнствованіи, для того что все высокое въ Эпістолю не имѣетъ мѣста; а тотъ, кто *projicit ampullas, et seequipedalia verba*, какъ говоритъ Гораций, то есть, *кидаетъ надутыя, и съ полтора фута слова*, всегда завирающимся называется. Слогъ Панегрическихъ Эпістоля долженствуетъ быть гладокъ, сладокъ, способно текущій, и искусный, а особливо въ Дедикаціяхъ: ибо толь нѣжна и хитра Дедикація въ Прозѣ, коль мудръ

и замысловать Сонетъ въ Поэзіи. Но чтобъ не далѣе вытѣти изъ предѣловъ должности моея, предлагая о Эпістолахъ во обще, прихожу къ Пѣитическимъ Эпістоламъ, о которыхъ только я имѣлъ намѣреніе предложить.

Пѣитическая Эпістола есть почти тожь, что и простая. Се всякому можно видѣть у Овідія въ Эпістолахъ отъ Героинь. У Горация многихъ родовъ Эпістола Пѣитическія читаются. Однако нынѣшніе Пѣиты наибольше сочиняютъ оныя Панегүрическія, которыхъ и мнѣ въ сей моея послѣдовать заблаго рассудимось, какъ то читатель самъ изволить увидѣть. На Французскомъ языкѣ господинъ Боалдъ Демпрѣ толь презрядныя писалъ Эпістола Стихами, что ужѣ лучше его, кажется, написать и не лзя. Пѣитическая Эпістола Стишемъ только разнится отъ простая, для того что въ Пѣитической Эпістола, и стиль долженствуетъ быть Пѣитическій, Аполлиноватый, и весьма съ Парнасскимъ не разглашающійся. Сей родъ Поэзіи, назвалъ я ЭПІСТОЛОЮ, а не ПОСЛАНИЕМЪ, ПИСАНИЕМЪ, и ПИСЬМОМЪ, для того, чтобъ различить Пѣитическое Письмо отъ ПОСЛАНИЙ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА, и отъ простыхъ Писемъ. Латіны такъ же называютъ Пѣитическія и оныя духовныя: Epistolae; а простыя чаше: Litterae. Французы простыя зовуть: Lettres; а Пѣитическія и святаго Павла посланія: Epîtres.

Эпістола мою пишетъ Стихотворчество, или Поэзія Россійская къ Аполліну вымышленному Богу Стихотворчества. Но чтобъ кому ния се не дало соблазна; того ради я объявляю, что чрезъ Аполліна должно здѣсь разумѣть желаніе сердечное, которое я имѣю, чтобъ и въ Россіи развелась наука Стихотворная, чрезъ которую многіе народы пришли въ высокую славу. А въ прочемъ все въ ней какъ ни написано, то по Стихотворчески написано, что искусные люди довольно знаютъ; и для того ревнующимъ намъ по благочестію Хрістіанамъ, нѣтъ тутъ никакогого повода къ соблазну.

Э П І С Т О Л А

37

ОТЪ РОССІЙСКІЯ ПОЭЗІИ КЪ АПОЛЛІНУ.

Девяти Парнасскихъ сестръ, купно Гелікона,
 О Начальникъ АПОЛЛІНЪ, и Пермесека звона!
 О Родитель слаткихъ словъ сердце веселящихъ,
 Простъ слогъ и не украшенъ всячески красящихъ!
 Посылаю ти сію Росска Поэзія,

- Кланяясь до земли, должно что, самѣя.
 Нову вещь тебѣ хочю сею объявити,
 И съ Парна́сса ты сюда самого просити;
 Что бы въ помощь ты мою былъ всегда скорѣйшій,
 Что бы слогъ мой при тебѣ началъ быть острѣйшій.
 Ужъ довольно чрезъ тебя пѣла наученна,
 Греческа сестра моя въ вѣки не забвенна;
 Славилъ много хитръ Гомеръ ею Ахиллеса,
 Чрезъ Улуссовъ же походъ ужъ знатна Цирцеа.
 Многожъ и сестра тобою Римска свѣту пѣла,
 Жаромъ, что вложилъ ты ей, дивно та кипѣла:
 Ужъ Эней описанъ тамъ сердца добронравна,
 Чрезъ Віргілія въ Стихахъ Князя толь преславна;
- 28 И Гораци́ева всѣмъ есть любя ужъ Лура,
 Съ Ювенáловой при томъ колюща Сатура.
 Гдѣ Овідій ужъ не чтенъ радостно преслаткій?
 Галль, Проперцій и Тибулль въ слогъ своемъ глаткій?
 И Теренцій, Комікъ Пяутъ въ Соккѣ поиграли,
 Плескъ и похвалу себѣ въ Римлянахъ сыскали;
 Трагикъ Сенека не столь ткалъ хотъ Стихъ изрядно,
 Выходилъ въ Котурнѣ онъ иногдажъ нарядно;
 Марціалъ краткъ, узловатъ, многожды Сатурікъ,
 Въ Эпиграммѣ уищцалъ индѣ Панегурікъ.
 Всѣмъ моя симъ къ славѣ ихъ тамъ сестра служила,
 И тебя довольно въ сихъ АПОЛЛІНА чтила.
 Не презрѣнна и сестра отъ тебя та нѣжна,
 Съ Тэутомъ, Гберомъ живетъ что въ срединѣ смежна,
 Съ мяхимъ такъ же въ югъ блиска что Италянцомъ,
 Съ острымъ въ сѣверъ чрезъ моря купно и Британцомъ;
 Галлы ею въ свѣтъ ужд славны пронеслися,
 Цесаремъ что, но давно, Варвары звалися.
 Два Корнелія, Рацінь, Трагики искусны,
 Реньше въ нихъ, Боалд, Сатурами вкусны;
 Съ разумомъ и Моліеръ въ родѣ ихъ глумливый,
 Былъ, Віргілія Скаронъ осмѣять, шутливый;
 Молодой хотъ въ нихъ Волтеръ, но весьма чистъ въ слогѣ;
 Щасливъ О дела Фонтенъ басенъ былъ въ прилогѣ!
- 29 Одами леталъ Малгербъ въ нихъ всегда достойно,
 Эжжлогу поправилъ тамъ Фонтенелъ пристойно;
 Воатюръ въ Рондѣ игралъ весель и пріятенъ,
 Больше чрезъ Псалмы Русо, хотъ чрезъ все онъ знатенъ.

Про другихъ упоминать, право нѣтъ имъ щоту:
 Особливу всякъ въ Стихѣ показалъ доброту.
 Эпиграммы тотъ писалъ, инъ же Філіппіки,
 Славны Оперы другой слаткой для музыки;
 Въ Элегіяхъ плакалъ инъ жалостно, умильно,
 Тотъ Сонетъ, тотъ Мадригалъ, тотъ баладъ клалъ сильно.
 Пѣсенъ ихъ что можетъ быть лучше и складяе?
 Ея! ни Греція, ни въ томъ могъ быть Римъ умняе.
 Славны и еще они, но по правдѣ славны,
 Что жены, тотъ красный полъ, были въ томъ исправны:
 Сѣпфобъ Греческа была въ зависти великой,
 Смыслъ дѣвицы Скудері есть въ Стихѣ коликой;
 Горько плачущей Стихомъ нѣжной дела Сюзы,
 Сладостиѣе никогда быть не можетъ мѣзы.
 Токмо полно мнѣ и сихъ имянно счисляти,
 Лучше самъ ты, АПОЛЛІНЪ, можешь про нихъ знати.
 Галлія имѣеть въ томъ, ей, толику славу,
 Что за средню дочь твою можно чтить по праву.
 Въ сытость напился воды такъ же Касталійски,
 Что писалъ разумно Тассъ и по Італійски.
 Ты вознесъ въ Мітѳѣ толь и сестру Брітанску, 40
 Въ Лѳѣ, такъ же и въ другихъ разгласилъ Гішпанску.
 Правильно Германска ужъ толь слухъ услаждаетъ,
 Что остръ Юнкеръ славну мзду ею получаетъ:
 Юнкеръ, котораго въ честь я здѣсь называю,
 Юнкеръ, которому, ей, всякихъ добръ желаю.
 Что же слаткій тотъ Орфей, Піндаръ тотъ избранный,
 Въ благородномъ родѣ семъ Кенігомъ что званный?
 Въ немъ сестра моя всегда пѣла героично,
 Амѳіонской пѣть бы такъ было съ нимъ прилично.
 Каяпа сердечный жаръ, Бѣссера любовна,
 А Неймѣстера, при немъ Шмѳлка толь духовна,
 Кто бы нынѣ лучше могъ на Стихахъ играти?
 Брокса, Триллера, комуъ выше можно знати,
 Что въ вещахъ природныхъ есть для Стиха изрядно?
 О Стихомъ весь идетъ коль Гіантеръ лехкъ нарядно!
 Щастливѣе въ комъ сестра тамъ моя трубила,
 Какъ въ Нейкірхѣ, Стихъ кому важный подарила?
 У чужихъ братъ мысли сей; но чрезъ переводы,
 Дивно полагагъ тѣ въ Стихъ своея природы.
 Нову въ Ошцѣ мою всѣ сестру признали,

- Обновителемъ тоя называть всѣ стали;
 О'лицу, придавъ Стиховъ имя отца, перву,
 Что въ нихъ строены тотъ и хитръ вольну чрезъ Мінэру.
- 41 Научивши ты сестру толь мою нѣмецку,
 Научить не позабылъ такъ же и турецку,
 И Персідску, и какой хвалится Индія,
 И въ Арапской что землѣ мудра Поэзія.
 Чрезъ тебя гласятъ Стихомъ Польская спесивно,
 Иногдажъ весьма умно, и весьма учтиво.
 Словомъ нѣтъ ужé нигдѣ такова народа,
 Чтобъ чествна тамъ сестръ моихъ не была порода.
 Только ли одну меня такъ ты оставляешь?
 За родную мя себѣ иль не признаваешь?
 Но приди и нашу здѣсь посѣтить Россію,
 Такъ же и распространи въ ней мя Поэзію:
 Встрѣтить должно я тебя всячески потщуся,
 И въ приличный мнѣ уборъ свѣтло наряжуся;
 Съ привѣтственнымъ предъ тебя и Стихомъ предстану,
 Новыхъ мѣръ въ стопахъ, не числѣ, поздравлять тѣмъ стану.
 Новыхъ! поистиннѣ такъ, хоть бы ты дивился,
 И подобенъ такову, кто не вѣрять, зрится:
 Старый показался Стихъ мнѣ весьма не годенъ,
 Для того что слуху тотъ весь былъ не угоденъ;
 Въ сей паденіе, въ сей звонъ стóпу чрезъ пріятну,
 И Цезу'ру * въ сей внесла долгою знатну.
 Старымъ токмо я числомъ Стихъ опредѣлила,
 Стóпы двосложны за тѣмъ въ новый сей вложила;
- 42 Стóпы, обѣгая въ нихъ трудность всю Аѳінску,
 И въ количествѣ Стиховъ такожде Латінску;
 Тóническу долготу токмо давши слогу.
 Такъ до Ріомы Стихъ веду глатку чрезъ дорогу;
 Выгнавъ мерскій переносъ, и все что порочно,
 То оставила Стиху, что ему есть точно.
 Таковымъ тебя Стихомъ стану поздравляти,
 Таковымъ тебя Стихомъ буду умоляти,
 Чтобъ оставивши Парнасъ все ты жилъ со мною,
 Одарилъ бы всю меня слова красотою.
 Поспѣшай къ намъ, АПОЛЛІНЪ, поспѣшай какъ можно:
 Будетъ любо самому жить у насъ, не ложно.

* Пресѣченіе.

Хотя нужденъ ты давно здѣсь въ Россіи славной,
 Все въ великихъ что дѣлахъ щастится быть главной;
 Больше но теперь въ тебѣ нужды я имѣю,
 Тѣмъ и нудить больше ты, чтобъ спѣшить къ намъ, смѣю.
 АННУ даровалъ намъ БОГЪ нынѣ коль велику,
 Не лзя безъ твоей воспѣть Гарфы то мнѣ зыку:
 Мудрыхъ всѣхъ во свѣтѣ главъ есть ЕЯ мудрѣйша,
 Разумомъ разумныхъ всѣхъ ТА весьма острѣйша;
 САМОДЕРЖИЦЫ СЕЯ ОКО прозорливо,
 Полно СЕРДЦЕ всякихъ благъ, тѣмъ щедролюбно;
 Что ВЕЛИЧЕСТВА на ВСЕЙ блещетъ ЛУЧЪ небесный,
 Всякъ народъ, весь мѣръ о томъ СЛАВОЮ извѣсный:
 Храбрая РУКА ЕЯ полна благодати;
 Щастіе, О при ТЕБѣ всѣмъ РОССІЙСКА МАТИ!
 Милость, правда, и любовь къ подданнымъ безмѣрна,
 Дѣло къ благочестію и въ НЕЙ мысль вся правовѣрна;
 Бодростью не женъ, мужей АННА превышаетъ,
 ТѢЛО БОГЪ ЕЙ и ЛИЦЕ тою украшаетъ;
 Страшно то въ НЕЙ всѣмъ врагамъ, Россамъ что есть мило,
 Великодушіе же зависть всю дивило.
 Слава для НЕЯ трубы хоть бы не имѣла,
 Совершенства всѣ ЕЯ хоть бы не гремѣла;
 ТА САМА СОБОЙ хвала, ТА САМА ВСЯ слава.
 О да будетъ АННА въ вѣкъ здѣсь и въ вѣки ЗДРАВА!
 Добрымъ ТА любовь сердцамъ, вѣрнымъ всѣмъ и радость;
 Всей Россіи красота, щитъ, надежда, сладость,
 И прибѣжище, покой, здравіе, богатство,
 И желаніе, и честь; словомъ: все изрядство.
 Самый образъ на землѣ ВЫШНІЯ щедроты,
 Силы, благости ко всѣмъ, сродныя доброты.
 Всякъ престолъ бы чрезъ НЕЯ могъ быть высочайшій,
 Будетъ на ГЛАВѢ драгій всякъ вѣнецъ дражайшій,
 Въ сильнѣйшій РУКОЙ скиптръ сильнѣ АННЫ премѣнится.
 Ея! величествомъ на НЕЙ бѣльшимъ украсится,
 Коль бы ни сіяла гдѣ онимъ вся порфира;
 Ибо АННА нынѣ есть токмо чудо МІРА.
 Мѣнится при СЛАВНОЙ все, что ни есть, въ преславно,
 При ВЕЛИКОЙ все растетъ въ величайше явно;
 Лучшій все прѣмлетъ видъ. Худо, что и злобно,
 Премѣняется въ добро, и въ любовь удобно.
 Добродѣтель АННЫ то крайня заслужила,

43

44

БОЖІЯ ТУ благость тѣмъ такъ благословила.
 Но какъ слабой мнѣ во всемъ ОНУ описать?
 Объ АУГУСТЪ токовой лучше бы молчать
 И Виргіліевой здѣсь быть всегда имѣло;
 Самъ и ты бы, АПОЛЛІНЪ, былъ не скоръ на дѣло.
 Толь то МОНАРХІЯ всѣмъ АННА наша стройна,
 Свѣта что всего Коронъ по всему ДОСТОЙНА.

- 45 Слѣдующія двѣ Элегіи, которыя сочинены Эксаметромъ нашимъ, предлагаются здѣсь такъ же въ примѣръ того нашего Стиха.
 Слово, *Элегія*, происходитъ отъ Греческаго: *Ελεγεία*, и значитъ: Стихъ плачевный и печальный, по свидѣтельству славнаго Пѣты Римскаго Овідія, оплакивающаго въ одной изъ своихъ Элегій скорую смерть друга своего, слаткаго Элегіческаго Пѣты латинскаго Албія Тібулла, тако:

*Flebilis indignos Elegeia solue, capillos,
 ah! nimis ex vero nunc tibi nomen erit,*

то есть:

Плачевная Элегія! распусти не убранные свои волосы,
 ахъ! излишно по правдѣ отъ плача ты нынѣ имя возъимѣешь.

Подлинно, хотя важное, хотя что любовное, пишется въ Элегіи; однако всегда плачевою и печальною рѣчью то чинится. Можно о семъ всякому Россійскому охотнику увѣриться отъ Греческихъ Элегій Філетасовыхъ; Латинскихъ: Овідіевыхъ прензрядныхъ, и, не хуже оныхъ, Тібулловыхъ; такъ же Проперціевыхъ, и Корнеліевыхъ Галловыхъ; а отъ Французскихъ, весьма жалостныхъ и умилительныхъ, покойныя Графини дела Сюзь.

Я что пускаю въ свѣтъ двѣ мои Элегіи плачевныя, то весьма безопасно; но что пускаю ихъ любовныя, по примѣру многихъ древнихъ и нынѣшнихъ Стихотворцовъ, въ томъ у добродѣтельнаго Россійскаго читателя прощенія прося, объявляю ему, что я описываю въ сихъ двухъ Элегіяхъ не зазорную любовь, но законную, то есть, таковую, каковѣ хвалится между благословенно любящимися супругами.

- 46 Въ первой плачетъ у меня вымышленный супругъ о томъ, что разлучился съ любезною своею супругою, такъ же мечтательною, Илдарою, и что ужъ ея не уповаетъ видѣть за дальностію; а во второй не утѣшно крушится о томъ, что увѣдомился онъ подлинно о смерти своея Илдары, а однако любить ея и по смерти пересгать не можетъ. Слово, *Купидинъ*, которое употреблено во второй моей Элегіи, не долженствуетъ къ соблазну дать причины жестокаго до-

бродѣтели хрїстіанину: понеже оно тутъ не за поганскаго Венераина выдуманаго сына прїемлется; но за пристрастіе сердечное, которое въ законной любви, и за великую свою горячность, хулимо быть никогда нигдѣ еще не заслужило.

Неповинная моя въ томъ совѣсть, хотя меня совершенно оправляетъ; однако не надѣюсь, чтобъ не нашолся кто угрюмый, и менябъ за сіе всячески не порочилъ, по тому что не мало у насъ таковыхъ, которые про ближняго своего, безъ всякїя иногда хрїстіанскїя любви, и часто безъ всякаго основанїя, только въ Феврагѣ мѣсяцѣ меньше говорятъ, за тѣмъ что въ немъ и въ самый висекосный годъ меньше дней числится. Того ради снѣмъ Господамъ я не могу другаго способа дать, къ не поврежденїю ихъ честныя добродѣтели, кромѣ сего, чтобъ только ихъ не читать, довольно надежденъ, что знающіе въ семъ силу, другую мнѣ, въ рассужденїи сего, учинять справедливость. Никогдабъ, поистиннѣ, сіе на меня искушенїе не могло прїятти, чтобъ издать въ народъ оныя двѣ Элегїи, ежелибъ нѣкоторые мои прїятели не нашли въ нихъ, не знаю какова, духа Овідевыхъ Элегїй. Сїя ихъ ласкательная и излишняя ко мнѣ милость, даромъ что меня, по нѣсколькому во всѣхъ насъ съ природы пребывающему самолюбію, на сіе одобрила, токмо будучи свѣдомъ о подломъ разумѣ, маломъ искусствѣ, и слабыхъ моихъ силахъ въ Стїхотворствѣ, самъ признаваюсь, что еще больше я отстою отъ красоты слога, тонкости мыслей, и способно текущаго Стїха Овідева, нежели самъ Овідій отстоитъ отъ меня древностїю времени, въ которое онъ свои Элегїи писалъ.

Мои Элегїи не могутъ подобнѣе назваться, какъ токмо онымъ жестокимъ и темнымъ металломъ, которой во время превеликаго Корїнескаго пожара отъ чистыхъ, драгоценныхъ и свѣтлыхъ металловъ, вмѣстѣ чрезъ огонь слившихся, новый тогда Корїноянѣмъ объявился. И хотя въ нихъ ничего не находится, котороебъ и малыя хвалы достойно было; однако за новостъ Стїха, и за новостъ свою самую, нѣсколькаго прїятства къ себѣ у читателей пускай покорно просятъ.

ЭЛЕГІЯ I

48

Не возможно сердцу, ах! не имѣть печали;
 Очи такожде еще плакать не престаи:
 Друга милаго весьма не могу забыть,
 Безъ котораго теперъ надлежитъ мнѣ жити.

Вижу, ахъ! что надлежитъ, чрезъ судьбу жестоку,
 Язву сѣрдца внутрь всего толь питать глубоко:
 Съ Илідарю на вѣкъ я ужъ разлучился,
 И въ послѣдніе тогда весь въ слезахъ простился;
 Отнять сталъ быть отъ нея чрезъ страны далеки,
 И не вѣрныя моря, купю многи рѣки;
 Темны лѣсы видѣть ту се не допускають,
 Холмами же отъ меня горы закрываютъ;
 Скоры вѣтры донести къ ней не могутъ рѣчи,
 Слезны горько проливать нужно мнѣ есть течи.
 Щастіе прешедше! ужъ что не возвратимо!
 Мучимю только мнѣ мыслию что зримо!
 Дячего ты потерявъ нынѣ въ Илідарѣ,
 Памяти не потерялъ о драгой я парѣ?
 Лучшебъ оныя о той вѣснѣ не имѣти,
 Сердцемъ нежели всякъ день муку злу терпѣти:
 49 Всѣ къ концу дѣла мои нынѣ не приходятъ,
 Съ Илідары бо драгой мысли всѣ не сходятъ;
 Илідара иногда сѣдша подымаетъ,
 А ходить когда начну, спать та полагаетъ;
 Прикоснулся же бы нишъ тѣломъ до кровати,
 Память Илідары мя тотчасъ нудитъ встати.
 Тѣмъ не зная что чинить, и себя не знаю,
 Самого себя не самъ, токмо стѣнь бываю.
 Тако дерзостный корабль морѣ на пространномъ,
 Вихрями со всѣхъ сторонъ страшно взволнованномъ,
 Порывается въ страну, а потомъ другую,
 И теряючи свой путь страждеть бѣду злую,
 То на сѣверъ несучись, то и на востоки,
 Ломящимся же волнамъ отворяетъ боки,
 То къ полудню устремленъ, къ западу и темну,
 Съ горъ вырываетъ водныхъ въ низъ въ пропасть какъ подземну,
 Нѣтъ пристанища нигдѣ, нѣтъ нигдѣ предѣла;
 Вѣды, пропасть и шума пѣна кипитъ бѣла.
 Отдается, на конецъ, вихрей тѣхъ на волю,
 И въ извѣстнѣйшу корысть житкому весь полю.
 О кто щастливый еще не бывалъ въ разлукѣ!
 Непрерывно веселясь съ другомъ любви въ тѣкѣ!
 О все время есть сему слатко и пріятно!
 О благополученъ сей въ жизни многократно!
 50 Сердце горести его никогда не знаетъ,

Въ красномъ цвѣтѣ веселъ духъ на лицѣ играетъ;
 Въ сяткомъ и проходятъ снѣ тихи ему ночи,
 Токи проливать и слезъ не умѣютъ очи;
 Умъ всегда цѣлѣ, такъ же здравъ, и въ прямомъ поряткѣ,
 Сокрушенія себя быть не зреть въ упаткѣ;
 Ложны виды не страшатъ въ снѣ его покойномъ,
 Часто видитъ госпожу въ образѣ все стройномъ;
 Видеть, будто иногда съ нею онъ смѣется,
 Иногда будто друшкомъ отъ нея зовется;
 Зреть, гуляетъ что въ садахъ съ нею онъ веселыхъ,
 Тамъ плодовъ себѣ веля много принести спѣлыхъ.
 Выбираетъ лучшей плодъ видомъ и ей вкусомъ,
 Почиваетъ то своимъ та его, зреть, кусомъ.
 То ходя по цвѣтникамъ Розы рветъ, лѣги,
 И связавъ въ пучки пестря складны чрезъ затѣи,
 Украшаетъ ей главу, грудь и тѣми такъ же;
 Липточку то на рукѣ вяжетъ ту же, слабже;
 Лучшему то въ ней всему, ахъ! дивясь цѣлуется,
 То пылиночку съ грудей приклоняся дуется,
 Сдувъ, великою чинить ей свою работу,
 Подцѣлуевъ въ плату съ ней требау безъ щоту.
 Гонится то бѣгучи иногда за нею,
 Спрятывается то самъ въ густую Аллею;
 Хотятъ въ мѣстѣ иногда при водахъ текущихъ,
 Индѣ слушаютъ потомъ гласы птицъ поющихъ;
 То подъ сѣнью сидя сами пѣть заводятъ,
 Свищущихъ тѣмъ соловьевъ въ многъ задоръ приводятъ;
 То приходятъ о рѣчахъ въ не большіе споры,
 То скланяются они въ мирны разговоры;
 Иногда, но ни за что, будто впрямъ бранятся,
 А спустивъ минуты съ двѣ, слезъ въ струяхъ вниятся.
 Слезы, о дражайши перлъ! веселѣйши смѣха!
 О горящимъ отъ любви въ сердцахъ утѣха!
 Воды пламень не гасятъ ваши тѣмъ сердечный,
 Возбуждаютъ еще жаръ любящимся вѣчный.
 Таковыя видитъ сны, кто все не разлученъ
 Отъ любимыя живетъ съ радости не скученъ.
 Съ нилою что на яву у него чинится,
 Почивающу ему тотъ же видъ и снится.
 Мнѣ же бѣдному теперъ отъ сея разлуки,
 Все не сносныя страдать нужно стало мѣки;

Нужно стало по драгой, ахъ мнѣ! Илдарѣ:
 Не згараю весь горя толь въ любовномъ жарѣ.
 Въ вещи всякой ту найти я хочу напрасно:
 Нѣтъ, чтобъ ею возмогло всѣхъ въ вещахъ быть власно;
 Видѣть думаю ея, сердце льстя, повсюду,
 Но не видя огорченъ прочь бѣгу отуду.
 52 Все хочу, что окомъ зрю, было чтобы ею,
 Вещь на всякую смотря изумленъ медлѣю.
 Илдары нѣтъ нигдѣ! нѣтъ нигдѣ драгія!
 Тѣни въ памяти живутъ только, ахъ! простыя.
 Тѣ однажды мнѣ во снѣ ону показали,
 Плачущую всю по мнѣ видѣть приказали;
 Думавъ правдою то быть, съ ней хотѣлъ схватиться,
 Крѣпко и прижать къ грудямъ, чтобъ не разлучиться,
 Но движеніе всего толь мя устремленна,
 Учинило, ахъ! отъ сна въ горестъ пробужденна.
 Отдаленіемъ моимъ потерялъ самую,
 Потерялъ отъ сна вспрынувъ тако стѣнь пустую.
 Лбяся токмо я тогда горькими слезами,
 Убѣжавшу проводилъ, ей крича словами:
 Свѣтъ любимое лице! чья и стѣнь пріятна!
 И рѣчь мнимая ко мнѣ въ самомъ снѣ есть внятна!
 Чаше по ночамъ хотя спящему кажися,
 И ходить къ лишенну чувствъ, мила, не стыдися.

ЭЛЕГІЯ II

53

Кто толь бѣдному подасть помощи мнѣ руку?
 Кто и можетъ облечить, ахъ! сердечну муку?
 Мякосердыя на мя сынъ богини злится,
 Жесточайшимъ отчасу тотъ мнѣ становится:
 Не исцѣльно поразивъ въ сердце мя стрѣлою,
 Непрестанною любви мучить, ахъ! бѣдою.
 Сердце равныя ни чье не имѣло страсти,
 Не впадало тѣмъ ни чье въ равныя напасти:
 Безъ надеждыбъ чье когда лютый жаръ страдало?
 Ахъ! невинное мое въ лютость ту попало.
 Престоякая болѣзнь всякъ часть то съѣдаетъ,
 Не сравненная печаль какъ звѣрь лютъ терзаетъ;

Мысли, зря смущенный умъ, сами всё мнутъся,
 Не велишь хотя слезамъ, самовольно льются;
 Вдругъ безмолствую, и вдругъ съ стономъ въздыхаю,
 Самъ не вѣмъ чего желать, и чего желаю.
 Безнадеждѣ, мятежъ, горестъ и печали,
 И не сносная тоска въ вѣкъ на мя напали.
 Въ семь смятеніи моемъ, что чинить имѣю?
 Сердце рвется, а цѣлить чѣмъ то, не умѣю.
 Мысль тотчасъ одну съ ума гонить прочь другая,
 Разумъ отъ меня бѣжитъ, страсть же мучитъ злая.
 Внутренній покой никакъ мнѣ сыскать не можно,
 Чтобъ я въ помощь ни взывалъ, все въ удачѣ ложно.
 Никому принести нельзя жалобу сердечну:
 Купидинъ мя осудилъ къ молчанію вѣчну.
 Не рассудный и слѣпый, Купидинъ пресильный,
 И который толь ко мнѣ нынѣ не умилный!
 Я какую тебѣ могъ дать къ сему причину,
 Что ты вѣчну напустилъ на меня кручину?
 Ты велишь мнѣ то любить, не лзя что любити,
 Съ свѣта знатно ты сего хочешь мя згонити:
 Илдары нѣтъ ужъ, ахъ! нѣтъ ужъ предрагія!
 Больше Илдары зрѣть не могу младыя!
 Престеoka смерть ужѣ ссѣкла ту косою!
 Ранить больше мя по ней чтожъ любви стрѣлою?
 О изволь отъ страсти къ ней нынѣ мя избавить!
 Ту изъ сѣрдца вынять всю, въ мысляхъ же оставить!
 Не повинну мнѣ за что кажешь ты немилость?
 Въ преглубокую за что вводишь мя унылость?
 Сердце ти мое когда было не покорно?
 Оно ты къ себѣ видалъ быть когда упорно?
 Быть готово то всегда, ей, въ любовномъ жарѣ,
 Но къ другой бы красотѣ, а не къ Илдарѣ.
 О изволь отъ страсти къ ней нынѣ мя избавить!
 Ту изъ сѣрдца вынять всю, въ мысляхъ же оставить!
 Что крушиться мнѣ о той, гдѣ надежды нѣту?
 Какъ велишь мнѣ ты любить мертву, безъ отвѣту?
 И молчу я, и горю, и стражду не вольно:
 А не можетъ никогда сердце быть довольно:
 Илдара въ вѣкъ хладна нынѣ пребываетъ!
 Нагла жара моего та не ощущаетъ!
 Обрати во мнѣ сей жаръ къ красотѣ приличной,

34

35

Къ Илѣдарѣбѣ не горѣтъ толь мой не обычной.
 О изволь отъ страсти къ ней нынѣ мя избавить!
 Ту изъ сѣрдца вынять всю, въ мысляхъ же оставить!
 О жаръ! изва! о и страсть! страсть толь нестерпима!
 Наглость о моей любви толь не утолима!
 Больше не могу терпѣть; ахъ! весь пропадаю.
 Небо! въ жизни я пока чуть живъ пребываю?
 Лучше вѣвся умереть, нежели страдати,
 И не умирая все, только обмирати.
 Но скажи мнѣ, Купѣдѣтъ; ты начто питаешь
 Толь сей жаръ всякъ часъ во мнѣ, и воспаменяешь?
 Ты не мнишь ли, что любивъ ону я живую,
 Могъ по смерти позабыть мнѣ всегда драгую?
 О изволь отъ страсти къ ней нынѣ мя избавить!
 Ту изъ сѣрдца вынять всю, въ мысляхъ же оставить!
 Правда, Илѣдара какъ зрѣлася во свѣтѣ,
 Младости своей была какъ въ прекрасномъ цвѣтѣ,
 Я любилъ, могу сказать, ону не сравненно,
 Въ мыслижъ нынѣ содержу право не забвенно.
 Будь не вѣришь, Купѣдѣтъ, опишу ту живо,
 Та коликое была въ жизни всѣмъ здѣсь диво.
 О изволь отъ страсти къ ней нынѣ мя избавить!
 Ту изъ сѣрдца вынять все въ мысляхъ же оставить!
 Илѣдара здѣсь жила вся бѣлѣйша снѣга,
 А на тѣлѣ всемъ ея сама зрѣлася нѣга,
 Долговатое лице и румяно было,
 Бѣлизною же своей все превосходило.
 Будь на бѣлость зришь лицѣ, то лѣтъи зрятся;
 На румянность буде зришь, Розы той красятся;
 Обѣ превосходно въ ней краски тѣ играли,
 Обѣ не сравненно ту въ жизни украшали.
 Очи свѣтлы у нея, цвѣта же небесна,
 Не было черты въ лицѣ, чтобъ та не прелесна;
 Круглое чело, чтобъ могъ, въ оное вселиться
 Разумъ данный съ небеси, и распространиться.
 Алость на устахъ весьма мяхкость украшала,
 А перловы зубы въ ней видѣть не мѣшала;
 Черностью ея власы собою подобны,
 Паче шолку тѣ рукамъ мяхкостью угодны.
 Всебъ ея перстамъ имѣть съ златомъ адаманты,
 Груди всебъ ея носить чистые брѣльянты.

Ни велика, ни мала, схожа на богиню,
 Поступью же превзошла всякую княгиню;
 Со всего, но и всегда, зрилась благородна,
 И Богомъ, Богинямъ быть та казалась сродна;
 Голось свой нѣга тихъ, правъ во всемъ учтивый,
 Къ добрымъ добръ у ней пріемъ, къ злымъ же былъ спесивый;
 Ласкова, и умна рѣчь, сятка и пріятна,
 Рассудительна, остра, въ произносѣ внятна.
 Чистъ и строенъ та хотя свой уборъ носила,
 Больше же однакъ собой оный весь красила.
 Всяка не могла тогда красота сравниться
 Илѣдарѣ, О моей! купно надивиться.
 Умъ ея мнѣ описать не лъзя есть никако;
 Нада равный мнѣ ея возъмѣтъ умъ всяко.
 Какъ мнѣ словомъ изъявить остроту велику,
 И догатку, что была въ ней всегда, толику?
 Рассужденіе и смыслъ здравъ и преглубокій,
 Разумъ зрѣлъ весьма и твердъ, мыслями же высокій?
 Словомъ токмо заключу, что та Илѣдара
 Многихъ лучше всѣмъ была, никому не пара.
 Видишь, о ты Купѣднѣ! помню какъ я ону,
 Что всю живо описалъ всяка безъ урону.
 Будь доволенъ только симъ, что ту ве забуду,
 Въ гробѣ затворенъ пока червѣмъ въ снѣдъ буду.
 О изволь отъ страсти къ ней нынѣ мя избавить!
 Ту изъ сѣрдца вынять всю въ мысляхъ же оставить!

Я за потребно рассудилъ приложить здѣсь двѣ Оды моего сочиненія, одну въ примѣръ нашего пентаметра, а другую въ показаніе тѣхъ стиховъ, которые у насъ не стопами, но слогами мѣряются, изъ девяти слоговъ во всякомъ стихѣ состоящую; однако ничего я здѣсь не буду объявлять объ Одахъ, что они значать: ибо я довольное рассужденіе о нихъ положилъ во обще, послѣ Оды о здачѣ города Гданска, которая напечатана; Того ради желающихъ объ Одахъ вѣдать, туда отсылаю, здѣсь токмо просто для примѣра Стиховъ объ слѣдующія полагаю.

О Д А

ВЪ ПОХВАЛУ ЦВѢТУ РОЗЪ,

СОЧИНЕНА

НАРОШНО НОВЫМЪ РОССИЙСКИМЪ ПЕНТАМЕТРОМЪ

ДЛЯ ПРИМѢРА.

* * *

Красота весны! РОЗА о прекрасна!
 Всей о Госпожа румяности власна!
 ТЯ во всѣхъ садахъ яхонтъ не сравненный,
 ТЯ изъ всѣхъ цвѣтовъ цвѣтъ предрагоцѣнный,
 О цвѣтовъ ТЯ всѣхъ славную Царицу,
 Само цвѣтниковъ солнце, не зарницу!
 Похвалить теперь я хотя и тшуся;
 Но багряну зря и хвалить стыжуся.

* * *

Какъ Природа въ свѣтъ ТЯ производила,
 Лучшему въ ТЕБѢ быть опредѣлила;
 Краснѣ бы ТЫ была цвѣтъ изъ всѣхъ краснѣйшихъ,
 Честнѣ бы ТЫ была цвѣтъ изъ всѣхъ честнѣйшихъ:
 Цвѣты мало чѣмъ проче красятся;
 А въ тебѣ добротъ совершенства зрятся.
 Лгѣибъ молчать съ бѣлостью не малой,
 Къ бѣлизнѣ ТЕБѢ цвѣтъ дала желтъ, алой.

* * *

На землѣ Растя мягкой ТИ велѣла,
 Мяккости бѣ вредить груба не имѣла;
 Зѣфуръ токмо тихъ надъ ТОБОЙ летаетъ;
 Благовонность всю въ воздухъ распускаетъ.
 Вся старалась толь о ТЕБѢ Природа,
 Что любиму ТЯ изъ цвѣтовъ всѣхъ рода,
 Тернѣмъ кругомъ оградила брежно,
 Не касалось бы къ нѣжной, что не нѣжно.

* * *

Разлила по всей благовонность многу,
 Духъ на всякъ листокъ слаткій безъ прилогу;
 Чувство въ насъ одно зря на ТЯ дивится,
 Чувство въ насъ одно духомъ тѣмъ сладится:
 Красотою всѣхъ ТЫ увеселяешь,
 Благовонствомъ же чудно услаждаешь.
 Внѣшнее чрезъ все, кто, какъ ТЫ, богата?
 Внутреннимъ же, ей! ТЫ дражайша злата.

* * *

Тщалась искутить чрезъ свои карміны,
 И мѣшая къ нимъ многи краски ѣны,
 Живопись всегда пѣстра разноцвѣтна,
 Оку токмо въ видъ одному примѣтна,
 Чтобъ цвѣтъ написать здѣсь тебѣ подобный;
 А изобразивъ, зрѣла весь особый.
 Кистю бы какъ здѣлать то случилось,
 Само НЕБО въ чемъ тщательно трудилось?

* * *

Адамантъ отъ перлъ есть въ цѣнѣ коль разный,
 Съ чистымъ не сравненъ коль источникъ грязный,
 Златъ желѣзна коль есть металлъ дражайшій,
 Отраслей своихъ кедръ коль высочайшій;
 Весь цвѣтущій родъ толь ТЫ превосходишь,
 Съ оныхъ нашъ и взоръ на СЕБЯ приводишь:
 То, что солнце есть всѣми предъ звѣздами,
 Разными между видимъ ТЯ цвѣтами.

* * *

Красоту ТВОЮ мы зримъ не насытно,
 И желаемъ зрѣть всѣ ту любопытно;
 Обоняемъ духъ съ неба ТВОЙ пріятный:
 Равенъ ТВОЕМУ гдѣ есть ароматный?
 Знаете и вы, мудрыя о Пчелы!
 Коль сей райскій ЦВѢТЪ въ дивны вамъ предѣлы
 Щедро подаетъ, отъ богатства ѣста,
 Многоцвѣнный даръ мѣда нектаръ чіста.

62

О Д А

ВЫМЫШЛЕНА ВЪ СЛАВУ ПРАВДЫ ПОВѢЖДАЮЩІЯ
ЛОЖЬ, И ВСЕГДА ТОРЖЕСТВУЮЩІЯ НАДЪ НЕЮ

СОЧИНЕНА

ДЛЯ ПРИМѢРА ПРОСТАГО РОССІЙСКАГО СТИХА.

* * *

Что то за злость? и что за ярость?
Что за срадна пороковъ старость?
Ахъ! коль адскимъ огнемъ та дышетъ!
Ищетъ кого то уязвити;
Кого то хочетъ умертвити?
Страшно, ахъ! грознымъ гнѣвомъ пышетъ.

* * *

Чудовище свирѣпо, мерско,
Три гóловы подъемлетъ дерско;
Тремя сверкаетъ языками!
Ядъ изблевать ужé готово:
Ибо наглостію сурово,
Тремя же зѣваегъ устами!

* * *

63

Ложь то проклята, дерзновенна,
Вышла вся изъ ада безденна,
ПРАВДУ ищетъ вездѣ святую,
Бесстыдно, гонитъ ТУ всечасно,
И славится тѣмъ велегласно,
Растерзатъ смѣло хотя ТУЮ.

* * *

Укройся ТЫ ПРАВДА драгая:
Поднялась на ТЕБЯ ложь злая.

Та нагла, кротка ТЫ безмѣрно;
 Свирѣпа та, но ТЫ вся сладость;
 Та звѣрообразна, ТЫ благодѣнь;
 Задавить ТЕБЯ, мышлю вѣрно.

* * *

Но ПРАВДА является мила,
 И добротѣ съ НЕЮ многа сила;
 ЧЕСТЬ, купно хвальню ПОСТОЯНСТВО,
 КРАСОТА, и СВѢТЛОСТЬ безмрачна;
 Слѣдуетъ КРОТОСТЬ доброзрачна,
 И ДОБРОДѢТЕЛЕЙ убранство.

* * *

Тихо ко лжи приходитъ прямо;
 Ложь смотреть на ОНУ упрямо.
 Прочь, ахъ! прочь, ПРАВДА вселюбезна:
 Ложь ТЕБЯ злобно растерзаетъ,
 Или ТЯ страхъ не обнимаетъ?
 Послушай прошенія слезна.

64

* * *

Увы! брань ужѣ началась!
 Однакъ ПРАВДА не поддалась.
 Грозитъ ложь ТУ убить свѣшна,
 Мыслить ложь, что ТОЯ сильнае;
 Но ПРАВДА разить глубочае,
 Такъ что никакая сила здѣшна.

* * *

Та ругаетъ ложно словами;
 Не молчить и ПРАВДА устами.
 Та чуть было ужѣ не пронзила.
 Оружіемъ ПРАВДА острѣйшимъ,
 И ударомъ много сильнѣйшимъ,
 Смертно злую ложь уязвила.

* * *

О рѣза преблагонолучна!
 О побѣда! О слава звучна!
 Пропахла ужѣ ложь спесива!
 ПРАВДА торжествуетъ извѣстно,
 Торжество всюду стало вѣстно;
 И торжествовать ТОЙ, вѣтъ дива.

65

* * *

Еще Торжества видны слѣды,
 Послѣ преславной той побѣды;
 Слѣдуютъ за ПРАВДОЮ многи,
 А всѣ добры сердца имѣютъ,
 Воскликаніями сипѣютъ,
 Провождаю ПРАВДУ въ чертога.

* * *

То весело видѣть всѣмъ было,
 То всю радость, то имъ чинило.
 Коль горько тогда ЕЙ терпѣти
 Отъ лжи велику злость напрасно;
 Толь торжество славно и красно,
 Радостно нынѣ ПРАВДѢ пѣти.

66

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

ЧТО

Стихи наши изъ девяти, осми, седми, пяти, такъ же и четырехъ слоговъ состояще, долженствуютъ имѣть только одну Ріему, падать слогами, а не Стопами, и быть безъ Пресѣченія.

Объявивши въ моихъ Правилахъ, что Стихи наши правильные изъ девяти, седми, пяти, такъ же и не правильные изъ осми, шести, и четырехъ слоговъ состояще, ничего въ себѣ стиховнаго, то есть, ни Стопъ, ни Пресѣченія, не имѣютъ, кромѣ Ріемы, хотя и ничего я тамъ о нихъ больше не захотѣлъ упоминать; однако нѣкоторые любопытствомъ своимъ, спрашивая для чего бы и имъ Стопъ и Пресѣченія не должно было имѣть, къ тому меня принудили, что я воспріялъ намѣреніе здѣсь о томъ обстоятельно доказать.

Но что сіе доказательство не въ своемъ мѣстѣ положено, въ томъ, любящимъ во всемъ порядокъ, и доброе матерій расположе- ніе Читателямъ, извиняюся объявляя тому причину, что ужѣ тѣ листы, въ которыхъ надлежало быть сему, вышли тогда изъ ти- сненія, когда меня къ сему любопытные возбудили. Однакожъ, по случаю выше предложенныя Оды въ славу Правдѣ, въ которой всякой Стихъ только одну имѣетъ Ріему, падаетъ девятью сло- гами, а не Стопами, и не пресѣкается, здѣсь сіе нѣсколько не не приличножъ я рассудилъ вложить.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

Сіи Стихи не должны падать Стопами, но только слогами, для того что они не должны въ себѣ имѣть Пресѣченія; всемужъ сему причиною есть краткость сихъ Стиховъ и наикратчайшій духъ человѣческій не весь исполняюща. Ибо,

ПЕРВОЕ:

67

Пресѣченіе, есть раздѣленіе Стиха на двѣ части, первую часть Стиха однимъ слогомъ кончащее. Раздѣленіе сіе бываетъ того ради, чтобъ духъ человѣческій не обессилить, ежелибъ однимъ пріемомъ весь Стихъ читать, и чрезъ тобъ не быть принуждену слабымъ гóлоса звономъ Стихъ доканчивать.

Но сіи Стихи, о которыхъ теперь слово, и наикратчайшій духъ человѣческій не весь исполняютъ: Сіе всякому самымъ его искусствомъ ясно познать можно.

Слѣдовательно, нѣтъ нужды раздѣлять ихъ на двѣ части, и бояться, чтобъ какъ духъ человѣческій не обессилить, и чрезъ тобъ не быть принуждену слабымъ гóлоса звономъ Стихъ доканчивать.

Къ томужъ; Пресѣченію состоять надлежитъ изъ одного слога, и числиться внѣ Стопъ. Но изъ сихъ нѣкоторые Стихи чотку слоговъ имѣютъ; и такъ не можетъ въ нихъ найтиса слогъ Пресѣченія, которому бы внѣ числа Стопъ быть. Слѣдовательно изъ сихъ нѣкоторые Стихи и для сего не могутъ имѣть Пресѣченія. Того ради всѣ сіи Стихи Пресѣченія въ себѣ имѣть не должны.

ВТОРОЕ:

Всѣмъ сими нашимъ Стихамъ не надлежитъ падать Стопами: но только слогами.

ИБО:

Стопа наша, есть совокупленіе двухъ слоговъ (либо одного тóмически долгаго, а другаго короткаго, и та Стопа есть наилучшая; либо одного короткаго, а другаго долгаго, и та Стопа есть наилучшая; либо, на конецъ, двухъ долгихъ, либо двухъ короткихъ, и тѣ Стопы въ нашемъ Стихѣ среднія доброты;) изобрѣтенное и положенное въ нашъ Эксаметръ и Пентаметръ для того, чтобъ Пресѣченіе однимъ слогомъ состоящее яснее означить, и тѣмъ первое отъ втораго Полстішія, отдохнувъ на немъ, раздѣлить. Но чтобъ Пресѣченіе яснее означить; то между Пресѣченія слогомъ,

и другими Стиха слогами надобно разность положить. Сія разность не могла быть иная, токмо какъ сія, чтобъ всякой Стопъ состоять изъ двухъ слоговъ, для того что ежелибъ трисложныя Стопы введены были въ наши Стихи; то, сверхъ того, что не прилично или скакать по Стихамъ, но еще, для опредѣленнаго въ нихъ числа слоговъ, Эксаметръ нашъ не могъ бы имѣть шести, а Пентаметръ пяти мѣръ: сіе само собою есть явно. Слѣдовательно Стопа наша не можетъ состоять, какъ токмо изъ двухъ слоговъ. Пресѣченіе что однимъ слогомъ состоитъ, а Стопы двумя падаютъ слогами; то слѣдовательно, что двосложныя наши Стопы Пресѣченіе односложное ясно означаютъ, и тѣмъ первое Полстїііе отъ втораго, отдохнувъ на немъ, раздѣляютъ.

Но понеже въ сихъ нашихъ Стихахъ, о которыхъ слово, не должно быть, какъ доказано, Пресѣченію. Слѣдовательно, чего въ нихъ нѣтъ, то нѣчего въ нихъ и означать; а что нѣчего въ нихъ означать, то не надобно и того, чѣмъ означается.

Того ради всѣмъ симъ нашимъ Стихамъ не надлежитъ падать Стопами, но только слогами.

Сверхъ сего; Стопы внесены въ Эксаметръ да только въ Пентаметръ, и для того еще, чтобъ сія надолжайшіе наши Стихи отъ Прозаичности избавить: ибо чрезъ Стопы Стихъ поется, что всякъ читающій и не хотя признаеть. А ежелибъ въ сихъ долгихъ Стихахъ не было тѣмъ Стопъ, какъ оныхъ нѣтъ въ старыхъ нашихъ; то оны бы со всѣмъ походили больше на Прозу опредѣленнымъ числомъ идущую, нежели на повѣщійся Стихъ. Но выше помянутые наши Стихи, о которыхъ доказательное слово, и безъ Стопъ, для краткости своей, падаютъ по Стиховному, и довольно гладко и слято поются: О семъ всякъ собственнымъ своимъ искусствомъ, ежели правильно сіи Стихи будетъ читать, увѣренъ быть можетъ.

И какъ *sine necessitate Entia non sunt multiplicanda*, по не поколебимой Філософской Аксіомѣ, или правилу, то есть, *безъ нужды не надлежитъ умножать вещей*; то въ сіи Стихи безъ всякія бы нужды внесены были Стопы, по тому что и слоги токмо одни должность ихъ въ сихъ Стихахъ исправляютъ. Слѣдовательно и для сего въ сихъ Стихахъ Стопамъ быть не надлежитъ.

Того ради, обще заключая, сіи Стихи не должны падать Стопами для того что не должны въ себѣ имѣть Пресѣченія; всеужь сему причиною есть краткость сихъ Стиховъ и наискратчайшій духъ человѣческій не весь исполняющая. Что надлежало доказать.

Ежелижъ кто любопытной захочетъ вѣдать, для чего въ сихъ Стихахъ и Рѣма оставлена, понеже изъ нихъ все Стиховное выключено? Таковому я отвѣтствую, что сіи Стихи, Россійскіе же Стихи, хотя Стопъ и Пресѣченія въ себѣ имѣть не должныствуютъ. А ежелибъ отнять у нихъ Рѣму, то бы они не были Россійскіе Стихи, но нѣкакіе Італіанскіе, для того что у Італіанцовъ Стихи иногда Рѣмъ не имѣютъ.

Рѣма въ нашихъ Стихахъ, хотя не такое нѣчто главное, безъ чего Стихъ не можетъ Стихомъ назваться, и различиться отъ 70 Пробы; однако такое нѣчто нужное, что безъ нея Стихъ наилучшаго своего украшенія лишится. Нашъ народъ толь склоненъ къ Рѣмамъ, что и въ простыхъ присловицахъ, не Стихами сочиненныхъ, часто, не знаю по какой влекущей къ нимъ врожденной пріятности слухъ, любятъ ими услаждаться. Примѣромъ тому сія пословица: *а человекъ простой, пѣть прѣники не писаны: хоть бы сладки, только бы сладки*, и прочія премногія. Для сего то въ сихъ Стихахъ Рѣма только оставлена, дабы, выключивъ оную, не лишитъ Россійскаго читателя въ Стихахъ того, чѣмъ ему пріятно веселиться и въ простыхъ разговорахъ.

Изъ сихъ же Стиховъ, о которыхъ было доказательство, нѣкоторые правильными я называю, а нѣкоторые не правильными.

Правильными называются у меня тѣ, которые изъ девяти, семи, и пяти состоятъ слоговъ, то есть, которые не чотку слоговъ имѣютъ. Называются правильными для того, что они подобны Гиперкаталектічествомъ своимъ правильнѣйшимъ и главнѣйшимъ нашимъ Стихамъ, то есть, Эксаметру и Пентаметру, и то такъ, что ежелибъ должныствовали они падать Стопами; то бы и Пресѣченіе въ нихъ однимъ слогомъ состоящее нашлося. На примѣръ, въ девятисложномъ: пятый бы слогъ могъ быть Пресѣченіемъ, а изъ Полстѣпій бы каждое изъ двухъ Стопъ состояло. Въ седмисложномъ: третій бы слогъ былъ Пресѣченіемъ, но изъ Полстѣпій бы первое состояло изъ одной Стопы, а второе изъ двухъ. Въ пятисложномъ: третій же бы слогъ могъ быть Пресѣченіемъ, а изъ Полстѣпій бы каждое состояло изъ одной Стопы.

Отъ сего слѣдуетъ, что по Гиперкаталектічеству, и трисложный бы Стихъ могъ правильнымъ назваться, ежелибъ онъ не столь излишно былъ коротокъ. Однако ребячьи забавы могутъ и сими Стихомъ писаться, приводя всегда Рѣму на самый послѣдній слогъ; или присовокупляя оной къ большимъ, но Рѣмъ тогда надлежитъ быть на предкончаемомъ слогѣ.

Не правильными называются тѣ, которые изъ осми, шести, и четырехъ состоятъ слоговъ, то есть, которые чотку слоговъ содержать. Называются не правильными для того, что Гуперкаталектічества не имѣютъ, и то такъ, что на два Полстїшія могутъ Стопѣми дѣлиться, а слогу Пресѣченія нигдѣ въ нихъ сыскаться не можно. Ежели бы не краткость сіи Стїхи защищала; то бы весьма ихъ надлежало выключить изъ числа Стїховъ.

По сему явнo, что Стїхи, которые отъ не знающихъ въ Стїхахъ силы, слагаются на 12, и на 10 слоговъ, для знатныхъ своей долготы, и для того, что не имѣютъ Гуперкаталектічества, не только не могутъ Стїхами назваться, но не лзя имъ дать имя и не правильныхъ Стїховъ, по тому что они прегнусное нѣкакoе чудовище въ Стїхахъ.

Въ правилахъ моихъ я объявилъ, что первое Полстїшіе Героическаго нашего Стїха для того состоитъ изъ семи слоговъ, что у читающаго Стїхъ, съ самаго начала, духу больше, нежели при концѣ Стїха. Сіе правда, въ рассужденіи Героическаго Стїха, котораго у насъ долге нѣтъ. Но здѣсь тому даю другую причину, которая какъ Эксаметру, такъ и Пентаметру нашему равно служить.

72 Оба оныя наши Стїхи состоятъ изъ не чотки слоговъ, для того что первый изъ 13, а другой изъ 11; слѣдовательно одному которому нибудь въ нихъ Полстїшію больше слоговъ надлежитъ имѣть

Но понеже Пресѣченія слогъ всегда долженствуетъ полагаться послѣ перваго, предъ вторымъ не посредственно Полстїшіемъ; то ясно, что въ Героическомъ седмый слогъ, долженствуетъ быть слогъ Пресѣченія, а Полстїшія оба состоятъ изъ трехъ Стопъ каждое, по тому что сего пропорція требуетъ.

Въ Пентаметрѣ для того пятый слогъ, а не седмый, есть слогъ Пресѣченія, и первое Полстїшіе состоитъ изъ двухъ Стопъ, второе изъ трехъ: ибо ежели бы въ Пентаметрѣ Пресѣченія слогъ былъ седмый; то бы второе Полстїшіе состояло конечно изъ четырехъ слоговъ. Но сіе бы составленіе Стїха весьма не пропорціональное быть имѣло, для того что бы первое Полстїшіе превосходило второе тремя слогами. И такъ весьма пропорціонально, что второе Полстїшіе превосходитъ первое однимъ токмо слогомъ.

Можетъ быть, что кто въ противленіе сему предложить имѣетъ сіе:

Въ Героическомъ Стїхѣ, для того седмый слогъ, есть слогъ Пресѣченія, что у читающаго Стїхъ, съ самаго начала, духу есть больше; то, для сего самыя причины, надлежитъ, чтобъ и въ Пентаметрѣ, первое Полстїшіе больше слоговъ имѣло.

Сие разрѣшаю слѣдующимъ образомъ :

Эксаметръ пресѣкаетъ седмый слогъ подлинно для сея причины, что духу у читающаго Стѣхъ, съ самаго начала, больше; и для того не надлежитъ ему пятымъ слогомъ пресѣкаться. Но пресѣкаясь седмымъ слогомъ, оставляетъ оной и Полстѣшїя равныя, та въ чемъ пропорція дѣленїя его состоитъ.

Пентаметръ, что не можетъ пресѣкаться седмымъ слогомъ; то пропорція къ тому не допускаетъ, какъ выше показано. Но что о духѣ человѣческомъ ни какова тутъ нѣтъ сожалеїня; того и не надлежало имѣть, по тому что Пентаметръ не столь дологъ, сколь Эксаметръ, и такъ духъ человѣческій въ прочитанїи его ослабѣть не можетъ, и на оба Полстѣшїя равно его станеть.

Того ради Эксаметру нашему надлежитъ правильно пресѣкаться седмымъ, а Пентаметру пятымъ слогомъ.

Изъ выше положенныя Оды въ славу Правдѣ, можно было видѣть, какъ Стѣхи наши на девять слоговъ сочиняются; а чрезъ слѣдующую Пѣснь всякъ легко увидѣть можетъ, какъ всѣ такїе простые наши Стѣхи, которые въ мѣньшемъ числѣ состоятъ слоговъ, слагаются.

Но что таковая и подобная Пѣснь, каковы у Французовъ Стѣнсами называются, между Одами, и простыми пѣснями, въ рассужденїи Стѣля, мѣсто имѣеть, и что она больше нѣчто отъ высоты у Оды, нежели отъ нискости у пѣсенъ, занимаетъ; о томъ ужѣ я объявилъ въ рассужденїи при Одѣ, которая сочинена о здачѣ города Гданска. Того ради сїю ПѢСНЬ здѣсь я просто, то есть, безъ толкованїя стѣля ея, и токмо въ примѣръ краткихъ нашихъ простыхъ всѣхъ Стѣховъ предлагаю.

П Ъ С Н Ъ

СОЧИНЕННАЯ НА ГОЛОСЪ, И ПЪТАЯ ПРЕДЪ ЕЯ ІМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ

А Н Н О Ю І О А Н Н О В Н О Ю

САМОДЕРЖИЦЕЮ ВСЕРОССИЙСКОЮ.

* * *

НОВЫЙ ГОДЪ начинаемъ,
Радость всѣ ощущаемъ:
Благодать изобильна,
Отъ БОГА намъ всесильна.
Щастіемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Въ первыхъ здравіе цѣло,
Въ много лѣтъ ЕЙ приспѣло;
И желаемъ ЕЙ люди
Вопія: О ТАКЪ БУДИ!
Здравіе БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Пойдетъ вѣкъ долговѣченъ,
И многочеловѣченъ;
Поживемъ въ благостынѣ,
Мы всѣ вездѣ отъ нынѣ.
Щастіемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Зима внесетъ хладъ мѣренъ,
Весна не растлитъ зеренъ,
Лѣто оны согрѣетъ,
Въ осень много плодъ поспѣетъ.
Щастіемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Воздухъ чистъ, растворенный,
Влитіемъ удобренный;
Вѣять здравый вѣтръ станетъ,
Вредъ наносить престанетъ.
Щастіемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Всяка злость истребится,
Злый нравъ искоренится;
Добро само всѣмъ любо,
Худо явится грубо.
Щастіемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

76

* * *

Любовь всѣмъ удостоятъ,
Сердца къ оной пристроятъ;
Жить имѣетъ въ насъ тая,
Умретъ ненависть злая.
Щастіемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Къ Правдѣ склоненъ всякъ будетъ,
Лжи и слѣдъ весь забудетъ;
Трѣна зримъ одесную
Ужь мы Правду святую:
На Трѣнѣ БОГОМЪ ДАННА
САМОДЕРЖИЦА АННА.

* * *

Трусилъ Марсъ и съ войною,
Предъ нашей тишиною;
А Россійскую силу
Превознесетъ БОГЪ Милу.
Щастіемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

77

* * *

Храбрость страшитъ рассудна,
Смыслу наша подсудна,
Всѣхъ враговъ дерзновенныхъ,

5*

Всѣхъ враговъ ухищренныхъ,
Щастіемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Благочестіе право
Пребудеть всегда здраво;
Тверда Церковь сіяеть.
Расколъ въ адъ убѣгаетъ.
Щастіемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

78

И Міністры совѣтны
Поживуть безнавѣтны,
Зло усмотрятъ проклято,
Научатъ всѣхъ жить свято.
Щастіемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Процвѣтутъ здѣсь Науки,
И ремесленны рѣки;
Мудрость бѣльша, нежь въ Аѳінахъ,
Дѣло чище, нежь въ Хінахъ.
Щастіемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Купля благословенна
Придетъ обогащенна,
Намъ содружитъ Народы,
Амерікански Роды.
Щастіемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

79

Щастіе будетъ вѣчно
Щастливѣй непресѣчно:
Пошлетъ всѣ благодати,
Дастъ во всемъ успѣвати.
ТВОИМЪ щастьемъ, ВЪНЧАННА!
САМОДЕРЖИЦА АННА!

* * *

Говоря выше о Сонетѣ, сказалъ я, что онъ есть нѣкоторой родъ Италійскаго и Французскаго Мадригала, а Латинскія Эпиграммы; того ради обѣихъ здѣсь короткихъ сихъ Поэмъ разность объявляю.

Много, и долго я примѣчалъ разность у Эпиграммы съ Мадригаломъ; но никакой другой, кромѣ слѣдующія, не примѣтилъ. Мадригалъ такъ же есть короткая Поэма, какъ и Эпиграмма, такъ же на концѣ острую имѣетъ оной мысль, какъ и Эпиграмма; однако матерія его всегда бываетъ благородная, важная, и высокая: слѣдовательно и конечная его острая мысль, долженствуетъ быть такъ же благородная, важная, и высокая. Къ тому жъ еще онъ и не равными Стихами чаще пишется, нежели Эпиграмма, которая есть такъ же короткая Поэма, какъ и Мадригалъ, такъ же на концѣ острую имѣетъ мысль, какъ и Мадригалъ; но матерія ея всегда бываетъ либо народная, либо легкая, либо низкая, либо насмѣшливая, либо, наконецъ, сатирическая: слѣдовательно и конечная острая ея мысль должна быть или народная же, или легкая, или низкая, или насмѣшливая, или, наконецъ, сатирическая. Въ примѣрѣ полагаю здѣсь одинъ Мадригалъ, которой я сочинилъ въ похвалу богатои Аудіенцъ-Салѣ, построенной по указу Ея Императорскаго Величества здѣсь въ Санктпетербургѣ, и нѣсколько такъ же Эпиграммъ на разныя матеріи: чрезъ все сіе можно будетъ лучше, нежели на словахъ, увидѣть разность, каковѣ между Мадригаломъ и Эпиграммами находится.

МАДРИГАЛЪ

81

СЛАВА воспостъ больше ужъ крылата,
Коль МОНАРША здѣсь САЛА есть богата;

- 1 . . . . . Пирамиды нежъ пѣла та Мемфійски.
- 2 . . . . . Дивнаго труда стѣны Ассурійски.
- 3 . . . . . Нежели Царя Томбъ высокъ Маусола.
Отъ Эфесска честь такъ же богомола
- 4 . . . . . Діанѣ, чей храмъ чудно былъ приправный.
Про Фарось свѣтящій,
- 5 . . . . . Нежъ вѣрхомъ горящій.
- 6 . . . . . Делскъ, иль про Кумпръ, что Аммоновъ, славный.
Нежъ Огромность, сверхъ, Родскаго ужасну
. . . Колосса, и красну.

Но что бы воспѣть, коль велика АННА,
 Въ МОНАРХІНЮ намъ БОГОМЪ что избранна,
 И пречудна коль вся ЕЯ держава:
 Свѣта, но всего, развѣ можетъ СЛАВА.

Э П И Г Р А М М А.

На человѣка, которой вышедъ въ честь такъ началъ бы гордиться, что
 прежнихъ своихъ равныхъ друзей пренебрегалъ бы.
 О! сударь мой свѣтъ! какъ ужъ ТЫ спесивъ сталъ!
 Сколь ни заходилъ, я не могъ ТЯ видѣть:
 То спишь, то не лзя, я лишъ ходя усталъ.
 ТЫ изволилъ симъ мя весьма обидѣть.
 Нужды, будь вѣнъ жаль, нѣтъ мнѣ въ красовуляхъ;
 Будежъ знаться ТЫ съ niskими пересталъ,
 Какъ къ высокимъ все ужѣ лицамъ присталъ;
 Инъ къ СЕБѢ притѣти позволю на ходуляхъ.

Э П И Г Р А М М А.

На человѣка самохвала, которой бы угощевалъ призванныхъ къ себѣ
 бездѣльнымъ питьемъ, поднося то за самое лучшее вѣно.
 Вишневою морсъ сколько разъ ты мнѣ ни подносишь,
 Рюмку досуха всегда выпить меня просишь.
 Эхъ! нудишь напрасно,
 Пить все пошло красно:
 Правда, что это вѣно! [межъ тѣмъ пѣва пошарь] ·
 Цѣсно, да благослови выплюнуть то, сударь.

Э П И Г Р А М М А.

На человѣка, которой бы толь былъ зомъ, что и всякъ фамилія его тѣмъ
 же дловравіемъ повредилась.
 Зомъ ты, Другъ! зла и жена, дѣты злы, зла сватья;
 Правда, игуменъ каковъ, такова и братья.

Э П И Г Р А М М А.

На человѣка, которой бы такъ былъ въ среднемъ вѣкѣ своя жизни, что ни молодъ ни старъ не могъ бы назваться, и сверхъ бы сего, со всѣмъ былъ никому годной.

При младыхъ старъ, да шалунъ;
 При старыхъ младъ, да все врунъ.
 При обоихъ былъ бы что?
 Иль не знаете? ничто.

Ежелибъ я здѣсь предлагалъ о цѣлой Поэтической Наукѣ, а не объ одномъ Сложеніи Стиховъ; то бы упомянулъ я и о Правилахъ Эпической Поэзіи, которая есть наиблагороднѣйшая, и наибольшая изъ всѣхъ Поэмъ, о Лувической такъ же, Драматической, Буколической, а пространѣе Элегической, и Эпистолярной, такъ же о Сатирической, и на конецъ Эпиграмматической; однако любопытнымъ охотникамъ Россійскимъ объявляю здѣсь Авторъвъ наиславнѣйшихъ, которымъ надлежитъ подражать во всѣхъ сихъ родахъ выше помянутыхъ Поэзіи.

ВЪ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ.

На Греческомъ языкѣ славенъ Гомеръ.
 На Латинскомъ: Виргилій.
 На Французскомъ: Волгеръ.
 На Италіянскомъ: Тассъ
 На Англійскомъ: Милтонъ.

Эпическихъ остроумныхъ, удивительныхъ, а иногда Гомера и Виргилія превосходящихъ вымышленій Прозою написанныхъ, не надѣюсь, чтобъ больше было на другомъ какомъ языкѣ, нежели сколько ихъ есть на Французскомъ, которыя у нихъ Романами называются. Однако всѣ таковыя Романы на силу могутъ ли перевѣсить хорошествомъ одну Барклаѣву Аргеніду, Латинскимъ языкомъ хитро написанную.

* * *

ВЪ ЛУРИЧЕСКОЙ.

85

На Греческомъ: Пндаръ, и Анакреонъ.
 На Латинскомъ: Горацій,
 На Французскомъ: Малгербъ, послѣдователь Анакреону
 господинъ дела Гранжъ.

* * *

ВЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ.

- На Греческомъ: Эврипидъ, Софоклъ; Трагѣи.
 Аристофанъ, Менандръ; Комікъ.
 На Латинскомъ: Сенека; Трагикъ.
 Теренцій, Плавтъ, Коміки.
 На Французскомъ: два Корнелія, Рацінь, Волтеръ; Трагѣи.
 Молиеръ; Комікъ.

* * *

ВЪ БУКОЛІЧЕСКОЙ.

- На Греческомъ: Теокрытъ.
 На Латинскомъ: Віргілій.
 На Французскомъ: Фонтенель исправитель Эклоги.

* * *

86

ВЪ ЭЛЕГИЧЕСКОЙ.

- На Греческомъ: Флиетасъ.
 На Латинскомъ: Овідій, Тібуллъ, Проперцій, Корнелій Галлъ.
 На Французскомъ: Графіня дела Сюзъ.

* * *

ВЪ ЭПИСТОЛАРНОЙ.

- На Латинскомъ: Горацій и Овідій.
 На Французскомъ: Боаю Депрò.

* * *

ВЪ САТУРИЧЕСКОЙ.

- На Латинскомъ: Ювеналъ, Персій, Горацій.
 На Французскомъ: Боаю Депрò, Реньнїе.
 На Россійскомъ: Князь Антиохъ Дмитріевичъ Кантеміръ,
 котораго первый Стіхъ, изъ первыя его Сатуры, часто предлага-
 емъ былъ въ Правилахъ моихъ примѣромъ нашего Эксаметра.
 Однако оный Стіхъ нѣсколько я перемѣнилъ, не перемѣнивъ ни
 мало содержащагося въ немъ разума, и почти тѣми же самыми
 словами, изъ которыхъ оной прежде былъ составленъ, его сочи-
 нилъ, ибо и самой подлинной идетъ тако:

Уме слабый, плодъ трудовъ не долгой няуки!

Умъ толь слабый. плодъ трудовъ краткіа науки!

За сіе дерзновеніе у остроумнаго, и глубоко мною всегда почитаемаго Автора, покорно прошу прощенія. Причина, которая меня привела къ тому, есть сія: Намѣрился я полагать первый оный Стихъ, сего первѣйшаго Нашего и высокаго Сатурописца, изъ первыя его Сатуры къ УМУ СВОЕМУ надписанныя, въ примѣръ новаго моего Эксаметра. И ежелибъ я оной подинной положилъ; то бы по моимъ Правиламъ имѣлъ онъ двѣ Вольности, да и по старому бы обычаю писанія двѣжъ, для того что по моимъ Правиламъ звательный падежъ *уме*, есть Вольность, и родительный *не домія*, вмѣсто *не домой* такъ же, а по старинному обычаю писанія, звательный падежъ *плодъ*, долженствовалъ быть написанъ, *плоде*, равно такъ же и родительный *не домой*, *не домія*.

Но понеже всякой примѣръ и образецъ долженствуетъ предлагаться совершенный, дабы прочимъ смотря на оной перенимать, и перенимая не недостаткамъ бы не научиться; то для сего, дерзнулъ я изъ онаго какъ новыя двѣ, такъ и старыя двѣжъ вольности вычернить, и всѣми числами его нѣсколько совершеннѣйшій предложить.

При томъ же и сіе мнѣ къ тому дало поводъ, то есть, дабы чрезъ сію перемѣну объявить оному благородному, и никогда между вашими, нынѣшними и будущими, Пѣнтами въ памяти умереть не имѣющему Автору, что коль чрезъ малую перемѣну и легкій способъ, можно изъ старыхъ нашихъ Стиховъ новыя здѣлать, буде онъ благоволяетъ еще когда забаву имѣть, для препровожденія своего времени, въ сложеніи Стиховъ, и буде высокія, къ тому жъ и важныя упражненія и дѣла [которыя острой его прозорливости и бодрому попеченію, при дворѣ Великобританскомъ въ характерѣ Полномочнаго Міністра нынѣ ввѣрены] къ тому его допускаютъ.

ВЪ ЭПИГРАММАТИЧЕСКОЙ.

На Греческомъ: Філетасъ.

На Латинскомъ: Марціалъ, Овенъ.

На Французскомъ: многіе, а особливо Русъ и Бурсъ.

89 Напослѣдокъ, тѣмъ я за потребно рассудилъ окончить сей мой **НОВЫЙ И КРАТКІЙ СПОСОБЪ КЪ СЛОЖЕНІЮ РОССИНСКИХЪ СТИХОВЪ**, что господинъ Боалдъ Депрѳ, лучший Стѣхотворецъ, и славный Сатврѣкъ Францусскій, написавъ сердяся на слагателей Стѣховъ своего народа, которые не знали въ томъ ни складу ни ладу, и которые думали, [буде въ концѣ одной строки напишутъ на примѣръ, *лаву*, а въ концѣ другія приведутъ щастливо *булаву*] что Стѣхи слагали, въ оной Рѣчи, которую онъ Стѣхами сочинилъ къ государю своему Лудовіку XIV, Королю Францусскому:

Mais je ne puis souffrir, qu'un esprit de travers,
qui pour rimer des mots, pense faire des Vers.

То есть:

Не могу сего терпѣть, кто, еще не къ стати,
въ Рѣму строки приводя, мнитъ Стѣхи слагати.

IV.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ

ТРЕДІАКОВСКИМЪ

ТОНИЧЕСКИМЪ РАЗМЪРОМЪ

ВЪ 1734—1737 ГОДАХЪ.

Еще прежде, нежели открыто было Россійское Собрание, Тредіаковскому нѣсколько разъ представлялся случай употреблять изобрѣтенный имъ размѣръ. Въ 1734 году ему поручили перевести описаніе фейерверка, который предполагалось сжечь въ новый годъ (1735). За прозаическимъ описаніемъ этого праздника слѣдуютъ 4 стиха:

Da, Monarchin! Deine Groszmuth allzeit unveränderlich,
Hört der Himmel unser Wünschen, und die Welt bewundert Dich.
Zeit und Glück bleibt Dir geneigt, wie im Frieden, so im Kriege;
Bejde bringen Dir, zum Danck, neue Jahre, neue Siege.

* * *

О Монархія! всегда благость въ Тебѣ зрится;
Тѣмъ Богъ слышитъ насъ мольбы, свѣтъ же Ти дивится;
Время съ щастіемъ Тебѣ въ мирѣ служить въ брани,
И приносить новый годъ новы торжествъ дани ¹⁾.

Такимъ-же образомъ и въ описаніе иллюминаціи въ высоко-торжественный день рожденія Императрицы (28 января 1735 г.) вставлено было нѣсколько вялыхъ стиховъ:

Dein Geist, O! Kayserin, ist wie das Licht der Welt,
Das, weil es allen nützt, auch allen wohlgefält.
Wohin er Blicke wirfft, da folgt ein solch Gedeyen,
Dasz gantze Völker sich bey seinem Aufgang freuen.
Was im verborgnen liegt bringt seine Krafft empor
Und in dem Helden-Lauf nur Wunder-Dinge vor.
Sein standhaft-weiser Sinn bewegt den Creysz der Erden;
Wie kann was grösseres, als Du, gebohren werden?

* * *

¹⁾ Kurtze Erklärung . . . . .

Краткое изъясненіе изображенія онаго Фейэрверка и Иллюминаціи, кото-
рые въ честь Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссийскія,
въ первый вечеръ 1735 года предъ Императорскими палатами въ Санктпетер-
бургѣ зажжены были. Печатано при Императорской Академіи Наукъ. 4 стр.
въ листъ. (*Orat. Vol. I, N° 31*).

О МОНАРХІНЯ! твой духъ солнцу есть подобныи,
 И полезень что есть всѣмъ, тѣмъ есть всѣмъ угодныи;
 Гдѣ бы зримъ быть ни имѣлъ, тамъ есть всяка благодсть,
 Такъ что въ исходѣ есть его всѣмъ народамъ радость;
 Скрытобъ что быть ни могло, силюи въ свѣтѣ являетъ;
 Чуднымъ ходомъ все своимъ чудно содѣваетъ;
 Движетъ постоянствомъ кругъ жителей земленныхъ,
 Возмогложъ бы что востать больше ТЯ въ рожденныхъ? ¹⁾

Ничѣмъ не лучше удался т. н. придворному пиуту переводъ латинскаго привѣтствія, напечатаннаго къ 1-му января 1736 г.

AD

ANNAM AVGVSTAM.

Dum virtute tua coelestia Numina nobis
 Concilias, Superumque meres pietate favorem,
 Dum tua cura uni populorum intenta saluti
 Russiacum placidis emendat legibus orbem
 Atque hostile nefas a regni finibus arcet:
 Felices nobis, Te dignos, efficis annos.

КЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

АННѢ ІОАННОВНѢ

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССИЙСКОЙ.

Добродѣтель за ТВОЮ милость съ нами БОГА,
 Благочестіемъ, съ ТОБОЙ та что есть премнога,
 Что печешься ТЫ о всѣхъ, были чтобы здравы,
 Чрезъ законы тихи здѣсь исправляешь нравы,
 Отгоняешь отъ предѣлъ что враговъ ТЫ роды:
 Щастливы, достойны ТЯ, намъ чинишь тѣмъ годы ²⁾.

¹⁾ Kurtze Erklärung . . . . .

Краткое исъясненіе - - - - въ Высочайшіи день Ея рожденія 28 Генвара 1736 года - - - - 4 стр. въ листѣ. (*Orat. Vol. I, N° 35*).

²⁾ Abriz des Lust-Feuers, so zu Ehren . . . . .

Изображеніе Фейэрверка - - - - въ первый день новаго года 1736. - - - - 8 стр. въ листѣ. (*Orat. Vol. I, N° 37*).

При празднованіи 43-го дня своего рожденія (28 января 1736 г.) Императрица завалена была виршами. Сначала Академія въ длинной нѣмецкой одѣ въ 11 строфъ «повергла къ стопамъ Государыни всеподданиѣйшія и чистосердечныя пожеланія»; къ ней прибавленъ русскій переводъ, который очевидно сдѣланъ Тредіаковскимъ, но почти весь неудаченъ. Достаточно привести начало первой строфы ¹⁾.

Ists doch als liesz die Lust der Zeiten
Gepriesne Selbstbeherrscherin,
Sich blosz von Deinen Wincken leiten,
In Deinem Ruzsland einzuziehn . . . . .

Такъ поистиннѣ почти, всякихъ о достойна
Хвалъ МОНАРХІИЯ отъ насъ, на ТЕБѢ единой
Щастіемъ всѣ времена здѣсь зависятъ стройна,
Мнится воля что ТВОЯ токмо въ томъ причиною . . .

Въ тотъ-же день Императрица воспѣта была въ двухъ итальянскихъ сонетахъ, авторъ которыхъ называетъ себя Giuseppe Avolio. Къ нимъ припечатанъ русскій и нѣмецкій переводъ. Предоставляемъ другимъ рѣшить вопросъ о томъ, сдѣланъ ли русскій переводъ, по итальянскому оригиналу или по другому тексту, и сообщаемъ здѣсь начало обихъ сонетовъ.

Что за гласы слышу я восклицаній многи
И людей Дворъ весь полкъ что сей окружаютъ?
Съ торжествомъ не тотъ ли День идетъ свѣтлѣ въ чертоги,
Добры Россовъ что сердца въ радость посвящаютъ?

* * *

Здравствуй ГЕРОИНЯ въ вѣкъ! здравствуй о Преславна!
Се къ ТВОИМЪ Азія вся ногамъ припадаетъ,
Что нравъ сталъ быть твердъ ТОБОЙ бывшій въ ней издавна;
Отдая же честь ТЕБѢ, себя почитаетъ ²⁾.

¹⁾ Zu dem allerhöchsten und erfreulichsten Geburts-Feste . . . die Kayserl. A. d. W.

Торжественный день рожденія . . . Императрицы Анны Иоанновны . . . бою всеподданиѣйше прославляетъ Академія Наукъ. Въ С. Петербургѣ Января 28 дня, 1736 года. 6 стр. въ листъ. (*Orat. Vol. I. N° 42*).

²⁾ Sollenizandosi il felice giorno natalitio della sempre Augusta Anna Giovannide . . . per segno d'umilissimo divotissimo ossequio di Giuseppe Avolio. S. Pietroburgo . . . въ листъ.

Въ день коронаціи Императрицы (28 апрѣля 1736 г.) Академія опять поднесла ей длиннѣйшую оду, нѣмецкій оригиналь которой вѣроятно написанъ Штелиномъ. Русскій переводъ, авторъ котораго очевидно Тредіаковскій, вообще такъ неуклюжъ, что публика, хотя въ то время, конечно, еще очень невзыскательная и неизбалованная, могла находить удовольствіе развѣ только въ намекахъ на современные событія. Помѣщаемъ начало оригинала и перевода.

Beglücktes Ruszland, auf! wirff heute deinen Blick
Auf deiner Wohlfahrt Quell, den Krönungs-Tag, zurück! . . . .

Паки, о Россія виждь радостна не мало
Коронованія День, щастія началю;
САМОДЕРЖИЦА Престолю въ сей твой просвѣтила,
Щастій много принесла, бѣды отгонила.
О День! Вѣчность назоветъ вся тебя достойнымъ,
Что Полсвѣта одарилъ щастіемъ покойнымъ;
Дены! Преславную Главу Вѣнцемъ уяснившій,
Государствожъ всякихъ добръ стѣной оградившій! ¹⁾.

По случаю побѣды, одержанной 20 маія 1736 при Перекопѣ Штелинъ опять сочинилъ предлинную оду, которую утомленный Тредіаковскій просто переложилъ виршами ²⁾.

Schon widerum ein neuer Sieg!
Fort Musen, fort! Zieht mit in Krieg!
Eilt nach des Schwartzen Meeres Gräntzen . . . .

Прославляя высокій день рожденія - - - Анны Іоанновны - - - въ знакъ всенижайшаго и всепокорнѣйшаго поздравленія приносить Іосифъ Аволіо - - -
Zum hohen Geburts-Feste überreicht dieses - - - Joseph Avolio - - - въ листъ (Orat. Vol. I. № 44).

Кто этотъ Gioserpo Avolio? Врядъ-ли это природный итальянецъ. Такъ какъ вопросъ этотъ не имѣетъ особеннаго интереса, то считаю лишнимъ объяснять здѣсь, почему я почти готовъ принять его за одно и тоже лицо съ академикомъ Штелиномъ.

¹⁾ An dem hohen Krönungs-Feste . . . . leget ihre allerunterthänigste Wünsche in einer Ode nieder die Academie der Wissenschaften. (въ листъ).

Торжественный День коронаванія . . . . ОДОЮ всеподданнѣйше прославляетъ Академія Наукъ. Въ С. Петербургѣ Апрѣля 28 дня, 1736 года 8 стр. въ листъ. (Orat. Vol. I № 54. Vol. II, № 11).

²⁾ Ode auf den grossen Sieg . . . . St. Petersburg . . . . den 6. Jun. 1736, (8 стр. въ листъ).

Ода, которою преславную побѣду . . . . при Перекопѣ . . . . прославляла С. Петербургская Академія Наукъ. 8 стр. въ листъ (Orat. Vol. I, № 50).

Паки Радость! Паки Побѣда!
Музы! и вы на брань спѣшите,
Къ брегамъ Понта въ скорости слѣда!
Всѣхъ Россовъ къ гласамъ приложите . . . .

Штелинь же далъ «замѣтить Тредіаковскому, что знатоки» находятъ въ нѣмецкомъ оригиналѣ болѣе гармоніи, чѣмъ въ русскомъ переводѣ. Вслѣдствіе того Тредіаковскій 11 октября 1736 г. написалъ къ Штелину любопытное письмо о русской версификаціи. Очень можетъ быть, что замѣчаніе Штелина или неизвѣстныхъ «знатоковъ» русскаго слова и побудило Тредіаковскаго къ новымъ попыткамъ въ версификаціи.

Русскій переводъ оды, которую Академія поднесла Императрицѣ 28 января 1737 года, безъ сомнѣнія также принадлежитъ Тредіаковскому. Вотъ начало оригинала и перевода:

Ja schrieb man am Parnasz, o grosse Käyserin,
Dein höchst verdientes Lob so leicht und kräftig hin,
Als deine Macht den Feind aus Feld und Mauren schläget;
So würd' auch unsre Pflicht auf einmahl abgelegt; . . . .

Хоть и невозможно есть, МОНАРХІЯ славна,
Приноситъ ТЕБѢ хвалу, толь легко и скоро,
Сила коль враговъ ТВОЯ всѣхъ збиваетъ съ поля;
Но покорность и любовь то повелѣваетъ,
Сей дабы день чрезъ сіе, въ красоту что Свѣту,
А Россіи въ славу, честь, произвелъ ТЯ красну,
По достоинству отъ всѣхъ, и по долгу чтимъ былъ,
Веселящся его которы встрѣчаютъ ¹⁾).

Описаніе иллюминаціи 28 января 1737 года начиналось нѣмецкимъ стихотвореніемъ и оканчивалось также нѣсколькими стихами. Въ русскомъ ихъ переводѣ, сдѣланномъ Адодуровымъ, не видно послѣдовательно соблюденнаго размѣра ²⁾).

¹⁾ An der höchsterfreulichen Geburts-Feyer . . . . legt zu Ihre Kayserlichen Majestät Füszten ihren allerunterthänigsten Glückwunsch nieder die Academie der Wissenschaftten.

Въ торжественнѣйшій день рожденія . . . . Императрицы . . . . при Ея Величества стоплахъ всеподданнѣйшее свое поздравленіе полагаетъ Академія Наукъ Генваря 28 дня, 1737 года. . . . 4 стр. въ листъ (*Orat. Vol. II, N° 16*).

²⁾ Kurze Erklärung des Lust Feuers . . . .

Краткое изъясненіе онаго Фейэрверка и Иллюминаціи, которые 28 Генваря 1737 года . . . . предъ Императорскими палатами въ С. Петербургѣ представлены были. (*Orat. Vol. I. N° 62*).

Послѣднимъ стихотвореніемъ, переведеннымъ въ то время Тредіаковскимъ, была ода на день коронаціи 28 апрѣля 1737 года. Она начинается слѣдующимъ образомъ:

Was blendt mich vor ein heller Strahl,
Der Aug und Sinnen auf einmal
Durch seinen Schimmer an sich reisset?
Wer sagt mir, was disz gläntzen heisset?
Legt Peru seinen Schatz an Tag?
Zeigt Plutus was sein Reich vermag,
Um durch so viel verschiedne Strahlen
Den Glantz des Himmels abzumahlen?

Что за свѣтлость мя почти нынѣ ослѣпляетъ?
Свѣтлость, что духъ и къ себѣ очи восхищаетъ
Толь блистаніемъ своимъ скоро несравненнымъ?
Кто мнѣ объявить о сей съ толкомъ совершеннымъ?
Всѣ сокровища свои не Перу ль приносить?
Не свое ль богатство все Плутусъ вамъ износить?
Иль различныхъ толь цвѣтовъ съ многими лучами
Въ нову небо красоту пишется предъ нами? ¹⁾.

Съ этого времени муза Тредіаковскаго по разнымъ причи намъ (см. Введеніе) замолкла, кажется, на нѣсколько лѣтъ. Но прощаясь съ своими первыми опытами, онъ еще при переводѣ одного изъ сочиненій Фенелона, отличающемся отъ прежнихъ его произведеній уже нѣсколько болѣе чистымъ языкомъ, снова отпечатавъ въ концѣ книги ²⁾ то самое стихотвореніе, которое онъ уже въ 1735

¹⁾ Der herrliche Glantz der Russischen Kayser-Krone am hohen Krönungs-Feste . . . in einer Glückwünschungs-Ode demüthigst erwogen von der Kayserlichen Academie der Wissenschaften . . . 6 стр. въ листъ.

Августѣйшее Россійскія Императорскія Короны сіяніе въ торжественный Коронованія День . . . поздравительною Одою . . . прославляетъ Академія Наукъ. Печатано при І. . . Ак. . . Н. . . 28 Апрѣля 1737 года. 6 стр. въ листъ. (*Orat. Vol. III, N° 28*).

Замѣтимъ еще, что стихи, приведенные выше на стр. 77 (см. прим. 1) и 78 (см. прим. 1 и 2), были перепечатаны въ Примѣчаніяхъ къ СПб. Вѣдом. 1735 (на стр. 8 и 35) и 1736 г. (на стр. 8).

²⁾ Истинная Политика знатныхъ и благородныхъ особъ, переведена съ Французскаго чрезъ Васіля Тредіаковскаго, Санктпетербургскія Императорскія Академіи Наукъ Секретаря. Въ СПб. MDCCXXXVII in — 8°. (Переводъ стихотвор. на стр. 223. и 224). Къ 2-му и слѣдующимъ изданіямъ Политики прибавлены другіе поэтическіе переводы.

году издагъ въ своемъ Способѣ (см. выше стр. 38). Это новое издание стихотворенія отличается отъ прежняго лишь нѣкоторыми, совершенно незначительными измѣненіями (напр. строк. 24: дожно вмѣсто надо; стр. 43: сердце вмѣсто серце; стр. 44: токможъ вмѣсто толькожъ).

Къ одѣ Штелина на взятіе Очакова, поднесенной 28 августа 1737 года, въ Сборникѣ Академіи ¹⁾ не прибавлено русскаго перевода. Переводъ академической оды на 1-е января 1738 года и стихотворенія, припечатаннаго къ описанію фейерверка, сожженнаго 28 января, состоитъ изъ нѣсколькихъ, отдѣленныхъ между собою пустымъ пространствомъ строкъ, которыя слѣдовательно не заслуживаютъ даже названія виршей. Подъ одой имя русскаго переводчика обозначено въ «Примѣчаніяхъ» (стр. 23) буквою *T*, а подъ описаніемъ фейерверка (стр. 44) буквами Тред. ²⁾ Къ академической одѣ, поднесенной Императрицѣ въ день коронаціи (28 апрѣля 1738 года), и воспѣвающей вкратцѣ военныя событія и реформы въ правленіе Императрицы Анны Іоанновны, прибавленъ только переводъ въ прозѣ, подъ которымъ въ «Примѣчаніяхъ на Вѣдомости» (стр. 139) поставлена буква *A*, т. е. Адодуровъ ³⁾. Этою-же буквою помѣчены прозаическіе переводы Штелинова поздравленія читателей Примѣчаній къ Вѣдом. (стр. 2) съ новымъ (1739) годомъ, краткаго латинскаго привѣтствія по случаю фейерверка, сожженнаго 4-го янв. 1739 года (Прим. стр. 8), и наконецъ оды, вышедшей также отдѣльно на день рожденія Императрицы 28-го янв. (Подобіе Минервы). Одною лишь прозою написаны также переводы краткаго поздравленія читателей съ новымъ (1740) годомъ (Примѣч. стр. 2), оды на торжество 14—17 февраля 1740 года, оды на день коронаціи 28 апрѣля 1740 года и стихотворенія по случаю поднесенія въ тотъ-же день большаго гравированнаго на мѣди портрета Императрицы.

Выше пропущены нами четыре стиха какого-то нѣмецкаго поэта, приведенные на концѣ статьи, которая была напечатана въ «Примѣчаніяхъ на Вѣдомости» 1735 года (стр. 136) подъ заглавіемъ: «О молніи и громѣ, при случаѣ здѣшнихъ Вѣдомостей № 33 Апрѣля 24 дня:»

¹⁾ *Orat. Vol. II.*

²⁾ Впрочемъ болѣе, чѣмъ вѣроятно, что подъ буквами *T* и *Tr*. въ Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ на 1738 (см. стр. 96, 103, 107), 1739 и 1740 годы должно разумѣть студента Григор. Теплова и адъюкта Тауберта.

³⁾ Это подтверждается и канцелярскими бумагами.

Es zittert, blitzt und rauscht, doch Gott zu Ehren,
 Er lässet seine Stimm im Donner gleichsam hören.
 Er zeigt seine Krafft, und seine Lieb, es bricht,
 Selbst durch den lichten Blitz, des Schöpfers Weiszheits-Licht.

Гласъ дымится, гласъ гремитъ, купно гласъ блистаетъ,
 Въ славу слышимъ Бога тои и чрезъ громъ бываетъ,
 Кажеть силу и любовь тѣмъ Творецъ преславенъ,
 И чрезъ молнію его мудрости свѣтъ явенъ.

Въ заключеніе этой статьи мы сообщаемъ письма харьковскаго профессора Витынскаго и епископа Петра (Бѣгородскаго) къ Тредіаковскому, свидѣтельствующія о томъ, какъ на него смотрѣли современники.

Nobili ac doctissimo viro D. Basilio Cyrillidi Trediakowski
 Caesareae Academiae Metropolitanae secretario emeritissimo
 suo Domino et Patrono colendissimo

Stephanus Witynski

P. S. D.

Victoria, quam Deus clementissimus nuper Augustissimae Imperatrici nostrae, ejusque invictissimae militiae super Turcam, gloriosissimam donavit, singulariter in nostro Illustrissimo Domino Petro Archiepiscopo Byalogradensi tantum excitavit animum, ut statim injunxerit mihi provinciam faciendi carminis epinicij. Parui meo Domino, et quod feci, etiam tibi meo, ut ingenuè fatear, hac in re Magistro, debita cum reverentia communico. Accipe id in signum profundae in Te propensionis meae, simulque, si usquedum inviolatum in me amorem foveas, clementer emenda, emendatum ad praelum da, jubeasque ad sexcenta exemplaria excudi. Quod peto non ego solus, sed vel maxime Illustrissimus noster, qui etiam pro impressione suum aes pollicitur. Quantum autem me spectat, ego ita peto, ut me singularis tua in me benevolentia sperare jubet. Non est cur te pluribus sollicitem, fac id, quod me in perpetuum tuum esse obligaret. Vale. Dabam Byalogradiae 16ⁱ Septembris anno 1739.

ПРИПИСКА АРХІЕПИСКОПА ПЕТРА:

«Прошу, Господинъ Тредяковскій, ежели оиѣ стихи покажутся достойни напечатать, изволте по любви своей возимѣть дружеское стараніе о томъ и напечатавъ хотя столко сколько покажетъ Господинъ Витинскій или поменше сіе ввергая подъ Ваше разсужденіе на мой кощъ оное зачать и окончить. А сіе толко для того дѣлается что Харьковское колегіумъ имѣетъ нѣкоторыя спомоществованія отъ Его Сіятелства Фелдъ-Маршала фонъ Миниха и по болше обѣщанія впредь показываетъ».

Присланное архіеп. Петромъ стихотвореніе проф. Витинскаго на побѣду 18 авг. и на взятіе Хотина 19 авг. по опредѣленію академической канцеляріи отъ 23 ноября было отпечатано въ 450 экземплярахъ. Въ Академіи Н. сохранился только одинъ экземпляръ послѣдняго корректурнаго листа, на которомъ Тредіаковскимъ помѣщено еще нѣсколько поправокъ, вѣроятно сверхъ исправлений, сдѣланныхъ имъ въ рукописи или на прежнихъ корректурахъ ¹⁾. Витинскій очевидно взялъ себѣ за образецъ Тредіаковскаго. Все стихотвореніе впрочемъ по формѣ своей неуклюжее, а по содержанію очень вялое произведеніе, какъ объ этомъ уже можно судить по началу:

Чрезвычайная летить [что то за премѣна!]
 СЛАВА посящая вѣтвь финіка зелена;
 Невянуцій лауръ главу у Ней окружаетъ,
 Знакъ побѣду таковой токмо украшаетъ;
 Порфиною блестятъ вся, блестятъ вся отъ злата,
 Отъ конца міра въ конецъ мечется крылата;
 Ново златою гремить трубой не обычно,
 Гремить, повторяя гласъ, коль громко толь слично.
 Востокъ, Западъ, Сѣверъ, Югъ, брѣги съ Океаномъ,
 Новую слушайте вѣсть, что надъ мусулманомъ
 Полную Россійскій мечъ, коль храбрый толь славный,
 Вікторію получилъ, и авантажъ главный:
 Высокимъ щастьемъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА АННЫ,
 Которымъ враги ужѣ толики попранны:

¹⁾ Эпінікіонъ, то есть Пѣснь побѣдительная въ чести славу оружію Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссийскія, сочиненная въ Харьковской Славенолатинской Коллегіи чрезъ Профессора Філософіи Стефана Витинскаго Сентября 7 дня, 1739 года. Печатано при Императорской Академіи Наукъ 1739 года. 8 стр. въ листъ (*Orat. Vol. II, N° 26*).

Храбростіюжъ и умомъ Федмаршала славна,
Сперва который вступилъ въ брань, что толь исправна:
Богъ бо милостиво толь хранилъ вѣрныхъ части,
Что едва кому отъ рукъ далъ поганскихъ пасти.
По побѣдѣ и Хотинъ городъ взять толь славный,
Коль стѣнами огражденъ крѣпкими, коль давный . . .

По 28-й строкѣ ясно видно, какъ Тредіаковскій подправлялъ стихи своего неискуснаго послѣдователя. Напечатано:

Амеріка даетъ дань во всемъ изобильна.

Тредіаковскій же еще въ послѣдней корректурѣ переставилъ первыя три слова такимъ образомъ:

Дань Амеріка даетъ во всемъ изобильна.

V.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

М. В. ЛОМОНОСОВА,

СЪ 1736 ПО 1741 ГОДЪ.

**№ 1. Письмо горнаго совѣтника Генкеля къ бар. Корфу, изъ Фрей-
берга отъ 1 февр. (21 янв.) 1736.**

An des Herrn Cammerherrn von
Korff in Petersburg Hochwohlge-
bohren, die Vorschlagung eines im
Bergwerck erfahrenen Chymici be-
treffend.

Im Nahmen Ihre Ruszisch-Keuserlichen Majestät verlangen Ew. Hochwohlgebohren von mir, zu einigen Dienst dero allerdurchlauch-
tigsten Principalin einen geschickten und *in Bergwerck erfahrenen Chymicum* vorzuschlagen. Da nun mein allergnädigster Landesherr allen dero getreuen Unterthanen stillschweigend anbefohlen haben, Ihre Ruszisch-Keuserliche Majestät, vor dero demselben wieder die Feinde des Vaterlandes geleistete und fortdaurende groszmächtigste Assistentz in allem erfoderten Fall und bey aller Gelegenheit allen ersinnlichen unterthänigsten respect zu machen, so habe nicht erman-
geln sollen, Ew. Hochwohlgebohren hierauf nicht allein schuldigste Antwort, sondern auch mein weniges unvorgreifliches Gutachten dar-
über zu ertheilen.

Ich habe, sobald ich Ew. Hochwohlgebohren höchst geehrtestes Schreiben sub dato 3 Dec. erhalten, welches zwar nur vor 8 Tagen geschehen, deszwegen alle nur mögliche Überlegung bey mir gepflo-
gen, musz aber bekennen, dasz ich ein subjectum von angegebenen requisitis weder hier noch anderweit weisz, womit Ihre Ruszisch-
Keuserliche Majestät satisfaciret werden könnten.

Es sind ohne disz 2 starcke Postulata in allerhöchst deroselben hegenden Absicht enthalten, welche man in einem Menschen zugleich und beysammen schwerlich finden wird, da nemlich derselbe ein Chymicus vors erste, und ein Kenner von Erzen, Berg Arten, Klüfften und Gängen vors andere, zugleich seyn soll. Denn erstlich sind selten Chymici so instruiret und getübet, dass sie in allen Mineralien und Berg Arten, auszer denen vulgairen, und diesen den allerwenigsten, auch dieses nur nach einigen vorgeschriebenen gewöhnlichen Arbeiten und Formeln,

zu dererselben gründlicher, vielfältiger und hinlänglicher Examination umzugehen wissen, kurz: Chymici metallurgici seyn sollten, daher ich auch gleich dieser speciellen determination nach nicht davor halten kan, dasz der in Berlin hierzu vorgeschlagene Mensch, allwo Chymia mineralis zulänglich nicht tractiret und erlernt werden kan, hier nach Erfodernüsz gewesen seyn würde. Vors andere, so auch endlich einer oder der andere seine Chymie zum Mineral-Reich besonders und hauptsächlich extendiret haben sollte, wiewohl ich doch auch nur in soweit niemand kenne, so wird es doch zum schwersten fallen, einen solchen anzutreffen, welcher zugleich auf die gehörige genaue Kentnüsz derer Erze und Berg Arten nach ihrer euserlichen Historie, Herkommen, Grund und Boden, Kennzeichen, Verschiedenheit, Gleichgültigkeit, Anverwandschaft, Vorzug und Anhangenden und diesem sowohl beständigen als zufälligen, ferner auf Klüffte und Gänge, und was dazu gehörig, sich verstünde, und also ein ziemlicher Bergmann wäre.

Die Ursachen hiervon sind, dasz auf Universitäten die Mineralien hinreichend nicht bey der Hand, noch bekandt sind, und zu lebendiger Anführung auf die Erkenntnüsz derer Klüffte und Gänge, Flezze, Geschiebe, Seiffen und was dem anhängig, kein Ort noch Gelegenheit ist, bey Bergstädten hingegen nur die gemeine Probir Kunst nach dem Schlendrian getrieben wird, welche doch auf solche Art nur einen kleinen Theil der metallurgie ausmacht, wobey es denn immer an jemand gefehlet, welcher die Bergwercks-Scholaren nur bey dieser genannten Kunst auf Grund und raison gewiesen, geschweige denn zu einem ganzen vollkommenen systemate mineralogico-docimastico angeführet hätte.

Dieser Mangel hat unter andern guten Theils die falsche Meynung, die man sich bey dem Wort Chymie insgemein vorgefasset hat, verursacht, gleich alz wenn es damit nur auf process Arbeiten und Goldmacherey, oder einige Experimentyen und präparationem medicamentorum ankähme, da sie doch das ganze studium metallurgicum oder physicam mineralium veram et realem in sich hält. Sie untersucht nemlich und ersiehet die Essenz und Natur derer Metallen, Erze, Steine, Erden, Wasser und Salze nach ihrem Ganzen, nach ihren Theilen, nach derer Theile Anzahl und Vorwichtigkeit, nach ihren Verhältnüszen unter einander, eines ganzen gegen das andere ganze, ihrer Theile Umsetzungen, in verschiedenen proportionen, Wegen und Feuerie, nach eines jeden Gebrauch und hierzu gehörigen Zubereitung; hinfolglich nicht nur bloz nach der euserlichen Schale, Zirckel und Winkel, longo, lato et profundo, figura particularum,

gravitate specifica, und dergleichen zur Erkenntnüz des Wesens derer Körper theils ganz nichtswürdigen, theils doch präjudicirlichen verführerischen Regeln, sondern nach der Hand-Arbeit, unter fleiszig hieraus gesamleten Observationen und hierauf sich gründenden Folgerungen zur nuzbahren Anwendung derer rohen Sachen und productorum und zu Formirung gewisser practischer Sätze, bisz auf die euserste naturgemäße reelle analysin und synthesin, soweit es die physic mit ocularer handgreiflicher demonstration und Darstellung ihrer objectorum zu bringen, capabel und schuldig ist.

Da nun über dieses die allerdurchlauchtigste Russische Monarchin und weyland des glorwürdigsten Petri Magni Keyserliche Majestät auf Verschreibung und Versendung fremder hierzu erforderter Leuthe ein groszes, und vielleicht nicht nach allerhöchsten Wunsch ausgerichteter Sachen, zu Auf- und Untersuchung dero unterirdischen Schätze angewendet, und hierüber viel Zeit verlohren haben, gleichwohl das fast unermeszliche Ruszische Reich, an Grund und Boden und Gebürge von so mancherley Gattung seyn musz, dasz man in demselben noch vielmehr alsz die allbereit bekannten mineralien, wo nicht alle und jede, an metallern, Edelgesteinen, marmora, Schleif-, Polir-, Farben-, Füller-, Schreibe- und medicinal-Erden, Solen und dergleichen, zum Besten des Landes, commercio und landesherrlichen interesse, verborgen zu seyn und finden zu können, nicht präsumiren sollte,

So wäre mein unvorgreifliches Erachten dieses, dasz Ew. Hochwohlgebohren nicht übel thun würden, wenn dieselben dero allerhöchsten Principalin in Vorschlag bringen wollten, dasz sich Ihre Ruszisch-Keyserliche Majestät gefallen laszen möchten, etwas Hinreichendes auszusetzen, um von dero Landes Kindern ein oder den andern auf Bergwercks Reisen zu schicken, und denenselben ihren Aufenthalt vornehmlich an einem solchen Orte anzubefehlen, wo allerhöchstdieselben davor halten, dasz solche nebst der gewöhnlichen Probir Kunst, Geometria subterranea, Bergbaues- und Schmelzwissenschaften, die vollkommene Metallurgie, oder Chymiam mineralium practicam et rationalem aus dem Grunde erlernen.

Sollte Freyberg die allerhöchste Gnade haben, vor einen solchen Platz angesehen zu seyn, so offerire ich hiermit Ihre Ruszisch-Keyserlichen Majestät meine unterthänigsten Dienste und Redlichkeit.

Und möchten solche subjecta hierzu in Vorschlag kommen, welche von studiis sind, oder wenigstens die lateinische Sprache nebst etwas teutsch verstehen, übrigens vom Verstande so gesetzt und vom Geiste so aufgeweckt sind, dasz sie sich selbst gouverniren und das dic cur

hic in acht zu nehmen wissen, rechte Lust und capacität haben, so könnten solche Leuthe, wenn sie sonst nicht zu anderweitigen grossen Bergwercks Reisen eilen müszten (wozu man sonst wohl noch ein paar andere Personen ausschicken könnte) binnen 1 bisz 1½ Jahren nicht nur dazu qualificiret werden, wozu sie vor itzo in ihrem Vaterlande desideriret werden, sondern auch die Geschicklichkeit erlangen, wiederum andere zu lehren, und zu Ihro Majestät Dienst heranzuziehen.

Uebrigens bin ich bereit hierinnen auf Erfoderung mit mehrerer Explication allezeit schuldigst aufzuwarten.

Freyberg den 1 Febr. 1736.

Johann Friedrich Henckel.

**№ 2. Докладъ бар. Корфа въ Кабинетъ Ея Величества,
отъ 5 марта 1736.**

Solte nun auf mein den 23-ten Febr. h. a. eingegebenes Doklad allergnädigst resolviret werden, einige junge Leuthe nach Freyberg an den Berg-Physicum Henckel zu erlernung der Metallurgie zu schicken, so würden unter denen hier specificirten discipulen

1. Ulrich Christoph Raiser, eines Berg-Raths Sohn in Moscau gebohren, 17 jahr alt,
2. Demitrius Winogradow, eines Priesters Sohn in Susdal gebohren, 16 jahr alt,
3. Michael Lomonosow, eines Bauren Sohn in Archangelischen Gouvernment in Dwinischen district in Kurostoffskoi Wollost gebohren, 22 jahr alt,

dazu können ernennet werden, maszen dieselbe diejenige qualitaeten und requisita besitzen, wie sie gedachter Berg-Physicus verlangt, dergestalten dasz man von ihnen die Hoffnung haben kann, dasz sie mit der Zeit verständige und erfahrne Berg-Physici werden.

Demitrius Winogradow und Michael Lomonossoff verstehen zwar die deutsche Sprache nicht, sie können aber die drey Monath über, welche sie noch hier bleiben, soviel davon lernen, als sie nöthig haben.

Solche drey Personen nun jährlich zu unterhalten, wird eine Summa von 1200 Rub. erfordert, nemlich 400 Rub. vor jede Persohn als

250 R. vor Kost, Kleidung, Bücher und instrumenten und 150 zu hin und her reyszen und recompensirung der Lehrmeister. Ob sie gleich in Freyberg an dieser Summa etwas ersparen können, so wird ihnen doch dieses auf ihrer reysze nach Holland, Engelland und Frankreich, allwo sie die berühmteste Laboratoria Chymica nothwendig besuchen müssen, wohl zustatten kommen. Derohalben musz man ihnen die Sparsamkeit auf alle art und weise auf's beste recommen-diren, indem sie weiter keinen Zuschub zu hoffen haben.

Erwehnte Summa aber musz auch sicher und gewisz sein und alle jahr voraus bezahlt werden, um selbige zu rechter Zeit remittiren zu können. Würde man der Siberischen Pricase eine Generalordre vor ein und allemahl ertheilen. dasz sie an die Academie auf ihre assignation jährlich gedachte 1200 R. solle abfolgen laszen, würde dieselbe wegen denen remissen sorge tragen. Damit sie zum Fleisz desto mehr aufgemuntert werden, so könnte man ihnen die Versiche-rung geben, dasz wann sie sich in erwehten scibili perfectioniert, Specimina von ihrer Geschicklichkeit abgeleget und darüber die ge-hörige Attestata erlangt, sie nach ihrer Zurückkunft zu Professores Extraordinarios mit einer Pension von 460 R. sollen gemacht und nach ihren meriten nach und nach befördert werden. Und dieses da-ram, weilen man angemerket, dasz auch die geschickteste subjecta dadurch verlohren gehen, weilen sie sehen, dasz sie ohngeachtet aller angewendeten Mühe, Fleiszes und Unkosten, dennoch in der Beför-derung übergangen, ja gar ihr Lebtag an dem Hungertuch nagen müssen.

**№ 3. Письмо горнаго совѣтника Райзера къ бар. Корфу,
отъ 28 марта 1736.**

Hoch-Wohlgebohrner Herr

Hochgeneigter Herr Cammer-Herr.

Wie ich mir etwas ungemeines daraus mache, durch Ew. Hoch-Wohlgebohren Befehl mich beehret zu sehen; so habe zum wenigsten durch ungesäumten Gehorsam ersetzen wollen, was der Wichtigkeit des beygefügtten Raisonnements abgehen mögte. Es leuchtet ohne dem aus dem Schreiben des Herrn Doctor Henckels eine Aufrichtigkeit hervor, dasz es scheint, man könne sich auf seine gute intention völ-

lig verlassen, und von seiner dexterité in der Metallurgischen Chymie bin sonsten schon überzeugt. Solten also meine Gedanken etwas überflüssiges seyn, so bitte dennoch selbige als Merckmahle meiner tiefsten Ergebenheit gelten zu lassen.

Ew. Hochwohlgebohren

Gehorsamst-ergebenster Diener

V. Raiser.

St. Peterb. d. 28 Mart. 1736.

Da der Endzweck bei Absendung dreyer jungen Studenten nach Freiberg, dahin gehet, dasz sie sich in der systematischen Chymie festsetzen sollen, so wird solcher nicht erreicht werden, wenn sie sich nicht zuvor auf die physicam legen. Denn da ein Chymicus mit vielen natürlichen Cörpern zu thun hat; als musz er die Kräfte der Natur kennen, und die eygenschaften der Körper, so in seine Sphaeram lauffen, wissen, wie eines in das andere würcket, was für phaenomena dabey vorkommen, die Ursachen davon, ihre affectiones, ihre motiones und dergleichen. Wann diese Naturlehre, soweit sie hauptsächlich die Metallurgie betrifft, entweder nach Boerhavens erstem Theil seiner Chemie, oder eines andern gelehrten Mannes Anführung philosophice durchgegangen; so leget die Chymia Hand an, und zeigt vor Augen, was die theorie sich nur höchstens als wahrscheinlich hat einbilden können. Und bey solcher Ordnung wird ein Studiosus leicht sehen, dasz die ordinairn Arbeiten der Berg- und Müntz-probirer mehr einem Handwercke, als einer gelehrten Wissenschaft, gleich kommen, und gar leicht nachzumachen.

Die andere Absicht ist, dasz gelehrte Berg-Officiers zum Dienste des Reichsz sollen erzogen werden. Dazu gehöret die Geographia physica, insoferne sie von Bergen, Thälern, Wassern u. s. w. handelt. Diese Wissenschaft bietet der Historiae Mineralium die Hand, und lehret alle Arten der Erden, der Steine, der Mineralien, der Metallen etc. auch wo möglich mit blossen Augen zu unterscheiden, wozu eine öfftere aufmercksame inspection eines guten Mineral-Cabinets die beste Anleitung geben kan. Wenn man nun gleich die Ertze wohl kenete, würde doch der Nutzen davon nichts seyn, im Fall man nicht dazu zu gelangen, und selbige aus der tieffe heraus zu kriegen wüste. Hiezu dienet die Mechanica, soferne sie, Lasten zu heben, dienliche Rüst-zeuge angebet. Die Wasser werden gemeynlich durch Räder,

Pumpen und Druckwerke gehoben; und also darf die hydraulica nicht vergessen werden. Die Räder, so entweder die pumpen, die Puchstempel, die Hammer, oder die Bälge in den Schmelzhütten treiben, werden durch aufgedämmtes Wasser und Schleusen in Bewegung gebracht; also musz die Wasser-Bau-Kunst nicht versäümet werden. Was ein Studiosus im Chymischen Laboratorio und in der Probir-Cammer im Kleinen untersucht, solches musz er auch im grossen dirigiren lernen, daher die Schmelz-hütten, und was dazu gehöret, fleissig besucht werden sollen. Bei allen Berg-Arbeiten, sowohl oben, als unter der Erden, fällt immer etwas abzumessen vor, und in deutliche Risse zu bringen, und also vindiciret die Arithmetica, Geometria und Trigonometria ihren platz.

Aus diesem kleinen Vorbericht erhellet, worauf die Studiosi, welche die Gnade haben, hinaus gesand zu werden, sich zu befeiszigen. Als:

- (1) auf die Physic, soferne sie zur Metallurgischen Chymie nötig;
- (2) auf die enchireses der Chymie selber;
- (3) auf die Geographiam physicam, so weit sie ad studium mineralogicum gehöret;
- (4) auf die historiam fossilium, mineralium und anderer in der Chymie und bey dem Berg-Wesen vorkommenden Materien.

Bei diesen vier Wissenschaften wird die Anleitung des Herrn D. Henckels das Beste thun müssen, auszer dasz man noch bey einem Bergprobirer alle gewöhnliche Ertz- und Metallproben ansehen und mitmachen kan.

- (5) auf die Mechanic;
- (6) auf die hydraulic;
- (7) auf die hydrotechnic;
- (8) auf die Schmelzkunst ins Grosse und was sonst zum Hütten-Wesen gehöret.

Weil in diesen vier letzten Wissenschaften vielleicht keine ordentliche information in Freyberg mögte anzu-treffen seyn; als müssen die Studiosi aus fleisziger Betrachtung aller ihnen in diesen Studiis vorkommenden Gebäuden und Arbeiten, nebst zurahziehung guter Bücher und Risse, sich selbst zu helfen suchen.

- (9) auf die Geometriam Subterraneam, worin der Herr Marckscheider Beyer, wo er noch lebet, ein geübter Mann ist.
- (10) das Zeichnen wird bey vielen theilen dieses Studii sehr nötig sein, Und endlich

- (11) sind einige Sprachen nicht zu entbehren, worunter fürnehmlich die Russische, Teutsche, Französische, Lateinische und Englische vorstehe.

Für diesen Catalogum scheint die vom H. Dr. Henckel determinirte Zeit gar zu sehr eingeschnrenckt zu seyn. Doch weil man von jungen Leuten nur vors erste gute fundamenta verlangt, worauf sie mit zunehmenden Jahren ferner fortbauen können, so kan sonderlich derjenige, welcher etwas vom Zeichnen, von Sprachen und von der Mathesi mit sich hinaus bringt, in anderthalb Jahren ein Vieles thun. Absonderlich, wenn sie angehalten werden, ihre Zeiten wohl einzutheilen, und genau in acht zu nehmen, welches unmaaszgeblich geschehen könnte, wenn man von denen 24 stunden des tages ihnen 8 stunden zum schlaff erlaubte, 8 stunden zum studiren, 2 stunden zum essen, und die übrige 6 stunden nach Gefallen zu honéten recreationen, Bewegung und exercitien, wozu keine grosze Meditation und Kopfarbeit erfordert wird, doch dass die Pflichten der Religion nie mahlen dabey vergessen werden. Daher auch nötig, dass jeder sein besonderes Quartier habe, um den andern nicht hinderlich zu seyn.

Wegen Unterhaltung der jungen Studenten, welche ihnen hinlänglich und allergnädigst accordiret worden, bin der Meynung, dasz das erste Jahr nichts daran werde zu ersparen seyn.

Meine Ursachen sind diese:

1. Müszen sie sich zur Reise equipiren und dorten eine reinliche entrée machen.
2. Müszen einige zu obigen Wissenschaftten dienliche Bücher und die Marckscheider instrumenta gleich anfangs angeschaffet werden.
3. Die informationes müszen bezahlt werden, welches man auf künftigen Reysen nicht sonderlich mehr wird bedürffen.
4. Ohne Zweifel werden die dortige informatores diese Gelegenheit in acht nehmen, sich wohl bezahlen zu lassen, je seltener ihnen solche aufzustossen pfliget.
5. Die Materialien, so zu denen chymischen operationibus gehören, müszen angeschafft werden, worunter einige nicht wohlfeil.
6. Weil in Sachsen fast allerley arten von Bergarbeiten in einem district von ungefehr 12 Meilen beysammen, welche anderwärts weiter auseinander zerstreuet anzutreffen, so müszen solche, Zeit ihres Daseyns, besichtiget werden, welches Unkosten erfodert.

Ich zweifle nicht, dass H. Dr. Henckel die Ordnung und Methode der Information bestermassen besorgen wird, und also ergiebet sich von selbst, dass die Contracten mit denen Informatoribus nicht auf einerley Art, sondern nach dem Unterschied der Fähigkeit eines jeden Studenten müssen eingerichtet werden. Zum exempel will ich nur die Marckscheider-Kunst vornehmen. Der Marckscheider wird ungleich mehr praetendiren von einem, der kein teutsch kan, und mit welchem er die ersten Anfangs-Gründe der Rechen-Kunst, der Geometrie und Trigonometrie durchgehen musz, weil er mehrere Mühe und Zeit dabey brauchet. Wenn aber ein anderer dieses alles schon kan, und nur bloss lernen will, seine mathesis auf die Berg-Wissenschaft zu appliciren, der würde seine Zeit und Geldt, welches auf Bücher und andere Wissenschaften könnte verwendet werden, verschwenden, im fall er auf die andern warten müste.

Regeln der äusserlichen Conduite zu geben, würde vergebens seyn, weil ein gut naturel und gesunder Verstand allein sage machet. Nur könnte man denen jungen Leuten einschärfen, sich so aufzuführen, dass die dortigen Einwohner sehen mögen, dass wilde Sitten schon lange in Russland nicht mehr mode gewesen.

Was das künftige Reysen betrifft, so wird, nachdem ihre profectus und die dermahlige Umstände es an die Hand geben, leichte seyn, ihnen eine neue instruction nachzusenden.

№ 4. Письмо Генкеля къ бар. Корфу, отъ 7 мая (26 апр.) 1736.

Hochwohlgebohrner Herr

Hochgeehrtester Herr Cammerherr.

Auf Ew. Hochwohlgebohren unter dem 1. Febr. a. c. mir hochgeneigt ertheilten und den 5 hujus mir eingereichten Antwort habe die grosse Gnade, zu ersehen, dass Ihre Ruzsische Keyserliche Majestät allergnädigst resolviret haben, 3 tüchtige subjecta aus Dero Landes Kindern hieher zu schicken und mir in Metallurgia fundamentali et practica zur Unterweisung zu übergeben, Nun sind zwar Ew. Hochwohlgebohren gemeynet, mit mir hierüber inclusive des Aufwands, so bey dem Gvardein und Marckscheider zu Erlernung der gewöhnlich Probir- und Marckscheidekunst, wie auch der Silberbrenn- und Sai-

zu dererselben gründlicher, vielfältiger und hinlänglicher Examination umzugehen wissen, kurz: Chymici metallurgici seyn sollten, daher ich auch gleich dieser speciellen determination nach nicht davor halten kan, dasz der in Berlin hierzu vorgeschlagene Mensch, allwo Chymia mineralis zulänglich nicht tractiret und erlernet werden kan, hier nach Erfodernüsz gewesen seyn würde. Vors andere, so auch endlich einer oder der andere seine Chymie zum Mineral-Reich besonders und hauptsächlich extendiret haben sollte, wiewohl ich doch auch nur in soweit niemand kenne, so wird es doch zum schwersten fallen, einen solchen anzutreffen, welcher zugleich auf die gehörige genaue Kentnüz derer Erze und Berg Arten nach ihrer euserlichen Historie, Herkommen, Grund und Boden, Kennzeichen, Verschiedenheit, Gleichgültigkeit, Anverwandschaft, Vorzug und Anhangenden und diesem sowohl beständigen alsz zufälligen, ferner auf Klüffte und Gänge, und was dazu gehörig, sich verstünde, und also ein ziemlicher Bergmann wäre.

Die Ursachen hiervon sind, dasz auf Universitäten die Mineralien hinreichend nicht bey der Hand, noch bekandt sind, und zu lebendiger Anführung auf die Erkenntnüz derer Klüffte und Gänge, Flezze, Geschiebe, Seiffen und was dem anhängig, kein Ort noch Gelegenheit ist, bey Bergstädten hingegen nur die gemeine Probir Kunst nach dem Schlendrian getrieben wird, welche doch auf solche Art nur einen kleinen Theil der metallurgie ausmacht, wobey es denn immer an jemand gefehlet, welcher die Bergwercks-Scholaren nur bey dieser genannten Kunst auf Grund und raison gewiesen, geschweige denn zu einem ganzen vollkommenen systemate mineralogico-docimastico angeführet hätte.

Dieser Mangel hat unter andern guten Theils die falsche Meynung, die man sich bey dem Wort Chymie insgemein vorgefasset hat, verursacht, gleich alz wenn es damit nur auf process Arbeiten und Goldmacherey, oder einige Experimentyen und präparationem medicamentorum ankähme, da sie doch das ganze studium metallurgicum oder physicam mineralem veram et realem in sich hält. Sie untersucht nemlich und ersiehet die Essenz und Natur derer Metallen, Erze, Steine, Erden, Wasser und Salze nach ihrem Ganzen, nach ihren Theilen, nach derer Theile Anzahl und Vorwichtigkeit, nach ihren Verhältnüszen unter einander, eines ganzen gegen das andere ganze, ihrer Theile Umsetzungen, in verschiedenen proportionen, Wegen und Feuerie, nach eines jeden Gebrauch und hierzu gehörigen Zubereitung; hinfolglich nicht nur blosz nach der euserlichen Schale, Zirckel und Winckel, longo, lato et profundo, figura particularum,

gravitate specifica, und dergleichen zur Erkenntnüz des Wesens derer Cörper theils ganz nichtswürdigen, theils doch präjudicirlichen verführerischen Regeln, sondern nach der Hand-Arbeit, unter fleiszig hieraus gesamleten Observationen und hierauf sich gründenden Folgerungen zur nuzbahren Anwendung derer rohen Sachen und productorum und zu Formirung gewisser practischer Sätze, bisz auf die euserste naturgemäze reelle analysin und synthesin, soweit es die physic mit ocularer handgreiflicher demonstration und Darstellung ihrer objectorum zu bringen, capabel und schuldig ist.

Da nun über dieses die allerdurchlauchtigste Russische Monarchin und weyland des glorwürdigsten Petri Magni Keyserliche Majestät auf Verschreibung und Versendung fremder hierzu erfoderter Leuthe ein groszes, und vielleicht nicht nach allerhöchsten Wunsch ausgerichteter Sachen, zu Auf- und Untersuchung dero unterirrdischen Schätze angewendet, und hierüber viel Zeit verlohren haben, gleichwohl das fast unermeszliche Ruzsische Reich, an Grund und Boden und Gebürge von so mancherley Gattung seyn musz, dasz man in demselben noch vielmehr alsz die allbereit bekannten mineralien, wo nicht alle und jede, an metallenen, Edelgesteinen, marmora, Schleif-, Polir-, Farben-, Füller-, Schreibe- und medicinal-Erden, Solen und dergleichen, zum Besten des Landes, commercio und landesherrlichen interesse, verborgen zu seyn und finden zu können, nicht präsumiren sollte,

So wäre mein unvorgreifliches Erachten dieses, dasz Ew. Hochwohlgebohren nicht übel thun würden, wenn dieselben dero allerhöchsten Principalin in Vorschlag bringen wollten, dasz sich Ihre Ruzsisch-Keyserliche Majestät gefallen laszen möchten, etwas Hinreichendes auszusetzen, um von dero Landes Kindern ein oder den andern auf Bergwercks Reisen zu schicken, und denenselben ihren Aufenthalt vornehmlich an einem solchen Orte anzubefehlen, wo allerhöchstdieselben davor halten, dasz solche nebst der gewöhnlichen Probir Kunst, Geometria subterranea, Bergbaues- und Schmelzwissenschaften, die vollkommene Metallurgie, oder Chymiam mineralium practicam et rationalem aus dem Grunde erlernen.

Sollte Freyberg die allerhöchste Gnade haben, vor einen solchen Platz angesehen zu seyn, so offerire ich hiermit Ihre Ruzsisch-Keyserlichen Majestät meine unterthänigsten Dienste und Redlichkeit.

Und möchten solche subjecta hierzu in Vorschlag kommen, welche von studiis sind, oder wenigstens die lateinische Sprache nebst etwas teutsch verstehen, übrigens vom Verstande so gesezt und vom Geiste so aufgeweckt sind, dasz sie sich selbst governiren und das dic cur

hic in acht zu nehmen wissen, rechte Lust und capacität haben, so könnten solche Leuthe, wenn sie sonst nicht zu anderweitigen grossen Bergwercks Reisen eilen müszten (wozu man sonst wohl noch ein paar andere Personen ausschicken könnte) binnen 1 bisz 1½ Jahren nicht nur dazu qualificiret werden, wozu sie vor itzo in ihrem Vaterlande desideriret werden, sondern auch die Geschicklichkeit erlangen, wiederum andere zu lehren, und zu Ihre Majestät Dienst heranzuziehen.

Uebrigens bin ich bereit hierinnen auf Erfoderung mit mehrerer Explication allezeit schuldigst aufzuwarten.

Freyberg den 1 Febr. 1736.

Johann Friedrich Henckel.

№ 2. Докладъ бар. Корфа въ Кабинетъ Ея Величества,
отъ 5 марта 1736.

Solte nun auf mein den 23-ten Febr. h. a. eingegebenes Doklad allergnädigst resolviret werden, einige junge Leuthe nach Freyberg an den Berg-Physicum Henckel zu erlernung der Metallurgie zu schicken, so würden unter denen hier specificirten discipulen

1. Ulrich Christoph Raiser, eines Berg-Raths Sohn in Moscau gebohren, 17 jahr alt,
2. Demitrius Winogradow, eines Priesters Sohn in Susdal gebohren, 16 jahr alt,
3. Michael Lomonossow, eines Bauren Sohn in Archangelischen Gouvernement in Dwinischen district in Kurostoffskoi Wollost gebohren, 22 jahr alt,

dazu können ernennet werden, maszen dieselbe diejenige qualitaeten und requisita besitzen, wie sie gedachter Berg-Physicus verlangt, dergestalten dasz man von ihnen die Hoffnung haben kann, dasz sie mit der Zeit verständige und erfahrene Berg-Physici werden.

Demitrius Winogradow und Michael Lomonossoff verstehen zwar die deutsche Sprache nicht, sie können aber die drey Monath über, welche sie noch hier bleiben, soviel davon lernen, als sie nöthig haben.

Solche drey Personen nun jährlich zu unterhalten, wird eine Summa von 1200 Rub. erfordert, nemlich 400 Rub. vor jede Persohn als

250 R. vor Kost, Kleidung, Bücher und instrumenten und 150 zu hin und her reyszen und recompensirung der Lehrmeister. Ob sie gleich in Freyberg an dieser Summa etwas ersparen können, so wird ihnen doch dieses auf ihrer reysze nach Holland, Engelland und Frankreich, allwo sie die berühmteste Laboratoria Chymica nothwendig besuchen müssen, wohl zustatten kommen. Derohalben musz man ihnen die Sparsamkeit auf alle art und weise aufs beste recommendiren, indem sie weiter keinen Zuschub zu hoffen haben.

Erwehnte Summa aber musz auch sicher und gewisz sein und alle jahr voraus bezahlt werden, um selbige zu rechter Zeit remittiren zu können. Würde man der Siberischen Pricase eine Generalordre vor ein und allemahl ertheilen, dasz sie an die Academie auf ihre assignation jährlich gedachte 1200 R. solle abfolgen laszen, würde dieselbe wegen denen remissen sorge tragen. Damit sie zum Fleisz desto mehr aufgemuntert werden, so könnte man ihnen die Versicherung geben, dasz wann sie sich in erwehnten scibili perfectioniert, Specimina von ihrer Geschicklichkeit abgelegt und darüber die gehörige Attestata erlangt, sie nach ihrer Zurückkunft zu Professores Extraordinarios mit einer Pension von 460 R. sollen gemacht und nach ihren meriten nach und nach befördert werden. Und dieses darum, weilen man angemerket, dasz auch die geschickteste subjecta dadurch verlohren gehen, weilen sie sehen, dasz sie ohngeachtet aller angewendeten Mühe, Fleiszes und Unkosten, dennoch in der Beförderung übergangen, ja gar ihr Lebtag an dem Hungertuch nagen müssen.

**№ 3. Письмо горнаго совѣтника Райзера къ бар. Корфу,
отъ 28 марта 1736.**

Hoch-Wohlgebohrner Herr

Hochgeneigter Herr Cammer-Herr.

Wie ich mir etwas ungemeines daraus mache, durch Ew. Hoch-Wohlgebohren Befehl mich beehret zu sehen; so habe zum wenigsten durch ungesäumten Gehorsam ersetzen wollen, was der Wichtigkeit des beygefügtten Raisonnements abgehen mögte. Es leuchtet ohne dem aus dem Schreiben des Herrn Doctor Henckels eine Aufrichtigkeit hervor, dasz es scheint, man könne sich auf seine gute intention völ-

lig verlassen, und von seiner dexterité in der Metallurgischen Chymie bin sonsten schon überzeuget. Solten also meine Gedanken etwas überflüssiges seyn, so bitte dennoch selbige als Merckmahle meiner tiefsten Ergebenheit gelten zu lassen.

Ew. Hochwohlgebohren

Gehorsamst-ergebenster Diener

V. Raiser.

St. Peterb. d. 28 Mart. 1736.

Da der Endzweck bei Absendung dreyer jungen Studenten nach Freiberg, dahin gehet, dasz sie sich in der systematischen Chymie festsetzen sollen, so wird solcher nicht erreicht werden, wenn sie sich nicht zuvor auf die physicam legen. Denn da ein Chymicus mit vielen natürlichen Cörpern zu thun hat; als musz er die Kräfte der Natur kennen, und die eygenschaften der Cörper, so in seine Sphaeram lauffen, wissen, wie eines in das andere würcket, was für phaenomena dabey vorkommen, die Ursachen davon, ihre affectiones, ihre motiones und dergleichen. Wann diese Naturlehre, soweit sie hauptsächlich die Metallurgie betrifft, entweder nach Boerhavens erstem Theil seiner Chemie, oder eines andern gelehrten Mannes Anführung philosophice durchgegangen; so leget die Chymia Hand an, und zeigt vor Augen, was die theorie sich nur höchstens als wahrscheinlich hat einbilden können. Und bey solcher Ordnung wird ein Studiosus leicht sehen, dasz die ordinairn Arbeiten der Berg- und Müntz-probirer mehr einem Handwercke, als einer gelehrten Wissenschaft, gleich kommen, und gar leicht nachzumachen.

Die andere Absicht ist, dasz gelehrte Berg-Officers zum Dienste des Reichsz sollen erzogen werden. Dazu gehöret die Geographia physica, insoferne sie von Bergen, Thälern, Wassern u. s. w. handelt. Diese Wissenschaft bietet der Historiae Mineralium die Hand, und lehret alle Arten der Erden, der Steine, der Mineralien, der Metallen etc. auch wo möglich mit blossen Augen zu unterscheiden, wozu eine öffttere aufmercksame inspection eines guten Mineral-Cabinets die beste Anleitung geben kan. Wenn man nun gleich die Ertze wohl kennete, würde doch der Nutzen davon nichts seyn, im Fall man nicht dazu zu gelangen, und selbige aus der tieffe heraus zu kriegen wüste. Hiezu dienet die Mechanica, soferne sie, Lasten zu heben, dienliche Rüst-zeuge anbietet. Die Wasser werden gemeyniglich durch Räder,

Pumpen und Druckwerke gehoben; und also darf die hydraulica nicht vergessen werden. Die Räder, so entweder die pumpen, die Puchstempel, die Hammer, oder die Bälge in den Schmelzhütten treiben, werden durch aufgedämmtes Wasser und Schleusen in Bewegung gebracht; also musz die Wasser-Bau-Kunst nicht versäümet werden. Was ein Studiosus im Chymischen Laboratorio und in der Probir-Cammer im Kleinen untersucht, solches musz er auch im grossen dirigiren lernen, daher die Schmelzhütten, und was dazu gehöret, fleissig besucht werden sollen. Bei allen Berg-Arbeiten, sowohl oben, als unter der Erden, fällt immer etwas abzumessen vor, und in deutliche Risse zu bringen, und also vindiciret die Arithmetica, Geometria und Trigonometria ihren platz.

Aus diesem kleinen Vorbericht erhellet, worauf die Studiosi, welche die Gnade haben, hinaus gesand zu werden, sich zu befeisigen. Als:

- (1) auf die Physic, soferne sie zur Metallurgischen Chymie nötig;
- (2) auf die enchireses der Chymie selber;
- (3) auf die Geographiam physicam, so weit sie ad studium mineralogicum gehöret;
- (4) auf die historiam fossilium, mineralium und anderer in der Chymie und bey dem Berg-Wesen vorkommenden Materien.

Bei diesen vier Wissenschaften wird die Anleitung des Herrn D. Henckels das Beste thun müssen, auszer dasz man noch bey einem Bergprobirer alle gewöhnliche Ertz- und Metalproben ansehen und mitmachen kan.

- (5) auf die Mechanic;
- (6) auf die hydraulic;
- (7) auf die hydrotechnic;
- (8) auf die Schmelzkunst ins Grosse und was sonst zum Hütten-Wesen gehöret.

Weil in diesen vier letzten Wissenschaften vielleicht keine ordentliche information in Freyberg mögte anzu-treffen seyn; als müssen die Studiosi aus fleisziger Betrachtung aller ihnen in diesen Studiis vorkommenden Gebäuden und Arbeiten, nebst zurahtziehung guter Bücher und Risse, sich selbst zu helfen suchen.

- (9) auf die Geometriam Subterraneam, worin der Herr Marckscheider Beyer, wo er noch lebet, ein geübter Mann ist.
- (10) das Zeichnen wird bey vielen theilen dieses Studii sehr nötig sein, Und endlich

- (11) sind einige Sprachen nicht zu entbehren, worunter fürnehmlich die Russische, Teutsche, Französische, Lateinische und Englische vorstehe.

Für diesen Catalogum scheint die vom H. Dr. Henckel determinirte Zeit gar zu sehr eingeschnrenckt zu seyn. Doch weil man von jungen Leuten nur vors erste gute fundamenta verlangt, worauf sie mit zunehmenden Jahren ferner fortbauen können, so kan sonderlich derjenige, welcher etwas vom Zeichnen, von Sprachen und von der Mathesi mit sich hinaus bringt, in anderthalb Jahren ein Vieles thun. Absonderlich, wenn sie angehalten werden, ihre Zeiten wohl einzutheilen, und genau in acht zu nehmen, welches unmaaszgeblich geschehen könnte, wenn man von denen 24 stunden des tages ihnen 8 stunden zum schlaff erlaubte, 8 stunden zum studiren, 2 stunden zum essen, und die übrige 6 stunden nach Gefallen zu honéten recreationen, Bewegung und exercitien, wozu keine grosze Meditation und Kopfarbeit erfordert wird, doch dass die Pflichten der Religion nie mahlen dabey vergessen werden. Daher auch nötig, dass jeder sein besonderes Quartier habe, um den andern nicht hinderlich zu seyn.

Wegen Unterhaltung der jungen Studenten, welche ihnen hinfänglich und allergnädigst accordiret worden, bin der Meynung, dasz das erste Jahr nichts daran werde zu ersparen seyn.

Meine Ursachen sind diese:

1. Müszen sie sich zur Reise equipiren und dorten eine reinliche entrée machen.
2. Müszen einige zu obigen Wissenschaften dienliche Bücher und die Marckscheider instrumenta gleich anfangs angeschaffet werden.
3. Die informationes müszen bezahlt werden, welches man auf künftigen Reysen nicht sonderlich mehr wird bedürffen.
4. Ohne Zweifel werden die dortige informatores diese Gelegenheit in acht nehmen, sich wohl bezahlen zu lassen, je seltener ihnen solche aufzustossen pfeget.
5. Die Materialien, so zu denen chymischen operationibus gehören, müszen angeschafft werden, worunter einige nicht wohlfeil.
6. Weil in Sachsen fast allerley arten von Bergarbeiten in einem district von ungefehr 12 Meilen beysammen, welche anderwärts weiter auseinander zerstreuet anzutreffen, so müszen solche, Zeit ihres Daseyns, besichtigt werden, welches Unkosten erfodert.

Ich zweifle nicht, dass H. Dr. Henckel die Ordnung und Methode der Information bestermassen besorgen wird, und also ergiebet sich von selbst, dass die Contracten mit denen Informatoribus nicht auf einerley Art, sondern nach dem Unterschied der Fähigkeit eines jeden Studenten müssen eingerichtet werden. Zum exempel will ich nur die Marckscheider-Kunst vornehmen. Der Marckscheider wird ungleich mehr praetendiren von einem, der kein teutsch kan, und mit welchem er die ersten Anfangs-Gründe der Rechen-Kunst, der Geometrie und Trigonometrie durchgehen musz, weil er mehrere Mühe und Zeit dabey brauchet. Wenn aber ein anderer dieses alles schon kan, und nur bloss lernen will, seine mathesis auf die Berg-Wissenschaft zu appliciren, der würde seine Zeit und Geldt, welches auf Bücher und andere Wissenschaften könnte verwendet werden, verschwenden, im fall er auf die andern warten müste.

Regeln der äusserlichen Conduite zu geben, würde vergebens seyn, weil ein gut naturel und gesunder Verstand allein sage machet. Nur könnte man denen jungen Leuten einschärfen, sich so aufzuführen, dass die dortigen Einwohner sehen mögen, dass wilde Sitten schon lange in Russland nicht mehr mode gewesen.

Was das künftige Reysen betrifft, so wird, nachdem ihre profectus und die dermahlige Umstände es an die Hand geben, leichte seyn, ihnen eine neue instruction nachzusenden.

№ 4. Письмо Генкеля къ бар. Корфу, отъ 7 мая (26 апр.) 1736.

Hochwohlgebohrner Herr

Hochgeehrtester Herr Cammerherr.

Auf Ew. Hochwohlgebohren unter dem 1. Febr. a. c. mir hochgeneigt ertheilten und den 5 hujus mir eingereichten Antwort habe die grosze Gnade, zu ersehen, dass Ihre Ruzsische Keyserliche Majestät allergnädigst resolviret haben, 3 tüchtige subjecta aus Dero Landes Kindern hieher zu schicken und mir in Metallurgia fundamentali et practica zur Unterweisung zu übergeben, Nun sind zwar Ew. Hochwohlgebohren gemeynet, mit mir hierüber inclusive des Aufwands, so bey dem Gvardein und Marckscheider zu Erlernung der gewöhnlich Probir- und Marckscheidekunst, wie auch der Silberbrenn- und Sai-

ger-Wissenschaften, ferner zu einigen Lectionibus in humanioribus et philosophicis und endlich zu Quartier und Kost, erforderlich seyn möchte, überhaupt zu tractiren, ich würde mich auch nicht entbrechen mich hierinnen Ihre Ruzsisch-Keyserlichen mit allertiefsten Respect zu unterwerfen: Es wollen aber Ew. Hochwohlgeboren mir groszgünstig erlauben, über alle und jede Erfoderntüze separatim meine Meynung zu entdecken und die Kosten zu berechnen.

1) Was dasjenige vor meine hierzu hauptsächlich gehörige Information und Mühewaltung betrifft, so sollte ichs zwar Ihre Keyserlichen Majestät weltberühmten Gnade lediglich anheimstellen, nachdem aber allerhöchst dieselben mir anbefehlen laszen, mich hierüber zu erklären, und ob ich gleich das eigentliche meiner dazu erfodernten Mühe, die Weitläufftigkeit und Wichtigkeit der Wissenschaft quaestionis und das sich hiernach proportionirende meines Verdienstes à priori nicht dociren kan, sondern man es auff meinen fidem und reputation ankommen laszen musz, so kan ich doch die theure Versicherung geben, dasz zwölfhundert Rubel nicht zuviel seyn würden, wenn Ihre Ruzsisch-Keyserliche Majestät solche summam mir davor und vor 3 Scholaren überhaupt, und zwar, wie ichs allezeit damit zu halten pflege, die helffte des accordirten Geldes voraus, die andere binnen 1 bisz 1½ Jahren zu reichen allergnädigst sich entschlieszen sollten. Ich würde alszdenn und will mich eventualiter hierdurch anheischig machen, dasz ich die hierzu ausersehenen 3 Personen 1) in der euserlichen Historie und Erkenntnüz derer Metallen, Erze, Steine, Erden, Salze, bituminum und Waszer, summa, aller mineralien nach ihren euserlichen Kennzeichen, Arten, Unterschieden, Muttern und Lagerstätten, an verwandten und zufälligen Dingen, aus meinen vielen Anmerckungen, durch fleiszige lebendige Vorzeigung und theils mir nur mögliche Verschaffung und Dargebung allerley Sorten, 2) in der Erkenntnüz ihres innerlichen Wesens, nach eines jeden Gantzen Beschaffenheit und deszen Theilen, ihren Verhältnüzen unter sich und gegen andere, durch gründliche, vorsichtige Zerlegung und, wo es nur angehen will, durch Wiederzusammensetzung, auf allerhand Art und Wegen, naturgemäsz, accurat und redlich unterweisen, mithin, und unter Zuziehung derer hierbey noch hierzu von bestellten Meistern zu erlernenden gewöhnlichen Probir- und Marckscheide Kunst, wie auch der Silberbrenn- und Saiger-Wissenschaft bey gehörigen Besuch des Gebürges und der Schmelzhütten, nöthigen Anfahren in den Gruben, Umgang mit Berg- und schmelz-verständigen, und meinen ihnen auch nach dem etwan absolvirten 1½ jährigen cursu die ganze Zeit ihres Aufenthalts noch

immer vorzugebenden Arbeiten, Exercitiis und Wiederholungen, zu Hause fleißig anzustellender repetition derer Lectionen, und unermüdeter application, unter Vermeydung zeitverderbender, zumahl böser Gesellschaft, Selbstbewahrung ihrer Gesundheit, durch göttlichen Beystand solche leuthe aus denselben machen werde, welche sich auf die Situation des Gebürges verstehen, aus der Art der Damm-Erde und derer dadurch setzenden Klüffte von der Natur der Erz Gänge möglichst judiciren, das vorgezeigte Stufwerck und allerley Berg Art nach den characteren beurtheilen, wie auch aus genauer Beaugenscheinigung der structer und des bey- drunter- drüber- oder mit inliegenden sich distinguirenden Wesens der probablesten Meynung von der Generation der Erze und Gesteine am nächsten bekommen, jedes mineral geschickt und naturgemäsz untersuchen, das gehörige Tractament derer Erze finden, einrichten und verbeszern, die Ursachen miszgerathener Feuer Arbeiten treffen, vergebliche Vorschläge zu dergleichen vorher einsehen, den Gebrauch und Nutzen von mineralien angeben werden können, und worüber ich ihnen die rechte methode besonders zeigen will, wie die gesammelten observations und gemachten Experimenta über disz oder jens mineral in einen ordentlichen Bericht zu bringen, auch ein bündiges Gutachten darüber abzustatten, summa: Ihro Ruzsisch- Keyserlichen Majestät nach Dero hirunter erleuchtet abgesehenen Endzweck so wohl beym Berg- und Schmelz-wesen alsz bey anderen Fabriquen, wo man mineralien nöthig hat, ersprieszliche Dienste zu leisten, wohlgegründet und geübet seyn sollen.

II) Die gewöhnlichen Kosten zu Erlernung der hier bey noch nöthigen allgemeinen Probir Kunst betragen vor der Person 50 Rthl., der Marckscheiderey 50 Rthl., vom Silberbrennen 20 Rthl., vom Saigern 20 Rthl.

III) Was den Unterricht in humanioribus und philosophicis anlanget, ich verstehe z. e. in der lateinischen oder griechischen Sprache wenigstens eine Uebung, in der Vernunftlehre etwan so weit, wie Köpfe aufgeräumt werden, ordentlich dencken und schlüszen, auch sich deutlich und bündig exprimiren sollen, deszgleichen in der Geometrie, worauf sich die Marckscheidekunst gründen musz, so ist hier die schönste Gelegenheit, bey dem Conrectore des hiesigen Gymnasii, Herrn M. Luther, einen gelehrten, geschickten und aufrichtigen Mann, darüber eine privat Information zu nehmen, es möchte nun eins und das andere erwehnter disciplinen nicht oder eine andere mehr, wie denn die Geographie der Mineral-Historie nicht wenig zu statten kömmt, beliebt werden, so würde es mit der Bezahlung darauf nicht,

sondern auf die Zeit und Stunden ankommen, wie denn bemeldter Lehrer vor eine Stunde des Tags, keinen alsz den Sonntag gefeyert, monatlich vor 3 Personen in Privat-Information 3 Rthl. und also vor 2 Stunden des Tages solches gedoppelt verlangt, auch nach meinem Erachten wohl verdienen kan, dabey die Herrn Scholaren in der Schulbibliothek manchmahl angeführet zu werden, auch zur Uebung in der lateinischen Sprache öffentliche orationes mit anzuhören Gelegenheit finden werden.

IV) In Quartier und Kost wollte ich dieselben selbst gern zu mir nehmen, musz es aber, weil ich kein eigenes Hausz noch Gelasz genug habe, bescheidenlich depreciren. Hingegen habe ich eventualiter in der einen Apothecke verlasz genommen, wo Stuben, inclusive derer Betten vor 3 Personen mit einer Cammer zu 40 Rthl., 30 Rthl., auch 25 Rthl. jährlich offen stehen, vor Holz, nachdem das Zimmer ist, jährlich 16, 18 bisz 20 Rthl. aufgehen dürffte, welches man sich auch nach Belieben selbst anschaffen könnte. Sollte es nun an diesem Orte nicht anständig fallen, wiewohl mir die leuthe allda am nächsten wären, auch in Apothecken von handgriffen in Feuer Arbeiten manches zu sehen vorfällt, überdiesz in diesem Hause nicht so leicht fures temporis zu befürchten, so wüste ich noch einen andern acceptablen Vorschlag, deren keiner aber eher vollzogen werden kan, alsz bisz ich vernommen habe, ob es mehr alsz eine Stube und eine Kammer, wie ich vermuthe, seyn solle, dabey zu verhoffen, dasz bey Zusammennnehmung etlicher Zimmer von den separirt gesezten Preisz, summamim ein ziemliches zu rabattiren seyn werde.

Was die Speisung betrifft, so will noch niemand, der mir anständig wäre, diese Fremdlinge an seinen Tisch zu nehmen, sich einlaszen, noch fodern, indem man noch nicht wüste, was vor Tractament verlangt würde, Inzwischen wäre mein unvorgreiflicher Rath selbst, dasz man es damit erst auf der Stube vom Tracteur versuchete, wo sich feine leuthe holen laszen, und man die Mahlzeit vor 6, 4, auch 3 gr., ausgenommen Bier und Brodt, auf eine Person zulänglich haben kan, bisz sich erwünschte Gelegenheit fände, dieselben entwedcr beym Apothecker oder sonst bey honetten leutheu an Tisch zu bringen, alsz welcher auch endlich hierbey anfraget, ob die Herrn Ruszen sich zur Bedienung selbst einen Jungen halten würden, wie er denn solches wohl wünschete, maszen er seine Bedienten zur Nothdurfft zwar gern hergeben wollte, sonsten aber nicht viel entrathen könnte.

Wie nun dieses alles samt und sonders vorzunehmen und zu rangiren sey, wollte zwar wohl zu seiner Zeit nach Befinden derer Subjectorum, in der natürlichen Ordnung derer Sachen, theils nach und

nach, theils zugleich, mit meinen Lectionen aber gleich ohne Zeitverlust, anzustellen finden, würde aber mich nach Ew. Hochwohlgebohren vorgeschriebenen guten disposition zu richten nicht ermangeln, auch, wie weit die Herrn Scholaren an mich gewiesen seyn sollten, und was Ihre Ruzsisch-Keyserliche Majestät mir hier bey sonsten aufzutragen allergnädigsten Gefallens seyn dürften, darüber erwarte allerhöchst Deroselben gemessene Befehle, alsz welche ich mit allem unterthänigsten Respect annehmen und in die bestmögliche Erfüllung zu setzen, eusersten und redlichsten Fleisze trachten werde. Und dieses alles um so viel desto mehr, weil ich erkenne, dasz mein liebes Vaterland nächst Gott und seinem allergnädigsten Landesherrn, dieser glorwürdigsten Fürstin, Ihre Ruzsisch-Keyserlichen Majestät zu unendlichen Danck verbunden ist, wo keine namhaftesten Geldschätze nur zu einiger Erkentlichkeit vor Dero dem feindlich hart bedroheten Sachsenlande geleisteten grossmächtigsten Schutz hinreichlich sind, sondern eine ungemessene devotion vor allerhöchst Dieselben, alsz unsere andere Landes-Mutter, immer und ewig, und in allen Vorfällen allen rechtschaffenen Sachsen obliegend bleiben musz.

Zuletzt nehme mir die Freyheit, Ew. Hochwohlgehohren nochmals gehorsamst zu ersuchen, mir bey dieser Gelegenheit, wenn die Personen noch hieher kommen sollten mit Zusendung einiger Ruzsischen, Siberischen und Kamschatkischen allbereit ausgebetenen Stüffen und Berg Arten, wie auch nur des geringsten Blatts von der Ruzsisch-Keyserlichen Academie Schrifften das mir längst erwünschte Vergnügen zu machen, verhoffe, dasz meine wenigen Papire durch den Herrn Ober Berghauptmann von Schönberg eingegangen seyn werden, und verharre mit unverbrüchlicher Hochachtung

Ew. Hochwohlgeboren

Meines hochgeehrtesten Herrn Cammerherrns

gehorsamster Diener

Johann Friedrich Henckel.

Freyberg in Meissen,
den 7 May. 1736.

**№ 5. Приблизительная смета расходов на трех студентов,
посылаемых за границу, 1736 г.**

Ohngefährer Ueberschlag

wie viel ein von hier herauszuschickender Stud. ohnumgänglich zu seiner Subsistence nöthig habe, und wie viel demselben zu seinen Studiis noch übrig bliebe, auff ein Jahr gere anet.

Vor den Tisch à 5 Rthlr. monatlich	60 Rthlr.
Vor Stube, Holz, Licht, Auffwahrung, Bette und Wäscher Lohn	50
Zur Kleydung und Reparatur derselben	30
Vor Schuh und Strümpfe	8
Vor Huth und Paruquen	8
Vor die Wäsche	16
Zu kleinen wie auch extraordinaircn Ausgaben, als Puder, Pomade, Handschuh, Band, Er- mel-Knöpffe, Schuhwachs, Bergmanns-Kley- der etc...	28
	<hr/>
	200 Rthlr.
oder à 80 Cop. pro Rthlr. gerechnet facit in Rubeln	160 Rub.
Bliebe einem Jeden nach Proportion derer ihm vermachten 400 Rubl. jährlich zu seinen Studiis annoch übrig	240
	<hr/>
	400 Rub.

Da aber der Bergphysicus in Freyberg Hr. Henckel jährlich vor einen Jeden prätendiret, vor seine Inspection und speciale Unterweisung vor 3 Persohnen in 1½ jahren 1200 Rubl., facit in einem Jahr 800 Rubl. und also auff eine Persohn. . . . 266 Rbl. 66⅔ Cop.

vor Erlernung der Probir- Kunst auff ein Jahr . . .	33 Rthlr. 30 gr.
vors Marckscheiden	33 — 30 —
vors Silberbrennen.	13 — 30 —
vors Seigern	13 — 30 —
vor 2 Stunden des Tages im Latein, Griechisch, Ver- nunfft-Lehre, Geographie, Mineral-historie und Geo- metrie	24 —
	<hr/>
	117 — 30 —

oder à 80 Cop. pro Rthlr. in Rubeln 93. 86⅔

Transport:

160 Rub.

..... 360 — 53½ Cop.

Summa 520 — 53½ —

so würde zu denen ihnen vermachten 400

auszer denen Reyse-Kosten das erste Jahr annoch

zugelegt werden müszten . . . . . 120 Rub. 53½ Cop.

№ 6. Определение объ отправки трех студентовъ въ марбургскій университетъ, 1736 г.

Auf hohen Befehl etc. ist resolviret:

Nachdem Ihre Kayserliche Majestät auf allerunterthänigst geschehener Unterlegung mittelst Ukase aus dem H. Cabinet sub dato d. 13 Martij h. a. allergnädigst verordnet, dasz die 3 vorgeschlagene Studiosi Rayser, Winogradoff und Lomonossoff zu Erlernung und Metallurgie und andern physicalischen Wissenschaften nach Freyberg zu dem Berg-Physico Henckel verschicket, und zu deren Reise-Kosten und Unterhaltung jährlich 1200 Rubel, wovon ihnen jedoch nur soviel als hinlänglich, zu reichen, das Uebrige aber in Cassa zu behalten und zu berechnen, bezahlet werden sollen: Dermahlen aber gedachter Berg-Physicus Henckel in seinem eingesandten Vorschlag de dato d. 7-ten Maji h. a. et praesent. den 17. ejusd., was zu Fortsetzung derer studiosorum Studien und ihre Sustentation von ihm gefordert wird, die von Ihrer Kayserlichen Majestät allergnädigst accordirte Summa bey weiten übersteiget, Als sollen oben gemeldte 3 Disciples vorerst nach Marpurg in Hessen, um daselbst in der Metallurgie, Chymie und übrigen dahin gehörige Wissenschaften, wozu man alhier keine Gelegenheit hat*), den Grund zu legen, ihre Reise dahin antreten, ihre Studia unter der Direction des Prof. Wolfs, als an welchem dieserhalb insbesondere zu schreiben, fortsetzen, und dieselbe nebst ihrer Lebens-Arth, nach der ihnen zu ertheilenden Instruction dergestalt einrichten, dasz sie nach Verlauf zweier Jahre zu Erreichung des allergnädigsten intendirten Endzwecks auch weiter

*) Приписка (президента?) къ копии съ черновой Шумахера: *wozu man anjetzo alhier keine Gelegenheit hat.* — Ich mache diese remarque, weil man sonst fragen mögte, warum man den Grund in denen übrigen Wissenschaften nicht alhier lege.

noch in Freyberg, und an andern Berg-Oertern, Holland, Engelland, Frankreich sich in praxi zu habitiren im Stande seyn mögen. Zu ihrem Bedarff wird ihnen jährlich einem jeden 300 Rubel accordiret, wovon sie nebst ihren Unterhalt zugleich auch die Kosten auf der Hinreyse, und was sonst erfordert wird, zu bestreiten haben. Die übrige 300 Rubel bleiben in Cassa, damit auf erheischenden Fall, die etwan vorkommenden extraordinäre Ausgaben und Reise-Kosten, wenn sie weiter nach Holland, Engelland und Frankreich gehen sollen, hieraus bezahlet werden können.

№ 7. Письмо горного совѣтника Райзера къ Шумахеру,
отъ 19 июня 1736.

Monsieur

tres-honoré ami.

Ich goutire sehr den Vorschlag, die jungen Leute vorher nach Marpurg zu senden. Denn weil sie nicht allein Probirer und Berg-Leute, sondern gelehrte Chymici und Metallurgi werden sollen; so ist es fast unumgänglich, sich vorher in Philosophicis, Mathematicis und politen Wissenschaften etwas feste zu setzen. Und auf diese Art ist es gar möglich, was Herr Henckel vorgeschlagen, solche Studenten, was die Berg-Wissenschaft anbelangt, in 1½ Jahren auszulehren, welches sonst nicht thunlich scheint, wenn solches Studium ohne praeparation mit ungewaschenen Händen, und theils unter ungelehrten und handwerksmäßigen Informatoribus angegriffen wird. Ich geschweige, dasz jetzo die Zeit ist, sich in den angefangenen Sprachen und Exercitiis mehr und mehr zu üben, und zu perfectioniren, wozu auf einer Universität völlige Gelegenheit, zu Freyberg aber gar keine, und es hat ein unnatürliches Ansehen, wenn ein Schüler mit einem schwarzem starken Bart beym Sprach- Fecht- und Zeichen-Meister in die Schule kömmt. Marpurg ist ohne dem ein Ort, welchen der Herr Wolff berühmt gemacht, und ist kein Zweifel, dasz durch deszen Veranstaltung nicht in allen nützlichen Wissenschaften, auszer denen daselbst schon längst etablirten Refugiés, sich geschickte Männer befinden solten. Heszen hat Berg-Wercke, und obgleich Freyberg ins künftige zu besuchen nöthig; so werden doch unsere Studenten nicht

so rohe, sondern gesetzter dahin kommen, und vielmehr egard verdienen können. Ich kenne Feyberg gar wohl. Wie es in kleinstädtischen Oertern zugehet, jederman sucht von Fremden zu kriegen, was er kriegen kan, wenn man aber mit ihnen raisonniren kan; so nehmen sie gerne verlied mit dem, was man geben will. Ich bin sicher, wenn unsere junge Leute auf einer Universität ein paar Jahr lang fleiszig gewesen und sich formiret, und als denn als lernbegierige passagiers nach Frey-Berg kommen werden, der Herr Henckel wohl beszer Kauff geben wird, und vielleicht sein 1200 Rubel-Collegium für 300 eröffnen wird, denn so viel mögte es höchstens werth seyn. Doch, wenn es auch mehr kosten müszte, so haben doch die Studenten den Vorthail, dasz sie in den ersten Jahren von ihrer Pension so viel erübern können, dasz ihnen die Bezahlung eines so theuren Collegii erträglicher fällt, und solches nicht an nöthiger Nahrung und Kleidung abbrechen dürffen.

Mon cher ami wird an gehörigem Orte, Dero Einsicht nach, alles beszer vorzustellen wissen. Solte ich über etliche Kleinigkeiten noch einige eclaircissemens zu geben fähig seyn, so erwarte Dero Befehl als

Monsieur

tres-honoré ami

Votre tres-humble et tres-obligé serviteur

Raiser.

le 19 de juin 1736.

№ 8. Репортъ чиновника Линдорфа о полученіи суммы на обученіе трехъ студентовъ, отъ 26 Іюня 1736.

Unterthäniger Rapport an die Canzeley der Kayserlichen Academie der Wissenschaftten.

Ао. 1736
d. 19 Junii

L. O. № 375 d. d. 11 Junii a. c. habe vor die heraus zuschickende junge Leute nach Frey-Berg aus der Renterey empfangen . . . . . 1200 Rbl.

Lindorph.

St. Peterburg, den 26 Junii 1736.

№ 9. Инструкція, данная каждому изъ трехъ студентовъ при ихъ отъѣздѣ въ Марбургъ, 17 авг. 1736.

Nachdem auf Ihre Kayserlichen Mayestät Allergnädigsten Befehl de dato den 7-ten Martij 1736 bey der Academie der Wissenschaften resolviret worden, die 3 Studiosos, Gustav Ulrich Rayser, Dmitri Winogradoff, Michaila Lomonossoff, damit mann ans ihnen dem Reiche und Vaterland zum Nutzen und Dienst gutte Chymicos und Bergverständige erziehen möge, in frembde Länder und zwahr vor erst nach Marpurg und die Heszische Bergörter zu verschicken, Als wird denenselben Folgendes pro Instructione ertheilet:

- 1) Wie man das gutte Zutrauen zu Ihm hat, er werde an allen Oertern, Zeit seines Auffenthalts jederzeit sich ein anständigen Conduite befeiszig, so wird ihm daneben bey seinem Studio alle Application bestens recommendiret, daher er zu Erreichung des abgezielten Endzwecks
- 2) nichts zu versäumen habe, was zum Studio chimico und metallurgico gehöret, und zwahr hatt er sich insbesondere bekandt zu machen: die Historiam naturalem, die Physicam und aus der Mathesi die Geometriam, die Trigonometrie, die Mechanicam, die Hydraulicam und Hydrotechnicam. In diesen Wissenschaften solle er sich
- 3) des Raths und der Information des dortigen Herrn Regierungs-Raths Wolffs bedienen, an welchen denn auch schon dieserhalb geschrieben und ferner mit ihm correspondiret werden solle.
- 4) Nach gelegtem Grunde und festgesetzten Theorie solle er bey Besuchung der Berg- und Hütten-Wercken, sich die verschiedene Beschaffenheit der Gebürge und der Erze, die dabey vorfallende Arbeiten und dazu nöthigen Maschinen, und Gebäuden wohl bekant machen, bey der Feuer-Arbeit in den Laboratoriis selbst Hand anlegen, und überall in der Praxi nicht versäumen, wodurch seine Studia chimica und metallurgica zur Perfection können gebracht werden.
- 5) Die Ruzsische, Lateinische, Teutsche und Frantzösische Sprache soll er daneben dergestalt cultiviren, dasz er selbige fertig reden und schreiben könne, auch daneben im Zeichnen sich informiren laszen und fleiszig darinnen üben.

- 6) Ist er gehalten, alle halbe Jahr eine Nachricht an die Academie der Wissenschaften einzusenden, was er für Studia und Sprachen tractire, auch ein Specimen zum Zeugnisz seines Fleiszes beyzulegen, wie man denn auch hiebey eine attestirte Rechnung von seinen in der Zeit gehabten Ausgaben ohnfehlbar einwahrten wird, darauff ihm
- 7) nach denen befindlichen Umständen und wenn er weiter nach Sachsen, Holland, Engeland und Franckreich verschicket wird, zugleich eine anderweitige Instruction ertheilet werden solle.
- 8) Wornach sie sich zu achten.

Gegeben in der Kayserlichen Academie der Wissenschaften. St. Petersburg den 17. Aug. 1736.

Ihro Kayserlichen Mayestät würcklicher Cammerherr,
und Chef der Academie der Wissenschaften.

№ 10. Письмо бар. Корфа къ проф. Вольфу, отъ 18 авг. 1736.

HochEdelgebohrner,

Insonders HochzuEhrender Herr Regierung-Rath.

Ew. HochEdelgeb. recommendire die Abgeber dieses Schreibens zum besten. Es sind die Studiosi Rayser, Lomanosoff und Wynogradoff, welche IHro Kayserl. Majestät in der Metallurgie und übrigen Wissenschaften so zum Bergwesen gehören, ausswertig perfectioniren zu lassen allergnädigst resolviret. Dererselben Instruction wird zeigen was ihnen obliegt, und ich werde die Ehre haben, alles das übrige Ew. HochEdelgeb. mit nächsten selbst zu melden. Ich bin Ew. HochEdelgeb.

St. Petersburg den 18 Aug. 1736.

№ 11. Изъ письма академика Крафта къ проф. Вольфу,
отъ 30 авг. 1736.

Viro Celeberrimo

Christiano Wolffio,...

Georgius Wolffg. Krafft,
Prof. Physices.

Dimissi hinc sunt in exterarum regionum, studiorum excolendorum gratia, tres Juvenes egregii, Augustissimae nostrae Imperatricis stipendio clementissime adiuti, inter quos Raiserus est, qui hucusque auditor etiam meus fuit, et quem ad Te venire, sine tessera aliqua meae in Te observantiae, pati non potui. Prima hujus Raiserii commendatio proficiscitur ab ipsius modestia et probitate, quas singularis in studia, praesertim Mathematica, ardor et assiduitas admodum exornant. Geometriam Elementarem, adjunctis quoque sublimioris quibusdam capitibus, Algebrae ordinariam, et studii naturalis potissima Experimenta ita hausit, ut superficialia horum cognitione minime contentus, in causas semper inquisiverit, et sic ad interiora multum penetraverit. Quodsi igitur haec Tua, Vir celeberrime, institutione adhuc augere ipsi licebit: de praeclaris quos inde reportaturus est fructibus minime dubitare possum . . .

№ 12. Письмо студента Райзера къ бар. Корфу, изъ Любека
отъ 20 окт. 1736.

Hochwohlgebohrner Herr Baron

Gnädiger Herr Cammer-Herr.

Nachdem von Ew. Excellence wir unsere unterthänige Beurlaubung genommen, und uns den 8-ten September aufs Schiff gesetzt, zwey tage aber drauf wegen eines starcken Sturms wieder zurück gekommen, so sind wir erst den 19-ten nach Cronstatt und von dort den 23. unter Seegel gegangen. Den 29. passirten wir hierauf Reval, den 4. October kamen wir an Gohthland, und den 16. erreichten wir endlich Travemünde. Mit Ew. Excellence gnädiger Erlaubnisz gedencken wir alhier in Lübec noch etliche tage wegen benöthigter Ausruhung zu verbleiben und darnach unsere Reise ungesäumt fortzusetzen. Indessen lebe der zuversichtlichen Hoffnung, dasz Ew. Excellence mich der

durch so viele Wohlthaten in Petersburg versicherten Gnade noch ferner genieszen zu lassen gütigst geruhen wollen, und verbleibe Zeit meines Lebens in tiefster Ehrfürcht und devotion

Ew. Hochwohlgebornen Excellence,

Meines gnädigen Herrn Cammer-Herrn

unterthänig gehorsamster Diener

G. U. Raiser.

Lübec den 20 Octobr. st. v. 1736.

**№ 13. Письмо студента Райзера къ бар. Корфу изъ Марбурга,
отъ 7 ноября 1736.**

Hochwohlgebohrner Herr Baron

Gnädiger Herr Cammer-Herr.

Als Ew. Excellence unsere Ankunfft in Lübec zu vermelden, die hohe Ehre hatte, so sind wir drey Tage drauf mit der Post nach Hamburg gegangen, und von dort durch Nienburg, Minden, Rinteln und Caszel in Marpurg den 3. Nov. st. v. glücklich angekommen. Der Herr Regierungs-Raht Wolff will sich die Mühe geben, selbst unsere Studia der von Ew. Excellence uns ertheilten Instruction gemäsz zu dirigiren, wovon denn meinen unterthänigen Rapport ins Künftige abstatten werde. Jetzo aber bitte gehorsamst Ew. Excellence meine theure Versicherung anzunehmen, dasz ich je länger je mehr mit der größten Erkentlichkeit Dero mir erwiesene Gnade ansehe, und aus allem meinen Vermögen dahin trachten werde, dasz ich mich derselben zum wenigsten durch einen stetigen Fleisz würdig machen möge. Solten aber meine Kräfte dazu nicht hinlänglich seyn, so ersuche Ew. Excellence inständigst, die grace zu haben, und zu glauben, dasz auch unwürdig mir nichts eiffriger angelegen seyn lasse, als die gnädige Erlaubnisz zu haben zu beharren mit wahrhaftiger Hochachtung und tiefstem respect

Ew. Hochwohlgebohrnen Excellence

Meines gnädigen Herrn Cammer-Herrn

unterthänig gehorsamster Diener

G. U. Raiser.

Marburg den 7. November st. v. 1736.

№ 14. Изъ письма бар. Корфа къ проф. Вольфу,
отъ 3 марта 1737.

HochEdelgebohrner

Hochgeehrter Herr Hoffrath.

Aus Ew. HochEdelgebohrnen Schreiben vom 25 Nov. 1736, welches mir unlängst nach meiner Zurückkunft aus Curland allhie eingehändiget worden, habe ich diejenigen Anordnungen, so Ew. HochEdelg. zum besten der in Marburg angekommenen 3 Russischen Studiosorum zu machen die Mühe nehmen wollen, mit vielem Vergnügen ersehen, und wie ich die biszherige Einrichtung der Collegiorum, welche sie frequentiren sollen, völlig approbire, so überlasse die Direction dieser jungen Leute, so lange sie sich in Marburg aufhalten werden, Dero fernerm Gutfinden. . .

№ 15. Письмо бар. Корфа къ проф. Вольфу,
отъ 8 авг. 1737.

HochEdelgeborner

Insonders Höchstgeehrter Herr Regierungs-Rath.

Da ich in geraumer Zeit von denen nach Marburg geschickten Studiosis, welche ich zu Ew. HochEdelgebornen Direction recommen-diret, keine Nachricht erhalten, selbige indessen laut der ihnen ertheilten Instruction verbunden, alle halbe Jahr einen umständlichen Rapport von ihren Studiis nebst denen beygelegten Speciminibus einzuschicken, Als habe Ew. Hoched. hiemit ergehenst ersuchen wollen, selbige dazu anzuhalten, mir auch von sich selbst einige Nachricht von ihren Umständen und wie sie in ihren Studiis avanciren, zukommen zu laszen. Ich bin Ew. Hoched.

d. 8. Aug. 1737.

№ 16. Письмо президента академии къ тремъ марбургскимъ студентамъ, отъ 8 авг. 1737.

Messieurs.

Nach der ihnen ertheilten Instruction ist denenselben im 6-ten Articul aufgegeben worden, alle halbe Jahr einen umständlichen Rapport von ihren Studiis nebst den beygelegten Speciminibus, wie auch eine genaue Rechnung über die erhaltenen Gelder einzuschicken. Wenn nun dieses bis Dato noch nicht erhalten, als haben sie damit nicht ferner anzustehen, sondern aufs fordersahmste zu melden, wie sie ihre Studia tractiret und die ihnen mitgegebenen Gelder angewandt. Aus denen beygelegten Speciminibus werde ich ersehen, was sie vor Progressus darin gemacht.

**№ 17. Изъ письма проф. Вольфа къ бар. Корфу,
отъ 12 (1) юния 1737.**

...Es ist nun ein halbes Jahr vorbey, da die hier sich aufhaltende Studiosi aus Ruszland vermöge der Instruction von dem, was sie gethan, specimina einschicken sollen. Nun haben sie sich zwar in den ersten Gründen der Arithmetick und Geometrie geübet, auch auf Erlernung der deutschen Sprache Fleisz gewendet, fangen auch an deutsch zu sprechen: allein ich weisz nicht, was sie hiervon für specimina einsenden könnten. Ich habe sie auch wegen der Rechnung erinnert: sie haben aber vorgewendet, dasz sie nicht wüsten, mit was für Gelegenheit sie Pacquete nach Ruszland bestellen könnten, weil es mit der Post zu weitläufftig fallen dörfte. Euer Excellenz haben also zu befehlen, wie es sol gehalten werden. Für den Tisch haben sie noch nichts bezahlt. Sie wollten sich auch gerne in der Historia naturali umsehen. Ich wollte aber lieber, dasz Euer Excellenz die Kays. Academie der Wissenschaften vorschreiben lieszen, wie sie es in diesem Stücke am besten anzufangen hätten, als die beszer, als ich solches wird zu determiniren wiszen. In Übung der deutschen Sprache werden sie nun wohl continuiren, und dabey die principia der mechanischen Wissenschaften sich bekannt machen, damit sie auf

№ 14. Изъ письма бар. Корфа къ проф. Вольфу,
отъ 3 марта 1737.

HochEdelgebohrner

Hochgeehrter Herr Hoffrath.

Aus Ew. HochEdelgebohrnen Schreiben vom 25 Nov. 1736, welches mir unlängst nach meiner Zurückkunft aus Curland allhie eingehändiget worden, habe ich diejenigen Anordnungen, so Ew. HochEdelg. zum besten der in Marburg angekommenen 3 Russischen Studiosorum zu machen die Mühe nehmen wollen, mit vielem Vergnügen ersehen, und wie ich die biszherige Einrichtung der Collegiorum, welche sie frequentiren sollen, völlig approbire, so überlasse die Direction dieser jungen Leute, so lange sie sich in Marburg aufhalten werden, Dero fernerm Gutfinden. . .

№ 15. Письмо бар. Корфа къ проф. Вольфу,
отъ 8 авг. 1737.

HochEdelgeborner

Insonders Höchstgeehrter Herr Regierungs-Rath.

Da ich in geraumer Zeit von denen nach Marburg geschickten Studiosis, welche ich zu Ew. HochEdelgebornen Direction recommendiret, keine Nachricht erhalten, selbige indessen laut der ihnen ertheilten Instruction verbunden, alle halbe Jahr einen umständlichen Rapport von ihren Studiis nebst denen beygelegten Speciminibus einzuschicken, Als habe Ew. Hoched. hiemit ergebenst ersuchen wollen, selbige dazu anzuhalten, mir auch von sich selbst einige Nachricht von ihren Umständen und wie sie in ihren Studiis avanciren, zukommen zu laszen. Ich bin Ew. Hoched.

d. 8. Aug. 1737.

№ 16. Письмо президента академіи къ тремъ марбургскимъ студентамъ, отъ 8 авг. 1737.

Messieurs.

Nach der ihnen ertheilten Instruction ist denenselben im 6-ten Articul aufgegeben worden, alle halbe Jahr einen umständlichen Rapport von ihren Studiis nebst den beygelegten Speciminibus, wie auch eine genaue Rechnung über die erhaltenen Gelder einzuschicken. Wenn nun dieses bis Dato noch nicht erhalten, als haben sie damit nicht ferner anzustehen, sondern aufs fordernsahmste zu melden, wie sie ihre Studia tractiret und die ihnen mitgegebenen Gelder angewandt. Aus denen beygelegten Speciminibus werde ich ersehen, was sie vor Progressus darin gemachet.

№ 17. Изъ письма проф. Вольфа къ бар. Корфу, отъ 12 (1) іюня 1737.

... Es ist nun ein halbes Jahr vorbey, da die hier sich aufhaltende Studiosi aus Ruszland vermöge der Instruction von dem, was sie gethan, specimina einschicken sollen. Nun haben sie sich zwar in den ersten Gründen der Arithmetick und Geometrie geübet, auch auf Erlernung der deutschen Sprache Fleisz gewendet, fangen auch an deutsch zu sprechen: allein ich weisz nicht, was sie hiervon für specimina einsenden könnten. Ich habe sie auch wegen der Rechnung erinnert: sie haben aber vorgewendet, dasz sie nicht wüsten, mit was für Gelegenheit sie Pacquete nach Ruszland bestellen könnten, weil es mit der Post zu weitläufftig fallen dörfte. Euer Excellenz haben also zu befehlen, wie es sol gehalten werden. Für den Tisch haben sie noch nichts bezahlt. Sie wollten sich auch gerne in der Historia naturali umsehen. Ich wollte aber lieber, dasz Euer Excellenz die Kays. Academie der Wissenschaften vorschreiben lieszen, wie sie es in diesem Stücke am besten anzufangen hätten, als die beszer, als ich solches wird zu determiniren wiszen. In Übung der deutschen Sprache werden sie nun wohl continuiren, und dabey die principia der mechanischen Wissenschaften sich bekannt machen, damit sie auf

**№ 14. Изъ письма бар. Корфа къ проф. Вольфу,
отъ 3 марта 1737.**

HochEdelgebohrner

Hochgeehrter Herr Hoffrath.

Aus Ew. HochEdelgebohrnen Schreiben vom 25 Nov. 1736, welches mir unlängst nach meiner Zurückkunft aus Curland allhie eingehändigt worden, habe ich diejenigen Anordnungen, so Ew. HochEdelg. zum besten der in Marburg angekommenen 3 Russischen Studiosorum zu machen die Mühe nehmen wollen, mit vielem Vergnügen ersehen, und wie ich die biszherige Einrichtung der Collegiorum, welche sie frequentiren sollen, völlig approbire, so überlasse die Direction dieser jungen Leute, so lange sie sich in Marburg aufhalten werden, Dero fernerm Gutfinden . . .

**№ 15. Письмо бар. Корфа къ проф. Вольфу,
отъ 8 авг. 1737.**

HochEdelgeborner

Insonders Höchstgeehrter Herr Regierungs-Rath.

Da ich in geraumer Zeit von denen nach Marburg geschickten Studiosis, welche ich zu Ew. HochEdelgebornen Direction recommen-diret, keine Nachricht erhalten, selbige indessen laut der ihnen ertheilten Instruction verbunden, alle halbe Jahr einen umständlichen Rapport von ihren Studiis nebst denen beygelegten Speciminibus einzuschicken, Als habe Ew. Hoched. hiemit ergebenst ersuchen wollen, selbige dazu anzuhalten, mir auch von sich selbst einige Nachricht von ihren Umständen und wie sie in ihren Studiis avanciren, zukommen zu laszen. Ich bin Ew. Hoched.

d. 8. Aug. 1737.

№ 16. Письмо президента академіи къ тремъ марбургскимъ студентамъ, отъ 8 авг. 1737.

Messieurs.

Nach der ihnen ertheilten Instruction ist denenselben im 6-ten Articul aufgegeben worden, alle halbe Jahr einen umständlichen Rapport von ihren Studiis nebst den beygelegten Speciminibus, wie auch eine genaue Rechnung über die erhaltenen Gelder einzuschicken. Wenn nun dieses bis Dato noch nicht erhalten, als haben sie damit nicht ferner anzustehen, sondern aufs fordersahmste zu melden, wie sie ihre Studia tractiret und die ihnen mitgegebenen Gelder angewandt. Aus denen beygelegten Speciminibus werde ich ersehen, was sie vor Progressus darin gemacht.

**№ 17. Изъ письма проф. Вольфа къ бар. Корфу,
отъ 12 (1) іюня 1737.**

... Es ist nun ein halbes Jahr vorbey, da die hier sich aufhaltende Studiosi aus Ruszland vermöge der Instruction von dem, was sie gethan, specimina einschicken sollen. Nun haben sie sich zwar in den ersten Gründen der Arithmetick und Geometrie geübet, auch auf Erlernung der deutschen Sprache Fleisz gewendet, fangen auch an deutsch zu sprechen: allein ich weisz nicht, was sie hiervon für specimina einsenden könnten. Ich habe sie auch wegen der Rechnung erinnert: sie haben aber vorgewendet, dasz sie nicht wüsten, mit was für Gelegenheit sie Pacquete nach Ruszland bestellen könnten, weil es mit der Post zu weitläufftig fallen dörfte. Euer Excellenz haben also zu befehlen, wie es sol gehalten werden. Für den Tisch haben sie noch nichts bezahlt. Sie wollten sich auch gerne in der Historia naturali umsehen. Ich wollte aber lieber, dasz Euer Excellenz die Kays. Academie der Wissenschaften vorschreiben lieszen, wie sie es in diesem Stücke am besten anzufangen hätten, als die beszer, als ich solches wird zu determiniren wiszen. In Übung der deutschen Sprache werden sie nun wohl continuiren, und dabey die principia der mechanischen Wissenschaften sich bekannt machen, damit sie auf

№ 14. Изъ письма бар. Корфа къ проф. Вольфу,
отъ 3 марта 1737.

HochEdelgebohrner

Hochgeehrter Herr Hoffrath.

Aus Ew. HochEdelgebohrnen Schreiben vom 25 Nov. 1736, welches mir unlängst nach meiner Zurückkunft aus Curland allhie eingehändigt worden, habe ich diejenigen Anordnungen, so Ew. HochEdelg. zum besten der in Marburg angekommenen 3 Russischen Studiosorum zu machen die Mühe nehmen wollen, mit vielem Vergnügen ersehen, und wie ich die biszherige Einrichtung der Collegiorum, welche sie frequentiren sollen, völlig approbire, so überlasse die Direction dieser jungen Leute, so lange sie sich in Marburg aufhalten werden, Dero fernerm Gutfinden. . .

№ 15. Письмо бар. Корфа къ проф. Вольфу,
отъ 8 авг. 1737.

HochEdelgeborner

Insonders Höchstgeehrter Herr Regierungs-Rath.

Da ich in geraumer Zeit von denen nach Marburg geschickten Studiosis, welche ich zu Ew. HochEdelgebornen Direction recommendiret, keine Nachricht erhalten, selbige indessen laut der ihnen ertheilten Instruction verbunden, alle halbe Jahr einen umständlichen Rapport von ihren Studiis nebst denen beygelegten Speciminibus einzuschicken, Als habe Ew. Hoched. hiemit ergehenst ersuchen wollen, selbige dazu anzuhalten, mir auch von sich selbst einige Nachricht von ihren Umständen und wie sie in ihren Studiis avanciren, zukommen zu laszen. Ich bin Ew. Hoched.

d. 8. Aug. 1737.

№ 16. Письмо президента академіи къ громъ марбургскииъ студентамъ, отъ 8 авг. 1737.

Messieurs.

Nach der ihnen ertheilten Instruction ist denenselben im 6-ten Articul aufgegeben worden, alle halbe Jahr einen umständlichen Rapport von ihren Studiis nebst den beygelegten Speciminibus, wie auch eine genaue Rechnung über die erhaltenen Gelder einzuschicken. Wenn nun dieses bis Dato noch nicht erhalten, als haben sie damit nicht ferner anzustehen, sondern aufs fordersahmste zu melden, wie sie ihre Studia tractiret und die ihnen mitgegebenen Gelder angewandt. Aus denen beygelegten Speciminibus werde ich ersehen, was sie vor Progressus darin gemacht.

**№ 17. Изъ письма проф. Вольфа къ бар. Корфу,
отъ 12 (1) іюня 1737.**

... Es ist nun ein halbes Jahr vorbey, da die hier sich aufhaltende Studiosi aus Ruzland vermöge der Instruction von dem, was sie gethan, specimina einschicken sollen. Nun haben sie sich zwar in den ersten Gründen der Arithmetick und Geometrie geübet, auch auf Erlernung der deutschen Sprache Fleisz gewendet, fangen auch an deutsch zu sprechen: allein ich weisz nicht, was sie hiervon für specimina einsenden könnten. Ich habe sie auch wegen der Rechnung erinnert: sie haben aber vorgewendet, dasz sie nicht wüsten, mit was für Gelegenheit sie Pacquete nach Ruzland bestellen könnten, weil es mit der Post zu weitläufftig fallen dörfte. Euer Excellenz haben also zu befehlen, wie es sol gehalten werden. Für den Tisch haben sie noch nichts bezahlt. Sie wollten sich auch gerne in der Historia naturali umsehen. Ich wollte aber lieber, dasz Euer Excellenz die Kays. Academie der Wissenschaften vorschreiben lieszen, wie sie es in diesem Stücke am besten anzufangen hätten, als die beszer, als ich solches wird zu determiniren wiszen. In Übung der deutschen Sprache werden sie nun wohl continuiren, und dabey die principia der mechanischen Wissenschaften sich bekannt machen, damit sie auf

den Winter zur Physick schreiten können Jedoch erwarte in allem Befehle, der ich mit der gröszten Devotion verharre

Euer Excellenz

unterthänigster und gehorsamster Diener

Ch. Wolff.

Marburg, den 12. Jun. 1737.

**№ 18. Изъ письма проф. Вольфа къ академику Крафту,
отъ 13 (2) юня 1737.**

Hiems instabat, cum litterae tuae mihi longe gratissimae redderentur, quibus mihi studiosos ex Russia ad nos missos commendabas, et, ut experimentum quoddam hydraulicum repeterem, efflagitabas. Puto me omnia pro virili facere, ut commendationi tuae satisfaciam, et plura ea de re scripsi ad Illustrissimum Virum D^{um} de Korff, a cujus jussu totum me ea in re pendere probe novi . . .

№ 19. Общій Равортъ марбургскихъ студентовъ, отъ (юня) 1737 г.

R a p p o r t .

Nachdemahlen auf Ihre Kayserlichen Maytt. hohen Befehl von der Kayserlichen Academie der Wissenschaften wir nach Marburg geschickt worden, um die Chymie nebst andern dazu gehörigen Wissenschaften und Sprachen zu erlernen, um zur Metallurgie zu präpariren, und zu dem Ende eine Instruction bekommen, worinnen nebst specification der zu erlernenden Wissenschaften und Sprachen uns auch anbefohlen worden, alle halbe Jahr von unsern studiis und angewandten Geldern genauen Bericht abzustatten, wie auch specimina von unsern progressen bey zu legen: Als rapportiren wir hiemit unterthänigst, dasz, nach dem wir hier in Marburg den 15ten Nov. n. St. 1736 angekommen, wir sogleich bey einem hiesigen Doctore Medicinae Conradi ein Collegium Chymiae theoretico-practicum für 120 thaler bedungen, worinnen er uns Stahl i fundamenta Chymiae lateinisch erklären, und

die darin vorkommende Experimenta in praxin bringen solte. Weil er aber praestanda weder praestirte, noch praestiren konte; so haben wir daselbige Collegium mit Gutbefinden des Herrn Regierungs-Rahts Wolffs nach 3 Wochen aufgegeben, und sind im Januario dieses 1737ten Jahres in ein Collegium Chymiae publicum, welches der hiesige professor Duysing über Teichmeyers Institutiones Chymiae hält, und noch fortfähret, gegangen. Über die Mechanic lieszt der H. Regierungs-Raht selbst in seinem Cursu mathematico und wird auch die Hydraulic und Hydrostatic immediate drauf erklären. Was sonsten einen jeden ins besondere anbelanget, so habe ich G. U. Raiser die Architectur beym H. Regierungs-Raht mitangehöret, einen Frantzösischen Sprach-Meister vom November vorigen Jahres, wie auch einen Zeichen-Meister vom April erstlich 2, nun mehro aber 4 stunden in der Woche gehalten. Ich Michael Lomonosoff und ich Demetrius Winogradoff haben bis auf den April in der deutschen Sprache, Arithmetic, Geometrie und Trigonometrie Unterricht genoszen, und vom May-Monath die Frantzösische Sprache und das Zeichnen angefangen.

**№ 20. Изъ письма проф. Вольфа къ бар. Корфу,
отъ 15 (4) септ. 1737.**

Aus Euer Excellenz mit voriger Post erhaltenem Schreiben habe mit Bestürzung ersehnt, dasz weder der Herren Ruszen, noch meine beyde Schreiben ankommen: wiewohl ich es gleichfals besorget und deswegen mit dem hiesigen Postmeister expostuliret, dasz er die Brieffe über Breszlau schickt, da sie vorhin über Duderstadt gegangen, welchen letzteren Weg auch die aus Petersburg noch ankommen. Ich habe darinnen berichtet, dasz, nachdem sie sich in der Arithmetick, Geometrie und Trigonometrie geübet, sie jetzund bey mir die Mechanik hören: wobey ich sonderlich auf das jenige gehe, was zur Erkänntnis der Maschinen nöthig ist, weil ich vermeine, dasz nicht so wohl subtile Theorien, dazu sie wohl nicht Zeit gnung haben möchten, als was zur Erkänntnis der Bergwerchs-Maschinen ihnen künfftig nützlich seyn wird, ihrem Zwecke gemäsz. Und so sol auch denn der Unterricht in der Hydrostatick, Aerometrie und Hydraulick erfolgen: ich wil ihnen auch wohl einige Einleitung zu dem Marckscheiden geben, damit sie sich künfftig auf den Bergwercken daselbe in praxi mit weniger Auffenthalt können zeigen laszen. Herr Winogradoff

und Lomonosoff fangen doch an deutsch zu sprechen, und verstehen ziemlich, was geredet wird: es wil aber freylich Zeit haben, bisz sich ein Rusze, der gar nichts von der deutschen Sprache kan, darinnen perfectioniret. Das Zeichnen haben sie nun auch angefangen, als welches ihnen so wohl in mechanicis, als der Historia naturali wird dienen können. Diesen Winter sollen sie die physicam experimentalem hören, wobey zugleich hin und wieder jederzeit beybringen wil, was man im experimentiren zu observiren hat. Sie nehmen auch zu in der Conduite, welches ihnen künfftig auf Reisen dienlich seyn wird. Dabey aber habe zugleich angefragt, was die Kays. Academie der Wissenschaften wegen des studii historiae naturalis für gut befinden, weil sie daselbe wohl meistens vor sich werden treiben müssen, als eine Sache, die auf das blosze Gedächtnis ankommt, ob ich ihnen wohl gerne mit Rath und That nach der Kays. Academie ertheilten Instruction wil an die Hand gehen. Ich habe ferner wegen der abzustattenden Rechnung angefragt, denn ich vermeinet, sie müste specific und nicht summarisch, wie sie von ihnen eingerichtet, abgelegt werden, auch müsten an gehörigen Orten die Qvittungen beygelegt, oder wenigstens mir gezeiget werden, dasz ich sie gesehen zu haben attestiren könnte, wenn das Pacquet auf die Post nicht zu grosz werden sollte. Endlich weisz ich nicht, worinnen die abzustattenden specimina bestehen sollen, und habe mir deswegen genauere information ausgebeten. Und dieses wird dasjenige gewesen seyn, was ich wegen der hier studirenden Ruszen geschrieben.

... Ich wil noch nicht gantz zweiffeln, dasz diese Bücher ankommen werden, und da ich den einen Brief von Halle aus auf die Post geben laszen, wird vielleicht derselbe mitterweile auch eingelauffen seyn: wie denn auch durch diesen Weg das Pacquet der Herren Ruszen an die Kays. Academie befördert, weil mir der Weg über Breszlau nun um so viel mehr verdächtig. Euer Excellenz werden hieraus ansehen, dasz ich von Seiten meiner nichts unterlaszen, was zu thun schuldig, der ich mit aller Devotion verharre . . . . .

№ 21. Письмо студента Райзера къ бар. Корфу, изъ Марбурга
отъ 13 (1) сент. 1737.

Monseigneur

Le Respect, que nous devons à Votre Excellence, mes camarades et moi, est infiniment trop grand, pour n'obeir pas ponctuellement à

Vos ordres. Mais le facheux accident, que les lettres de Monsieur le Conseiller de Regence ne soyent pas arrivées, est-ce qui nous a fait encourir l'indignation de votre Excellence, en ayant retardé le rapport du Cours de nos Etudes. Monsieur le Conseiller voulût en auparavant prendre des eclaircissemens là dessus, et nous attendimes, qu'il les recevroit. Si c'étoit donc une faute, je vous supplie, Monseigneur, de la pardonner à un homme, qui ne pouvant avoir d'autre reconnoissance pour votre gracieuse bonté, va s'appliquer aux Etudes avec plus d'empressement que jamais, et qui reste toute sa vie d'un profond respect

Monseigneur

de Votre Excellence

le plus humble et le plus obeïssant serviteur

G. U. Raiser.

Marbourg le 18 Septembr. 1737.

№. 22. Письмо Ломоносова къ бар. Корф у, изъ Марбурга
отъ 15 (4) сент. 1737 г.

Hochwohlgebohrner Herr

Gnädiger Herr Cammerherr!

Ew. Excellenz hohe Gnaden Bezeugungen, deren ich mich in der zeit in tieffer Unterthänigkeit erinnere, haben mich schon längst aufgefodert Denenselben schriftlich den respect zu bezeugen. Weil aber bisz dato der teutschen Schprache nicht mächtig bin gewesen, und jetzo etwas darin gethan, so habe mich in tieffer demuth erkühen wollen Denenselben nicht nur meine unterthänigste Pflicht abzustatten, sondern auch die Erstlinge der teutschen Schprache auf zu opfern. Denn Ew. Excellenz hohe Gnade ist diejenige, der ich einzig und allen meine Wohlfart zuschreiben musz, indem Dieselben durch hohe Verteidigung bey IHro Majesteten es dahin vermittelt haben, dasz mir, obschon aller dieser hohen Wohlthaten unwürdig, in Gnaden zu gestanden, meine studia auf ausländische Academien zu excoliren. Da vor diese hohe Gnaden Bezeugungen nicht genugsamen Danck abzustatten vermag, so widme Denenselben auf ewig mein danckbahres

8*

Hertz, welches zeit lebens diese unschätzbahre Gunst in Ehrerbittungs vollen Andenken verehren wird. Uebrigens ergeth an Ew. Excellenz mein demütiges Bitten, Dieselben wollen gütigst denjenigen mit Dero fernere hohe Gnade erfreuen, der dafür mit geziemender Hochachtung und schuldigster Ehrerbittung bisz in Todt verharret.
Ew. Hochgebohrnen Excellenz

unterthänigster Diener

Michael Lomonosoff.

Marburg d. 15 Sept. Anno 1737.

№ 23. Первый счетъ, представленный Ломоносовымъ изъ Марбурга, отъ сент. 1737.

Michael Lomonosoff.

In Petersburg und auf der Reise bisz Lübeck aufgegangen	100 Rub.
Von Lübeck bisz Marburg.	32 Thlr.
Ein Kleid hat gekost.	50 Thlr.
Holtz für den gantzen Winter	8 Thlr.
Der Fechtmeister für den ersten Monat.	5 Thlr.
Der Zeichenmeister.	4 Thlr.
Der Frantzösische Schprachmeister	9 Thlr.
Perruque, Wäsche, Schuh, Strümpfe	28 Thlr.
Tantzmeister für 5 Monat.	8
Bücher.	60
Summa	100 Rub. und 209 Thlr

№ 24. Изъ письма бар. Корфа къ проф. Вольфу, отъ 23 сент. 1737.

. . . P. *) Sogleich empfangе Dero Brieff vom 15 Sept. nebst denen von den dortigen Russischen Studenten, welche ich so balde als möglich zu beandworten mir werde angelegen seyn laszen.

*) Postscriptum.

№ 25. Письмо президента Академии къ проф. Вольфу, . . . окт. 1737.

HochEdelgebohrner

Hochzuverehrender Herr Regierungs Rath.

Ew. HochEdelg. von dem 15 Sept. eingelauffenes sehr angenehmes Schreiben hätte eher beantwortet, wann ich nicht die intention gehabt hätte, denselben mit der Antwort auch zugleich die Pension vor das verflozene Jahr in einem Wechsel à 250 R. (zu Last der HH. François et Josua v. Ouderkerk in Amsterdam) zuzuschicken. Ew. HochE. belieben selbigen nebst einem andern von 600 R. vor die HH. Studiosos Raiser, Lomanosoff und Winogradoff jenen HHn. zu präsentiren und den Werth dafür eincassiren zu laszen. Jedem kommen also vor 2 Tertial 200 R. zu. Ew. H-en stelle es gänzlich anheim, ob Sie ihnen die Summa auf einmahl oder aber nach und nach bezahlen wollen. Nur dasz alles wohl angewandt werde.

Weilen Ew. H. in Dero Geehrtem vom 12 Juni gemeldet dasz erwehte Studiosi sich auch in der Historia naturali umsehen wollen, dabey auch gewünschet, dasz ihnen vorgeschrieben würde, wie sie darin verfahren sollen, so habe durch Hrn. Prof. Krafft und D^r. Amman eine Anleitung aufsetzen laszen, welche hiebey folget Der Entzweck, warum sie hauptsächlich hienaus geschickt worden, ist ihnen bekandt. Darnach müssen sie sich richten. Indeszen danke Ew. H. auf das Verbindlichste vor die gute Vorsorge und den Fleisz, welche Dieselbe an sie angewandt und ersuche inständigst damit zu continuiren. Der ich übrigens etc.

№ 26. Письмо президента Академии къ марбургскимъ студентамъ,
отъ 7 окт. 1737.

An die Studiosos in Marburg.

Messieurs.

Ich habe Ihre Rechnung ohne Datum und den Rapport ohne Unterschrift erhalten. Sie werden künftig hin sich der Accuratesse befeiszigenden und bemühen I. K. Maj. hohe Intention zu erfüllen und der Ihnen mit gegebenen Instruction nachzukommen. Wie Sie sich in dem Studio histor. naturalis zu verhalten haben, wird der H. Regierungs-Rath Ihnen communciren. Ein jeder hat von demselben 2 Tertial, nemlich 200 R., entweder auf einmahl oder nach und nach, so wie es der H. Regierungs-Rath vor gut befinden wird, zu empfangen. Ich bin etc.

№ 27. Наставленіе академиковъ Крафта и Аммана марбургскиихъ студентамъ, отъ 30 авг. 1737.

In dem Studio Historiae Naturalis, welches die drey nach Teutschland geschickte herrn Studiosi zu erlernen willens sind, ist zufolge der ihnen ertheilten Instruction, von aller Theilen keiner vor sie nöthiger und nützlicher alsz derienige, welcher von denen Mineralien handelt, oder das so genannte Regnum Minerale. Dann in diesem wird gewiesen, wie man alle Gattungen von Steinen, Ertzen etc. und alles was nur von natürlichen Cörpern in der Erde gefunden wird, erkennen, und von einander unterscheiden solle. Dieses kann am besten auf folgende Art erlernt werden: Nehmlich

Dasz sie zuerst einen guten Authorem fleissig nachlesen, in welchem alle diese Materien nach einer guten Methode in gewisse Classen, Genera, und Species, samt deren Notis Characteristicis, eingetheilet zu finden sind. Eman. Königs Regnum Minerale, und herrn Woodwards verschiedene Schrifften, werden hiezu recommendirt.

Wann sie die verschiedene Nahmen und Characteres erlernt, können sie auf dem Lande, in denen Bergwercken, oder, wann es möglich, in einem mit solchen Cörpern wohl versehenen Cabinet, die Sachen selbst in Augenschein nehmen, und durch Betrachtung derselben sich einen deutlichen Begriff davon machen, damit wann dieselben ihnen anderwärts wiederum vorkommen, sie selbige so gleich erkennen können.

Es wäre auch gut, wann sie von denen vornehmsten Stücken, und welche am schwehrsten von andern zu unterscheiden sind, eine kleine Collection sammelten, damit sie durch derselben öfftere Betrachtung nicht vergessen, was sie einmal erlernt.

Es giebt auch hin und wider eine fast unzählbare Menge von allerhand Figurirten Steinen, welche öfters Vitriolisch, oder Martialisches sind; diese können sie kennen lernen ausz herrn Langen Historia Lapidum Figuratorum; ausz herrn Scheuchzers und Woodwards Schrifften.

Eine Erkänntnusz der pretieusen Steine hat auch ihren Nutzen. Die beste Anleitung hierzu wird ihnen des A. Bötii de Boot Historia Gemmarum geben; ein deutlicher Begriff aber von denselben musz in einem wohl eingerichteten Cabinet gesucht werden.

In der Botanic, so sie dazu Lust und Zeit haben, ist keine bessere und leichtere Methode alsz des herrn Tournefort, welche sie in kurtzer Zeit dahin bringen kann, dasz sie eine jede Pflantze, nach betrachtung derselben Blumen und Früchten, erkennen, und in ihre gehörige Classe und Genus rangiren können.

Vor allen Dingen müssen sie erst die unterschiedlichen Gattungen der Blumen, und derselben Structur ausz dieses Authoris Isagoge in Rem Herbariam erlernen, und sich wohl einprägen was ein Flos Apetalos oder Petalodes, was ein Flos Simplex oder Compositus, ein Flos Monopetalus oder Polypetalus, und was ein Flos Labiatus, Campaniformis, Rosaceus, Papilionaceus, Flosculosus, oder Radiatus etc. sey; dann auf diese Principia gründet sich die gantze Methode.

Finden sie in einem Garten, im Walde, oder im Felde eine Pflanze, deren Blume und Frucht sie genau examinirt, und ausz derselben Structur gefunden, dasz sie zu dieser oder iener Classe gehöre, so schlagen sie die Genera derselben nach, bisz sie gefunden, zu welchem ihre noch unbekannte Pflanze müsse referirt werden. So bald sie hievon gewisz sind, sehen sie die Species derselben durch, ob von einer die Epitheta von der Wurtzel, von denen Blättern, oder von der Farbe, mit ihrer Pflanze übereinkomme. Haben sie dieses gefunden, so schlagen sie die daselbst citirte Authores nach, bey welchen entweder eine auszfürliche Beschreibung, oder eine gute Figur zu finden. Kommt die Beschreibung und die Figur mit ihrer Pflanze überein, so haben sie keinen Zweifel mehr übrig, dasz sie die rechte Speciem getroffen, und dasz ihre Pflanze eben dieselbe sey, von welcher die nachgeschlagene Authores geschrieben. Es kann die Erkänntnüz der Kräutern ihnen auf ihren Reiszen, welche sie etwann nach ihrer Zurückkunft durch Ruszland und Siberien nach denen Bergwercken thun möchten, Nutzen und Vergnügen, der Academie aber Anlasz zu neuen Entdeckungen geben.

Damit sie auch in Regno Animalii, welches zwar wenig relation mit ihrem Haupt-Studio hat, doch nicht gantz unerfahren bleiben: so können sie von denen

Quadrupedibus, des Raii Synopsis methodicam animalium quadrupedum fleissig durchlesen; von denen

Vögeln, die synopsis Avium von eben demselben; und die Wercke von Gesner, Aldrovandi, und Willoughby Ornithologie, wegen deren in diesen Büchern befindlichen Beschreibungen und Figuren, öftters nachschlagen. Von denen

Fischen, Raii Synopsis Piscium, und Willoughby Ichthyologie, wegen der Figuren. Von denen

Insecten, eiusdem Historiam Insectorum. Von denen

Muscheln, und anderen See-Insecten, können sie Bonani, Listeri, und Rumpfens hievon geschriebene Wercke, nachsehen.

So oft aber alsz sie Gelegenheit haben eine Kunstkammer oder ein Cabinet zu beschen, worinnen dergleichen Naturalien auffbehalten

werden, müssen sie es niemahlen versäumen, weil sie durch Betrachtung der Sachen selbst eine viel deutlichere Idée, alsz von der besten Figur, oder accuratesten Beschreibung, bekommen werden.

Allezeit, wo sie was besonderes observirt, müssen sie es annotiren, und eine kleine Beschreibung von der Sache machen, damit es ihnen nach der Hand desto leichter werde sich der gesehenen Dinge zu erinnern.

Bey allem diesem aber wird vorausz gesetzt, dasz die besagte herrn Studiosi auf dieses sehr weitläufftige Studium Historiae Naturalis sich nicht mehr appliciren, alsz ohne Nachtheil der ihnen Vorgeschriebenen Haupt-Absicht, nemlich sich in dem Berg-Wesen, und der Systematischen Chymie zu üben, füglich wird geschehen können.

Georg Wolfgang Krafft Prof. Phys.

Joannes Amman Prof. Bot. et Hist. Naturl.

St. Petersburg den 30 August 1737.

№ 28. Письмо Шумахера къ амстердамскому банкиру Оудеркерку, отъ 8 (19) окт. 1737.

Messieurs.

Voicy une lettre de change de fl. 1442. 98 d., monnoye d'Hollande, de Bardewieck et Felthusen à la charge des Messieurs Muilman et fils, marchans à Amsterdam, qui fait justement, la somme que nous vous devons; Et une autre de R^s 250 à 52³/₄ sols Monnoye d'Hollande, que je vous prie, de vouloir Vous les faire payer à son temps, selon l'usage dont les marchans sont convenûs entre eux. Vous honorez Messieurs mes lettres de change que j'ai passé sur Vous en faveur de Mr Wolff, Conseiller de la Regence de Sa Maj. Le Roy de Suede et premier Professeur dans l'Université de Marbourg, lorsqu'il Vous les presentera. L'une est de 250 R. à 52³/₄ et l'autre de 600 R. au meme prix. Vous Vous servirez de la lettre de Change de 250 R., que je viens de Vous remettre et de celle que j'ay eu l'honneur de Vous envoyer le 16 sept., en mettant les frais et votre provision de deux dernieres lettres sur le Compte du dit Sr Wolff. Au reste je suis tres parfaitement . . .

le ⁸/₁₉ oct.

A M^r. Ouderkerk à Amsterdam.

**№ 29. Письмо Ломоносова къ бар. Корфу, изъ Марбурга
отъ 20 (9) ноября 1737.**

Hochwohlgebohrner Herr

Gnädiger Herr Cammerherr!

Ew. Excellenz mir erwiesene hohe Gnaden-Bezeigungen haben sich in meinem Ehrerbittungs-vollen Andencken vermehret, und damit meine unterthänigste Danckbarkeit, indem Dieselben in Gnaden zu gestanden, zweyhundert Rubel zur meinen sustentation überzusenden. Wiewohl ich nun diese hoch erwiesene Gnade nicht abzustatten vermag, sondern noch schuldig bleibe, und verheisse mich zu befleissigen der uns mit gegebenen und neulich empfangenen Instruction nachzukommen, und Ihro Kayserl. Maytt. hohe Intention zu erfüllen. Ew. Excellenz ersuche ich demnach unterthänig, nach Dero hohen Gütigkeit, mir diejenige Gnade ins künftige zugönnen, welche mich biszhero so sehr erfreuet hat, und die mich verpflichtet mit aller ersinnlichen submission zu verharren

Ew. Hochwohlgebohrnen Excellenz

Unterthänigster Diener

Michael Lomonosoff.

Marburg d. 20 Nov. Anno 1737.

**№ 30. Изъ письма проф. Вольфа къ бар. Корфу,
отъ 24 (13) ноября 1737.**

Hochwohlgebohrner FreyHerr

Gnädiger Herr und Hoher Patron.

Die von Euer Excellenz überschickten Wechselbrieffe habe zu Recht erhalten. Gleichwie ich nun für den einen, der vor mich war, meinen gehorsamsten Danck abstatte, und mich davor zu allen Dero Befehlen verbunden zu seyn erachte; so habe auch gleich Anstalt gemacht, dasz ich sie in Franckfurt an Kaufleute, die in Holland Geld auszuzahlen haben, verhandelt, und einem jeden von denen Ruzsischen Herren Studiosis den dritten Theil zugestellet, weil sie einige Schulden gemacht, damit sie bezahlen könnten. Das Tischgeld für ein

Jahr hat auch ein jeder mit 52 Rthl. abgetragen. Ich hatte neulich vergessen, dasz es nicht schaden könnte, wenn sie wären erinnert worden wohl Haus zu halten, damit nicht, wenn sie avociret würden, Schulden da wären, die ihrer Abreise einen Auffenthalt machen könnten. Ich habe nun ihnen zu gefallen die Physick angefangen, als welche ihnen zu ihrem Vorhaben am nöthigsten seyn wird, und wil so dann auf den Sommer die experimenta dazu machen. Die Instruction wegen des studii Historiae naturalis habe ihnen zugestellet und wil mit sorgen helfen, dasz derselben ein Gnügen geschehe . . .

**№ 31. Раворъ студентовъ Ломоносова, Райзера и Виноградова,
изъ Марбурга отъ 25 (14) марта 1738.**

Rapport.

Nachdemalhen auf Ihre Kayserl. Maytt. hohen befehl von der Kayserlichen Academie der Wissenschaften wir nach Marburg geschickt worden, um die Chymie nebst andern dazu gehörigen Wissenschaften und Sprachen zu erlernen und zu der Metallurgie zu präpariren, und zu dem Ende eine Instruction bekommen worinnen nebst speciminibus der zu erlernenden Wissenschaften und Sprachen uns auch anbefohlen worden, alle Halbjahr von unsern studiis und angewandeten Geldern genauen Bericht abzuschtatten, wie auch specimina von unsern progressen beyzulegen. Als rapportiren wir hiemit allerunterthänigst, dasz nach abfertigung unsers vorigen rapports wir bey dem H. Regierungs-Rath Wolf die Mechanic, Hydrostatic, Aërometrie und Hydraulic, und bey dem H. Doctor Duysing das Collegium Chymie theoreticum absolviret. Nunmehr aber Collegia über die dogmatische Physic und Logic bey ebendem H. Regierungs-Rath Wolf hören. Es hat auch ein jeder von uns den Frantzösischen Sprachmeister und Zeichenmeister bishero gehalten. Was sonst die uns überschickte Instruction über die Historiam naturalem anbelanget, so haben wir darinnen noch nichts thun können, weil die uns vorgeschlagene Bücher vor der Oster-Messe nicht zu bekommen siend.

Die Rechnungen von unsern angewandten Geldern sind folgende:

.....

G. U. Raiser. D. Winogradow. M. Lomonosoff.

Marburg d. 25. Mart, A. 1738.

**№ 32. Письмо Ломоносова къ барону Корфу, изъ Марбурга
отъ 26 (15) март. 1738.**

Hochwohlgebohrner Herr

Gnädiger Herr Cammerherr!

Ew. Excellenz werden nicht ungnädig deuten, dasz ich Denselbigen die mit so viel grossen affairen beschäftigt, mit meinem schlechten Schreiben beschwehrlich falle. Es verpflichtet mich meine Schuldigkeit, dasz ich Denselbigen für Dero grossen Wohlthaten meine Dankbarkeit alle Augenblick bezeuge; vielmehr nun als ich von meinen Studiis und allem was mir allergnädigst befohlen rapportire. Ew. Excellenz geruhen in letzt übersandter Instruction uns zu befehlen, dasz einjeder von uns die der Historiae naturali und Metallurgie gehörige Bücher, nebst etlichen Ertzen sich anschaffen sollte. Weil aber diejenige Bücher vor der Oster-Messe nicht zu bekommen sind, und die Winter-Zeit nicht bequem gewesen die Berg-Werke zu besuchen, wo wir die Ertzen zur besseren Erkänntnisz des mineralischen Reichs anschaffen könnten, so haben wir dieses auf Anrathen des Herrn Regierungs-Rath Wolff auf folgende Sommer ausgesetzt. Desenthallen unterstehe ich mich aus festen Vertrauen zu Dero mir vormahls bekannten Gewogenheit eine unterthänigste Bitte bey Denselbigen ein zulegen: Dieselbige geruhen diese hohe Gnade zu erweisen, dasjenige, was wir auf die obgemeldete Sachen, wie auch zu unserer subsistance anwenden sollen, zu überschicken. Ich vertraue mich auf Dero Gewogenheit; Ew. Excellenz werden diese Kühnheit demjenigen pardoniren, der lebenslang mit schuldigster Dankbarkeit, und tieffester Ehrerbitigkeit verharren wird

Ew. Hochwohlgebohrnen Excellenz

Unterthänigster Knecht

Michael Lomonosoff.

Marburg d. 26. Mart. A. 1738.

**№ 33. Изъ письма проф. Вольфа къ Шумахеру,
отъ 30 (19) марта 1738.**

... Wenn an die Ruzsichen Herren Studiosos eine Ermahnung erfolgte, dasz sie wohl haushalten möchten, damit nicht bey ihrem

Abzuge sich Schulden findeten, die denselben aufhielten, könnte es wohl nicht schaden. Jedoch würde wohl am besten seyn, wenn es quasi proprio motu geschähe. . . .

№ 34. Письмо бар. Корса къ пров. Вольфу, ... мая 1738.

Wohlgebohrner

Insonders Höchstgeehrter Herr Regierungs-Rath.

So wie ich Ew. Wohlgb. vor die mir ertheilte Nachricht von der Oeconomie der Hern. Studiosorum vielfältig verbunden bin, so habe ich in der beygelegten Ordre so wohl die vorige Instruction zu wiederholen, als auch gedachte Studiosos zu ihren Pflichten anzuweisen vor nöthig erachtet. Ew. Wohlgb. communicire ich hiemit die Copie davon, und ersuche zugleich ergebenst hierauff mit Nachdruck zu halten.

Beygehende Assignation auf 250 Rubl. ist das honorarium vor Ew. Wohlgb. pro 1737 und die andere 300 Rubl. bitte den Hrn. Stud. zu ihrem apointment auszahlen zu laszen.

**№ 35. Вторичная инструкция марбургскимъ студентамъ,
отъ 29 мая 1738.**

Auf I. K. M. hohen Befehl wird denen Studiosis Rayser, Wynogradoff und Lomanosoff hiemit ernstlich anbefohlen:

- 1) Dasz sie ihre Rapporten deutlicher, ordentlicher und specieller, alsz biszhero geschehen, einrichten. Wenn sie von Scientificis rapportiren, so sollen sie melden, wie weit sie in der oder jener Disciplin gekommen, und die Stunden angeben, in welchen sie bey dem oder jenem Professore oder Maitre frequentiren, auch von Zeit zu Zeit Specimina, welche sie in des Hrn. Regierungs-Raths Wolff Gegenwart ausgearbeitet haben, einschicken.

- 2) In Oeconomicis sollen sie alle Ausgaben nahmhaft machen, als z. E. vor ein Kleid, was das Laacken kostet . . . das Zubehör . . . Macherlohn . . . was für Bücher . . . von was Materie . . . Binderlohn . . . Von denen während ihres Aufenthaltes in Teutschland gekauften Büchern sollen sie mit dem Preis ein Verzeichniz einschicken.
- 3) Den Tantz- und Fecht-Meister sollen sie von dato ab abschaffen, und sich überhaupt nicht in Kleidern oder unnützem Putzen vergehen, sondern dasjenige mit Fleisz und Sorgfalt thun, was ihnen in denen mitgegebenen und nachgeschickten Instructionen anbefohlen worden.
- 4) Sollen sie sich vor Schulden hüten, und sich mit denen drey hundert Rubeln, welche ihnen jährlich zugestanden sind, vergnügen, und alles, was sie zu ihren Entzweck nöthig haben, daraus anschaffen, maaszen man nicht nur allein sondern Seiten der Academie nichts darüber bezahlen, von sie noch mit gehöriger Straffe wegen solchen Verbrechen ansehen wird.

Gegeben den 29. May 1738.

I. K. M. würklicher Cammerherr und Chef der Academie der Wissenschaften.

№ 36. Письмо проф. Вольфа къ бар. Корфу, отъ 17 (6) авг. 1738.

Hochwohlgebohrner Frey-Herr,
Gnädiger Herr und Hoher Patron.

Euer Excellenz Schreiben nebst der von neuem geschärfften Instruction für die Ruzsichen Studiosos und die beyden Wechselbrieffe habe richtig erhalten. Gleichwie nun für den an mich überschickten unterthänigsten Danck abstatte; so habe auch gleich dafür Sorge getragen, dasz die gedachte Studiosi ihr Geld gleich erhalten, als

welches sie höchst benöthiget gewesen, in dem sie schon lange Zeit keinen heller Geld in Händen gehabt und ich ihnen auch nicht viel vorstrecken wollen, um sie desto mehr von unnöthigen Ausgaben abzuhalten. Es ist davon der Tisch und das wenige, was ich ihnen vorgeschoszen hatte, bezahlet worden: das übrige haben sie vor sich behalten, und haben vor dieses mahl von ihren Schulden nichts abtragen können, weil sie sonst wieder gantz leere Hände behalten hätten; die neue geschärfte Instruction kan zwar zu künftiger mehrerer Vorsicht dienen: allein dem, was bereits geschehen, kan wohl dadurch nicht abgeholfen werden. Das gantze Versehen kommet von dem Anfange her. Das Geld, was sie mit gebracht, haben sie verthan, ohne etwas zu bezahlen, und, nachdem sie sich einigen Credit gemacht, sind sie in Schulden gerathen, und würde vielleicht mit dem Tischgelde eben so ergangen seyn, wenn sie nicht bey mir gespeiset. Ich mag mich des quantum ihrer Schulden nicht erkundigen, weil ich sonst zu vielen Anlauf haben würde, und ich doch nicht weisz, wie weit ich mich dieser Sache anzunehmen habe. Es scheint, dasz sie in ihren vorigen Rechnungen angegeben, was sie noch nicht bezahlet. Ich erwarte also von Euer Excellenz Befehl, wie ich mich zu verhalten habe, dem in allem auf das äusserste nachkommen wil. Es scheint, dasz sie noch nicht wissen, wie man mit Gelde umgehen und ordentlich Haushalten sol, auch nicht bedencken, wie es zuletzt ablaufen wil, wenn sie avociret werden. H^r Lomanosoff scheint den aufgewecktesten Kopff unter ihnen zu haben, und sollte er schon was rechtes lernen, wenn gehöriger Fleisz dazu kommet, wie er denn auch dazu grosze Lust und Begierde bezeiget. H^r Winogradoff aber kommet mir in allem am schlechtesten vor. Ich weisz selbst nicht, worinnen eigentlich die specimina profectuum bestehen sollen, die sie in meiner Gegenwart aufsetzen sollen. Da nun die Zeit herbey nahet, dasz sie ihren Rapport abstatten sollen, so bitte mir gehorsamst einige nähere Information aus, ingleichen ob ich mich wegen ihrer Schulden genau erkundigen sol, damit sich überlegen lászet, wie denenselben zu remediren sey: denn wenn sie das Geld in die Hände bekommen, möchten sie auf deren Abtrag eben nicht viel dencken. Vielleicht wäre es nicht undienlich, wenn sie ihre Schulden bey künftigen Raport mit specificiren müsten, und ich Befehl hätte darauf zu sehen, dasz sie richtig specificiret würden. Ich möchte gerne sehen, dasz ihnen auf eine beqveme Weise gerathen würde, damit sie nicht Ursache hätten gegen mich einigen Wiederwillen zu schöpfen und ihr Vertrauen zu mir fahren zu laszen. Euer Excellenz war zwar noch zu melden Vorhabens, wie ich das Werck des Hⁿ Euler von der

Mechanic befunden: allein da es für dieses mahl zu weitläufftig fallen würde, wil ich es bin künfftig verschieben, wenn die Studiosi ihren Rapport abstatten werden. Unterdeszen verharre mit aller Devotion

Euer Excellenz

unterthänigster und gehorsamster Diener

Ch. Wolff.

Marburg, don 17. Aug. 1738

№ 37. Письмо презид. Академіи къ проф. Вольфу, отъ окт. 1738.

HochEdelgeborner

Hochgeehrtester Herr Regierung-Rath.

Ew. HochEdelgeb. unterm 17 Aug. abgelassenes Schreiben, habe den 28. ejusd. wohl erhalten. Wie ich nun daraus die unordentliche Aufführung der Studenten Raiser, Wynogradoff und Lomanosoff ungerne vernehmen müssen, also habe ich zwar, um deren Geld-Mangel vorerst abzuhelffen, die Anstalt gemacht, dasz auf Rechnung deren jährlichen Gehalts durch die Kauff-Leute in Amsterdam Franz und Josua von Ouderkerch 300 Rubl. an die Ordre von Ew. HochEdelgeb. bezahlt werden sollen, als worzu ein Wechszel nebst dem Advis-Brief zu Lasten erst erwehnter Kauff-Leute hiebey folget. Ich kann aber nicht umhin, Ew. HochEdelgeboren hiemit gefissenst zu ersuchen, dasz Dieselbe von der Güte seyn mögen, eingangs genannten Studenten die hiebey folgende Ordre kund zu machen, auf ihre Lebens-Art sowohl, als bisz hero auf deren Studien von Ew. HochEdelgeb. gar rühmlich geschehen, eine genaue Aufsicht zu tragen, von denen jezo übermachten 300 Rbl. ihnen nichts in die Hände zu lassen, sondern solche zu deren nothwendigen Unterhalt anzuwenden, übrigens sie alles Ernstes dahin anzuhalten, dasz sie alle Ausschweifungen und unnöthige Ausgaben unterlassen, und sowohl der ihnen mitgegebenen als auch der in diesem Jahr nachgesandten Instruction und dieser beygelegten Ordre durchaus nachkommen, auch dasz solches geschehen, mit Ew. HochEdelgeb. Zeugnúsz und unverzüglicher Übersendung der Speciminum in ihren Scibili und biszhero erlernten Künsten und Sprachen beweisen, ingleichen auch eine genaue Specification ihrer Schulden von Ew. HochEdelgeb. untersucht und attestirt, einschicken und künftighin ohne Deroselben Vorwissen und Beifall keine Schulden machen.

Gedachte specimina könnten meines Erachtens in einer Dissertation, Schediasmate oder überhaupt in Elaboration eines von Ew. HochEdelgeb. ihnen vorgelegten Thematis, doch nicht gedruckt, bestehen, und von halb Jahr zu halb Jahr eingesendet, damit aber jezo der Anfang gemacht werden. Sobald alles dieses erfolgt ist, wird die Academie zu Bezahlung desjenigen, so gedachten Studenten an ihrem Stipendio auf dieses jetzt laufende dritte Jahr zukommt, gehörige Anstalt machen, und insonderheit auch Ew. HochEdelgeb. vor die Ihnen des falls verursachte Bemühungen besonders verbunden sein. Indessen empfehle ich diese Leute Deroselben wachsamem Direction auf das allerbeste und verharre mit besondern Vergnügen

Ew. HochEdelgeb.

№ 38. Приказъ, данный президентомъ Академии марбургскимъ студентамъ, въ окт. 1738.

Auf hohen Befehl Ihro Kayserl. Mayst. wird denen in Marburg sich dermalen aufhaltenden Studiosis, Ulrich Christoph Raiser, Dmitrei Wynogradoff und Michaila Lomanosoff hiemit befohlen.

Demnach dieselbe der ihnen mitgegebenen wie auch der letzthin nachgesandten Instruction in allen Stücken noch nicht nachgekommen, indem Sie weder die Berechnung des biszhero empfangenen Gelds, nach der Art und Weise, wie solches in der letztern Instruction erfordert wird, noch die specimina ihrer Profectuum in denen biszhero erlernten Wissenschaften, Künsten und Sprachen eingesendet, hingegen eine ausschweifende Lebens-Art angefangen und Schulden gemacht: Als wird Ihnen dieses üble Begehen hiemit verwiesen, und ernstlich anbefohlen, dasz Sie obgedachten Instructionen durchaus aufs genaueste nachkommen, insbesondere mit Uebersendung der Rapporten, Rechnungen und Speciminum denenselben unverzüglich die Erfüllung geben, zugleich auch dem H. Regierungs-Rath Wolff eine richtige Specification der gemachten Schulden zur weitem Untersuchung und Beförderung überreichen, künftighin ohne Vorwissen und Beyfall gedachten Herrn Regierungs-Raths keine Schulden mehr machen, dessen Vermahnungen und Anweisungen in allen Stücken treulich folgen und sich in Ansehen ihrer Studien und Lebensart so auführen, wie Sie es vor Ihro Kayserl. Mayst. und Dero Academie der

der Wissenschaften zu verantworten sich getrauen: Widrigenfalls dieselbe der Strafe, die Ihro Kayszerl. Mayst. Rechte und Ukasen an Hand geben, nicht entgehen werden.

Da inzwischen zu dererselben Unterhalt 300 Rubel übermachtet sind, wovon erwähnter Herr Regierungs-Rath die nöthigen Ausgaben besorgen wird.

Wann nun obgenannte Studiosi denen Ihnen mitgetheilten Instructionen und Befehlen vorerwähnter massen, in allen Stücken geziemend nachgekommen sind, so wird wegen des vor dieses jezt laufende Jahr Ihnen noch rückstehenden Stipendii weitere Verordnung ergehen.

Gegeben in der K. A. d. W. zu St. P. d. 1738.

№ 39. Письмо проф. Вольфа къ бар. Корфу, отъ 26 (15) окт. 1738.

Hochwohlgebohrner Herr,

Gnädiger Herr und Hoher Patron.

Euer Excellenz werden nicht ungnädig aufnehmen, dasz wegen eines starcken Fluszes an dem Auge nicht weitläufftig schreiben kan, da gleichwohl dasjenige, was die Ruzsischen Herren Studiosi mir einzusenden überreicht, nicht wolte liegen laszen. Ich kan davor nicht gut seyn, dasz alles bezahlet, was sie in ihrer Rechnung anführen, denn der Fechtmeister praetendiret allein noch 66 fl. von Ihnen, und bey dem Buchführer stehet auch noch ein groszes Conto. Sie wollen ihre Schulden nicht gerne laszen kund werden. Ich sehe doch aber nicht, wie es am Ende ablauffen wil. Erwarte demnach, wie mich dieser wegen zu verhalten habe. Der mit aller Veneration verharre Euer Excellenz

unterthänigster und gehorsamster Diener

Marburg, d. 26. Oct. 1738.

Ch. Wolff.

№ 40. Рапортъ, присланный Ломоносовымъ изъ Марбурга,
отъ 15 (4) окт. 1738.

Rapport

an die Kayserliche Academie der Wiszenschaften zu St. Petersburg.

Nachdem ich den letzten Rapport alleruntertänigst abgefertiget, habe bey dem Herrn Regierungs-Rath und Professor Wolf das Col-

legium physicum theoreticum von 11 bisz 12 des Morgens, und Collegium Logicum von 4 bisz 5 des Nachmittags gehöret. Nunmehr aber das Collegium Physicum experimentale von 9 bisz 10 des Morgens, wie auch das Collegium Metaphysicum von 3 bisz 4 Nachmittags bey ebendem Herrn Regierungs-Rath Wolf frequentire. Die Chimie aber in den Börhaavens, Stahls und Stabels Schriften repetire. Ich habe mich auch bisz dato in dem Zeichnen von 10 bisz 11 des Morgens exerciret.

Die Rechnung von meinen angewandeten Geldern ist folgende.

Ich habe den 10 Augusti 128 Reichsthaler empfangen, von welchen aufgegangen.

	Rr.	Alb.
Für das Mittagessen für 38 Wochen.	38	
Für das Abendessen für 28 Wochen.	14	
Der Stubenlohn für ein Halbjahr.	10	
Für 1½ Klaffter Holtz.	3	30
— 4 Paar Schuhe und Pantoufes	4	35
Der Wäscherin für ein halbjahr	3	15
Dem Zeichen-Meister für 6 Monate	6	
Für eine Perruque mit Haarbeutel	2	30
Für zwey Paar seidene Sch(n)upftücher.	2	
— Ein Degen	10	
— Ein Degen-Gehenck.	1	
— 8 Bücher Papier.		24
— ein Buch Postpapier.		12
Dem Perruquier für ein Halbjahr	1	24
Dem Balbier für rasiren und Aderlassen	1	15
Summa	98	41

Register über die bisz Dato angeschaffene Bücher.

	In folio.		Materia. Band.	
	Flor.	Krt.	Flor.	Krt.
Atlas scholasticus bestehend in 12 Carten	3	30	1	
Fabri lexicon Latinum in duobus tomis. Lipsiae 1735.	11		3	
Ruetschii Archetypus totius medicinae Francofurti 1737.		30		20
In Quarto.				
Becheri Physica subterranea Lipsiae 1738.	1	40		25
Boerhaavii Elementa Chemiae in duobus tomis Lugd. Bat. 1732.		4	20	1 40

	Materia. Band.	
	Flor. Krt.	Flor. Krt.
Der Chymische Schatz Cammer Franckf. am M. 1736.	2	25
Fateri institutiones Medicinae, Wittenbergae. 1722. .	25	14
Stahlii Chymia Norimbergae 1723.	1	25
Teichmeieri Chymia Jenae 1729.	1	25
Weidleri tractatus de machinis Hydraulicis Witembergae 1733.	30	20
Wolffii Elementa Matheseos 3 tomi Genevae 1732.		
33. 35.	13	3
— tomus quartus Halae Magdeburgicae 1738. . .	3 12	50
— Logica Francofurti et Lipsiae 1732.	2 30	45
— Ontologia ibidem 1736.	2 20	40
— Cosmologia, ibidem 1731.	1 30	35

In octavo.

Avanture de Telemaque 1723.	1	20
Becheri Opuscula Chymica rariora. Norimb. 1719. .	45	22
Boerhavii Institutiones Medicinae Lugd. Bat. 1730. .	40	20
Collectanea Chymica Leidensia Jenae 1726. . . .	45	22
Compendium universae latinitatis Jenae 1734. . . .	30	15
Die redende Thiere über menschliche Laster. Franckf. 1738.	12	8
Erasmi Colloquia cum Encomio Stultitiae Ulmae 1712.	1 15	25
Freindii praelectiones Chymicae Amstel. 1718. . . .	20	8
Glücklich gewordene Bauer Leipzig 1736.	20	14
Gullivers Reise Berlin 1731.	25	14
Hoffmanni opuscula physico-medica Ulmae 1725. . . .	1	20
Günters Gedichte Breszlau 1735.	3	40
Hübners Poëtisches Hand-Buch. Halle 1734.	40	18
Les Poësies d'Anacreon et de Sapho Amst. 1716 . .	1	22
Martialis Epigrammata ad usum Delphini cum Imaginibus numismatum Antiquorum. Amst. 1701. . . .	2 30	30
Menantes Briefe. Halae 1728.	50	20
Neukirchs galantes Brife Hamburg 1730.	48	
Nouvelle Grammaire Roiale Berlin 1736.	1	
Nouveaux dictionaire de Passagers Leipzig 1737. . .	3 30	55
Pantheum Mythicum Francof. 1732.	50	20
Plats dialogues domestique(s) François - Allemands Nürnb. 724.	20	9
Selectae Ciceronis orationes Amsterd. 1735. . . .	1	20
Screiberi Elementa Medicinae Francof. et Lipsiae 1731	30	16

	Materia. Band.	
	Flor. Kr.	Flor. Kr.
Stabelii Chymia Halae 1728.	30	18
Stah(l)ii 300 Experimenta et observationes Berl. 1732.	30	18
Steinbachs Deutsches Wörterbuch 2 tomi Breszlau 1734.	6	
Tabulae sinuum, tangentium etc. Francofurti 1728. .	1	15
Thümmigii Institutiones Philosophiae Wolfianae Franc.		
1729.	1 50	25
Veneroni Italienische Grammatica Franc. 1699. . .	35	
Verheyen Anatomia duo tomi Amsterd. 1718. . . .	5	1 20
Wolfii Physica dogmatica Halae 1734.	3 15	1 20
— Physica Experimentalis Halae 1727.	3 30	1 40
— Ratio praelectionum Halae Magd. 1735.	24	8
— Deutsche Metaphysica Francofurti 1736. . . .	56	20
— Moralis philosophia Halae.	1	22
— Politica Halae 1732.	56	20

In 12°

Cellarii Geographia Jenae 1731.	45	25
Erasmi Adagia Lipsiae 1696.	50	15
— Copia verborum Gottingae.	20	12
Letres choisis des meilleurs Auteurs François par		
Men. Ha. 1731.	40	16
Ovidii opera omnia Amst. 1735.	1 25	40
Plinii Epist. et Panegyricus Lipsiae 1721.	50	18
Senecae tragoediae Amst. 1645.	20	
Virgillii Opera omnia Amst. 1677.	50	

Summa 133 Guld. und 17 Kreuzer.

Rapportiret allerunterthänigst

Marburg d. 15. Octobris Anno 1738.

Michael Lomonosoff.

№ 41. Изъ письма проф. Вольфа къ бар. Корфу, отъ 13 (2) янв. 1739.

... Die beyden Wechselbriefe nebst dem Advis-Schreiben habe wohl erhalten. Da aber der Werth eines Rubels darinnen nicht benennet worden, habe bey Verhandlung des Wechsels in Franckfurt Weitläufftigkeit gefunden. Die Kaufleute, welche ihn handeln wollen, ha-

ben für das beqvemste befunden, dasz sie den Prima-Wechsel nebst dem Advis-Schreiben an ihren Correspondenten in Amsterdam zur Acceptation überschickten, und daselbst den Werth reguliren lieszen, wo er hoffentlich bekandt seyn wird. Nachdem wollen sie ihn bezahlen.

Weil die Studiosi schon eine lange Zeit kein Geld gehabt, so habe ihnen wöchentlich einen Thaler jedem zum Voraus gezahlet, damit sie sich vor weiteren Schulden hütten sollen. Den Belauff ihrer Schulden haben sie specificiret und die Conto übergeben. Ich wil hoffen, dasz weiter keine Schulden sind. Denn für den Tisch habe ich jederzeit abgezogen, was sie schuldig gewesen, bis auf das, was von neuem angewachsen und von diesen Wechsel zu decontiren. Für Collegia habe ihnen nichts abgefordert. Die Summa der Schulden belaufft sich angegebener maszen zusammen auf 1371 Rthl. Ich weisz nicht, wo sie das Geld hingethan, da sie von dem Wechsel nichts als den Tisch wöchentl. à 1 Rthl. auszer dem H' Lomanosoff, der zuletzt auch des abends gespeiset, à 1½ Rthl. bezahlet, und was etwan für das Logement, Holtz und Lichte mag abgetragen worden seyn nebst andern Kleinigkeiten.

Die Collegia, welche sie bey mir halten sollen, sind nun zu Ende, doch besuchen H' Lomanosoff und Raiser noch den Cursum mathematicum mit, den ich angefangen. Sie thun jetzt weiter nichts, als was sie vor sich studiren und sind jetzt über der elaboration der Dissertationum beschäfftiget. H' Winogradoff ist jederzeit der unfleiszigste gewesen und seine Aufführung sol nicht die beste seyn: es ist aber nicht viel zu machen, denn er wil gleich wissen, wer etwas wiedriges von ihm gesagt, und nach diesem sich an ihm revengiren. Ich habe verwichenes Jahr ihm aus verschiedenen Händeln durch den damahligen Pro-Rectorem durchgeholfen: da aber dieses Jahr das Pro-Rectorat mir auszerordentl. aufgetragen worden, würde ich es nicht thun können, weil es andere Studiosi für Partheyligkeit auslegen würden. Es wäre freylich am besten, wenn sie von der Universität wegkämen und zu dem Chymico, da sie dergl. Freyheit nicht hätten, die man ihnen auf Universitäten nicht benehmen kan. Sie sind nun in der Deutschen Sprache so weit, dasz sie alles verstehen, was geredet wird, sich auch selbst ziemlich exprimiren können. Im Frantzösischen aber werden sie wohl wenig gethan haben, weil der Sprachmeister ohne Zahlung sie nicht informiren wollen, und sie auch selbst das Geld zu spaaren es unterlaszen. Zu des Hⁿ Lomanosoff profectibus habe noch das beste Vertrauen: er bezeigt auch wegen der gemachten Schulden eine Reue. Die Specimina wil nun, so viel möglich, zu beschleunigen suchen. . .

Bey nächster Uebersendung der Speciminum schreibe ein mehreres . . .

Ch. Wolff.

Marburg, den 13. Jan. 1739 st. n.

№ 42. Изъ письма Вольфа къ Шумахеру, отъ 13 (2) янв. 1739.

... Dem Hⁿ Prof. Krafft wil mit nächstem antworten, wenn die dissertationes der Ruzsischen Studiosorum, die sie jetzt elaboriren, ein-senden werde. Sie haben ziemliche Schulden gemacht, ob sie gleich vorgegeben, dasz sie alles ordentl. bezahlten. Ihre summarischen specificationes belauffen sich auf 1371 Rthl. Es wäre wohl am besten, wenn sie bald avociret würden, weil sie die academische Freyheit nicht zu gebrauchen wissen, und ohnedem das jenige absolviret, was sie hier thun sollen. . .

№ 43. Счетъ долгамъ Ломоносова, присланный имъ изъ Марбурга 10 янв. 1739. (30 дек. 1738).

Rechnung der Schulder.	R.			
Dem Riemenschneider	199	44	2*	199. 22
Dem Wierach.	141	fl. 11		94. 5 gr.
Dem Michälis-Apotheker	61	24		61. 12
Dem Frantzösischen Schprach-Meister Ramet	22			22.
Dem Buch-Führer Müller.	10	12		14 Thr. 5 gr.
Dem Schneider	10	5		10. 2½
Dem Tantz-Meister	5	15		5 Thr. 7½ gr.
Dem Mamfort.	6			6.
Dem Schuster.	15			15. 17½ gr.
Dem Fechtmeister	8			8.
Summa.	484	15	6	437. 1 gr.

M. Lomonossoff.

d. 10 Januarii Anno 1739.

* *Specification der angegebenen Schulden Herrn Lomanossoff.*

* IV^{aa} и V^{aa} графы, равно и послѣдняя строка присаваны рукой проф. Вольфа.

**№ 44. Резолюция академической канцелярии по поводу письма
проф. Вольфа, 9 февр. 1739.**

Resolution

auf das von dem Regierungs-Rath Wolff aus Marburg d. 13ten Jan. st. n. 1739 eingeschickte Schreiben.

Es soll aus denen Rechnungen ein extract auff's fordersahmste gemacht werden, wie viel der Academie vor die Stud. aus dem Hohen Senat assigniret worden, was davon denen Studiosis remittiret und wie viel von Geldern noch in cassa zurückgeblieben. Wenn solches geschehen, so solle der Ueberschusz zu Bezahlung derer Schulden remittiret, denen Stud. aber zugleich angedeutet werden, dasz sie nach Bezahlung ihrer angegebenen Rechnungen, vor weitere Schulden sowohl jetzo als ins künftige sich hütten und zur Abreyse nach Freyberg ad ediscendam praxin metallurgicam auf die erstere ihnen zuzuschickende Ordre sich parat halten möchten. Hiebey ist auch in antecessum an den Bergrath Henckel nach Freyberg zu schreiben und von ihm zu vernehmen, ob er nach seiner vorhin gethan Erklärung die inspection und Unterweisung der Studiosorum noch über sich nehmen wolle, man werde die nöthige und billig angesetzte Unkosten hiezu jederzeit remittiren.

den 9. Febr. 1739.

**№ 45. Выговоръ академической Канцелярии марбургскимъ студентамъ,
отъ 20 марта 1739.**

Auf Ihro Kayszerliche Mayst. hohen Befehl ertheilet die Academie der Wissenschaften auf geschehenen Vortrag desjenigen, so von wegen der in Marburg sich aufhaltenden Studiosorum, Raiser, Winogradoff und Lomanosoff eingekommen, nachfolgende

Resolution.

Aus denen eingeschickten, von dem Herrn Regierungs-Rath Wolff attestirten Specificationen ist zu ersehen, dasz der Studiosus Raiser 358 Rthlr. der Studiosus Winogradoff 576 Rthlr. der Studiosus Lomanosoff 437 Rthlr, alle 3 zusammen eine Summa von 1371 Rthlr. Schulden contrahiret, woreutgegen einem jeden derselben zum jähr-

lichen Unterhalt und Fortsetzung der Studien in Marburg, jährlich 300 Rubl. ausgesetzt, solche auch theils vorausgegeben, theils pro rata temporis remittiret und in allen vom 15 Jul. 1736 bisz jezo laut des in der Canzley gemachten Extracts 2100 R. bezahlt worden, dasz Ihnen dahero bisz den künftigen 15. Jul. h. a. nur 600 Rubel übrig bleibet, die gemachten Schulden aber schon am 13. Jan. h. a. diese Summa um das Duplum übersteigen, da Sie doch durch die Praenueration und zeitige Remessen in den Stand gesezet worden, dasz Sie vor baares Geld eine ordentliche und ihren Studien convenable Lebens-Art führen können, folglich einige Schulden zu machen nicht nöthig gehabt hätten, wie denn auch die eingeschickten Schulden-Specificationes so viel ausweisen, dasz das wenigste zu einer nöthigen Subsistence und der Studien wegen angewendet, vieles aber üppiger Weise verthan und verschleudert worden, da dann hieraus die schlechte Disposition des Ihnen vorhero in die Hände gegebenen Geldts leichtlich abzunehmen ist.

Wenn Ihnen nun überhaupts nicht geziemen wollen, mit denen von Ihro Kays. Mayst. zu ihren Studien und einer darzu erforderlichen Lebens-Art gewidmeten Mitteln so unrechtmäszig verschwenderisch und höchst Deroselben allernädigstem Entzweck grad zuwieder umzugehen, insonderheit noch ein merckliches mehr Schulden zu machen, als das Ihnen zugelegte Stipendium ausmacht, da doch keiner derselben im Stande ist, sothane Schulden zu bezahlen: Als kann die Academie der Wissenschaften einen so unverantwortlichen Excess so schlechterdings nicht übersehen, vielmehr wird Ihnen dieserwegen die wohlverdiente Strafe vorbehalten, welche unausbleiblich erfolgen wird.

Immittelst sollen zu Bezahlung der gemachten Schulden 1400 Rthlr. über Holland an den Hⁿ Regierungs-Rath Wolff remittiret und denen Studiosis anbefohlen werden dasz Sie sich zu der Abreyse von Marburg fertig machen und um Pfüngsten dieses Jahres nach Freyberg in Sachsen zur Erlernung der Metallurgie abreisen sollen, worzu das benöthigte Reise-Gelt an gedachten H. Regierungs-Rath übermacht und Ihnen ausgezahlet werden wird, massen Sie inzwischen 300 Rbl. zu ihrem Unterhalt empfangen und auch sonsten, nachdem die Schulden obgedachter massen getilget werden, in Marburg nichts weiters nöthig haben. Damit Sie aber den Nuzen und Effect einer guten oder schlechten Aufführung sehen und erfahren, zugleich auch mit wenig hauszhalten lernen, so soll Ihnen zu ihrer Subsistence in Freyberg vors künftige jährlich nicht mehr als Einhundert und fünfzig Rubel bestanden, sothanes Geld auch Ihnen nicht in die Hände, sondern dem H. Berg-Physicus Henckel zugeschickt werden, um Kost, Quartier,

Holz, Licht und andere benöthigte Ausgaben darvon zu bestreiten; doch wird die Academie der Wissenschaften das Honorarium vor die *Informationes à part* bezahlen. Und haben sich die Studiosi Raiser, Winogradoff und Lomanosoff nach diesem Ihre Kayszerl. Mayst. Befehl stricte zu richten.

Korff.

Gegeben in der K. A. d. W. zu St. P., den (20.) Mart. 1739.

№ 46. Письмо бар. Корфа къ проф. Вольфу,
отъ 20 марта 1739.

Wohlgebohrner Herr Regierungs-Rath

Hochgeehrtester Herr.

Ew. W. beliebtes Schreiben vom 13. Jan. h. a. ist alhier nebst den Schulden-Specificationen der dort befindlichen 3 Studenten, Raiser, Winogradoff und Lomanosoff wohl eingegangen, woraus zu ersehen gewesen, dasz diese junge Leute eine Schulden-Last von 1371 Thlr. contrahiret, das wenigste aber darvon zu ihrem Besten angewendet haben. Sie hätten verdienet, dasz man sie unvorzüglich hieher bringen liesze und zur verdienten Strafe zöge. In Ansehen aber, dasz sie von Ew. W. noch ein gutes Attestat ihrer Studien halber vor sich haben, hat man es verschoben, ob sie es wohl ins künftige schwer zu verantworten haben werden. Solchemnach ist gegenwärtig bey der Academie der Wissenschaften resolviret, sie nach Freyberg an H. Henckel zu Erlernung der Metallurgie zu schicken, von welchen man dann nach ihrer Ankunft daselbst die Nachricht erwarten wird, ob sie sich zu diesem Studio alle gut schicken und anlassen, im widrigen fall man die untüchtige zurücke rufen und andere Subjecta an ihre Stelle dahin schicken wird.

Weilen nach Ausfertigung der Schulden-Specificationen die 300 Rbl., worvon Ew. W. in Dero obenerwähntem Schreiben Meldung gethan, nunmehr wohl eingezogen und nach Abzug desjenigen, so Ew. W. vorgeschossen, zum Unterhalt gedachter Studiosen bisz Pffingsten zu hinreichlich seyn werde, so hat man auch in Rücksicht dessen dermalen ein mehrers nicht als 1400 Rthlr. zu Bezahlung der Schulden remittiren, und Ew. W. geflassenst ersuchen wollen, sothanes Gelt auf beygehenden Prima-Wechsel-Brief einzuziehen, und die Schulden zu

bezahlen, die 3 Studiosos nach Möglichkeit zum Sparen anzuhalten, und dahin zu sehen, dasz sie weiters in Marpurk keine Schulden machen, ihnen auch die beygelegte Ordre zu publiciren und sie zu deren Befolgung und in beständigem Fleisz anzustrengen, damit, weil ihre Collegia zu Ende sind, Zeit und Kosten nicht vergeblich hingehen. Sollten aber wieder alle Vermuthungen die letzten 300 Rbl. zu derselben Subsistence bisz Pfingsten zu nicht hinlänglich seyn, so ersuche Ew. W. nur mit ersten Post wissend zu machen, wie viel etwa noch nöthig seyn möchte, damit man die Remesse bey Zeiten besorgen, folglich diese Leute ohne weitem Aufenthalt und grözere Unkosten nach Freyberg befördern, zugleich auch das erforderliche Reise-Gelt übermachen kan, welches vor jede Person mit 15 Rbl. wohl zu bestreiten ist.

Nebst der Summa der 1400 Rthr. belieben auch Ew. - Dero wohl verdientes Honorarium von der Academie der Wissenschaften vor das verflossene 1738-te Jahr auf den beygelegten àpart Wechsel zu empfangen.

Vor die wohlgemeinte Gratulation zum letzthin angetretenen neuen Jahr dancke ich ganz ergebenst, und wünsche Ew. W. dargegen alles fortwährende Wohlseyn und Vergnügen, mir aber die Gelegenheit, in der That ferner zeigen zu können, dasz ich mit Hochachtung bin

Ew. W...

d. 20. Mart. 1739.

P. S. Weil man bey Ausfertigung dieses einen Wechsel-Brief auf Rthlr. nicht hat bekommen können, so hat man den Werth von 1400 Rthlr. durch den beygelegten Wechsel-Brief an Rubel übermachen müssen. Ew. Wohlgebohren werden, wenn etwa bey der Einziehung des Wechsels eine Difference sich finden sollte, die Güte haben, es mit ehesten zu melden, damit weitere Anstalt getroffen werden kann.

№ 47. Изъ письма проф. Вольфа къ бар. Корфу,
отъ 4 апр. (24 март.) 1739.

Euer Excellenz werden aus meinem Letztern ersehen haben, wie es mit den Schulden der hiesigen Ruszischen Studiosorum stehet. Der Wechsel ist in Holland à 47½ Stüber pro 1 Rubel in Holland accep-

tiret worden, und habe ich bisher einem jeden nur 1 Rthl. zu wöchentlicher Ausgabe, und was einige unumgängliche Ausgaben sonst erfordert, gereicht. Es wäre nun wohl am rathsamsten, wenn ihre Sachen könnten in Ordnung gebracht werden und sie weiter zu ihrem Haupt-Propos schreiten. Die beiden Studiosi H^a Reiser und Lomanosoff laszen sich in allem wohl weisen, sind auch mit einander einig, und habe ich gute Hoffnung, es werde kein Geld an sie vergebens angewandt werden. H^r Lomanosoff beqvemet sich auch zu milderer Sitten. Allein was mit dem H^a Winogradoff anzufangen, weisz ich nicht. Der beyden ersten Specimina haben schon einige Zeit dagelegen: Winogradoff verspricht zwar immer das seinige auch zu bringen, allein es wird nichts daraus. Ich glaube auch nicht, dasz er im stande ist vor sich etwas zu machen. Er ist ein Liebhaber vom Müsziggehen und unordentlichen Leben. Es gehet nichts vor, da er nicht mit dabey ist. Und hat man nur Noth ihn zu wahren, dasz er nicht in Unglück kommt oder in Academische Straffen verfället. Er läszt sich auch von andern nichts einreden, und glaube ich nicht, dasz er mit den andern weiter fort kommen wird. Zwar schreibe es ungerne, allein die obligation, die ich gegen Ihro Kays. Majestät habe, wil doch nicht zulassen, dasz ich es verschweigen kann. Vielleicht wäre ihm am besten gerathen, wenn er avociret würde. Doch überlasze alles Euer Excellenz besseren Einsicht...

№ 48. Письмо бар. Корфа къ берговицику Гонкелю, отъ
20 марта 1739.

HochEdelgeborner

Hochgeehrtester Herr Berg-Physicus.

Nach Anleitung Ew. HochEdelgeb. mir zugesandten Projectes vom 1-ten Febr. 1736 und Dero beliebten Schreibens vom 7-ten May e. a. hat man bey der Academie der Wissenschaften vor gut befunden, die zur Erlernung der Metallurgie ausersehene 3 Personen vorerst auf die Universität nach Marburg zu schicken, damit sie in humanioribus, philosophicis und den benöthigten Sprachen profitiren und zu dem studio metallurgico praeparirt werden möchten.

Indem sie nun sich schon in das dritte Jahr daselbst aufgehalten, und nach Inhalt der von Zeit zu Zeit eingekommenen Berichte,

wiewohl Einer mehr als der andere, gute Profectus gemacht, so will es nunmehr Zeit seyn, Ihre Kayserl. Majest. allerhöchsten Intention gemäsz, zum Werck selbst zu schreiten und sie in der Metallurgie anzuführen. Ich bekenne, dasz sothane hohe Intention nicht besser und sicherer erreicht werden kan, als wann Ew. H. die Anführung dieser 3 Subjectorum nach dem Inhalt Dero Eingangs erwehnten Projects und Schreibens nunmehr übernehmen, folglich wird es nur auf die Conditiones, worüber man sich vereiniget, vorjezo ankommen.

Ew. H. versichern, dasz 3 tüchtige Subjecta unter Dero Information die vollkommene Metallurgie oder Chymiam mineralem practicam et rationalem in Zeit von 1½ Jahr aus dem Grund erlernen, und nicht nur darzu qualificirt werden können, worzu sie allhier desiderirt werden, sondern auch andere zu lehren und zu Ihre Kayserl. Majest. Dienst heranzuziehen. Pro honorario fordern Ew. H. 1200 Rbl. überhaupt wegen sothaner Information 3-er Subjectorum, welche aber ausserdem

2) zu Erlernung der allgemeinen Probir-Kunst 50 Rthlr., der Marckscheiderey 50 Rthlr., des Silber-Brennens 20 und des Saigerns auch 20 Rthlr. singulatim aufwenden,

3) den Unterricht in humanioribus und Philosophicis à part bezahlen, auch

4) mit Quartier, Kost, Holz, Licht und Bedienung sich versorgen müszten, zumalen Ew. H. keine Gelegenheit in Dero Wohnung darzu hätten.

Was nun Ew. H. Honorarium anlauset, so ist die Academie der Wissenschaften entschlossen, obwohlen der Fond, der zu dergleichen Impensen ausgemachet ist, sich nicht hoch belauft, Ew. H. jedennoch in Betracht Dero sonderbaren Meriten und anerbottenen, so aufrichtigen Information *Eintausend Rubel* zu praesentiren, auch die Helffte davon bey dem Anfang der Information nach dem Cours durch Wechsel nach Holland oder Leipzig zu remittiren, doch mit der Bitte, dasz Dero Information auf ½ Jahr verlängert werden, und also 2 Jahre währen möge, damit man sich auf die Capacité und Profectus derer 3 Studiosen desto sicherer verlassen und sie hernachmals um soviel besser zu Ihre Kayserl. Majest. allerhöchsten Ew. H. genugsam bekannten Intention gebrauchen kan.

Und wie die 3 Subjecta ihrer Studien und Capacité halber nicht alle gleiches Zeugnisz vor sich haben; so reserviret sich die Academie der Wissenschaften andere ohne weitere Bezahlung an deren Stelle zu schicken, wann Ew. H. in progressu finden würden, dasz ein oder das andere derselben zu vollkommener Erlernung und Ausübung des

Stadii metallurgici nicht tüchtig genug seyn sollte. Dahingegen hat es wegen des 2ten Puncts weiters keine Schwürigkeit, sondern die Academie der Wissenschaften wird das vor eine jegliche Person à part erforderliche Lehr-Gelt, zusammen à 140 Rthlr., bezahlen; was aber

3) den Unterricht in humanioribus und Philosophicis angehet, so wird solcher wohl weiters nicht nöthig seyn, nachdem die 3 Subjecta selbigen Studiis geraume Zeit her in Marpurg incumbiret und aller Hoffnung nach soviel, als zur Metallurgie erforderlich ist, werden erlernt haben, wiewohl man es desfalls lediglich auf Ew. H. Gutbefinden ankommen lassen wird.

Ratione des 4. Puncts hätte ich zwar gerne gesehen, dasz die Studiosi in Ew. H. Behausung und Kost hätten seyn können, damit sie Dero Aufsicht desto näher gewesen wären. Weilen es aber nach Anzeige Dero Schreibens nicht thunlich ist, so werden Ew. H. mich und die Academie der Wissenschaften Ihnen höchstens verbinden, wann Sie desfalls solche Anstalten vorzukehren belieben, dasz diese junge Leute denenselben so nahe als möglich wohnen, und durch die Kost sich keine verderbliche Gesellschaft zuziehen, dahingegen Dero ihnen so nöthigen und schätzbaren Umgang desto vielfältiger genießen können. Zu ihrer Subsistence wird man jährlich vor jegliche Person 150 Rubl. und zwar an Ew. H. remittiren, dieselbe auch zugleich bitten, ihnen nicht viel Geld unter die Hände zu lassen, sondern darvon Kost, Quartier, Holz, Licht und was ihnen sonst unentbehrlich nöthig ist, zu bezahlen, dahingegen in der Stadt durchaus bekannt zu machen, dasz ihnen Niemand ohne Ew. H. Gutbefinden und Consens creditiret, massen sie in Marpurg viel Geld unnöthig verthan und Schulden gemacht haben.

Es dependiret nun von Ew. H., ob Sie mit der Offerte der 1000 Rbl. zufrieden seyn, das übrige also aggreiren und mit dem ehesten mir Dero Resolution hierüber wissend machen, zugleich auch mir dardurch die Gelegenheit zu einer weiteren Correspondence und die Ehre gönnen zu wollen, ferner bezeigen zu können, dasz ich bin

Ew.

den 20 Mart. 1739.

№ 49. Письмо Генделя къ бар. Корфу, отъ 26 (15) апр. 1739.

Hochwohlgebohrner Herr

Hochgeehrtester Herr Cammer-Herr.

Der hochlöblichen Ruzsischen Keyserlichen Academie derer Wissenschaften habe ich viel Obligation, dasz dieselbe gegen mich so viel Vertrauen heget und 3 Ruzsische Studiosos meiner Information in der Metallurgie, auch anderweitiger Aufsicht anzuvertrauen entschlossen ist. Ich acceptire die durch Ew. Hochwohlgebohren mir deswegen an *Ein Tausend Rubel* gethane offerte und mache mich hierdurch davor anheischig, besagte 3 Studiosos in sothane Information zu nehmen, treulich anzuführen, und so viel, alsz an mir ist, in cognitione mineralium theoretica et practica so weit zu bringen, dasz dieselben Ihro Ruzsisch-Keyserlichen Majestät allergnädigsten intention gemäsz, ein jedes vorstellendes oder aufgegebenes minerale gründlich zu examiniren, deszelben Gebrauch und Tractament anzugeben, auch davon einen ordentlichen bündigen Bericht nebst practischen Gutachten absustatten und endlich die erlangte Wissenschaft per experimenta zu zeigen und zu dociren geschickt werden sollen. Auch lasze ich mir es gar wohlgefallen, dasz diese Herrn Commilitones denen vorgeschlagenen $1\frac{1}{2}$ Jahren, womit der Cursus zu Ende und also auch der Termin zur Bezahlung der andern Helffte des accordirten seyn wird, noch ein halbes Jahr mit ihrem Aufenthalt allhier zuzugeben beordert werden sollen, wie es denn nöthig seyn wird, zu repetiren, auch sie selbst disz u. jens experimentiren zu laszen. Ich würde auch nicht ermangeln, fallsz sich einer oder der andere nicht applicable genug erweisen sollte, solches schleunig zu berichten, und (an) deszen Stelle ein anderes subjectum zu erwarten, welches aber eventualiter schon auszuersehen wäre, damit wir in cursu nicht zu lange stille halten dürfften, dazumahl, indem ich alszdann wieder von vorn anfangen müszte, Zeit und Mühe verderbet würde. Was die anderweitige Aufsicht anlangt, so will selbiger aus besonderer Consideration mich zwar nicht entbrechen, aber Ew. Hochwohlgebohren gehorsamst gebeten haben, mir eine so gemeszene Instruction und denen Herrn Studiosis solche ordre zu ertheilen, damit ich in der Sache weder zu viel noch zu wenig thue, noch mir dieselben disz oder jens alsz etwas eigenmächtiges imputiren mögen, zu welchem Ende ich mir die Freyheit genommen, wie beygehet, eins und das andere wohlmeynend anzufragen. Könnte es endlich seyn, dasz dieselben so bald möglich

sich hier einfänden, so könnten wir noch von einigen angenehmen Monaten profitiren, und in allen die Einrichtung desto besser gemacht werden.

Ew. Hochwohlgebohren empfehle mich hiernächst zu Dero ferneren hochgeneigten Andencken und contestire, dasz ich keine Gelegenheit vorbey gehen laszen werde, Ihnen zu erweisen, mit welcher Hochachtung ich sey

Ew. Hochwohlgebohren

Meines Hochgeehrtesten Herrn Cammerherrns

gehorsamster Diener

Johann Friedrich Henckel.

Freyberg, den 26 Apr. 1739.

Q v a e r i t u r ?

1. Ob die Herrn Ruszen alle in einem Hausz, oder auch alle in einer Stube und Kammer logiren sollen? In meiner Nähe ist kein Hausz, wo 2 Stuben zu haben. Ich habe in 3 verschiedenen Häusern 3 Stuben nebst Cammern, ohnweit von mir be- sehen, so jährlich nebst einem einmännischen Bette und was in die Stube gehöret à 20, 25 bisz 30 Rthl. zu stehen kommen.
2. Wenn dieselben hier seyn so len, damit ich mich mit bestellung derer Quartire darnach richten kan?
3. Da mir gemeldet worden, dasz ich ihnen nicht viel Geld in die Hände geben solle, sondern, wie ichs verstehe, Kost, quartir, holz, licht, Wäscherlohn, und was sonsten unentbehrlich, selbst bezahlen, wohin vermuthlich auch das, was zur Kleydung gehörig, zu ziehen, so möchte ich wissen, wasz ihnen zu eigener disposition und extra von Zeit zu Zeit in die Hände gegeben werden solle.

Insgemein laszen sich hier dergleichen Leuthe vor 4 gr. aus dem Gasthoff holen, davor ist eine Suppe, zweyerley gekochtes und Fisch oder Braten, aber ohne Bier, Brodt, Butter und Käse. Dieses lässt man sich in einem darzu aptirten zinnernen Service, welches sich übereinander schickt und an einem Riemen beqvemlich getragen wird, durch seine Bedienung oder Magd im Hause bringen, welches nachdem es grosz ist, 3, 4, bisz 5 Rthl. kömmt. Man kan sich auch vor

- 3 oder 2 gr. geben laszen und fodern, was man will u. vorhanden ist. Des Abends Butterbrodt, kalten Braten, und was man verlangt.
3. Wer soll aufwarten? vermuthlich die Magd im Hause? oder ein eigener Diener. Hier kähme es auf ein Lohn, dort auf ein Trinckgeld an.
  4. Es wollen Marckscheider Instrumente seyn, laut Specification, ferner
  5. Ein und ander Buch, so zum Berg Werck, Schmelz Wesen, Marckscheider Kunst und zur Metallurgie insgemein gehöret, welche zum Theil rar sind und erlauret werden müssen, deszgleichen
  6. ist manchemahl eine gute Stufe vorfallend, so guten Preiszes und rar ist, also nicht aus den Händen zu laszen.
  7. Wie auch nach und nach ein und ander Model von Maschinen, Ofen u. d. g., wo auch die Gelegenheit in acht genommen werden will.
  8. Zuweilen Pferde Miethlohn auf entlegene Zechen oder in die Schmelzhütten. Auf dergleichen Punkte dann die Frage entsteht, wie man sich mit Ausgaben zu verhalten habe?

Marckscheide Zeug.

	Thlr. Gr.
Hang und Zuleg Compasz auf Beyden Seiten des Lachter in $\frac{1}{4}$ getheilet, und 40 Lachter lang	7 6
Eine Waszer Wage mit halben Grad	1 18
Einen 6 Lachter langen Meszingen Drat, jedes Glied von 5 Zoll lang	2 12
Drey Stück Tisch Schrauben von Meszing, die Abrisz damit zu befestigen	18
Sechs Stück Holzschrauben in der Grube die Schnur da- mit zu befestigen	12
Transpourceur	1 8
Ein Parallel Linial	1 12
Ein Winckel Hacken	16
Zwei Meszinge Scheuben auf die neueste Arth, damit man den auf Eisen Bergweg gethanen Zug mit dem Com- pass zu Papier bringen kann und keine Eisen Scheu- ben Transpourceur nöthig habe	4
Ein Winckel Weiszer	1 12
Eine Marckscheider Tasche.	1
Ein Schreibe Taffel in dieselbe	8

	Rthlr.	Gr.
Einen Meszingen Perpendicel		6
Einen Einsez Zirckel	2	
Einen kleinen Einfachen Zirckel		16
Eine von Garn 30 Lachter lang gezwirnde Schnur mit der Rolle, darauf solche gewickelt ist		16
Eine gedoppelte Reisz Feder		12
	<hr/>	
	Summa	27 Rthlr. 4 gr.

№ 50. Письмо проф. Вольфа къ бар. Корфу, отъ 3 мая (22 апр.) 1739.

So bald Euer Excellenz Schreiben erhalten, habe die Kays. Ordrenen Ruszischen Studiosis publiciret und sie ermahnet sich zur Reise fertig zu machen. Allein es hat sich gleich ein groszes Hindernis in den Weg gelegt. Denn da die Englischen Wechsel an den Herrn Ouderkirk in Amsterdam zu zahlen sind, und meiner darinnen nicht gedacht worden; so habe nicht gesehen, wie ich mich dazu legitimiren und die Zahlung erhalten sol. Jedoch habe bald Copiam nach Franckfurt geschickt, um zu vernehmen, ob dortige Kaufleute ein Mittel wüsten. Es ist aber vergeblich gewesen, wie aus beyliegendem Zettel zu ersehen, der in der Antwort beygelegt worden. Ich habe also an die Herren van Ouderkirk nach Amsterdam geschrieben, und den Vorschlag gethan, ob sie an ihren Correspondenten in Franckfurt Ordre stellen wollten gegen deren Extradition mir das Geld zu zahlen, oder aber ein andres Mittel wüsten, wie ich zu der Zahlung gelangen sollte: worauf noch Antwort erwarte, und also nicht weisz, ob ich die Wechsel werde wieder zurücke schicken müssen.

Ueber dieses haben nun gedachte Studiosi eine weit höhere Specification der Schulden, als zuerst angegeben, unerachtet ich sie ernstlich ermahnet hatte nichts zu verschweigen, und zwar specificret

H' Reiser	411 Rthl.	66 Cr.
Lomanosoff	593 »	7 »
Winogradoff	614 »	46 »
	<hr/>	
	Summa	1619 » 29 »

welches die durch Wechsel angewiesene 1400 Rthl. um 220 Rthl. bis auf wenige Creutzer überschreitet. Und doch bin noch nicht gesichert, dasz, wenn es zum Treffen kommen wird, sich nicht noch

viele kleine Posten finden dörrften, absonderlich bey dem Hⁿ Wino-gradoff, der gar nicht zu bändigen und was zu lernen keine Lust hat, wie es der H^r D. Henckel zur Gnüge finden wird. Denn es sind mir schon einige Conto, die sich bis 13 Rthl. belauffen, überbracht worden, deren er nicht gedencket. So ist mir auch bekant, dasz er bey dem Buchführer noch ein starckes Conto haben musz, davon ich doch nichts in seiner specification finde, da ich sie durchgehe. Er mag selber nicht wiszen, wem er schuldig ist, weil er überall Schulden macht, wer ihm nur borgen wil, und seine Creditores, wenn sie ihn erinnern, mit dem Degen überlauft, dasz dieser wegen schon öfters bey mir als zeitigen Pro-Rectore Klagen eingelauffen.

Ich weisz also nicht, wie sie aus diesem Labyrinth, darein sie sich muthwillig gestürztet, zu retten sind. Hätten sie das Geld in die Hände bekommen, so würden sie es, wie das erste verthan, und nicht einmahl den Tisch bezahlet haben. Sie wiszen zu ihrer Entschuldigung nichts als ihre Unbedachtsamkeit vorzuschützen, und dasz sie das erste mahl nicht alles angegeben, bloz vorzuwenden, sie würden den Wechsel, der zu Ende des vorigen Jahres ankommen, und was ihnen noch bis in den Julium restiret, auf einmahl in die Hände bekommen, da sie denn davon hätten bezahlen wollen. Allein es würde so wenig geschehen seyn, als sie von dem vorhergehenden Gelde jemanden bezahlet. Ich kann nicht sagen, wie sehr mich dieses beunruhiget, ob gleich sie gutes Muthes dabey sind, als wenn sie gantz wohl gethan hätten.

Der letzte Wechsel wird zu ihrer Subsistence wohl bis Pffingsten nach dem alten stylo zureichen, weil ich auszer dem Tische ihnen nur wöchentlich 1 Rthl. gegeben, neml. einem jeden, und was etwa sonst unumgänglich nöthig gewesen. Da es aber allem Ansehen nach sich noch etwas weiter verzögern dörrfte; so wird es auch etwas schwerer zugehen.

Wenn sie es sparsam angreifen, kann einer mit 15 Rubeln wohl die Reise nach Freyberg bestreiten. Ich weisz aber nicht, ob es rathsamer ist, dasz sie nicht einige Rubel mehr bekämen, weil sie so wenig Ueberschlag machen, wie weit sie sich in Ausgabe einlaszen können.

So bald Nachricht aus Amsterdam erhalte, werde dieselbe communiciren.....

№ 51. Резолюция Канцелярии отъ 21 мая 1739 на письмо Вольфа.

R e s o l u t i o n

auf den Brief des H. Reg.-Raths Wolff d. d. 3-ten May 1739.

Es soll hierauf an gedachten Herrn Regierungs-Rath Wolff geantwortet werden, dasz der ihm überschickte Wechsel-Brief zur Einziehung des wegen der 3 Studiosorum Winogradoff, Raiser und Lomanossoff remittirten Gelts noch nicht hinlänglich gewesen sein sollte, auf solchen Fall noch ein anderer zu Lasten der Hn. v. Ouderkerk in Holland zahlbar an seine, des H. Regierungs-Raths Ordre ausgefertigt hiebey folge. Dasz erwehnte Studiosi über die schon angegebenen Schulden noch mehrere haben, gleichwohl aber dieses ihres so unverantwortlichen Excesses wegen wenig Reue bezeigen, und endlich der Studiosus Winogradoff ganz keine Hoffnung zu einer gehörigen Aufführung, erforderlichen Fleisz und Erlernung der benötigten Wissenschaften von sich übrig lasse, das vernehme die Academie mit so viel grösseren Widerwillen, als diese Leute den von Ihro Kays. Majestät allermildest angewiesenen Fond durch ihre Verschwendung nicht nur exhauriret, sondern auch der letztere so viel Gelt ganz und gar umsonst durchgebracht. Weil aber deren längerer Aufenthalt in Marpurg, wo sie sich die Wege und Gelegenheit zu ihren Ausschweifungen schon gar zu sehr bekannt gemacht, täglich gefährlicher und der Academie kostbarer sein würde, hiernächst aber selbst aus des H. Regierungs-Raths leztern Schreiben das Quantum aller Schulden noch nicht abzunehmen, folglich die Anstalten zu einer Remesse des etwa zu Bezahlung der Schulden noch nöthigen Gelts noch nicht gemacht werden können: Als werde der Herr Regierungs-Rath ersucht, die sich noch hervorthuenden Schulden gedachter 3 Studiosorum nach geschehener genauen Nachfrage und Untersuchung, ob solche contrahirt sind und würcklich noch existiren, in soweit die darzu übermachte 1400 R. nicht hinreichend sein mögten, auf sich zu nehmen, damit solche durch längern Aufenthalt der Studiosorum in Marpurg nicht unnöthiger und unnützer Weise vergrößert würden, die 3 Studiosos aber ohne weitem Verzug zur Reise nach Freyberg zu obligiren, und einem jeden derselben in procinctu der Abreise 20 Rbl. zu Reise- und Zehrungs-Kosten bisz Freyberg, von der schon an ihn übermachten Summa auszuzahlen, von deren Abreise aber, und wann solche geschehen, der Academie sowohl als dem H. Berg-Physicus Henckel in Freyberg beliebige Nachricht zu ertheilen, zugleich auch die Consignation aller vorhandenen Schulden

und wie viel noch Geld zu Bezahlung derselben nöthig sein wird, der Academie zu übersenden, da dann dieselbe nicht ermangeln wird, das Residuum dem H. Regierungs-Rath durch gute Wechsel-Briefe sofort zu übermachen. Wann nun dieses alles geschehen, so soll nach Befinden der Sache, sowohl wegen der übermäßigen Schulden der Studiosorum, als auch wegen der bösen Conduite des Winogradoffs an Ihro K. M. Cabinet eine Unterlegung ergehen.

An den H. Berg-Physicus Henckel soll vorjetzt auch geschrieben, dessen Brief beantwortet, ihm die baldige Ankunft der Studiosorum gemeldet und 400 R. auf Rechnung zu ihrer Subsistence remittiret, ihm zugleich eine genaue Aufsicht auf diese Leute, insonderheit noch einmal dieses recommandiret werden, dasz er ihnen kein Geld in die Hände, und überall kund machen lasse, dasz ihnen Niemand ohne sein Vorwissen creditire, maszen die Academie solches niemals bezahlen würde, ihre Depenses auch so, wie in dem vorigen Schreiben der Academie gemeldet ist, und en conformité der ihnen bestanden Summa einrichte. An die Studiosos ist ihrer Abreise halber eine Ordre auszufertigen. Den 21ten May 1739.

№ 52. Особое мнѣніе члена правленія и академика Гольдбаха объ уплатѣ долговъ марбургскихъ студентовъ, отъ 29 маія 1739.

Weil die Academie der Wissenschaften nicht befugt ist, ihre eigene Gelder zu Auszahlung der unbilligen Schulden, welche die nach Marburg verreiseten Studenten gemacht haben, anzuwenden, so halte ich dafür, dasz es nöthig sey, den Bericht an Ihr. Kayserl. Majestät von dem Zustande selbiger Studenten und ihrer Schulden nicht weiter auszusetzen, sondern unverzüglich abzustatten und dadurch fernere inconvenientien zu vermeiden; welche meine Erinnerung ich hiemit ad Protocollum übergebe.

St. Petersburg den 29 Maii A. 1739.

Christian Goldbach.

№ 53. Опредѣленіе Канцеляріи по новоду особаго мнѣнія академика Гольдбаха.

Als das Protokoll vom 29. pass. aufgelesen und vernommen wurde, dasz der H' Justice-Rath Goldbach wegen der mit den 3 Marpurger

Studiosis getroffenen Verfügung seinen Dissensum das Inhalts ver- schreiben lassen, dasz die Sache vorhero Ihro Kaiserl. Maj. Geheimen Cabinet unterleget werden müsse, ehe denn man weiteres etwas darin- nen veranstalte, wurde solches in Deliberation gezogen und von (Tit.) dem Herrn Cammerherrn dargegen gesagt:

Weilen von dem Hrn. Regierungs-Rath Wolff aus Marpurg die accurate Nachricht noch nicht einmal eingegangen, wie viel besagte Studiosi schuldig seyen, vielmehr derselbe in seinem letzten Schreiben die Ungewisheit derselben zu erkennen gebe, im übrigen aus denen biszhero eingegangenen Nachrichten nicht zu ersehen, dasz die Studiosi mehr verzehret, als die zu dieser Expedition bestandene Summa ausmache: So könne man auch noch zur Zeit nicht sagen, dasz die Academie diese Studiosos aus ihrem eigenen Gelt unterhalte, und noch minder könne man dieses in Ihro K. M. Cabinet wider die Wahrheit der Sache berichten. Hingegen seye höchst nothwendig und unwie- dersprechlich, dasz diese 3 Leute vor allen Dingen aus Marpurg weg- geschaffet würden, 1) weil sie dort ihre Studia absolviret und daselbst nur vergeblich zehren, 2) weil sie daselbst schon die Gelegenheit haben, in den angefangenen Ausschweifungen fortzufahren und immer mehr Schulden zu machen, dahingegen ihnen 3) durch die in Freyberg schon zum Voraus gemachten Anstalten diese Licentz benommen, und alles so angeordnet seye, dasz sie das ihnen obliegende Studium an- fangen und ihre Zeit nützlich und ohne grosze Kosten zubringen müs- zen, da dann auf solche Weise Zeit und Gelt erspart, im Gegentheil aber beydes unnützer Weise verschwendet werde.

Wo man nun sich an Ihro K. M. Cabinet wenden solle, so cessire das erstere und das letztere werde nothwendig erfolgen, weil alsdann die Academie erst den Befehl des Kayserl. Cabinets abwarten, indes- sen alles in statu quo zu nicht geringem Prejudice Ihro K. M. hohen Interesse lassen müszte.

Wannhero denn nöthig und nützlich seye, bey der unterm 21. Mai h. a. verfaszten Resolution zu verbleiben, um so mehr, als ge- mäß derselben die Anstalten schon gemacht und die Verfügungen nach Marpurg und Freyberg ergangen wären.

Der H^r Rath Schumacher stimmte diesem in allen Dingen bey, und wurde also ex majoribus resolvirt:

Dasz es bey der unterm 21. May h. a. verfaszten Resolution verblei- ben, der Brief an den Hrn. Berg-Physicus Henckel expedirt, und vorerst 400 R. an ihme auf Rechnung der zur Subsistence der Studiosen und andern nöthigen Ausgaben an erwähnten Hrn. Henckel übermacht, im übrigen die pertinente Nachricht von dem H. R.-R. Wolff erwar-

tet werden solle, wieviel erwehnte Studiosi in Marpurg annoch schuldig verblieben, da alsdann nach Befinden der Umstände an Ihro K. M. Cabinet allenfalls die Unterlegung geschehen soll.

Der 400 R. wegen soll an H. Petri in Dreszden geschrieben und er ersucht werden, solche an den H. Henckel in Freyberg oder dessen Ordre zu zahlen und die Ersetzung derselben von denen HH. Franz et Josua Ouderkerck in Amsterdam zu gewärtigen, als auf welche er trassiren könne. Und ist solches erwehnten Ouderkerck zugleich zu notificiren.

**№ 54. Изъ письма проф. Вольфа къ бар. Корфу,
отъ 13 (2) мая 1739.**

Euer Excellenz werden aus meinem Vorhergehenden ersehen haben, was es für Unordnung wegen der an mich überschickten Wechsel giebet. Und weil ich die schedulam der Franckfurter Kaufleute neulich vergessen in den Brief zu legen, so habe es noch thun wollen. Was aber die Herren van Ouderkirk aus Amsterdam geschrieben, wird ihr eigenhändiges Schreiben am mich, so hiermit übersende, mit mehrerem zeigen. Dem zufolge habe die Englischen Wechsel an sie mit der ersten Post überschickt und erwarte theils von ihnen wegen richtigen Empfangs eine Antwort, theils von Euer Excell. den Wechsel an mich und meine Ordre dem Hⁿ van Ouderkirk zur Last, damit ich ihn an Kauffleute in Franckfurt verhandeln kan.

Ich kan nicht sagen, wie mich die Schuld-Sachen der Ruzsischen Studiosorum kräncken, da sie nicht allein noch weit mehrere Schulden, wie schon neulich gemeldet, specificiren; sondern auch von Seiten des Winogradoffs noch nach diesem wieder mehrere sich finden, der alles Singen und Sagen ungeachtet in den Tag hinein lebet, und von dem vor das künftige wohl nicht die geringste Hoffnung zu haben, wie der H^r D. Henckel gar bald wird berichten können, indem ich ihn hinreichend instruiren wil, worauf er acht zu geben hat, wenn sie erst dorthin abreisen. Sie sind dabey gegen ihre Creditores sehr importun und zeigen ihnen gleich den bloßen Degen, ja nöthigen sie zum credit, und am allermeisten ist beständige Klage wieder den Winogradoff. Ich weisz nicht, wie es anzugreifen, dasz sie ordentlich haushalten lernen, und dem Winogradoff Lust was zu thun gemacht werde. Im Versprechen ist alles gut. Sie haben auch ihre Schulden vor mir beständig verborgen und geleugnet, bis es endlich hat ausbrechen müssen. In Erwartung fernerer Befehle verharre. . .

№ 55. Письмо бар. Корфа къ проф. Вольфу, отъ 5 Юня 1739.

Wohlgebohrner Herr Regierungs-Rath

Hochgeehrtester Herr.

Ew. W. beliebtes vom 4. Apr. und 3 h habe wohl erhalten, und daraus sowohl die Difficultäten, die sich wegen des übersandten Wechsel-Briefs ereignen, als auch die nun sich hervorthuende grössere Schulden-Last der 3 Studiosorum des mehreren ersehen.

Woferne nun erwehnter Wechsel-Brief zur Einziehung des Gelts noch zur Zeit nicht hinlänglich gnug gewesen seyn sollte, so folget auf solchen Fall noch ein anderer hiebey zu Lasten der Hrn. van Ouderkerch in Amsterdam, zahlbar an die Ordre von Ew. W.

Es belieben demnach Ew. W. den zuerst übersandten Wechsel-Brief, woferne es noch nicht geschehen, nur sogleich an die Hrn. v. Ouderkerch zu schicken, des hiebey folgenden aber sich weiters zur Einziehung des Gelts zu bedienen.

Dasz erwehnte Studiosi über die schon angegebenen excessive Schulden noch mehrere haben, gleichwohl aber dieses ihres unverantwortlichen Excesses wegen wenig Reue bezeigen, und endlich der Studiosus Winogradoff ins besondere ganz keine Hoffnung zu einer gehörigen Aufführung, erforderlichen Fleisz und Erlernung der benöthigten Wissenschaften von sich übrig läszet, das vernimmt die Academie mit so viel gröszern Widerwillen, als diese Leute den von Ihro Kayserl. Mayst. allermildest angewiesenen Fond nicht nur exhauriret, sondern auch, welches das schlimmste ist, so viel Gelt ganz und gar, dem Ansehen und Ew. W. Bericht nach, umsonst durchgebracht. Weil aber derselben längerer Aufenthalt daselbst, wo sie sich die Wege und Gelegenheiten zu ihren Ausschweifungen schon gar zu sehr bekannt gemacht, täglich gefährlicher und der Academie kostbarer seyn wird, hiernächst aber selbst aus Ew. W. eingangs erwehnten Schreiben das Quantum aller ihrer Schulden noch nicht abzunehmen, folglich die Anstalten zu einer fernern Remesse noch nicht gemacht werden können: Als ersuche Ew. W. von wegen der Academie der Wissenschaften dienstgefissenst, die sich noch hervorthuenden Schulden gedachter 3 Studiosen nach geschehener genauen Nachfrage und Untersuchung, ob solche contrahirt sind und würcklich noch existiren, insoweit die darzu übermachte Summa nicht hinreichend seyn mögte, auf sich zu nehmen, damit solche durch längern Aufenthalt der Stu-

diosen nicht unnöthiger und unnützer Weise vergrößert werden, ihnen selbst aber beygehende Ordre zu publiciren, und sie ohne Verzug zur Reise nach Freyberg zu obligiren und einem jeden derselben in procinctu der Abreise, und nicht eher, 20 R. zu Reise-und Zehrungskosten bisz Freyberg, von der schon übermachten Summa auszuzahlen, von deren Abreise aber und wann solche geschehen, mir sowohl als dem Hⁿ Berg-Physicus Henckel in Freyberg beliebige Nachricht zu ertheilen, zugleich auch die Consignation aller vorhandenen Schulden, und wie viel noch Geld zu remittiren nöthig seyn mögte, an mich zu übersenden, da dann die Academie der Wissenschaften nicht ermangeln wird, Ew. W. das Residuum durch gute Wechszel-Briefe sofort zu übermachen. Ich beklage von Herzen, dasz Ew. W. durch die unartige Aufführung dieser Leute mit so vieler Mühe beschweret werden, die Academie wird es aber jederzeit mit besondern Danck erkennen, und ich meinestheils jederzeit mich befeiszigten zu sein

Ew. ....

K.

St. Petersburg. d. 5. Jun. 1739.

P. S. Bey der Expedition dieses Briefes erhalte Ew. W. beliebtes vom 13. h. nebst der Einlage. Da aber in dem vorhergehenden Ew. W. Desideratis schon abgeholfen ist, so habe darauf vorjezo weiters nichts anders zu erwiedern, als dasz Ew. W. sich die Mühe geben wolten, die Studiosos nicht allein mit einem besonderen Schreiben an den Herrn Henckel zu versehen, sondern denenselben auch den Tag und die Stunde expresse zu benennen, wann sie abreysen sollen, indem solche Ordre haben darauff zu attendiren.

№ 56. Ордерь академической Канцелярн марбургскииъ студентаиъ,
отъ 5 юнѣ 1739.

O r d r e

An die Studiosos in Marpurg — Rayser — Winogradoff und
Lomanosoff.

Oben genannten Studiosis wird hiemit befohlen, sich Angesichts dieser Ordre sogleich reisefertig zu machen und mit der allerersten Gelegenheit, sobald der Herr Regierungs-Raht Wolff den Tag zur ab-

reyse Ihnen bestimmen wird, von Marburg nach Freyberg in Sachsen abzureisen, sich unterweges nirgendwo aufzuhalten, und, wann Sie in Freyberg angekommen sind, sich bey dem Hrn. Berg-Physicus Henckel daselbst anzugeben, welcher Ihnen weitere Eröffnung von der Kayzserl. Academie der Wissenschaften Willen und Befehl thun wird.

Gegeben in der K. A. d. W. zu S. Petersburg d. 5. Juni 1739.

№ 57. Свидѣтельство, выданное Ломоносову марб. проф. Дуйзингомъ, отъ 18 (7) июля 1739.

Quod Nobilissimus atque Ornatissimus Juvenis Michael Lomonossow, Philosophiae Cultor, Sacrae Caesareae Majestatis Russicae Alumnus Egregius, Collegio Chymico Anno СЮЮССХХХХVII. a me habito indefessa diligentia interfuerit, exindeque haud exiguum fructuum coeperit, persuasus, ejusque voto satisfacturus, hisce attestari volui. Marburgi Cattorum die XVIII. Iulii СЮЮССХХХХIX.

(L. S.)

Justinus Gerhardus Duising
Dr et Med. P. P. ordin.
p. t. Facultatis Medicae Decanus.

№ 58. Свидѣтельство, выданное Ломоносову проф. Вольфомъ, въ Марбургѣ 20(9) июля 1739.

Vir juvenis praestantis ingenii Michaël Lomonossow, ex quo studiorum gratia Marburgum accessit, frequenter Lectionibus meis mathematicis et philosophicis, physicis praesertim interfuit ac solidiori doctrina mirifice delectatus. Quodsi igitur eadem industria pergat, nullus dubito fore, ut aliquando in patriam redux utilem Reip. operam praestet: id quod maxime in votis habeo. Dabam Marburgi Cattorum d. 20. Iul. anno 1739.

(L. S.)

Christianus Wolfius
Acad. Marburg.
p. t. Pro-Rector.

№ 59. Письмо проф. Вельфа къ бар. Корфу объ отъздѣ студентовъ изъ Марбурга, отъ 1 авг. (21) июля 1739.

Nachdem den letzten Wechsel erhalten, habe denselben sogleich in Franckfurt an Kaufleute, die nach Holland handeln, verhandelt, und davon den Werth der 250 Rubeln vor mich abgezogen, wovor meinen unterthänigen Danck gehorsamst abstatte. Ich habe demnach nach Abzug des porto das Geld von Franckfurt herüber zu bekommen, für die Herren Ruszischen Studiosos zu Bezahlung ihrer Schulden erhalten 1477 Rthl. 28 Cr. nach Rheinischer Wehrung. Die Schulden haben sich befunden des

H ^m Winogradoffs . . .	899 Rthl.	7 Cr.	2 hl.
Lomanossoffs . . .	613 »	10 »	3 »
Reisers	414 »	31 »	2 »

Summa 1936 » 49 » 3 »

Diese Schulden habe bezahlt nach Rheinischer Wehrung, ob gleich sonst hier der Leipziger-Fusz eingeführet ist, indem dadurch an einem Thaler 1¼ Cr. profitiret worden. Wo es möglich gewesen, habe einen Abzug gemacht in Gegenwart derer Herren Ruszischen Studiosornm, damit sie selbst gesehen, was sich abdingen laszen, was gezahlet und qvittiret worden, und also die gantze Summe bezahlt mit 1795 Rthl. 22 Cr., dasz also abgezogen worden 141 Rthl. 27 Cr. 3 hl. auszer denen 30 Rthl., die nach dem Leipziger-Fusz, oder der Heszischen Wehrung mehr die bezahlte Summe getragen hätte. Weil es sich aber mit der Reise wegen der Unordnungen, die mit dem ersten Wechsel vorgegangen, verweilet, auch weil der Tisch allemabl erst von dem kommenden Wechsel bezahlet werden müszen, indem sie das mitgebrachte Geld verthan, ohne jemanden zu bezahlen, und daher beynahe ein gantzes Jahr Tischgeld von den letzten 300 Rubeln haben müszen abgerechnet werden, über dieses auch einem jeden noch einige Thaler wegen des Trinckgeldes im Hause und an dem Tische für das Gesinde und anderen Kleinigkeiten haben müszen gegeben werden, so habe laut ihrer an mich ausgestellten Qvittung noch zugesetzt 37 Rthl. Heszischer Wehrung, welches nach Rheinischer 63 Cr. Pagio trägt. Einem jeden habe auf die Reise gegeben 4 Louis d'or, weil das andere Geld im Sächsischen nicht gielt, à 5 Rthl. Sächsischer oder Heszischer Wehrung gerechnet, wie ich sie aus Sachsen erhalten, ob gleich hier und in Franckfurt sie etwas mehr gelten. Und in eben dieser Wehrung habe 6 Rthl. für die Extra-Post bis Alsfeld gezahlet, weil sie sonst von hier über Caszel mit mehreren Kosten 10 Meilen

hätten umreisen müssen, auch leicht ohne Noth sich in Caszel dörfften aufgehalten haben, wo verschiedenes merckwürdiges zu sehen: welche 66 Rthl. nach Rheinischer Wehrung 67 Rthl. betragen. Weil aber die 6 Rthl. für die Extra-Post ohne das l'agio schon mit unter der Summa der 1795 Rthl. begriffen, bleibet für die Reise-Kosten noch 61 Rthl. Habe demnach an Rheinischer Wehrung insgesamt ausgezahlet:

An Schulden für alle drey inclusive die Extra- Post	1795 Rthl. 22 Cr.
Für ihre Sustentation über den Wechsel à 300 Rubeln	37 » 63 »
Reise-Kosten.	61 » — »
Summa	1893 » 85 »
Hierzu habe bekommen durch deu letzten Wechsel.	1477 » 28 »
Also vorgeschoszen.	416 » 57 »

welches nach dem letzten Werthe der Wechseln angesetzt eines Rubels etwas über 327¼ R. macht in Rheinischer Wehrung. Sie sind den 20. Julii des Morgens nach 5 Uhr von hier abgereiset, und bey meinem Hause aufgeseszen, da denn die Reise-Kosten einem jeden gegeben worden, wie er in den Wagen gestiegen. Ich habe wegen des Hⁿ Winogradoffs noch viele Mühe gehabt, um Weitläuffigkeiten mit verschiedenen Studiosis zu verhütten, wodurch sie hätten können aufgehalten werden, und H^r Lomanossoff machte auch noch einen Streich, der nicht viel nutzte, und Aufenthalt hätte verursachen können, wenn ich, da ich jetzt das Pro-Rectorat habe, nicht solches verhüttet hätte. Nun musz nur noch dieses erinnern, dasz sie ihre Zeit hier nicht gantz vergeblich zugebracht. Denn ob zwar Winogradoff auszer der Deutschen Sprache nicht viel wird profitiret haben, und am meisten zu schaffen gemacht, dasz er nicht in Unglück und Academische Straffen verfallen; so kann ich doch nicht anders sagen, als dasz insonderheit Lomanossoff auch in studiis profitiret, weil ich mit ihm zu reden mehr Gelegenheit gehabt als mit Hⁿ Reiser, und seine Art zu raisoniren mir mehr bekannt worden. Die Ursache der Schulden leget sich erst nach ihrer Abreise an den Tag. Denn sie sind der Wollust zu sehr ergeben gewesen, und haben sieh an Weibs-Personen gehalten. Weil sie hier gewesen, hat sich jedermann gefürchtet etwas zu sagen, weil sie durch ihre Drohungen die Leute in Furcht gehalten. Ich bin durch ihre Abreise vieler Sorgen befreyet. Da sie aber der H^r Berg Rath bey sich im Hause hat, und sie auf keiner Universität leben; so wird er eher ihr Thun und Laszen

erfahren können. Wie sie das viele Geld auszahlen gesehen, und doch angehöret, was ihnen für Difficultäten gemacht worden, wenn man wegen eines Abzuges accordiret; so sind sie erst in sich gegangen, und haben nicht allein bei mir depreciret, dasz sie mir so viele Mühe gemacht, sondern auch versichert, dasz sie sich nun gantz anders aufführen wollten, ich auch sie gantz anders finden sollte, wenn sie erst jetzt nach Marburg kämen. Ich habe sie ermahnet, dasz Sie darauf bedacht seyn sollten, wie Sie bey Ihre Excellenz und der Kays. Academie der Wissenschaften die Scharte wieder auszuwetzen bedacht seyn sollten, wegen meiner wäre es nicht nöthig sich die geringste Sorge zu machen, ob gleich insonderheit Lomanossoff für Thränen und Wehmuth kein Wort aufbringen konnte. Die Rechnungen mit den Belegen habe auf der Post nicht überschicken wollen; sondern weil ohne dem den andern Theil von der Philosophia practica Universali für die Academie und den andern Theil von der Theologia naturali edit. Veron. für Euer Excellenz parat liegen habe und nur auf Gelegenheit warte diese Bücher zu überschicken, können als denn diese Briefschafften mit beygeleget werden. Mir sol nichts erfreulicheres seyn, als wenn ich vernehme, dasz Sie mein Verfahren in Bezahlung der Schulden billigen. Sollte aber wieder Vermuthen etwas dabey versehen seyn, so bitte solches hochgeneigt zu pardoniren. Verharre. . . .

**№ 60. Письмо студента Райзера къ бар. Корфу, изъ Фрейберга
отъ 27 (16) июля 1739.**

Hochwohlgebohrner Herr Baron

Gnädiger Herr Cammerherr

Auf gnädigsten Befehl der Kayserlichen Academie der Wissenschaften sind wir, nachdem unsere Schulden sind bezahlet worden, den 20. dieses von Marburg abgereiset, und durch Hirschfeld, Eisenach, Gotha, Naumburg, Weizenfeld und Leipzig ungesäumt hier in Freyberg den 25ten Morgens frühe angekommen. Wir haben uns sogleich bey dem Herrn Berg-Rath Henckel gemeldet, der schon Quartiere für uns eventualiter bestellet hatte. Denn, da Derselbe keine Antwort auf sein letztes Schreiben erhalten, so hat Er gemuht-

maszet, es würde bey der vormahligen Resolution der Kayserlichen Academie nunmehr verbleiben. Indeszen aber, da der Herr Berg-Rath keinen Wechsel bekommen, bey uns aber von den 20 Thalern Reise-Geld wenig können übrig bleiben; so will der Herr Berg-Raht bey dem Koch, wo wir unsre Speise auf die Stube werden hohlen laszen, und sonst, wo es die Nothwendigkeit erfordert, credit verschaffen. Ew. Excellence werden also gütigst erlauben, dasz ich Dieselbe in Unterthänigkeit ersuche, bey solchen Umständen uns nicht zu verlaszen. Ich werde mich unterdeszen aufs eiffrigste bemühen, dasjenige zu ersetzen, was in Marburg in meinen Lehrjahren zu viel gethan. Im übrigen verlasze mich auf Ew. Excellence hohe Gnade und verbleibe in tiefster Ehrfurcht und veneration Ew. Excellence

Meines gnädigen Herrn Cammer-Herrn

unterthänigster Diener

Freyberg d. 27 July st. n. 1739.

G. U. Raiser.

№ 61. Письмо бар. Корфа къ Генкелю, отъ 7 юля 1739.

HochEdelgebohrner

Hochgeehrtester Herr Berg-Physicus.

Ew. H. beliebtes vom 26. April ist allhier wohl eingegangen und darauf mittlerweile bey der hiesigen Kayserl. A. d. W. die Anstalt gemacht worden, dasz die 3 Russischen Studiosi aus Marpurg nach Freyberg abreisen, welche sich denn nun schon eingefunden und bey Ew. H. abgegeben haben werden.

Die K. A. d. W. ist ungemeyn wohl zufrieden, dasz Ew. H. diese Leute in Dero sorgfältige Aufsicht und information in dem studio metallurgico gegen die offerirte 1000 Rbl. über sich zu nehmen sich entschlossen haben, und wird die Helffte sothaner Summa auf erhaltene Nachricht von deren Ankunfft und Anfang der Information an Ew. H. sogleich übermacht werden, wiewohl es Denenselben auch freysethet, nach Gutbefinden von dorten aus darauf zu assigniren, wann Dieselbe wegen des hiesigen niedrigen Wechsels-Cours sich es gerathen finden sollten, welchenfalls die K. A. d. W. Dero Assignationes oder Wechsel-Briefe prompt honoriren wird.

Und da auch Ew. H. darinnen mit der Academie einig sind, dasz die Information 2 Jahre währen und eines oder des andern untüchtigen Studiosi Stelle mit einem bessern Subjecto, welches auf erfordernden Fall von hier gleich abgefertigt werden kan, ersetzt werden könne, so hat es denn in allen seine Richtigkeit. Es kommt demnach vorjezo hauptsächlich auf die Lebens-Art und Instruction, wornach sich erwähnte Studiosi verhalten sollen, noch an.

Zum voraus musz ich Ew. H. vermelden, dasz diese 3 Personen, dem letzt eingekommenen Bericht des H. Regierungs-Raths Wolff gemäsz, im Fleisz und Studien einander sehr ungleich sind, in der Verschwendung aber einer dem andern es gleichsam zuvorthut, maszen sie in Marburg über ihr jährliches Pensum ein ansehnliches unnützer Weise verthan, und grosze Schulden gemacht, dardurch aber den von Ihro K. M. zu dergl. Ausgaben allergnädigst angewiesenen fond dergestalt erschöpft haben, dasz man nun auf eine genaue Menage bedacht seyn musz, um das angefangene auszuführen und die zu dem Studio metallurgico nunmehr erforderlichen Ausgaben bestreiten zu können.

Aus diesen Ursachen hat sich die Academie der W. genöthigt gesehen, die Pension der 3 Studiosorum von nun an zu verringern und jedem derselben statt der vorhero zugestandenen jährlichen 300 Rbl. nur die Helffte, einfolglich 150 Rbl. zu ihrer Subsistence zu bestehen.

Diese Nachricht dienet nun zu Einrichtung der Hauszhaltung und Lebens-Art der 3 Studiosen. Denn so müszte

1. ein jeder derselben seine à parte Kammer haben, damit der Fleiszige von dem Faulen um so minder verleitet werden kan.
2. Kan keinem ein besonderer Bedienter bestanden werden, sondern die benöthigte wenige Aufwartung müszte von der Magd im Hausze gegen ein mäsziges Trinck-Gelt geschehen.
3. Das Essen, die Mittags-Mahlzeit zu 4 gr. gerechnet, wäre gut und hinlänglich genug vor diese Leute, weilen sie darvon satt werden können, und ihnen durchaus kein Ueberflusz zu bestehen ist. Die Abend-Mahlzeit kann um die Helffte geringer seyn, und in einer Suppe nebst Butter, Käsz Brod und einer Kanne Bier bestehen.
4. Mit Kleidern müszen sie sich behelffen und diejenige, welche sie haben, in den bevorstehenden 2 Jahren brauchen.

Wann nun jeglicher Person vor Essen und Trincken des Mittags 5 gr. und des Abends 2 gr. und also täglich 7 gr. und überhaupts des Monats 9 Thlr., folglich des Jahrs 108 Thlr., vor eine Kammer

20 Thlr., vor Holz, Licht und Aufwartung 16 Thlr., vor Wäsche 6 Thlr., vor kleine Montour als Schuhe, Strümpfe etc. 8 Thlr., zu Schreib-Materialien, Handgelt und andern Kleinigkeiten als Puder, Seife etc., monatl. 1 Thlr. und also des Jahrs 12 Thlr. gerechnet wird, so beträgt sich die ganze Summa des Jahrs auf 170 Thlr. und sind von den 150 Rbl. noch 30 Thlr. übrig, worvon die nothwendigen Bücher, Modelle von Maschinen etc., wie auch Pferde-Miethlohn, angeschaffet und bezahlet werden können. Wo aber an obigen festgesetzten Ausgaben etwas erspart werden kan, so mag solches zu anderweiten Kleidungen angewendet werden.

Ew. H. ersuche ich demnach von wegen der K. A. d. W. auf das inständigste, darauf zu sehen, dasz diesem allen also nachgelebet werde, dannenhero alles obgenannte und was vor die Studiosos ausgegeben werden soll, an diejenige, denen es gehöret, selbst zu bezahlen, den Studiosis aber ganz und gar kein Gelt, auszer den einen zu Hand-Gelt und Kleinigkeiten oberwehnten Maszen monatlich bestandenen Thaler in die Hände zu geben, im übrigen aber aller Orten in der Stadt bekannt zu machen, dasz ihnen von Niemand etwas creditiret werden mag, angesehen im entstehenden Fall die Academie der W. niemals darvon das geringste bezahlen wird.

Zu Bestreitung der oberwehnter maszen erforderlichen Ausgaben, wie auch wenn an dem Honorario vor Erlernung der Probir - Kunst, Marckscheiderey etc. etwas vorausbezahlet werden müszte, und zu Erkauffung der Marckscheider-Instrumente, welche den Studiosis etwa noch fehlen mögten, werden Ew. H. durch die Anstalten des Kaufmanns Herrn Petri in Drezden vorerst 400 R. zu empfangen haben.

Die Academie der W. recommandiret übrigens Ew. H. Obsicht und klugen Sorgfalt diese jungen Leute auf das allerangelentlichste, und verlasset sich gänzlich und mit der sichern Hoffnung darauf, dasz Ew. H. sie in ihrem Studio sowohl als moribus dergestalt führen werden, dasz sie dermaleinst in ihrem Beruff tüchtig, in ihrem Wandel rechtschaffen und zum Dienst Ihro Kayszerlichen Mayestät von ganz Ruszland fähig erfunden, mithin so grosze Kosten nicht unnütze verwendet werdeu, noch die Academie der W. darüber in Verantwortung kommen könne. Um diesen Zweck so leichter zu erreichen, ist eine Ordre an die 3 Studiosos ausgefertigt, welche Ew. H. hiebey zu empfangen und denenselben zu publiciren belieben werden. Der ich übrigens mit Hochachtung verharre Ew. . .

St. Petersburg den 7. July 1739.

№ 62. Письмо Генкеля къ бар. Корфу, отъ 10 авг. (30 июля) 1739.

Hochwohlgebohrener Herr

Höchstzuehrender Herr Cammerherr.

Ew. Excellenz habe die grosze Ehre, auf Deroselben, unter dem 7 Jul. an mich abgelaszenes und vorgestern eingegangenes gnädiges Schreiben, in schuldigster Antwort zu melden, dasz die Ruzsischen Herrn Studiosi, Reyser, Lomanosoff und Winogradoff vor etlichen Tagen hier angelanget sind und ich auch allbereit die operationes und lectiones metallurgicas mit denenselben angefangen habe. Ob nun wohl diejenige Instruction, welche eine hochlöbliche Academie derer Wissenschaften mit beygesendet haben will, dabey sich nicht gefunden, so habe ich doch indeszen den Inhalt hochgedachten Briefes ohne einige Zurückhaltung denenselben ganz frey eröffnet und nachdrückliche Vorstellung gethan, damit sie dem allergnädigsten Befehl Ihro Russisch-Keyserlichen Majestät und der gemessensten Verordnung ihrer hohen Hrn. Vorgesetzten in allen vollkommen und gehorsamst sich submittiren, ohne mich nichts vornehmen und mich hierbey nicht allein alsz ihren Lehrer, sondern auch alsz einen wahrhaftigen guten Freund ansehen möchten. Hier kan nun Ew. Excellenz ohne alle Schmeicheley versichern, dasz dieselben sothane Eröffnung und Vermahnung mit allen schuldigen Respect angenommen und hierunter nicht ohne Erröthung bekennet, welcher gestalt sie die Marpurgische Wirthschafft allerdings nicht wohlüberlegt geführet und sichs zur besonderen Gnade rechnen, dasz Ew. Excellenz ihnen Dero unverdiente Vorsorge auch durch die mir über dieselben aufgetragene Aufsicht angedeyen zu laszen, sich so gnädig erkläret haben. Ich meines Orts zweiffele auch an ihrer hierunter bezeigten Aufrichtigkeit eben so wenig, alsz ich die zu diesem Studio behörige capacität, wie auch Lust und application, nebst confidence und egard gegen mich, von ihnen allbereit verspühre, dergestalt, dasz ich der guten Hoffnung lebe, durch Gottes Beystand dasjenige an ihnen auszurichten, was Ihro Ruzsisch-Keyserliche Majestät und Ew. Excellenz von mir erfodern, und ich nicht nur nach meiner eingegangenen Verbindung, sondern auch nach den Pflichten der humanität schuldig bin. Nachdem aber Ew. Excellenz mir dadurch so etwas wichtiges anzuvertrauen sich haben entschlieszen können, so hoffe ich bey Denenselben Erlaubnüz und Credit zu finden, wenn ich mir die Freyheit nehme, meine Gedancken zu eröffnen, dasz ich bey dem vor

diese meine lieben Herrn Commilitones bisz zur Helffte eingeschränkten jährlichen Gehalt, vor die Erreichung des erwünschten Zwecks etwas besorget bin. Denn nicht zu gedencken, dasz ich dieselben neuer Kleyder allhier höchst benöthiget sehe, wozu auch allbereit, nach mit des Herrn Hoff-Cammer Rath Junckers HochEdelgeböhren gepflogener Communication, mit Erkauffung Tuches nebst Zubehör, Anstalt getroffen ist; auch zu geschweigen, dasz eins und das andere, z. e. ein Gruben Habit, auch zu deszen Gebrauch im laboratorio, welcher in die 5 Rthl. leicht zu stehen kommt, ein zinnernes Tischservice zu ein paar Thal., neue Wäsche und anderes, welches sich nicht sogleich benähmen lässt und ein ziemliches austragen wird, so ist der Umgang mit Berg- u. Hüttenbedienten, wie auch Schüttmeistern, alsz ein nicht geringes Hülffsmittel, in Berg- u. schmelzwesen desto mehr zu profitiren, dann und wann zu Erzstoffen zu gelangen, auch Steiger u. Bergleuthe sich gefällig zu machen, gewisz mit anzusehen, wobey sich denn die jungen Leuthe, jenen eine Ehre mit einem Glasz Wein oder einer Schale Caffée bey sich zu erweisen und diesen ein Trinckgeld zu geben, sich nicht allemahl werden entbrechen können. Wenn nun hohen Orts nach der zum abgesehenen Zweck erheischenden Nothdurfft zu denen allbereit gnädig geordneten 150 Rubel an noch 50 Rubel jährlich ihnen zuzulegen beliebt werden sollte, Ew. Excellenz aber gleichwohl, wiewohl ich bey meiner mir vorgesezten vigilanz kein Besorgnüz habe, ein Miszbrauch der vermehrten Gnade befahren möchten, so dürffte doch wohl dieses, demselben vorzubeugen, ein Mittel seyn, wenn ich ihnen von dergleichen Zulage gar nichts offenbahrete, sondern sie dabey liesze, dasz ihnen und mir ein mehreres nicht alsz 150 Rubel jährlich in Rechnung passiret werden sollten, da ich aber unter der Hand, alsz Vorschusz-weise und gleichsam auf mein risico, die andern 50 Rubel zu ihrem soulagement nach und nach dennoch reichen würde. Was das denenselben zu ihrer eigenen disposition in die Hände baar zu gebende betrifft, so sollte unmaszgeblich wohl davor halten, dasz anstatt monatlich ihnen wöchentlich 1 Rthl. zu reichen wäre, angesehen auf die zufälligen Ausgaben an Puder, Seiffe etc. und an obengezeigter maaszen erforderlichen Ehrenbezeugungen und Trinckgeldern alle Heller und Pfennige sich nicht anschreiben lassen, noch also überal Belege-Zeddel darüber zu schaffen sind, und wenn auch dieses wäre und seyn müszte, ihnen doch unmöglich nachgerechnet werden kan, über dieses ich das Vertrauen zu ihnen geschöpft habe, dasz sie sich über bagatellen, welches sie doch gleichwohl zu besorgen hätten, nicht attrapiren lassen werden; da ich hingegen alles dasjenige, was auf zeddel bezahlet

werden kan, nachdem es Empfängere unterschrieben und agnosciret haben, selbst zu bezahlen nicht ermangeln werde. Weil auch auf wohlüberlegte Anregung und Erinnerung des H. Hof-Cammer Rath Junckers fast unentbehrlich seyn will, dasz unsere jungen Herrn Studiosi sich in Zeichnen üben und die Gruben-Gebäude, Schmelz-Oefen, Werckzeuge, machinen und Stufen in Risz und Vorbildung zu bringen capable werden, solches aber mein Werck nicht ist, alsz haben wir beyde einen sehr geschickten Mann, den hiesigen Edelstein Inspectoren Hern. Kern dahin vermogt, dasz er sie hierinnen alle dreye um 100 Rthl. jährlich in Information zu nehmen entschlossen, alsz für welchen Zuschusz, wir zu genauerer wohlgemeynter Erfüllung Ew. Excellenz habenden patriotischen Intention, hiermit unterthänigst anzuhalten, verhoffen auch um so viel eher Ew. Excellenz gnädige approbation zu erlangen, da bey dieser Gelegenheit unsere angehenden Bergleuthe von gedachten Herrn Kern auch in anderen Stücken unseres Wesens gar ein vieles profitiren können, und ihnen dadurch alle Zeit und Anlasz auf etwas anderes zu dencken benommen wird. Zulezt soll ich auf Ew. Excellenz gnädige Erlaubnüz mich noch zu erklären die Ehre haben, dasz ich den Werth eines Rubels bey dem mit mir getroffenen accord sowohl, alsz nach meinem ersten Vorschlag, wenigstens auf den Fusz eines Specie Thalers oder 32 guter Groschen genommen und anbey nochmals versichere, dasz ich bey einer so wichtigen und mühsahmen Sache, durch getreue fleiszig Unterweisung auch anderweitige Besorgung der Wohlfarth dieser lieben Jugend, nicht allein Gelegenheit genug habe, mich um das dermaszen accordirte honorarium wohlverdient zu machen, sondern auch es meines Orts nach meinem besten Wiszen und Vermögen allenthalben in acht zu nehmen nicht unterlaszen werde. Ich ersuche demnach Ew. Excellenz ganz gehorsamst, die Gnade vor mich (zu) haben, und die für mich zum Anfange zurück gelegten, 500 Rubel, alsz die Helffte des allergnädigst accordirten honorarii, an den Herrn Legations-Secretaire Pezold auszahlen zu laszen, welcher denn auf meine mit heutiger Post an ihn gethane Bitte solche in Empfang zu nehmen und mir solche bey guten Wechsel Cours zu übermachen die Güte haben wird. Ich versehe mich hierbey Ew. Excellenz gnädigen propension und verharre mit allen respect Ew. Excellenz

Meines höchstzuehrenden Herrn Cammerherrns

gehorsamster Diener

Freyberg, den 10 Aug. 1739.

Johann Eriedrich Henckel.

Die Assignation auf 520 Rthlr. ist richtig eingegangen.

№ 63. Письмо бывшего академика Юнкера къ бар. Корфу, изъ
Фрейберга, отъ 11 авг. (31 июля) 1739.

Hochwohlgebohrner Herr,

Insonders Hochzuehrender Herr Cammer-Herr und Chef
der Academie der Wissenschaften,

Gnädiger Herr!

Indem dasz ich allhier zu Freyberg die letzte Hand an die mir allergnädigst aufgetragene Comission lege und mit Ausarbeitung meiner allerunterthänigsten Relation beschäftigt bin, so habe das unschätzbare Vergnügen Gelegenheit zu bekommen, um Ew. Excell. so grosz- als edelgesinnete Intentionen meines geringen Antheils einigermassen befördern zu können. Es sind nemlich auf hohe Ordre Ew. Excellenz vor kurzem die 3 zum Berg-Wesen destinierte Studiosi von Marpurg hier angelanget; weswegen meiner Pflicht zu seyn erachtet, nicht nur selbige ihrer Studien und Conduite halber möglichst auszukundigen, als auch ihres künftigen Verhaltens und Versorgens wegen mit dem H. Berg-Rath Henckel in Deliberation zu treten. Hierauf habe die Ehre, Ew. Excell. in tiefster Unterthänigkeit und mit aufrichtigster Feder zu berichten, wie dasz gedachte Studiosi, ihrer Kleidung nach, zwar nicht zum ordentlichsten erschienen, gleichwohl aber, so wohl von dem Herrn Berg-Rath, als mir, befunden worden, dasz sie in denen ihnen angewiesenen Wissenschaften einen trefflichen Grund geleet, der uns von ihrem zu Marpurg angewendetem Fleisze ein überreichendes Zeugnis gegeben; wie ich denn nicht weniger bey denen ersten Lectionen im Laboratorio, welchen ich aus obengeführter Ursache mit beygewohnt, auch ausserdem ihre löbliche Curiosität und Begierde auf den Grund der Sachen zu kommen, nicht unangemerckt lassen können. Wir schmeigeln uns daher um so zuversichtlicher mit der Hoffnung, dasz unsere unterthänigste Vorbitte in Ew. Excell. mildestes Gemüthe Eingang finden, selbiges die auf gedachte Studiosos, wegen jugendlich geführter Hauszhaltung gerechtest geworfene Ungenade schwinden lassen und Ew. Excell. der von uns wohlmeynend getroffenen Verfügung die gnädige Approbation nicht entziehen werden.

Darff ich mich erkühnen, Ew. Excell. bey dieser Gelegenheit noch einen unvorschreiblichen Gedancken zu unterlegen, so finde unmaaszgeblich für rathsam und Ew. Excell. hohen Verabzielung sehr beytretend, dasz ausser der Acquisition der generalen Begriffe vom dem

Berg-Wesen, sich jeder von denen Studiosis auf ein Haupt-Departement desselben besonders lege und einer die Kenntniz der Ertzte und anderer Mineralien, der andere den Gruben-Bau und das Maschinen-Wesen, und der dritte das Hütten- und Schmelz-Werk vor andern treibe. So viel ich nun aus dem Umgange und Discours vorgängig urtheilen können, möchte zu dem ersten Reisser, bey dem andern Lomonossoff und bey dem dritten Winogradoff am besten einschlagen. Zu Erreichung dieser Absicht und damit sie sonst hinter die wahren Beschaffenheiten und Vortheile in ihrem Vorhaben kommen mögen, mache ich ihnen hier alle profitabele Adresse, die ihnen anderen Falles etwan entstehen könnte; wozu ich ausser dem Absehen auf das gemeine Beste, durch nichts anders angereget werde, als den Eifer der mich unausgesetzt erinnert, bey allem Anlass zu bezeigen, mit welcher devotesten Veneration ich sey

Hochwohlgeborner Herr

Insonders Hochzuehrender Herr Cammer-Herr und Chef
der Academie der Wissenschaften,

Gnädiger Herr!

Ew. Excell.

unterthänigst-gehorsamster Diener

Freyberg, den 11. Augusti St. n.
1739.

Gottlob Friedrich Wilhelm Juncker.

№ 64. Письмо президента Академіи къ Генкслю, отъ 13 июля 1739.

HochEdelgeborner

Hochgehrtester Herr Berg-Physicus.

In der Hoffnung, dasz Ew. H. mein unterm 7ten h. an Dieselbe abgelassenes Schreiben nebst der Einlage wohl erhalten haben werden, übersende hierbey die an die 3 Studiosos bey der Academie der Wissenschaften ausgefertigte Ordre, deren in demselben Erwehnung geschehen, und in Erwartung baldiger beliebiger Antwort verharre unausgesetzt

Ew. HochEdelgebohren

den 13. Juli 1739.

...

**№ 65. Приказъ академической Канцелярии Фрейбергскимъ студентамъ,
отъ 13 июля 1739.****O r d r e**

an die 3 Studiosos, Raiser, Lomanossoff und Winogradoff.

Demnach rubricirte Studiosi in Marpurg denen eingegangenen Nachrichten zufolge Zeithero in vielen Stücken eine unordentliche Lebens-Art geführt, insonderheit sehr verschwenderisch gelebt und grosse Schulden gemacht haben, wesfalls Ihnen die wohlverdiente Strafe vorbehalten worden: Als ist immittelst zu Vorbeugung fernerer Unordnungen und Ausschweifungen bey der Academie der Wissenschaften resolvirt, dasz jeglichem gedachter 3 Studiosorum in Freyberg jährlich nicht mehr, als 150 Rubel statt der vorhero genossenen Pension bestanden, sothanes Geld auch Ihnen keineswegs in die Hände gegeben, sondern an den Herrn Berg-Physicus Henckel remittiret und von demselben zu gedachter Studiosorum Subsistence nach der Art und Weise, wie solche von der Academie der Wissenschaften vorgeschrieben, und erwehntem H. Berg-Physico communicirt worden, jederzeit disponiret, Ihnen aber den Studiosis selbst, jeglichem zu Hand-Gelt und kleinen Ausgaben, als zu Schreib-Materialien, Puder, Seife etc., mehr nicht als 1 Rthlr. des Monats gereicht werden soll. Es wird dannenhero denen Studiosis Raiser, Lomanossoff und Winogradoff hiemit alles Ernstes befohlen, den H. Berg-Physicus Henckel, als ihren Vorgesetzten, geziemenden Respect zu erweisen, seinen Anordnungen, betreffend ihre Studia, Lebens-Art und Aufführung fleissig nachzukommen, mit demjenigen Tisch und Logis, so Er Ihnen anweisen wird, zufrieden zu seyn und überhaupts alles das, was Er wegen ihrer Subsistence in Freyberg reguliren wird, gehorsamlich anzunehmen, im übrigen keine Schulden zu machen, noch andere Excesse zu begehen, sondern sich vielmehr einer anständigen Aufführung zu befeiszigigen, ihren Studiis gehörig obzuliegen und also die in Marpurg begangene Excesse zu redressiren.

Und haben sich erwähnte Studiosi hiernach zu richten und vor unausbleiblicher Strafe, so wie solche Ihro Kayszerl. Majest. Ukasen dictiren, sorgfältig zu hüten.

Gegeben in der K. A. d. W. zu St. Petersburg.

Den 13. July 1739.

№ 66. Письмо Генкеля къ бар. Корфу, отъ 24 (13) дек. 1739.

Hochwohlgebohrner Herr

Hochgeehrtester Herr Cammerherr.

Ew. Excellenz soll hierdurch gehorsamst ersuchen, es nun bald dahin gnädig zu verordnen, damit ich zu der Helffte des, wegen derer allhier in meiner Institution sich befindenden Hrn. Ruszen, gleich beym access zu zahlen ausgebetenen, auch also accordirten honorarii des ehesten zu gelangen das Glück haben möge, wie auch um das vor dieselben selbst jährlich ausgesetzte Geld fernerweit avanciren zu laszen, und da die hierzu allbereit eingegangenen 520 Reichsthaler, zu dererselben Bedürfnüsz, inclusive der Helffte des dem Probiierer und Marckscheider accordirten und gewöhnlichen, mit Schlusz des Monats Januarii a. seq. a ufgehen, ja ich alszdann 76 Reichsth. annoch vorgeschoszen haben werde, alsz welches die Jahres Rechnung seiner Zeit besagen soll, so wollen Ew. Excellenz die disposition zu treffen gnädig geruhen, damit ich zu gedachter Studiosorum fernerweiten Bedürfnüsz, bald wieder etwas auf eine Zeit lang in Händen habe, inmaszen mich im Stande vorzuschieszen nicht befinde, auch mit baaren Gelde beszer gewirthschaftet werden kan, wobey endlich auf mein unvorgreifliches Vorstellen, dasz diese meine lieben H. Commilitones mit 200 Rthl. jährlich allhier nicht auskommen können oder man es an einem und dem andern zu ihrem eigenen Nachtheil würde fehlen laszen müssen, gnädige Resolution zu ertheilen mir gehorsamst auszubitten nicht Umgang nehmen kan, ob es bey besagten 200 Rthl. jährlich sein Bewenden haben, oder ihnen eine Zulage angedeyen soll. Im übrigen kan ich sagen, dasz das mit denenselben angestellte studium metallurgicum wohl von statten gehet, wobey zwar Anfangs Mons. Vinogradoff ungeziemender Gesellschaft nachzugehen sich gelüsten laszen wollen, aber sich doch auf mein glimpfliches und ernstliches Vorstellen geändert hat, ob ich schon, sonder alle Maszgebung, bey seiner Jugend es dennoch vor rathsam hielte, dasz er von der hochlöblichen Ruzsisch-Keyserlichen Academie durch eine besondere Verordnung annoch admoniret würde, verharre mit allem schuldigen respect

Ew. Hochwohlgebohren

Meines höchstgeehrtesten Herrn Cammerherrens

gehorsamster Diener

Freyberg, den 24. Dec. 1739.

Johann Friedrich Henckel

№ 67. Письмо Ломоносова къ Генкелю, въ Фрейбергѣ,
(отъ янв.?) 1740 г.

Viro nobilissimo atque doctissimo Henkelio
Rei metallicaе consiliario,

Michaël Lomonosoff

S. D.

Aetas, Nomen atque merita Tua persvadent, ut ea, quae objur-
gantibus verbis, ac me militum ordini annumeratum iri minantibus,
expressus dolor protulerit, non malitiosae mentis, sed laesae innocen-
tiae argumentum fuisse indicem. Non enim tam inutilem, ut praeter
terenda venena nil praestare possem, Vir supra mortalium sortem
positus, illustris Wolfius me judicavit. Neque ii, quorum patrocinio
serenissimae Nostrae Dominae IMPERATRICI commendatus sum,
improvidi atque imprudentes sunt. Novi profecto, quid Augustissimae
Authocratrissae nomine mandatum est. Mihi praescripta, quam severis-
simè, Te ipso teste, observo. At illa, quae praesente excellentissimo
Comite caeterisque commilitonibus pronunciasti, patienter ferre jussus
non sum. Caeterum, quoniam me ex officina Tua chymica exire de-
bere obliquis verbis significasti; diebus duobus abfui. Verum mandato
MONARCHAE Clementissimae obtemperans laboribus adesse teneor.
Quam ob rem cognitum habere vellem, an in aeternum societatem et
amorem abnuisti, atque alta menta reposta sedet levi de causa exorta
ira. Quod me attinet; omnia oblivioni tradere non recuso, atque natu-
rali meo genio obtempero. Haec sunt, quae sentio, Tibique animi mei
sensa aperio; atque benevolentiae pristinae memor, haec aut infecta
aut nunquam memoranda esse cupio. Confido enim, quod discipulos
Tuos amicos potius quam inimicos futuros esse velis. Quod si igitur
Haec Tibi in votis sunt, peto, ut me certiore facias.

Dabam hodie.

№ 68. Приказъ академической Канцелярии Фрейбургскихъ студентовъ,
отъ (14 марта) 1740 года.

O r d r e

an die Studenten, Raiser, Winogradoff und Lomonossoff.

Es hat die Kayszerl. Academie der Wissenschaften nicht ohne groszen Unwillen vernommen, welchergestalt bey der aus Marpurg geschehenen Abreise rubricirter Studenten sich nicht allein noch mehrere Schulden hervorgethan, als dieselbe vorherho angegeben hatten, sondern auch dasz sothane Schulden-Last aus einer üppigen Conduite und schändlichen Conversation hauptsächlich entsprungen und also eine so ansehnliche Summa Gelts der Kayszerl. Cassa entwendet worden. Ob nun wohl erwehte Studiosi wegen dieses Vergehens und anderer vielen Excesse mehr, empfindlich zu bestrafen wären, so hat sich doch die Kayszerl. Academie der Wissenschaften durch derselben bezeugte Reue und die Vorstellung des Herrn Berg-Physici Henckels endlich bewegen lassen, mit der wohlverdienten Strafe vor diesmal noch einzuhalten, dahingegen aber den lezten Versuch zu thun, ob rubricirte Studiosi nach nunmehr erfolgter Erkenntnüz ihres Vergehens bey dem bezeugten Vorsatz zu einer vernünftigeren, tugendhaftern und bessern Lebens-Art beharren, solche wirklich ausüben und also die Menge ihrer begangenen so groben Fehler redressiren werden.

In solcher Zuversicht hat die Kayszerl. Academie der Wissenschaften beschlossen das einem jeden genannter 3 Studiosen bestandene Gehalt der 150 Rbl. nunmehr an den H. Berg-Physicum Henckel übermachen zu lassen, welcher damit nach denen Ihme schon vorherho an Hand gegebenen Reguln und Ihnen, Studiosis, bereits bekannt gemachten Ordres verfahren wird.

Wie nun rubricirte Studiosi von selbst vernünftiger Weise bedcken werden, dasz die zu ihren Studien auf Universitäten gewidmete Jahre fast vorflossen, Sie aber in denselben dasjenige nicht erlernet noch profitiret, was Sie der Kayszerl. allerhöchsten Intention gemäsz bisz dato hätten erlernen sollen und können, dahingegen gleichwohl eine so ansehnliche Summa Gelts verthan haben, woraus denn der Schlusz von selbst fället, dasz Sie die noch übrige wenige Zeit aufs beste anwenden und während derselben eifrigst arbeiten müssen, um das versäumte einzubringen, und der lezten Gelegenheit, die Sie nun haben, sich vortheilhaft zu bedienen: Also werden Sie hiemit nicht

allein obrigkeitlich, sondern auch väterlich erinnert und vermahnet, allen unnützen Zeit-Vertreib an die Seite zu sezen, den Müsziggang zu meiden, sich vor liederlichen Gesellschaften zu hüten, hingegen den Weg der Tugend standhaft zu wandeln, ihrem Beruf getreulich obzuliegen, insonderheit das nun angefangene Studium metallurgicum mit höchsten Fleisz zu treiben, ihren Umgang mit ehrlichen und geschickten Leuten einzurichten, denen wohlgemeinten Vermahnungen ihres Vorgezezten, des H. Berg-Physici Henckels, ein gehorsames Gehör zu geben, und überhaupts so zu wandeln, zu leben und zu lernen, wie es die Pflicht eines vernünftigen Menschen, ihre besondere Schuldigkeit und die allerhöchste Ihnen gnugsam bekannte Intention Ihro Kayszerl. Majest. haben will und erheischt. Werden Sie diesem nachkommen, so wird die Kayszerl. Academie der Wissenschaften des vorigen sich nicht nur nicht mehr erinnern, sondern auch Ihnen fernere Vorsorge und alles gute angedeyhen zu lassen geneigt seyn. Woferne Sie aber sich aufs neue vergehen und diesem allen in einem oder dem anderen Stück zuwieder handeln werden, so sollen Sie als Uebertretter und Verächter der Kayszerl. Befehle angesehen, und ohne Verschonen nach den Gesezen Ihro Kayszerl. Majest. auf das schärfste gestraft werden. Dieses ist der Kayszerl. Academie der Wissenschaften allendlicher, ernstlicher Wille und Befehl, wornach Sie sich zu richten, und vor Schaden und Unglück zu hüten haben.

Gegeben in der K. A. d. W. (d. 14. Mart.) 1740.

№ 69. Изъ письма проф. Вольфа къ членамъ Академіи Наукъ, изъ Марбурга, отъ 15 (4) іюня 1740.

Viri Amplissimi atque Celeberrimi.

Accepi ante aliquot menses duas literas cambiales a Perillustri D. N. de Korff, quarum prioribus extingui debebat debitum Studiosorum Russorum anno praeterito hinc abeuntium, posterioribus vero mihi offerebatur pensio pro anno praeterito. Cum consueto more illas Judaeo Francofurtensi praesentari curassem, eas acceptare nolebat, ut adeo vi Juris cambialis protestatio per Notarium interponenda esset, ne valor illarum destitueretur, et expectandum, quid termino solutionis sit facturus. Hic cum comparuisset, nullas amplius difficultates movit, sed summam utramque solvit. Hoc igitur vobis significare debui...

N. 78. Henckel Henckel an Henckel Henckel. am 20 (9) Jun 1746.

Excellenz Henckel Henckel

Hochachtungsvoller Herr Präsident.

Ex. Excellenz habe Henckel De Grade eine Relation, Mons. Lomomosoffs altes geführten Conduite wegen. einzureichen, der ich mit aller Consideration verliere

Ex. Excellenz

Meines höchstgeehrtesten Herrn Präsidentens

gehorsamster Diener

Freyberg. den 20. Jun. 1746.

Johann Friedrich Henckel.

Relation

an die hochlöbliche Russisch-Keysersliche Academie zu Petersburg
von Mons. Michael Lomomosoffs in Freyberg bezeigten Conduite.

Ich habe denselben anfänglich fast distinguiert, zwar bald gemercket, dasz er die besten mores nicht besitze und den Trunck liebe, auch ihn deszwegen mehr alsz einmahl vergeblich vermahnet, aber doch, da er ein gutes ingenium und profectus in dem studio metallurgico bewies, seine Beszerung gehoffet: Er hat aber die Verstellungskunst nach und nach mercklich selbst bloeszgegeben, und an Tag geleyet, dasz er sich weder governiren kan, noch governiren laszen will. Ja endlich hat derselbe auch den respect gegen seine hohen Vorgesetzten an meiner von Denenselben autorisirten Person gänzlich bey Seite zu setzen sich nicht entblödet, ja sich an mir und denen Meinigen gröblich zu vergehen keinen Scheu getragen; welches denn gleich wenige Tage darauf, alsz ich an des Herrn Praesidenten von Korff Excellenz das letzte mahl zu schreiben mir die Ehre genommen, den völligen Ausbruch gewonnen, sonsten ich solches an die hochlöbliche Academie gleich zu berichten, in keine Wege unterlaszen haben würde. Ich hiesz unter andern denselben zu einer gewissen und solchen Feuer Arbeit, so ich

selbst, gleichwie allezeit mit angriff, deszen auch sonst niemand sich weigerte, zugleich mit Hand anlegen, er refusirte mir aber dieses nicht allein zum ersten und andern mahl mit den ausdrücklichen Worten: das will ich nicht, sondern auch, da ich, um ihn, weil er die Arbeit zu subterfugiren und den Herrn zu spielen, mir allbereit scheinen wollen, auf die Probe der Partition zu setzen, der rechten Gelegenheit zu seyn ersahe, um so viel desto mehr darauf bestund und ihm vorstellte, dasz er auf diese Art nichts rechts lernen würde, noch hier was nütze wäre, und ein Soldate Pulver riechen müsse, so ging er, ohne dasz ich ihm weiter ein Wort sagte, mit Ungestüm und ungewöhnlichen Geberden davon, nach Hause und auf seine Stube, welche von meinem museo nur mit einer einfachen Ziegelwand unterschieden ist, dasz man bey starcken Reden, rüber und nüber die Worte leicht vernehmen konte. Da hat er nun denen meinigen zum Angehör entsezlich getobet, mit der grösten Heftigkeit an diese Scheidewand angeschlagen, zum Fenster hinaus geschrien, geschimpfet, ja so gar Hunng fuit auf die gröbste deutsche Art auf die Gasze mit vollem Halse ausgestoszen, da doch ein Obristlieutenant ihm gegen über lag, auch ein Officier gleich vorüber gegangen. Hierauf ist er in der Stadt, und zwar nicht gleich besoffen, von einem Ort zum andern gegangen, endlich voll geworden, hat wieder mich allerhand unanständige Reden evomiret, und, um sich schöne zu machen, meine guten Freunde und den Wirth selbst, alsz wenn ich übels von ihnen geredet, gefährlicher Weise wieder mich aufzuhetzen gesucht, sich gegen die meinigen beym vorübergehen nicht wenig impertinent erwiesen, und was das allerärgste war, so schrie er Abends um 10 Uhr, alsz er nach Hause kahn, mit vollem Halse, dasz ich s. v. . . , anderes unerhörten Bezeigens nicht zu gedencken. Den Tag hierauf kahn er nicht wieder ins laboratorium und schickte mir am Abend diesen hier beygelegten Brieff, worinnen zwar einige Art einer deprecation enthalten seyn soll, aber mehr Trotz und Unbescheidenheit hervorstickt, unter allerhand falschen imputationen und erzwungenen Beschönigungen, dasz ich ihm eine Antwort darauf zu geben, noch ihm nachzugehen, meiner convenienz zu seyn nicht erachten konte. Den 4ten Tag endlich, nachdem seine H. Commilitones lange genug an ihm gearbeitet hatten, und er mitlerweile noch allerhand insolentien verübet, kahn er auf meine Stube, bezeigte dem Ansehen nach über sein ungewöhnliches Vergehen eine Reue, ich unterliesz auch nicht, nachdem ich ihm den Kopf nach Verdienst wohl gewaschen hatte, mit ihm so gütig zu handeln, alsz wenn disz alles nicht geschehen wäre. Allein es hat weder Ernst noch Güte an ihm etwas verfangen

№ 70. Письмо Генкеля въ Академію Наукъ, отъ 20 (9) июня 1740.

Hochwohlgebohrner Herr

Höchstgeehrteter Herr President.

Ew. Excellenz habe hierdurch die Gnade eine Relation, Mons. Lomonosoffs allhier geführten Conduite wegen, einzureichen, der ich mit aller Consideration verharre

Ew. Excellenz

Meines höchstgeehrtesten Herrn Presidentens

gehorsamster Diener

Freyberg, den 20. Jun. 1740.

Johann Friedrich Henckel.

Relation

an die hochlöbliche Ruzsisch-Keyserliche Academie zu Petersburg
von Mons. Michael Lomonosoffs in Freyberg bezeugten Conduite.

Ich habe denselben anfänglich fast distinguiret, zwar bald gemercket, dasz er die besten mores nicht besitze und den Trunck liebe, auch ihn deszwegen mehr alsz einmahl vergeblich vermahnet, aber doch, da er ein gutes ingenium und profectus in dem studio metallurgico bewiesz, seine Beszerung gehoffet: Er hat aber die Verstellungskunst nach und nach mercklich selbst blaszgegeben, und an Tag geleet, dasz er sich weder governiren kan, noch governiren laszen will. Ja endlich hat dereslbe auch den respect gegen seine hohen Vorgesetzten an meiner von Denenselben autorisirten Person gänzlich bey Seite zu setzen sich nicht entblödet, ja sich an mir und denen Meinigen gröblich zu vergehen keinen Scheu getragen; welches denn gleich wenige Tage darauf, alsz ich an des Herrn Praesidenten von Korff Excellenz das letzte mahl zu schreiben mir die Ehre genommen, den völligen Ausbruch gewonnen, sonsten ich solches an die hochlöbliche Academie gleich zu berichten, in keine Wege unterlaszen haben würde. Ich hiesz unter andern denselben zu einer gewissen und solchen Feuer Arbeit, so ich

selbst, gleichwie allezeit mit angriff, deszen auch sonst niemand sich weigerte, zugleich mit Hand anlegen, er refusirte mir aber dieses nicht allein zum ersten und andern mahl mit den ausdrücklichen Worten: das will ich nicht, sondern auch, da ich, um ihn, weil er die Arbeit zu subterfugiren und den Herrn zu spielen, mir allbereit scheinen wollen, auf die Probe der Partition zu setzen, der rechten Gelegenheit zu seyn ersahe, um so viel desto mehr darauf bestund und ihm vorstellete, dasz er auf diese Art nichts rechts lernen würde, noch hier was nütze wäre, und ein Soldate Pulver riechen müsse, so ging er, ohne dasz ich ihm weiter ein Wort sagte, mit Ungestüm und ungewöhnlichen Geberden davon, nach Hause und auf seine Stube, welche von meinem museo nur mit einer einfachen Ziegelwand unterschieden ist, dasz man bey starcken Reden, rüber und nüber die Worte leicht vernehmen konte. Da hat er nun denen meinigen zum Angehör entsezlich getobet, mit der grösten Heftigkeit an diese Scheidewand angeschlagen, zum Fenster hinaus geschrien, geschimpfet, ja so gar Hunng fuit auf die gröbste deutsche Art auf die Gasze mit vollem Halse ausgestoszen, da doch ein Obristlieutenant ihm gegen über lag, auch ein Officier gleich vorüber gegangen. Hierauf ist er in der Stadt, und zwar nicht gleich besoffen, von einem Ort zum andern gegangen, endlich voll geworden, hat wieder mich allerhand unanständige Reden evomiret, und, um sich schöne zu machen, meine guten Freunde und den Wirth selbst, alsz wenn ich übels von ihnen geredet, gefährlicher Weise wieder mich aufzuhetzen gesucht, sich gegen die meinigen bey dem vorübergehen nicht wenig impertinent erwiesen, und was das allerärgste war, so schrie er Abends um 10 Uhr, alsz er nach Hause kahn, mit vollem Halse, dasz ich s. v. . . , anderes unerhörten Bezeigens nicht zu gedenccken. Den Tag hierauf kahn er nicht wieder ins laboratorium und schickte mir am Abend diesen hier beygelegten Brieff, worinnen zwar einige Art einer deprecation enthalten seyn soll, aber mehr Trotz und Unbescheidenheit hervorsticht, unter allerhand falschen imputationen und erzwungenen Beschönigungen, dasz ich ihm eine Antwort darauf zu geben, noch ihm nachzugehen, meiner convenienz zu seyn nicht erachten konte. Den 4ten Tag endlich, nachdem seine H. Commilitones lange genug an ihm gearbeitet hatten, und er mitlerweile noch allerhand insolentien verübet, kahn er auf meine Stube, bezeigte dem Ansehen nach über sein ungewöhnliches Vergehen eine Reue, ich unterliesz auch nicht, nachdem ich ihm den Kopf nach Verdienst wohl gewaschen hatte, mit ihm so gütig zu handeln, alsz wenn disz alles nicht geschehen wäre. Allein es hat weder Ernst noch Güte an ihm etwas verfangen

wollen, und sich je mehr und mehr veroffenbahret, dasz eine wahre resipiscenz nicht zu hoffen, nehmliches mit ihm in keine Wege an einer Schwachheit, sondern an einer vorsetzlichen Boszheit liegen müsse. Dennoch wollte ich denselben ad sanioerem mentem zu bringen noch nicht gar verzweifeln und stund darum mit diesem Bericht annoch an, welchen ich an eine hochlöbliche Academie hiervon zu erstatten mir vorgenommen: Aber vor 6 Wochen ohngefähr verging er sich abermahls dergestalt an mir, und zwar ganz nüchterner Weise, dasz ich die Feder zu ergreifen, länger mich nicht entbrechen konte. Er wollte nemlich Geld haben und ich hatte die höchste Ursache, solches ihm zu versagen; da fuhr er ganz trotzig gegen mich heraus: Ja so sollte ich das Geld gar behalten, lief erbittert mit frechen Hutaufsetzen und vergallten ausspucken von mir und liesz mich wieder seine Gewonheit ohne Abschied nehmen, alleine nach Hause gehen. Wenige Tage hierauf, alsz sie alle dreye über ein Anfahren sich mit mir beredeten und ich dieselben zur Erspahrung des Geldes anmahnete, vornehmlich aber den H. Lomonosoff bedeutete, dasz ich ihm das von der hochlöblichen Academie zu Speisz und Tranck täglich ohngefähr nachgelasene nicht mehr passiren laszen könnte, sondern weil er allbereit hier zu viel verthan, ich daher etwas inne behalten müszte, — so sagte er mir kecklich ins Gesichte, dasz ichs ihm zu geben schuldig wäre, wo anders, er nach Petersburg schreiben und sich über mich beschwehren würde, wobey er nur etwas betruncken zu seyn mir vorkahm. Bey dieser abermahligen Efronterie und in Erinnerung meiner allezeit gegen ihm gebrauchten Bescheidenheit, ja erwiesenen besonderen Höflichkeit, auch habenden mthsahamen Sorgfalt, anbey in Dargegenhaltung so vieler ganz und gar unverschuldet von diesem Menschen erlittenen Impertinentien, vornehmlich derer in der Stadt wieder mich nachtheilig ausgestoszenen Reden, alsz wenn ich mich durch das Ruszische Geld nur zu bereichern suchte, kan ich nun nicht läugnen, dasz ich meine Gedult so schändlich miszbrauchen zu laszen, im Stande länger mich nicht befand, sondern denselben beym Arme ergriff und (freylich nicht mit liebeichen Complimenten, sondern in heftiger alteration) von mir und zur Stube hinaus stiesz, worüber ich bisz dato ein mehreres Leid nicht empfinde, alsz dasz mir dadurch an meiner Gesundheit und Gemüths-Ruhe nicht wenig Schaden zugefüget worden. Hierauf habe ich ihn weiter nicht gesehen, aber so viel gewisz gehöret, dasz er denselben Tag entsezlich besoffen auf denen Gaszen herumgetaumelt und sich gegen die Meinigen beym Vorübergehen sehr frech und unhöflich bezeiget. Endlich bin ich denn darhinter gekommen, wie er schon

hievor hier und dar ungebührlich sich verhalten, in seinem Quartir übel gehauset, Leuthe geschlagen, bey unfertigen Händeln in einem Weinhause sich finden laszen, mit hiesigen jungen Schulpurschen Bruderschaft gemacht, den Trunck vom Anfange zu viel geliebet, mit einer Weibsperson in Marburg verdächtigen Briefwechsel gepflogen, kurz, sich nicht wohl aufgeföhret. Nachdem ich nun deszen Wiederkunfft und ferneres Betragen noch abwarten wollte, immittelst darüber so viel Zeit verstrichen, so referirete mir endlich Mons. Raiser vor etlichen Tagen, welcher gestalt Mons. Lomonosoff von Leipzig an ihm geschrieben, dasz er allda ganz vergnügt lebe und man sein Quartir aufgeben sollte, welches denn auch geschehen. Und da man seine Stube geöffnet, auch seine Sachen durchsuchet, so hat sichs befunden, dasz er meine Probir Waage, nebst dem völligen Probir Gewichte, so ich ihm gelehnet gehabt, am Werth 10 Rthlr., mitgenommen. Hierzu soll ich noch hinzufügen, dasz der Cursus metallurgicus bisz auf ein und anderes Experiment und Lection vor seiner Abreise allbereit vollendet war, und die repetition, weil die Sommerszeit zum Gruben- und Hütten Wesen angewendet werden musz, bisz auf nächstkommenden Winter ausgesetzt worden.

Freyberg den 20. Jun. 1740.

Johann Friedrich Henckel.

I n s e r a t.

Vor Abgang dieses referiret mir annoch der letzte Wirth, ein Advocat, wo Mons. Lomonosoff logiret hat und kaum warm geworden war, dasz dieser auf vorerzehlte Begebenheit in der Wuth die Bücher, so ich ediret habe, obgleich ihm gehörig gewesen, in kleine Stückgen zerhackt und zerriszen, auf denen Straszen, mich zu überfallen und eins zu versetzen, mir hämischer Weise nachgegangen und sich dabey vermeszen, die Rache, es währe auch so lange es wolle, mir nachzutragen, ferner, dasz, alsz besagter Wirth schon eine Zeit, nemlich 2 bisz 3 Wochen vorher, diesem Menschen, über sein auf seiner Stube verübtes entsetzliches Wüten und Toben, darüber das Hausz erschüttert worden, zugeredet, dasz er ihn doch in seinem Eigenthum nicht verunruhigen, noch dasz selbe solcher gestalt, deszgl. mit Feuer und Licht, verwahrlosen möchte, er, Lomonosoff ihn bey der Kehle ergriffen, alsz wenn er ihn hätte erwürgen wollen.

Datum d. 22 Jun. a. c.

J. F. Henckel.

№ 71. Письмо академической Канцелярии къ русскому посланнику въ
Дрезденъ, отъ 31 июля 1740.

Hochwohlgebohrner Herr

Insonders Höchstgeehrter Herr Geheimter Rath und Ritter.

Es hat die Kayserl. Academie der Wissenschaften auf gethane Vorstellung des Hrn. Berg-Rath Henckels in Freyberg vor nöthig befunden, den Stud. Michael Lomonossoff, welcher auf hohen Befehl Ihro Kayserl. Mayst. vor 4 Jahren nebst 2-en anderen Stud. zu Erlernung der Metallurgie herausgeschicket worden, auch dieserhalb sowohl in Marpurg bey dem H. Regierungs-Rath Wolff die collegia frequentiret, als auch nachhero in Freyberg von gedachten H. Berg-Rath Henckel in praxi metallurgica profitiret, wiederum zurückzurufen, und ihn nach seiner capacitaet anderwärts zu employiren. Wenn nun derselbe sich jetzo noch in Leipzig befindet: Als haben wir Ew. Hochwohlgebohren hiemit in aller Ergebenheit ersuchen wollen, diesen Stud. Lomonossoff zu sich zu beordern, die hiebey gelegte Ordre ihm abgeben, und nachhero selbigen zu Wasser oder zu Lande, so wie es Ew. Hochwohlgebohren vor gut befinden werden, wiederum hieher respediren zu lassen. Alle hierauf zu verwendende Spesen wird die Academie der Wissenschaften nicht nur nicht ermangeln, auf die erste dieserhalb erhaltene Nachricht mit aller Erkenntlichkeit sogleich zu refundiren, sondern wir werden auch ins besondere davor mit vollkommenster Hochschätzung beharren

Ew. Hochwohlgebohrnen . . .

№ 72. Ордеръ Канцелярии Ломоносову, отъ июля 1740 г.

O r d r e

an den Studiosus Lomonosoff.

Nachdem die Kayserl. Academie der Wissenschaften vor gutt befunden, denselben zurückzurufen, und ihn allhier zu employiren: Als wird demselben hiemit befohlen, auf die erste Ordre des Hrn. Geheimden Rath und Envoyé v. Kayserling Hochwohlgebohren, sich auf den Weg zu machen, und seine Reyse dergestalt zu beschleunigen, dass er ohne einzigen Aufenthalt unterwegs, hier eintreffen möge.

Gegeben . . .

№ 73. Письмо Канцелярии къ Генкелю, 1740 года.

HochEdelgebohrner

Hochgeehrter Herr Berg Rath.

Es hat die Kayserl. Academie der Wissenschaften Ew. HochEdelg. Zuschrift, de dato Freyberg den 20. Juny 1740, richtig erhalten, und daraus die unanständige Aufführung des Stud. Lomonosoff mit besonderem Miszvergnügen ersehen. Wenn es nun fast das Ansehen gewinnen will, dasz man durch diesen Menschen den mit ihm intendirten Endzweck schwerlich draussen erreichen werde: So hat man darauff vor gutt befunden, denselben wieder zurückerufen und auf eine oder die andere Art nach seiner capacitaet alhier zu employiren, wie denn auch der Kayserl. Russische Minister an dem Sächszischen Hofe, der Hr. GehtRath v. Kayserlingk Hochwohlgebohren um deszen Abschickung schon schriftlich ersuchet worden. Ew. HochEdelg. werden sich hiervon nichts merken zu laszen belieben, damit der Mensch dadurch nicht etwan zu latitiren Gelegenheit bekomme.

Die beyde übrige Subjecta recommandiren wir zu Ew. HochEdelg. Vorsorge und getreuen Unterrichtung und leben dabey der Hoffnung, sie werden davon zu profitiren und also dadurch in den Stand zu kommen sich bemühen, damit Ihre Kayserl. Mayst. allernädigster Wille hievon ins Werck gerichtet werden könne. Wir beharren

Ew. HochEdelgebohrnen . . .

№ 74. Счетъ за чтение газетъ и журналовъ, уиаченный Генкелемъ, лѣтомъ 1740 г.

Herr Lomonosoff restiret

pro communicatione der Hall. Zeitungen von Johannis 1739	
bis Ostern 1740 auf 3 Quartale.	18 gr.
— der gel. Zeitungen auf 1/2 Jahr von Michaelis 1739	
bis Ostern	8 gr.
der Journeaux auf die Monate Jan. Febr. und Mart.	
1740.	6 gr.
	Summa 1 Rth. 8 gr.

Ist zu Dank richtig bezahlt.

M. Joh. Andr. Luther.

№ 75. Письмо Генкеля въ Академію Наукъ, отъ 23 (12) сент. 1740.

Hochwohlgebohrner Herr,

HochEdelgebohrner Herr,

Höchst- und Hochgehrtester Herrn.

Auf Ew. Excellenz und HochEdelgebohren abgelaßenes diene in schuldigster Antwort, dasz ich von Mons. Lomonosoffs Aufenthalt nichts weisz, noch davon etwas erachten kan, wofern er nicht etwan sein refugium zum H^m Hofrath Wolff genommen haben sollte, auch wollen deszen Herrn Landsleuthe davon nichts wiszen. Hierbey kan ohnmaszgeblich zu gedencken nicht Umgang nehmen, dasz derselbe, da er in der Chymia, in specie metallurgica, wie auch in der Probir Kunst insonderheit, ferner in der Geometria subterranea und in Erkenntnüz derer Erze, Erzgänge, auch Erden, Steine, Salze und Waszer die fundamenta und Praxin ziemlicher maassen erlanget, die Geschicklichkeit besitzt die Mechanique, worinnen er von Kennern vor starck gehalten wird, gründlich zu dociren, auf welchen Fusz derselbe auch, da ihm zumahl das Gruben befahren nie recht schmecken wollen, diese tour zu spielen scheinen will. Bey denen übrigen 2 subjectis lasze es an meinem Fleisz und Redlichkeit auch nicht fehlen, wiewohl zwar Mons. Winogradoff immer angetrieben seyn will, Mons. Rayser hingegen mir desto mehr Vergnügen macht. Ew. Excellence und HochEdelgebohren ersuche anbey gehorsamst ergebenst, mir die Gnade und Gunst zu erweisen und derer mir accordirten 1000 Rubel wegen es dahin zu richten, damit ich mit der ersten Helffte, so gleich bey derer Hrn. Commilitonum Access und nun bald vor 15 Monaten hätte erhalten sollen, welcher Verzug mir an interessen einen empfindlichen Verlust macht, nicht länger aufgehalten, und zur andern Helffte, welche in 5 bisz 6 Monaten auch gefällig wird, die fördersamste Veranstaltung getroffen werde; wie ingleichen, damit ich am Rubel allemahl 32 gr., auf welchem Fusz ich den accord entriret, empfangen möge. Ich versichere, dasz ich dieses wohl verdiene und sonsten unbemühet nicht seyn werde, bey aller gegebenen Gelegenheit zu zeigen, wie ich sowohl vor die Ruzsisch Keyserliche Academie allen geziemenden respect habe, alsz auch in der That und Warheit sey

Ew. Excellenz und HochEdelgebohren

Meiner höchst- und hochgehrtesten Herrn

gehorsamst-ergebenster Diener

Freyberg, den 23. Sept. 1740.

Johann Friedrich Henckel.

№ 76. Письмо Гемколя изъ Фрейборга, къ членамъ Академіи,
отъ 31 (20) окт. 1740.

Hochwohl- und Wohlgebohrne Herrn,

Höchst- und Hochgehrteste Herrn,

Ew. Excellenz und Wohlgebohren soll unberichtet nicht laszen, dasz Mons. Lomanosoff sich in Marburg befinde und Mons. Raiser von demselben vor 3 Tagen einen Brief bekommen habe. Er schreibt, wie er von einer Reise aus Holand wieder zurück gekommen sey und begehret durch diesen, dasz ich ihm 50 Rthl. von seinem Tractament schicken möchte, hierauf wolle er sich auf den Weg machen und hieher kommen, ohne aber seine hierunter führende intention eigentlich an Tag zu geben. Ich habe ihm aber zur Antwort wiszen laszen, dasz es in meiner Macht nicht stünde, ihm solches Geld zu zahlen, wofern er nicht von seinen hohen Herren Vorgesezten mir hierzu Vollmacht verschaffen würde. Dieses habe ich zugleich auch S^r des würcklichen Geheimden Raths Baron von Keyserling Excellenz notificiret. Es ist von denen vor ihm jährlich ausgesetzten 200 Rubeln etwas mehreres, nemlich auf $\frac{3}{4}$ Jahr ohngefähr, so er hier gewesen, 277 Rthl. 2 gr. 8 d., wie die Special-Rechnung künftigt besagen wird, aufgangen, allein er hatte erstlich alsz bald eine neue Kleydung höchst von nöthen, und 10 Rthl. vor meine mit sich genommene Probir Wage und Gewicht ist mit drunter begriffen, der groszen Theurung und mehreren Holz-Aufganges zu geschweigen. Um den sämtlichen Cassen Bestand übrigen zu zeigen, so nehme mir die Freyheit Ew. Excellenz und Wohlgebohren eine summarische Rechnung über alle Ausgaben hiermit gehorsamst einzureichen und zu bitten, da, besage derer zu seiner Zeit abzulegenden Special-Rechnungen und einzusendenden Belege, von denen empfangenen 1245 Rthl. 6 gr. nur annoch 95 Rthl. 22 gr. 1 d. in Casza habe, gleichwohl täglich Geld seyn will, alles sehr theuer ist und noch mehr wird, der Winter auch ein mehrers alsz der Sommer erfordert, und nur vor dem Marckscheider und H. Kern bey Endigung ihrer Lectionen, so mit diesem Jahre noch geschiehet, vor jeden 50 Rthlr. zu zahlen sind, die Veranstaltung gnädig und hochgeneigt zu treffen, damit so bald möglich wiederum ein Wechsel an etliche 100 Rthl. übermachtet werden mögen. Inzwischen kan ich versichern, dasz ich allenthalben alle mögliche Erspahrung zu treffen suche, wiewohl ich fast nicht zu ersehen vermag, ob das regulirte quantum bey der groszen Theurung und einigen dringenden

starcken Ausgaben, wie sie denn von der Wäsche sehr heruntergekommen sind, künftigt zureichen werde. Itzo befinden sie sich seit 3 Wochen bey denen Schmelzhütten und werden allda noch 14 Tage verbleiben müszen, hernach werde ich mit denenselben repetiren und so fort schuldigst zu melden mir die Freyheit nehmen, wie ihre Sachen ferner in behöriger Ordnung gehen müszen. Ich habe die Gnade und Ehre mit allem Respect und Consideration zu seyn

Ew. Excellenz und Wohlgebohren

gehorsamst ergebenster Diener

Freyberg d. 31 Oct. 1740.

Johann Friedrich Henckel.

№ 77. Общій счетъ расходовъ на содержание студентовъ, представленный Генколемъ, отъ 31 (20) окт. 1740 г.

Summarische Rechnung

Was von einer hochlöblichen Academie zu St. Petersbourg vor die Hrn. Ruszen baar empfangen, und davon vom 25 Jul. 1739 bisz itzo ausgegeben.

Empfangen

520 Rthl. bald im Anfange, durch Hrn. Petri.

725 Rthl. 6 gr. vergangenen Sommer durch Wechsel

1245 Rthl. 6 gr.

Ausgegeben

150 Rthl. dem Probirer, ganz.

50 Rthl. dem Marckscheider, alsz die Helffte.

50 Rthl. dem Vice Edelgestein Inspector, die Helffte.

17 gr. Postgeld von Dresen vor die erste Post.

1 Rthl. 20 gr. — vor die andere von Leipzig.

277 Rthl. 2 gr. 8 d. vor Mons. Lomonosoff.

320 Rthl. 7 gr. 7 d. vor M. Winogradoff.

299 Rthl. 8 gr. 8 d. vor M. Raiser.

1149 Rthl. 7 gr. 11 d.

Diese 1149 Rthlr. 7 gr. 11 d. Ausgabe von 1245 Rthlr. 6 gr. Ein-
nahme abgezogen, bleibt in

C a s s a

95 Rthlr. 22 gr. 1 d.

Salvo errore calculi.

Johann Friedrich Henckel.

Freyberg den 31 Oct. 1740.

№ 78. Письмо Ломоносова изъ Марбурга къ Шумахеру,
отъ 16 (5) ноябр. 1740.

Hoch-Edelgebohrner Herr

Hoch geneigter Herr Bibliothecarius!

Ich kan mir leicht vorstellen, was für ein Unwillen die Academie der Wieszenschafften wieder mich habe; dieweil ich ohne Dero Vor-
bewusst mich von Freyberg entfernet habe. Ich glaube fast dasz mein
Verfolger sich über mein ferneres Unglück erfreuen werde, indem Ew.
Hoch-Edelgebohrn von meiner den 21 May aus Leipzig abgeschickten
Klage (was ich neulig von Freyberg vernommen) nichts wieszen, und
man hat die Zeit gewonnen mich bey der Academie der Wieszen-
schafften mit Lügen verhaszt zu machen: allein wofern Derselben der
von dem Herrn Berg-Rath Henckel an mir ausgeübte Neid, Verfol-
gung und Verachtung und mir daraus erfolgtes Unglück und Noth
bewusst wäre, so würde Sie mich gewiesz viel mehr Erbarmens als
Straffes würdig achten wollen. Es ist zwar war, dasz mein Verbrechen,
so ich sonst hier begangen (welches doch mehr denen unbehilfflichen
und wiederwärtigen Umständen, einer verführerischen Compagnie, wie
auch dem des mir allergnädigst verwilligten Stipendii gar zu langem
Ausbleiben, als meinem unordentlichen Leben zuzuschreiben ist) zur
Bestrafung meiner gegenwärtigen Unschuld viel beytragen werde:
Aber ich bin des festen Vertrauens, dasz Ew. Hoch-Edelgebohrn als
ein Ihro Mayestet Unserer Allergnädigsten Kaise(r)in treuer Diener
und von Allerhöchst Deroselbe gesetzter Richter diesen meinen un-
terthänigsten Bericht und Klage geduldig durch zu lesen, und ohne
Ansehen der Person zu urtheilen geruhen werden. Ew. Hoch-Edelge-
bohrn ist wol bewust, dasz ich seit meiner Ankunfft nach Freyberg
Lust und Fleisz in Erlernung des Bergwesens und der Chymie, dem
Berg-Rath Henckel einen gehörigen respect und Gehorsam gewies-

zen und dabey ein anständiges Leben geführet, weszen nicht nur der Herr Hof-Cammerrath Junker, sondern Er selbst mein Zeige ist. Ich habe auf alle Art und Weise gesucht ihm zu gefallen: allein es hat nichts geholfen. sondern seine Bosheit, Geitz, Falsch und neidisch Gemüth legten sich bald an Tag. Denn, so bald wir von dem Herrn Hof-Cammerrath den Abschied genommen, so hat er, der Bergrath Henkel angefangen das von der Academie der Wieszenschafftens uns bestimmtes Geld auf zu halten. Wir musten erst zehen Mahl zu ihn kommen, ehe wir was von ihm erbetteln konten. Er predigte aber auch eine halbe Stunde allemahl darüber, mit einer verdrüszlichen Mine sagend: er hätte kein Geld; die Academie hätte schon lange versprochen seinen halben Lohn 500 Rubel ihm zu überschicken und sie hält doch ihr Wort nicht. Unterdeszen hat er in der gantzen Stadt sagen laszen, man sollte uns gantz und gar nichts borgen; selbst aber (wie ich erfahren habe) kaufte für das unsrige Geld Kuxen, und machte eigenen Profit. Bey so bestalten Sachen musten wir fast immer ohne Geld bleiben, und die Ge(sel)schafft, von der wir etwas in dem Bergwesen profitiren könnten, entbehren. Ferner was den Cursum Chymicum anbelangt, so hat er in den ersten vier Monath kaum die doctrinam de salibus absolviret, worzu man einen Monath genug hätte: die übrige Zeit aber hat zu allen den wichtigsten Materien, als Metallen, halb-Metallen, Erden, Steinen und Schwefel lang genug gewesen seyn müssen. Wobey aber die meiste experimenta seiner Ungeschicklichkeit wegen verdorben. Dergleichen fatalen Begebenheiten (die nebst seinen socis frigidis und lehrem Geschwätze dictiret) machen die Helfte von unserem diario aus. In zwischen verachtete er die gantze vernünftige philosophie; und da ich die phaenomena Chymica seinem Befehl nach auslegen solte, so hat er gleich (weil es nicht nach seinem peripathetischen Concept, sondern ex principiis Mechanicis et Hydrostaticis geschah) wieder still zu schweigen befohlen, und seiner gewöhnlichen Naseweisheit nach als eine Grillenfängerey zum Hon und Spott verkehret. In der Zeit aber habe ich erfahren, dasz ihm der H. Graf Rays 150, der H. von Knecht, und der M. Freyesleben ein jeder nur ein Hundert Reichsthaler für die Chymie bezahle, deszwegen habe ich bey jemand heimlich geklagt, dasz der Bergrath einen unbilligen Preis von uns nehme; wir aber derohalben müssen Noth leiden, und einige nützliche Sachen zu erlernung der Chymie und Metallurgie entbehren. Welches doch war nicht geheim gehalten, sondern ihm ertzehlet. Worzu er Sprach: die Zarin ist reich, kan noch so viel betzahlen. Nach dieser Zeit, bin ich gewar worden, dasz seine Bosheit keine Schrancken habe. Die erste

Gelegenheit mich zu schimpfen hatte er in laboratorio (in Gegenwart derer Herren Commilltonum). Er nöthigte mich den Mercurium sublimatum zu reiben. Da ich aber von wegen des garstigen und schädlichen Geruchs, so niemand vertragen konte, mich entschuldigte, so hat er mich nicht nur zum nichts nutzen genennet, sondern noch dazu gefragt, ob ich lieber ein Soldat werden wolte, ja endlich mit höhnischen Worten die Thür gewiesen. Diesen Compliment muszte ich nur mit Grämen und Ärgern verdauen und darzu den H. um Verzeigung bitten. Kurtz darauf hat er mich ohne aller Ursache aus meinem Logis in ein anderes vertrieben, welches weder wohlfeiler noch beszer war: ja die Ursache war diese: der Wirt war ein Doctor Medicinae, mit dem er wegen einiger praxium uneinig worden; und ich muszte dabey 2 Rth. für die Sache über zu tragen und eben so viel dem Wirth zu viel bezahlen, weil die Zeit noch nicht aus war, auf welche ich die Stube gemüthet habe. Mit diesem aber war er noch nicht zufrieden, sondern suchte mich noch beszer an zu packen, welches auch gefunden. Denn weil er alle Materialien die er für uns nöthig gehabt, hat er bey seinem Schwieger Vatter ausgenommen, welchem er reichlich alles betzahlet, so wolte er endlich das Geld sparen und uns des Monats mit 4 Rthl. abspeisen, welches gantz und gar unmöglich war, dasz wir damit uns sustentiren könten. Deszwegen ersuchte ich ihn im laboratorio um was mehreres; er antwortete aber: und wenn wir betteln gehen solten, so wolte er uns nichts mehr geben. Wir kamen demnach alle drey zusammen, und in Hoffnung ihn zu erbitten, gingen in sein Haus. Und da ich unsern Noth proponirte und ihn mit aller Demuth um das uns bestimmtes Geld ersuchte, so antwortete er nichts mehr als: kein Pfennig mehr; und darauf schimpfte er mich mit allen Schimpf- und Fluch Worten die er nur finden konte, und begleitete mich mit seinen Fausten zur Stube hinaus, und darbey drohete mir ich weisz nicht warum mit der Wache. Bey diesen Umständen wuste ich nicht was thun solte. In der gantzen Stadt war verbothen uns was zu lehnen, und ich befürchtete mich einer gröszeren Verfolgung und Unglück. Derohalben habe ich mich resolviret nach dem Herrn Baron von Kaiserling zu gehen, welcher damahls in Leipzig auf der Mesze war. Da ich aber den 19 May dahin kam, so habe ich zu meinem Verdrusz und Unglück zur Nachricht bekommen müszten, dasz er nach Caszel abgereiset der bevorstehender Vermählung des Printzen Friedrichs bey zu wohnen. Weil ich nun in Leipzig einige gute Freunde aus Marburg gefunden, die mich mit sich bisz nach Cassel nehmen wolten, so habe ich mich resolviret auf den Weg zu begeben. Denn in Freyberg war weder zu essen noch zu

lernen mehr zu bekommen: wo ich das probieren schon gelernet; die Chymie war aus; der Inspector Kern wolte nicht anfangen; weil der Henkel viel von dem ihm von der Academie der Wieszenschafften zu gestandenem Gelde abziehen wolte. Und bey dem Markscheider, der, welcher die Mathematic beszer als er verstehet, hat nichts mehr zu lernen, als die Mesz Sch(n)ur auszuziehen, welches man ohne 50 Thaler zu bezahlen, lernen kan. Indem ich aber dahin kam habe ich wieder zu meinem groszeren Mieszvergntügen erfahren mützen, dasz man dort von unserem Hern Abgesanden gar nichts wüszte. Ich wunderte mich sehr, weil ich doch in einigen Orten auf dem Wege von Seiner Reise gehöret. Bey diesen verzweifelten Umstand, weil nicht wuste wo der Herr wäre, habe ich für das rathsamste gefunden über Holland (wofern ich bey dem Herrn Graf Galofkin keine Zuflucht finde) nach Petersburg zu gehen. Ich begab mich erstlich nach Marburg, damit ich mich bey meinen alten Freunden auf die Reise versehen könnte. Dem Herrn Wolf beschwerlich zu fallen, habe ich mich nicht unterstanden, weil ich von ihm vernommen habe, dasz er nur vor einigen Wochen das übrige Geld von Petersburg bekommen, und ich konte wohl merken, dasz Er in diese affaire gar nicht sich mengen wolte. Ich ging demnach von hier nach Franckfurt, und von dort zu Waszer bisz Rotterdam und Hag. Der Herr Graff hat mir alle Hilfe abgeschlagen und sich in die Sache gar nicht meliren wolte. Dannenhero ging ich nach Amsterdam, wo ich einige bekante Kaufleute von Archangel gefunden, welche mir die Rückreise nach Petersburg ohne Befehl vor zu nehmen gantz und gar abgerathen; Sie stellten mir ein Hauffen Gefahr und Unglück vor, deszwegen habe ich mich wieder nach Deutschland zurück kehren mützen. Was ich aber auf den Weg für eine Gefahr und Noth habe ausstehen mützen, das grauet mich selbst zu erinnern; und weil es zu weitläufftig ist, will ichs der Kürtze wegen auslaszen. Nun aber halte ich mich in Marburg bey meinen Freunden in Cognito auf, und ube mich in der Algebra, in Absicht dieselbe auf die Chymie und Phisicam intimiorem zu appliciren. Ich tröszte mich noch damit, dasz ich die Gelegenheit gehabt in denen berühmten Städten zu seyn, und dabey mit einigen erfahrenen Chymicis zu sprechen, ihre laboratoria und die Bergwerke in Heszen und Siegen land in Augen Schein zu nehmen. Diese meine fataliteten weil ich etwas natürlich und weitläufftig berichte und mit solchen verdrüszlichen Sachen beschwerlich falle, ersuche Ew. Hoch-Edelgebohrn darinn mich zu entschuldigen, weil ich von meiner Noth darzu gezwungen bin. Ich lebe versichert, dasz Ew. Hoch-Edelgebohrn Dero natürlichen Güte nach werden mich unglückseeligen und verfolgten

nicht verwerfen und an mir einen Menschen, der schon im Stande ist Ibro Mayestet zu dienen und dem Vatterlande zu nutzen, verderben, sondern Dero Gewogenheit empfinden laszen. Es deucht mir zwar, Dieselben werden denken: es ist nun mit dem Henkel verdorben, und ich habe die gantze Hoffnung verlohren, was tüchtiges in der Chymie und Metallurgie zu lernen. Allein diesen Herrn, welchen nur diejenige, so ihn nicht recht kennen, für einen Abgott halten, und mit dem ich meine geringe, aber doch gründliche Wieszenschaft nicht vertauschen will, für meinen Leitstern und ein einziges Heil zu halten, sehe keine Ursache; in dem er die gemeinste processse, die fast in allen Chymischen Büchern stehen, geheim hält, und als mit einem Arcano nicht gern heraus will, und den Bergbau kan man beszer von einem Steiger, der seine Lebetage in der Grube zu gebracht, als von ihm lernen. Die historia naturalis aber ist nicht in des H. Henkels Stube aus Fächchen und Kästgen zu erlernen, sondern man musz selbst verschiedene Bergwerke besuchen, die situation derer Gegende, die Beschaffenheit der Bergen und des Erdreichs und die retation der mineralien, die darin liegen, gegen einander betrachten. Derohalben supplicire ich Ew. Hoch-Edelgebohrrn mich von der Tyrannischen meines Verfolgers Macht zu befreien und bey über Schickung des mir Allergnädigst verwilligten Stipendii mir noch einen Ort, als auf den Harz u. d. g. zu reisen zu befehlen, wo ich meine Berg Studia vollführen könne. Wofern ich nun meines bittens vermittelt Dero Vorsorge theilhaftig werden soll, dabey aber die mir vertrauete Gelder liederlich verschwenden, oder meine Studia nachlässzig tractiren werde, so verurtheile ich mich voraus selber zu der aller ersinnlichsten Straffe, welches aber niemahls zu begehen, sondern in einer kurtzen Zeit, nicht nur aller der mir vorgeschriebenen Wieszenschafften gehörige Testimonia zu zeigen, sondern auch in einem Specimine meine Geschicklichkeit Deneselben bekant zu machen. Übrigens alles dasjenige, was in dieser Begebenheit etwa unbedachtsam geschehen, bitte unterthänigst mir zu verzeigen und verharre

Ew. Hoch-Edelgeborhnen

ergebenster Knecht

Michael Lomonosoff.

Marburg den 16 Nov. Anno 1740.

№ 59. Письмо Генколя къ президенту Академи, отъ 13 (2) янв. 1741.

HochEdelgebohrner Herr

Hochgeehrtester Herr Hof Rath

Ew HochEdelgebohren wollen nicht ungütig deuten, dasz ich, bey Ihnen anzufragen, mir die Freyheit nehme, ob meine 2 Schreiben, so ich seit einigen Monaten an die hochlöbliche Ruzsisch Keyserliche Academie, sowohl Mons. Lomonosoffs, alsz unseres Geldbedürfnützes wegen abgehen laszen, richtig einzugehen die Ehre gehabt, besagten Bedürfnützes wegen wollen Ew. HochEdelgebohren nochmals zu wiederholen groszgünstig erlauben, dasz die vor die hierseyenden Ruzsischen Metallurgiae studiosos bestimmte Casse gänzlich erschöpft ist und ich vorzuschieszen meinen Beutel im Stande nicht befinde, anbey versichere, dasz ich mit denen dieser wegen mir anvertrauten Geldern die möglichste menage treffe, wie die Rechnung besagen soll. Anbey kan nicht umhin eine hochlöbliche Academie nochmals bittlich anzugehen, es wolle dieselbe hochgeneigt dahin zu disponiren suchen, dasz mir die andere Helffte des accordirten Honorarii nun auch bald angedeyen möge, vor welche besondere Gefälligkeit ich mit aller Consideration beharre

Ew. HochEdelgebohren

Meines hochgeehrtesten Herrn Hof Rath

Freyberg den 18 Jan. 1741.

ergebenster Diener

Johann Friedrich Henckel.

№ 80. Письмо Шумахера къ проф. Вольфу въ Галле,
отъ 28 февр. 1741.

Schreiben an den H. Geheimbde Rath Wolff in Halle von 28 Febr. 1741.

Hochwohlgebohrner,

Besonders hochgeehrter H. Geheimbde Rath,

Hochgeneigter Gönner.

Ew. Hochwohlgebohren habe die Ehre einen Wechsel von 250 Rbl. von Wolff et Liebmann zu last des H. Isaacs Liebmanns in Amsterdam vor die Pension des 1740ten Jahrs zu praesentiren und dabey alles ersinnliche Wohlergehen von Herten anzuwünschen.

Die Innlage ist an Mr. Lomonosoff, welcher an die Academie aus Marburg geschrieben; sie enthält einen Wechsel von 100 Rbl. und eine Ordre, krafft welcher Er mit denen ersten Schiffen sich hieher begeben solle.

Sollte Er etwann damit nicht fortkommen können, so ersuche Ew. Hochwohlgebohren Ihme mit etwas zu assistiren oder die Creditores dahin zu disponiren, dasz sie mit der Bezahlung von hier aus sich befriedigen möchten, welche auch, sobald Er wird hier angekommen seyn, geschehen soll.

Der Herr Prof. Euler ist von dem König nach Berlin zu der neuen Societaet vociret und es scheint auch, dasz er die Vocation annehmen werde. Der Verlust auf Seiten der Academie ist grosz. Können Ew. Hochwohlgeb. keinen Vorschlag thun, wie solcher wieder zu ersetzen? Es musz ein tüchtiges und in der Republica literaria berühmtes und bekantes Subjectum seyn. Der Profess. Strube de Piermond ist mit dem H. Czernizoff I. K. Majst. Gesandten an den dänischen Hoff von hier abgereiset. Er bleibet bey der Academie und geniesset von derselben eine Pension von 200 Rbl., verharre mit allem Respect

Ew. Hochwohlgebohren . . .

№ 81. Письмо Шумахера къ Ломоносову въ Марбургъ,
отъ 28 февр. 1741.

An den Studiosum Lomonosoff.

Monsieur.

Da Ew. WohlEdlen in Dero aus Marburg an mich ergangenes Schreiben der von der Academie durch den Herrn Geheimbde Rath v. Keyserlingk an Dieselbe geschickten Ordre keine Meldung thun, so scheineth es, als hätten Sie dieselbe nicht empfangen; sie war von gleichen Inhalt wie diese. Ew. WohlEdlen werden also keinen Moment versäumen, um derselben nachzukommen. Ihrenthalben habe auch die Ehre gehabt an den Herrn Geheimbden Rath Wolff zu schreiben. Zweiffle nicht, Er werde Ihnen mit Rath und That an die Hand gehen, übrighens verharre vollkommen

Dero . . .

St. Petersburg d. 28. Febr. 1741.

№ 82. Ордеръ Шумахера Ломоносову, отъ 28 Февр. 1741.

O r d r e

an den Studiosum Michaila Lomonossoff.

Demselben werden hiemit mittelst beygelegten 1ma Wechsels (2da wird mit folgender Post folgen) Ein Hundert Rubel übermachtet. Nach Empfang derselben hat er sich sogleich nach Lübeck zu begeben und von daselbst mit erstem offnen Wasser sich hieher zu verfügen.

Gegeben in der K. A. d. W. zu St. Petersburg d. 28 Febr. 1741.

№ 83. Вексель, присланный Ломоносову въ Марбургъ, 28 февр. 1741.

St. Petersburg den 24 Febr. 1741. Rbl. 100 à 49 St. pr. R. Fünf und Sechzig Tage nach dato zahlen EE. gegen diesen Prima Wechsel (S^{da} nicht) an die ordre des Hrn. Studiosi Michael Lomonossoff in Marburg Ein Hundert Rubl., à Neun und Vierzig Stiver Holl. Court. jeden R. Die Valuta von der Kayserl. Academie empf. laut advis.

Wolf et Liebmann

Herrn

Herrn Isaac Liebmann à Amsterdam

P^{ma} d. 28. Febr. 1741 versandt. S^{da} d. 7 Mart. 1741 versandt.

**№ 84. Письмо Шумахера къ проф. Вольфу въ Галле,
отъ 7 марта 1741.**

Hochwohlgebohrner

Insonders Hochgeehrter Herr Geheimbde-Rath,

Hochgeneigter Gönner.

Ew. Hochwohlgeboren werden in vorigen sub dato den 28ten Febr. h. a. an Dieselben abgelaszenen Schreiben den prima Wechsels von Zweyhundert und Funffzig Rbl. bereits schon erhalten haben; jetzo habe die Ehre zu desto sichern Empfang den Secunda zu überschicken, die Inlage ersuche an Monsieur Lomonossoff nach Marburg zu begleiten; übrigens verharre mit allem Respect

Ew. Hochwohlgebohren . . .

St. Petersburg den 7 Mart. 1741.

**№ 85. Ордерь Шумахера Ломоносову въ Марбургѣ,
отъ 7 марта 1741.**

O r d r e

an den Studiosum Michaila Lomonossoff in Marburg.

Derselbe wird den unterm 28. Febr. h. a. mit einer Ordre abgelassenen prima Wechsel von 100 Rubl. à 49 St. pr. R. bereits erhalten haben, hiebey folget Secunda und hat Er sich nach der oben gemeldeten Ordre stricte zu richten.

Gegeben in der Kayszerl. Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg den 7 Mart. 1741.

**№ 86. Письмо проф. Вольфа изъ Галле къ Шумахеру,
отъ 25 (14) апр. 1741.**

HochEdler,

Insonders Hochgeehrtester Herr Bibliothecarie,

Hochwerther Gönner.

Euer HochEdlen beyde Schreiben nebst der Ordre an den Studiosum Lomanosoff und den beyden Wechsel Brieffen betreffend die Pension vom vorigen Jahre habe richtig erhalten. Gleich wie ich nun für die letztere gehorsamst dancke; so habe die erste nach Marburg an einen guten Freund geschickt und dem Hrn. Lomanosoff einhändigen laszen, auch dabey geschrieben, dasz er sich bald auf die Reise machen möchte, so bald er den Wechsel gezahlet bekommen, und mir was noch sonst zu Beschleunigung seiner Reise von nöthen wäre schreiben, so wollte es besorgen. Da er mir nun geantwortet, zur Reise und seiner equippirung sey der Wechsel hinreichend, nur wäre noch bis 100 Rthl. oder was weniges darüber Schulden zu bezahlen; so habe einen guten Freund in Marburg ersucht auf meine Rückbürgschaft für ihn zu caviren: welches er auch zu thun versprochen, und den Herrn Lomanosoff nachmahlen ermahnet seine Reise zu beschleunigen, soviel immer möglich. . .

№ 87. Письмо Шумахера къ академику Аншану, отъ 13 июня 1741.

HochEdelgebohren

Insonders Hochgeehrter Herr Doctor.

Nachdem in Ao. 1736 den 13ten Mart. vermöge der eingegangenen resolution aus I. K. M. Cabinet unter der Unterschrift derer Herren Cabinet Ministres der Academie der Wissenschaften anbefohlen worden, einige junge Leuthe zu Erlernung der Historiae naturalis und absonderlich der Metallurgie; heraus zu schicken und zu diesem Ende die Studiosi Rayser, Wynogradoff und Lomonossoff in eben dem obbenannten 1736ten Jahre abgefertiget worden, nunmehr aber der letztre hier wieder zurückgekommen: Als ersuche Ew. HochEdelgeb. denselben in der Historia naturali, besonders in dem Regno minerali bisz zu weitem Verfügung zu unterrichten und seine Studia zu dirigiren, damit der mit ihm intendirte entzweck desto eher erreicht werde. Uebrigens bin mit aller Hochachtung

Ew. HochEdelgeb...

d. 13. Juny 1741.

№ 88. Письмо Генкеля къ презид. Академиц, отъ 7 июля
(26 июня) 1741.

Hochwohlgebohrner Herr,

Gnädiger Herr,

Ew. Excellenz werden hierbey derer 2 Ruzsischen Studiosorum, Mons. Raiser und Winogradoff von einer hochlöblichen Ruzsisch-Keyserlichen Academie derer Wissenschaften zu Petersburg anbefohlene und von ihnen selbst gefertigte, sowohl den Gruben Bau und das Schmelz-Wesen, alsz die metallurgiam chymicam fundamentalem betreffende Specimina, nebst ihrer anderweitigen Lehrmeistere, des Marckscheiders, Gvardeins und Mechanici ausgestellten Attestaten, schuldigst eingereicht. Wie ich nun zugleich bezeugen kan, dasz dieselben bey diesen Anführern, so wohl in der Geometria subterranea, alsz in Gruben Bau, Probir Kunst und Hütten Wesen, in Poch- und Wäsch-Wercken, in Schmelzhütten und durch fleisziges Gruben-Befahren,

nicht allein durch zusehen, sondern auch durch selbstiges mithand-
legen eine gründliche practische Wissenschaft von Klüften und
Gängen, von Anordnung einer Gruben-Zimmerung, Anlegung eines
Kunstgezeuges, von Schurffen, Schächten und Stollen, von Gebrau-
chung des Gruben-Compasses, von Aufbereitung und Zugutmachung
derer Erze, und was dem anhängig, erlanget haben, Also befindet es
sich auch in der Warheit, dasz ich besagter Studiosorum (wie auch
Mons. Lomonosoffs, so lange er hier gewesen) getriebenes Berg-
wercks-Studium, nach Erheischung natürlicher Nothwendigkeit und
guter Ordnung allenthalben zum besten eingerichtet und dirigiret,
dieselben zu fleisziger application unermüdet angehalten, anbey ihre
Wirthschaft aufgetragener maaszen redlich und mähnsam besorget,
und ihr ganzes thun und laszen in möglichster Aufsicht so wohl, alsz
sie selbst in der Nähe wohnend gehabt. Insonderheit habe ich diesel-
ben bey meinen besonders mit ihnen gehaltenen lectionibus in Er-
kenntnisz derer Mineralien, nemlich, Metallen, Erze, Steine, Erden,
Salze, sulphurischer und bituminoser Körper, Erdsäfte und Waszer,
samt aller dieser mineralien Lagerstädten und Findungen, allen ge-
treuen und fleiszigen Unterricht gegeben, auch von allen und jeden sol-
chen Sachen, so wohl hiesigen alsz ausländischen, so viel deren nur zu
erlangen gewesen, ein Stück zu ihrer eigenen Samlung, alsz einer
lebendigen und unumgänglich-nöthigen, allerbesten Mineralien-Bib-
liothec ihnen getreulich mitgetheilet, in besonders darüber gehaltenen
Stunden mein Stufen Cabinet mit denenselben durchgangen, die
eigentlichen Merckmahle eines jeden, zu fassung einer richtigen idee
und gewisser Beurtheilung, deutlich und gründlich gewiesen. Hier-
nächst und vornehmlich habe ich einen richtigen Cursum metallurgi-
co-practicum mit denenselben gehalten, das Tractament und die Nat-
tur derer Metallen, Erze, Steine, Erden, Salze, schwefeliger Dinge(?)
und unterirdischen Waszer in meinem Laboratorio nach ihrer analysi,
auch wo es möglich, synthesi, ferner nach ihren Verhältnüzen unter
einander, und dieses alles insonderheit in Ansehung des Erz-
schmelzwesens, hinfolglich nach ihrer dahin erreichenden Nützlich-
und Schädlichkeit, auch anderweitigen Absehen, naturgemäsz und
rechtschaffen gelehret, in der That gewiesen, auch sie selbst hierzu mit
hand anlegen laszen, und hiernach, wie sie einen ihnen aufgegebenen
mineralischen Körper gründlich examiniren, so dann eine solide Relation
nebst practischen Gutachten darüber abstaten sollen, alle gute An-
leitung gegeben. Da kan ich denn mit Warheit sagen, dasz mehr-
bemeldete Studiosi alles wohl begriffen, die über den gehaltenen
Cursum chymicum so wohl alsz über die Perlustrirung meines Stufen-

Cabinets treulich communicirten und gewiesenen Experimenta und nützlichen Observationes fleiszig aufmotiret haben, hinfolglich qualificiret sich befinden, woferne sie das erlernete quaestionis fleiszig wiederholen und ihre attention eyfrig darauf behalten werden, IHRO RUSZISCH KEYSERLICHEN MAJESTÄT hierunter allerhöchst geführten Intention gemäsz, in Bergbau, Erzschnelzwesen, zumahl was Silber-Wercke betrifft, an bey in Cognition und Findung derer Edelgesteine, in Zubereitung allerhand Farben- Schleiffer- Polir- und Walcker-Erden, in Glasz Künsten, in Untersuchung derer Gesundbrunnen und Solen, ihren Vaterlande zu ersprieszlichen Diensten gebraucht zu werden. Bey so bestellten Sachen kan ich auch asseriren, dasz, so nothwendig es zu mehrerer Perfectionirung ihrer erlangten Wissenschaft und Acquirirung einiger anderer dahin gehöriger, im Groszen aber allhier nicht so wohl alsz anderweit zu erholender Stücken ist, so wehrt der Mühe und derer Kosten die von ihnen erlangten profectus sind, dasz sie nicht allein die Chursächsischen Obergebürgischen, Schneebergischen, Annebergischen etc. Kobold- Zin- Eisen- Kupfer- und Silber-Bergwercke wie auch die dasigen Schwefel- Vitriol- Arsenic- und Fossilien-Fabriquen annoch besuchen, sondern auch auf die vornehmsten Bergwercke in Teutschland, z. e. die Böhmischen, Steyermärkischen und Hydrischen, und die beyden letzten vornemlich wegen Zinober- Quecksilber- und Stahlwercke, ferner die Elsasser, Lothringischen, zumahl dasiger Blau Farben Sachen wegen, ingleichen die Pfälzischen Zinober und Heszischen Kupfer-Gruben, so dann die Ilmenauischen Kupferschiefer Flez Wercke, deszgleichen die Mansfeldischen, und endlich auf die weltberühmten Harzer-Bergwercke nebst anderen en passant, auf ein Jahr ohngefähr, nemlich von 1742 an (bisz dahin dieselben annoch allhier nachzuholen finden möchten) jedoch wegen erfoderlicher schwerer Reise Kosten, unter einen mehreren alsz biszherigen Gehalt, wie auch unter der Direction und Wirthschafts-Führung Mons. Raisers, annoch eine Reise zu thun, allerhöchsten Befehl und Vorschub erlangen mögen, wobey denn auch ich mit nützlichen Instructionen und guten addressen bey meinen überal habenden Correspondenten sie zu versehen so wenig erman- geln würde, alsz ich mittler zeit annoch hier, dieselben in ein und andern zu exerciren und zeit meines Lebens mit guten Rath, Unter- suchungen, Nachrichten, Observationen und Gutachten, deren sie sich in der Metallurgie, Berg- und Schnelzwesen seiner Zeit benöthi- get finden möchten, zumahl auf einer höchlöblichen Academie derer Wissenschaften zu Petersburg Verlangen, mich allezeit willig und rechtschaffen finden laszen werde. Anbey überreiche Ew. Excellenz

die summarische Rechnung, davon die Stück Rechnungen, weil solche vor der Abreise von hier, auch wegen Ermangelung einiger Belegungen in behöriger Richtigkeit zu setzen nicht sind, zu seiner Zeit folgen können. Inzwischen kan ich die Versicherung geben, dasz alle und jede Ausgaben von mir dependiret haben, mithin kein Geld verschwendet worden ist, noch besagte Studiosos genauer halten können, der nun übers Jahr grassirenden groszen Theurung zu geschweigen. Wannhero Ew. Exzellenz hierdurch gehorsamst zu ersuchen, mir die Freyheit nehme, das annoch hier erfoderliche Bedürfnüsz vor dieselben dergestalt zu reguliren, damit solches nächst kommende Michaelis Messe hier seyn möge, verharre mit allen ersinnlichen Respect Ew. Excellenz

Meines gnädigen Herrn

gehorsamster Diener

Freyberg, den 7. Juli 1741.

Johann Friedrich Henckel.

№ 89. Общий перечень суммъ, полученныхъ и израсходованныхъ
Генкелемъ, отъ 7 июля (26 июня) 1741.

Summarische Rechnung über Einnahme und Ausgabe, derer allhier sich befindenden Ruzsischen Studiosorum wegen.

1494 Rth 18 gr. — Einnahme an 3 Wechseln, nach dem jedesmahligen Cours und Abzügen an provision.

1461 Rth. 3 gr. 5 d. Ausgabe, nemlich

250 Rth. Lehrgelder, vor Marckscheider, Gvardein und mechanicus,

277 » vor Mons. Lomonosoff.

473 » 10 gr. 7 d. vor M. Winogradoff.

457 » 14 » 2 » vor M. Raiser.

bleibt hierauf:

33 Rth. 14 gr. 7 d. Casse.

Hierzu ist ferner insgemein noch zu bezahlen, so allbereit verfallen:

62 Rth. an unterschiedlichen Posten,

50 » annoch vor den Marckscheider,

50 » » vor den mechanicum,

10 » » vor den Hüttenmeister ein Trinckgeld, der ihnen fleiszig assistiret.

172 Rth.

Das noch bevorstehende Bedürfnisz, so lange sie noch hier sind:
 40 Rth. dem Silberbrenner,
 60 » Annoch zu Instrumenten, Büchern und einigen
 guten Stoffen, und
 So viel bisz auf Neujahr ohngefähr zu ihrer sustentation
 allhier an deputat nöthig.

Ferner gebrauchen sie
 jeder ein neues gutes Kleyd,
 ein Reise-Kleyd, nebst Roquelauren, Stiefeln etc. ein
 Gruben-Kleyd à 5 Rth. ohngefähr, weil die biszhe-
 rigen ganz abgenützet sind, und solche auf Berg-
 Reisen überall nöthig,
 etwas zu einer Reise nach Dresden, um dasiges König-
 liches mineralien-Cabinet und andere Curiosa zu
 besehen, etwan à 6 bisz 8 Rth.

Johann Friedrich Henckel.

Freyberg, den 7. Jul. 1741.

№ 90. Письмо Генкеля къ презид. Академіи, отъ 9 авг. (29 июля) 1741.

HochEdelgebohrner

Insonders Hochgeehrtester Herr Hoff Rath.

Unter Beziehung auf mein voriges vom 30. Jun., womit ich die Specimina derer 3 (sic) Hrn. Studiosorum zu begleiten die Ehre gehabt, diene Einer hochlöblichen K. Academie derer Wissenschaften hierdurch mit denen Rechnungen, worzu die Belege oder Zeddel, worauf man sich unter denen Buchstaben l. Z. wie auch l. B. bezogen, auf verlan- gen auch überkommen sollen, hiernächst in schuldigster Antwort, dasz ich besagte Hrn. Studiosos zu allem guten annoch anzuweisen und zu ihrer Rückreise möglichst anzuhalten nicht ermangeln werde, verharre mit ausnehmender Consideration

Ew. HochEdelgebohren

Meines hochgeehrtesten Herrn Hoff Raths

gehorsamst ergebenster Diener

Freyberg, den 9. Aug. 1741.

Johann Friedrich Henckel.

№ 91. Общий счетъ, представленный Генкелемъ, отъ 13 авг. 1741 г.

General-Berechnung.

über die von der Hochlöblich-Russischen Academie zu St. Petersburg vor die 3 Russischen Hrn. Studiosos von Raiser, Lomonosoff, und Winogradoff empfangenen Gelder.

Einnahme.

Thl.	Gr.	Den.	
520			baar durch Hrn. Petri in Dreszden.
725	6		baar an 600 Rubel nach Abzug Provision l. Z. den 2. May 1740.
249	12		baar an 200 Rubel nach Abzug Provision l. Z. den 9. April 1741.

Summa der Einnahme: 1494 Thlr. 18 gr.

Folget

Ausgabe.

Thl.	Gr.	Den.	
150			dem Hrn. Gvardein Klotzchen l. Bel.
50			dem Hrn. Marckscheider Beyern l. Bel.
50			Mons. Kern. l. Bel.
	17		Postgeld von Dreszden vor 520 Thlr.
1	20		Dergl. von Leipzig von 725 Thlr. 6 gr. — à 6 gr. pr. Cent.
	12		Dergl. von Leipzig vor 200 Rubel.
	4		Postgeld von 2 Paqueten über Wittenberg den 7. July 1741.
278	2	8	Vor Mons. Lomonosoff
487	19	4	Vor Mons. Winogradoff
471	11	11	Vor Herrn von Raiser

} laut Rechnung.

Summa der Ausgabe: 1489 Thlr. 14 gr. 11 den.

Diese von vorstehender Einnahme derer 1494 Thlr. 18 gr. abgezogen,

verbleibet baar 5 Thlr. 3 gr. 1 d.

Dass wir diese 5 Thlr. 3 gr. 1 pf. richtig empfangen, attestiren

G. U. Raiser.

D. Winogradoff.

Und dasz der Gvardein Klotzsch von denen 150 Thalern auf mein Vorstellen, mit unterlaufenden Umständen nach, 18 Thlr. 18 gr. wieder zurück gezahlet und sich mit 150 Gulden, meisznisch begnügen laszen besagt Quittung sub ☉. Freyberg den 13 Aug. 1741.

Johann Friedrich Henckel

№ 92. Письмо академика Аммана къ Шумахеру,
отъ 10 ноябр. 1741.

Monsieur.

J'ai deja vû tous les catalogues des pierres faits par M. Lomansoff, excepté celui de l'Ambre jaune, dans le quel je ne trouve rien à changer, particulièrement estant déjà écrit au net. Vous verréz, Monsieur, si les tables de Mr Gottwald, que je Vous envoie, appartiennent a l'Academie ou non. J'ai l'honneur d'être avec respect

Monsieur

Votre très humble et très obeissant serviteur
ce 10. de Novembr. 1741.

J. Amman.

№ 93. Счетъ денегамъ и книгамъ, отпущеннымъ Ломоносову
изъ академической книжной лавки.

A.

Der Herr Lomonossow hat aus dem Buchladen empfangen:

1741. d. 7. Aug. baar auf Gage . . .	15 Rub.
4. Sept. ditto . . .	10 »
15. Octobr. ditto . . .	6 »
	31 R.
den 2. Nov. noch	10 »
Geschlossen den 10. Nov. 1741	41 R.

Rosenhahn.

B.

Der Herr Adjunctus Lomonossow hat nach den 2. November des verwichenen 1741 Jahres aus dem Buchladen empfangen:

1741, 8. Dec. Baar auf Gage.	20 Rub.	Kop.
1742, 20. Jan. 1 Plan von Moscau . .	25 »	
1 Plan von Petersburg	25 »	
3. Febr. 1 Hallers Gedichte . .	10 »	
26. ditto Baar auf Gage	15 »	
	<u>Summa 35 »</u>	<u>60 »</u>

S. Peterb. den 8. Martij 1742.

Johann Christian Rosenhahn.

№ 94. Общій счётъ денеганъ, назначенныхъ на содержаніе фрейбергскихъ студентовъ, отъ 10 ноябр. 1741.

Die Studiosi in Freyberg.

Credit.

1736 vom 4. Juny e. a. bis dahin 1737 vor dieselbe aus dem Staats-Contoir erhalten	1200 Rub.
1737 desgl.	1200
1738 desgl.	1200
1739 desgl.	1200
1740 desgl.	1200
1741 desgl.	1200
	<u>Summa 7200</u>

Debet.

1736, July 15. Denen Studiosis baar bezahlt . .	900 Rub.	Kop.
1737, Sept. 10. Pr. Wechsel an den Reg.-R. Wolff in Marpurg	600	
1738, May 29. Pr. Wechsel ebendahin	300	
dito desgl.	550	
octr. 12 desgl.	300	
1739, Jul. 29. Pr. Wechsel durch den Geh. R. v. Summ	400	
Sept. 6. Pr. Wechsel auff Amsterdam. . .	1000	

13*

1740, Mart. 14. Pr. Wechsel an den Reg.-R. Wolff in Marburg (seinen Vorschusz)	332	80
» » an den Berg R. Henckel in Freyberg	600	
An den Legat. Secret. Pezold die Helffte des Honorarii vor den Berg. R. Henckel	500	
1741, Pr. Wechsel nach Freyberg 200 Rub. und nach Marpurg 100 Rub.	300	
Juny. Dem Stud. Lomanossow bey seiner Ankunft allhier	50	
Demselben aus denen Buchladen Gefällen	41	
Aug. 18. Pr. Wechsel nach Freyberg	640	
Kommt ihnen pro Saldo bis den 4. Juny 1742 annoch zu	686	20
	<hr/>	
	Summa 7200 Rub.	
Den 10. Nov. 1741.	Hoffmann, Control.	

**№ 95. Извлечение изъ актовъ о Фрейбургскихъ студентахъ,
отъ 7 окт. 1745.**

E x t r a c t

aus den Acten der Freyburgischen Studenten.

1736 d. 7. Mart. hat die Academie der Wissenschaften mittelst Doclad dem damahligen Kayserl. Cabinet vorgestellt, wann einige junge Leuthe nach Freyberg an den Berg-Physicum Henckell zu Erlernung der Metallurgie geschickt werden solten, so könnten Gustav Ulrich Raiser, Demitrius Wynogradoff und Michaila Lomanossoff hiezu ernennet werden. Zu ihren Unterhalt wird jährl. erfordert eine Summa von 1200 Rub., neml. vor jede Persohn 400 Rub., als 250 Rub. vor Kost, Kleydung, Bücher und Instrumenten und 150 Rub. zu hin und her Reyszen und recompensirung der Lehrmeistere etc. Ob sie gleich in Freyberg an dieser Summa etwas ersparen können, so wird ihnen doch dieses auf ihre Reysze nach Holland, England und Franckreich, allwo sie die berühmteste Laboratoria Chymica nothwendig besuchen müssen, wohl zu statten kommen.

Hierauf ist die Resolution aus dem Cabinet unter der Unterschrift derer gewesenenen Cabinets Ministri Ao. 1736 den 13. Mart. eingegan-

gen, dasz die hier vorgeschlagene drey Studiosi zu Erlernung der Metallurgie nach Freyberg an den Berg-Physico Henckel sollen abgefertiget, zu ihrem Unterhalt 1200 Rub. der Academie zugeschickt und aus dieser Summa nach gut befinden der Academie ihre jährliche Besoldung bestimmt werden. Was nun von dieser Summa übrig bleibt, solches soll bey der Academischen Cassa zurückerhalten werden. Woferne aber diese zum studiren gewidmete Personen die Metallurgie in Freyberg erlernen, und vor nöthig erachtet seyn würde, zu vollbring- und Excolirung dieser Wissenschaften auch umb die berühmteste Chymische Laboratoria in England, Holland und Franckreich zu besuchen, abzufertigen, alsdann kan (man) ihnen zu ihrem dortigen Auffenthalt und rückreysze nach Ruszland aus obgedachte rückständige Summa nach gut befinden, das nöthige zulegen und amelioriren.

Anno 1736 den 18. Aug. sind die Studiosi Rayser, Wynogradoff und Lomanossoff laut Resolution von der Academie der Wissenschaften und ertheilten Instruction ihres Verhaltens von hier nach Marpurg abgefertiget, ihnen einem jeden zu ihren Unterhalt 300 Rub. jährlich veraccordiret, wovon sie nebst ihren Unterhalt zugleich auch die Kosten, auf der hinreysze und was sonsten erfordert wird, zu bestreiten haben. Die übrigen 300 Rub. bleiben in Cassa, damit auf erheischenden Fall, die etwann vorkommende extraordinaire Ausgaben und Reysze Kosten, wenn sie weiter nach Hollandt, Engelland und Franckreich gehen sollen, hieraus bezahlet werden können.

Ao. 1739 im Monath Martij ist vermöge Resolution unter der Unterschrift des gewesenen Präsidenten Herrn Cammerherrn von Korff verordnet worden, dasz ihnen zur ihrer Subsistence in Freyberg vors künftige jährlich nicht mehr als 150 Rbl. bestanden, sothanes Geldt auch ihnen nicht in die Hände, sondern dem Herrn Berg-Physico Henckell zugeschickt werde, um Kost, Quartier, Holtz, Licht und andere benöthigte Ausgaben darvon zu bestreiten. Doch wird die Academie der Wissenschaften das honorarium vor die Informationses apart bezahlen.

	Rbl.	Cop.
Ao. 1736, d. 15. July. Den Studiosis baar einem jeden bey der Abfertigung à 300 R.. . .	900	—
1737, d. 16. Sept. Pr. Wechsell an den H. Regierungs Rath Wolff vor ihnen	600	—

	Rbl.	Cop.
Ao. 1738, d. 39. May. Pr. Wechsell an den H. Regierungs- Rath Wolff nach Marpurg auf 550 R. davon ihnen	300	—
Die übrigen 250 R. sind des Hrn. Wolffens honorarien Gelder.		
d. 12. Octob. Pr. Wechsell nach Marpurg	300	—
1739. Pr. Wechsell an die Kaufleuthe von Ouderkerck, zahlbahr an den Hrn. Regierungs-Rath Wolff in Marpurg zu Tilgung derer Stu- denten ihre Schulden	1162	—
d. 29. July. Pr. Wechsell durch den Hrn. Gehei- men-Rath von Summ nach Frey- berg	400	—
d. 6. Sept. Pr. Wechsell an die Kaufleuthe von Auderkerck in Amsterdam, zahlbahr in Freyberg	1000	—
1740, d. 14. Mart. Pr. Wechsell nach Marpurg an den Hrn. Regierungs-Rath Wolff seine ausgelegte 416 Rthl. à 80 Cop.	332	80
Eod. Pr. Wechsell an den Hrn. Berg-Phy- sico Henckel.	600	—
An den Hrn. Legation Secretair Pe- zold die hälffte des Berg-Physi- ci Henckels Honoraria	500	—
1741, d. 24. Febr. Pr. Wechsell nach Freyberg an den Hrn. Berg-Physico Henckel vor Raiser und Wynogradoff	200	—
— dergl. an den Hrn. Lomanosoff nach Marpurg.	100	—
d. 18. Aug. Pr. Wechsell nach Freyberg für Rai- ser und Wynogradoff auf 800 Rthl. aus dem Buchladen	640	—
1742, d. 14. July. Pr. Wechsell nach Freyberg zu Rey- sze Kosten für Raiser und Wy- nogradoff à 300 Rthl.	249	—
	Summa	7283 80
	bleibt also annoch in Cassa	2316 20
	Summa	9600 Rbl.

	Rbl. Cop.
nun laut umstehender Rechnung . . .	1870 81
empfangen, und ihm bis den 1. Jan. 1742	
an à 300 Rbl. jährlich, neml. vom 4 Jun.	
1736 ab gerechnet, gereicht werden solte,	
so kähme ihm die Gage vor 5 Jahr 6 Mo-	
nathe und 26 Tage zu	1671 66½

Hat also überhoben 199 R. 14½ S.

№ 96. Изъ автобиографической Записки Ломоносова, отъ 1754 г.

3. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ того же года*) посланъ въ Германію по кабинетскому указу и тамъ обучался Физикѣ, Химіи и Горныхъ дѣлъ и пріѣхалъ обратно 1741 года въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Жалованья получалъ по 400 рублевъ въ годъ.

*) 1736. См. стр. XXII (прим. 21) Введенія.

VI.

ODE

SUR LA MORT

DE MONSIEUR

L O M O N O S O F

DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES

DE ST. PÉTERSBOURG.

Mon admiration me tient lieu de génie.

MDCCLXV.

Réimprimé en 1865.

AVERTISSEMENT.

3

MONSIEUR LOMONOSOF nâquit à Archangel, de parens adonnés au commerce, mais peu aisés. Dès sa plus tendre jeunesse, son goût pour les lettres se manifesta. Il fit ses premières études à Moscou, où son génie le fit distinguer. Le Gouvernement l'envoya ensuite en Allemagne, et nommément à Freyberg en Saxe, pour y étudier l'art d'exploiter les mines. Pendant son séjour dans ce pays, il eut le loisir de faire de nouvelles études, et le bonheur d'entendre le célèbre Wolff.

De retour dans sa Patrie, une Ode qu'il adressa à l'Impératrice Anne, sur la victoire de Chotzim, lui acquit la réputation d'excellent Poète: En effet, cette première production est remplie d'énergie, d'idées neuves, et d'images sublimes. Ses talens furent recompensés, et depuis, ne firent que croître et se fortifier.

Tous nos Souverains protégèrent, et animèrent successivement ce grand homme, (le premier homme de lettres de la Russie.) L'Impératrice Elisabeth le nomma Professeur de Chimie à l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, et le combla de bienfaits. L'Impératrice actuellement régnante, ne fit que les accumuler; elle l'admit même dans cette familiarité dont on ne voit les traces que dans le siècle d'Auguste: familiarité qui ne tourna jamais à l'amertume du savant.

Enfin, comblé de gloire, admiré universellement de ses Compatriotes, chéri de ses Monarques, Mr. Lomonosof vient de mourir il y a quelques mois, âgé d'environ cinquante-cinq ans.

Les écrits qui nous restent de lui, passent presque tous pour des chef-d'oeuvres. Ils contiennent un volume d'Odes, dignes d'être mises en parallèle avec celles de Rousseau: Diverses autres poésies, comme Epîtres, Inscriptions etc.: Des Annales de Russie *); deux
 5 *Panégyriques, l'un de Pierre le Grand, l'autre d'Elisabeth: Des discours sur l'utilité de la Chimie, sur les couleurs etc. prononcés dans les séances de l'Académie. Enfin, un Traité de Rhétorique et une Grammaire Russe. Ainsi depuis l'Hisope jusqu'au Cédre, il a tout embrassé et a réussi dans tout.*

Peu content de s'être illustré en tant de genres différents, Mr. Lomonosof entreprit, sur la fin de sa vie, un Poème épique, à l'honneur de Pierre le Grand. Ce Poème devait être divisé en vingt-quatre Chants **); les trois premiers qui en ont paru, sont de toute beauté, et font infiniment regretter le reste.

Ce n'est point ici la place de s'étendre sur ses ouvrages et de les analyser: Un homme qui l'entreprendrait, ferait une chose très-utile. Il suffit de dire que ses autres poésies valent bien ses Odes. On y remarque une Epître sur l'utilité du Verre, pièce aussi
 6 *singulière que philosophique. C'est Galilée qui parle en vers, et Swift qui plaisante finement. De pieux ignorans, qui combattirent jadis le système de l'univers, y sont habilement ridiculisés, et le Tableau que l'Auteur présente, des déprédations de l'Amérique, causées par l'avarice des Espagnols, est un morceau au-dessus de tout éloge.*

Son Panégyrique de Pierre Premier, est considéré, avec raison, comme le Pendant de celui de Trajan. C'est dommage qu'il ait été défiguré par un Etranger, qui ne connoissait pas un mot de Russe, et écrivait médiocrement dans sa langue.

*) Je passe sous silence une histoire du même Empire, dont j'ai vu la Préface, et les premiers Chapitres, imprimés il y a seize mois. Comme je suis absent depuis ce tems là de ma patrie, j'ignore si cet ouvrage nécessaire est achevé.

**) Dans le premier Chant de la Pétréade, Mr. Lomonosof a imité Mr. De Voltaire, mais en disciple digne d'un aussi grand Maître. Le Solitaire de Jersey lui a fourni un épisode intéressant, et des beautés de détails admirables. C'est, peut-être, l'unique fois que notre Poète a imité quelqu'un; ailleurs, il crée toujours. On est charmé de rapporter cette anecdote, elle prouve combien le Poème immortel de Henri IV. est respecté sous le Pole.

Sa Grammaire atteste dans quel état il nous a trouvés; et tout ce qu'on dirait là-dessus, serait superflu.

Il est vrai qu'avant Mr. Lomonosof, nous avons eu quelques rimeurs, tels que le Prince de Cantimir, Trédiakofsky etc., mais on les lui peut comparer comme les Troubadours à Malherbe.

Pénétré justement de respect et de reconnoissance pour cet homme supérieur, on ose, dans l'Ode suivante, élever un faible monument à sa gloire. Il faut espérer qu'une main plus habile, le fera connaître un jour plus avantageusement. Il faut se flatter aussi, qu'on aura de l'indulgence pour un homme qui écrit dans une langue étrangère.

ODE
SUR LA MORT
DE M^R. LOMONOSOF.

Qu'entends-je! Quel accens! Quelle affreuse nouvelle!
 Des filles de l'Enfer la troupe criminelle
 D'un Chantre harmonieux termine les beaux jours.
 On n'entend plus sa lyre,
 C'en est fait, il expire,
 On le perd pour toujours.

* * *

Des confins du Sarmate aux climats de l'Aurore,
 Où renaît chaque jour l'Astre que l'on adore,
 Des rochers du Caucase aux limites du Nord,
 Tout est plein de sa gloire,
 Tout chérit sa mémoire,
 Et tout pleure sa mort.

* * *

Dans nos deserts glacés, dans nos antres humides,
 Privé de tout secours, sans modèle et sans guides
 Il osa le premier cultiver les beaux Arts,
 Et du fond de la Grèce,
 Fit couler le Permesse
 En nos heureux remparts.

* * *

Toujours réunissant, par le don le plus rare,
 Les palmes d'Archimède aux lauriers de Pindare,
 La plume de Tacite aux fleurs de Ciceron,
 Sa voix avec courage,
 Dans un pays Sauvage,
 Enseigna la raison.

* * *

Déjà l'on se flattait que le Ciel moins terrible,
 Désarmerait pour nous sa colère inflexible,
 Qu' Apollon et sa cour régneraient sur nos bords,
 Tandis que dans Athéne,
 L'ignorance incertaine
 Remplace leurs accords.

* * *

La paisible Néva fière de son prodige,
 Perdait le souvenir d'un destin qui l'afflige,
 Avec plus d'appareil elle roulait ses flots,
 Et quittant sa demeure,
 Jusqu'à la dernière heure,
 Anima son Héros.

* * *

Mais hélas! un instant détruit notre espérance!
 Ce flambeau qui brillait dans notre Empire immense,
 Du moins guidait nos pas au pied de l'Hélicon.
 Il s'éteint! La nuit sombre,
 Tout à coup de son ombre,
 Obscurcit l'horizon.

9

* * *

Tel est donc le destin de toute ame hardie,
 Qui s'ouvre avec éclat les routes du génie,
 Eclaire un peuple entier, et devient son appui.
 Dès que l'homme succombe,
 Il traîne dans la tombe
 Les beaux arts après lui.

* * *

Je vois les tendres Soeurs et les Graces plaintives,
 En longs habits de deuil abandonner nos rives,
 Apollon s'exiler, et les Arts éperdus,
 Gemissant dans nos glaces,
 Fixer encor les traces,
 D'un Père qui n'est plus.

* * *

Hé! qui pourra jamais égaler son génie?
 Envain de vils rivaux enflammés par l'envie,
 Outragent ses talents, lui cherchent des défauts.
 Leur étude avilie
 Les couvre d'infamie,
 Et redouble nos maux.

* * *

10 L'un copiste *) insensé des défauts de Racine,
 De l'Homère du Nord hait la muse divine;
 D'autres **) versent le fiel sur son nom et ses mœurs.
 Insectes méprisables,
 De leurs trames coupables
 On connaît les horreurs.

* * *

Fuiez monstres ingrats, cœurs abreuvés de haine,
 Les crimes sont vos jeux, l'Enfer est votre arène,
 Jamais le Dieu des vers n'inspirera vos chants.
 Des gouffres du tartare,
 Une troupe barbare
 Applaudit vos accents.

* * *

Du sommet de l'Olimpe, en contemplant leur rage,
 Protecteur de nos bords, tu ris de cet outrage.
 Qu'importe qu'on insulte à tes dons glorieux!
 Tandis que Polymnie,
 Te verse l'ambrosie
 A la table des Dieux.

---

*) Mr. Somorokof auteur de quelques Tragédies, où l'on remarque une imitation servile de Racine, et la manie de copier ce grand homme, jusques dans les faiblesses qu'on lui reproche. Ce Mr. Somorokof a détesté de tout tems le Poëte qu'on célèbre, uniquement à cause de ses talens supérieurs.

**) On me permettra de ne les point nommer.

On désirerait d'insérer ici quelques morceaux des Poésies de Mr. Lomonosof. Quoiqu'une traduction ne soit que l'estampe d'un tableau (où le dessein se conserve, mais où le coloris ne saurait se transmettre,) on se flatte que ce serait le meilleur moyen de faire connaître le Poète qu'on célèbre, et de prouver que les éloges qu'on lui donne ne sont point outrés. Mais on avoue, avec douleur, que n'ayant point l'original sous la main, on est dans l'impossibilité d'exécuter ce louable projet. Toutefois on hazarde un très petit fragment, qui n'est pas même ce que l'Auteur a composé de meilleur. Il y a six mois que cette traduction fut faite à Paris, et mise en vers Français, par Mr. Le Mière Auteur d'Hipermnestre. On donne ici la prose, parce qu'elle est plus littérale.

REFLEXIONS DU MATIN

SUR LA GRANDEUR DE DIEU.

Déjà le flambeau du monde répand sa clarté sur la Terre, et découvre à mes yeux les ouvrages de l'Eternel. O mon âme! rempli toi d'allégresse, contemple cet éclat Divin, et songe au Créateur.

Si les mortels pouvaient s'élever assez haut, et porter de près leurs regards sur le Soleil, ils appercevraient de toutes parts un Océan de feu éternellement embrasé.

Là, des vagues enflammées roulent sans cesse, et ne rencontrent jamais de bords: Là, des tourbillons brûlants lutent entr'eux, depuis une multitude de siècles: Là, des pierres bouillonnent comme l'onde, et des torrents de lumière jaillissent en pluye.

Ce disque ardent fut créé pour éclairer la marche des saisons, et les actions des hommes. Mais, Seigneur, cet immense amas de flammes, n'est qu'une étincelle devant toi.

Le Soleil dore la surface des corps où ses faisceaux se brisent.
Ta vue qui ne connaît point d'obstacles, pénètre par tout, et de la
sérénité de tes regards, se répand la joye dans le coeur de tous les
Etres.

Le pendant de ce petit ouvrage intitulé, *Réflexions du soir sur la
grandeur de Dieu, faites à l'occasion d'une Aurore Boréale*, est encore
plus beau. La description poétique du météore est neuve, originale,
hardie et sublime.

On compte donner un jour au public une traduction complete
des Oeuvres de Mr. Lomonosof.

NOTICE SUPPLÉMENTAIRE A L'ÉDITION DE 1865.

Lorsqu'un homme de génie, ayant inscrit pour toujours son nom dans les fastes littéraires et civils de son pays, a été arraché aux lettres par une mort prématurée, il importe toujours de savoir comment ses contemporains l'ont apprécié, exalté ou dénigré au moment même de son décès. C'est donc une curiosité bien légitime qui nous porte à nous rendre compte des sentiments dont furent animés, il y a juste un siècle, tant les adorateurs que les antagonistes du célèbre académicien Michel Lomonóssof, mort le 4 avril 1765. Comme il était naturel de s'y attendre, le regret de la perte que la Russie venait d'éprouver dut s'exprimer dans le monde littéraire et avant tout à l'Académie Impériale des Sciences. Dans sa séance du 15 avril l'Académie venait d'admettre en qualité de membre honoraire un médecin, bien connu par ses propres travaux et en outre par la traduction de plusieurs ouvrages russes, — M. Nicolas-Gabriel Clerc ou Leclerc. Le nouvel académicien s'empessa de témoigner à l'Académie sa reconnaissance de l'honneur qui lui était fait, par un discours tenu en français, dans lequel, en déplorant la mort de Lomonossov, il célébra le nom immortel de Pierre-le-Grand et fit l'éloge de l'impératrice alors régnante. Du moins est-ce dans ces termes que le procès-verbal rend compte du discours susdit, sur lequel nous ne possédons pas d'autres détails, vu que la copie faite à cette époque sur le discours original, qui allait être soumis à une nouvelle discussion, ne s'est point conservée dans les archives de l'Académie ¹⁾.

---

¹⁾ *Gratias agendum Academicis conventui intervenit Dnus Clerc' M. D.... Academicis honorariis nuper aggregatus, atque orationem lingua gallica conscriptam praelegit, qua obitum Lomonossovii lugens, Petri Magni nomen immortale, atque laudes Augustae nostrae incomparabilis celebrat.*

Quelques jours après, dans la séance du 18 avril, les membres de l'Académie discutèrent le projet d'un Eloge à faire sur leur collègue défunt Lomonossov, et il paraît que ce fut le secrétaire savant de l'Académie — Jacques Stählin, qui fut chargé de préparer un discours de ce genre. En effet, parmi les papiers de Stählin, on a trouvé l'esquisse d'un Eloge sur son confrère défunt ²⁾ dont il avait, un des premiers (à partir de 1740), reconnu le talent et le mérite. On sera peut-être étonné d'apprendre que le savant critique Auguste Schlözer s'était également offert à composer l'éloge de son antagoniste dans le domaine des sciences historico-philologiques. L'Académie, à ce qu'il paraît, crut plus convenable de décliner cette offre, que de mettre à l'épreuve l'impartialité de son historien qui, disons-le, même vieillard-grondeur a proclamé publiquement Lomonossov comme un vrai homme de génie ³⁾.

En dehors de l'Académie, plusieurs jeunes gens de la noblesse russe ne manquèrent pas d'exprimer, dans la mesure de leurs forces, les sentimens d'un regret sincère. Le 15 avril Lucas Sitchkaref, né en 1741, à Néjine, et qui avait fini son cours d'étude à l'Académie, composa une Ode, remplie des expressions de l'attachement le plus dévoué pour son ancien maître ⁴⁾. En 1773 Michel Mouravief, alors âgé de 16 ans, qui plus tard fut curateur de l'université de Moscou et a laissé en cette qualité un si beau souvenir, éleva aussi sa voix dans un discours russe, pour exprimer les sentimens de vénération dûs à Lomonossov qu'il n'avait point connu personnellement ⁵⁾. Mais déjà avant lui et immédiatement après la mort de Lomonossov, un jeune aristocrate, le comte André Chouvalof (né en 1745, † 1789), avait publié, en français l'Eloge du défunt.

²⁾ V. l'article publié par M. Tikhonravof dans le journal intitulé le *Moscovite* (Москвитянинъ) pour l'année 1853 (№ 3, Отд. IV, pag. 22)

³⁾ August Ludwig Schlözer's öffentliches und privat-Leben, von ihm selbst beschrieben. Göttingen, 1802 pag. 219: «Lom. war ein wahres Genie, das dem ganzen NordPol und EisMeer hätte Ehre machen, und für den Satz, dass das Genie nicht von Länge und Breite abhängt, einen neuen Beweis liefern können. . . »

⁴⁾ Надгробная пѣснь въ Бозѣ вѣчно почившему ученому Россійскому мужу Михайлѣ Васильевичу Ломоносову. Отъ усердѣннаго имени его почитателя Луки Сичкарева. 1765 году Апрѣла 15 дня. Въ СПб.-ѣ. 8 стр. in-4°.

⁵⁾ Похвальное слово Михайлѣ Васильевичу Ломоносову. Писалъ Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку Каптенармусъ Михайло Муравьевъ. СПб. 1774 года. 16 pag. in-8°. Ce discours, imprimé vers la fin de 1773, au nombre de 200 ex., à la typographie de l'Académie, n'a plus été reproduit par l'auteur (V. *Собрание сочинений Михаила Никитича Муравьева*. СПб. 1819. 3 tomes in-8°) et paraît avoir échappé aux biographes de Lomonossov. Le traité de Mouravief sur les mérites savants de Lomonossov est d'une date plus récente.

Les Chouvalof sont reconnus parmi les membres de la noblesse russe, comme les premiers protecteurs de Lomonossov après son retour des pays étrangers en 1741. C'est surtout Jean Chouvalof, chambellan de l'impératrice Elisabeth, qui l'honora de sa confiance. Mais Lomonossov chanta également dans ses vers, et à plusieurs reprises, le comte Pierre Chouvalof, mort en 1762 avec le titre de maréchal de camp. Le comte André, fils de ce dernier, partit de Russie au printemps de 1764 et c'est à l'étranger qu'il apprit la mort de Lomonossov et qu'il se hâta d'«élever un monument à la gloire» du défunt. Au mois de septembre 1765 le jeune comte alla avec son épouse offrir ses hommages à Voltaire, dans le «petit hermitage» de Ferney.

La brochure du comte André Chouvalof passait jusqu'à l'heure pour introuvable. A-peine son existence fut-elle constatée, au siècle passé, par deux ou trois autorités dignes de foi, d'abord en 1768 (et en 1771) par Jean Dmitrevski, premier acteur de l'impératrice Catherine II, par J. Fr. De la Harpe, dans une lettre adressée (en 1766?) à La Combe et enfin par Stählin. Jean Dmitrevski (né en 1733) fut envoyé pour la première fois, par l'impératrice, à l'étranger, pour se perfectionner dans son art, en 1765. Arrivé à Paris, il ne manqua pas d'aller se présenter au protecteur éclairé des lettres et des arts — Jean Chouvalof qui, de son côté, mit le digne acteur en rapport avec les célébrités de la scène française. Trois ans plus tard, (en 1768) Dmitrevski partit de nouveau pour l'Allemagne et pour la France. En passant par Leipzig il s'engagea à composer une courte notice sur les auteurs russes du XVIIIe siècle qui fut imprimée, la même année, dans un journal littéraire ⁶⁾. Nous ignorons qui en publia (en 1771), à Livourne, une traduction française, dans laquelle le

⁶⁾ Sur les voyages de Dmitrevski et sur son séjour à Paris v. les Отечественныя Записки, часть XIII. СПб. 1823 pag. 378, et les Mémoires d'un fonctionnaire (Жихаревъ) insérées dans les Отеч. Зап. pour l'année 1855 (Ч. С. Отд. I, 159). C'est grâce aux recherches de M. le prof. Soukhomlinof que l'identité de l'auteur de l'«Essai» et de l'acteur Dmitrevski a été tout récemment constatée. V. son article inséré dans les Мém. de l'Acad. (Записки Акад. Н. 1865 Томъ VI, pag. 230 et suiv.).

Le petit dictionnaire littéraire de Dmitrevski (V. Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste. Leipzig 1768. Siebenten Bandes erstes Stück, p. 188—200; zweites Stück, p. 332—338) a pour titre: Nachricht von einigen russischen Schriftstellern, et a été réimprimé, à Moscou, avec une traduction russe, dans un journal bibliographique (Библиографическія Записки 1861 года, pag. 609 et suiv.).

texte n'a subi que quelques modifications peu importantes ⁷⁾. Nous en reproduisons ici le passage de l'article: «Lomonosof» qui nous intéresse spécialement.

«Ceux qui voudroient avoir une idée plus complète de ce grand homme, pourront s'instruire dans un ouvrage écrit en langue française par M. le Comte André Schuwalov, qui contient la vie de M. Lomonossov, une ode à son éloge, deux traductions de ses réflexions sur la toute puissance de Dieu ⁸⁾, et une lettre à M. de Voltaire avec la réponse.» Plus, bien regrettant la dureté avec laquelle le comte avait traité Soumarokof, Dmitrevski se plait à ajouter: «Ce procédé a suffi pour indisposer contre M. le C. de Schuwalov les connoisseurs qui... rendent justice au mérite distingué de M. Sumarokov.»

Il faut convenir que la Notice de Dmitrevski contribua à répandre dans l'Europe occidentale des renseignements assez exacts sur la littérature russe naissante. Bientôt, cependant, cette notice fut ou-

⁷⁾ Essai sur la littérature russe, contenant une liste des Gens de lettres russes qui se sont distingués depuis le règne de Pierre-le-Grand. Par un Voyageur Russe. A Livourne, 1771, avec permission. VI et 23 pag. in-8°. Cette édition a été réimprimée par M Serge Poltoratski dans la Revue étrangère, tome 80me. St.-Pét. 1851. (Il en existe des exemplaires tirés à part.)

Comme il n'est pas constaté que Dmitrevski ait visité l'Italie, il ne sera pas superflu de mentionner que le comte Alexis Orlof, accompagné d'une suite d'officiers, débarqua (en 1770 et 1771) dans le port de Livourne et que Jean Chouvalof séjourna à la même époque à Rome, d'où il ne partit qu'en 1773. Voir la biographie de J. Ch. publiée par M. Barténief (dans le journal: Русская Бесѣда. Москва 1857. I), auquel a échappé une assez intéressante notice sur J. Chouvalof, publiée par Jean Bernoulli (Reisen durch Brandenburg... Ruszland... in den Jahren 1777 und 1778. V. Band. Leipz. 1780, pag. 62—68). Il serait à désirer que M. Barténief publiât son ouvrage en français pour que les relations, entretenues par J.Ch. avec un grand nombre de Français et d'Italiens, fussent mieux mises au jour.

L'existence d'une traduction italienne de l'Essai de Dmitrevski n'est pas tout-à-fait hors de doute. J. Bernoulli (V, 120) n'en parle que très-vaguement. Tout ce qu'on pourrait dire, en attendant, c'est que J. Chouvalof ne peut pas être l'auteur d'une courte notice insérée sur le «Saggio sopra la Letteratura Russa, contenente una Lista de Letterati Russi dopo il Regno di Pietro il grande. Livorno 1771». 8-vo, dans les «Efemeridi letterarie di Roma per l'anno 1772» (pag. 364). Mais il se peut bien que l'ancien protecteur de Lomonossov ait fixé l'attention du rédacteur du Journal de Rome sur l'Histoire de Russie par Lom., publiée en 1772 à Paris. V. les Efemer. letter. per l'anno 1772, pag. 398. — Parmi les personnes qui avaient voyagé en Italie et que Bernoulli rencontra chez J. Chouvalof, sont cités le prince Youssoupop, le prince Galitsin (probablement le neveu de J. Ch.) et S. Domáchuef.

⁸⁾ Ingleichen zwo Uebersetzungen von desselben *Morgen- und Abendbetrachtungen der Allmacht Gottes*. (D'après le journal de Leipzig).

blée tant à l'étranger qu'en Russie, où elle ne fut plus mise à profit qu'à partir de 1850 et 1851. La brochure du comte Chouvalof éprouva presque le même sort. Cependant en 1800, un Recueil, actuellement devenu une rareté bibliographique, fit connaître une lettre écrite par De la Harpe à La Combe et relative à l'Ode sur la mort de Lomonossov⁹⁾. Enfin, en 1853 M. Nicolas Tikhonravof communiqua dans le *Moscovite* l'«Ode» même, d'après une copie non parfaitement exacte qu'il avait été assez heureux pour trouver parmi les manuscrits de Stählin. C'est ce dernier qui nous apprend le mauvais accueil fait à la brochure du comte Chouvalof par le poète Alexandre Soumarokov qui avait déjà maintes fois lancé des épigrammes contre Lomonossov, son rival.

«Mr. Soumarokof, enragé des affronts que l'auteur de cette ode lui «a faits, s'est vengé par une épigramme composée sur Mr. le comte «Schouvalof, dans laquelle il le peint en fou, indigne d'une réponse, et «son ode d'un galimatias plein de contradictions, d'ignorance, d'excès «et de sottises»¹⁰⁾.

Après beaucoup de recherches infructueuses, l'auteur de la présente Notice découvrit un exemplaire de la brochure du comte A. Chouvalof dans la bibliothèque de Voltaire, transportée aux frais de l'impératrice Catherine II à St-Pétersbourg. Cette rareté bibliographique fait partie du t. XXIV des Recueils que Voltaire avait désignés sous le nom de «Pot-pourri». Notre espoir d'y trouver des renseignements nouveaux et importants à la fois sur Lomonossov a été déçu, mais l'opuscule du jeune auteur, sans parler de quelques indications et allusions intéressantes, a pour nous toute la valeur d'un document littéraire: *l'auteur de la nécrologie et de l'éloge*, abstraction faite de quelques expressions propres aux jeunes écrivains, *doit passer comme l'organe des sentiments de cette partie de l'aristocratie qui honora Lomonossov de son estime*¹¹⁾. C'est là le motif qui nous a déterminé à donner une nouvelle édition de ce Rarissimum, et nous espérons que les connaisseurs des annales littéraires du siècle passé nous prêteront le concours de leurs lumières, pour arriver à la résolution définitive de plusieurs questions douteuses se rattachant à notre Ode.

La brochure du comte Chouvalof que nous avons reproduite sans toucher à l'orthographe, forme une feuille in-8°, dont les pages 14—

⁹⁾ Утренняя Заря. Труды воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона. Книжка I. М. 1800, pag. 73—81.

¹⁰⁾ Москвитянинъ на 1853 г. (№ 3. Отд. IV).

¹¹⁾ Ceux qui sont versés dans l'histoire littéraire de la Russie, sans doute ne nous contrediront pas. Pour d'autres, il est permis de se référer à l'épigramme de Lomonossov, composée (en latin) par Stählin sur le désir du comte Vorontsov.

16 sont tout-à-fait vides. Elle ne porte ni le nom de l'auteur ni celui du lieu d'impression. Le dernier n'échappera pas pour toujours aux bibliographes, vu que la feuille du titre et plusieurs pages sont ornées de différentes vignettes. La fameuse brochure intitulée: «Les quatre Homéliez prêchées à Londres. Seconde Edition. MDCCLVII» est-elle sortie de la même typographie?

En comparant l'opuscule du comte Chouvalof avec la description que Dmitrevski en donne dans sa Notice, on est embarrassé de répondre, *si Dmitrevski en a exactement fait connaître le contenu?* N'oublions pas que dans l'avertissement de l'édition française de son Essai on lit: «Le Voyageur qui l'a jettée sur le papier, l'a tirée uniquement de sa mémoire, se trouvant entièrement dépourvu du secours des livres.» S'il en est ainsi, on peut supposer que Dmitrevski commet une erreur en parlant d'une traduction française de *deux* pièces de Lomonossov (Voir ci-dessus pag. 214). Ou bien, Dmitrevski avait-il en vue, en 1768, une seconde édition de l'Ode, augmentée d'une lettre à Voltaire et d'une réponse de celui-ci? En tout cas, il est bien probable que Dmitrevski ait reçu, pendant son premier séjour à Paris, un exemplaire de la brochure de 1765 des mains soit de Jean Chouvalof, soit du comte André Chouvalof qui n'avait passé que trois mois à Paris (V. plus bas pag. 222).

La question paraît se compliquer encore plus si l'on prend en considération que la brochure du comte Chouvalof a permis de dévoiler un plagiat commis en 1765. Six mois avant la publication de l'Ode le comte doit avoir remis la traduction française de la pièce ci-dessus imprimée (v. pag. 209) à Le Mierre, auteur d'Hypermnestre. En 1766 l'«Almanach des Muses» dont le rédacteur accompagne les différentes pièces de remarques plus ou moins sévères, commence par un poème que nous reproduisons ici. Nous rendons la signature exactement comme elle était dans l'Almanach de Paris, et nous nous permettons seulement de faire imprimer plusieurs expressions du texte du poème en caractères italiques.

LE LEVER DU SOLEIL.

Déjà l'astre du jour s'est emparé du ciel;
 il lance par faisceaux ses rayons sur la terre,
 et je découvre à sa lumière
 les prodiges sortis des mains de l'Eternel.
 Mon ame, élance-toi vers cette clarté pure;

des portes du matin, admire la nature *),
 et remplis-toi de son auteur.
 Ah! si nos yeux pouvoient, *sans blesser leur paupière*,
 approcher du soleil, contempler sa splendeur,
 et s'enfoncer dans sa lumière **),
 ils ne verroient qu'un océan de feux
 qui ne rencontre *aucuns rivages* ***),
 que tourbillons brûlans, luttant sans cesse entr'eux,
 et dès la naissance des âges,
 embrâsant les plaines des cieux.
 La pierre se dissout, bouillonne avec furie, ****),
 au sein de ces foyers ardents;
 la flâme roule par torrens;
 la lumière par flots jaillit et tombe en pluie.
 C'est aux clartés de tant de feux divins,
 que marchent les saisons, qu'*agissent* les humains,
 Mais, grand Dieu, cet amas de lumière éternelle,
 qu'est-il devant tes yeux? *à-peine* une étincelle.
 Ce disque dont tes mains *ont arrondi les bords*,
 dont jamais les feux ne s'épuisent,
 colore seulement la surface des corps
 où ses rayons se brisent *****).
 Ton oeil plus pénétrant perce leurs profondeurs,
 réunit sous un point les déserts de l'espace;
 il ne parcourt pas, il embrasse
 et du même regard il *sonde* tous les coeurs.

Par M. LE MIERRE.

Cette description est énergique et sublime; il seroit à souhaiter que les derniers vers fussent aussi poétiques que les autres.

*) Il est dommage que cette amphibologie vienne après de si beaux vers.

***) Expression forte.

****) Comment un océan peut-il rencontrer des rivages? *Aucuns rivages* devoit être au singulier.

*****) Il semble qu'on ne peut point dire *la pierre bouillonne avec furie*.

*****) Harmonie imitative.

Quelque temps après, Jean-François De la Harpe (que l'on confond quelquefois avec Frédéric-César La Harpe, Suisse de naissance et instituteur de l'empereur Alexandre I), adressa une lettre à un certain La Combe, probablement l'auteur de l'Histoire des révolutions de

l'empire de Russie (1760) et collaborateur du «*Mercure de France*» de 1761 à 1768. Voici le commencement de cette lettre, sans doute destinée à être publiée dans quelque journal de Paris ¹²⁾:

«Je suis chargé, Monsieur, pour l'honneur de la Poésie Russe, de révéndiquer un morceau de feu L. Lomonosof, dont on a inséré une imitation dans l'Almanach des Muses de 1766, sous le nom de M. Le Mierre, sans qu'on fit la moindre mention de l'Auteur Original. Une personne d'un rang très-distingué à la Cour de Russie (M. le Comte de S**) avait fait de ce fragment une version française littérale. Je la joins ici avec l'Imitation de M. Le Mierre; mais il faut dire auparavant un mot du Poète Russe.»

«M. Lomonosof est né en 1711, dans le voisinage d'Arcangel ¹³⁾. Il eut le bonheur d'être un des élèves du célèbre Volf, et l'un de ceux que ce Philosophe chérissait le plus ¹⁴⁾. Il joignait de grands talens à de vastes connaissances. Il fut Professeur en Chymie, Membre de l'Académie Impériale de Pétersbourg, de l'Académie de Stockolm et de l'Institut de Bologne. Il fut regardé comme le meilleur Poète, le meilleur Historien et le meilleur Critique de son pays. Il avait commencé un Poème de Pierre le Grand, dont il n'acheva que les deux premiers Chants. On s'accorde à y trouver des beautés sublimes. L'Ode que l'on va lire, intitulée *Méditation du matin sur la Grandeur de Dieu*, fera juger que M. Lomonosof avait de l'élévation et de la richesse dans le style, et qu'il était animé de l'esprit poétique.»

«*Ode de M. Lomonosof, littéralement traduite.*»

«Déjà le flambeau céleste étend sa splendeur sur la terre et découvre les oeuvres de Dieu. O mon âme! tressaille d'allégresse. Pénétrée d'admiration à l'aspect de ces faisceaux lumineux, représente-toi ce qu'est le Créateur lui-même.»

«L'astre du jour respendit seulement sur la surface des corps. Ton oeil perce l'abyme sans connaître de bornes. De la sérénité de tes regards coule la joie sur toute la création.»

Nous n'avons reproduit ici que la première et la dernière strophes de cette traduction littérale, tout en faisant observer que la

¹²⁾ Oeuvres de M. De La Harpe. Tome sixième. A Paris 1778, p. 108.

¹³⁾ Cette rectification n'est pas puisée dans l'édition de l'Ode qui a paru en 1765. (Voy. ci-dessus p. 203).

¹⁴⁾ Toute la phrase et l'un — — le plus manque dans l'édition de 1765.

dernière strophe de l'original russe manque dans la brochure de 1765 ainsi que dans l'article de M. De la Harpe.

Puis, le défenseur de l'honneur de la poésie russe communique la pièce de M. Le Mierre, dans laquelle il a rendu plusieurs passages en caractères italiques (voir ci-dessus pag. 217) et s'exprime ainsi:

« Il y a de très-beaux vers dans cette imitation qui pourrait être plus travaillée; mais il eût été encore mieux de nommer l'Auteur de l'Ode Russe.»

Après avoir entretenu son correspondant La Combe d'objets d'un intérêt personnel, De la Harpe finit sa lettre de la manière suivante:

« Je reviens à M. Lomonosof, le principal objet de cette Lettre. Vous ne serez pas fâché de savoir les honneurs qu'a rendus à la mémoire de cet illustre Ecrivain le Grand Chancelier Voronzof; il a fait faire une très-belle urne en marbre d'Italie, ornée des attributs de la Poésie. D'un côté du piédestal est gravée l'inscription latine que vous allez lire, et de l'autre, la traduction en langue Russe. Je joins ici la version française pour les Lecteurs à qui la Langue Latine n'est pas familière». . . .

On conviendra que De la Harpe ne peut avoir été chargé de dévoiler le plagiaire que par le comte André Chouvalof qui, en même temps, doit avoir pourvu son correspondant d'une nouvelle traduction de la pièce de Lomonosof, ainsi que de la description du monument érigé par le comte Vorontsóf. Cette nouvelle traduction, rendant l'original russe d'une manière plus conforme au génie de la langue française, a-t-elle été faite par le comte uniquement dans le but de dévoiler le plagiaire, ou était-elle destinée à faire partie d'une nouvelle édition de l'Ode de 1765? C'est là une question que l'on tranchera peut-être un jour à force d'éclaircir les relations littéraires du comte Chouvalof avec les Voltaire, Helvétius, De la Harpe, Chamfort, Lamontel, Levesque et d'autres, ainsi qu'avec ses compatriotes.

Les historiens tant soit peu initiés aux annales littéraires du règne de Catherine II, conviendront qu'un personnage tel que le comte André Chouvalof mériterait une attention plus grande que celle qu'on lui a vouée jusqu'à l'heure. De retour en Russie il fut honoré de la confiance particulière de l'impératrice qui le chargea d'assister aux grandes réunions de la Commission pour la confection du Code et d'y rédiger le journal ¹⁵⁾. C'est lui qui composa la dé-

¹⁵⁾ Именной Списокъ Господамъ Депутатамъ, находящимся въ Комиссіи о сочиненіи Проекта Новаго Уложенія, съ показаніемъ, кто изъ оныхъ въ разныя отъ большаго собранія учрежденныя частныя комиссіи членами и канди-

dicace à l'archevêque de Tver Gabriel, de la traduction de Bélisaire de Marmontel, exécutée par différentes personnes pendant le voyage de l'impératrice Catherine sur le Volga, au printemps de 1767. C'est lui qui forma, conjointement avec le directeur de l'Académie des Sciences (le comte Vladimir Orloff) et M. Kozitski, ancien académicien-adjoint, le comité établi pour surveiller les traductions en langue russe de différents ouvrages, — travail pour lequel l'impératrice avait mis à la disposition de ce comité une somme annuelle de 5000 roubles¹⁶). Malgré les assertions de M. Quérard, nous ne trouvons aucun motif plausible de douter de la part que prit le comte Chouvalof à la composition de l'Antidote, dont le manuscrit original a été copié entièrement par Kozitski¹⁷). On attribue aussi au comte Chouvalof une excellente traduction française de l'épître de Lomonosof sur le verre, — ouvrage qui lui plaisait beaucoup à cause de certaines tendances qui y étaient confessées. La «Correspondance littéraire, adressée à Son Altesse Impériale M-gr le Grand-Duc, aujourd'hui Empereur de Russie, et à M. le comte André Schouwalow, ... depuis 1774 jusqu'à 1789; par J. F. Laharpe. Paris 1801 et suiv. 6 vol.» ne renferme rien qui puisse jeter quelque lumière sur notre sujet spécial.

Sans prétendre vider la question relative aux deux lettres mentionnées par Dmitrevski, nous fixons l'attention de ceux qui s'y intéressent, sur quelques faits qui peuvent contribuer à rendre plus clair le rôle que le comte Chouvalof a joué de 1765 à 1774, comme partisan de Voltaire. Avant tout, il ne sera point superflu de faire observer que les deux derniers éditeurs des Oeuvres de Voltaire (M. Lahure et Cie ainsi que MM. Didot frères et fils) s'obstinent, malgré

датами опредѣлены, и нынѣ дѣйствительно находятся. Февраля по 24-е число 1769 года. Печатанъ въ СПб-ѣ при Сенатѣ. Изд-е, р. 84 (ср. № 485): «Присутствующіе въ большомъ собраніи :

... Директоръ дневныхъ записокъ, Тайный Совѣтникъ, дѣйствительный Камергеръ и Кавалеръ Графъ Андрей Шуваловъ.»

Именной Списокъ господамъ Депутатамъ, — — кто находятся Генваря по 1 число 1768 году, р. 57, «Присудствующіе въ большомъ собраніи :

... Директоръ дневныхъ записокъ, Дѣйствительный Камергеръ, Графъ Андрей Шуваловъ. *Имѣтъ входъ по своему оному и въ друіа Коммисіи.»*

¹⁶) Russische Bibliothek, ... herausgegeben von Ludw. Bacmeister. III (St. Pet. 1775), р. 74.

¹⁷) Les supercheries littéraires dévoilées . . . : par M. Quérard. Tome I. Paris 1847 pag. 211 et comp. pag. 6 du traité de M. Pékarski sur quelques travaux littéraires de Catherine II (Материалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. Пекарскаго. Приложение къ III-му тому Записокъ И. Академіи Наукъ. № 6. 1863) dans les Mémoires russes de l'Académie des Sc.

Pavertissement donné par M. Poltoratski ¹⁸⁾, à confondre en une seule personne deux Chouvalof, — le comte André Pétrovitch, si souvent mentionné dans cette Notice, et son oncle, Ivan Ivanovitch Chouvalof qui n'a jamais porté le titre de comte. C'est ce dernier qui, pendant le règne de l'impératrice Elisabeth, a fourni à Voltaire bon nombre de sources inédites pour l'histoire de Pierre-le-Grand, dont l'historien attiré de Ferney ne sut profiter. Disons en passant que Lomonossov fut un de ceux qui ne goûtèrent point la faible composition de Voltaire sur le règne de Pierre-le-Grand.

La correspondance du comte André Chouvalof avec Voltaire ne peut dater d'avant 1765. S'il était vrai que Dmitrevski ait effectivement lu les deux lettres imprimées dont il parle dans son «Essai», on pourrait en conclure que le comte avait fait hommage de son Eloge sur Lomonossov à l'Hermitte de Ferney, en l'accompagnant d'une lettre et que celui-ci lui avait répondu sans retard. Le chambellan Jean Chouvalof, ayant reçu, en 1763, le consilium itinerandi, partit d'abord pour Vienne, et de là pour Paris, où il arriva au commencement de l'an 1764. L'année suivante il passa quelque temps (du mois de mars au mois de juillet) en Angleterre, d'où il repartit par la Haye (au mois de juillet 1765) et Bruxelles (au mois d'août) pour Paris. Plus tard, il choisit Rome pour lieu de séjour et ce n'est qu' en 1773, qu'il se résolut à faire la connaissance personnelle de Voltaire. Le comte André étant parti au printemps de 1764 pour les pays étrangers, se hâta sans doute d'aller voir son oncle dans son exil involontaire. «Quelques mois» après la mort de Lomonossov, le jeune comte fit imprimer, soit en France, soit quelque autre part, sa brochure, puis passa, en septembre (1765), à Ferney, où il reçut l'accueil le plus flatteur. Il y a lieu de supposer que déjà depuis ce temps Voltaire entretenait une correspondance avec le neveu de son ancien admirateur, et nous en trouvons les premières traces dans une pièce composée en 1766 et insérée dans l'Almanach des Muses pour l'année 1767 (pag. 6).

«Vers de M. de Voltaire à M. le Comte de Schowalou, qui lui avoit adressé une Epître».

Puisqu'il faut croire quelque chose,
j'avoûtrai qu'en lisant vos séduisans écrits,

¹⁸⁾ Les deux CHOUVALOF (V. Le bibliophile belge. Tome VI, 1849, p. 123—134.).

je crois à la métempsycose.
 Orphée, aux bords du Tanaïs,
 expira dans votre país:
 près du lac de Genève, il vient se faire entendre;
 en vous il renaît aujourd'hui,
 et vous ne devez pas attendre
 que les femmes jamais vous battent comme lui.

Dans une missive que le vieux flatteur adresse le 30 sept. 1767 au comte, il lui écrit: «Les vers français qui vous m'envoyez sont du meilleur ton, et d'une correction singulière; il n'y a pas la plus petite faute de langage: on ne peut vous reprocher que le sujet que vous traitez», c'est-à-dire, Voltaire lui-même. «C'est probablement un panégyrique en vers d'une date plus récente qui est cité par De la Harpe en 1770 ¹⁹⁾).

«A M. le Comte de Schowalow, Chambellan de l'Impératrice de Russie, qui avait adressé des vers à l'Auteur».

Vous avez, sur un noble ton,
 Chanté l'astre de notre Europe ²⁰⁾,
 Et jusqu'à mon humble horizon
 Vous baissez votre télescope.....

Dans sa lettre du mois de février 1774, «à un Académicien de ses amis» Voltaire fait l'éloge de l'auteur de la fameuse «Épître à Ninon» en disant:

«C'est une chose bien surprenante que n'ayant été, je crois, que trois mois à Paris, il ait pris si bien ce que vous appelez *le ton de la bonne compagnie*, qu'il l'ait perfectionné.... M. de Schowalow faisait déjà de très-jolis vers français quand il était chez moi, il y a quelques années, et nous avons eu depuis, dans des recueils, quelques pièces fugitives de lui, très bien travaillées».

Il est constaté depuis long-temps que «l'Épître à Ninon» est réellement l'oeuvre du comte André Chouvalof et que Voltaire en publia une seconde édition dont voici le titre exact (comp. les Superch. de M. Quérard II, 579) d'après l'exemplaire conservé dans la bibliothèque de Voltaire:

¹⁹⁾ Oeuvres. Tome second, p. 208.

²⁰⁾ «M. de Voltaire, à qui le même Auteur avait adressé une Epître.» Note de M. De la Harpe.

«Épître à Ninon L'Enclos, par Monsieur le Comte de Schwalo, Chambellan de l'Impératrice de Russie et Président de la législation. Nouvelle édition» 6 pag. in-8°. (Avec un «Billet de Mr. de Voltaire», pag. 6—7).

Cet exemplaire est d'autant plus intéressant que le 7e vers estropié de la première édition est ici corrigé par la main de Voltaire:

Il cherira (sic) toujours ton esprit et ton coeur.

En abandonnant à d'autres la tâche de décider si le comte A. Chouvalof a réellement publié, entre 1765 et 1768, une édition corrigée et augmentée de sa brochure sur Lomonossov, nous nous bornons à faire deux observations. Lomonossov fut envoyé, en 1736, par l'Académie I. des Sciences à Marbourg et de là, en 1739, à Freiberg. C'est ici (v. ci-dessus) qu'il composa, en 1739, sa célèbre Ode sur la prise de Khotine. — Il serait trop téméraire de vouloir interpréter les vers lancés par le comte Chouvalof, dans son Ode, contre toute une classe des adversaires de Lomonossov. Mais l'auteur de cette Notice se rappelle bien avoir lu la même expression *Insectes méprisables*, dans les ouvrages soit De la Harpe soit de Voltaire, dans un passage où il était question de poètes manqués.

СБОРНИКЪ
МАТЕРІАЛОВЪ ДЛѢ ИСТОРІИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ
ВЪ XVIII ВѢКѢ.

ИЗДАТЬ

А. КУНИКЪ.

Часть II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1865.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.
Н. Глазунова, въ С. П. Б.
Эггера и Кош., въ С. П. Б.

Шмицдорфа, въ С. П. Б.
И. Киммеля, въ Ригѣ.
Эфянджияца и Кош., въ Тифлисѣ.

Цѣна 1 руб.

СБОРНИКЪ
МАТЕРИАЛОВЪ ДЛѢ ИСТОРИИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ
ВЪ XVIII ВѢКЪ.

ИЗДАЛЪ

А. КУНИКЪ.

Часть II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1865.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.

Шиндорова, въ С. П. Б.

Е. Глазунова, въ С. П. Б.

И. Книппеля, въ Ригѣ.

Эггерса и Коми., въ С. П. Б.

Эксциджяца и Коми., въ Тифлисѣ.

Цена 1 руб.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-
петербургъ, 22 декабря 1865 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе.....	LIX — LXII
VII. Матеріалы для біографіи М. В. Ломоносова, съ 1736 года (№ 1—143).....	225 — 406
VIII. Ода Фенелона, 1681 года, переведенная М. Ломоносовымъ, въ 1788 г.'.....	407 — 418
IX. Три Оды Парафрастическія Псалма 148, сочиненныя чрезъ трехъ Стихотворцовъ, изъ которыхъ каждой одну сложилъ особливо. Въ Спб.-ѣ. 1744.....	419 — 434
X. Письмо, въ которомъ содержится Рассужденіе о Стихотвореніи, понынѣ на свѣтъ изданномъ отъ Автора двухъ Оды, двухъ Трагедій и двухъ Эпистолъ, писанное отъ пріятели къ пріятели. 1750. (В. Тредіаковскаго).....	435 — 500
XI. О должности журналистовъ. Sur les devoirs des journalistes. } М. Ломоносова. 1754... 501 — 580	

Russ. Ac. Sc. 1924.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Согласно заявленію въ Предисловіи къ I части, издается теперь русскій переводъ напечатанныхъ тамъ на иностранныхъ языкахъ документовъ. Такъ какъ они служатъ преимущественно источниками для исторіи Академіи Наукъ и въ особенности для біографіи Ломоносова, то на точную передачу подлиннаго текста обращено здѣсь особенное вниманіе. При переводѣ донесеній Ломоносова съ 1738 по 1740 годъ сдѣлана попытка употреблять свойственныя ему выраженія и синтактическіе обороты. Со временемъ, когда языкъ Ломоносова будетъ болѣе разработанъ, такая задача можетъ быть выполнена гораздо успѣшнѣе.

Изъ напечатанныхъ въ этой Части въ первый разъ канцелярскихъ бумагъ нѣкоторыя сами по себѣ ясны, другія же требуютъ объясненій. Мнѣ хотѣлось этой второй частью заключить свои труды по біографіи Ломоносова до его вступленія въ Академію, но я принужденъ былъ ограничиться пока сообщеніемъ краткихъ объясненій къ Штелиновымъ статьямъ о Ломоносовѣ, такъ какъ прочія примѣчанія, въ продолженіе ихъ разработки, получили такой объемъ, что я долженъ былъ отложить ихъ для III-й Части. Къ ней будутъ кромѣ того прило-

жены составленная уже подробная хронологическая таблица и указатель личныхъ именъ*).

Касательно XI-ой статьи мнѣ показалось удобнѣе сохранить заглавіе, которое далъ этой статьѣ самъ Ломоносовъ. (См. ниже, стр. 510).

---

*) При отпечатаніи переводной Оды 1788 года наборщикомъ сдѣлана (см. стр. 417, прим. 30) при послѣдней корректурѣ, но недоразумѣнію, ошибка, которая легко можетъ возбудить сомнѣнія о точной передачѣ всего текста. По этому нужнымъ считаю здѣсь замѣтить, что въ подлинной рукописи Ломоносова читается въ стихѣ 98: *люви*, въ ст. 112: *ажмыя*, а въ 129 стихѣ: *ажива*.

**№ 1. Письмо горнаго совѣтника Генколя къ бар. Корфу, отъ 1 февр.
(21 янв.) 1736 г. *)**

По волѣ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Россійской Ваше Высокоблагородіе изволите требовать отъ меня, чтобы я для службы Пресвѣтлѣйшей Государыни Вашей предложилъ искуснаго и въ *горномъ дѣлѣ свѣдущаго химика*. Такъ какъ Всемилостивѣйшій Государь мой, во вниманіе оказаннаго ему Императрицею содѣйствія противъ враговъ отечества и вслѣдствіе постояннаго державнаго Ея покровительства, само собою разумѣется поручилъ всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ своимъ при всякомъ удобномъ случаѣ оказывать Ея Величеству всевозможное почтеніе и уваженіе, то я счелъ долгомъ не только не оставить письма Вашего безъ отвѣта, но и сообщить Вамъ мое посылное мнѣніе по этому предмету.

Получивъ, правда лишь недѣлю тому назадъ, почтенивѣйшее письмо Вашего Высокоблагородія отъ 3 декабря, я всячески обдумывалъ его, но долженъ признаться, что ни тутъ, ни въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, не знаю человѣка, который соединялъ бы въ себѣ означенныя свойства и могъ бы соответствовать видамъ Ея Величества.

Притомъ въ Высочайшей Государыни Императрицы волѣ выражены два столь важныя условія, какія врядъ-ли можно найти въ одномъ и томъ-же человѣкѣ. Требуется, чтобы онъ не только былъ химикомъ, но въ тоже время былъ знакомъ и съ рудами, горными породами, прожилками и жилами. Во-первыхъ химики рѣдко на столько свѣдущи и искусны, чтобы имѣли основательныя, разнообразныя и удовлетворительныя познанія во всѣхъ минералахъ и горныхъ породахъ; развѣ только немногимъ извѣстны простыя породы, да и съ тѣми они знакомы лишь по нѣкоторымъ обще-

*) См. *ит.м. подлинникъ на стр. 89 (№ 1)*.

установленнымъ, обыкновеннымъ приемамъ и формуламъ. Однимъ словомъ: рѣдко можно найти химиковъ-металлурговъ, а потому я и не думаю, чтобы на такое дѣло былъ способенъ человекъ, предложенный для сего въ Берлинѣ, такъ какъ въ этомъ городѣ минералогическая часть химіи не можетъ быть преподаваема и изучаема, какъ слѣдуетъ. Во-вторыхъ, если бы даже кто-нибудь сверхъ химіи изучалъ въ особенности минералогію (хотя я такого лица не знаю), то всего труднѣе будетъ найти человека, который вмѣстѣ съ тѣмъ основательно былъ бы знакомъ съ рудами и горными породами, съ наружнымъ ихъ видомъ, съ почвой, гдѣ онѣ встрѣчаются, съ отличительными ихъ признаками и разными ихъ видами, со степенью ихъ важности, взаимнаго сродства и преимущества одной породы передъ другою, съ различными, какъ присущими имъ, такъ и случайными явленіями, съ горными прожилками и жилами и со всѣмъ, что относится до этого предмета, словомъ: трудно найти химика, который могъ бы быть въ то же время порядочнымъ рудокопомъ.

Причина этому та, что въ университетахъ нѣтъ, да и не знаютъ достаточнаго числа минераловъ и что тамъ нѣтъ повода и случая для нагляднаго изученія рудныхъ прожилокъ и жилъ, пластовъ, валуновъ и розсыпей. Въ горныхъ же городахъ занимаются, по старому заведенному порядку, однимъ только пробирнымъ искусствомъ, которое въ такомъ видѣ составляетъ лишь незначительную часть металлургіи; но никогда не было человека, который сообщилъ бы горнымъ ученикамъ основанія и законы этой науки, не говоря уже о томъ, чтобы онъ обучалъ ихъ пробирному искусству въ полномъ систематическомъ порядкѣ.

Этотъ недостатокъ между прочимъ былъ отчасти причиною того ложнаго понятія, которое прежде вообще составляли себѣ о химіи, полагая, что тутъ все дѣло состоитъ только въ разныхъ химическихъ операціяхъ, въ дѣланіи золота, въ производствѣ различныхъ опытовъ и приготовленіи лѣкарствъ, тогда какъ химія обнимаетъ всю науку металлургіи или знаніе настоящихъ, дѣйствительныхъ свойствъ минераловъ, а именно занимается изслѣдованіемъ и изученіемъ сущности и общихъ и частныхъ свойствъ металловъ, рудъ, камней, земель, водъ и солей, опредѣленіемъ количества составныхъ частей, степени ихъ преобладанія, взаимнаго соотношенія ихъ между собою, отношенія одного цѣлага къ другому цѣлому и измѣненія частицъ (смотря по различію пропорцій, способу добыванія и дѣйствию огня), наконецъ разсмотрѣніемъ способовъ употребленія каждаго минерала и необходимаго на то приготовленія.

Слѣдовательно она изучаетъ ихъ не только по наружному виду и объему, по размѣру длины, ширины и глубины, по очертанію и удѣльному вѣсу частицъ и тому подобнымъ правиламъ, частью предвзятымъ и обманчивымъ, частью совершенно негоднымъ для уразумѣнія сущности тѣлъ, но и на основаніи практическихъ работъ, въ связи съ тщательными наблюденіями и основанными на нихъ выводами, которые могли бы служить къ извлеченію пользы изъ сырыхъ матеріаловъ и произведеній и къ установленію извѣстныхъ правилъ самаго рациональнаго разложенія и соединенія металловъ, на сколько это физика можетъ и должна сдѣлать при помощи наглядныхъ и очевидныхъ доказательствъ.

Всепресвѣтлѣйшая Монархія и блаженной памяти Императоръ Петръ Великій, которые употребили такъ много на вызовъ и посылку разныхъ иностранцевъ для отысканія и изслѣдованія подземныхъ сокровищъ, при всемъ томъ, можетъ быть, не достигли желаннаго успѣха и потеряли на все это много времени. Между тѣмъ въ почти необозримомъ русскомъ царствѣ должно находиться такое множество разныхъ почвъ и горъ, что въ немъ по всей вѣроятности кроются и могутъ быть отысканы, если и не всѣ возможные минералы, то по крайней мѣрѣ гораздо больше всѣхъ извѣстныхъ доселѣ металловъ, драгоценныхъ камней, мраморовъ, шифовальныхъ, полировальныхъ, красильныхъ, валяльныхъ, пичихъ и лѣкарственныхъ земель, разсоловъ и тому подобныхъ веществъ, приносящихъ пользу государству, торговлѣ и царскому интересу.

За тѣмъ мое мнѣніе такое, чтобы Ваше Высокоблагородіе предложили Государынѣ Императрицѣ: не благоугодно-ли будетъ Ея Величеству назначить извѣстную сумму для посылки на горные заводы нѣсколькихъ человекъ изъ подданныхъ Ея Величества, которымъ повелѣтъ избрать для своего пребыванія преимущественно такое мѣсто, гдѣ по мнѣнію Ея Величества лица эти, сверхъ обыкновеннаго пробирнаго и маркшейдерскаго искусства, рудокопнаго и плавильнаго дѣла, могли бы вполне изучить и металлургію или минеральную химію, какъ практически, такъ и теоретически.

Въ случаѣ, если бы Государынѣ Всемилостивѣйше угодно было признать Фрейбергъ за такое мѣсто, то я почтительнѣйше предлагаю симъ Ея Величеству свои добросовѣстные услуги.

Если для этого будутъ выбраны такіе люди, которые уже получили научное образованіе, или по крайней мѣрѣ знакомы съ латинскимъ, да нѣсколько съ нѣмецкимъ языкомъ, если они кромѣ того на столько одарены умомъ и способностями, что будутъ умѣть са-

ми управлять собою и обращать на все должное вниманіе, и если наконецъ у нихъ будетъ дѣйствительная охота и наклонность заняться дѣломъ, то такіе люди, буде они не обязаны вскорѣ отправиться въ другія, дальнія горныя путешествія (для чего впрочемъ могли бы быть назначены другія лица), въ одинъ или полтора года могли бы не только быть выучены тому, на что они теперь нужны въ своемъ отечествѣ, но и усвоить себѣ умѣніе съ своей стороны опять обучать и образовывать другихъ для службы Ея Величества.

Впрочемъ въ случаѣ надобности я во всякое время готовъ сообщить дальнѣйшія по этому предмету свѣдѣнія.

Фрейбергъ, 1 февраля 1736 г.

Іоаннъ Фридрихъ Генкель.

№ 2. Докладъ президента Академіи въ Кабинетъ Министровъ, отъ 23 февр. 1736 г. *)

Въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества докладъ.

По всемілостивѣйшему указу Вашего Императорскаго Величества отъ 15 дня апрѣля прошедшаго года, присланному изъ Кабинета въ Академію Наукъ, писалъ я въ нѣмецкую землю о двухъ къ Камчатской Экспедиціи потребныхъ профессорахъ астрономіи и химіи, изъ которыхъ бы послѣдній былъ также въ рудокопныхъ дѣлахъ искусенъ. Первый изъ нихъ, Либертусъ называемый, прибылъ уже сюда изъ Саксоніи, а другаго, по мнѣнію славнаго и ученаго горнаго физика Генкеля, къ которому я о томъ писалъ и отъ него на мое письмо подъ 1 числомъ февраля по новому стилю отвѣтъ получилъ, съ котораго при семъ какъ копія, такъ и переводъ предлагается, ни въ Фрейбергѣ, ни въ другихъ мѣстахъ сыскать не можно будетъ. Онъ думаетъ, что такихъ людей для того рѣдко случается, что въ университетахъ нѣтъ къ тому надлежащихъ способовъ за неимѣніемъ довольно числа минераловъ и такихъ мѣстъ, гдѣ бы молодые люди могли приведены быть къ подлинному

*) Съ копіи безъ подписи президента.

познанію узкихъ и рудныхъ жилъ, флещевъ, валующихъ рудъ, способа къ очищенію и обмыванію оныхъ и прочаго, напротивъ того въ горныхъ мѣстахъ простая пробовальная наука по принятому обыкновенію показывается, которая однако смотря на сіе есть только малая часть рудоконнаго знанія; по его мнѣнію было то полезнѣе всего, ежели бы нѣсколько человекъ изъ подданныхъ къ нему въ Фрейбергъ отослать, оныхъ обѣщаетъ онъ въ годъ или въ полтора года, ежели они остраго и свѣжаго разума, науки знаютъ и къ такому дѣлу охоту показываютъ, такжеже нѣсколько латинскаго и нѣмецкаго языковъ разумѣютъ, въ такое состояніе привести, что они, кромѣ подземной геометріи, пробовальной, рудоконной и плавиальной науки, и о всѣхъ металахъ совершенное и основательное знаніе имѣть будутъ, и понеже сіе повидимому единый токмо есть способъ къ полученію искусныхъ горныхъ физиковъ, то не оставилъ я по своей должности Вашему Императорскому Величеству сіе всеподданнѣйше предложить и ожидать на то отъ Вашего Императорскаго Величества всемплоствивѣйшаго повелѣнія.

Февраля 23 дня 1736 г.

№ 3. Докладъ бар. Корфа въ Кабинетъ Министровъ, отъ 5 марта 1736 г. *).

Въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества докладъ.

Ежели по моему 23 февраля сего года поданному докладу Всемплоствивѣйше повелѣно будетъ нѣсколько молодыхъ людей въ Фрейбергъ, къ бергъ-физизику Генкелю, для обученія металлургіи отправить, то могутъ выбраны быть изъ нижеозначенныхъ учениковъ:

- 1) Густавъ Ульрихъ Рейзеръ, совѣтника Бергъ-Коллегіи сынъ, рожденъ въ Москвѣ и имѣетъ отъ роду семнадцать лѣтъ.
- 2) Дмитрій Виноградовъ, поповичъ изъ Суздаля, шестнадцати лѣтъ.

*) *Надпись:* Изъ дѣлъ по внутреннему управленію Кабинета. Карт. II, стр. 8. *Напечатано съ копій, засвидѣтельствованной академическимъ архивариусомъ Гофманомъ. См. нѣм. подлинникъ на стр. 92 (№ 2).*

- 3) Михайло Ломоносовъ, крестьянской сынъ изъ архангелогородской губерніи, двиницкаго уѣзда, куростровской волости, двадцати двухъ лѣтъ.

Понеже они всё тѣ свойства въ себѣ имѣютъ, какихъ помянутой бергъ-физикусъ требуетъ, то надѣяться можно, что и они современемъ изученныя бергъ-физики будутъ.

Хотя Дмитрій Виноградовъ съ Михайломъ Ломоносовымъ нѣмецкаго языка и не знаютъ, однако еще въ бытность свою здѣсь чрезъ три мѣсяца столько научиться могутъ, сколько имъ надобно.

На содержаніе сихъ трехъ человекъ надобно въ годъ тысячу двѣсти рублевъ, а имянно каждому на пропитаніе, на платье, книги и на инструменты по двѣсти пятидесяти рублевъ, да на проѣздъ туда и сюда съ награжденіемъ мастеровъ по сту по пятидесяти рублевъ человѣку.

Хотя у нихъ отъ сей суммы въ Фрейбергѣ нѣчто и останется, однако сіе во бытность свою въ Англии, Голландіи и во Франціи, гдѣ они наиславнѣйшія химическія лабораторіи необходимо видѣть имѣютъ, на другое и лучшее употребить могутъ, чего ради имъ воздержное житіе и бережливость всемерно рекомендовать надобно, потому что уже имъ этой помочи кромѣ сего не будетъ.

Помянутая сумма имѣетъ надежна и каждой годъ для переводу напередъ выдана быть. Ежели Сибирскому Приказу генеральнымъ указомъ и единожды завсегда повелено было, чтобъ оттуда въ Академію и по ея асигнаціямъ вышеозначенныя тысячу двѣсти рублевъ ежегодно присылать, а они уже о пересылкѣ векселей старанія не преминутъ.

Для большаго помянутыхъ людей къ прилежности поощренія можно такимъ образомъ обнадѣжить, что ежели они въ означенныхъ наукахъ совершенны будутъ, пробы своего искусства покажутъ и о томъ надлежащее свидѣтельство получатъ, то по возвращеніи своемъ въ профессоры экстраординарные удостоены и по чetyреста шестидесяти рублевъ годоваго жалованья получатъ, такъ же по достоинству впредь произведены будутъ. И сіе для того понежѣ примѣчено, коимъ образомъ наискуснѣйшія люди тѣмъ потеряны, что не взирая на ихъ искусство, труды и прилежаніе и на истраченныя иждивенія, не только произведѣніемъ оставлены, но и чрезъ всю жизнь свою крайнюю бѣдность и почти голодную смерть претерпѣвать принуждены были. Марта 5 дня 1736 года.

Подлинной докладъ за закрѣпою Дѣйствительнаго Камергера и Академіи Главнаго Командира Барона Фонъ-Корфа.

№ 4. Резолюція Кабинета Министровъ, отъ 13 марта 1736 г., на докладъ бар. Корфа отъ 5 марта. *).

По сему докладу вышписанныхъ трехъ учениковъ для обученія металургіи отправить въ Фрейбургъ къ бергъ-физику Генкелю и на содержаніе ихъ отсылать въ Академію Наукъ по тысячи по двѣсти рублевъ на годъ, изъ которой суммы опредѣлить имъ годоваго жалованья въ бытность ихъ въ Фрейбергѣ по разсужденію Академіи Наукъ, чтобъ могли себя тамо содержать безъ излишества, а что будетъ отъ той суммы оставаться, удерживать въ казну при Академіи Наукъ. А какъ они, будучи въ Фрейбергѣ, науку примутъ и потребно имъ будетъ ѣхать для окончанія тѣхъ своихъ наукъ и смотра славнѣйшихъ химическихъ лабораторій въ Англію, Голландію и во Францію, тогда имъ для тамошней бытности и возвращенія въ Россію учинить прибавку изъ вышписанной остаточной суммы по разсмотрѣнію.

Андрей Остерманъ.
Павель Ягушинскій.
К. Алексѣй Черкаской.

•
Марта 13 дня 1736 года.

№ 5. Доношеніе Академіи Наукъ въ Прав. Сенатъ, отъ 28 марта 1736 г.

Въ Правительствующій Сенатъ изъ Академіи Наукъ доношеніе.

Прошедшаго февраля 23-го, да сего марта 5-го чиселъ поданными въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества докладами предложено о посылкѣ изъ молодыхъ людей въ Фрейбургъ для обученія металургіи къ бергъ-физику Генкелю по присланному его Генкеля письму, для которой посылки вышпоказаннаго марта 5-го числа въ поданномъ докладѣ и представлено изъ учениковъ Густавъ Ульдрихъ Рейзеръ, Дмитрій Виноградовъ, Михайла Ломаносовъ, что современемъ имѣютъ быть искусные бергъ-физики; притомъ же требовано на содержаніе оныхъ въ годъ тысячи

---

*) *Помята Канцеляріи Академіи*: Получень марта 18 дня.

двѣсти рублевъ каждому на пропитаніе, платье, книги и на инстру-
менты по 250 руб., да на проѣздъ туды и сюды съ награжденіемъ
мастеровъ по сту по пятидесяти рублевъ человѣку, и сего жъ мар-
та 13 дня на томъ докладѣ въ Кабинетѣ Ея Императорскаго Ве-
личества гдѣ Министровъ подписано, что означенныхъ трехъ уче-
никовъ для обученія металлургіи отправить въ Фрейбурхъ къ бергъ-
физику Генкелю и на содержаніе ихъ отсылать въ Академію На-
укъ по тысячи по двѣсти рублевъ на годъ, изъ которой суммы
опредѣлить имъ годоваго жалованья въ бытность ихъ въ Фрей-
бурхѣ по разсужденію Академіи Наукъ, чтобъ могли себя тамо со-
держивать безъ излишества, а что будетъ отъ той суммы оставатся,
удерживать въ казнѣ при Академіи Наукъ, а какъ они, будучи въ
Фрейбурхѣ, науку пройдутъ и потребно имъ будетъ ѣхать для
окончанія тѣхъ своихъ наукъ и смотрѣнія славнѣйшихъ химиче-
скихъ лабораторей въ Англію, Голандію и во Францію, тогда имъ
для тамошней бытности и возвращенія въ Россію учинить прибав-
ку изъ вышеписанной остаточной суммы по разсмотрѣнію.

Того ради Правительствующаго Сената Академія Наукъ покор-
но просить, дабы соблаговолено было показанную сумму 1200 руб.
во Академію нынѣ отпустить заблаговременно, такожъ и впредь
ежегодно по 1200 руб. отпускать же откуда соблаговолено будетъ
безъ замедленія, а съ поданныхъ докладовъ и резолюцій Прави-
тельствующему Сенату при семъ доношеніи сообщаются копія.

Марта 28 числа 1736 году *).

**№ 6. Письмо горнаго совѣтника Райзера къ бар. Корфу, отъ 28
марта 1736 г. **).**

Чрезвычайно высоко цѣня порученіе, которымъ Ваше Высоко-
благородіе изволили почтить меня, я по крайней мѣрѣ безотлага-
тельнымъ исполненіемъ его старался вознаграждать недостатки при-
лагаемаго при семъ соображенія. Письмо доктора Генкеля дышитъ
такую чистосердечностью, что можно, кажется, вполне положиться
на его добрыя намѣренія. О познаніяхъ его въ металлургической
химіи я уже имѣлъ случай убѣдиться при другихъ обстоятель-

*) *Въ концѣ черновой помѣты:* Для извѣстія по приказу безъ опредѣленія.

**) *См. нѣмецк. подлин. на стр. 93 (№ 8).*

ствахъ. Если бы слѣдовательно мои соображенія оказались изнишненными, то я все таки прошу ихъ считать выраженіемъ моей глубочайшей преданности...

Такъ какъ главная цѣль при посылкѣ трехъ молодыхъ студентовъ въ Фрейбергъ состоитъ въ томъ, чтобы они систематически изучили химію, то цѣль эта не будетъ достигнута, если они предвзвѣдительно не займутся физикой. Имѣя дѣло со множествомъ природныхъ тѣлъ, химикъ долженъ быть знакомъ съ силами природы и свойствами тѣхъ тѣлъ, которыя входятъ въ кругъ его занятій; ему должно быть извѣстно, какъ одно тѣло дѣйствуетъ на другое, какія при этомъ бывають явленія, и отчего они происходятъ; наконецъ онъ долженъ знать положеніе и движеніе тѣлъ и т. п. Когда этотъ отдѣлъ изученія природы, на сколько онъ въ особенности относится до металлургіи, философски будетъ пройденъ либо по первой части химіи Бургавена, либо по руководству другаго ученаго, тогда прилагается къ дѣлу химіи, объясняющая на практикѣ то, что теорія принимала развѣ только за догадку. При такомъ порядкѣ обученія, учащійся безъ труда замѣтитъ, что обыкновенныя работы бергъ-и-минцпробиреровъ скорѣе похожи на ремесленный трудъ, нежели на ученое занятіе и очень легко могутъ быть переняты другими.

Другая цѣль посылки означенныхъ молодыхъ людей заключается въ желаніи образовать для государственной службы ученыхъ горныхъ офицеровъ. Для этого требуется изученіе физической географіи, предметомъ которой служатъ горы, долины, воды и т. д. Объ руку съ этой наукой идетъ исторія минераловъ, которая учитъ насъ отличать, даже простыми глазами, всѣ виды землистыхъ веществъ, камней, минераловъ и металловъ. Лучшимъ руководителемъ въ этомъ отношеніи можетъ служить частое и внимательное разсматриваніе хорошаго минералогическаго кабинета. Но одно лишь умѣніе отличать минералы еще не принесетъ намъ пользы, если мы не будемъ знать, какъ проникать до нихъ и какъ добывать ихъ изъ земли. На это требуется знаніе механики, которая знакомитъ насъ съ разными приспособленіями для подниманія тяжестей. Воду обыкновенно поднимають посредствомъ колесъ, насосовъ и машинъ, дѣйствующихъ при помощи давленія; слѣдовательно не нужно оставлять безъ вниманія гидравлику. Колеса, которыя приводятъ въ движеніе насосы, толчейные песты и молоты или мѣхи на плавильныхъ заводахъ, сами приводятся въ движеніе посредствомъ запрудъ и шлюзовъ; слѣдовательно нужно обратить

вниманіе на гидротехнику. Съ чѣмъ учащійся знакомится въ маломъ видѣ въ химической лабораторіи и пробирной палаткѣ, тѣмъ онъ долженъ умѣть управлять и въ большихъ размѣрахъ; поэтому необходимо прилежно посѣщать плавильные заводы и всѣ принадлежащія къ нимъ заведенія. При всѣхъ рудокопныхъ работахъ какъ надъ землею, такъ и подъ нею, всегда приходится вымѣрять и наносить на планы то или другое; такимъ образомъ необходимо изученіе ариметики, геометріи и тригонометріи.

Изъ этого краткаго очерка ясно видно, на что придется нацѣл студентамъ, которые удостоиваются милости быть посланными за границу. А именно имъ необходимо изучать:

- 1) Физику, на сколько она требуется для изученія металлургической химіи.
- 2) Основанія самой химіи.
- 3) Физическую географію, на сколько она необходима для изученія минералогіи.
- 4) Описаніе окаменѣлостей, минераловъ и другихъ веществъ, встрѣчающихся въ химіи и горномъ дѣлѣ.

Въ этихъ четырехъ наукахъ лучшимъ наставникомъ ихъ будетъ самъ докторъ Генкель; кромѣ того имъ у какого-нибудь пробирера можно будетъ не только ознакомиться со всѣми обыкновенными рудными и металлическими пробами, но и самимъ практически заняться этимъ дѣломъ.

- 5) Механику.
- 6) Гидравлику.
- 7) Гидротехнику.
- 8) Плавильное искусство въ обширномъ размѣрѣ и все, что относится вообще до горнозаводскаго дѣла.

Такъ какъ по части послѣднихъ четырехъ наукъ въ Фрейбергѣ, можетъ быть, нельзя будетъ найти хорошихъ наставниковъ, то студенты сами должны будутъ пособить этому горю прилежнымъ изученіемъ всѣхъ встрѣчающихся при такихъ занятіяхъ строеній и сооружений, и справками въ хорошихъ сочиненіяхъ и планахъ.

- 9) Маркшейдерское искусство, въ которомъ весьма опытенъ маркшейдеръ Бейеръ, буде онъ еще живъ.

10) При многихъ отдѣлахъ этихъ занятій будетъ весьма необходимо рисованіе. Наконецъ

- 11) нельзя будетъ обойтись безъ нѣкоторыхъ языковъ, изъ

которыхъ я преимущественно разумѣю языки: русскій, нѣмецкій, французскій, латинскій и англійскій.

Для такого росписанія, какъ мнѣ кажется, срокъ, опредѣленный докторомъ Генкелемъ, слишкомъ коротокъ. Но такъ какъ отъ молодыхъ людей на первыхъ порахъ требуютъ только хорошихъ основныхъ познаній, при помощи которыхъ имъ потомъ можно бы было продолжать начатое, то они (а преимущественно тотъ, кто отправится за границу съ небольшимъ запасомъ свѣдѣній по части рисованія, языковъ и математики) успѣли бы много сдѣлать и въ полтора года, особенно если бы отъ нихъ потребовали, чтобы они толково распредѣлили свое время и бережливо обходились съ нимъ. Для этого, по моему мнѣнію, изъ 24 часовъ въ сутки имъ можно назначить 8 часовъ для сна, 8 часовъ для занятій, 2 часа для ѣды, а остальные 6 часовъ предоставить употребить по ихъ собственному усмотрѣнію на приличнаго рода отдохновенія, на гулянье и тѣлесныя упражненія, не требующія большаго размышленія и умственной работы. При этомъ однакоже никогда не должны быть забываемы религіозныя обязанности. Поэтому и необходимо каждому изъ нихъ имѣть свою особую квартиру съ тѣмъ, чтобы одинъ не могъ мѣшать другому.

Что касается до содержанія, Всемиловѣннѣе назначеннаго молодымъ студентамъ въ достаточномъ количествѣ, то въ первый годъ, по моему мнѣнію, имъ врядъ-ли удастся сберечь что-нибудь, потому что:

- 1) Имъ необходимо экипироваться въ дорогу и явиться туда въ приличномъ видѣ.
- 2) Придется тотчасъ-же купить необходимыя для помянутыхъ наукъ книги и маркшейдерскіе инструменты.
- 3) Придется заплатить за разныя справки, въ которыхъ при дальнѣйшихъ поѣздкахъ уже не встрѣтится особенной надобности.
- 4) Тамошніе наставники безъ сомнѣнія не упустятъ случая потребовать порядочныхъ денегъ за свои уроки, такъ какъ подобные случаи имъ представляются очень рѣдко.
- 5) Понадобится купить потребныя для химическихъ операцій матеріалы, изъ которыхъ нѣкоторые не дешевы.
- 6) Такъ какъ разнаго рода горнозаводскія работы, которыя въ другимъ мѣстахъ разбросаны довольно далеко одна отъ другой, въ Саксоніи сосредоточены на одномъ мѣстѣ почти на пространствѣ 12 миль, то молодые студенты, во время своего пребыванія въ

Фрейбергъ, должны будутъ посѣтить всѣ эти заводы, что сопряжено съ издержками.

Я не сомнѣваюсь, что порядокъ и метода преподаванія будутъ устроены докторомъ Генкелемъ какъ нельзя лучше; такимъ образомъ само собою разумѣется, что контракты съ преподавателями должны быть заключены не по одному и тому-же образцу, а смотря по способностямъ каждаго студента. Для примѣра я останавлиюсь хоть на маркшейдерскомъ искусствѣ. За обученіе лица, которое не знаетъ нѣмецкаго языка и съ которымъ придется проходить первоначальныя правила ариѳметики, геометрии и тригонометрии, маркшейдеръ конечно потребуетъ несравненно больше, потому что ему придется употребить на него больше труда и времени. Если же найдется человѣкъ, которому все это уже извѣстно и который только захочетъ научиться способу примѣненія математики къ горной наукѣ, то онъ, разумѣется, если бы ему пришлось дожидаться другихъ, напрасно потратилъ бы и время свое и деньги, которыя могли бы быть употреблены на книги и другія науки.

Предписывать имъ, какъ они должны вести себя, было бы напрасно, потому что хорошій образъ жизни обусловливается добрыми природными качествами и здравымъ разсудкомъ. Можно бы было только внушить молодымъ людямъ вести себя такъ, чтобы тамошніе жители могли видѣть, что въ Россіи уже давно не въ модѣ дикіе нравы.

Что касается до дальнѣйшихъ ихъ поѣздокъ, то впоследствии, соображаясь съ успѣхами ихъ и съ тогдашними обстоятельствами, не трудно будетъ отправить къ нимъ новыя инструкціи.

№ 7. Письмо Генкеля къ барону Корѳу изъ Фрейберга, отъ 7 мая (26 апр.) 1736 г. *).

Изъ переданнаго мнѣ 5-го числа сего мѣсяца, благосклоннѣйшаго письма Вашего Высокоблагородія отъ 1-го февраля текущаго года я имѣлъ счастье узнать, что Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше повелѣтъ соизволила отправить сюда трехъ способныхъ Русскихъ и поручить мнѣ преподаваніе имъ теоретической и практической металлургіи. Ваше Высокоблагородіе желаете

---

*) На верху первой страницы нѣм. подлинника (см. выше стр. 97, № 4) пометка канцеляриста: Praes. in Cancell. acad. d. 17 May 1736.

условиться со мною относительно этого предмета и о расходах, потребныхъ на изученіе у гвардейна и маркшейдера обыкновеннаго пробирнаго и маркшейдерскаго искусства, на усвоеніе способа обжиганія и зейгеровація сѣребра, на слушаніе уроковъ по части словесныхъ и философскихъ наукъ и наконецъ на столъ и квартиру. Будучи конечно готовъ почтительнѣйше подчиниться во всемъ этомъ волѣ Ея Императорскаго Величества, я однакоже покорнѣйше прошу Васъ великодушно дозволить мнѣ высказать свое мнѣніе отдѣльно по каждому предмету и представить соображеніе о всѣхъ расходахъ.

1) Что касается до вознагражденія собственныхъ моихъ уроковъ и трудовъ, то мнѣ, правда, слѣдовало бы разрѣшеніе этого вопроса предоставить извѣстному великодушію Государыни Императрицы, если бы Ея Величеству Всемиловитѣйше не было угодно поручить мнѣ откровенно высказаться по этому предмету. Такъ какъ я, по сложности и важности упомянутой науки, не могу а ргіогі въ точности опредѣлить степень всѣхъ потребныхъ на то съ моей стороны трудовъ и сообразнаго съ ними вознагражденія, то уже придется положиться на мое доброе имя и повѣрить мнѣ на честное слово, что, назначая за свои труды 1200 рублей, я не требую ничего лишняго. Буде Ея Величеству Всемиловитѣйше угодно назначить мнѣ эту сумму за всѣхъ трехъ учениковъ, съ тѣмъ, чтобы одна половина условленныхъ денегъ, по принятому мною порядку, была выдана мнѣ впередъ, а другая уплачена въ теченіе 1 или 1½ года, то я съ своей стороны берусь и на всякій случай симъ обязуюсь: трехъ избранныхъ для сего учениковъ 1) рационально, тщательно и добросовѣстно, всѣми способами и средствами, обучать наружному описанію и распознаванію металловъ, рудъ, камней, земель, солей, горныхъ смолистыхъ веществъ и водъ, словомъ всѣхъ минераловъ, по внѣшнимъ ихъ признакамъ, породамъ и видоизмѣненіямъ, по заключающимъ ихъ породамъ и мѣсторожденіямъ, обращать при этомъ вниманіе моихъ учениковъ на химическое сродство и случайныя явленія, сообщать имъ многочисленныя мои замѣтки по этимъ предметамъ и прилежно показывать имъ въ натурѣ разнаго рода минералы, приобрѣтеніе которыхъ отчасти возможно только мнѣ одному. 2) Обязуюсь излагать внутреннее существо минераловъ, свойства каждаго, какъ въ цѣломъ, такъ и по отдѣльнымъ его частямъ, отношенія ихъ между собою и къ другимъ веществамъ, основательно и осторожно разлагать минералы, и каждый разъ, когда только представится возможность, опять соединять ихъ, за тѣмъ, прибѣгая къ содѣйствію обыкновенно

веннаго пробирнаго и маркшейдерскаго искусства, которое они имѣютъ изучать у особыхъ мастеровъ, равно какъ и искусства обжиганія и зейгерованія серебра, посѣщать горныя и плавильныя заводы, спускаться въ шахты, знакомить ихъ съ людьми, свѣдущими въ рудокопномъ и плавильномъ дѣлѣ, въ случаѣ окончанія ими курса черезъ полтора года, еще и послѣ того, во все время пребыванія ихъ здѣсь, занимать ихъ работами, упражненіями и повтореніями, дома прилежно репетировать съ ними уроки, и несусыдно наблюдать за тѣмъ, чтобы они по-пусту не тратили времени, а въ особенности избѣгали дурнаго общества и сохраняли свое здоровье. Вообще, я съ Божіей помощью надѣюсь сдѣлать изъ моихъ учениковъ такихъ людей, которые будутъ умѣть понимать ситуацію горъ, на сколько возможно правильно судить о свойствахъ рудныхъ жилъ по качеству чернозема и проходящимъ по немъ прожилкамъ, по наружнымъ признакамъ заключать о показываемыхъ рудахъ и горныхъ породахъ, на основаніи тщательнаго осмотра строенія горъ и отличительныхъ наружныхъ и внутреннихъ свойствъ, дѣлать наиболѣе правдоподобные выводы о качествахъ рудъ и горныхъ породъ, рационально и искусно изслѣдовать каждый минералъ, приискывать, устраивать и улучшать способы обработки рудъ, открывать причины неудачи тѣхъ работъ, которыя производятся дѣйствіемъ огня, предварительно разсматривать предъявляемые проекты, указывать употребленіе и пользу минераловъ, составлять доклады о своихъ наблюденіяхъ и опытахъ надъ тѣмъ или другимъ минераломъ и отдавать объ этомъ толковыя отчеты. Однимъ словомъ, я надѣюсь сдѣлать изъ нихъ такихъ людей, которые, сообразно видамъ Ея Величества, съумѣютъ принести пользу какъ по рудокопной и плавильной части, такъ и при другихъ заводахъ, на которыхъ требуется знаніе минераловъ.

II) Обыкновенная плата за изученіе необходимаго сверхъ того общаго пробирнаго искусства составляетъ съ каждаго лица по 50, за уроки маркшейдерскаго искусства по 50, за обжиганіе серебра по 20, и за зейгерованіе по 20 рейхсталеровъ.

III) Обращаюсь за тѣмъ къ преподаванію словесныхъ и философскихъ наукъ. Въ этомъ отношеніи я полагаю, что напр. по части латинскаго или греческаго языка ученикамъ моимъ по крайней мѣрѣ довольно будетъ заняться упражненіями, а логику примѣрно проходить на столько, чтобы умѣть правильно мыслить и рассуждать, и ясно да связно выражаться; за тѣмъ еще обучаться геометріи, на которой основывается маркшейдерское искусство. Во всѣхъ этихъ наукахъ тутъ представляется прекрасный случай

брать частные уроки у конректора здѣшней гимназіи, М. Лютера, человѣка ученаго, опытнаго и добросовѣстнаго. Въ случаѣ, если бы какой-нибудь изъ этихъ предметовъ вовсе не понадобился, или однимъ изъ нихъ пришлось бы заняться болѣе, чѣмъ другими, какъ напр. географіей, которая не мало содѣйствуетъ къ изученію исторіи минераловъ, то плата за уроки будетъ зависѣть не отъ выбора предметовъ, а отъ числа учебныхъ часовъ. Означенный учитель за преподаваніе уроковъ 3 человѣкамъ, считая по одному учебному часу на каждый день, за исключеніемъ воскресенья, требуетъ въ мѣсяцъ по 3 рейхсталера, а слѣдовательно за 2 урока въ день просить и, по моему мнѣнію, вполне заслуживаетъ двойной платы. При этомъ учащіеся будутъ имѣть случай по временамъ посѣщать гимназическую бібліотеку, а для упражненія въ латинскомъ языкѣ слушать публичныя рѣчи.

IV) Квартиру и столъ я охотно давалъ бы имъ отъ себя, но, не имѣя собственнаго дома и свободнаго помѣщенія, долженъ отказать отъ этого. На всякій случай однакоже я прискалъ квартиру въ одной аптекѣ, гдѣ отдаются комнаты со спальней въ 3 кровати за 40, 30 и даже 25 рейхсталеровъ въ годъ. На дрова, которыя они, буде желаютъ, могутъ покупать и сами, можетъ потребоваться въ годъ, смотря по величинѣ комнаты, отъ 16 или 18 до 20 рейхсталеровъ. Тамъ молодые люди были бы помѣщены ближе всего отъ меня; притомъ въ аптекѣ они имѣли бы случай ознакомиться съ нѣкоторыми приемами при работахъ, производимыхъ дѣйствіемъ огня. Наконецъ имъ въ этомъ домѣ менѣе всего предстоитъ опасность терять по-пусту время. Если бы однакоже помѣщеніе это не пришлось имъ по душѣ, то я могъ бы сдѣлать еще другое предложеніе; но въ томъ и другомъ случаѣ мнѣ необходимо сперва знать довольно-ли имъ одной комнаты съ каморкой, или имъ нужно, какъ я полагаю, болѣе покоевъ. Кромѣ того можно надѣяться, что, при наймѣ нѣсколькихъ комнатъ, съ цѣны, требуемой нынѣ за каждую комнату, отдѣльно взятую, будетъ сдѣлана въ сложности порядочная сбавка....

Какимъ образомъ все это сдѣлать и уладить, это будетъ зависѣть отъ самихъ господъ студентовъ, да и выяснится само собою, отчасти со временемъ, отчасти тотчасъ-же. Къ преподаванію же своихъ уроковъ я полагаю приступить немедленно, не теряя времени. Я конечно не премну сообразоваться и съ распоряженіями Вашего Высокоблагородія. О томъ, въ какой степени господа студенты должны подлежать моему вѣдѣнію, и о всѣхъ порученіяхъ, какія Государынѣ Императрицѣ Всемилоствѣйше еще угоднo бу-

деть возложить на меня, я буду ожидать дальнѣйшихъ повелѣній Ея Величества, которыя приму съ достоудолжнымъ уваженіемъ и добросовѣстно постараюсь всячески выполнить какъ можно лучше. Все это я готовъ сдѣлать тѣмъ болѣе, что очень хорошо знаю, какъ послѣ Господа Бога и Всемиловивѣйшаго Государа моего отечество мое безконечно много обязано Ея Величеству и никакими сокровищами въ мірѣ не въ состояніи отблагодарить за то высоко-державное покровительство, которое Ея Величество оказало Саксоніи противъ враговъ. Поэтому каждый честный Саксонецъ, при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ, всегда и во вѣки вѣковъ, долженъ питать въ душѣ своей глубочайшее благоговѣніе къ Ея Величеству, какъ ко второй своей Государынѣ. Въ заключеніе принимаю на себя смѣлость снова обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою, въ случаѣ, если бы означеннымъ лицамъ пришлось отправиться сюда, доставить мнѣ давно желаемое удовольствіе присылкою нѣсколькихъ, уже предложенныхъ мнѣ русскихъ, сибирскихъ и камчатскихъ рудъ и горныхъ породъ, и хотъ какого-нибудь листка изданій Россійской Императорской Академіи. Надѣясь, что кое-какія изъ моихъ сочиненій уже получены черезъ оберъ-гауптмана Шѣнберга, имѣю честь быть съ неизмѣннымъ высокопочитаніемъ и т. д.

Фрейбергъ, 7 маія 1736 г.

№ 8. Приблизительная сѣта необходимыми расходами на трехъ студентахъ, посылаемыхъ за границу, 1736 г. *)

За столъ, по 5 рейхсталеровъ въ мѣсяцъ....	60 рейхст.
За квартиру, дрова, свѣчи, прислугу, постель и мытье бѣлья.....	50 »
На одежду и починку ея.....	30 »
На башмаки и чулки.....	8 »
На шляпу и парикъ.....	8 »
На бѣлье.....	16 »
На мелочи и экстренныя издержки, какъ то: на пудру, помаду, перчатки, ленты, пуговицы къ рукавамъ, ваксу, рудокопную одежду и пр.....	28 »
	<hr/>
	всего... 200 рейхст.

*) См. нѣж. подл. на стр. 102 (№ 5).

или считая рейхсталеръ по 80 коп. .... 160 руб.
 За тѣмъ у каждаго изъ назначаемыхъ ему въ годъ 400
 рублей останется еще на учение ..... 240 »

 всего ... 400 руб.

Бергфизикъ же Генкель въ
 Фрейбергѣ требуетъ на кажды-
 го въ годъ: считая за свои тру-
 ды по наблюденію и обученію
 3-хъ лицъ въ теченіе 1½ года
 1200 рублей, а слѣдов. въ годъ
 800 руб. что составитъ на каж-
 дое лицо ..... 266 руб. 66⅔ коп.

За обученіе пробирному искус-
 ству въ годъ ..... 33 рейхст. 30 грош.

За маркшейдерское искусство 33 » 30 »

За обжиганіе серебра ..... 13 » 30 »

За зейгерование ..... 13 » 30 »

За преподаваніе, по 2 часа въ
 день, латинскаго и грече-
 скаго языковъ, логики, гео-
 графій, минеральной исто-
 рій и геометріи ..... 24 »

-----
 117 » 30 »

или, считая рейхст. по 80 коп. .... 93 руб. 86⅔ коп.

-----
 360 руб. 53⅓ коп.

 всего ... 520 руб. 53⅓ коп.

Въ такомъ случаѣ къ назначеннымъ имъ ..... 400 руб.

сверхъ денегъ на путевыя издержки пришлось

бы добавить еще ..... 120 руб. 53⅓ коп.

№ 9. Указъ изъ Пр. Сената Академіи Наукъ, отъ 31 мая 1736 г. *)

Указъ Ея Имп-аго Величества Самодержицы Всероссій-
 ской изъ Правительствующаго Сената Академіи Наукъ.

По указу Ея Имп-каго Величества, Правит-щій Сенатъ, по до-

*) Наверху страницы помета: Копія. — Полученъ въ Академіи Наукъ
 4 июня 1736 году.

попеченію оной Академіи и по приобщенной притомъ съ резолюціи за подписаніемъ господъ Кабинетныхъ Министровъ копіи приказали: на дачу отправляющимся въ Фрейбургъ для обученія металлургіи ученикамъ на тамошнее содержаніе и на прочее отпустить нынѣ во оную Академію изъ Штатсъ-конторы тысячу двѣсти рублей, а оной Академіи о опредѣленіи имъ жалованья и о прочемъ чинить по выше писанной господъ кабинетныхъ министровъ резолюціи, и Академіи Наукъ о томъ вѣдать и чинить по сему Ея Императорскаго Величества указу, а въ Штатсъ-контору указъ изъ Сената посланъ. Маія 31 дня 1736 года.

У подлиннаго подписано тако: Оберъ-секретарь Дмитрей Невѣжинъ...

№ 10. Опредѣленіе Академіи объ отправкѣ трехъ студентовъ въ марбургскій университетъ. 1736 г. *).

По Высочайшему повелѣнію постановлено:

Государыня Императрица, по всеподданнѣйшемъ Ея Величеству докладѣ, указомъ изъ Высокаго Кабинета отъ 13 марта сего года Всемилостивѣйше повелѣтъ соизволила: 3-хъ предложенныхъ студентовъ, Райзера, Виноградова и Ломоносова, для изученія металлургіи и другихъ физическихъ наукъ отправить въ Фрейбергъ къ бергфизіку Генкелю, а на путевыя издержки и содержаніе ихъ назначить въ годъ 1200 рублей, изъ которыхъ впрочемъ выдавать имъ лишь столько, сколько дѣйствительно окажется нужнымъ, остальное же оставить въ запасъ и хранить счетомъ. Но такъ какъ изъ полученныхъ нынѣ отъ бергфизіка Генкеля писемъ отъ 7-го и 17-го мая сего года оказывается, что сумма, требуемая имъ на дальнѣйшее обученіе и содержаніе означенныхъ студентовъ, далеко превышаетъ сумму, Всемилостивѣйше назначенную на это Ея Императорскимъ Величествомъ, то постановлено: упомянутыхъ трехъ учениковъ отправить сперва въ Марбургъ, въ Гессенѣ, съ тѣмъ чтобы они тамъ усвоили себѣ начальныя основанія металлургіи, химіи и прочихъ относящихся сюда

*) См. тамъ подл. на стр. 103 (№ 6).

наукъ, къ изученію которыхъ здѣсь не представляется случая*). Они обязаны продолжать свои занятія подъ руководствомъ профессора Вольфа, къ которому объ этомъ имѣеть быть написано особо, и согласно инструкціи, которую получаютъ, должны повести эти занятія и устроить свой образъ жизни такъ, чтобы по прошествіи двухъ лѣтъ, въ видахъ достиженія предположенной Ея Величествомъ цѣли, могли еще практически изучить дѣло во Фрейбергѣ и другихъ горныхъ мѣстахъ, въ Голландіи, Англіи, Франціи и т. д. Каждому изъ нихъ назначается въ годъ по 300 рублей, изъ которыхъ они должны не только содержать себя, но и покрыть издержки на проѣздъ въ Марбургъ и всѣ другіе необходимыя расходы. Остальные 300 рублей остаются въ запасъ, съ тѣмъ чтобы изъ нихъ могли быть уплачены могущіе встрѣтиться экстренные расходы и путевыя издержки въ случаѣ дальнѣйшей поѣздки въ Голландію, Англію и Францію.

№ 11. Денежное изъ Статсъ-конторы въ Академію Наукъ, отъ 15 іюня 1786 г.

Промеморія

изъ Государственной Статсъ-конторы въ Академію Наукъ. По указу Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената сего іюня 7-го и по опредѣленію Государственной Статсъ-конторы 15-го чиселъ велѣно на дачу отправляющимся въ Фрейбергъ для обученія металлургіи къ бергъ-физику Генкелю ученикамъ Густавъ Удриху Рейзеру, Дмитрію Виноградову, Михайлу Ломоносову на тамошнее содержаніе и на прочее тысячу двѣсти рублейъ отпустить въ Академію Наукъ изъ санктъ-петербургской рентереи изъ неположенныхъ въ статъ доходовъ и отдать по требованію оной Академіи промеморією сего жъ іюня 11-го дня канцеляристу Андреясу Линдорфу рублевою монетою; и о

---

*) «Металлургіи, химіи и прочихъ относящихся сюда наукъ, къ изученію которыхъ здѣсь въ настоящее время не представляется случая. Дѣлаю эту приписку потому, что иначе могъ бы родиться вопросъ, почему имъ не сообщаются здѣсь начальныя основанія другихъ наукъ».

Притиска эта, начинающаяся словами: къ изученію, содлана президентомъ къ копіи съ черновой Шумахера.

томъ во оную рентерею ассигнація послана и въ Академіи Наукъ да благоволятъ о томъ вѣдать. Санктъпитербурхъ, іюня 15-го дня 1736 году.

Антонъ фонъ-Залца.

№ 12. Письмо горнаго совѣтника Райзера къ Шумахеру, отъ 19-го іюня 1736 г. *)

Я весьма одобряю предложеніе отправить молодыхъ людей предварительно въ Марбургъ. Вѣдь такъ какъ они должны сдѣлаться не простыми лишь пробирерами и рудокопами, а учеными химиками и металлургами, то почти необходимо, чтобы они сначала нѣсколько освоились съ философскими, математическими и словесными науками. Тогда, пожалуй, и можно будетъ, какъ это предложилъ г. Генкель, въ 1½ года выучить такихъ студентовъ горному дѣлу. Но врядъ-ли это удастся сдѣлать, если они примутся за изученіе горнаго искусства безъ предварительной подготовки, и такъ сказать съ немѣткими руками, да еще отчасти подъ руководствомъ неученыхъ наставниковъ, занимающихся своимъ дѣломъ, какъ ремесломъ. Не говорю уже о томъ, что (для молодыхъ людей) теперь именно самое удобное время болѣе и болѣе практиковаться и совершенствоваться въ начатыхъ ими языкахъ и упражненіяхъ, и что въ Фрейбергѣ они вовсе не будутъ имѣть случая, въ университетѣ же имѣютъ полнѣйшую возможность заняться всѣмъ этимъ. Какъ-то странно видѣть, когда ученикъ, у котораго уже отросла черная борода, ходитъ учиться языкамъ, фехтованію и рисованію. Притомъ же Марбургъ — мѣсто, которое прославлено Вольфомъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что тамъ, по его распоряженію, кромѣ давно уже поселившихся эмигрантовъ, есть способныя лица по всѣмъ полезнымъ наукамъ. Въ Гессенѣ также находятся рудники, и хотя впоследствии необходимо будетъ посѣтить Фрейбергъ, но студенты наши явятся туда уже не столь грубыми, а нѣсколько остепенившись, и будутъ внушать къ себѣ гораздо больше уваженія. Фрейбергъ мнѣ очень хорошо извѣстенъ. Всѣ, какъ это обыкновенно бываетъ въ маленькихъ провинціаль-ныхъ городкахъ, стараются взять съ пріѣзжаго, сколько могутъ;

*) См. нѣм. подл. на стр. 104 (№ 7).

но если кто умѣетъ только столкнуться съ ними, то они охотно довольствуются тѣмъ, что имъ даешь. Я увѣренъ, что если наши молодые люди года два поучатся прилежно въ университетѣ, да получать нѣкоторое образованіе, а потомъ явятся въ Фрейбергъ въ качествѣ любознательныхъ пріѣзжихъ, то г. Генкель вѣроятно сбавитъ свою цѣну, и лекціи свои, за которыя теперь требуетъ 1200 рублей, станетъ читать за 300 рублей, потому что болѣе этого онѣ врядъ-ли могутъ стоить. Но положимъ, что онѣ обойдутся и дороже: все таки студенты будутъ имѣть ту выгоду, что они въ первые годы сэберегутъ изъ своей стипендіи столько, что плата за такія дорогія лекціи будетъ имъ менѣе чувствительна и имъ не придется для этого отказывать себѣ въ необходимой пищѣ и одеждѣ.

Почтенный другъ мой, по своему собственному разумѣнію, лучше всего самъ сдѣлаетъ обо всемъ этомъ представленіе куда слѣдуетъ. Если Вы полагаете, что я могу дать еще какія-либо объясненія о нѣкоторыхъ мелочахъ, то прошу располагать Вашимъ, Милостивый Гоеударь, и т. д. . . .

19 июня 1736 г.

№ 13. Рапортъ чиновника Линдорфа о полученіи суммы на обученіе трехъ студентовъ, отъ 26 июня 1736 г. *)

Нижайшій рапортъ въ Канцелярію Императорской Академіи Наукъ.

1736 года,
19 июня.

Согласно предписанію отъ 11 июня за № 375, мною принято изъ Казначейства для молодыхъ людей, отправляемыхъ въ Фрейбергъ 1200 руб.

Линдорфъ.

С. Петербургъ, 26 июня 1736 г.

---

*) См. нѣм. подл. на стр. 105 (№ 8). Наверху страницы помѣта канцеляриста: Pgaev. in Cancell. acad. d. 26 Jun. 1736.

**№ 14. Распоряженіе бар. Корфа, отъ 7 авг. 1736 г., о выдачѣ
пашпорта тремъ студентамъ для поѣздки за границу *).**

По указу Ея Императорскаго Величества въ Академіи Наукъ обрѣтающій главный командирь, дѣйствительный камергеръ баронъ фонъ-Корфъ, приказалъ въ Государственную Коллегію иностранныхъ дѣлъ послать промеморію, которою требовать: понеже по указу Ея Императорскаго Величества посылаются изъ Академіи Наукъ въ Марбургъ и Фрейбургъ и въ другія мѣста студенты Густавъ Ульдрихъ Рейзеръ, Дмитрій Виноградовъ, Михайло Ломоносовъ для обученія химіи и металлургіи, которые нынѣ имѣютъ ѣхать водянымъ путемъ на кораблѣ пмянуемомъ Оербототъ съ шкиперомъ Мингосъ въ городъ Любекъ, того ради дабы онымъ студентамъ изъ помянутой Коллегіи для свободнаго имъ пропуску въ тѣхъ мѣстахъ и до города Любека водянымъ путемъ на вышеписанномъ кораблѣ данъ былъ съ возвращеніемъ въ Россію по окончаніи ихъ наукъ пашпортъ. За подписаніемъ господина камергера Корфа. Августа 7 дня 1736 года. **).

**№ 15. Инструкція, данная каждому изъ трехъ студентовъ при ихъ
отъѣздѣ въ Марбургъ, 18 авг. 1736 г. ***).**

Понеже по всемилостивѣйшему указу Ея Императорскаго Величества марта отъ 7 дня 1736 года опредѣлено при Академіи Наукъ отправить трехъ студентовъ, Густава Ульриха Рейзера, Дмитрія Виноградова, Михайла Ломоносова, въ Марбургъ и въ гессенскія горныя мѣста, дабы они тамъ химіи и горнымъ дѣламъ учились и государство бы со временемъ отъ нихъ въ некоторую пользу получить могло, то дается имъ на то слѣдующая инструкція, а именно студентамъ Дмитрію Виноградову, Густаву Ульриху Рейзеру, Михайлу Ломоносову.

1) Должны они во всѣхъ мѣстахъ во время своего пребыванія

*) Копія.

***) Промеморія съ Коллегію иностранныхъ дѣлъ отослана того же числа.

***). См. стр. 106 (№ 9), Инструкція переведена была 18 авг., но копія съ перевода, подписанная студентами и здѣсь напечатанная, не имѣетъ числа.

показывать пристойные нравы и поступки, такъ же и о продолженіи своихъ наукъ наилучше стараться.

2) Къ полученію желаннаго намѣренія ничего не оставлять, что до химической науки и горныхъ дѣлъ касается, а при томъ учиться и естественной исторіи, физикѣ, геометріи и тригонометріи, механикѣ, гидрауликѣ и гидротехникѣ.

3) Объявленнымъ наукамъ учиться ему у тамошняго совѣтника правительства господина Вольфа и требовать отъ него при всѣхъ случаяхъ совѣта, а къ нему о томъ уже писано и впредь письменная пересылка съ нимъ содерлана быть имѣеть.

4) Положивши основаніе въ теоріи, долженъ онъ при осматриваніи рудокопныхъ мѣстъ различныя свойства горъ и рудъ, такъ же и случающуюся при томъ работу и прочія къ тому принадлежащія машины и строенія прилежно примѣчать, а при плавленіи и отдѣленіи рудъ въ лабораторіяхъ самъ трудиться, и вездѣ въ практикѣ ничего не пренебрегать, чѣмъ онъ свое званіе въ химіи и въ горныхъ дѣлахъ въ возможное совершенство привести можетъ.

5) Стараться имъ о полученіи такой способности въ русскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, чтобъ они ими свободно говорить и писать могли, а при томъ учиться прилежно рисованію.

6) Присылать всегда по прошествіи полугода въ Академію Наукъ извѣстія, какимъ наукамъ и языкамъ онъ обучается; такъ же и нѣчто изъ своихъ трудовъ въ свидѣтельство прилежанія и при томъ счетъ съ росписками о своихъ расходахъ.

7) Ежели они потомъ, смотря по обстоятельствамъ, далѣе въ Саксонію, Голандію, Англію и Францію посланы быть имѣютъ, то дана будетъ ему (sic) тогда новая инструкція.

Чему помянутые Густавъ Ульрихъ Рейзеръ, Дмитрій Виноградовъ и Михайло Ломоносовъ точно послѣдовать должны.

Ея Императорскаго Величества Дѣйствительный Камергеръ
и Академіи Наукъ Главный Командиръ баронъ

фонъ-Корфъ.

Такову инструкцію студентъ Михайло Ломоносовъ получилъ, по которой точно исполнять будетъ.

Такову инструкцію получилъ студентъ Дмитрій Виноградовъ, по которой и проч.

Такову инструкцію получилъ студентъ Рейзеръ, по которой и пр.

№ 16. Письмо барона Корфа къ Вольфу, отъ 18 авг. 1736 г. *).

Особенно рекомендую Вашему Высокоблагородію подателей этого письма, студентовъ Райзера, Ломоносова и Виноградова, которымъ Ея Имп. Величество Всемилостивѣйше повелѣтъ соизволила усовершенствоваться за границею въ металлургіи и прочихъ наукахъ, относящихся къ горной части. Инструкція ихъ покажетъ Вамъ, что они обязаны дѣлать, а въ самомъ непродолжительномъ времени я самъ буду имѣть честь увѣдомить Васъ обо всемъ остальномъ.

С. Петербургъ 18 авг. 1736 г.

№ 17. Изъ письма академика Крафта къ професс. Вольфу, отъ 30 авг. 1736 г. **).

Отсюда отправлены за границу, для изученія наукъ, трое прекрасныхъ молодыхъ людей, которымъ Государыня Императрица наша Всемилостивѣйше изволила назначить стипендію. Въ числѣ ихъ находится Райзеръ, который до сихъ поръ слушалъ и у меня лекціи, и котораго мнѣ не хотѣлось отпустить къ Вамъ безъ всякаго доказательства моего уваженія къ Вамъ. Лучшею рекомендаціею Райзеру служатъ его скромность и прямотушіе, къ которымъ присоединяется еще необыкновенная любовь и рвеніе къ наукамъ, въ особенности математическимъ. Начальную геометрію и нѣсколько главъ высшей геометріи, простую алгебру и главнѣйшія основанія естественныхъ наукъ онъ изучалъ такъ, что, не довольствуясь знаніемъ внѣшнихъ явленій, постоянно старался доискиваться ихъ причинъ и такимъ образомъ вникалъ въ сущность дѣла. Если же ему еще удастся умножить свои занятія подъ Вашимъ славнымъ руководствомъ, то я нисколько не могу сомнѣваться въ томъ, что онъ вынесетъ оттуда прекрасные плоды....

*) См. нѣм. подл. на стр. 107 (№ 10).

**) См. лат. подлинникъ на стр. 108 (№ 11).

**№ 18. Письмо студента Райзера изъ Любека къ барону Корфу,
отъ 20 октября 1736 г. *).**

Почтительнѣйше откланявшись у Вашего Превосходительства, мы 8 сентября сѣли на корабль, но вслѣдствіе сильной бури вернулись опять черезъ два дня и за тѣмъ лишь 19 сентября отправились въ Кронштадтъ, оттуда 23 числа поплыли дальше и 29 прошли мимо Ревеля. 4 октября мы миновали Готландъ, а 16 прибыли наконецъ въ Травемюнде. Съ соизволенія Вашего Превосходительства мы располагаемъ пробить здѣсь въ Любекѣ для отдыха еще нѣскольکو дней, а потомъ немедленно продолжать нашъ путь. Твердо уповаю на то, что Ваше Превосходительство соблаговолите и впредь удостоивать меня той милости, которой я обязанъ былъ въ Петербургѣ столькими благодѣянiями, пребываю на всю жизнь съ глубочайшимъ уваженiемъ и почтенiемъ....

Любекъ 20 окт. стар. ст. 1736 г.

**№ 19. Письмо студента Райзера изъ Марбурга къ барону Корфу,
отъ 7 ноября 1736 г. **).**

Три дня послѣ того, какъ я имѣлъ честь доносить Вашему Превосходительству о прiѣздѣ нашемъ въ Любекъ, мы на почтовыхъ отправились въ Гамбургъ и оттуда, черезъ Нiенбургъ, Минденъ, Ринтельнъ и Кассель, 3 ноября по старому стилю благополучно прiѣхали въ Марбургъ. Г. регирунгсратъ Вольфъ хочетъ самъ принять на себя трудъ руководить нашими занятiями согласно инструкціи, полученной нами отъ Вашего Превосходительства; о таковыхъ занятiяхъ не премину представить почтительнѣйше въ свое время отчетъ. Теперь же покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство принять искреннее мое увѣренiе въ томъ, что чѣмъ дагѣе, тѣмъ болѣе я съ величайшею признательностью цѣню ока-

*) См. тѣм. подл. на стр. 108 (№ 12). На верху первой страницы письма: Praes. in Cancell. acad. d. 17 Febr. 1737.

***) См. тѣм. подл. на стр. 109 (№ 13). На верху первой страницы письма: Praes. in Cancell. acad. d. 17 Febr. 1737.

занную мнѣ милость и всѣми силами буду стараться заслужить ее по крайней мѣрѣ постояннымъ прилежаніемъ. Но если бы силы мои на это оказались недостаточными, то умоляю Ваше Превосходительство благоволить принять увѣреніе, что я, хотя и недостойный Вашей милости, считаю первымъ долгомъ своимъ, съ благосклоннаго дозволенія Вашего, пребывать съ искреннимъ уваженіемъ и глубочайшимъ почтеніемъ....

Марбургъ 7 ноября 1786 г. стар. стил.

№ 20. Изъ письма барона Корфа къ Вольфу, отъ 3 марта 1787 г. *).

Изъ письма Вашего Высокоблагородія отъ 25 ноября 1786 года **), которое мнѣ передано здѣсь недавно, по возвращеніи моемъ изъ Курляндіи, я съ большимъ удовольствіемъ ознакомился съ тѣми распоряженіями, которыя Вамъ угодно сдѣлать въ пользу трехъ русскихъ студентовъ, прибывшихъ въ Марбургъ. Вполнѣ одобряя заведенный Вами доселѣ порядокъ тѣхъ лекцій, которыя имъ придется посѣщать, я и дальнѣйшее наблюденіе за этими молодыми людьми, на все время пребыванія ихъ въ Марбургѣ, предоставляю Вашему благоусмотрѣнію....

№ 21. Доношеніе Акад. Наукъ въ Правительствующій Сенатъ, отъ 20 іюня 1787 г. ***).

Въ Правительствующій Сенатъ изъ Академіи Наукъ доношеніе.

По резолюціи за подписаніемъ Господъ Кабинетныхъ Министровъ на докладѣ Академіи Наукъ марта 13 дня прошлаго 1786 года велѣно трехъ учениковъ для обученія металлургіи отправить въ

---

*) Нѣм. подл. (съ копіи) см. на стр. 110 (№ 14).

**) Письмо Вольфа отъ 25 ноября 1786, не отыскано.

***) Съ черновой.

Фрейбургъ къ бергъ-физику Генкелю, и на содержаніе ихъ отсылать въ Академію Наукъ по 1200 руб. на годъ, изъ которой суммы опредѣлить имъ годоваго жалованья въ бытность ихъ въ Фрейбургъ по разсужденію Академіи, чтобъ могли себя тамъ содержать безъ излишества, а что будетъ отъ той суммы оставаться, удерживать въ казну при Академіи Наукъ, а какъ они будучи въ Фрейбургъ науку примуть и потребно имъ будетъ ѣхать для окончанія тѣхъ своихъ наукъ и смотрѣнія славнѣйшихъ химическихъ лабораторей въ Англію, Голандію и во Францію, тогда имъ для тамошней бытности и возвращенія въ Россію учинить прибавку изъ вышеписанной остаточной суммы по разсмотрѣнію. И по оной резолюціи изъ Академіи Наукъ для обученія химии и металлургіи въ Фрейбургъ, въ Марбургъ и другія мѣста отправлены ученики Густавъ Уддрихъ Рейзеръ, Дмитрій Виноградовъ да Михайла Ломоносовъ, и на содержаніе ихъ, по присланному изъ Правительствующаго Сената Академіи іюня 4 дня того жъ году указу, сумма 1200 руб. изъ Государственной Штатсъ-конторы получена, изъ которыхъ онымъ ученикамъ выдано 900 руб., а достальныя 300 р. оставлены еще въ Академіи, а понеже чтобъ впредь на тѣхъ учениковъ ежегодно объявленную сумму въ Академію отпускать, того въ ономъ указѣ не упомянуто, ибо тому годъ уже минулъ и оныя ученики еще обрѣтаются въ Марбургъ и на содержаніе оныхъ въ Академію надлежитъ съ числа іюня отъ 4 числа сего 1787 году еще на годъ толикое же число отпустить заблаговременно.

Того ради Правительствующему Сенату Академія предлагаетъ и требуетъ, дабы повелѣно было показанную сумму 1200 руб. на годъ въ Академію изъ оной же Штатсъ-конторы отпустить, чтобъ можно было оныя деньги къ нимъ ученикамъ послать неумедля, да и впредь указомъ повелѣть, чтобъ показанная Контора по требованіямъ отъ Академіи, ежели оныя ученики тамъ же сколько времени въ наукахъ будутъ, ежегодно по 1200 рублевъ отпускать.

Іюня 20 дня 1787 году.

№ 22. Письмо барона Корфа къ профессору Вольфу, отъ 8 августа 1787 г. *).

Такъ какъ я уже довольно долго не получалъ никакихъ извѣстій отъ посланныхъ въ Марбургъ студентовъ, порученныхъ над-

*) См. тамъ подл. на стр. 110 (№ 15).

зеру Вашего Высочайшаго Благоугодія, а между тѣмъ они, по данной имъ инструкціи, обязаны каждые полгода присылать подробные отчеты о своихъ занятіяхъ, съ приложеніемъ пробныхъ диссертацій, то я вкорнѣйше прошу Васъ понудить ихъ къ исполненію этого, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ своей стороны сообщить мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о ихъ житіи и объ успѣхахъ ихъ въ наукахъ. Имѣю честь быть и т. д.

8 авг. 1737 г.

№ 23. Письмо президента Академіи къ тремъ марбургскимъ студентамъ, отъ 8 августа 1737 г. *).

Господа!

Согласно данной вамъ инструкціи вы обязаны чрезъ каждые полгода представлять подробный отчетъ о вашихъ занятіяхъ, съ приложеніемъ пробныхъ диссертацій, и точный расчетъ въ полученныхъ деньгахъ. Такъ какъ свѣдѣнія эти до сего времени отъ васъ еще не получены, то вы имѣете не медлить болѣе представленіемъ ихъ, а донести въ наискорѣйшемъ времени о ходѣ своихъ занятій и объ употребленіи отпущенныхъ вамъ денегъ. Изъ пробныхъ диссертацій, которыя вами будутъ приложены, я увижу, какіе успѣхи вы сдѣлали въ наукахъ.

№ 24. Опредѣленіе Канцеляріи Академіи Наукъ о марбургскихъ студентахъ, отъ 14 августа 1737 г. **).

По указу Ея Императорскаго Величества Академія Наукъ опредѣлила за-моря въ Марбургъ писать на нѣмецкомъ языкѣ къ ученикамъ Михайлѣ Ломоносову, Дмитрію Виноградову, къ Рейзеру съ требованіемъ о присылкѣ отъ нихъ о наукахъ, что обучали и обучаются и по силѣ данной имъ инструкціи 6 пункта ежемѣсячныхъ репортовъ немедленно, такожъ о присылкѣ счетовъ о

*) См. тамъ. подл. на стр. 111 (№ 16). По росписи почтамта это письмо отправлено 9 авг.

***) Съ черновой.

издержанныхъ на нихъ деньгахъ, такожъ профессору Вольфу въ Марбургъ писать и о нынѣшнй надъ ними крѣпкого смотрѣнія и о респортированіи о ихъ состояніи.

Августа 14 дня 1737 году.

**№ 25. Указъ Правительствующаго Сената Академіи Наукъ,
отъ 18 августа 1737 г. *).**

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Правительствующаго Сената Академіи Наукъ. По указу Ея Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ, по доношенію оной Академіи, приказали: на содержаніе отправленныхъ изъ той Академіи въ 736 году по резолюціи господъ кабинетныхъ министровъ въ Фрейбургъ къ бергъ-физику Генкелю, для обученія металлургіи трехъ учениковъ, опредѣленную по той же господъ кабинетъ-министровъ резолюціи сумму тысячу двѣсти рублей въ нынѣшней 737 годъ, считая іюня отъ четвертаго числа, отпустить такожъ и впредь по требованіямъ отъ Академіи, ежели оныя ученики тамъ же сколько времени въ наукѣ будутъ, ежегодно по означенной же суммѣ во оную Академію Наукъ отпускать изъ Штатсъ-конторы, а когда оныя возвратятся, тогда объ нихъ подать въ Сенатъ извѣстіе немедленно, и Академіи Наукъ о томъ вѣдать и учинить по сему Ея Императорскаго Величества указу, а въ Штатсъ-контору указъ изъ Сената посланъ. Августа 18 дня 1737 году.

На подлинномъ пишеть тако:

Оберъ-Секретарь Павелъ Севергинъ.

Секретарь Лукіанъ Перовъ.

**№ 26. Изъ письма профессора Вольфа къ бар. Корфу изъ
Марбурга, отъ 12 (1) іюня 1737 г. **).**

...Прошло уже полгода съ тѣхъ поръ, какъ проживающіе здѣсь русскіе студенты, согласно инструкціи, должны послать отчеты о

---

*) *Оъ котѣи.*

**) *Ом. нѣм. подл. на стр. 111 (№ 17). Это письмо получено въ С. Петербургъ послѣ 8 авг. Надпись: Praes. in Cancell. acad. d. 24 Aug. 1737.*

своихъ занятіяхъ. Правда, что они обучались первоначальнымъ основаніямъ ариметики и геометріи, прилагаемъ стараніе къ изученію нѣмецкаго языка и начинаютъ уже говорить по-нѣмецки; но я не знаю, какія упражненія (врсиміна) они могутъ представить объ этомъ. Напоминалъ я имъ также о счетѣ, но они отговаривались тѣмъ, что не знаютъ, какъ отправить пакеты свои въ Россію; послать же ихъ по почтѣ будто-бы слишкомъ затруднительно. Благоволите слѣдовательно Ваше Превосходительство увѣдомить меня, какъ поступить въ этомъ случаѣ. За столь они еще ничего не уплатили. Желаютъ они также заняться естественной исторіей, но мнѣ хотѣлось бы лучше, чтобы Ваше Превосходительство поручили Императорской Академіи Наукъ предписать, какъ имъ удобнѣе всего приняться за это дѣло, потому что Академія лучше меня сумѣетъ опредѣлить это. Упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ они вѣроятно будутъ продолжать и кромѣ того ознакомятся съ основаніями механическихъ наукъ, такъ чтобы зимою могли перейти къ физикѣ. Впрочемъ жду Вашихъ приказаній относительно всего....

Марбургъ 12 іюня 1737 г.

№ 27. Изъ письма профессора Вольфа къ академику Крафту, отъ 13 (2) іюня 1737 г. *).

Почтеннѣйшее письмо Ваше, которыми Вы препоручали мнѣ студентовъ, посланныхъ къ намъ изъ Россіи, и просили о повтореніи одного гидравлическаго опыта, я получилъ въ началѣ зимы. Дѣлаю, кажется, все, что въ моихъ силахъ, чтобы исполнить Ваше порученіе, и писалъ объ этомъ подробнѣе г. Корфу, съ приказаніями котораго я долженъ вполнѣ соображаться въ этомъ дѣлѣ....

№ 28. Общій рапортъ марбургскихъ студентовъ, отъ іюня 1737 г. **).

По Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію, Императорская Академія Наукъ отправила насъ въ Марбургъ, учить

*) См. лат. подлинникъ на стр. 112 (№ 18).

**) Нѣм. подлинникъ, писанный рукой Райзера и полученный въ Петерб. послѣ 8 авг., безъ года и числа и напечатанъ на стр. 112 (№ 19). На верху первой страницы помета: Praes. in Cancell. acad. d. 26. Sept. 1737.

ся химіи и другимъ относящимся сюда наукамъ и языкамъ, необходимымъ для подготовки къ (изученію) металлургіи. Съ этою цѣлью мы получили инструкцію, въ которой намъ обозначены науки и языки, подлежащіе изученію, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручено представлять пополюгодю подробные отчеты о нашихъ занятіяхъ и употребленіи денегъ, съ приложеніемъ образцовъ нашихъ усѣховъ. Вслѣдствіе сего имѣемъ честь почтительнѣйше довести, что прибывъ сюда въ Марбургъ 15 ноября нов. стили 1736 года, мы тотчасъ же за 120 талеровъ договорились съ здѣшнимъ докторомъ медицины Ковради, слушать у него теоретически - практическія лекціи химіи, на которыхъ онъ обязывался объяснять намъ на латинскомъ языкѣ начальныя основанія химіи Сталя и показывать на практикѣ встрѣчающіеся при этомъ опыты. Но такъ какъ онъ не только не исполнялъ, но и не могъ исполнить обѣщаннаго, то мы, съ согласія г. регирунгсрата Вольфа, черезъ три недѣли отказались отъ этихъ лекцій и въ январѣ мѣсяцѣ нлнѣшняго 1737 года начали слушать публичныя лекціи химіи, которыя здѣшній профессоръ Дуйзингъ читаетъ и теперь еще продолжаетъ читать о Тейхмейеровыхъ *Institutiones Chymiae*. О механикѣ читаетъ самъ г. регирунгсратъ въ своемъ математическомъ курсѣ; вслѣдъ за тѣмъ онъ станетъ объяснять гидравлику и гидростатику. Что же еще касается отдѣльно каждаго изъ насъ, то я, Г. У. Райзеръ, слушалъ у г. регирунгсрата лекціи архитектуры, и съ ноября прошлаго года бралъ у учителя французскаго языка, а съ апрѣля мѣсяца и учителя рисованія сначала по 2, а теперь по 4 урока въ недѣлю. Мы же, Михайло Ломоносовъ и Дмитрій Виноградовъ, до апрѣля мѣсяца брали уроки нѣмецкаго языка, ариметики, геометріи и тригонометріи, а съ мая начали учиться французскому языку и рисованію.

№ 29. Отношеніе Статсъ-конторы въ Академію Наукъ,
отъ 31 августа 1737 г.

Промеморія

Изъ Государственной Статсъ-конторы въ Академію
Наукъ.

По указу Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената сего августа 19-го и опредѣленію Государственной

Статсъ-конторы 25 числѣ, велѣно на содержаніе отправленныхъ изъ Академіи Наукъ въ 1736 году въ Фрейбурхъ къ бергъ-визитку Генкелю для обученія металлургіи трехъ учениковъ опредѣленную годовую сумму, считая іюня отъ 4 сего 1737 году впредь на годъ до таковажъ 4 числа іюня будущаго 1738 году, тысячу двѣсти рублевъ отпустить въ Академію Наукъ изъ санктпетербургской рентереи, изъ неположенныхъ въ статъ доходовъ и отдать по требованію той Академіи промеморією сегожъ августа 23 числа канцелярсту Петру Соколову, и о томъ въ рентерею ассигнація послана, и въ Академіи Наукъ о вышеписанномъ да благоволятъ вѣдать. Санктпетербурхъ, августа 31 дня 1737 году.

Антонъ фонъ-Залца.

№ 30. Распоряженіе Канцеляріи Академіи Наукъ о высылкѣ суммъ марбургскимъ студентамъ, отъ 9 сент. 1737 г.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской Академіи Наукъ канцелярсту Петру Соколову. По Ея Императорскаго Величества указу и по опредѣленію Академіи Наукъ велѣно тебѣ послать въ Марбурхъ къ почетному профессору Вольфу, на содержаніе въ Фрейбурхѣ учениковъ, которые посланы для обученія металлургіи трехъ человѣкъ, а имянно: Рейзера, Дмитрія Виноградова и Михайла Ломоносова, на 1738 годъ девять сотъ рублевъ чрезъ вексель; а понеже нынѣ такого купца къ переводу тѣхъ денегъ не сыскано, того ради увѣдомиться чрезъ маклеровъ, не желаетъ ли кто оныя деньги перевести въ Марбурхъ, и ежели надежной купецъ найдется, то тѣ деньги отдать ему съ роспискою, и въ томъ взять у него вексель.

Сентября 9 дня 1737 году.

№ 31. Опредѣленіе Канцеляріи Академіи Наукъ о посылкѣ суммъ къ Вольфу на 1738 г., отъ 9 сент. 1737 г.

По указу Ея Императорскаго Величества въ Академіи Наукъ опредѣлено: на содержаніе обрѣтающихся въ Фрейбурхѣ, посланныхъ изъ Академіи Наукъ учениковъ для обученія металлургіи, а

именно: Рейзера, Дмитрія Виноградова и Михайла Ломоносова послать чрезъ вексель на 1738 годъ девять сотъ рублей въ Марбургъ къ почетному профессору Вольфу и о посылкѣ оныхъ денегъ у здѣшнихъ маклеровъ увѣдомиться, не знаютъ ли онѣ какихъ купцовъ, чтобъ оныя деньги чрезъ вексель перевести и о томъ къ расходу дать указъ. Къ господину Вольфу писать, дабы онъ тѣмъ ученикамъ выдавалъ деньги по разсмотрѣнію, а ко онымъ ученикамъ писать, чтобъ о преждѣ данныхъ имъ деньгахъ прислать счетъ, такожъ и впредь о расходѣ посылающихся къ нимъ денегъ присылали за своими руками по третямъ года счета, со объявленіемъ именно на что оныя будутъ издержаны, и при томъ объявить, что(бы) въ 1738 году на содержаніе себя требовали денегъ отъ почетнаго профессора Вольфа.

Сентября 9 дня 1737 г.

№ 32. Распоряженіе бар. Корфа о высылкѣ денегъ марбургскимъ студентамъ, отъ 16 сент. 1737 г. *).

По указу Ея Императорскаго Величества въ Академіи Наукъ опредѣлено: послать къ расходу указъ, въ которомъ объявить, дабы изъ принятыхъ изъ сиб-ской рентереи на фрейбургскихъ учениковъ тысяча двухсотъ рублей, выданная для посылки къ профессору Вольфу въ Марбургъ на содержаніе означенныхъ учениковъ купцу Ганку Томсону шесть сотъ рублей, такожъ и выданные изъ означенной же суммы проф. Либертусу, достальное его жалованье на сей годъ пять сотъ одинъ рубль шестьдесятъ одна копейка двѣ трети, записать въ расходъ, а когда оберъ-комисара Либмана требуемые изъ сибирскаго приказу деньги на выдачу оному профессору Либертусу триста шестьдесятъ семь рублей пятьдесятъ копѣекъ приняты будутъ, оныя возвратитъ во объявленную сумму и послать въ Марбургъ, по снѣгъ прежняго опредѣленія, достальные триста рублей. Сентября 16 дня 1737 году.

Подлинное опредѣленіе за закрѣпою президента Корфа **).

*) Съ копій.

**.) Помята канцеляриста.

№ 33. Изъ письма Вольфа къ барону Корфу, отъ 15 (4) сентября 1787 г. *).

Изъ полученнаго мною съ прошлою почтою письма Вашего Превосходительства, я къ крайнему моему удивленію замѣтилъ, что ни письма господъ Русскихъ, ни мои два письма не получены Вами. Я, правду сказать, опасался этого и потому уже выговаривалъ здѣшнему почтмейстеру, зачѣмъ онъ письма наши отправилъ черезъ Бреславлъ, тогда какъ они прежде ходили черезъ Дудерштадтъ; этимъ же путемъ еще и теперь приходятъ сюда письма изъ Петербурга. Въ своихъ письмахъ я сообщилъ, что означенные молодые люди, обучившись ариметикѣ, геометріи и тригонометріи, въ настоящее время слушаютъ у меня механику. При этомъ я главнымъ образомъ обращаю вниманіе ихъ на то, что необходимо для пониманія машинъ, такъ какъ, по моему мнѣнію, цѣль ихъ занятій должна заключаться не столько въ изученіи замысловатыхъ теорій, на которыя у нихъ врядъ-ли и достанетъ времени, сколько въ усвоеніи того, что имъ впредь будетъ полезно для правильнаго пониманія рудоконныхъ машинъ. Въ такомъ-же родѣ я потомъ намѣренъ преподавать имъ гидростатику, аэрометрію и гидравлику. Хочу я также ознакомить ихъ съ основаніями маркшейдерскаго искусства, съ тѣмъ, чтобы они потомъ, при практическомъ изученіи его на горныхъ заводахъ, не потеряли на это лишняго времени. Виноградовъ и Ломоносовъ начинаютъ уже говорить по-нѣмецки и довольно хорошо понимаютъ то, о чемъ говорится: нужно конечно нѣсколько времени на то, пока Русскій, который рѣшительно ничего не смыслитъ въ нѣмецкомъ языкѣ, успѣетъ усовершенствоваться въ немъ. Стали они также учиться рисованію, которое имъ пригодится въ механикѣ и естественной исторіи. Звюю они будутъ слушать экспериментальную физику, при чемъ я тутъ же всякій разъ намѣренъ указывать имъ, на что именно слѣдуетъ обращать вниманіе при такихъ экспериментахъ. Начинаютъ они также вести себя лучше прежняго, что имъ впредь принесетъ пользу при дальнѣйшихъ поѣздкахъ. Виѣстѣ съ тѣмъ я просилъ уведомить меня, какъ заблагоразсудитъ Академія Наукъ рѣшить вопросъ относительно изученія студентами естественной исторіи;

*) См. нѣм. подл. на стр. 118 (№ 20). Надпись: Praes. in Cancell. acad. d. 26. Sept. 1787.

по большей части имъ придется вѣроятно заниматься ею самоучкой, какъ дѣломъ, на которое нужна только память, хотя я съ своей стороны, согласно присланной мнѣ академической инструкции, охотно готовъ помогать имъ и словомъ и дѣломъ. За тѣмъ я спрашивалъ еще, какъ поступить съ денежнымъ счетомъ, который долженъ быть представленъ студентами. По моему мнѣнiю, счетъ этотъ долженъ быть составленъ по статьямъ, а не валовыми итогами, какъ они его составили. Слѣдовало бы также приложить, гдѣ нужно, росписки, или если они хотятъ, чтобы пакетъ, назначаемый на почту, не былъ слишкомъ великъ, то по крайней мѣрѣ предъявить ихъ мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я могъ засвидѣтельствовать, что я ихъ видѣлъ. Наконецъ я не знаю, въ чемъ должны заключаться упражненiя (specimina), которыя студенты имѣютъ представить въ доказательство своихъ успѣховъ, и потому просилъ сообщить мнѣ объ этомъ болѣе точныя свѣдѣнiя. Вотъ кажется все, что я писалъ о здѣшнихъ русскихъ студентахъ . . . . .

Не хочу еще окончательно сомнѣваться въ томъ, что эти (посланные мною) книги дойдутъ, и такъ какъ я одно письмо свое велѣлъ отдать на почту въ Галле, то оно можетъ быть теперь уже и получено. Этимъ-же путемъ я отправилъ въ Академiю пакетъ русскихъ студентовъ, потому что теперь дорога черезъ Бреславль въ мои глаза становится еще ненадежнѣе. Изъ всего этого Ваше Превосходительство изволите убѣдиться, что съ моей стороны сдѣлано все, что слѣдовало. . . . .

№ 34. Письмо студента Райзера къ бар. Корфу изъ Марбурга, отъ 13 (1) сентября 1737 г. *).

Товарища мои и я, мы слишкомъ уважаемъ Ваше Превосходительство, чтобы не подчиняться въ точности Вашимъ приказанiямъ. Причина, по которой мы замедлили представлениемъ отчета о ходѣ нашихъ занятiй и вслѣдствiе того навлекли на себя неудовольствiе Вашего Превосходительства, заключается единственно въ томъ прискорбномъ для насъ обстоятельстве, что до Васъ не дошли письма г. регирунгсрата. Онъ предварительно хотѣлъ имѣть

---

* См. франц. подл. на стр. 114 (№ 21). Наверху первой страницы помѣта: Praes. in Cancell. acad. d. 26 Sept. 1737.

нѣкоторыя свѣдѣнія по означенному, предмету и мы ожидали получения ихъ. Если слѣдовательно это была ошибка съ нашей стороны, то я умоляю Васъ простить ее человѣку, который, не имѣя возможности выразить иначе свою признательность за благосклонное къ нему вниманіе, съ большимъ усердіемъ, чѣмъ когда-либо, примется за занятія и во всю жизнь свою пребудетъ съ глубочайшимъ уваженіемъ...

Марбургъ 18 сент. 1737 г.

№ 35. Письмо Ломоносова къ бар. Корфу, изъ Марбурга, отъ 15 (4) сентября 1737 г. *).

Великія милости Вашего Превосходительства, о которыхъ я всегда вспоминаю съ глубочайшею преданностію, уже давно побуждали меня письменно засвидѣтельствовать Вамъ мое высокопочитаніе. Но какъ я до сихъ поръ еще нѣмецкимъ языкомъ не владѣлъ и только теперь нѣсколько въ ономъ успѣлъ, то я всенижайше осмѣлился не только исполнить почтительнѣйшій долгъ свой, но и поднести Вамъ первый опытъ познаній моихъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Всѣмъ моимъ благополучіемъ я единственно высокой милости Вашего Превосходительства обязанъ: благосклоннымъ заступничествомъ Вашимъ передъ Ея Величествомъ Вы успѣли исходатайствовать, что мнѣ, хотя и недостойнъ я толикихъ благодѣяній, Всемилоствѣйше дозволено обучаться наукамъ въ чужестранныхъ академіяхъ. Не въ состояніи будучи воздать Вамъ должную благодарность за толь великія милости, я навѣки повергаю къ стопамъ Вашимъ признательное мое сердце, которое во всю жизнь сохранить въ благоговѣйной памяти такое неопѣненное благорасположеніе. За тѣмъ обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ всенижайшею просьбою соблаговолить осчастливить и впредь благосклоннымъ вниманіемъ Вашимъ человѣка, который съ своей стороны съ подобающимъ почтеніемъ и достоюжною покорностію до смерти пребываетъ

Вашего Превосходительства всенижайшимъ слугою
Михаилъ Ломоносовъ.

Марбургъ 15 сент. 1737 г.

---

*) См. н.н. подл. на стр. 115 (№ 23).

№ 36. Норвѣй счетъ, представленный Ломоносовымъ изъ Марбурга, отъ сент. 1737 г. *).

Михайло Ломоносовъ.

Въ Петербургѣ и на пути до Любека израсходовано	100 руб.
Отъ Любека до Марбурга	32 тал.
Платѣе стояло	50 тал.
Дрова на всю зиму	8 тал.
Учителю фехтованія за первый мѣсяцъ	5 тал.
Учителю рисованія	4 тал.
Учителю французскаго языка	9 тал.
Парикъ, бѣлье, башмаки, чулки	28 тал.
Учителю танцованія за 5 мѣсяцевъ	8
Книги	60

Всего 100 руб. и 209 тал.

№ 37. Изъ письма барона Корфа къ Вольфу, отъ 23 сент. 1737 г. *).

... *Притиска.* Я только что получилъ какъ Ваше письмо отъ 15 сентября, такъ и письма отъ тамошнихъ русскихъ студентовъ; постараюсь отвѣтить на нихъ какъ-можно скорѣе.

№ 38. Письмо президента Академїи къ Вольфу, отъ ... окт. 1737 г. ***).

На почтеннѣйшее письмо Вашего Высокоблагородія отъ 15-го сентября я не преминулъ бы отвѣтить Вамъ ранѣе, если бы не пожелалъ вмѣстѣ съ тѣмъ отправить къ Вамъ и пенсію за минувшій годъ, заключающуюся въ векселѣ въ 250 рублей, подлежащемъ къ уплатѣ со стороны гг. Франсуа и Юсіа Фанъ Аудеркеркъ въ Амстердамѣ. Благоволите распорядиться предъявленіемъ имъ какъ этого, такъ и другаго векселя въ 600 рублей для студентовъ Рай-

*) См. нѣм. подл. на стр. 116 (№ 23).

**) См. нѣм. подл. на стр. 116 (№ 24).

***) Съ черновой нѣмецкии подлинника (см. стр. 117, № 25).

зеръ, Ломоносова и Виноградова, и получить слѣдующіе по этимъ векселямъ деньги. На каждого изъ студентовъ приходится за двѣ трети года по 200 рублей, но предоставляю вполне Вашему усмотрѣнію выдать имъ эту сумму или разомъ, или по частямъ. Лишь бы все было употреблено съ пользою. Такъ какъ Вы въ письмѣ своемъ отъ 12-го іюня сообщаете, что означенные студенты хотятъ также заняться естественною исторією, и при этомъ выражаете желаніе, чтобы имъ предписано было какъ поступать въ этомъ отношеніи, то я поручилъ профессору Крафту и доктору Амману составить инструкцію, при семъ прилагаемую. Главная цѣль, для которой они посланы за границу, имъ извѣстна, и съ нею они должны сообразоваться. Покорнѣйше благодаря Васъ за доброе о нихъ попеченіе и за все употребленное съ Вашей стороны стараніе и убѣдительнѣйше прося Васъ продолжать такимъ же образомъ, имѣю честь быть и т. д.

№ 39. Письмо президента Академіи къ марбургскимъ студентамъ, отъ 7 окт. 1737 г. *).

Студентамъ въ Марбургѣ.

Господа.

Я получилъ Вашъ счетъ безъ означенія числа и рапортъ безъ подписи. Прошу Васъ впредь быть аккуратнѣе, стараться исполнять Высочайшую волю Ея Императорскаго Величества и слѣдовать данной Вамъ инструкціи. О томъ, какъ Вамъ поступать при изученіи естественной исторіи, Вамъ сообщать г. регирунгсратъ. Каждый изъ Васъ имѣетъ получить отъ него деньги за двѣ трети, т. е. 200 руб., либо за одинъ разъ, либо по частямъ, смотря по тому, какъ признаетъ за лучшее г. регирунгсратъ. Остаюсь и т. д.

№ 40. Наставленіе академиковъ Крафта и Аммана марбургскимъ студентамъ, отъ 30 авг. 1737 г. **).

При изученіи естественной исторіи, которую жаждутъ заняться три студента, посланные въ Германію, всего необходимѣе и по-

---

*) Съ черновой немецкаго подлинника (см. стр. 117, № 26).

***) Нѣм. подлинникъ (см. стр. 118, № 27) написанъ рукою Крафта.

лезнѣе для нихъ, согласно данной имъ инструкціи, та часть, въ которой говорится о минералахъ, или такъ называемое царство ископаемыхъ. Въ ней указывается, какъ узнавать и отличать всѣ породы камней, рудъ и т. д. и вообще всѣ естественныя тѣла, находящіяся въ землѣ. Лучше всего это изучается слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего имъ необходимо прилежно читать дѣльнаго автора, у котораго всѣ эти предметы по хорошей методѣ распределены на извѣстные классы, роды и виды, съ означеніемъ ихъ характеристическихъ отличій. По этому предмету рекомендуются *Regnum Minerale Эман. Кёнига* и различныя сочиненія Вудварда.

Усвоивъ себѣ различныя названія и отличительныя признаки (минераловъ), они могутъ въ деревняхъ, въ рудникахъ или, буде представится возможность, въ кабинетѣ, хорошо снабженномъ такими тѣлами, наглядно ознакомиться съ ними, и при разсмотрѣніи ихъ составить себѣ о нихъ ясное понятіе, такъ чтобы тотчасъ могли узнавать ихъ, если они опять встрѣтятся имъ въ другомъ мѣстѣ.

Хорошо бы было также, если бы они сами составили себѣ небольшую коллекцію важнѣйшихъ минераловъ и преимущественно такихъ, которые труднѣе всего отличить отъ другихъ. Пересматривая ее почаще, они такимъ образомъ не забыли бы того, чему однажды успѣли научиться.

Мѣстами встрѣчается также почти безчисленное множество разныхъ фигурчатыхъ камней, которыя часто бываютъ купороснаго или желѣзнаго свойства. Съ ними они могутъ ознакомиться изъ книги Лангена: *Historia Lapidum Figuratorum*, и изъ сочиненій Шейхцера и Вудварда.

Знаніе драгоценныхъ камней приносить также своего рода пользу. Лучшимъ руководствомъ по этой части имъ можетъ служить *Historia Gemmarum А. Боэція де Боота*. Но ясное понятіе объ этихъ камняхъ можно получить лишь въ хорошо устроенномъ кабинетѣ.

Для изученія ботаники, если они захотятъ и будутъ имѣть время заняться ею, нѣтъ лучше и легче методы Турнефора; при помощи ея они въ короткое время будутъ умѣть отличать каждое растеніе, по его цвѣтамъ и плодамъ, и причислять къ тому классу и роду, къ которому оно принадлежитъ.

Прежде всего имъ необходимо, по сочиненію этого автора: *Isagoge in Rem Herbariam*, изучить различныя виды цвѣтовъ и ихъ строеніе, и хорошенько запомнить, что такое *Flos Apetalos* или *Petalodes*, что значитъ *Flos Simplex* или *Compositus*, *Flos Monopetalus* или *Polypetalus*, и что такое *Flos Labiatus*, *Campaniformis*

Rosaceus, *Papilionaceus*, *Flosculosus* или *Radiatus* и т. д., потому что на этихъ началахъ и основана вся метода.

Найдя въ саду, въ лѣсу или на полѣ растеніе, тщательно разсмотрѣвъ его цвѣтокъ и плодъ и видя по строенію ихъ, что оно принадлежитъ къ тому или другому классу, они должны сперва отыскать тотъ родъ растеній, къ которому долженъ быть отнесенъ неизвѣстный имъ экземпляръ, а потомъ, убѣдившись въ родѣ растенія, пересмотрѣть различные виды этого рода съ тѣмъ, чтобы найти, не сходенъ ли одинъ изъ этихъ видовъ съ ихъ растеніемъ по названію корней, листьевъ или цвѣта. Когда они найдутъ и это, то имъ слѣдуетъ справиться съ указанными по этому предмету сочиненіями, въ которыхъ можно найти или болѣе подробное описаніе или хорошій рисунокъ. Если описаніе и рисунокъ совершенно сходны съ найденнымъ растеніемъ, то имъ нечего сомнѣваться въ томъ, что они нашли настоящій его видъ, и что ихъ растеніе есть именно то самое, о которомъ писали просмотрѣнные ими авторы. Знакомство съ растеніями можетъ имъ принести пользу и удовольствіе при путешествіяхъ, которыя имъ по возвращеніи, можетъ быть, придется совершить по Россіи и Сибири къ рудникамъ, а Академія можетъ доставить поводъ къ новымъ открытіямъ.

Если они не хотятъ остаться безъ всякихъ свѣдѣній и по части царства животныхъ, хотя это и имѣетъ мало связи съ ихъ главнымъ занятіемъ, то они могутъ:

О четвероногихъ прилежно читать сочиненіе Райя: *Synopsis methodica animalium quadrupedum*;

О птицахъ прочесть его-же *Synopsis Avium* и по чаще просматривать сочиненія Геснера, Альдрованди и Орнитологію Виллогби, ради находящихся въ этихъ книгахъ описаній и рисунковъ;

О рыбахъ — *Synopsis Piscium* Райя и Ихтиологію Виллогби, изъ-за находящихся въ ней рисунковъ.

О насѣкомыхъ — его же *Historia Insectorum*.

О раковинахъ и разныхъ морскихъ насѣкомыхъ они могутъ справляться въ сочиненіяхъ Бовани, Листери и Румпфенса, написанныхъ по этому предмету.

Всякій разъ, когда они будутъ имѣть возможность видѣть кунсткамеру или кабинетъ, въ которыхъ хранятся подобные предметы по части естественной исторіи, они не должны упускать такого случая, потому что наглядное изученіе вещей дастъ имъ го-

раздо болѣе вѣрное понятіе о нихъ, нежели самый хорошій рисунокъ, или самое точное описаніе:

Коль скоро ими будетъ разсмотрѣно что-нибудь особенное, они должны отмѣтить это у себя и сдѣлать краткое описаніе вещи, съ тѣмъ чтобы потомъ имъ легче было припомнить видѣнное.

Но при всемъ этомъ само собою разумѣется, что господа студенты должны заняться этимъ весьма обширнымъ предметомъ естественной исторіи на столько, на сколько это возможно будетъ сдѣлать безъ ущерба главной предписанной имъ цѣли, т. е. упражненію въ горномъ искусствѣ и систематической химіи.

Г. В. Крафтъ, проф. физики.

І. Амманъ, проф. ботаники и натуральной исторіи.

СПб. 30 авг. 1737 г.

№ 41. Письмо Шумахера къ амстердамскимъ банкирамъ Лудеркеркамъ, отъ 8 (19) окт. 1737 г. *)

Прилагаю при семъ два векселя: одинъ въ 1442 флорина 98 пфениговъ голландской монетой, трасированный Бардевикомъ и Фелтгузенномъ на амстердамскихъ купцовъ Мюльмана и сына (что составляетъ ровно ту сумму, которую мы Вамъ должны), и другой въ 250 рублей, считая рубль по $52\frac{3}{4}$ су голландской монетой. Прошу Васъ вытребовать по нимъ деньги въ свое время, согласно правиламъ, принятымъ между торгующими. По векселямъ, переведеннымъ мною на Васъ, Вы имѣете, по предъявленіи ихъ, уплатить деньги г. Вольфу, государственному совѣтнику Его Величества короля шведскаго и первому профессору марбургскаго университета. Первый изъ этихъ векселей — въ 250 рублей, считая по $52\frac{3}{4}$ су за рубль, и другой — въ 600 рублей, по той-же цѣнѣ. Вы имѣете употребить прилагаемый при семъ вексель въ 250 рублей, и вексель, который я имѣлъ честь отправить къ Вамъ 16 сентября, поставивъ издержки и провизіонныя деньги за два послѣднія письма на счетъ упомянутаго г. Вольфа. Имѣю честь быть...

8 (19) окт.

*) Черновал французскаго подлинника (см. стр. 120, № 28) написана рукою Шумахера.

№ 42. Письмо Ломоносова къ бар. Корфу изъ Марбурга, отъ 20 (9) ноября 1737 г. *).

Почтительныя воспоминанія мои о великихъ милостяхъ, оказанныхъ мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ, а купно и глубочайшую мою благодарность за нихъ, еще паче приумножили Вы новымъ знакомъ Вашего благоволенія, переславъ мнѣ двѣсти рублей на мое содержаніе. Не имѣя возможности отплатить Вамъ за толь великую милость и оставаясь предъ Вами въ долгу, я обѣщаюсь слѣдовать какъ данной намъ при отъѣздѣ, такъ и недавно полученной нами новой инструкціи и исполнить высокія предначертанія Ея Императорскаго Величества. Затѣмъ Ваше Превосходительство нижайше прошу удостоить меня и впредь того милостиваго благорасположенія, которое столько утѣшало меня до сихъ поръ и обязываетъ меня со всевозможною преданностью пребывать Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

Михаилъ Ломоносовъ.

Марбургъ, 20 ноября 1737 г.

№ 43. Изъ письма Вольфа къ бар. Корфу, изъ Марбурга, отъ 24 (13) ноября 1737 г. **).

Посланные мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ векселя мною получены. Считаю долгомъ принести съ своей стороны искреннѣйшую благодарность за тотъ изъ нихъ, который присланъ для меня самого, и просить Васъ во всякомъ случаѣ располагать мною, при совокупляю, что я тотчасъ-же распорядился продажею векселей во Франкфуртѣ купцамъ, которымъ предстояли платежи въ Голландіи, и каждому изъ господъ русскихъ студентовъ выдалъ одну треть денегъ, для уплаты нѣкоторыхъ, сдѣланныхъ ими долговъ. За столъ каждый изъ нихъ также уплатилъ за годъ 52 рейхсталера. Въ послѣдній разъ я забылъ написать Вамъ, что не мѣшало бы напомнить имъ, чтобы они были бережливѣе, а то въ случаѣ ото-

*) См. н.м. подл. на стр. 121 (№ 29). — На версу первой страницы письма: Prg. in Cancell. acad. d. 23 Xbr. 1737.

**) См. н.м. подл. на стр. 121 (№ 30). На версу первой страницы письма: Prg. in Cancell. acad. d. 23 Xbr. 1737.

званія ихъ окажутся долги, которые могутъ замедлить ихъ отъѣздъ. Имъ въ угожденіе, я началъ теперь проходить физику, которая имъ болѣе всего понадобится при будущихъ занятіяхъ, а потому гѣтомъ хочу производить физическіе опыты. Инструкцію относительно изученія естественной исторіи я имъ доставилъ и съ своей стороны позабочусь, чтобы она была ими исполнена...

№ 44. Рапортъ студентовъ Райзера, Виноградова и Ломоносова, изъ Марбурга, отъ 25 (14) марта 1738 г. *).

По Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію Императорская Академія Наукъ отправила насъ въ Марбургъ для изученія химіи и другихъ, относящихся къ сему наукъ и языковъ, равно какъ и для подготовки къ металлургіи. Съ этою цѣлью намъ дана инструкція, въ которой сверхъ перечня наукъ и языковъ, подлежащихъ изученію, поручается каждые полгода отдавать подробные отчеты о нашихъ занятіяхъ и израсходованныхъ нами деньгахъ съ приложеніемъ образчиковъ нашихъ успѣховъ. Въ исполненіе сего имѣемъ честь почтительнѣйше донести, что послѣ отправленія прошлаго рапорта нашего мы у г. регирунгсрата Вольфа прошли курсъ механики, гидростатики, аэрометрии и гидравлики, а у г. доктора Дуйзинга курсъ теоретической химіи, въ настоящее же время слушаемъ у того-же регирунгсрата Вольфа лекціи догматической физики и логики. Кромѣ того каждый изъ насъ держалъ себѣ учителя французскаго языка и учителя рисованія. Что касается до присланной намъ инструкціи по естественной исторіи, то мы по ней еще ничего не могли сдѣлать, потому что предложенныхъ намъ книгъ нельзя получить раньше пасхальной ярмарки. Счеты въ израсходованныхъ нами деньгахъ слѣдующіе:

Г. У. Райзеръ.

Получено 18 ноябр. 1737 г. 282 талер., изъ которыхъ израсходовано... 227.

.....

*) Весь рапортъ (см. стр. 122, № 31) равно какъ и три приложенные къ нему счета писаны по-нѣмецки рукою Ломоносова. — Надпись: Praes. in. Cancell. acad. d. 12 April 1738.

М. Ломоносовъ.

Получено 18 ноябр. 1737 г. 282 талера, изъ которыхъ израсходовано:

За обѣдъ	52 талер.
За книги	18 »
За квартиру	20 »
За дрова и свѣчи	16 »
За сертукъ и камзолъ	27 »
За лѣтнее платье	22 »
За сапоги и башмаки	12 »
За бѣлье	14 »
Учителю фехтованія	6 »
Учителю французскаго языка	12 »
Учителю рисованья	6 »
Парикмахеру	4 »
Цирульнику	3 »
За ужинъ, сахаръ, чай, кофе, бумагу и пр.	25 »

Итого . . . 237 талер.

Д. Виноградовъ.

Получено 282 талера, изъ которыхъ израсходовано 268. . . . .

Г. У. Райзеръ. Д. Виноградовъ. М. Ломоносовъ.

Марбургъ 26 марта 1738 г.

№ 45. Письмо Ломоносова къ бар. Корфу, изъ Марбурга, отъ 26 (15) марта 1738 г. *)

Благоволите, Ваше Превосходительство, милостиво извинить, что я, при множествѣ важныхъ занятій Вашихъ, своимъ жалкимъ писаніемъ Васъ утруждаю. Обязаннымъ себя считаю при всякомъ случаѣ свидѣтельствовать Вамъ признательность свою за великія Ваши благодѣянія, тѣмъ паче теперь, когда надлежитъ мнѣ доносить о моихъ занятіяхъ и обо всемъ, что Вамъ поручить мнѣ угодно было. Въ послѣдней, присланной намъ инструкціи Ваше Превосходительство изволите приказывать намъ, чтобы каждый изъ

---

*) См. тамъ подлинникъ на стр. 128. — *Надпись:* Praes. in Cancell. acad. d. 12 April 1738.

насъ приобрѣтъ себѣ сочиненія, необходимыя для изученія естественной исторіи и металлургіи, и нѣкоторыя руды. Но такъ какъ книга этихъ нельзя добыть раньше (лейпцигской) паскальной ярмарки, и зимнее время неудобно для посѣщенія рудниковъ, гдѣ бы намъ можно было достать рудъ для вѣщаго познанія минеральнаго царства, то мы по совѣту господина регирунгсрата Вольфа отложили послѣднее до будущаго гѣта. Вслѣдствіе того я, въ твердомъ упованіи на прежнее испытанное мною снисходительностью Ваше, осмѣливаюсь обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою благоволить оказать намъ великую милость присылкою тѣхъ денегъ, которыя мы должны употребить какъ на вышеозначенные предметы, такъ и на наше пропитаніе. Полагаясь на Вашу благосклонность, нижайше прошу Ваше Превосходительство простить толикую смѣлость тому, который всю жизнь свою пребудетъ съ подобающею признательностью и глубочайшимъ высокопочитаніемъ

Вашего Превосходительства всенижайшій рабъ

Михаилъ Ломоносовъ.

Марб. 26 марта 1738 г.

№ 46. Изъ письма Вольфа къ Шумахеру, изъ Марбурга, отъ 30 (19) марта 1738 г. *).

... Не мѣшало бы напомнить господамъ русскимъ студентамъ быть побережливѣе, съ тѣмъ чтобы при отъѣздѣ ихъ не оказалось долговъ, которые замедлили бы его. Лучше всего, впрочемъ, устроить это такъ, какъ будто Академія дѣлаетъ имъ увѣщаніе по своему собственному побужденію.

№ 47. Письмо бар. Корфа къ Вольфу, ... мая 1738 г. **).

Премного обязанъ Вамъ за сообщенное мнѣ извѣстіе о хозяйствѣ гг. студентовъ. Въ прилагаемомъ предписаніи я счелъ необходимымъ не только повторить прежнюю инструкцію, но и указать студентамъ ихъ обязанности. Сообщая Вамъ при семъ копію съ

---

*) См. нѣм. подлинникъ на стр. 123 (№ 33).

**) См. нѣм. подлинникъ на стр. 124 (№ 34).

этого предписанія, покорнѣйше прошу Васъ строго слѣдить за исполненіемъ его.

Прилагаемая ассигновка въ 250 руб. составляетъ Вашуго гонорарій за 1737 годъ, а другую въ 300 руб. прошу Васъ приказать выдать студентамъ на ихъ содержаніе.

№ 48. Вторичная инструкция марбургскимъ студентамъ. отъ 29 мая 1738 г. *).

По Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію студентамъ Райзеру, Виноградову и Ломоносову строжайше предписывается:

1) Составлять рапорты свои яснѣе, отчетливѣе и подробнѣе прежняго. Донося о своихъ ученыхъ занятіяхъ, они должны сообщать, до чего именно дошли въ той или другой наукѣ, и означать лекціи, которыя они слушаютъ у того или другаго профессора или учителя, и отъ времени до времени присылать пробныя диссертациі, сочиненныя ими въ присутствіи г. регирунгсрата Вольфа.

2) По хозяйственнымъ дѣламъ они должны перечислять всѣ расходы, какъ напр. при заказѣ платья показывать,

что стоитъ сукно . . . . .
 прикладъ . . . . .
 работа . . . . .
 по расходамъ на книги . . . . .
 сколько заплачено за самую книгу и
 сколько за переплетъ . . . . .

О книгахъ, купленныхъ ими во время пребыванія въ Германіи, прислать вмѣстѣ со счетомъ и самый списокъ книгамъ.

3) Учителей танцованія и фехтованія, по полученіи сего, болѣе не держать, и вообще не тратить денегъ на наряды и пустое щегольство, а прилежно и старательно исполнять то, что предписано въ инструкціяхъ, которыя они получили при отъѣздѣ и впослѣдствіи.

4) Остерегаться дѣлать долги, а довольствоваться тѣми тремястами рублей, которые имъ назначены въ годъ, и покупать себѣ на эти деньги все то, что имъ необходимо для достиженія главной цѣли, такъ какъ Академія не только не заплатитъ ничего, что бу-

*) Напечатано съ черновой, авторъ которой Шумахеръ. См. стр. 124 (№ 35).

детъ превышать эту сумму, но и подвергнуть ихъ за такое преступленіе должному взысканію.

Е. И. В. дѣйствительный Камергеръ
и Командиръ Академіи Наукъ.

Дана 29 мая 1738 г.

№ 49. Письмо Вольфа къ бар. Корфу, изъ Марбурга, отъ 17 (6)
авг. 1738 г. *)

Письмо Вашего Превосходительства съ новою, подтвердительною инструкціею для русскихъ студентовъ и оба векселя мною получены. Какъ я съ своей стороны приношу искреннѣйшую благодарность за присланныя мнѣ деньги, такъ я тотчасъ-же позаботился и о томъ, чтобы упомянутые студенты также немедленно получили свои деньги, въ которыхъ они крайне нуждались, давно уже не имѣя въ рукахъ ни одного гроша. Давать имъ отъ себя впередъ много денегъ я не хотѣлъ, желая удержать ихъ отъ безполезныхъ издержекъ. Изъ полученныхъ нынѣ денегъ они уплатили за столъ и возвратили бездѣлицу, которую я имъ далъ взаймы. Остальное они удержали у себя и на этотъ разъ не могли заплатить своихъ долговъ, иначе опять остались бы съ пустыми руками. Новая, болѣе строгая инструкція можетъ конечно заставить ихъ впредь быть осторожнѣе, но тому, что уже случилось, этимъ врядъ-ли можно помочь. Вся ошибка происходитъ отъ перваго начала. Деньги, привезенныя ими съ собою, они прокутили, не заплативъ того, что слѣдовало. а потомъ, добывъ себѣ кредитъ, надѣлали долговъ. Со столовыми деньгами случилось бы, можетъ быть, то же самое, если бы они нѣ обѣдали у меня. О количествѣ ихъ долговъ мнѣ не хочется спрашивать: боюсь, что мнѣ слишкомъ станутъ докучать кредиторы, а между тѣмъ не знаю, на сколько я долженъ вмѣшаться въ это дѣло. Въ послѣднихъ счетахъ своихъ они, кажется, показали уплаченнымъ то, что еще не уплачено. По этому ожидаю приказанія Вашего Превосходительства, какъ мнѣ поступить въ этомъ дѣлѣ; готовъ въ точности исполнить все, что прикажете. Они, кажется, еще не знаютъ, какъ нужно обращаться съ деньгами и жить бережливо, да и не думаютъ о томъ, чѣмъ кончится дѣло, когда ихъ отзовутъ отсюда. У г. Ломоно-

*) См. подлинникъ на стр. 125 (№ 36). Надпись: Praes. in Cancell. acad. d. 28 Aug. 1738.

сова повидимому самая свѣтлая голова между ними; при хорошеиъ прилежаніи онъ могъ бы и научиться многому, выказывая большую охоту и желаніе учиться. Г. Виноградовъ же, какъ мнѣ кажется, во всемъ самый плохой изъ нихъ. Я самъ не знаю, въ чемъ собственно должны состоять образчики ихъ успѣховъ, которые они должны составлять въ моемъ присутствіи. Такъ какъ для нихъ уже настаеъ срокъ представленія этихъ упражненій, то я покорнѣйше прошу сообщить мнѣ ближайшія свѣдѣнія какъ по сему предмету, такъ и о томъ, разузнавать ли мнѣ о ихъ долгахъ, чтобы пріискать средство, какъ помочь горю. Если имъ деньги выдать на руки, то они врядъ-ли стануть очень заботиться объ уплатѣ долговъ. Можетъ быть, не лишнимъ было бы обязать ихъ, чтобы они въ слѣдующемъ донесеніи обозначили подробно свои долги, а мнѣ поручить наблюдать за тѣмъ, чтобы счета эти были составлены правильно. Но мнѣ было бы пріятно, если бы это могло быть сдѣлано такъ, чтобы они не имѣли повода возненавидѣть меня и потерять свое довѣріе ко мнѣ. Хотѣлъ я, правда, еще сообщить Вашему Превосходительству мнѣніе свое относительно сочиненія г. Эйлера о механикѣ, но такъ какъ этого было бы слишкомъ много на нынѣшній разъ, то я отложу свое писаніе по сему предмету до будущаго раза, когда студенты представятъ свои отчеты.

Марб. 17 авг. 1738 г.

№ 50. Отношеніе изъ Статсъ-конторы въ Акад. Н., отъ 18 сент. 1738 г.

Промеморія.

Изъ Государственной Статсъ-конторы въ Академію Наукъ. По Указу Ея Императорскаго Величества и по опредѣленію Государственной Статсъ-конторы сего сентября 15 дня, а по промеморіи изъ оной Академіи Наукъ велѣно по силѣ указа изъ Правительствующаго Сената августа 19 дня 1737 году на содержаніе отправленныхъ изъ Академіи Наукъ въ Фрейбургъ для обученія металлургіи трехъ учениковъ опредѣленную годовую сумму, считая іюня отъ 4-го сего 1738 до такова жъ 4-го числа іюня будущаго 1739 году тысячу двѣсти рублевъ отпустить въ Академію Наукъ изъ санктъпитербургской рентереи изъ неположивныхъ въ стать доходовъ и отдать по требованію той Академіи вышеписанною промеморіею канцеляристу Андреясу Линдорфу, и о томъ въ рен-

терею ассигнація послана, и въ Академіи Наукъ о вышеписанномъ да благоволятъ вѣдать. Санктъпитербурхъ. Сентября 18 дня 1738 году.

Антонъ еонъ-Залца.

№ 51. Репортъ Линдорфа въ Канцелярію о полученіи денегъ для марбургскихъ студентовъ, отъ 21 сент. 1738 г.

Въ Академію Наукъ Репортъ.

По данному мнѣ прошедшаго іюля 31 дня сего году указа велѣно мнѣ принять изъ Штатсъ-конторы на содержаніе Фрейбургскихъ учениковъ тысячу двѣсти рублевъ, по которому указу я низжайшій и принялъ сего сентября 21 дня.

Того ради Академія Наукъ о вышеписанномъ благоволитъ быть извѣстна. Сентября дня 1738 году.

Lindorph.

№ 52. Перечень суммъ, полученныхъ и израсходованныхъ Академією для марбургскихъ студентовъ по сент. 1738 г.

Экстрактъ.

Въ прошломъ 1736 году марта 13 дня по резолюціи въ Кабинетѣ Ея Императорскаго Величества за подписаніемъ господъ кабинетныхъ министровъ на докладѣ Академіи Наукъ отправлены изъ Академіи въ Фрейбургъ и въ Марбургъ и другія (мѣста) для обученія химіи и металлургіи студенты Густавъ Улдрихъ Рейзеръ, Дмитрей Виноградовъ и Михайло Ломоносовъ. Августа 18 дня 1736 году.

А на содержаніе ихъ въ Академіи получено суммы и что изъ того къ нимъ послать и отдать велѣно:

1736. Іюня 4 дня по силѣ означенной резолюціи и по присланному изъ Правительствующаго Сената въ Академію Наукъ указу принято по промеморіи Штатсъ-конторы изъ Санктпетербургъ

По опредѣленію Академіи Наукъ и посланному къ канцеляристу Линдорфу іюля 15 дня 1736 году указу велѣно тѣмъ студентамъ выдать по триста рублевъ каждому, а всѣмъ 900 р.

ской рентереи канцеляристомъ Линдорфомъ іюня 19 дня . . . . . 1200 руб.
 1737. Августа 18 дня по присланному изъ Правительствующаго Сената въ Академію Наукъ указу счисля іюня отъ 4-го 737-го на годъ по промеморіи Штатсъ-конторы принято изъ оной же рентереи канцеляристомъ Петромъ Соколовымъ

Сентября 18 дня сего 1738 г. по промеморіи Штатсъ-конторы принято изъ рентереи жъ канцеляристомъ Линдорфомъ счисля іюня отъ 4-го числа 738-го на годъ . . . . . 1200 руб.

Всего въ приемѣ 3600 руб.

Сентября 16 дня 1737 году послано на содержаніе оныхъ студентовъ къ члену почтенному и профессору въ Марбурхъ чрезъ вексель . . . . . 600 руб.

Маія 29 дня сего 738 году по опредѣленію Академіи велѣно по письму изъ Академіи коонымъ ученикамъ получить имъ еще 300 руб.

отъ купца Іозефа Оудеркирха изъ посланнаго къ нему маія 20 числа въ Амстердамъ векселя на 550 руб.

По опредѣленію Академіи Наукъ октября 12 дня сего году и по посланному къ канцеляристу Линдорфу указу велѣно взять вексель у купцовъ Бардвика и Фельтгузена къ купцу жъ Іозефу Оудеркирху въ Амстердамъ на 300 р. и послать къ нему для заплаченія тѣхъ денегъ студентамъ . . . . . 300 руб.

Всего въ отдачѣ и посылкѣ 2100 руб.

За тѣмъ въ остаткѣ быть надлежить . . . . . 1500 руб.

№ 53. Письмо президента Акад. къ Вольфу, отъ окт. 1738 г. *)

Изъ письма Вашего Высокоблагородія отъ 17 августа, полученнаго 28 числа того-же мѣсяца, я къ сожалѣнію долженъ былъ

*) См. нѣж. подл., очевидно написанный Шумагеромъ, на стр. 127 (№ 37).

узнать о безпорядочномъ образѣ жизни студентовъ Райзера, Виноградова и Ломоносова. Желая прежде всего устранить ихъ безденежье, я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на счетъ суммы, назначенной на годовое ихъ содержаніе, Астердамскими купцами Францомъ и Іосіемъ Аудеркеркъ уплачено было на Ваше имя 300 рублей, на полученіе которыхъ отъ означенныхъ купцовъ предлагается при семъ вексель съ извѣстительнымъ письмомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ считаю долгомъ покорнѣйше просить Васъ объявить вышепомянутымъ студентамъ прилагаемый приказъ, и столь же строго слѣдить за ихъ образомъ жизни, сколько Вы доселѣ превосходно наблюдали за ихъ занятіями, изъ препровождаемыхъ 300 руб. ничего не выдавать имъ на руки, а употреблять эти деньги на необходимыя для содержанія ихъ предметы, настоятельно понуждать ихъ къ тому, чтобы они бросили свою распутную жизнь, перестали дѣлать излишніе расходы, въ точности слѣдовали какъ данной имъ при отъѣздѣ и посланной имъ въ нынѣшнемъ году инструкціямъ, такъ и прилагаемому при семъ приказу, чтобы они исполненіе этого удостовѣрили аттестациями Вашего Высочайшаго Вѣдомства, немедленно прислали образчики своихъ познаній и успѣховъ въ изученныхъ доселѣ искусствахъ и языкахъ, доставили также подробный, разсмотрѣнный и засвидѣтельствованный Вами счетъ своимъ долгамъ и впредь не дѣлали долговъ безъ Вашего вѣдома и согласія.

Упомянутые образчики, по моему мнѣнію, могли бы состоять изъ какой-нибудь диссертациі или экспромта, или вообще сочиненія, написаннаго, но не печатаннаго на заданную Вами тему. Они должны быть представляемы по полугодно, но начало имъ слѣдуетъ положить теперь-же. Когда все это будетъ исполнено, тогда Академія сдѣлаетъ распоряженіе объ уплатѣ стипендіи, причитающейся означеннымъ студентамъ за текущій третій годъ; въ особенности же она сочтетъ себя премного обязанною Вамъ за хлопоты Ваши по этому предмету. Препоручая молодыхъ людей бдительному надзору Вашему, имѣю честь быть и т. д.

№ 54. Приказъ, данный президентомъ Академіи марбургскихъ студентамъ въ окт. 1738 г. *)

По Высочайшему Ея Императорскаго Величества Указу снѣ предписывается находящимся въ Марбургѣ студентамъ Ульриху Христофу Райзеру, Дмитрію Виноградову и Михайлѣ Ломосову.

Такъ какъ они еще ни въ чемъ не исполнили ни данной имъ при отъѣздѣ, ни посланной имъ недавно инструкціи, не представивъ ни отчета о полученныхъ ими доселѣ деньгахъ въ томъ видѣ, какъ это требуется по послѣдней инструкціи, ни образчиковъ своихъ успѣховъ въ изученныхъ ими наукахъ, искусствахъ и языкахъ, а напротивъ стали вести распутную жизнь и надѣлали долговъ, то имъ дѣлается выговоръ за такое дурное поведеніе и строго виѣняется въ обязанность непремѣнно въ точности исполнять означенныя инструкціи, въ особенности же немедленно представить свои донесенія, денежные расчеты и образчики занятій, а виѣстѣ съ тѣмъ передать г. регирунгсрату Вольфу, для дальнѣйшей повѣрки и пересылки, правильный перечень сдѣланныхъ ими долговъ, впредь не дѣлать болѣе долговъ безъ вѣдома и согласія г. регирунгсрата, во всемъ строго слѣдовать его увѣщаніямъ и указаніямъ и относительно своего образа жизни и занятій вести себя такъ, какъ они надѣются отвѣтить за это передъ Ея Величествомъ и Ея Академіею Наукъ; въ противномъ случаѣ они не избѣгутъ наказанія по всей строгости законовъ и указовъ Ея Величества.

На содержаніе ихъ отправлено 300 рублей, изъ которыхъ г. регирунгсратъ уплатитъ всѣ необходимые расходы. Если за тѣмъ упомянутые студенты во всемъ, какъ слѣдуетъ, исполнять сообщенныя имъ инструкціи и приказанія, то относительно выдачи слѣдующей имъ еще за текущій годъ стипендіи будетъ сдѣлано дальнѣйшее распоряженіе. Дано сіе въ Императорской Академіи Наукъ въ С. Петербургѣ . . . . . 1738 года.

*) См. нѣм. подл. на стр. 128 (№ 38), очевидно написанный Шумахеромъ.

№ 55. Распоряженіе акад. Канцеляріи о посылкѣ векселя въ Марбургъ, отъ 12 окт. 1738 г.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской канцеляристу Линдорфу. По Указу Ея Императорскаго Величества и по опредѣленію Академіи велѣно изъ полученной на содержаніе посланныхъ въ Фрейбургъ учениковъ Густава Улдриха Рейзера, Дмитрея Виноградова и Михаила Ломоносова тысячи двухъ сотъ рублей выдать триста рублей купцамъ Бардвику и Фельтгузену, а у нихъ на оныя деньги взять вексель въ Амстердамъ къ купцу Францу Іозефу Оудеркирху о заплаченіи оныхъ денегъ отъ него Кирха означеннымъ ученикамъ въ Марбургъ и взявши послать къ нему чрезъ почту, и канцеляристу Линдорфу учинить о томъ по сему Ея Императорскаго Величества указу. Октября 12 дня 1738 году. *)

№ 56. Письмо Вольфа къ бар. Корфу, изъ Марбурга, отъ 26 (15) октября 1738 г. **)

Благоволите, Ваше Превосходительство, милостиво извинить меня, что я по случаю сильнаго теченія изъ глазу самъ не могу писать къ Вамъ подробно, но мнѣ не хотѣлось оставлять не отосланными бумагы, которыя мнѣ переданы русскими студентами для отправленія. Не могу поручиться, дѣйствительно ли они уплатили все, что у нихъ показано въ сѣту, потому что учитель фехтованія одинъ требуетъ съ нихъ еще 66 флориновъ, а у книгопродавца также еще большой сѣтъ. Имъ не хочется, чтобы долги ихъ стали извѣстны. Все таки я не предвижу, чѣмъ все это кончится, и потому жду увѣдомленія, какъ мнѣ поступить въ этомъ дѣлѣ...

Марб. 26 окт. 1738.

№ 57. Рапортъ, присланный Ломоносовымъ изъ Марбурга, отъ 15 (4) окт. 1738 г. ***)

Рапортъ

въ Императорскую Академію Наукъ въ С. Петербургъ.

Послѣ почтительнѣйшаго отправленія послѣдняго моего донесенія, я у г. регирунгсрата и профессора Вольфа слушалъ лекціи теоре-

*) *Помѣта канцеляриста: Отданъ Линдорфу того жъ числа.*

**) *См. тамъ. подл. на стр. 129 (№ 39).*

***) *См. тамъ. подл. на стр. 129 (№ 40).*

тической физики по утрамъ отъ 11 до 12 часовъ и логику послѣ обѣда отъ 4 до 5 часовъ. Въ настоящее же время я у того-же господина регирунгсрата Вольфа посѣщаю лекціи экспериментальной физики отъ 9 до 10 часовъ утра и лекціи метафизики отъ 3 до 4 часовъ послѣ обѣда. Химию повторяю по сочиненіямъ Бургавена, Штала и Штабеля. До сихъ поръ я по утрамъ отъ 10 до 11 часовъ упражнялся также въ рисованіи.

Счетъ израсходованнымъ мною деньгамъ слѣдующій.

10 августа я получилъ 128 рейхсталеровъ, изъ которыхъ издержано:

	Тал.	Алт.*)
На обѣдъ за 38 недѣль	38	
На ужинъ за 28 недѣль	14	
На квартиру за полгода	10	
На 1¼ сажени дровъ	3	30
На 4 пары башмаковъ и туфель	4	35
Прачкѣ за полгода	3	15
Учителю рисованія за 6 мѣсяцевъ	6	
На парикъ съ кошелькомъ	2	30
На пару шелковыхъ носовыхъ платковъ	2	
На шпагу	10	
На перевязь	1	
На 8 дестей бумаги		24
На дестъ почтовой бумаги		12
Парикмахеру за полгода	1	24
Цирюльнику за бритье и кровопусканіе	1	15
Итого	98	41

Реестръ купленнымъ доселѣ книгамъ. **)

	За самую книгу	За пере- пись.
	гульд. крейд.	гульд. крейд.
.....		

Всего 133 гульдена и 17 крейцеровъ.

Всенижайше рапортуеть

Михаилъ Ломоносовъ.

Марбургъ 15 окт. 1738 г.

*) Albertusgroschen.

**) См. I ч. Сборника, стр. 130 — 132.

№ 58. Определеіе Канцеляріи объ отправкѣ Указа марбургскихъ студентамъ, отъ ноября 1738 г.

По указу Ея Императорскаго Величества Академія Наукъ къ студентамъ Густаву Улдриху Рейзеру, Дмитрею Виноградову и Михаилу Ломоносову, которые обрѣтаются въ Марбургѣ, приказали на нѣмецкомъ діалектѣ послать указъ, въ которомъ написать, чтобъ оныя какъ во обученіи показанныхъ имъ наукъ тщаніе имѣли, такъ въ обхожденіяхъ и въ протчемъ себя содержали по силѣ данныхъ имъ изъ Академіи Наукъ инструкцій и исполненіе чинили во всемъ непремѣнное, также господину совѣтнику Вольфу были бъ послушны и все отъ него повелѣнія прилежно наблюдали и ни въ чемъ не прекословили, а въ содержаніи себя излишнихъ расходовъ никакихъ не чинили, и для того на содержаніе ихъ учениковъ послать изъ Академіи на имя купца Франца Іозефа Оудеркирха въ Амстердамъ на триста рублей вексель къ совѣтнику господину Вольфу, чтобъ отъ него, Оудеркирха, показанное число денегъ онъ, господинъ совѣтникъ, принялъ къ себѣ и тѣмъ ученикамъ изъ нихъ на принадлежащія потребности расходъ содержалъ.

Ноября дня
1738 году.

№ 59. Изъ письма Вольфа къ бар. Корфу, изъ Марбурга, отъ 13 (2) января 1739 года. *)

.... Оба векселя вмѣстѣ съ извѣстительнымъ о нихъ письмомъ я получилъ. Такъ какъ цѣнность рубля въ векселяхъ не была обозначена, то при продажѣ ихъ во Франкфуртѣ встрѣтились хлопоты. Купцы, которые хотять приобрѣсти ихъ, нашли всего удобнѣе переслать сначала первый вексель вмѣстѣ съ письмомъ къ своему корреспонденту въ Амстердамъ для полученія денегъ по этому векселю и опредѣленія его стоимости, которая тамъ вѣроятно извѣстна. Послѣ этого они соглашаются уплатить деньги.

Студентамъ, которые уже давно безъ денегъ, я выдавалъ отъ себя еженедѣльно впередъ по талеру, съ тѣмъ чтобы уберечь ихъ

*) См. нѣм. подл. на стр. 132 (№ 41). Надпись: Prst. d. 9. Febr. 1739 in Cancell. academica.

отъ новыхъ долговъ. Количество своихъ долговъ они подробно обозначили въ переданныхъ мнѣ счетахъ. Надѣюсь, что другихъ долговъ на нихъ нѣтъ, потому что все, что они должны были мнѣ за столъ, я постоянно съ нихъ вычитывалъ, за исключеніемъ того, что теперь вновьросло и должно быть удержано по этимъ векселямъ. За лекціи я съ нихъ ничего не требовалъ. Все количество долговъ, ими показанныхъ, простирается на 1371 рейхсталеръ. Не знаю, на что они израсходовали свои деньги, потому что изъ векселя они платили только за столъ, по одному рейхсталеру въ недѣлю, исключая Г-на Ломоносова, который ужиналъ и платилъ по 1½ талера, да кромѣ того они развѣ еще заплатили за помещеніе, дрова, свѣчи и нѣкоторыя другія мелочи.

Лекціи, которыя они должны были слушать у меня, теперь кончились, но Г-да Ломоносовъ и Райзеръ посѣщаютъ еще курсъ математики, начатый мною. Въ настоящее время они занимаются только сами про себя и пишутъ свои диссертации.

Г-нъ Виноградовъ былъ постоянно лѣнивѣе другихъ, и его поведеніе, говорятъ, тоже не изъ лучшихъ, но тутъ ничего не подѣлаешь, потому что онъ тотчасъ желаетъ знать, кто про него говорилъ дурно, и грозить отомстить за это. Въ прошедшемъ году я выпутывалъ его изъ разныхъ затрудненій черезъ тогдашняго проректора; но такъ какъ въ нынѣшнемъ году проректорство временно возложено на меня, то я уже не могу поступать по прежнему, иначе другіе студенты сочтутъ это за пристрастіе. Лучше всего будетъ, конечно, если они оставятъ университетъ и поступятъ къ химику, потому что у него они не будутъ имѣть той свободы, которой ихъ въ университетѣ никакъ нельзя лишить. Въ нѣмецкомъ языкѣ они уже настолько успѣли, что не только понимаютъ все, о чемъ говорится, но и сами могутъ объясняться по нѣмецки. Во французскомъ же языкѣ они по всей вѣроятности недалеко ушли впередъ, потому что преподаватель этого языка не хотѣлъ ихъ учить безъ платы, а сами они не сочли нужнымъ беречь на это деньги. Болѣе всего я еще полагаюсь на успѣхи Г-на Ломоносова: онъ повидимому и раскаивается въ сдѣланныхъ долгахъ.

Присылку пробныхъ диссертацийъ постараюсь ускорить сколько возможно. . . .

При предстоящей пересылкѣ диссертацийъ буду писать подробнѣе..

Марб. 13 янв. 1739 нов. ст.

№ 60. Изъ письма Вольфа къ Шумахеру, отъ 13 (2) января 1739 г.*)

...Господину профессору Крафту я буду отвѣчать при посылкѣ диссертаций, которыми теперь заняты русскіе студенты. Они надѣлали довольно значительные долги, хотя увѣряютъ, что заплатили за все, какъ слѣдуетъ. Всего по подробному счету долги ихъ простираются на 1371 рейхсталеръ. Лучше всего было бы, конечно, если бы ихъ поскорѣе отозвали отсюда, потому что они неумѣютъ пользоваться академическою свободой и притомъ уже успѣли окончить то, что должны были тутъ сдѣлать...

№ 61. Счетъ долгамъ Ломоносова, присланный имъ изъ Марбурга 10 янв. (30 дек. 1738 г.) 1739 г.**)

Счетъ долгамъ.

	Р.				
Рименшнейдеру	199	44	2	†199.	22
Вираху.	141 фл.	11		94.	5 гр.
Аптекарю.	61	24		61.	12.
Учителю французскаго языка Рамё	22			22.	
Книгопродавцу Миллеру	10	12		14 тал.	5 гр.
Портному.	10	5		10.	2½
Учителю танцованія	5	15		5 тал.	7½ гр.
Мамфорту	6			6.	
Башмачнику.	15			15.	7½ гр.
Учителю фехтованія	8			8.	
Всего	484	15	6	437.	1 гр.

10 янв. 1739 г.

М. Ломоносовъ.

† Ближайшее означеніе показанныхъ долговъ г. Ломоносова.

*) См. нѣм. подлинникъ на стр. 134 (№ 42).

***) См. нѣм. подлинникъ на стр. 134 (№ 43).

† IV-я и V-я графы, равно какъ и послѣдняя строка приписаны рукою проф. Вольфа.

№ 62. Резолюція академической Канцеляріи отъ 9 февр. 1739 г. *)

Резолюція на письмо Вольфа изъ Марбурга отъ 13 января 1739 г. нов. ст.

Составить изъ счетовъ въ наискорѣйшемъ времени выборку о томъ: сколько Правительствующимъ Сенатомъ отпущено Академіи на студентовъ, сколько изъ этихъ денегъ выдано студентамъ и сколько еще осталось въ наличности. Сдѣлавъ это, отправить остатокъ на уплату студентскихъ долговъ, а студентамъ дать знать, чтобы они, по уплатѣ показанныхъ ими долговъ, какъ нынѣ, такъ и впредь не дѣлали дальнѣйшихъ долговъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приготовились бы по первому требованію отправиться въ Фрейбергъ, для изученія практической металлургіи. При этомъ слѣдуетъ также предварительно написать берграту Генкелю въ Фрейбергъ, чтобы узнать отъ него: согласенъ ли онъ, по прежде данному имъ отзыву, принять на себя обученіе студентовъ и надзоръ за ними; при этомъ присовокупить, что необходимыя на это и правильныя издержки будутъ уплачены во всякое время.

9 февр. 1730.

№ 63. Опредѣленіе Канцеляріи объ уплатѣ долговъ марбургскихъ студентовъ и о переездѣ ихъ въ Фрейбергъ, отъ марта 1739 г.

Понеже по резолюціи Кабинета Ея Императорскаго Величества, состоявшейся въ прошломъ 736 году марта 13 дня за подписаніемъ господъ кабинетъ министровъ, велѣно для обученія въ металлургіи трехъ человекъ академическихъ учениковъ, Райзера, Виноградова и Ломоносова, отправить въ Фрейбургъ къ бергъ-физіку Генкелю, а на содержаніе ихъ отсылать въ Академію по тысячѣ по двѣсти рублей на годъ, изъ которой суммы опредѣлить имъ годоваго жалованья въ бытность ихъ въ Фрейбургѣ по разсужденію Академіи, чтобъ могли себя тамо содержать безъ излишества, а что будетъ отъ той суммы оставаться, удерживать въ казнѣ при Академіи; а по справкѣ въ Академіи онымъ ученикамъ на содержаніе и продолженіе наукъ ихъ въ Марбургѣ по триста рублей въ годъ каждому опредѣлено и по сіе число переслано денегъ двѣ

*) См. нѣм. подлинникъ на стр. 185 (№ 44).

тысячи сто рублей, и по исчисленіи до 15 іюля сего году надлежитъ добавить только шестьсотъ рублей, а изъ присланныхъ отъ регирунгсрата Вольфа счетовъ засвидѣтельствованныхъ и росписей усмотрѣно, что оныя ученики, сверхъ того что имъ дослать надлежало, видно что отъ невоздержнаго житія долговъ на себя нажили, а имянно Райзеръ триста пятьдесятъ восемь, Ломоносовъ четыреста тридцать семь, Виноградовъ пятьсотъ семьдесятъ шесть, а всѣ трое тысячу триста семьдесятъ одинъ рейхсталеровъ и противъ надлежащей имъ къ подачѣ суммы долги излишествомъ вдвое превзошли, и тако Академія разсуждаетъ: ежели бъ оныя ученики по препорціи и порядошное житіе имѣли, то бъ никогда имъ въ долги вступить имъ было невозможно, ибо всегда заблаговременно чрезъ вексели наличными деньгами удовольствованы были, а что жъ по роскошамъ излишне прожили и то себѣ явную вину заслужили, понеже всегда имъ должно содержать умѣренное житіе и что бъ отъ излишнихъ ихъ роскошей казнѣ Ея Императорскаго Величества напрасной утраты не было, къ тому жъ въ долги имъ никакъ сверхъ опредѣленнаго вступать не подлежитъ для того, что изъ собственнаго ихъ имѣнія ни одинъ человѣкъ заплатить такихъ денегъ не можетъ, того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Академія Наукъ приказали: 1) на уплату ихъ долговъ отдать должникамъ изъ посланныхъ чрезъ вексель господину Вольфу за выданные въ Санктъпетербургѣ по полученіи того векселя кушчу Дингліа тысячу сто шестдесятъ два рубли, а нѣмецкихъ рейхсталеровъ имѣетъ быть тысяча четыреста, который обязался заплатить ему, господину Вольфу, чрезъ купца Аудеркирха, чего ради къ оному господину Вольфу писать. Къ выше означеннымъ ученикамъ послать указъ, въ которомъ подтвердить, чтобъ они къ отъѣзду изъ Марбурха готовились и около Троицына дни въ нынѣшнемъ лѣтѣ въ саксонскую землю въ Фрейбургъ для изученія металлургіи ѣхали, а на сей проѣздъ ихъ потребныя деньги къ помянутому же господину регирунгсрату, для отдачи имъ, перевести и имъ же приказать подъ штрафомъ, дабы они въ обученіи и въ поступкахъ добрыхъ себя оказывали и довольствовались опредѣленнымъ, а не чрезвычайными расходами. 3) А за показанныя ихъ роскоши и невоздержное житіе въ число полнаго трехъ сотъ рублей съ сего времени опредѣлить имъ половинное по сту по пятидесятъ рублей въ годъ дабы воздержная въ житіи поступали, да и тѣ деньги не имъ самимъ вручать, но отдавать господину бергъ-физику Генкелю, дабы онъ изъ сея суммы за ихъ квартиру дрова и свѣчи и на другія необходимыя для нихъ расходы дер-

жалъ, а за науку ихъ будетъ Академія Наукъ особливо платить.

Марта дня 1739 году.

№ 64. Письмо бар. Корфа къ Вольфу, отъ 20 марта 1739 г. *).

Почтеннѣйшее письмо Ваше отъ 13 января сего года и приложенные къ нему долговые счеты студентовъ Райзера, Виноградова и Ломоносова здѣсь получены. Оказывается, что молодые люди надѣлали долговъ на 1371 рейхсталеръ, изъ которыхъ однакоже меньше всего употребили на полезныя для нихъ вещи. Собственно слѣдовало бы ихъ немедленно отозвать сюда и подвергнуть заслуженному наказанію, но во вниманіе того, что они по своимъ занятіямъ имѣютъ отъ Васъ хорошіе аттестаты, положено отсрочить это, хотя имъ въ свое время придется тяжело отвѣтить за все. За тѣмъ въ Академіи Наукъ теперь рѣшено отправить ихъ, для изученія металлургіи, въ Фрейбергъ, къ г. Генкелю, отъ котораго, по прибытіи ихъ туда, будутъ ожидать свѣдѣнія, всѣ ли они способны и годны къ этимъ занятіямъ; въ противномъ случаѣ неспособные будутъ отозваны назадъ и замѣнены другими.

Такъ какъ теперь, по составленіи долговыхъ счетовъ, тѣ 300 рублей, о которыхъ Вы пишете въ вышеупомянутомъ письмѣ, вѣроятно Вами уже получены и денегъ этихъ, по удержаніи изъ нихъ суммы, выданной Вами заимообразно, хватить на содержаніе означенныхъ студентовъ до Троицына дня, то теперь, сообразно этому, отправляется къ Вамъ на уплату долговъ не болѣе 1400 рейхсталеровъ съ покорнѣйшею просьбою принять эти деньги по прилагаемому первому векселю, и уплатить изъ нихъ долги, а трехъ студентовъ по возможности приучать къ бережливости, смотрѣть за тѣмъ, чтобы они въ Марбургѣ не дѣлали новыхъ долговъ, сообщить имъ прилагаемый ордеръ и понуждать ихъ къ исполненію его и къ постоянному прилежанію, съ тѣмъ чтобы они, окончивъ нынѣ слушаніе лекцій, по вѣспрасу не тратили времени и денегъ. Но если бы послѣднихъ 300 рублей, противъ всякаго чаянія, не хватило до Троицына дня на ихъ содержаніе, то я покорнѣйше прошу Васъ увѣдомить меня по первой почтѣ, сколько примѣрно еще можетъ потребоваться, дабы можно было заблаговременно распорядиться

*) См. тамъ. подлинникъ на стр. 187 (№ 46).

переводомъ денегъ, а слѣдовательно и молодые люди безъ дальнѣйшей задержки и большихъ расходовъ могли отправиться въ Фрейбергъ и дабы вмѣстѣ съ тѣмъ можно было послать деньги, необходимыя на путевыя издержки, которыя на каждое лицо составлять вѣроятно не болѣе 15 рублей.

Вмѣстѣ съ упомянутыми 1400 рейхсталеровъ благоволите, по особому, прилагаемому при семъ векселю, принять вполне заслуженную Вами пенсію отъ Акад. Наукъ за минувшій 1738-й годъ.

Покорнѣйше благодарю Васъ за радушное поздравленіе Ваше къ наступившему новому году и желаю Вамъ постояннаго благополучія и довольства, а себѣ — возможность и впредь доказать Вамъ надѣлѣ, что я съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть и т. д.

20 март. 1739 г.

Притиска. Такъ какъ при изготовленіи сего нельзя было получить вексель на рейхсталеры, то упомянутые 1400 рейхсталеровъ посредствомъ прилагаемаго векселя пришлось перевести въ рубляхъ. Если бы при полученіи денегъ по векселю оказалась разница въ суммѣ, то я покорнѣйше прошу увѣдомить меня объ этомъ, съ тѣмъ чтобы можно было сдѣлать дальнѣйшія распоряженія по этому предмету.

№ 65. Выговоръ академической канцеляріи марбургскимъ студентамъ, отъ 20 марта 1739 г. *).

По Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію Академія Наукъ, выслушавъ содержаніе бумагъ, поступившихъ о проживающихъ въ Марбургѣ русскихъ студентахъ Райзерѣ, Виноградовѣ и Ломоносовѣ, положила слѣдующую

Резолюцію:

Изъ полученныхъ счетовъ, засвидѣтельствованныхъ г. регистраторомъ Вольфомъ, видно, что студентъ Райзеръ на 358 рейхсталеровъ, студентъ Виноградовъ на 576 рейхсталеровъ, и студентъ Ломоносовъ на 437 рейхсталеровъ, а всего втроемъ на сумму 1371 рейхст. надѣлали разныхъ долговъ, тогда какъ каждому изъ нихъ на годичное содержаніе и на продолженіе ученія въ Марбургѣ ежегодно назначено по 300 рублей. Деньги эти имъ отчасти выданы впередъ, отчасти въ извѣстные сроки посланы

*) См. итм. подлинникъ на стр. 135 (№ 45).

въ векселяхъ; всего же съ 15-го іюля 1736 г. по настоящее время, согласно сдѣланной въ канцеляріи выборкѣ, уплачено 2100 рублей. Такимъ образомъ имъ до 15 іюля нынѣшняго года остается еще получить только 600 рублей, сдѣланные же ими долги уже 13 января сего года превышали эту сумму вдвойнѣ. Между тѣмъ отпускъ имъ денегъ впередъ и заблаговременная высылка векселей давали имъ возможность на наличныя деньги вести приличный и соотвѣтствующій занятіямъ ихъ образъ жизни; слѣдовательно имъ не было надобности дѣлать долги. Притомъ изъ присланныхъ ими росписаній долговъ видно, что собственно на необходимое пропитаніе и занятія израсходовано очень мало, но что много истрачено и промотано на разныя прихоти. Отсюда не трудно заключить, что они очень худо распорядились и тѣми деньгами, которыя имъ прежде были выданы на руки.

Вообще имъ не слѣдовало жить столь беззаконно-расточительно и со средствами, дарованными имъ Ея Императорскимъ Величествомъ на научныя занятія и на приличный при этомъ образъ жизни, обращаться прямо на перекоръ Всемилоствѣйшимъ видамъ Государыни Императрицы; въ особенности же имъ не подобало дѣлать долги, значительно превышающіе опредѣленную имъ стипендію, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи заплатить эти долги, а потому Академія Наукъ никакъ не можетъ оставить безъ вниманія столь непростительное безчиство и предоставляетъ себѣ подвергнуть ихъ за это заслуженному и неминуемому наказанію.

Между тѣмъ необходимо на уплату сдѣланныхъ долговъ переслать г. регирунгсрату Вольфу черезъ Голландію вексель въ 1400 талеровъ, а студентамъ предписать, чтобы они приготовились къ отъѣзду изъ Марбурга и около Троицына дня сего года переселились въ Фрейбергъ въ Саксоніи, для изученія металлургіи; деньги, потребныя на путевыя издержки, будутъ отправлены для выдачи имъ къ упомянутому господину регирунгсрату; за полученіемъ же слѣдующихъ имъ еще на содержаніе 300 рублей и за предстоящею уплатою ихъ долговъ, въ Марбургѣ имъ уже болѣе ничего не понадобится. Но, чтобы они видѣли и испытали пользу и послѣдствія хорошаго или дурнаго поведенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ научились изворачиваться и немногимъ, имъ впредь на содержаніе въ Фрейбергѣ назначается ежегодно не болѣе 150 рублей. Деньги эти однакъ также не будутъ выданы имъ на руки, а будутъ отправлены къ г. бергфизіку Генкелю для покрытія расходовъ за столь, квартиру, дрова, свѣчи и другія необходимыя издержки.

Гонорарій за преподаваніе уроковъ Академія Наукъ уплатитъ особю. За тѣмъ студенты Райзеръ, Виноградовъ и Ломоносовъ имѣють въ точности сообразоваться съ этимъ повелѣніемъ Ея Императорскаго Величества.

Корфъ*).

Дано въ И. А. Н. въ Спб. (20) марта 1739 г.

№ 66. Изъ письма Вольфа къ бар. Корфу, отъ 4 апрѣля (24 марта) 1739 г. *).

Изъ моего послѣдняго письма Ваше Превосходительство изволили усмотрѣть, въ какомъ положеніи находятся долги здѣшнихъ русскыхъ студентовъ. Вексель разсчитанъ въ Голландіи по 47^{1/2} пштиверовъ за рубль; до сихъ поръ они получали отъ меня только по одному рейхсталеру въ недѣлю на обыкновенные расходы, да на нѣкоторыя неизбѣжныя издержки. Лучше всего было бы имъ теперь, привести въ порядокъ дѣла свои, и приступить къ главному предмету своихъ занятій. Студенты Райзеръ и Ломоносовъ не только во всемъ слушаются добрыхъ совѣтовъ, но и живутъ между собою въ ладу, и я надѣюсь, что на нихъ деньги расходуются не напрасно. Г. Ломоносовъ начинаетъ также принимать болѣе кроткіе нравы. Но я рѣшительно не знаю, что имѣ дѣлать съ г. Виноградовымъ. Диссертациі двухъ первыхъ студентовъ представлены уже нѣсколько времени тому назадъ, Виноградовъ же хотя и обѣщаетъ принести свою работу, но до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ. Не думаю впрочемъ, чтобы онъ былъ въ состояніи сдѣлать самъ что-нибудь. Онъ любитъ праздность и беспорядочную жизнь. Что бы ни происходило, онъ долженъ быть вездѣ. Того и гляди, чтобы онъ не попалъ въ бѣду или не подвергся академическому наказанію. Онъ также не принимаетъ никакихъ совѣтовъ отъ своихъ товарищей и я не думаю, чтобы онъ могъ продолжать съ ними ученіе. Пишу объ этомъ неохотно, но обязанность, которую я принялъ на себя въ отношеніи къ Ея Императорскому Величеству, не позволяетъ мнѣ молчать объ этомъ. Не лучше ли всего отозвать его назадъ? Впрочемъ предоставляю все это совершенно благоусмотрѣнію Вашего Превосходительства...

Марбургъ 4 апр. 1739 г.

*) *Собственноручная подпись президента.*

**) *См. нѣм. подл. на стр. 138 (№ 47). Надпись: Praes. in Cancell. acad. d. 30 Apr. 1739.*

№ 67. Письмо бар. Корфа къ бергензику Генкелю, отъ 20 марта 1739 г. *).

Соображаясь съ присланнымъ мнѣ Вами проектомъ отъ 1 февраля 1736 года и съ почтеннѣйшимъ письмомъ Вашимъ отъ 7 мая того-же года, Академія Наукъ признала полезнымъ 3-хъ выбранныхъ для изученія металлургіи человекъ отправить сперва въ марбургскій университетъ, гдѣ бы они могли слушать лекціи словесныхъ и философскихъ наукъ, обучиться необходимымъ языкамъ и подготовиться къ изученію металлургіи.

Такъ какъ они уже третій годъ находятся въ Марбургѣ и, судя по присылаемымъ отъ времени до времени отчетамъ, сдѣлали довольно значительные успѣхи, конечно одинъ въ большей, другой въ меньшей степени, то теперь, кажется, согласно Высочайшей Ея Величества волѣ, пора приступить къ самому дѣлу, т. е. къ изученію металлургіи. Признаюсь откровенно, что всего лучше и вѣрнѣе достигнута будетъ Высочайшая воля, когда Вы теперь-же примете на себя трудъ обучать 3-хъ означенныхъ студентовъ согласно вышеупомянутому проекту и письму; остается намъ только согласиться на счетъ условій.

Вы увѣряете, что подъ Вашимъ руководствомъ три способныхъ человекъ въ состояніи основательно изучить въ 1½ года всю металлургію или практическую и теоретическую минеральную химію, и не только могутъ быть научены тому, на что они здѣсь нужны, но и будутъ умѣть учить и готовить другихъ для службы Ея Императорскаго Величества. За обученіе трехъ лицъ Вы требуете всего 1200 рублей, при чемъ они еще обязаны

2) Употребить отдѣльно 50 рейхсталеровъ на усвоеніе обыкновеннаго пробирнаго искусства, 50 рейхсталеровъ на маркшейдерское искусство, 20 рейхсталеровъ на изученіе способа очищать серебро и 20 рейхсталеровъ на уроки зейгерованія.

3) Платить особо за уроки словесныхъ и философскихъ наукъ и

4) Сами заботиться о своей квартирѣ, столѣ, отопленіи, освѣщеніи и прислугѣ, такъ какъ Вы не можете имъ дать всего этого у себя въ домѣ.

Что касается до вознагражденія Вашихъ трудовъ, то Академія Наукъ, не смотря на то, что сумма, назначенная ей на такіе расходы, не велика, но имѣя въ виду необыкновенныя заслуги Ваши

*) См. нѣмецк. подлин. на стр. 189 (№ 48).

и предложенное Вами добросовѣстное обученіе, готова назначить Вамъ тысячу рублей и согласна половину этой суммы переслать Вамъ при самомъ началѣ обученія, по курсу, въ векселяхъ на Голландію или Лейпцигъ; но считаетъ долгомъ просить Васъ, чтобы ученіе продолжено было еще на полгода и слѣдовательно всего продолжалось 2 года, съ тѣмъ чтобы она тѣмъ вѣрнѣе могла положиться на способности и успѣхи означенныхъ трехъ студентовъ и тѣмъ лучше употребить ихъ впослѣдствіи, согласно извѣстнымъ Вамъ видамъ Ея Императорскаго Величества.

И такъ какъ означенныя три лица по своимъ занятіямъ и способностямъ не аттестованы одинаково, то Академія Наукъ предоставляетъ себѣ право, въ случаѣ, если бы Вы потомъ нашли, что тотъ или другой изъ нихъ не вполне способенъ къ изученію и практическому примѣненію металлургіи, отправить къ Вамъ на ихъ мѣсто другихъ, безъ особой за то платы.

Относительно 2-го пункта не встрѣчается никакихъ затрудненій и Академія Наукъ согласна уплачивать особо слѣдующія за каждое лицо деньги, всего по 140 рейхсталеровъ.

Что же касается до уроковъ словесныхъ и философскихъ наукъ, то въ нихъ едва-ли еще встрѣтится надобность, такъ какъ означенныя 3 лица довольно долго занимались ими въ Марбургѣ и вѣроятно на столько успѣли изучить ихъ, на сколько это нужно для металлургіи. Впрочемъ это предоставляется единственно Вашему благоусмотрѣнію.

Что касается 4-го пункта, то мнѣ конечно было бы всего пріятнѣе, если бы студенты могли имѣть квартиру и столъ у Васъ, гдѣ они были бы болѣе подъ Вашимъ надзоромъ, но такъ какъ по Вашему отзыву сдѣлать это неудобно, то Вы весьма обязали бы и меня и Академію Наукъ, если бы Вамъ угодно было распорядиться такимъ образомъ, чтобы молодые люди жили отъ Васъ сколько возможно ближе и чтобы они тамъ, гдѣ будутъ имѣть столъ, не попали въ дурное общество, а напротивъ какъ можно болѣе могли пользоваться Вашимъ, для нихъ столь необходимымъ и драгоценнымъ сообществомъ. На содержаніе ихъ будетъ ежегодно отпускаемо на каждое лицо по 150 рублей. Деньги эти будутъ пересылаться на Ваше имя, при чемъ я Васъ покорнѣйше прошу не выдавать имъ много денегъ на руки, а уплачивать изъ означенной суммы отъ себя за столъ, квартиру, отопленіе, освѣщеніе и прочіе необходимо-нужные предметы, въ городѣ же прямо объявить, чтобы безъ Вашего разрѣшенія и согласія никто не вѣрнулъ

имъ въ долгъ, такъ какъ они въ Марбургѣ понапрасну промотали множество денегъ и надѣлали разныхъ долговъ.

И такъ, если Вы довольны предлагаемыми Вамъ 1000 руб. и прочими условіями, то я прошу Васъ увѣдомить меня о томъ поскорѣе и доставить мнѣ такимъ образомъ случай продолжать нашу переписку и удовольствіе доказать Вамъ и впредь, что я . . . .

20 марта 1739 г.

№ 68. Письмо Генкеля къ бар. Корфу, изъ Фрейберга отъ 26 (15) апрѣля 1739 г. *)

Достохвальная Россійская Императорская Академія Наукъ премного обязала меня тѣмъ довѣріемъ, съ которымъ рѣшается поручить мнѣ преподаваніе металлургіи тремъ русскимъ студентамъ и дальнѣйшее наблюденіе за ними. Я соглашаюсь на предложенное мнѣ Вами по этому случаю вознагражденіе въ 1000 рублей и за это обязуюсь: означенныхъ трехъ студентовъ взять къ себѣ въ обученіе, добросовѣстно наставлять ихъ и, по мѣрѣ силъ моихъ, на столько сообщить имъ теоретическое и практическое знаніе минераловъ, что они, сообразно всемілостивѣйшимъ видамъ Ея И. В., будутъ умѣть основательно изслѣдовать любой встрѣчающійся или предлагаемый минералъ, знать употребленіе и способъ обработки его, отдавать обо всемъ правильный и толковый отчетъ, дѣлать практическія заключенія, и наконецъ усвоенную ими науку посредствомъ опытовъ объяснять и передавать другимъ. Кромѣ того я совершенно согласенъ съ тѣмъ, чтобы этимъ г.г. студентамъ-сотоварищамъ поручено было, по истеченіи предложенныхъ 1½ лѣтъ, когда окончится курсъ, а слѣдовательно и срокъ уплаты другой половины условленной суммы, остаться здѣсь еще полгода, такъ какъ имъ необходимо будетъ повторять пройденное и самимъ производить нѣкоторые опыты. Въ случаѣ, если тотъ или другой изъ нихъ окажется бы не совсѣмъ способнымъ, я не премину немедленно донести о томъ и буду ожидать на его мѣсто другаго, котораго на всякій случай слѣдовало бы уже выбрать теперь, такъ чтобы намъ не нужно было слишкомъ долго пріостанавливать курсъ преподаванія, тѣмъ болѣе, что мнѣ тогда придется начать опять съ начала, слѣдовательно напрасно терять время и труды.

---

*) См. *итал. подл.* на стр. 142 (№ 49). *Надпись:* Praes. in Cancell. acad. d. 20. Jun. 1739.

Что касается до надзора за ними, то я по особому уваженію не хочу отказываться отъ этого, но покорнѣйше просилъ бы Ваше Высокоблагородіе прислать мнѣ такую положительную инструкцію, а господамъ студентамъ отдать такое приказаніе, чтобы мнѣ нельзя было сказать, что я въ этомъ дѣлѣ дѣйствую или слишкомъ строго, или слишкомъ слабо, и чтобы они не могли упрекнуть меня, что я въ томъ или другомъ отношеніи поступаю произвольно. Съ этою цѣлью я позволилъ себѣ въ приложеніи сдѣлать нѣсколько вопросовъ, относящихся къ этому предмету. Если бѣ наконецъ можно было уладить дѣло такъ, чтобы студенты прибыли сюда какъ можно скорѣе, то мы могли бы еще воспользоваться нѣсколькими благопріятными мѣсяцами, и устроиться во всемъ тѣмъ удобнѣе.

Препоручая себя за тѣмъ дальнѣйшему благосклонному вниманію Вашего Высокоблагородія, свидѣтельствую симъ, что не упущу ни одного случая, чтобы доказать Вамъ глубокое свое уваженіе...

Фрейбергъ, 26 апр. 1789 г.

Спрашивается:

1. Будутъ-ли гг. Русскіе всѣ жить въ одномъ домѣ, или даже въ одной комнатѣ и спальнѣ? По близости отъ меня нѣтъ дома съ двумя (свободными) комнатами. Я осмотрѣлъ въ своемъ сосѣдствѣ въ 3 различныхъ домахъ 3 комнаты съ каморочками, которыя вмѣстѣ съ односпальною кроватью и всею комнатною принадлежностью обходятся въ годъ отъ 20 и 25 до 30 талеровъ.
2. Когда они пріѣдутъ сюда, потому что нужно сообразиться съ этимъ при наймѣ квартиръ для нихъ?
3. Такъ какъ мнѣ дано знать, чтобы я не давалъ имъ много денегъ на руки, а по усмотрѣнію самъ платилъ бы за столъ, помѣщеніе, дрова, освѣщеніе, стирку бѣлья и другія необходимыя удобства, къ которымъ вѣроятно относится и одежда, то мнѣ хотѣлось бы знать, сколько именно выдавать въ ихъ собственное распоряженіе и сколько отъ времени до времени на экстренные расходы. Здѣсь подобнаго рода лица берутъ обыкновенно кушанье изъ гостиницы, платя 4 гроша, за которые получаютъ супъ, двоякаго рода вареное и рыбу или жаркое, но безъ пива, хлѣба, масла и сыра. Посылаютъ за всѣмъ этимъ слугу или служанку съ приспособленными для того оловянными судками, которые ставятся одинъ на другой, удобно носятя на ремнѣ и стоятъ отъ 3 или 4 до 5 рейхсталеровъ. Можно также брать

кушанья на 3 или на 2 гроша и требовать, чего желаешь и что есть. Вечеромъ хлѣбъ съ масломъ, холодное жаркое и что потребуешь.

4. Кто будетъ прислуживать? вѣроятно служанка въ домѣ? Или особый слуга? Въ послѣднемъ случаѣ придется платить постоянное жалованье, а въ первомъ только по временамъ небольшое вознагражденіе.
5. Надобно будетъ согласно росписанію, прибрѣтать кое-какіе маркшейдерскіе инструменты и
6. ту либо другую книгу, относящуюся до рудоконнаго, плавильнаго и маркшейдерскаго искусствъ и до металлургіи. Книги эти отчасти рѣдки и могутъ быть прибрѣтены лишь по случаю.
7. Иногда представляется случай прибрѣсти выгодно хорошую и рѣдкую руду; слѣдовательно ее не должно выпускать изъ рукъ.
8. Мало по малу придется также купить ту или другую модель машинъ, печей и т. п., гдѣ также нужно пользоваться случаемъ.
9. Иногда придется нанимать лошадей для поѣздки на дальнія разработки и плавильные заводы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рождается вопросъ, какъ тутъ поступать съ расходами?

Маркшейдерскіе приборы:

	тал.	грош.
Висячій компасъ, по обѣ стороны рейки раздѣленный на $\frac{1}{4}$, и длиною въ 40 лахтеровъ	7	6.
Ватерпасъ съ полуградусомъ	1	18.
Мѣдная проволока, длиною въ 6 лахт.; каждое колѣно въ 5 дюймовъ	2	12.
Три мѣдныхъ винта для прикрѣпленія чертежей на планшетѣ		18.
Шесть деревянныхъ винтовъ для прикрѣпленія шнура въ рудникѣ		12.
Транспортиръ	1	8.
Паралельная линейка	1	12.
Наугольникъ		16.
Двѣ мѣдныя пластинки по новѣйшему способу, при помощи которыхъ опредѣленіе направленія въ желѣзныхъ рудникахъ можно наносить на бумагу, избѣгая употребленія желѣзныхъ кружковъ	4	
Угломѣръ	1	12.
Маркшейдерская сумка	1	
Табличка къ ней для отмѣтокъ		8.

	тал.	грош.
Мѣдный отвѣсъ		6.
Циркуль съ вставной ножкой	2	
Маленькій простой циркуль		16.
Сученый изъ нитокъ шнуръ длиною въ 30 лахт., съ катушкою, на которую онъ намотанъ		16.
Двойной рейс-федеръ		12.

Всего 27 рейхстал. 4 гр.

№ 69. Письмо Вольфа къ бар. Корфу, отъ 3 мая (22 апр.) 1739 г. *).

Получивъ письмо Вашего Превосходительства, я немедленно объявилъ русскимъ студентамъ Высочайшій указъ и предложилъ имъ собираться въ дорогу. Но тутъ тотчасъ-же встрѣтилось большое затрудненіе. Такъ какъ англійскіе векселя выданы на имя господина Аудеркирка въ Амстердамѣ и въ нихъ обо мнѣ вовсе не упоминается, то я не зналъ, какъ мнѣ доказать свои права и получить слѣдующія мнѣ деньги. Вскорѣ, впрочемъ, я отправилъ копии съ векселей во Франкфуртъ, чтобы освѣдомиться о томъ, не знаютъ ли тамошніе купцы, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Но это было сдѣлано по напрасну, какъ видно изъ прилагаемой записки, приложенной къ отвѣту. Вслѣдствіе этого я писалъ гг. Аудеркиркамъ въ Амстердамъ и предложилъ имъ, не хотятъ-ли они поручить своимъ корреспондентамъ въ Франкфуртъ уплатить мнѣ деньги по предъявленіи векселей, или не знаютъ-ли они другаго средства, какъ мнѣ получить свои деньги. На это письмо я еще жду отвѣта и потому не знаю, придется-ли мнѣ опять возвратить векселя.

Упомянутые студенты представили теперь новый счетъ своимъ долгамъ, который значительно превышаетъ прежній, не смотря на то, что я въ свое время убѣдительно упрашивалъ ихъ не скрывать ничего. По этимъ счетамъ

Райзеръ задолжалъ	411	рейхстал.	66	крейцер.
Ломоносовъ	593	»	7	»
Виноградовъ	614	»	46	»

Всего . . . 1619 рейхстал. 29 крейцер.

*) См. нѣм. подл. на стр. 145 (№ 50). Помѣта на первой страницѣ: Prod. in Cancell. acad. d. 21 May 1739.

Сумма эта превышает назначенные по векселямъ 1400 рейхсталеровъ на 220 рейхсталеровъ безъ нѣсколькихъ крейперовъ. Но и тутъ все таки еще опасаясь, чтобы при окончательномъ расчетѣ не встрѣтилось еще множества разныхъ мелкихъ долговъ, особенно у г. Виноградова, съ которымъ никакъ не сладишь и который не имѣеть ни малѣйшей охоты учиться, какъ въ этомъ успѣеть убѣдиться докторъ Генкель. Мнѣ уже принесено нѣсколько счетовъ, составляющихъ до 13 рейхсталеровъ, о которыхъ онъ не упоминаеть въ своемъ счетѣ. Кромѣ того мнѣ извѣстно, что на немъ у книгопродавца долженъ быть большой долгъ, котораго я, при просмотрѣ его счетовъ, не нахожу въ нихъ. Очень можетъ быть, что ему самому не извѣстно, сколько кому онъ долженъ, потому что онъ дѣлаеть долги у всякаго, кто ему вѣрять, а когда кредиторы напоминають ему объ уплатѣ, то колотить ихъ своей шпагой, о чемъ ко мнѣ, какъ къ временному проректору, уже неоднократно поступали жалобы.

Я право не знаю, какъ спасти ихъ изъ этого омута, въ который они сами безразсудно ринулись. Если бы они деньги получили на руки, то они промотали бы ихъ точно такъ же, какъ и первую сумму, и не заплатили бы даже за столъ. Въ оправданіе они приводятъ только свою опрометчивость, а на вопросъ, почему они въ первый разъ не показали всего, отвѣчаютъ, что они рассчитывали разомъ получить на руки вексель, который долженъ былъ прибыть въ концѣ прошлаго года, и ту сумму, которая имъ еще причитается за іюль мѣсяцъ, и тогда уже заразъ хотѣли заплатить долги изъ этихъ денегъ. Но они не заплатили бы никому изъ этихъ денегъ, какъ не платили и изъ прежнихъ. Не могу Вамъ сказать, сколько меня это беспокоить, хотя они съ своей стороны совершенно веселы, какъ будто не сдѣлали ничего дурнаго.

Послѣдняго векселя станеть на существованіе ихъ до Троицы, по старому стилю, потому что я каждому сверхъ стола давалъ въ недѣлю только по 1 рейхсталеру, да еще кое-что на необходимо нужныя вещи. Но такъ какъ отъѣздъ ихъ по всей вѣроятности еще нѣсколько замедлится, то потомъ будетъ труднѣе изворачиваться. При бережномъ обращеніи съ деньгами, на поѣздку въ Фрейбергъ можно издержать рублей 15. Не знаю впрочемъ, не лучше-ли имъ дать нѣсколько лишнихъ рублей, потому что они такъ мало умѣють соображать свои расходы.

Какъ скоро получу отвѣтъ изъ Амстердама, я не замедлю сообщить его...

№ 70. Резолюція академической Канцелярии отъ 21 мая 1739 г. на письмо Вольфа отъ 3 мая того-же года *).

Отвѣтить г. регирунгсрату Вольфу, что такъ какъ посланный ему вексель на получение денегъ для 3-хъ студентовъ, Виноградова, Райзера и Ломоносова, можетъ оказаться недостаточнымъ, то ему на этотъ случай препровождается еще другой вексель на гг. Аудеркирковъ въ Голланди. Что у упомянутыхъ студентовъ, сверхъ прежде показанныхъ долговъ, оказались еще другіе долги, что они при всемъ томъ мало раскаиваются въ своемъ непростительномъ распутствѣ, и что наконецъ студентъ Виноградовъ не подаетъ никакой надежды на хорошее поведеніе, на должное прилежаніе и изученіе необходимыхъ наукъ, все это Академія узнала съ величайшимъ отвращеніемъ, тѣмъ болѣе, что люди эти расточительностью своею не только истощили сумму, Всемилости-вѣйше назначенную имъ Ея Величествомъ, но и кромѣ того Виноградовъ истратилъ столько денегъ рѣшительно по напрасну. Но такъ какъ дальнѣйшее ихъ пребываніе въ Марбургѣ, гдѣ имъ уже слишкомъ хорошо извѣстны всѣ средства и случаи вести распутную жизнь, съ каждымъ днемъ становится опаснѣе и Академіи обходится будетъ все дороже, а изъ послѣдняго письма г. регирунгсрата не видно количество всѣхъ ихъ долговъ, почему и нельзя сдѣлать распоряженія о пересылкѣ тѣхъ денегъ, которыя могутъ еще потребоваться на уплату долговъ, то просить г. регирунгсрата, тщательно разузнать вновь оказавшіеся долги упомянутыхъ трехъ студентовъ, и рассмотреть, дѣйствительно ли долги эти ими сдѣланы и еще не уплачены, а въ случаѣ, если бы посланные на это 1400 рублей оказались недостаточными, то остальное взять на себя, съ тѣмъ чтобы отъ дальнѣйшаго пребыванія студентовъ въ Марбургѣ напрасно не увеличилось еще количество долговъ; трехъ студентовъ немедленно обязать, чтобы они отправились въ Фрейбергъ, и каждому изъ нихъ при самомъ отъѣздѣ выдать изъ отпущенныхъ денегъ на путевыя издержки и на прокормленіе до Фрейберга по 20 рублей, а объ отправленіи ихъ и днѣ отъѣзда увѣдомить какъ Академію, такъ и г. бергфизика Генкеля, счетъ же всѣмъ долгамъ съ обозначеніемъ суммы, потребной на ихъ уплату, доставить Академіи, которая не преминетъ недостающее тотчасъ-же переслать г. регирунгсрату.

*) См. нѣм. подлинникъ на стр. 147 (№ 51).

Когда все это будет сдѣлано, тогда, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть доложено Кабинету Ея Величества какъ о непомѣрныхъ долгахъ студентовъ, такъ и о дурномъ поведеніи Виноградова. Слѣдуетъ также написать г. бергѣнзику Генкелю отвѣтъ на его письмо, извѣстить его о скоромъ прибытіи студентовъ, переслать ему на ихъ содержаніе 400 рублей, вмѣстѣ съ тѣмъ поручить ему имѣть строгій надзоръ за этими людьми, а въ особенности еще разъ просить его, не давать имъ денегъ на руки и повсюду объявить, чтобы имъ никто, безъ вѣдома его, не вѣрилъ въ долгъ, и расходы ихъ распредѣлить согласно послѣднему предложенію Академіи и сообразно отпущенной суммѣ. Студентамъ заготовить предписаніе относительно ихъ отъѣзда. 21-го мая 1739 года.

№ 71. Письмо бар. Корфа къ Вольфу, отъ 5-го юня 1739 г. *).

Изъ полученныхъ мною почтеннѣйшихъ писемъ Вашихъ отъ 4-го апрѣля и 3-го мая я узналъ какъ о затрудненіяхъ относительно посланнаго Вамъ векселя, такъ и объ оказавшемся нынѣ еще большемъ количествѣ долговъ трехъ студентовъ.

На случай, если бы упомянутый вексель въ настоящее время оказался недостаточнымъ, при семъ препровождается еще другой вексель на гг. Аудеркирковъ въ Амстердамѣ, по которому деньги имѣютъ быть уплачены Вашему Высокоблагородію.

Благоволите за тѣмъ прежде посланный вексель, если онъ еще не отосланъ, немедленно отправить къ гг. Аудеркиркамъ, а прилагаемый при семъ вексель употребить потомъ для полученія денегъ.

Что у упомянутыхъ студентовъ сверхъ прежде показанныхъ значительныхъ долговъ оказались еще другіе долги, что они при всемъ томъ мало раскаиваются въ своемъ непростительномъ распутствѣ, и что наконецъ студентъ Виноградовъ въ особенности не подаетъ никакой надежды на хорошее поведеніе, на должное прилежаніе и изученіе необходимыхъ наукъ, все это Академія узнала съ величайшимъ отвращеніемъ тѣмъ болѣе, что люди эти расточительностью своею не только истощили сумму, Всемилостивѣйше назначенную имъ Ея Величествомъ, но и, что всего хуже, по-видимому и судя по Вашему отзыву, истратили столько денегъ совершенно по напрасну. Но такъ какъ дальнѣйшее ихъ пребыва-

*) См. нѣж. подл. на стр. 151 (№ 55).

ніе въ Марбургѣ, гдѣ имъ уже слишкомъ хорошо извѣстны всѣ средства и случаи вести распутную жизнь, съ каждымъ днемъ становится опаснѣе и Академіи обходиться дороже, а за тѣмъ изъ письма Вашего не видно количество всѣхъ ихъ долговъ, почему еще и нельзя сдѣлать распоряженія о пересылкѣ дальнѣйшихъ денегъ, потребныхъ на уплату ихъ, то я покорнѣйше прошу Васъ отъ имени Академіи Наукъ тщательно разузнать вновь оказавшіеся долги упомянутыхъ трехъ студентовъ и рассмотреть, дѣйствительно-ли эти долги ими сдѣланы и еще не уплачены, а въ случаѣ, если бы посланная сумма оказалась недостаточною, остальное взять на себя, съ тѣмъ чтобы отъ дальнѣйшаго пребыванія студентовъ въ Марбургѣ напрасно не увеличилось количество долговъ, самимъ студентамъ объявить прилагаемое предписаніе и немедленно вмѣнить въ обязанность, чтобы они отправились въ Фрейбергъ, каждому изъ нихъ при самомъ отъѣздѣ, и никакъ не ранѣе, выдать изъ отлученныхъ уже денегъ по 20 рублей на путевыя издержки и на прокормленіе до Фрейберга, объ отправленіи ихъ и днѣ отъѣзда увѣдомить меня и г. бергфизика Генкеля и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить мнѣ счетъ всѣмъ долгамъ съ обозначеніемъ суммы, потребной на ихъ уплату. По полученіи этого счета Академія не преминетъ тотчасъ-же переслать Вамъ недостающую сумму въ хорошихъ векселяхъ. Искренно сожалѣю, что дурное поведеніе этихъ людей надѣлало Вамъ столько хлопотъ, но Академія всегда будетъ цѣнить Ваша услуги съ особенною признательностію, я же съ своей стороны постоянно буду считать своею обязанностію быть и т. д.

Спб. 5 іюня 1739 г.

Притиска. При отправленіи этого письма я получилъ почтеннѣйшее письмо Ваше отъ 13 мая съ приложеніемъ. Такъ какъ уже сдѣлано распоряженіе къ исполненію Вашихъ требованій, то мнѣ въ настоящее время остается только просить Васъ принять на себя трудъ не только снабдить студентовъ особымъ письмомъ къ г. Генкелю, но и назначить имъ день и часъ ихъ отъѣзда, такъ какъ имъ предписано ожидать отъ Васъ приказанія по этому предмету.

**№ 72. Ордеръ академической канцелярии марбургскихъ студентовъ,
отъ 5-го июня 1739 г. *)**

Вышепомянутымъ студентамъ предписывается по полученіи сего ордера немедленно приготовиться къ отъѣзду, при первомъ удобномъ случаѣ, какъ скоро г. регирунгсратъ Вольфъ назначитъ имъ день отъѣзда, отправиться въ Фрейбергъ въ Саксоніи, на пути нигдѣ не останавливаться и по прибытіи въ Фрейбергъ, явиться къ г. бергфизіку Генкелю, который сообщитъ имъ дальнѣйшія свѣдѣнія о намѣреніяхъ и приказаніякъ Императорской Академіи Наукъ. Дано въ Императорской Академіи Наукъ въ С. Петербургѣ, 5-го іюня 1739 года.

№ 73. Изъ письма Вольфа къ бар. Корфу, отъ 13 (3) мая 1739 г. **)

Изъ предыдущаго письма мѣго Вашему Превосходительству извѣстна путаница относительно пересланныхъ мнѣ векселей. Въ прошлый разъ я забылъ приложить къ письму записку франкфуртскихъ купцовъ и потому пересылаю ее теперь. Отвѣтъ г. г. Аудеркирковъ изъ Амстердама Вы узнаете изъ собственноручнаго письма ихъ, при семъ прилагаемаго. Вслѣдствіе этого я по первой почтѣ отправилъ къ нимъ англійскіе векселя и теперь жду отвѣта о полученіи ихъ, а отъ Вашего Превосходительства ожидаю векселя и ордера г. г. Аудеркиркамъ, по которому я могъ бы продать его франкфуртскимъ купцамъ. Не могу Вамъ сказать, какъ меня огорчаютъ долговья дѣла русскихъ студентовъ, потому что послѣдніе не только представили новый долговой счетъ, о которомъ я писалъ въ прошедшій разъ, но и послѣ этого новаго счета оказалось еще нѣсколько другихъ долговъ у Виноградова, который, сколько ему ни пѣли и ни говорили про это, живетъ себѣ совершенно безопасно. Врядъ-ли отъ него можно ожидать чего-нибудь въ будущемъ, какъ объ этомъ вѣроятно вскорѣ можетъ сообщить и докторъ Генкель, которому я подробно напишу, на что обратить вниманіе, когда они переберутся туда. При этомъ они

*) См. нѣм. подл. на стр. 152 (№ 56).

**) См. нѣм. подл. на стр. 150 (№ 54). Помѣта на верху первой страницы: Praes. in Cancell. acad. d. 26 May 1739.

чрезвычайно дерзкі противъ своихъ кредиторовъ, тотчасъ грозятъ своею шпагой, и насильно заставляютъ ихъ давать имъ въ долгъ деньги. Больше всего жалуются всегда на Виноградова. Не знаю право, что мнѣ сдѣлать, чтобы заставить ихъ хозяйничать бережливѣе и возбудить въ Виноградовѣ охоту заняться дѣломъ. На обѣщанія они мастера. Долги свои они также постоянно отрицали и скрывали отъ меня, пока наконецъ все должно было обнаружиться.

Въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній имѣю честь быть и т. д.

Марбургъ, 13 маія 1739 г.

№ 74. Особое мнѣніе акад. и совѣтника Гольдбаха о долгахъ марбургскихъ студентовъ, отъ 29 мая 1739 г. *)

Такъ какъ Академія Наукъ не имѣетъ права употребить свои собственныя суммы на уплату неправильныхъ долговъ, сдѣланныхъ отправленными въ Марбургъ студентами, то по моему мнѣнію слѣдуетъ не отлагать болѣе, а немедленно представить Ея Императорскому Величеству докладъ о состояніи и долгахъ означенныхъ студентовъ и тѣмъ избѣгнуть дальнѣйшихъ могущихъ быть неприятностей. Заявленіе это прошу внести въ протоколъ. С. Петербургъ, 29 мая 1739 года.

№ 75. Постановленіе Академіи по поводу особаго мнѣнія академика Гольдбаха. **)

Читанъ протоколъ отъ 29 числа минувшаго мѣсяца и заявлено, что г. юстиціи совѣтникъ Гольдбахъ не согласенъ съ распоряженіемъ, сдѣланнымъ относительно 3-хъ марбургскихъ студентовъ, полагая, что дѣло это, прежде нежели по немъ будетъ сдѣлано какое-либо распоряженіе, слѣдуетъ доложить Кабинету Ея Императорскаго Величества. При обсужденіи этого мнѣнія г. Камергеромъ сдѣлано слѣдующее возраженіе:

Такъ какъ отъ г. регирунгсрата Вольфа изъ Марбурга даже еще не получено положительнаго свѣдѣнія о томъ, сколько именно

---

*) *Озъ собственноручной записки Гольдбаха, напечатанной на стр. 148 (№ 52).*

**) *См. тѣм. подл. на стр. 148 (№ 58). Надпись: Insepat. Prot. d. 22 Juni 1739.*

задолжали означенные студенты, и, судя по послѣднему его письму, количество этихъ долговъ еще вовсе неизвѣстно, а изъ полученныхъ доселѣ извѣстій не видно, что студенты израсходовали больше той суммы, которая назначена на посылку ихъ за границу, то въ настоящее время нельзя еще и говорить о томъ, что Академія содержать этихъ трехъ студентовъ на счетъ своихъ собственныхъ средствъ. Тѣмъ менѣе объ этомъ можно доносить Кабинету Ея Величества, не убѣдившись предварительно въ настоящемъ положеніи дѣлъ. Между тѣмъ прежде всего крайне необходимо этихъ 3-хъ студентовъ выпроводить изъ Марбурга, потому что 1) они тамъ уже окончили свои занятія и только понапрасну тратятъ деньги; 2) имъ тамъ представляется удобный случай продолжать свою распутную жизнь и дѣлать опять новые долги; 3) въ Фрейбергѣ, вслѣдствіе заранѣе сдѣланныхъ распоряженій, они будутъ лишены возможности своевольничать и притомъ уже приняты всѣ мѣры, чтобы они могли начать свои занятія и употребить свое время съ пользою и безъ большихъ издержекъ. При такомъ распоряженіи будутъ сбережены и время и деньги, въ противномъ же случаѣ и то и другое будетъ потеряно совершенно напрасно.

Если слѣдовательно сначала обратиться къ Кабинету Ея Величества, то первая цѣль не будетъ достигнута, а неизбѣжно послѣдуетъ противное, потому что Академіи придется ждать приказаній Кабинета и до полученія таковыхъ оставить все въ прежнемъ положеніи, къ немалому ущербу Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества интересовъ.

Поэтому необходимо и полезно остаться при прежнемъ опредѣленіи, состоявшемся 21 мая сего года, тѣмъ болѣе что согласно этому рѣшенію уже сдѣланы распоряженія и какъ въ Марбургѣ, такъ и въ Фрейбергѣ уже заготовлены бумаги.

Г. Совѣтникъ Шумахеръ во всемъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и потому большинствомъ голосовъ постановлено:

Остаться при рѣшеніи, состоявшемся 21 мая сего года; письмо къ бергфизіку Генкелю отправить, препроводивъ къ нему же на первый разъ 400 руб. на расходы по содержанію студентовъ и другія необходимыя издержки, ожидать отъ г. рег-рата Вольфа свѣдѣній о томъ, сколько долговъ еще числится на означенныхъ студентахъ въ Марбургѣ, и уже развѣ за тѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, представить объ этомъ докладъ Кабинету Ея Величества.

Относительно 400 рублей слѣдуетъ написать въ Дрезденъ г. Петри, и просить его выплатить эту сумму или г. Генкелю въ Фрейбергѣ, или кому послѣдній поручить принять ее, а воз-

врата денегъ ожидать отъ гг. Франца и Юсія Аудеркирковъ въ Амстердамѣ, на имя которыхъ онъ можетъ перевести вексель. Объ этомъ въ то же время слѣдуетъ извѣстить и упомянутыхъ гг. Аудеркирковъ.

№ 76. Свидѣтельство, выданное Ломоносову марбургскимъ профессоромъ Дуйзингомъ, отъ 18 (7) июля 1739 г. ¹⁾

Что весьма достойный и даровитый ²⁾ юноша Михаилъ Ломоносовъ, студентъ философіи, отличный воспитанникъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Всероссийской, съ неутомимымъ прилежаніемъ слушалъ лекціи химіи, читанныя мною въ теченіе 1737 года, и что, по моему убѣжденію, онъ извлекъ изъ нихъ немалую пользу, въ томъ я, согласно желанію его, симъ свидѣтельствую. Въ Марбургѣ іюля 18 дня, 1739 года.

(М. П.)

Юстинъ Гергардъ Дуйзингъ,
Д-ръ и Орд. Проф. Медицины,
Декань Медиц. факультета.

№ 77. Свидѣтельство, выданное Ломоносову профессоромъ Вольфемъ, отъ 20 (9) июля 1739 г. ³⁾

Молодой человекъ съ прекрасными способностями Михаилъ Ломоносовъ со времени своего прибытія въ Марбургъ прилежно посѣщалъ мои лекціи математики и философіи, а преимущественно физики и съ особенною любовью старался приобрѣтать основательныя познанія ⁴⁾. Нисколько не сомнѣваюсь, что если онъ съ такимъ же прилежаніемъ будетъ продолжать свои занятія, то онъ со вре-

---

¹⁾ *Оъ копіи на латинскомъ напечатано на стр. 153 (№ 57). Внизу написано: Подлинникъ получилъ обратно Михайло Ломоносовъ (рукою самого Лом-ва), октября, 10 дня 1760. Concordat cum originali. Ahlbom.*

²⁾ *Nobilissimus atque ornatissimus — формулы учтивости, неимѣющія особаго значенія.*

³⁾ *Оъ копіи на латинскомъ напечатано на стр. 153 (№ 58). Внизу написано: Concordat cum originali. Ahlbom.*

⁴⁾ *Буквально: Удивительно восхищался отновательнѣйшей наукой.*

менемъ, по возвращеніи въ отечество, можетъ принести пользу государству, чего отъ души и желаю. Дано въ Марбургѣ Каттійскомъ, іюля 20 дня 1739 года.

(М. П.)

Христіанъ Вольфъ
проректоръ марб. акад.

№ 78. Опредѣленію акад. Канцелярн о дѣлахъ марбургскихъ студентовъ, отъ іюля 1739.

Понеже изъ присланнаго письма отъ господина регирунгсрата Вольфа отъ 3 мая сего 1739 году усмотрѣно, что обрѣтающіеся въ Марбургѣ студенты три человекъ весьма живутъ невоздержно и въ великія долги вступаютъ, что имъ чинить отнюдь неподлежаю, того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Академія Наукъ приказали: 1) къ нему господину регирунгсрату писать, что ежели бы паче чаянія переведенныхъ къ нему черезъ вексель на оплату долговъ и содержаніе студентовъ Виноградова, Райзера и Ломоносова денегъ тысячи четырехъ сотъ и не достанеть, токмо бы онъ господинъ Вольфъ потрудился и о долгахъ ихъ увѣдомился, ежели оныя долги подлинно на нихъ есть и отъ должниковъ засвидѣтельствованы будутъ, то бы оныя долги на себя онъ, господинъ Вольфъ, взялъ, а ихъ студентовъ къ немедленному отъѣзду въ Фрейбургъ принудилъ и каждому изъ нихъ при самомъ отъѣздѣ по двадцати рублевъ на проѣздъ и содержаніе до Фрейбурха изъ переведенной къ нему суммы выдалъ, чтобъ они, будучи въ Марбургѣ, еще больше долговъ на себя не нажили, а какъ и котораго числа они изъ Марбурха отправятся, о томъ бы въ Академію Наукъ и къ бергъ-физику Генкелю отписать, а притомъ бы сообщилъ Академія роспись всѣмъ ихъ долгамъ и сколько еще на чистую расплату всего ихъ долгу надобно, изъ чего бѣ Академія усмотря за оное добрыми векселями переслать могла. 2) Къ бергъ-физику Генкелю о скоромъ пріѣздѣ студентовъ въ Фрейбургъ объявить и на содержаніе оныхъ, денегъ четыреста рублевъ къ нему бергъ-физику черезъ вексели перевести и оныхъ студентовъ въ крѣпкое и прилежное смотрѣніе ему поручить, а особливо, что бѣ онъ имъ денегъ въ руки не давалъ и велѣлъ бы объявить, дабы безъ его вѣдома онымъ студентамъ ничего въ долгъ никто не давалъ, съ такимъ подтвержденіемъ, что съ сего времени Академія Наукъ оныхъ долговъ для такого ихъ невоздержнаго житія пла-

жить не будетъ, а на расходъ и содержаніе ихъ держать ему Генкелю, какъ въ прежнемъ къ нему письмѣ опредѣлено, и по состоянію опредѣленной на нихъ суммы деньги въ расходъ употреблять.

3) Къ ученикамъ послать указъ, въ которомъ подтвердить, дабы они въ Фрейбурхъ немедленно ѣхали и въ житіи себя воздержно вели и въ долги сверхъ опредѣленной на нихъ суммы не вступали, опасая себя за невоздержность по указамъ Ея Императорскаго Величества штрафа. 4) Къ купцу Оудеркирху писать, дабы переведенныя чрезъ вексель деньги тысяча четыреста рублей отданы были вышепоказанному регирунгсрату Вольфу. 5) А что же оныя студенты по всевысочайшему милосердію Ея Императорскаго Величества опредѣленное имъ жалованье невоздержнымъ своимъ житеемъ промотали, а особливо Виноградовъ столько денегъ напрасно прожилъ, о томъ, дождався подлиннаго отъ господина Вольфа извѣстія, въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества взнестъ докладъ.

Іюля дня
1739.

№ 79. Письмо Вольфа къ бар. Корфу, отъ 1-го августа (21 іюля) 1739 г. *).

Получивъ послѣдній вексель, я тотчасъ продалъ его во Франкфуртѣ купцамъ, торгующимъ въ Голландіи и удержалъ, изъ нихъ на свою долю 250 рублей, за которые приношу глубочайшую мою благодарность. Такимъ образомъ я, за вычетомъ вѣсовыхъ пошлинъ при пересылкѣ денегъ изъ Франкфурта, получилъ на уплату долговъ русскихъ студентовъ 1477 рейхсталеровъ и 28 крейцеровъ, по рейнской цѣнѣ. Всѣхъ долговъ оказалось

у Виноградова...	899	рейхст.	7	кр.	2	гел.
» Ломоносова.....	613	»	10	»	3	»
» Райзера.....	414	»	31	»	2	»

Итого... 1936 рейхст. 49 кр. 3 гел.

Долги эти я уплатилъ по рейнской цѣнѣ, хотя тутъ вообще введенъ лейпцигскій счетъ. Этимъ на талерѣ выгадано по 1½ крейцера. Тамъ, гдѣ можно было, я кое-что списывалъ со счетовъ въ присутствіи господъ студентовъ съ тѣмъ, чтобы они сами ви-

* См. тѣм. подлинникъ на стр. 154 (№ 59). Надпись: Praes. in Cancell. acad. d. 17 Aug. 1739.

дѣли, что можно было выторговать и сколько уплачено подъ росписки. Такимъ образомъ на уплату всѣхъ долговъ употреблено 1795 рейхсталеровъ и 22 крейцера, такъ что со всего счета сбавлено 141 рейхсталеръ 27 крейцеровъ и 3 геллера, не считая тѣхъ 30 рейхсталеровъ, которые по лейпцигскому счету или гессенской цѣнѣ пришлось бы потерять со всей уплаченной суммы. Но въ первыхъ, вслѣдствіе путаницы съ первымъ векселемъ отъѣздъ ихъ замедлился; во-вторыхъ, за столъ всегда приходилось платить лишь изъ слѣдующаго векселя, потому что деньги, привезенныя ими съ собою, они прокутили, никому не заплативъ своихъ долговъ; такимъ образомъ изъ послѣднихъ 300 рублей пришлось удержать столовыя деньги почти за цѣлый годъ; сверхъ того каждому нужно было выдать еще нѣсколько талеровъ на подачки прислугѣ, которая служила имъ въ домѣ и за столомъ, и на нѣкоторыя другія мелочи. Вслѣдствіе этого я, согласно выданной ими мнѣ роспискѣ, добавилъ еще изъ своихъ денегъ 37 рейхсталеровъ по гессенскому счету, что по рейнскому счету даетъ 63 крейцера надбавки. На дорогу я каждому выдалъ по 4 лудора, потому что въ Саксоніи не ходятъ другія деньги, считая каждый въ 5 рейхсталеровъ по тому-же саксонскому или гессенскому счету, по какому я ихъ получилъ изъ Саксоніи, хотя они здѣсь во Франкфуртѣ ходятъ дороже. По этому-же расчету я заплатилъ 6 рейхсталеровъ за экстра-почту до Альсфельда; иначе имъ пришлось бы отсюда черезъ Кассель проѣхать лишнія 10 миль и слѣд. издержать больше денегъ. Притомъ они, безъ всякой нужды, легко могли засѣсть въ Касселѣ, гдѣ находятся разныя примѣчательныя вещи. Исчисленные 66 рейхсталеровъ по рейнскому счету составляютъ 67 рейхсталеровъ. Но такъ какъ уплаченные за экстра-почту 6 рейхсталеровъ безъ надбавки уже заключаются въ суммѣ 1795 рейхсталеровъ, то на путевыя издержки остается еще 61 рейхсталеръ.

За тѣмъ я по рейнскому счету заплатилъ всего:

Долговъ за всѣхъ трехъ студентовъ, со включеніемъ расходовъ на экстра-почту.....	1795	рейхст.	22	крейц.
За содержаніе ихъ, сверхъ полученныхъ по векселю 300 рублей	37	»	63	»
На путевыя издержки.....	61	»	»	»
	<hr/>			
Итого ...	1893	рейхст.	85	крейц.
Въ счетъ этой суммы я получилъ по послѣднему векселю	1477	рейхст.	28	крейц.
Слѣдовательно мною выдано займообразно..	416	рейхст.	57	крейц.

что по той-же цѣнѣ, по которой въ векселяхъ разсчитанъ рубль, составляетъ нѣсколько болѣе $327\frac{1}{2}$ рейхсталеровъ рейнскаго счета. Студенты уѣхали отсюда 20 іюля утромъ послѣ 5 часовъ, и сѣли въ экипажъ у моего дома, при чемъ каждому при входѣ въ карету вручены деньги на путевыя издержки. Изъ-за Виноградова мнѣ пришлось еще много хлопотать, чтобы предупредить столкновения его съ разными студентами, которыя могли замедлить отъѣздъ. Ломоносовъ также еще выкинулъ штуку, въ которой было мало проку и которая могла только послужить задержкою, если бы я, по теперешнему своему званію проректора, не предупредилъ этого. За тѣмъ мнѣ остается только еще замѣтить, что они время свое провели здѣсь не совсѣмъ напрасно. Если, правда, Виноградовъ съ своей стороны кромѣ нѣмецкаго языка, врядъ ли научился многому, и изъ-за него мнѣ болѣе всего приходилось хлопотать, чтобъ онъ не попадалъ въ бѣду и не подвергался академическимъ взысканіямъ, то я не могу не сказать, что въ особенности Ломоносовъ сдѣлалъ успѣхи и въ наукахъ; съ нимъ я чаще имѣлъ случай говорить, нежели съ Райзеромъ, и его манера разсуждать мнѣ болѣе извѣстна. Причина ихъ долговъ обнаруживается лишь теперь, послѣ ихъ отъѣзда. Они черезъ жѣру предавались разгульной жизни и были пристрастны къ женскому полу. Пока они сами еще были здѣсь на лицо, всякій боялся сказать про нихъ что-нибудь, потому что они угрозами своими держали всѣхъ въ страхѣ. Отъѣздъ ихъ освободилъ меня отъ многихъ хлопотъ. Такъ какъ г. бергратъ держитъ ихъ у себя въ домѣ и они не живутъ въ университетѣ, то онъ скорѣе узнаетъ ихъ образъ жизни. Когда они увидѣли, сколько за нихъ уплачивалось денегъ, и слышали, какія имъ дѣлали затрудненія при переговорахъ о сбавкѣ, тогда только они стали раскаяваться и не только извиняться передо мною, что они надѣлали мнѣ столько хлопотъ, но и увѣрять, что они впредь хотятъ вести себя совершенно иначе, и что я нашелъ бы ихъ совершенно другими людьми, если бы они только нынѣ явились въ Марбургъ. Я убѣждалъ ихъ, что имъ теперь необходимо опять загладить свой проступокъ передъ Вашимъ Превосходительствомъ и Академіей Наукъ, а что обо мнѣ имъ нисколько не нужно беспокоиться. При этомъ особенно Ломоносовъ отъ горя и слезъ не могъ промолвить ни слова. Счеты съ квитанціями я не хотѣлъ пересылать по почтѣ, а такъ какъ у меня лежатъ на готовѣ для Академіи вторая часть книги: *Philosophia practica Universalis* и для Вашего Превосходительства вторая часть *Theologia naturalis*, edit. Veron. и я жду только случая, чтобы отправить эти

книги, то упомянутые счеты могутъ быть пересланы вмѣстѣ съ ними. Весьма буду радъ, когда узнаю, что Вы одобряете мои распоряженія относительно уплаты долговъ. Но если бы при этомъ, сверхъ всякаго чаянія, сдѣлана была какая-нибудь ошибка, то я покорнѣйше прошу великодушно извинить меня. Съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть и т. д.

— Марбургъ 1 авг. 1739 г.

№ 80. Письмо студента Райзера къ бар. Корфу, изъ Фрейберга, отъ 27 (16) іюля 1739 г. *).

Согласно милостивѣйшему распоряженію Императорской Академіи Наукъ мы, по уплатѣ нашихъ долговъ, 20-го числа текущаго мѣсяца выѣхали изъ Марбурга и безъ промедленія, черезъ Гиршфельдъ, Эйзенахъ, Готу, Наумбургъ, Вейсенфельсъ и Лейпцигъ, 25-го числа утромъ рано прибыли въ Фрейбергъ, и тотчасъ-же явился къ г. берграту Генкелю, который на всякій случай уже нанялъ для насъ квартиру. Не получивъ отвѣта на свое послѣднее письмо, онъ предположилъ, что Академія вѣроятно осталась при своемъ послѣднемъ постановленіи. Но такъ какъ г. бергратъ не получилъ векселя, а у насъ изъ отпущенныхъ на дорогу 20 талеровъ могла остаться лишь бездѣлица, то г. бергратъ хочетъ доставить намъ кредитъ какъ у повара, отъ котораго мы будемъ брать кушанья наши на домъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ встрѣтятся надобность. Ваше Превосходительство милостиво дозволить мнѣ обратиться къ Вамъ съ почтительнѣйшею просьбою не оставить насъ въ такомъ положеніи. Я же съ своей стороны ревностно постараюсь загладить то, въ чемъ провинился во время ученія моего въ Марбургѣ. Полагаясь во всемъ на великую милость Вашего Превосходительства, имѣю честь быть и т. д.

Фрейбергъ, 27 іюля
1739 г. нов. ст.

*). См. нѣм. подл. на стр. 156 (№ 60). Надпись: Praes. in Saecell. acad. d. 9 Aug. 1739.

№ 81. Письмо бар. Корфа къ Генколю, отъ 7 июля 1739 г. *).

Получивъ почтеннѣйшее письмо Ваше отъ 26 апрѣля, здѣшняя Императорская Академія Наукъ распорядилась отправленіемъ 3-хъ русскихъ студентовъ изъ Марбурга въ Фрейбергъ. Вѣроятно они теперь уже прибыли на мѣсто и явились къ Вамъ.

Академія Наукъ чрезвычайно довольна, что Вы согласились за предложенные 1000 рублей принять на себя бдительный надзоръ за этими лицами по обученію ихъ металлургіи; по полученіи свѣдѣній о прибытіи ихъ и началіи преподаванія она не замедлитъ выслать половину означенной суммы, предоставляя Вамъ впрочемъ по Вашему собственному усмотрѣнію прислать ассигновку на эти деньги тогда, когда Вы, по случаю здѣшняго низкаго вексельнаго курса, признаете это для себя болѣе выгоднымъ, и обязываясь акуратно уплатить Ваши ассигновки или вексельныя письма. Такъ какъ Вы согласны съ Академіею и въ томъ отношеніи, чтобы обученіе продолжалось 2 года и чтобы тотъ или другой изъ студентовъ, въ случаѣ его негодности, былъ замѣненъ другимъ лицомъ, которое въ такомъ случаѣ немедленно будетъ отправлено отсюда, то дѣло, слѣдовательно, можетъ считаться улаженнымъ. За тѣмъ въ настоящее время все преимущественно зависить отъ образа жизни упомянутыхъ студентовъ и отъ инструкціи, которой они должны слѣдовать.

Прежде всего я долженъ сообщить Вамъ, что по послѣднему письму г. регирунгсрата Вольфа эти три лица въ прилежаніи и успѣхахъ своихъ очень неравны между собою, въ мотовствѣ же какъ-бы превосходятъ другъ друга, потому что въ Марбургѣ они сверхъ назначеннаго имъ годоваго содержанія бесполезно истратили значительную сумму и надѣлали множество долговъ, а вслѣдствіе этого до такой степени истощили капиталъ, Всемилостивѣйше назначенный Ея Величествомъ на эти расходы, что теперь необходимо позаботиться объ экономіи для того, чтобы имѣть возможность докончить начатое и покрыть издержки, необходимыя въ настоящее время при изученіи металлургіи.

Вслѣдствіе этого Академія Наукъ нашла себя вынужденною уменьшить отнынѣ стипендію трехъ студентовъ и каждому изъ нихъ,

*) См. нѣм. подлинникъ, очевидно написанный Шумахеромъ, на стр. 157 (№ 81).

вмѣсто прежде назначенныхъ въ годъ 300 рублей, выдавать на содержаніе только половину, т. е. 150 рублей.

Свѣдѣніе это должно быть принято въ соображеніе при устройствѣ хозяйства и образа жизни трехъ студентовъ. Такимъ образомъ:

1) Каждый изъ нихъ долженъ имѣть свою особую комнатку, съ тѣмъ чтобы лѣнивый какъ можно меньше могъ совращать прилежнаго.

2) Никто изъ нихъ не долженъ имѣть особаго слуги, а при своихъ небольшихъ требованіяхъ можетъ пользоваться услуженіемъ служанки въ домѣ за умѣренное вознагражденіе.

3) Кушанье, т. е. обѣдъ въ 4 гроша былъ бы удовлетворителенъ и вполне достаточенъ для этихъ людей, потому что она могутъ быть сыты отъ него и ни въ какомъ случаѣ не должны позволять себѣ роскоши. Ужинъ можетъ быть на половину дешевле и состоять изъ супа, масла, сыра, хлѣба и кружки пива.

4) Платьемъ своимъ они должны перебиваться какъ знаютъ, и въ теченіи предстоящихъ двухъ лѣтъ обойтись тою одеждою, которую имѣютъ.

И такъ, если на каждое лицо считать на ѣду и питье за обѣдомъ по 5, и за ужиномъ по 2 гроша, т. е. въ день по 7 грошей, а въ мѣсяцъ по 9 талеровъ, слѣдовательно въ годъ по 108 талеровъ, за комнату по 20 талеровъ, за отопленіе, освѣщеніе и прислугу по 16 талеровъ, за бѣлье по 6 талеровъ, за небольшія туалетныя принадлежности, какъ-то: за башмаки, чулки и т. д. по 8 талеровъ, на письменныя матеріалы, карманныя деньги и разныя мелочи, какъ-то: нудру, мыло и т. д. по 1 талеру въ мѣсяцъ, а слѣдовательно въ годъ по 12 талеровъ, то вся сумма въ годъ простирается до 120 талеровъ. За тѣмъ отъ 150 талеровъ еще остается 30 талеровъ, изъ которыхъ могутъ быть куплены необходимыя книги, модели машинъ и т. п. и уплачены издержки на наемъ лошадей. Если же при означенныхъ расходахъ можно сберечь что нибудь, то сбереженіе это можетъ быть употреблено на покупку новоѣ одежды.

За тѣмъ я убѣдительноѣйше прошу Васъ, отъ имени Императорской Академіи Наукъ, наблюсти за тѣмъ, чтобы все это исполнялось въ точности и чтобы то, что должно быть израсходовано на студентовъ, было уплачено Вами самими тѣмъ, кому слѣдуетъ; студентамъ же кромѣ одного талера въ мѣсяцъ, назначеннаго имъ на карманныя деньги и разныя мелочи, не выдавать никакихъ денегъ на руки, а между тѣмъ объявить вездѣ по городу, чтобы никто имъ не вѣрилъ въ долгъ, ибо, если это случится, то Академія Наукъ за подобный долгъ никогда не заплатитъ ни одного гроша.

На покрытие вышеупомянутыхъ расходовъ, и на случай, еслибы понадобилось заплатить впередъ часть вознагражденія за изученіе пробирнаго и маркшейдерскаго искусствъ, или приобрести еще нѣкоторыя, недостающіе у студентовъ, маркшейдерскіе инструменты, Вы прежде всего отъ купца Петри въ Дрезденѣ получите 400 рублей.

Академія Наукъ впрочемъ убѣдительно проситъ Васъ принять этихъ молодыхъ людей подъ Ваше покровительство и благо-разумное попеченіе и вполне надѣется и увѣрена, что Вы научное и нравственное воспитаніе ихъ поведете такимъ образомъ, чтобы со временемъ они были людьми свѣдущими въ своемъ дѣлѣ, честны въ своемъ образѣ жизни и способны къ службѣ Ея Императорскаго Величества, Государыни всея Россіи, и чтобы, слѣдовательно, столь значительныя издержки не были сдѣланы понапрасну и Академія за это не могла подвергнуться отвѣтственности.

Чтобы легче достигнуть этой цѣли, Вы получите заготовленное для студентовъ предписаніе, которое прошу Васъ объявить имъ. Съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть и т. д.

СПб. 7 іюля 1739 г.

№ 82. Письмо барона Корфа къ Генкелю, отъ 13 іюля 1739 г.*).

Надѣясь, что Вы уже получили письмо мое отъ 7 числа текущаго мѣсяца съ слѣдующимъ къ нему приложеніемъ, посылаю Вамъ при семъ составленное въ Академіи Наукъ предписаніе тремъ студентамъ, о которомъ упомянуто въ означенномъ письмѣ, и въ ожиданіи скорого отвѣта имѣю честь быть и т. д.

13 іюля 1739 г.

---

*) См. итм. подлинникъ на стр. 164 (№ 64).

№ 83. Приказъ Фрейбергскихъ студентамъ отъ 13 Іюля 1739 г. *).

Ордеръ

тремъ студентамъ Райзеру, Ломоносову и Виноградову.

Имѣя въ виду, что упомянутые студенты, судя по поступившимъ о нихъ свѣдѣніямъ, доселѣ во многихъ отношеніяхъ вели въ Марбургѣ беспорядочную жизнь и въ особенности были очень расточительны и надѣлали множество долговъ, за что они въ свое время подвергнутся заслуженному наказанію, Академія Наукъ въ избѣжаніе дальнѣйшихъ беспорядковъ и распутствъ, постановила каждому изъ означенныхъ 3-хъ студентовъ вмѣсто прежде выдававшейся имъ стипендіи назначить ежегодно въ Фрейбергѣ не болѣе 150 рублей, и деньги эти не выдавать имъ на руки, а отпускать г. бергфизику Генкелю, который будетъ расходовать ихъ на содержаніе упомянутыхъ студентовъ въ такомъ видѣ, какъ это предписано Академіею Наукъ и сообщено г. бергфизику, самимъ же студентамъ на карманные деньги и мелочные расходы, какъ-то: на письменные матеріалы, пудру, мыло и т. п. выдавать каждому не болѣе 1 талера въ мѣсяцъ. За тѣмъ студентамъ Райзеру, Ломоносову и Виноградову симъ строжайше предписывается оказывать г. бергфизику Генкелю, какъ своему начальнику, должное почтеніе, тщательно слѣдовать его распоряженіямъ относительно занятій, образа жизни и поведенія, довольствоваться тѣмъ столомъ и помѣщеніемъ, которые онъ имъ назначитъ, и вообще во всемъ повиноваться тѣмъ распоряженіямъ, которыя имъ будутъ сдѣланы относительно ихъ содержанія, кромѣ того не дѣлать никакихъ долговъ и другихъ безчинствъ, а напротивъ стараться вести себя благопристойно, прилежно заниматься своимъ дѣломъ и такимъ образомъ загладить свои марбургскіе проступки.

Упомянутые студенты имѣютъ соображаться съ этимъ предписаніемъ и тщательно остерегаться неизбѣжнаго наказанія, постановленнаго указами Ея Императорскаго Величества.

Дано сіе въ Императорской Академіи Наукъ въ С. Петербургѣ,
13 Іюля 1739 года.

*) См. нѣм. подлинникъ, очевидно написанный Шумахеромъ, на стр. 165 (№ 65).

№ 84. Объ отправка денег Фрейбургским студентамъ чрезъ саксонское посольство, отъ 29 июля 1739 г.

По указу Ея Императорскаго Величества Академія Наукъ приказали: по полученному въ Академію векселю отъ саксонскаго посланника фонъ-Зуму (на содержаніе Фрейбургскихъ ученикамъ Рейзеру, Виноградову и Ломоносову), выдать ему господину фонъ-Зуму, или кому отъ него повѣрено будетъ, по оному векселю денегъ четыреста рублей, записавъ въ расходъ съ роспискою, которыя заплачены быть имѣютъ въ Фрейбурхѣ, и о томъ къ расходу дать указъ.

Июля 29 дня 1739 году.

№ 85. Письмо Генколя къ бар. Корфу, изъ Фрейберга, отъ 10 августа (30 июля) 1739 г.*).

На полученное мною третьяго дня почтеннѣйшее письмо Вашего Превосходительства отъ 7-го іюля имѣю честь увѣдомить, что господа русскіе студенты Райзеръ, Ломоносовъ и Виноградовъ прибыли сюда нѣсколько дней тому назадъ и что я съ ними уже приступилъ къ работамъ и урокамъ по части металлургии. Хотя въ пакетѣ и не оказалось инструкціи, о которой упоминаетъ многоуважаемая Академія Наукъ, но тѣмъ не менѣе я, насколько не стѣсняясь, совершенно откровенно сообщилъ имъ содержаніе означеннаго письма и убѣдительно представилъ имъ, что они должны во всемъ вополнѣ и съ совершенною покорностію повиноваться Всемилоствѣйшему повелѣнію Ея Императорскаго Величества и точнымъ указаніямъ своего начальства, безъ меня ничего не предпринимать и на меня смотрѣть не только какъ на своего наставника, но и какъ на своего искренняго друга. Могу увѣрить Ваше Превосходительство безъ всякой лести, что они означенное сообщеніе и увѣщаніе выслушали съ должнымъ уваженіемъ и притомъ не безъ замѣшательства сознались, что они въ Марбургѣ дѣйствительно хозяйничали безразсудно, и потому незаслуженную ими заботливость, съ какою Ваше Превосходительство на-

* См. н.н. подлинникъ на стр. 160 (№ 62). Надпись: Praes. in Cancell. acad. d. 7 Sept. 1739.

волили поручить мнѣ надзоръ за ними, считавтъ для себя особеннымъ благодѣяніемъ. Я съ своей стороны столько же увѣренъ въ искренности ихъ чувствъ, сколько уже и замѣчаю въ нихъ необходимую для ихъ занятій способность, охоту и старательность, равно какъ и довѣріе и вниманіе ко мнѣ. Такимъ образомъ я съ Божьей помощью надѣюсь сдѣлать изъ нихъ то, чего отъ меня требуютъ Ея Императорское Величество и Ваше Превосходительство и что я обязанъ сдѣлать не только на основаніи заключеннаго со мною условія, но и по долгу человѣколюбія. Имѣя въ виду что Ваше Превосходительство, рѣшившись поручить мнѣ столь важное дѣло, позвольте и мнѣ также обратиться къ Вамъ съ полнымъ довѣріемъ, я принимаю на себя смѣлость откровенно сообщить Вамъ, что по случаю уменьшенія на головнну годоваго содержания моихъ любезнѣйшихъ учениковъ, нѣсколько опасаясь за достиженіе желанной цѣли. Не говорю уже о томъ, что имъ теперь крайне необходимо обзавестись новымъ платьемъ, къ заготовкѣ котораго мною, по предварительному совѣщанію съ придворнымъ камеръ-совѣтникомъ Юнкеромъ, уже приняты мѣры покупкою сукна и приклада; не говорю также о томъ, что имъ нужны еще кое-какія другія вещи, какъ напр. особая одежда для посѣщенія рудниковъ и для занятій въ лабораторіи, что легко можетъ стоить до 5 рейхсталеровъ, оловянный столовый сервизъ тавера въ два, новое бѣлье и еще то или другое, чего теперь сразу нельзя опредѣлить и что все вмѣстѣ составитъ порядочную сумму. Но имъ необходимо будетъ сближаться съ служащими по горной и заводской частямъ, равно какъ съ шихтмейстерами, такъ какъ подобное знакомство представляетъ немаловажное вспомогательное средство къ тому, чтобы ближе изучить рудокопное и плавильное дѣло, и по временамъ добывать штуфы; предется имъ также прибѣгать къ услугамъ штейтеровъ и рудокоповъ, при чемъ молодымъ людямъ иногда нельзя будетъ первыхъ не угостить у себя стаканомъ вина или чашкою кофе, а послѣднимъ дать небольшую подачку. Не признаетъ ли слѣдовательно Высшее Начальство въ этихъ видахъ возможнымъ къ назначеннымъ уже 150 рублямъ ежегодно добавить каждому еще по 50 рублей? Если Ваше Превосходительство, можетъ быть, полагаете, что они могутъ мною эту употребить во зло, чего я впрочемъ при предполагаемомъ мною бдительномъ надзорѣ за ними не опасаясь, то въ устраненіе этого можно было бы, мнѣ кажется, поступить такимъ образомъ, чтобы я, не говоря имъ ничего объ этой прибавкѣ, оставилъ ихъ при томъ убѣжденіи, что мнѣ на нихъ ежегодно отпускается не болѣе

150 рублей, а между тѣмъ частнымъ образомъ, въ видѣ займа и какъ бы на свой рискъ все таки исподоволь выдавалъ имъ, на вспоможеніе, и остальные 50 рублей. Что касается до количества наличныхъ денегъ, которыя они имѣютъ получать на руки въ непосредственное свое распоряженіе, то я полагаю, что вмѣсто 1 рейхсталера въ мѣсяцъ имъ слѣдовало бы отпускать эту сумму на каждую недѣлю, въ тѣхъ видахъ, что при мелочныхъ издержкахъ, какъ напр. на пудру, мыло и т. п., равно какъ на вышеупомянутыя угощенія и подачи, невозможно записывать каждую копѣйку и брать каждый разъ квитанціи. Но если бы это и было и должно было дѣлаться, то все таки нельзя контролировать ихъ въ такихъ мелочахъ. Притомъ я уже имѣю къ нимъ столько довѣрія, что они сами будутъ осторожны и не станутъ тратить деньги на пустяки. Всѣ же расходы, которые могутъ быть удовлетворены по счетамъ, я, по удостовѣреніи таковыхъ, не премину уплачивать подъ росписку получателей. Такъ какъ вслѣдствіе зрѣло-обдуманнаго предложенія и настоянія господина камеръ-совѣтника Юнкера оказывается также почти необходимымъ, чтобы молодые студенты наши упражнялись въ рисованіи и умѣли составлять рисунки и планы рудничнымъ строеніямъ, плавильнымъ печамъ, инструментамъ, машинамъ и штуфамъ, а все это не относится къ моимъ занятіямъ, то мы оба убѣдили весьма опытнаго человѣка, здѣшняго инспектора надъ драгоценными камнями, г. Керна, обучать всѣхъ трохъ этому искусству за 100 рейхсталеровъ въ годъ. Въ видахъ точнѣйшаго выполненія благаго патріотическаго намѣренія Вашего Превосходительства мы позволяемъ себѣ покорнѣйше просить Васъ о назначеніи таковой добавки и надѣемся въ этомъ отношеніи на благосклонное согласіе Ваше тѣмъ болѣе, что при этомъ случаѣ наши будущіе рудокопы у означеннаго господина Керна могутъ научиться не малому и по другимъ частямъ нашей науки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не будутъ имѣть ни времени, ни случая думать о чемъ-нибудь постороннемъ. Въ заключеніе я, съ милостиваго соизволенія Вашего Превосходительства, имѣю честь заявить еще, что и при заключенномъ со мною условіи и при первомъ моемъ предложеніи цѣнилъ рубль въ ефимокъ или 32 гроша. Вмѣстѣ съ тѣмъ считаю долгомъ повторить еще разъ, что при столь важномъ и хлопотливомъ дѣлѣ, я посредствомъ добросовѣстнаго и старательнаго обученія, равно какъ и попеченіями о благополучіи этой любезной молодежи, не только буду имѣть возможность, но и всячески, по мѣрѣ силъ и средствъ своихъ, постараюсь съ своей стороны заслужить условный гонорарій. Вслѣдствіе сего покорнѣйше прошу

Ваше Прев-ство назначенные мнѣ впередъ 500 рублей, составляющіе половину условнаго гонорарія, приказать выдать господину посольскому секретарю Пецольду, который согласно прошенію моему, отправленному къ нему съ сегодняшнею почтою, приметъ эти деньги и при хорошемъ вексельномъ курсѣ перешлетъ ихъ ко мнѣ. Препоручая себѣ благосклонноу вниманію Вашего Превосходительства, имѣю честь быть и т. д.

Фрейбергъ 10 авг. 1739 г.

Прим. Вексель на 520 тазеровъ мною полученъ.

№ 86. Письмо бывшего академика Юнкера къ бар. Корфу, изъ Фрейберга, отъ 11 авг. (31 июля) 1739 г.*).

Приводя здѣсь, въ Фрейбергѣ, къ окончанію всемилоствѣйше возложенное на меня порученіе и занимаясь составленіемъ моего всеподданнѣйшаго донесенія, я чрезвычайно радъ, что мнѣ представился случай посильно содѣйствовать съ своей стороны осуществленію великихъ и благодушныхъ плановъ Вашего Превосходительства. Недавно прибыли сюда изъ Марбурга по приказанію Вашего Превосходительства 3 студента, назначенныхъ для изученія горнаго дѣла. По этому я счелъ своею обязанностью не только по возможности разспросить ихъ на счетъ ихъ занятій и поведения, но и посовѣтоваться съ бергратомъ Генкелемъ о будущемъ ихъ положеніи и содержаніи. За тѣмъ я съ глубочайшимъ почтеніемъ и полною откровенностью имѣю честь донести Вашему Превосходительству, что упомянутые студенты по одеждѣ своей, правда, глядѣли неряхами, но по части указанныхъ имъ наукъ, какъ убѣдился и я и господинъ бергратъ, положили прекрасное основаніе, которое послужило намъ яснымъ доказательствомъ ихъ прилежанія въ Марбургѣ. Точно также я при первыхъ лекціяхъ въ лабораторіи, при которыхъ присутствовалъ по вышесприведенной причинѣ, не могъ не замѣтить ихъ похвальной любознательности и желанія дознаться основанія вещей. Тѣмъ болѣе мы льстимъ себя надеждою, что благодушное сердце Вашего Превосходительства не от-

---

* См. нѣм. подлинникъ на стр. 153 (№ 63). *Надпись:* Praes. in Cancell. acad. d. 7 sept. 1739.

ринеть покорнѣйшей просьбы нашей: забыть заслуженный гнѣвъ, который упомянутые студенты навлекли на себя легкомысленнымъ своимъ хозяйствомъ, и благосклонно утвердить сдѣланныя нами съ доброю цѣлью распоряженія.

Если бы мнѣ дозволено было при этомъ случаѣ представить на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства еще одну мысль, то я замѣтилъ бы, что считаю полезнымъ и соответствующимъ высокой цѣли Вашей, чтобы каждый изъ студентовъ, сверхъ усвоенія общихъ понятій о горной части, особенно изучилъ одинъ изъ главныхъ ея отдѣловъ, т. е. чтобы одинъ преимущественно занялся изученіемъ рудъ и другихъ минераловъ, другой разработкою рудниковъ и устройствомъ машинъ, а третій горно-заводскимъ плавильнымъ искусствомъ. Сколько я могъ предварительно судить по сношенію и разговорамъ съ ними, то на первое дѣло способности всѣхъ былъ бы Райзеръ, на второе — Ломоносовъ, на третье — Виноградовъ. Чтобы достигнуть этой цѣли и чтобы дать имъ возможность узвать настоящія свойства и выгоды ихъ предпріятія, я рекомендую ихъ разнымъ лицамъ, такъ какъ они въ противномъ случаѣ могли бы лишиться этого знакомства. Кромѣ сочувствія къ общей пользѣ, меня особенно побуждаетъ къ этому постоянное желаніе доказать Вашему Превосходительству глубочайшее Мое къ Вамъ уваженіе, съ которымъ имѣю честь быть и т. д.

Фрейбергъ, 11 авг. 1739 г. нов. ст.

№ 87. Объ отправкѣ векселя въ Амстердамъ, отъ 6 сент. 1739 г.

По указу Ея Императорскаго Величества Академія Наукъ приказали: иноземцамъ купцамъ Данглию и Кленкію по полученному отъ нихъ векселю на имя амстердамскихъ купцовъ Франца Іозефа Аудеркирхи, которымъ надлежитъ по тому векселю въ Фрейбурхѣ на содержаніе фрейбургскихъ учениковъ выдать денегъ тысячу рублевъ, записавъ въ расходъ съ роспискою и о томъ къ расходу дать указъ.

Сентября, 6 дня 1739 году.

№ 88. Отношеніе Статсъ-конторы въ Академію Наукъ, отъ 18 сент.
1739 г.

Промеморія
изъ Государственной Статсъ-Конторы въ Академію
Наукъ.

По указу Ея Императорскаго Величества и по опредѣленію Государственной Статсъ-Конторы сего сентября 15 дня, а по промеморіи изъ оной Академіи Наукъ велѣно, по силѣ указу изъ Правительствующаго Сената августа 19 дня 1737 году, на содержаніе отправленныхъ изъ Академіи Наукъ въ Фрейбургъ для обученія металлургіи трехъ учениковъ опредѣленную годовую сумму, считая июня отъ 4 сего 1738 до таковаго же 4 числа іюня будущаго 1739 году, тысячу двѣсти рублейъ отпустить въ Академію изъ С. Петербургской Рентерея изъ неположенныхъ въ статьъ доходовъ, и отдасть, во требованію той Академіи вышеписанною промеморіею, канцеляристу Андреясу Линдорфу, и о томъ въ Рентерею ассигнація послана, и въ Академіи Наукъ о вышеписанномъ да благоволятъ вѣдать. Спб. сентября 18 дня 1737 г. Антонъ фонъ-Залца.

№ 89. Письмо Гешкеля къ бар. Корфу, изъ Фрейберга, отъ 24 (13)
декабря 1739 г. *).

Обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою благоволятъ сдѣлать въ непродолжительномъ времени распоряженіе о скорнѣйшей высылкѣ мнѣ половины слѣдующаго по условію впередъ гонорарія за обученіе трехъ находящихся здѣсь русскихъ студентовъ и о дальнѣйшей авансовой присылкѣ годовой суммы, назначенной для самихъ студентовъ. Такъ какъ прежде полученные мною 520 рейхсталеровъ на ихъ содержаніе, включая сюда и половину условной платы, причитающейся пробирцаку и маркшейдеру, въ концѣ января мѣсяца будущаго года всѣ кончаются и мною сверхъ того еще будетъ израсходовано изъ своихъ денегъ замобразно 76 рейхсталеровъ, какъ это въ свое время покажетъ годовою счетъ, то я покорнѣйше прошу Ваше Прев-ство приказать сдѣлать

*) См. нѣм. подл. на стр. 166 (№ 66).

распоряженіе, чтобы имѣ на дальнѣйшія потребности означенныхъ студентовъ скорѣ опять были высланы деньги, отчасти потому, что я не въ состояніи давать имъ свои деньги, отчасти же и потому, что на наличныя деньги можно гораздо лучше вести хозяйство. Наконецъ позволю себѣ замѣтить, что моимъ любезнымъ ученикамъ нѣтъ никакой возможности изворачиваться 200 рейхсталерами въ годъ, иначе бы, въ ихъ-же ущербъ, пришлось отказывать имъ въ нѣкоторыхъ необходимыхъ предметахъ. По этому я не могу не обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою почтить меня разрѣшеніемъ о томъ: угодно ли Вамъ будетъ оставить ихъ по прежнему при 200 рейхсталерахъ въ годъ или назначить имъ прибавку. Впрочемъ я могу сказать, что занятія ихъ металлургіей идутъ успѣшно; правда, что г. Виноградовъ сначала покушался было завести неприличное знакомство, но потомъ, по ласковому, но серьезному увѣщанію съ моей стороны, опять исправился. Тѣмъ не менѣе однакоже я съ своей стороны, во вниманіе къ его молодости, считаю полезнымъ, чтобы Императорская Академія кромѣ того отъ себя особымъ предписаніемъ сдѣлала ему надлежащее увѣщаніе. Съ должнымъ уваженіемъ имѣю честь быть и т. д.

Фрейбергъ, 24 декабря 1739 г.

№ 90. Письмо Ломоносова къ Генкелю, въ Фрейбергъ,
отъ (января) 1740 г. *).

Мужа знаменитѣйшаго и ученѣйшаго, горнаго совѣтника
Генкеля

Михайло Ломоносовъ
привѣтствуетъ **).

Ваши лѣта, Ваше имя и заслуги побуждаютъ меня изъяснить, что произнесенное мною въ огорченіи, возбужденномъ бранью и угрозою отдать меня въ солдаты, было свидѣтельствомъ не злоб-

*) См. латин. подл. на стр. 167 (№ 67). Письмо это было приложено Генкелемъ къ рапорту ево отъ 20 іюня 1740 г. Оно доставлено было Ломоносовымъ, по всей вѣроятности, скорѣ послѣ 24 (13) дек. 1739 г. (см. выше стр. 316 и ниже стр. 325), т. е. скорѣ отъ первой, чѣмъ во второй половинѣ января 1740 г.

**) S. D. = Salutem dicit.

наго умысла, а уязвленной невинности*). Вѣдь даже знаменитый Вольфъ, выше обыкновенныхъ смертныхъ поставленный, не почиталъ меня столь бесполезнымъ человекомъ, который лишь на тревніе ядовъ былъ бы пригоденъ. Да и тѣ, чрезъ предстательство коихъ я покровительство Всемилостивѣйшей Государыни Императрицы Нашей имѣю, не суть люди неразумные, неразумные. Мнѣ совершенно извѣстна воля Ея Величества и я, въ чемъ на Васъ самикъ ссылался, мнѣ предписанное соблюдаю строжайше. Но то, что Вами сказано было въ присутствіи сіятельнѣйшаго графа и прочихъ моихъ товарищей**), терпѣливо сносить никто мнѣ не приказалъ. Понеже Вы мнѣ косвенными словами намекнули, чтобы я Вашу химическую лабораторію оставилъ, того ради я два дня и не ходилъ къ Вамъ. Повинуясь однако волѣ Всемилостивѣйшей Монархини, я долженъ при занятіяхъ присутствовать; почему желалъ бы знать, навсегда ли Вы мнѣ въ сообществѣ своемъ и любленіи отказываете и пребываетъ ли все еще въ сердцѣ Вашемъ гнѣвъ***), неважною причиною возбужденный. Чтожъ до меня надлежитъ, то я готовъ предать все забвенію, повинуясь естественной моеѣ склонности. Вотъ чувства мои, которыя чистосердечно предъ Вами обнажаю. Помня Ваше прежнюю ко мнѣ благосклонность, желаю, чтобы случившееся какъ бы никогда не было или вовсе не вспоминалось, ибо и увѣренъ, что Вы въ ученикахъ своихъ скорѣе друзей, нежели враговъ видѣть желаете. Итакъ ежели Ваше желаніе таково, то прошу Васъ меня о томъ извѣстить.

Писалъ сегодня.

№ 91. Распоряженіе акад. Канцеляріи объ уплатѣ остальныхъ долговъ марбургскихъ студентовъ, отъ 14 марта 1740 г.

Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссийской, камисару Камеру. По указу Ея Императорскаго Величества

---

*) Для объясненія этого мѣста см. ниже статью: Примѣчанія къ официальнымъ документамъ 1736 — 1741 годовъ.

**) Т. е. графа рейсскаго, Райзера, Виноградова и другихъ. См. ниже стр. 335.

***) Это напоминаетъ мѣсто изъ Виргилія (Aen. Lib. I. vs. 25. 26): *Manet alta mente repostum iudicium Paridis.*

и по опредѣленію Академіи велѣно обрѣтающемуся въ городѣ Марбургѣ регирунгерату Вольфу послать чрезъ вексель издержанныя его деньги для академическихъ студентовъ Райзера, Виноградова и Ломоносова въ бытность ихъ въ Марбургѣ 416 талеровъ, противъ нынѣшняго курса по 80 к. талеръ, а російскими деньгами 332 руб. 80 коп., выдать оберъ-камисару Либману со взятыемъ отъ него векселя, записавъ въ расходъ съ роспискою и камисару Камеру учинить о томъ по сему Ея Императорскаго Величества указу. Марта 14 дня 1740 году.

№ 92. Опредѣленіе академической Канцеляріи о высылкѣ денегъ и ордера фрейбергскимъ студентамъ, отъ 14 марта 1740 г.

По указу Ея Императорскаго Величества Академія Наукъ приказала: къ бергъ-физику Генкелю въ городъ Фрейбургъ для пропитанія студентамъ Рейзеру, Виноградову и Ломоносову на годъ 600 руб. послать чрезъ вексель, по нынѣшнему курсу 47½, штиверъ на рубль, выдать оберъ-камисару Либману со взятыемъ отъ него векселя, записавъ въ расходъ съ роспискою, и для того къ камисару Камеру послать указъ, а къ нему бергъ-физику Генкелю на нѣмецкомъ діалектѣ объ ономъ писать, а студентамъ Рейзеру, Виноградову и Ломоносову подтвердить еще указомъ, чтобъ оныя себя содержали въ наукахъ своихъ порядочно и прилежно и послушны бѣ были бергъ-физику Генкелю.

Марта 14 дня 1740 году.

№ 93. Приказъ академической Канцеляріи фрейбергскимъ студентамъ, отъ (14 марта) 1740 г. *)

Ордеръ студентамъ Райзеру, Виноградову и Ломоносову.

Императорская Академія Наукъ съ величайшимъ негодованіемъ узнала, что при отъѣздѣ вышеозначенныхъ студентовъ изъ Марбурга не только оказалось еще больше долговъ, чѣмъ они объявили прежде, но и обнаружилось, что долги эти главнымъ образомъ

*) См. нѣм. подлинникъ на стр. 168 (№ 68).

произошли вслѣдствіе разгульнаго образа жизни и постыднаго поведенія, и что, слѣдовательно, изъ царской казны растратчена значительная сумма денегъ. Хотя упомянутые студенты за такой проступокъ и разныя другія безчинства подлежатъ собственно строгому наказанію, но во вниманіе изъявленнаго ими раскаянія и вслѣдствіе ходатайства г. бергфизика Генкеля, Академія Наукъ наконецъ согласилась еще на этотъ разъ не подвергать ихъ заслуженному взысканію, и сдѣлать послѣднюю попытку, чтобы убѣдиться въ томъ, дѣйствительно-ли означенные студенты, сознавъ нынѣ свою вину, останутся при изъявленномъ ими намѣреніи вести отнынѣ болѣе разумный, честный и лучшій образъ жизни и такимъ образомъ загладить множество сдѣланныхъ ими грубыхъ проступковъ.

Надѣясь на это, Академія Наукъ положила: слѣдующее каждому изъ упомянутыхъ студентовъ содержаніе въ 150 рублей передать г. бергфизику Генкелю, который будетъ распорядиться этими деньгами согласно данной ему инструкціи и уже сообщеннымъ имъ, студентамъ, предписаніямъ.

Упомянутые студенты сами должны разсудить, что лѣта, опредѣленные на университетскія ихъ занятія, уже почти истекли, но что они, студенты, въ теченіе этого времени еще не изучили и не усвоили себѣ того, чему должны были и могли научиться до сихъ поръ сообразно Высочайшей Ея Величества волѣ, а между тѣмъ истратили уже значительную сумму денегъ, и потому, какъ это само собою разумѣется, остающееся еще весьма недолгое время должны употребить какъ можно лучше, прилежно заниматься въ продолженіе этого времени, чтобы навертывать потерянное, и съ пользою употребить послѣдній удобный случай, который имъ теперь представляется. Вслѣдствіе этого имъ дѣлается не только начальническое, но и отеческое напоминаніе и увѣщаніе, оставить всякую бесполезную трату времени, избѣгать праздности, остерегаться распутнаго сообщества, а напротивъ твердо идти по пути добродѣтели, добросовѣстно заниматься своимъ дѣломъ, въ особенности съ величайшимъ прилежаніемъ предаться начатому нынѣ изученію металлургіи, вести знакомство съ честными и свѣдущими людьми, внимательно слушаться благонамѣренныхъ увѣщаній своего начальника, г. бергфизика Генкеля, и вообще вести себя, жить и учиться такъ, какъ этого требуютъ долгъ cadaго разумнаго человѣка, особенныя возложенныя на нихъ обязанности и извѣстная имъ Высочайшая воля Ея И-аго Величества. Если они станутъ слѣдовать всему этому, то Академія Наукъ готова не только забыть прошед-

шее, но и впредь имѣть о нихъ попеченіе и оказывать имъ всевозможное добро. Если же они снова провинятся и въ томъ или другомъ отноше- нии будутъ дѣйствовать наперекоръ этому предписанію, то они будутъ сочтены за нарушителей и презирателей Царскихъ указовъ и безъ милосердія подвергнутся всей строгости законовъ Ея Император- скаго Величества. Съ таковою послѣднею неизмѣнною волею Им- ператорской Академіи Наукъ они имѣютъ сообразоваться въ избѣ- жаніе всякаго дальнѣйшаго для себя вреда и несчастія. Дано въ Императорской Академіи Наукъ (14 марта) 1740 года.

№ 94. Изъ письма проф. Вольфа къ членамъ Академіи Наукъ изъ Марбурга, отъ 15 (4) іюня 1740 г. *)

Почтеннѣйшіе и достославнѣйшіе Господа. Нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ я получилъ отъ знаменитаго г. Корфа два вексель- ныхъ письма: одно на погашеніе долговъ русскихъ студентовъ, выѣхавшихъ отсюда въ прошломъ году, а другое на получение моей пенсіи за минувшій годъ. Франкфуртскій еврей, которому я по обыкновенію предъявилъ оба векселя, не хотѣлъ акцептовать ихъ, такъ что мнѣ, по силѣ вексельнаго права, пришлось протес- товать ихъ у нотариуса, съ тѣмъ чтобы они не потеряли своей цѣны, и ждать истеченія ихъ срока. Когда срокъ этотъ насталъ, то онъ не сдѣлалъ болѣе никакихъ затрудненій и уплатилъ обѣ суммы. Я счелъ долгомъ увѣдомить Васъ объ этомъ. . . .

№ 95. Донесеніе, присланное, 20 (9 іюня) 1740 г., Генкелемъ пре- зиденту Академіи Наукъ **).

Высокоблагородный Государь
Многоуважаемый Господинъ Президентъ.

Имѣя честь представить при семъ Вашему Превосходительству донесеніе о томъ, какъ г. Ломоносовъ велъ себя здѣсь, остаюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ и т. д.

Фрейбергъ, 20 іюня 1740 г.

*) См. лат. подлинникъ на стр. 169 (№ 69).

***) См. нѣм. подлинникъ на стр. 170 (№ 70). — Надпись: Получено іюля 30 дня 1740 г.

Донесеніе

почтеннѣйшей Имп. Русской Академіи въ Петербургѣ
о поведеніи г. Мих. Ломоносова въ Фрейбергѣ.

Сначала я почти отличалъ его [передъ другими], но вскорѣ замѣтилъ, что онъ человекъ не очень добраго нрава и преданъ пьянству; а потому не разъ, хотя и тщетно, дѣлалъ ему за это замѣчанія. Видя однакоже, что у него свѣтлая голова и что онъ оказываетъ успѣхи въ изученіи металлургии, я все еще надѣялся, что онъ исправится. Но мало по малу онъ самъ выказалъ свое искусство притворяться и явно показалъ, что онъ не только не умѣетъ владѣть собою, но и не хочетъ слушаться другихъ: Наконецъ онъ не постыдился оставить всякое уваженіе къ своему начальству, по уполномочію котораго я дѣйствовалъ, и, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, грубо оскорбилъ меня и мое семейство. Окончательно онъ выказался нѣсколько дней послѣ того, какъ я въ послѣдній разъ имѣлъ честь писать его превосходительству г. президенту Корфу; иначе я никакъ не преминулъ бы тотчасъ-же донести объ этомъ Академіи. Поручилъ я ему, между прочимъ, заняться у огня работою такого рода, которую обыкновенно и самъ исполнялъ, да и другіе не отказывались дѣлать, но онъ мнѣ два раза наотрѣзъ отвѣтилъ: не хочу. Видя, что онъ, кажется, намѣренъ отдѣлаться отъ работы и уже давно желаетъ разыгрывать роль господина, я рѣшился воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы испытать его послушаніе и сталъ настаивать на своемъ, объясняя ему, что онъ такимъ образомъ ничему не научится, да и здѣсь будетъ совершенно бесполезенъ: солдату необходимо понюхать пороху. Едва я успѣлъ сказать это, какъ онъ съ шумомъ и необыкновенными ухватками отправился домой, въ свою комнату, которая отдѣлена отъ моего музея только простою кирпичною перегородкою, такъ что при громкомъ разговорѣ въ той и другой части легко можно слышать то, что говорится. Тутъ-то онъ, во всеуслышаніе моей семьи, началъ страшно шумѣть, изъ всѣхъ силъ стучалъ въ перегородку, кричалъ изъ окна, ругался, и даже по самому простонародному нѣмецкому обыкновенію во все горло крикнулъ изъ окна на улицу: *Hinnng fuir*, не смотря на то, что насупротивъ его жилъ полковникъ, и въ то же время по улицѣ проходилъ офицеръ. Затѣмъ онъ, сначала не въ пьяномъ видѣ, ходилъ по городу изъ одного мѣста въ другое, наконецъ напился, произносилъ противъ меня разныя неприличныя слова, и, чтобы пріобрѣсти себѣ расположеніе, старался возстановить противъ меня моихъ добрыхъ пріятелей и даже самого хозяина, рассказывая имъ, что я дурно

о нихъ отзывался. Проходя мимо моихъ домашнихъ, онъ велъ себя очень дерзко, и, что всего хуже, вечеромъ часовъ въ десять, придя домой, закричалъ во все горло, чтобъ я его . . О другихъ неслыханныхъ выходкахъ его я уже не стану говорить.

На слѣдующій день онъ не пришелъ въ лабораторію, а прислалъ мнѣ вечеромъ прилагаемое при семъ письмо *), въ которомъ, подъ видомъ извиненія, обнаруживалъ скорѣе упорство и дерзость, съ примѣсю разныхъ ложныхъ обвиненій и натяжекъ для своего оправданія, такъ что я счелъ для себя неприличнымъ, не только потакать ему, но и отвѣчать на его письмо. Наконецъ, на четвертый день, послѣ долгихъ увѣщаній его товарищами, и послѣ разныхъ другихъ дерзостей съ его стороны, онъ пришелъ ко мнѣ въ комнату и по-видимому изъявилъ раскаяніе въ своемъ необыкновенномъ проступкѣ. Намыливъ ему сперва, по заслугамъ, голову, я потомъ опять сталъ обращаться съ нимъ такъ ласково, какъ будто между нами ничего не было. Но ни строгость, ни ласки не дѣйствовали на него и съ каждымъ днемъ становилось очевиднѣе, что отъ него нельзя ожидать исправленія, такъ какъ поступки его происходятъ не отъ слабости характера, а отъ умышленной злости. При всемъ томъ я не терялъ надежды, что мнѣ еще удастся образумить его, и потому приостановилъ на время донесеніе, которое хотѣлъ послать объ этомъ Академіи. Но недѣль шесть тому назадъ онъ снова, и притомъ въ совершенно трезвомъ видѣ, до такой степени забылся противъ меня, что я уже болѣе не могъ не взяться за перо. Онъ сталъ требовать отъ меня денегъ; а такъ какъ я, по весьма уважительной причинѣ, отказалъ ему въ нихъ, то онъ нагло напустился на меня со словами: ну такъ возьмите себѣ деньги, потомъ при мнѣ дерзко нахлобучилъ на себя шляпу, плюнулъ, взбѣшенный убѣждалъ отъ меня и, не простившись со мною, противу своего обыкновенія, заставилъ меня одного отправиться домой. Нѣсколько дней спустя, когда всѣ трое совѣтовались со мною о посѣщеніи рудника, я началъ уговаривать ихъ, чтобы они были бережливѣе съ своими деньгами, и въ особенности объяснялъ г. Ломоносову, что не могу болѣе выдавать ему деньги на столъ въ томъ количествѣ, въ какомъ онѣ по примѣрному соображенію назначены Академіею, а долженъ удерживать часть этихъ денегъ, потому что онъ издержалъ уже слишкомъ много. На это онъ мнѣ прямо въ глаза дерзко отвѣтилъ, что я обязанъ дать ему эти деньги, въ противномъ случаѣ онъ напишетъ объ этомъ въ Петербургъ и станетъ жаловаться на меня. При этомъ онъ, какъ мнѣ казалось, былъ не совсѣмъ въ трезвомъ

*) См. выше стр. 317.

видѣ. Раздраженный этою новою наглою выходкою, и припоминая съ какою кротостью и даже съ какою особенною вѣжливостью я постоянно обходился съ нимъ, сколько трудовъ я потратилъ на него, и сколько совершенно незаслуженныхъ оскорбленій человекѣкъ этотъ нанесъ мнѣ за все это, особенно своими предосудительными для меня разказами въ городѣ о томъ, что я только хочу разбогатѣть на русскія деньги, — припоминая все это, я, признаюсь, не могъ уже вынести такого наглого злоупотребленія моимъ терпѣніемъ и, схвативъ его за руку (конечно не съ нѣжными комплиментами, а въ сильномъ волненіи), вытолкалъ его отъ себя изъ комнаты, о чемъ до сихъ поръ жалѣю только потому, что причинялъ этимъ немало вреда своему здоровью и душевному спокойствію. Послѣ этого я уже не видѣлъ его болѣе, а только знаю навѣрное, что онъ въ тотъ-же самый день въ страшно пьяномъ видѣ шатался по улицамъ и, проходя мимо моего семейства, былъ очень дерзокъ и невѣжливъ. Наконецъ я узналъ также, что онъ уже и прежде въ разныхъ мѣстахъ велъ себя неприлично, ужасно буянилъ въ своей квартирѣ, колотилъ людей, участвовалъ въ разныхъ дракахъ въ винномъ погребкѣ, братался съ здѣшними молокососами-школьниками, съ самаго начала слишкомъ пьянствовалъ, поддерживалъ подозрительную переписку съ какою-то марбургскою дѣвушкой, однимъ словомъ велъ себя непристойно. Мнѣ хотѣлось еще дождаться его возвращенія и дальнѣйшаго его поведенія, но такъ какъ въ ожиданіи этого прошло очень много времени, то наконецъ г. Райзеръ на дняхъ сообщилъ мнѣ *)), что г. Ломоносовъ, писавшій ему изъ Лейпцига, живетъ тамъ очень весело и проситъ, чтобы квартира его была сдана, что и сдѣлано. Когда отворили его комнату и пересмотрѣли его вещи, то оказалось, что онъ увезъ съ собою полученные имъ отъ меня на поддержаніе пробырныя вѣсы, со всѣми принадлежащими къ нимъ пробырными гирьками, цѣною въ 10 рейхсталеровъ. Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ опытовъ и уроковъ курсъ металлургіи уже былъ оконченъ до его отъѣзда; репетиція же озложена до слѣдующей зимы, такъ какъ лѣтнее время должно быть употреблено на изученіе рудокопнаго и горнозаводскаго дѣла.

Фрейбергъ, 20 июня 1740 г.

Юганнъ Фридрихъ Генкель.

*) Кажется, что Райзеръ несколько времени скрывалъ письмо Лом-ва, который уже 6 июня (26 мая) былъ въ Марбургѣ.

Ц р и п и с к а.

Передъ отправленіемъ этого письма я узналъ еще отъ послѣд-
няго хозяина, адвоката, у котораго г. Ломоносовъ жилъ и едва
успѣлъ обогрѣться, что послѣ вышеописаннаго происшествія Ло-
моносовъ со злости изрубилъ и изорвалъ на мелкіе кусочки из-
данныя мною книги, хотя онѣ составляли его собственность, на
улицахъ преслѣдовалъ меня, съ коварною цѣлью напасть на меня
и нанести мнѣ побои, и при этомъ клялся, что будетъ мстить мнѣ
при всякомъ удобномъ случаѣ. Кромѣ того, уже однажды, а именно
недѣли двѣ или три тому назадъ, когда означенный хозяинъ сталъ
упрекать его за ужасный шумъ и буйство, произведенныя имъ въ
комнатѣ и приводившія все строеніе въ сотрясеніе, а вмѣстѣ съ
тѣмъ убѣждалъ его не беспокоить его впредь въ его собственномъ
домѣ и обходиться осторожнѣе съ огнемъ, то онъ, Ломоносовъ,
схватилъ его за горло, какъ будто хотѣлъ задушить его.

22-го іюня тек. года.

I. Ф. Генкель.

№ 96. Изъ Журнала акад. Канцелярш о вызовѣ Ломоносова,
отъ 31 іюля 1740 г.

1740 году іюля 31 дня въ Академіи Наукъ въ Журналѣ запи-
сано: Понеже изъ письма отъ бергъ-физика Генкеля усмотрѣно,
что фрейбургской ученикъ Ломоносовъ весьма не въ состояніи
находится, къ тому жъ безъ позволенія онаго Генкеля уѣхалъ
своею волею въ Лейбцыхъ: того ради ко обрѣтающемуся при сак-
сонскомъ дворѣ въ Дрезденѣ чрезвычайному министру, тайному
совѣтнику и кавалеру господину Кейзерлингу изъ Академіи пи-
сать, дабы онъ того Ломоносова призвавъ изъ онаго Лейбцыха,
или гдѣ онъ обрѣтается, прислать въ Санктпетербурхъ по спо-
собности моремъ или сухимъ путемъ, и чтобъ онъ господишъ тай-
ный совѣтникъ извоилъ оному Ломоносову на проѣзды дать по
разсмотрѣнію на счетъ Академіи денегъ, сколько можно до Питер-
бурха въ пути пробавиться, которыя ему изъ Академіи отосланы
будутъ; а къ Ломоносову послать ордеръ, въ которомъ написать,
чтобъ явился въ Дрезденѣ показанному министру господину Кей-
зерлингу, возвращаяся въ Питербурхъ немедленно.

№ 97. Письмо академической Канцелярии къ русскому послу Кайзерлингу въ Дрезденъ, отъ 31 июля 1740 г. *).

Вслѣдствіе представленія г. берграта Генкеля въ Фрейбергѣ Императорская Академія Наукъ признала необходимымъ: студента Михаила Ломоносова, который 4 года тому назадъ вмѣстѣ съ двумя другими студентами, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію, посланъ былъ за границу для изученія металлургіи и съ этою цѣлью посѣщалъ въ Марбургѣ лекціи г. регирунгсрата Вольфа, а потомъ въ Фрейбергѣ у г. берграта Генкеля не безъ успѣха обучался практической мегаллургіи, вызвать опять назадъ и сообразно способностямъ его употребить на другое дѣло. Если этотъ студентъ Ломоносовъ теперь все еще находится въ Лейпцигѣ, то мы покорнѣйше просимъ Васъ потребовать его къ себѣ, вручить ему прилагаемый ордеръ и приказать отправить его сюда моремъ или сухимъ путемъ, какъ Вы признаете болѣе удобнымъ. Всѣ необходимыя при этомъ издержки Академія Наукъ не преминетъ тотчасъ-же возратить съ величайшею признательностію, какъ скоро получить о томъ увѣдомленіе. Притомъ мы въ особенности сочтемъ себя обязанными быть съ глубочайшимъ уваженіемъ и т. д.

№ 98. Ордеръ Канцелярии Ломоносову, отъ июля 1740 г. **).

Такъ какъ Академія Наукъ признала за благо отозвать его сюда и употребить здѣсь на другое дѣло, то ему предписывается выѣхать по первому приказанію г. тайнаго совѣтника и посланника фонъ-Кайзерлинга и поспѣшить своей поѣздкой, такъ чтобы прибыть сюда безъ малѣйшей остановки на пути.

№ 99. Письмо акад-ой Канцелярии къ Генкелю, отъ июля 1740 г. ***)

Получивъ письмо Ваше изъ Фрейбурга отъ 20 іюня 1740 года, Академія Наукъ, къ крайнему своему неудовольствію, узнала о не-

*) См. нѣм. подлинникъ на стр. 174 (№ 71).

**) См. нѣм. подлинникъ на стр. 174 (№ 72).

***) См. нѣм. подлинникъ на стр. 175 (№ 73).

пристойномъ поведеніи студента Ломоносова. По видимоу почти приходится думать, что съ этимъ человѣкомъ врядъ ли удастся за границей достигнуть предположенной цѣли, и потому признано полезнымъ отозвать его сюда, чтобы употребить его на что-нибудь сообразно его способностямъ. Объ отправленіи его уже сообщено письменно Императорскому россійскому министру при саксонскомъ дворѣ, тайному совѣтнику фонъ-Кейзерлингу. Потрудитесь показать видъ, что Вы ничего не знаете, съ тѣмъ чтобы человѣкъ этотъ не вздумалъ скрыться.

Остальныхъ двухъ студентовъ мы препоручаемъ дальнѣйшему Вашему попеченію и тщательному обученію, надѣясь, что они постараются воспользоваться этимъ и такимъ образомъ достигнуть возможности исполнить волю Ея Императорскаго Величества. Имѣемъ честь быть и т. д.

№ 100. Счетъ за чтеніе газетъ и журналовъ, уплаченный Генкелемъ лѣтомъ 1740 г.*)

Г. Ломоносовъ долженъ
за чтеніе Гальской газеты съ Иванова дня 1739 г. до Свя-
той 1740 года, всего за $\frac{3}{4}$ года . . . . . 18 гр.
за чтеніе Gelehrt. Zeitungen въ теченіе $\frac{1}{2}$ года, со дня Св.
Арханг. Михаила до Святой . . . . . 8 »
за чтеніе журналовъ въ янв., февр. и мартъ мѣсяцахъ 1740 г. 6 »

всего 1 рейхст. 8 гр.

Сполна получено.

М. Юг. Андр. Лютеръ.

№ 101. Отношеніе Статсъ-конторы въ Академію Наукъ объ отпускѣ денегъ на содержаніе фрейбергскихъ студентовъ, отъ 20 авг. 1740 г.

Промеморія.

Изъ Государственной Статсъ-конторы въ Академію Наукъ. По указу Ея Императорскаго Величества и по опредѣленію Государственной Статсъ-конторы сего августа 18 дня, а по промеморіи изъ Академіи Наукъ, велѣно по силѣ резолюціи Кабинета Ея Импера-

---

*) См. тамъ подлинникъ на стр. 175 (№ 74).

торскаго Величества, объявленной въ указѣ изъ Правительствующаго Сената августа 19 дня 1737 году, на содержаніе отправляемыхъ изъ Академіи Наукъ въ Фрейбургъ къ бергъ-физику Генкелю для обученія металлургіи учениковъ трехъ человекъ определенную годовую сумму юня съ 4 сего 1740 юня жъ по 4 число будущаго 1741 тысячу двѣсти рублей отпустить въ Академію Наукъ изъ санктъпитербургской рентереи изъ неположенныхъ въ стать доходовъ и отдать по объявленію справку изъ той Академіи комисару Камеру, и о томъ въ оную рентерею асигнація послана, и Академія Наукъ о вышеписанномъ да благоволитъ быть извѣстна. Санктъпитербурхъ. Августа 20 дня 1740 году.

Антонъ фонъ-Залца.

№ 102. Репортъ комисара Камера въ академическую Канцелярію, отъ сентября 1740 г.

По присланному ко мнѣ изъ оной Академіи Ея Императорскаго Величества указу велѣно мнѣ принять изъ Государственной Штатсъ-конторы на фрейбургскихъ учениковъ тысячу двѣсти рублей, которые мною сего сентября 11 дня изъ санктъпитербургской рентереи по асигнаціи реченной конторы и приняты, которые при семъ и объявляю и требую о запискѣ оныхъ денегъ въ приходъ указу.

И о вышеписанномъ Академіи Наукъ симъ во извѣстіе и репорту. Сентября   дня 1740 году.

Комисаръ Камеръ.

Записавъ въ журналъ по сему репорту, деньги тысячу двѣсти рублей записать въ приходъ и о томъ комисару Камеру дать указъ.

№ 103. Указъ академической Канцеляріи комисару Камеру, отъ 26 сентября 1740 г.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской комисару Камеру. По Указу Ея Императорскаго Величества и по резолюціи Академіи велѣно принятыя тобою изъ Государственной Штатсъ-конторы на содержаніе фрейбургскихъ учениковъ тысячу двѣсти рублей записать въ приходъ, которыхъ безъ указу

ни на какія расходы не употреблять, и камисару Камеру учинить о томъ по сему Ея Императорскаго Величества Указу. Сентября 26 дня 1740 году.

№ 104. Перечень суммъ, полученныхъ и израсходованныхъ Академією на трехъ студентовъ, по 2 октября 1740 г.

Экстрактъ

Коликое число съ начала 1736 по сей 1740 годъ въ приемъ на содержание фрейбургскихъ учениковъ денегъ было и что къ нимъ отослано и въ которыя числа.

	Рубли. Коп.		Рубли. Коп.
1736 году іюня 4-го дня принято по промеморіи Штатсъ-конторы изъ санктъптербургской рентереи канцеляристомъ Линдорфомъ	1200 »	Іюля 15 дня 1736 году выдано студентамъ по 300 рублей каждому	900 »
1737 году августа 18 дня счисляя іюня отъ 4-го числа 737 году на годъ Петроу Соколовымъ	1200 »	Сентября 16 дня 737 послано къ почетному члену въ Марбургъ чрезъ вексель	600 »
		Маія 29 дня 738 году пописью кооннымъ ученикамъ	300 »
		Отъ купца Іозефа Аудеркирха посланные ему маія 20 въ Амстердамъ по векселю	550 »
Сентября 18-го дня 1738 году канцеляристомъ Линдорфомъ, счисляя іюня отъ 4-го числа 738 году	1200 »	Октября 12 по взятому векселю отъ купцовъ Бардвика и Фельтгаузена къ купцу Іозефу Аудеркирху въ Амстердамъ	300 »

	Рублн. Коп.		Рублн. Коп.
1739 г. іюля 15 дня канцеляристомъ Лин- дорфомъ, счисляя ію- ня отъ 4 числа 1739 году	1200 »	Іюля 29 дня по полученному векселю отъ саксонскаго по- сланника фонъ-Зума денегъ	400 »
		Сентября 6 дня иноземцамъ купцамъ Данглию и Кленк- сію на имя амстердам- скихъ купцовъ Фран- ца Іозефа Аудеркир- ха по полученному векселю	1000 »
		1740 году марта 14 дня послано чрезъ оберъ-камисара Либ- мана въ Марбурхъ регир-рату Вольфу . .	332 80
		Марта 14 дня 740 году оберъ-камисара Либмана къ бергъ- физику Генкелю . . .	600 »
1740 году сентября 26 дня камисаромъ Камеромъ	1200 »	№ 46 въ Фрей- бурхъ Генкелю за обученіе его въ на- граду выдано лега- ціонъ-секретарю . . .	500 »
	Сумма . . 6000 р.		Сумма . . 5482 р. 80 к.

Такова вѣдомость сочинена октября 2 дня 1740 году.

№ 105. Письмо Генкеля въ Академію Наукъ, отъ 23 (12) сентября 1740 г. *).

На отношеніе Ваше считаю долгомъ увѣдомить Васъ, что я не знаю и не могу себѣ представить, гдѣ бы г. Ломоносовъ могъ

* *) См. тамъ. подлѣтитъ на стр. 176 (№ 75).

находиться въ настоящее время, развѣ что напелъ себѣ убѣжище у г. гофрата Вольфа. Соотчичи его также ничего не знаютъ о его мѣстопробываніи. При этомъ случаѣ не могу не замѣтить, что, по моему мнѣнію, г. Ломоносовъ, довольно хорошо усвоившій себѣ теоретически и практически *химию преимущественно металлургическую*, а въ особенности пробирное дѣло, равно какъ и маркшейдерское искусство, распознаваніе рудъ, рудныхъ жилъ, земель, камней, солей и водъ, способенъ основательно преподавать механику, въ которой онъ, по отзыву знатоковъ, очень свѣдуещъ и на которой онъ по видимому главнымъ образомъ и хочетъ выѣзжать, тѣмъ болѣе что онъ никогда охотно не спускался въ рудники. На обученіе двухъ другихъ лицъ я также не жалѣю честныхъ трудовъ и заботъ; правда, что г. Виноградова постоянно приходится понукавать, но тѣмъ болѣе меня радуетъ г. Райзеръ. Покорнѣйше прошу Васъ оказать мнѣ честь и милость и распорядиться относительно назначенныхъ мнѣ 1000 рублей такимъ образомъ, чтобы во-первыхъ одна половина этихъ денегъ, которую мнѣ слѣдовало получить тотчасъ по прибытіи учениковъ моихъ, т. е. уже безъ малаго 15 мѣсяцовъ тому назадъ, не была болѣе задержана, такъ какъ невысылка ея причиняетъ мнѣ значительный убытокъ въ процентахъ, чтобы во-вторыхъ заблаговременно сдѣлано было распоряженіе о присылкѣ другой половины, срокъ уплаты которой также истекаетъ мѣсяцовъ черезъ пять или шесть, и чтобы я наконецъ каждый разъ за рубль получалъ 32 гроша, какъ условлено было при самомъ началѣ. Прошу Васъ не сомнѣваться въ томъ, что я вполне заслуживаю означенныя деньги и вообще не премину доказать при каждомъ удобномъ случаѣ, какое глубокое уваженіе я питаю къ Россійской Императорской Академіи и какъ я на самомъ дѣлѣ имѣю честь быть и т. д.

Фрейбергъ, 23 сент. 1740 года.

№ 106. Письмо Генкеля изъ Фрейберга къ членамъ Академіи Наукъ, отъ 31 (20) октября 1740 г. *).

Считаю долгомъ увѣдомить Васъ, что г. Ломоносовъ находится въ Марбургѣ и что дня три тому назадъ г. Райзеръ получилъ отъ него письмо. Онъ пишетъ ему, что вернулся изъ поѣздки въ Голландію и виѣстѣ съ тѣмъ требуетъ отъ меня черезъ него,

* См. итм. подлинникъ на стр. 177 (№ 76).

чтобы я изъ назначенныхъ на содержаніе его денегъ послать ему 50 рейхсталеровъ, по полученіи которыхъ онъ соберется въ путь и пріѣдетъ сюда. Но съ какою собственно цѣлью онъ хочетъ пріѣхать, этого онъ не говоритъ. Я просилъ г. Райзера отвѣтить ему, что я не считаю себя вправѣ послать ему такія деньги до тѣхъ поръ, пока онъ не представитъ на это согласія отъ своего высшаго начальства. Въѣстѣ съ тѣмъ я увѣдомилъ объ этомъ и его превосходительство, г. дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, барона фонъ-Кейзерлинга. Въ теченіе $\frac{3}{4}$ года примѣрно, которыя онъ пробылъ здѣсь, на него издержано нѣсколько больше 200 руб., назначенныхъ ему въ годъ, а именно 277 рейхстал. 2 гр. 8 д., какъ это видно будетъ изъ подробнаго счета; но во-первыхъ онъ тотчасъ по пріѣздѣ сюда весьма нуждался въ новой одеждѣ, а во-вторыхъ въ помянутой суммѣ значатся также 10 рейхсталеровъ за мои пробирные вѣсы и гири, которыя онъ увезъ съ собою. Не говорю уже о страшной дороговизнѣ и большомъ расходѣ дровъ. Чтобы показать впрочемъ, сколько денегъ въ кассѣ на лицо, я позволяю себѣ почтительнѣйше представить при семъ общій счетъ всѣмъ издержкамъ, и такъ какъ, согласно подробнымъ счетамъ и роспискамъ, которые имѣютъ быть доставлены въ свое время, изъ полученныхъ доселѣ 1245 рейхст. 6 гр., въ кассѣ осталось всего только 95 рейхст. 22 гр. 1 д., а между тѣмъ ежедневно нужны деньги, кромѣ того все очень дорого и постоянно становится еще дороже, да и зимою вообще требуется больше, нежели лѣтомъ, и наконецъ г. маркшейдеру и г. Керну по окончаніи лекцій еще придется заплатить въ нынѣшнемъ году по 50 рейхсталеровъ каждому, то я покорнѣйше прошу благоволить сдѣлать распоряженіе, чтобы въ возможно-непродолжительномъ времени опять былъ высланъ вексель въ нѣсколько сотъ рейхсталеровъ. Могу Васъ впрочемъ увѣрить, что я всячески стараюсь гдѣ только можно уменьшать расходы, хотя, правда, почти не знаю, хватить-ли опредѣленная сумма впредь на всѣ издержки при страшной дороговизнѣ и нѣкоторыхъ крайне-необходимыхъ значительныхъ расходахъ, какъ напр. на бѣлье, которое у нихъ очень износилось. Въ настоящее время уже недѣли три, какъ они находятся на плавильныхъ заводахъ, гдѣ имъ придется пробыть еще двѣ недѣли. Потомъ я буду повторять съ ними пройденное и затѣмъ не премину донести, какъ дѣла ихъ должны пойти далѣе надлежащимъ порядкомъ. Съ глубочайшимъ уваженіемъ и почтеніемъ имѣю честь быть и т. д.

Фрейбергъ, 31 окт. 1740 г.

№ 107. Валовой счетъ прихода и расхода деньгамъ, полученнымъ Гешкелемъ отъ Академіи на содержаніе трехъ студентовъ, отъ 31 (20) октября 1740 г. *).

Валовой счетъ

суммамъ, полученнымъ мною отъ С.-Петербургской Академіи на содержаніе гг. Русскихъ и израсходованнымъ отъ 25 іюля 1739 года до сихъ поръ.

Получено.

520 рейхст. почти въ самомъ началѣ отъ г. Петри.

725 » 6 гр. лѣтомъ прошлаго года, посредствомъ векселя.

1245 рейхст. 6 гр.

Израсходовано.

150 рейхст. пробиреру; все, что ему слѣдовало.

50 » маркшейдеру, что составляетъ половину слѣдующихъ ему денегъ.

50 » вице-инспектору драгоценныхъ камней; половина слѣдующихъ ему денегъ.

17 гр. за пересылку первыхъ денегъ изъ Дрездена.

1 » 20 » за вторую пересылку денегъ изъ Лейпцига.

277 » 2 » 8 д. г. Ломоносову.

320 » 7 » 7 » г. Виноградову.

299 » 8 » 8 » г. Райзеру.

1149 рейхст. 7 гр. 11 д.

За вычетомъ этихъ израсходованныхъ 1149 рейхст. 7 гр. 11 д. изъ полученныхъ 1245 рейхст. 6 гр., остается на лицо всего 95 рейхст. 22 гр. 1 д.

Вѣрно**). Іог. Фридр. Генкель.

Фрейбергъ, 31 окт. 1740 г.

*) См. тѣм. подлинникъ на стр. 178 (№ 77).

**) Salvo errore calculi = исключая развѣ ошибки въ сложениіи.

№ 108. Письмо Ломоносова къ Шумахору, изъ Марбурга,
отъ 16 (5) ноября 1740 г. *).

Ваше Высокоблагородіе

Высокопочтенный господинъ библіотекаръ!

Легко представить себѣ могу, сколь негодуеть на меня Академія Наукъ, что я безъ вѣдома ея изъ Фрейберга ушелъ. Я почти увѣренъ, что гонитель мой станетъ радоваться моему дальнѣйшему несчастію, ибо недавно изъ Фрейберга увѣдомился я, что Вашему Высокоблагородію ничего неизвѣстно о жалобѣ, посланной мною 21 мая изъ Лейпцига, и слѣдовательно онъ имѣлъ время ложью привести меня предъ Академію Наукъ въ ненависть. Но еслибы она вѣдала, сколько зависти, притѣсненій и презрѣнія вытерпѣлъ я отъ г. берграта Генкеля, сколько несчастія и нужды я долженъ былъ ради того перенести, то она навѣрное согласилась бы, что я гораздо болѣе состраданія заслуживаю, нежели наказанія. Мои прежніе проступки (которые не столько къ моей безпорядочной жизни приписать слѣдуетъ, сколько къ тягостнымъ и несчастнымъ обстоятельствамъ, къ соблазнительному обществу и къ позной пересылкѣ Всемлюстивѣйше назначенной мнѣ стипендіи) конечно не мало будутъ способствовать къ наказанію моей нынѣшней безвинности; но я твердо уповаю, что Ваше Высокоблагородіе, какъ вѣрный слуга Государыни Императрицы нашей и какъ Высочайше поставленный Ея Величествомъ судья, терпѣливо сіе всепокорнѣйшее донесеніе мое и жалобу прочтете и безъ лицепріятія судъ свой произнести изволите.

Вашему Высокоблагородію, полагаю, извѣстно, что я со времени прибытія въ Фрейбергъ, съ любленіемъ и прилежаніемъ обучался горному дѣлу и химіи, оказывалъ берграту Генкелю должное почтеніе и послушаніе и притомъ велъ себя совершенно пристойно, какъ засвидѣтельствовать могутъ и онъ самъ и г. гофъ-каммерратъ Юнкеръ. Я всемѣрно угождать ему старался, но все то было тщетно, и вскорѣ его злость, алчность, лукавый и завистливый нравъ стали явны. Какъ только мы съ г. гофъ-каммерратомъ распростились, такъ онъ, бергратъ Генкель, началъ назначенныя намъ Академію Наукъ деньги задерживать. Мы принуждены были

*) См. нѣм. подлинникъ на стр. 179 (№ 78).

разъ по десяти къ нему ходить, чтобы вымолить себѣ бездѣльну. При семъ онъ каждый разъ съ полчаса наставленія намъ читалъ, съ досадою говоря, что у него денегъ нѣтъ, что Академія уже давно обѣщала половину слѣдующей ему платы 500 руб. выслать и однако слова своего не держать.

Между тѣмъ онъ по всему городу разгласилъ, чтобы намъ никакъ ничего въ долгъ не давали, а самъ (какъ я узналъ) на наши деньги покупалъ панъ въ рудникахъ и барышнячалъ. При такомъ вещей положеніи мы конечно почти всегда безъ денегъ оставаться должны были и отказываться отъ знакомства съ людьми, у которыхъ могли бы поучиться въ горномъ дѣлѣ. Чтожъ до курса химіи надлежитъ, то онъ въ первые четыре мѣсяца едва ученіе о соляхъ пройти успѣлъ, на что одного мѣсяца довольно бѣ было; остальнаго времени должно было достать для наученія всѣхъ главнѣйшихъ матерій, какъ-то: металловъ, полуметалловъ, земель, камней и сѣръ. Но при ономъ большая часть опытовъ ради его неловкости не удавалась. Описаніемъ таковыхъ несчастныхъ происшествій (которыя онъ диктовалъ намъ съ примѣсю разныхъ пошлыхъ шутокъ и пустой болтовни) тетради нашего дневника наполнены. Въ то же время онъ всю разумную философію презиралъ, и когда я однажды, по его приказанію, зачалъ причину химическихъ явленій объяснять (но не по его перипатетическому концепту, а на началахъ механики и гидростатики), то онъ тотчасъ-же мнѣ замолчать приказалъ и съ обыкновенною своею наглостію на смѣхъ подыгалъ мои объясненія, яко несбыточную причуду. Между тѣмъ я узналъ, что графъ рейскій платитъ ему за слушаніе химіи 150, а г. Фоль-Кнехтъ и маг. Фрейеслебенъ каждый только по 100 рейхсталеровъ. Посему я за тайну нѣкоторому человѣку сообщилъ, что бергратъ съ насъ слишкомъ высокую цѣну беретъ, а мы для того должны нужду терпѣть и отъ нѣкоторыхъ вещей отказываться, полезныхъ при наученіи химіи и металлургіи. Слова мои однакоже не остались втайнѣ, а были ему переданы. На что онъ отвѣчалъ: Царица богата, и можетъ заплатить сколько угодно. Послѣ того я примѣтилъ, что злости его не было предѣловъ. Первый случай къ поруганію меня ему въ лабораторіи представился (въ присутствіи гг. товарищей). Онъ меня растирать сулему заставилъ, и когда я отъ онаго отказался, ссылаясь на скверный и вредный запахъ, котораго никто вынести не могъ, то онъ меня не токмо ни на что не годнымъ называлъ, но и спросилъ меня, не хочу ли я лучше сдѣлаться солдатомъ, а наконецъ меня съ ругательствомъ изъ комнаты выгналъ. Съ огорченіемъ и досадою я долженъ былъ спо-

койно перенести таковую ласку, да иъ тому еще попросить у него прощенія *).

Вскорѣ послѣ того онъ, безъ всякой причины, прогналъ меня изъ прежней моей квартиры въ другую, не дешевле и не лучше той. Впрочемъ причина была вотъ какая: прежній мой хозяинъ былъ докторъ медицины, съ которымъ онъ для нѣкоторыхъ поступковъ поссорился. Я же принужденъ былъ заплатить 2 рейхс-талера за переноску вещей, да сверхъ того столько-же дать хозяину, затѣмъ что еще не истекъ срокъ, на который я квартиру нанялъ. Но этимъ онъ не удовольствовался, а искалъ случая задѣть меня еще лучше, въ чемъ и успѣлъ. Всѣ нужные намъ припасы онъ бралъ у своего тестя; плата ему за нихъ очень щедро, онъ наконецъ хотѣлъ сберечь деньги и отдѣлаться отъ насъ въ мѣсяцъ 4 талерами, которыми намъ содержать себя совершенно невозможно было. Посему я въ лабораторіи сталъ просить его о прибавкѣ, но онъ отвѣчалъ, что ежелибы намъ даже пришлось просить милостыню, то онъ ничего болѣе не прибавитъ. Посовѣтовавшись между собою втроемъ, мы, въ надеждѣ упросить его, къ нему на домъ отправились. Когда я ему наше бѣдственное положеніе изъяснилъ и униженно зачалъ просить о выдачѣ назначенныхъ намъ денегъ, то онъ сперва отвѣчалъ токмо: ни полушки больше не дамъ, а потомъ началъ осыпая меня всѣми возможными ругательными и поносными словами, выпроводилъ меня кулаками изъ комнаты и при томъ, не знаю почему, грозилъ мнѣ послать за городской стражей. Въ таковыхъ обстоятельствахъ не зная я, что дѣлать. Во всемъ городѣ запрещено было вѣрять намъ въ долгъ, и опасаясь подвергнуться еще вѣщшему гоненію и несчастію, я рѣшился отправиться къ г. барону Кайзерлингу, который въ то время находился въ Лейпцигѣ на ярмаркѣ. Но прибывъ туда 19 мая, я къ своему огорченію и несчастію увѣдомился, что онъ уѣхалъ въ Кассель на предстоящее бракосочетаніе принца Фридриха. Наследни въ Лейпцигѣ нѣсколько добрыхъ друзей изъ Марбурга, которые хотѣли взять меня съ собою въ Кассель, я рѣшился туда отправиться. Въ Фрейбергѣ мнѣ не токмо нечего было ѣсть, но и нечему было болѣе учиться. Пробирное искусство я уже зналъ, курсъ химіи былъ оконченъ, а инспекторъ Кернъ не хотѣлъ начинать, за тѣмъ что Генкель вздумалъ вычестъ у него слишкомъ много изъ суммы, назначенной ему Академією Н. У маркишѣдера же тому, кто математику лучше его знаетъ, приходится обучаться

*) См. оное на стр. 317 (примеч. 1) и 323.

только развѣ натягиванію межеваго шнурка; но вѣдь оному можно научиться, не платя 50 талеровъ. Прибывъ въ Кассель, я къ крайнему своему неудовольствію опять долженъ былъ извѣститься, что ~~еще~~ ~~ничего~~ о нашемъ посланникѣ не знали. Весьма удивительно мнѣ то показалось, понеже дорогою я въ нѣсколькихъ мѣстахъ о его поѣздкѣ слышалъ. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, не зная, гдѣ находится г. Кайзерлингъ, я почелъ за лучшее отправиться въ Петербургъ чрезъ Голландію (ежели у г. графа Головкина убѣжища себѣ не найду). Сначала я отправился въ Марбургъ, чтобы у старыхъ пріятелей своихъ запасться [деньгами] на поѣздку. Быть въ тягость г. Вольфу я не осмѣялся, узнавъ отъ него, что онъ лишь нѣсколько недѣль тому назадъ изъ Петербурга остальные деньги получилъ. Притомъ примѣтилъ я, что онъ въ сіе дѣло вѣшпиваться не хочетъ. Итакъ изъ Марбурга я отправился во Франкфуртъ, а потомъ водою въ Роттердамъ и Гагу. Графъ совсѣмъ отказалъ мнѣ въ помощи и не хотѣлъ вовсе ввязываться въ дѣло. Затѣмъ я отправился въ Амстердамъ и нашелъ здѣсь нѣсколько знакомыхъ купцовъ изъ Архангельска, которые мнѣ совершенно отсовѣтовали безъ приказанія въ Петербургъ возвращаться. Они представили мнѣ кучу опасностей и несчастій, и потому я опять долженъ былъ возвратиться въ Германію.

Коликую опасность и нужду я претерпѣлъ въ пути, мнѣ самому страшно даже вспомнить, и поелику долго было бы писать о томъ то для краткости лучше вовсе умолчу. Въ настоящее время я живу никогнито въ Марбургѣ, у своихъ пріятелей, и упражняюсь въ алгебрѣ, намѣреваясь оную къ теоретической химіи и физикѣ прилѣпить*). Утѣшаю себя пока тѣмъ, что мнѣ удалось въ знаменитыхъ городахъ побывать, поговорить съ нѣкоторыми искусными химиками, осмотрѣть ихъ лабораторіи и взглянуть на рудники въ Гессенѣ и Зигенѣ. Ежели я позволилъ себѣ слишкомъ откровенно и подробно говорить о своихъ злополучныхъ приключеніяхъ и утруждать Васъ такими скучными вещами, то прошу Ваше Высочайшее извинить меня, нуждою къ тому побуждаемаго. Я увѣренъ, что Вы, по природной добротѣ Вашей, не захотите меня несчастнаго и угнетеннаго отвергнуть и погубить человѣка, который уже въ состояніи служить Ея Величеству и приносить пользу отечеству, а дадите мнѣ испытать Вашу благосклонность.

Кажется мнѣ, правда, что Вы подумаете про меня: съ Генкелемъ онъ уже вовсе разошелся и не имѣетъ болѣе никакой

*) Auf die Chymie und Phisicam intimiorem.

надежды обучиться, какъ должно, химіи и металлургіи. Но сего господина могутъ почитать идоломъ только тѣ, которые коротко его не знаютъ. Я же не хотѣлъ бы промѣнять на него свои, хотя и малыя, но основательныя знанія, и не вижу причины, почему мнѣ его почитать своею путеводною звѣздою и единственнымъ своимъ спасеніемъ. Самые обыкновенные процессы, о которыхъ почти во всѣхъ химическихъ книжкахъ говорится, онъ держитъ въ секретѣ и сообщаетъ ихъ неохотно; горному же искусству гораздо лучше можно обучиться у любого штейгера, который всю жизнь свою въ рудникахъ проводитъ, нежели у него. Естественную исторію нельзя научить въ кабинетѣ г. Генкеля, изъ его шкаповъ и ящичковъ; нужно самому въ разныхъ рудникахъ побывать, и сравнить ситуацію различныхъ мѣстъ, свойства горъ и почвы и взаимное отношеніе находящихся въ нихъ минераловъ. Потому я умоляю Ваше Высокобл-діе меня отъ тираннической моего гонителя власти освободить и, при пересылкѣ Всемилоствѣйше пожалованной мнѣ стипендіи, приказать мнѣ отправиться еще въ какое-либо мѣсто, какъ напр. на Гарцъ или т. п., гдѣ бы я могъ свою горную науку совершить. Ежели бы, по благосклонному вниманію Вашему, просьба моя была исполнена, и я при этомъ позволилъ себѣ промотать данныя мнѣ деньги или небрежно сталъ бы упражняться въ наукахъ, то я самъ заранѣе присуждаю себя къ найстрожайшему наказанію. Увѣренъ однакоже, что никогда того не учиню, а напротивъ въ непродолжительномъ времени не токмо представлю надлежащія свидѣтельства о принятіи всѣхъ предписанныхъ мнѣ наукъ, но и надѣюсь собственнымъ спеціиномъ показать Вамъ мое обученіе. Впрочемъ нижайше прошу простить мнѣ все то, въ чемъ я можетъ быть неумышленно въ семъ случаѣ провинился, и пребываю

Вашего Высокоблагородія

всепокорнѣйшій рабъ

Михайло Ломоносовъ.

Марбургъ, 16 ноября 1740 г.

№ 109. Письмо Генкеля къ презид. Академіи, отъ 13(2) янв. 1741 г.*)

Покорнѣйше прошу Ваше Высокоблагородіе извинить меня, что я принимаю смѣлость спросить Васъ, получены ли мои два письма, которыя я нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ отправилъ въ Рос-

*) См. нѣм. подлинникъ на стр. 184 (№ 79).

сійскую Императорскую Академію, одно относительно г. Ломоносова, а другое о нашемъ недостаткѣ въ деньгахъ. Относительно второго пункта Вы мнѣ позволите повторить еще разъ, что сумма, назначенная для русскихъ студентовъ, находящихся здѣсь для изученія металлургіи, совершенно истощена и что я не въ состояніи ссужать ихъ деньгами изъ моего собственнаго кармана. Могу Васъ при этомъ увѣрить, что при употребленіи вѣрренныхъ мнѣ на этотъ предметъ денегъ соблюдается всевозможная экономія, какъ это покажетъ счетъ. При этомъ не могу не просить еще разъ Академію благоволить сдѣлать распоряженіе, чтобы мнѣ въ скоромъ времени была выслана и другая половина условнаго гонорарія; за такуюю особенную услугу имѣю честь быть и т. д.

Фрейбергъ, 13 янв. 1741 г.

№ 110. Изъ письма Шумахера къ Вольфу въ Галле, отъ 28 февраля 1741 года *).

Имѣю честь препроводить къ Вамъ при семъ слѣдующую за 1740 годъ пенсію посредствомъ векселя въ 250 рублей, выданнаго Вольфомъ и Либманомъ на Исаака Либмана въ Амстердамѣ, и при этомъ случаѣ пожелать Вамъ всякаго благополучія.

Приложенія къ письму слѣдуютъ г. Ломоносову, который писалъ Академіи изъ Марбурга; они содержатъ вексель въ 100 рублей и предписаніе возвратиться сюда съ первымъ отходящимъ кораблемъ.

Если этихъ денегъ не достанетъ на его отъѣздъ, то я покорнѣйше прошу Васъ выдать ему заимообразно небольшую сумму изъ Вашихъ собственныхъ денегъ или убѣдить кредиторовъ, чтобы они удовольствовались высылкою денегъ отсюда, что будетъ сдѣлано вслѣдъ за его прибытіемъ. . . .

№ 111. Письмо Шумахера къ Ломоносову въ Марбургъ, отъ 28 февраля 1741 г. **).

Такъ какъ Ваше Благородіе въ отправленномъ ко мнѣ изъ Марбурга письмѣ своемъ не упоминаете объ ордерѣ, посланномъ

*) См. н.м. подлинникъ на стр. 184 (№ 80).

***) См. н.м. подлинникъ на стр. 185 (№ 80).

Вамъ отъ Академіи Наукъ чрезъ г. тайнаго совѣтника фонъ-Кайзерлинга, то должно полагать, что Вы не получили этой бумаги. Она была такого-же содержанія какъ и это предписаніе. Ваше Благородіе слѣдовательно имѣете не медлить ни одной минуты въ исполненіи ея. Я имѣлъ также честь писать о Васъ г. тайному совѣтнику Вольфу. Не сомнѣваюсь, что онъ поможетъ Вамъ и словомъ и дѣломъ. Впрочемъ остаюсь вполне и т. д.

Спб. 28 февр. 1741 г.

№ 112. Ордеръ Шумахера Ломоносову, отъ 28 февраля 1741 г. *)

Студенту Михаилу Ломоносову препровождается при семь первый вексель въ 100 руб. (второй будетъ посланъ съ слѣдующею почтой); по полученіи этихъ денегъ онъ [Ломоносовъ] имѣетъ немедленно отправиться въ Любекъ и оттуда тотчасъ по открытіи навигаціи прибыть сюда. Дано сіе въ Императорской Академіи Наукъ 28 февраля 1741 г.

№ 113. Вексель, посланный Ломоносову въ Марбургъ, 28 февраля 1741 г. **)

С. Петербургъ, 24 февр. 1741 г. 100 рублей, по 49 шт. каждый.

Отъ вышеписаннаго числа въ теченіи 65 дней Вы имѣете уплатить по этому первому векселю (не по второму) студенту Михаилу Ломоносову въ Марбургѣ сто рублей, считая каждый въ 49 штиверовъ по голланд. курсу. Валюта отъ Императорской Академіи Наукъ получена согласно указанію.

Вольфъ и Либманъ.

Г-ну Исааку Либману въ Амстердамъ.

Первый вексель отправленъ 28-го февраля, а второй 7-го марта 1741 года.

---

*) См. нѣм. подлинникъ на стр. 186 (№ 82).

**) См. нѣм. подлинникъ на стр. 186 (№ 83).

№ 114. Письмо Шумахера къ проф. Вольфу въ Галле, отъ 7 марта 1741 г. *)

Отправленный при послѣднемъ письмѣ отъ 28 февраля сего года первый вексель въ двѣсти пятьдесятъ рублей Вы вѣроятно уже получили. Имѣю честь переслать къ Вамъ теперь для большей вѣрности второй вексель, покорнѣйше прося Васъ препроводить прилагаемыя бумаги къ г. Ломоносову въ Марбургъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь и т. д.

№ 115. Ордеръ Шумахера Ломоносову въ Марбургъ, отъ 7 марта 1741 г. **)

Студентъ Ломоносовъ вѣроятно уже получилъ первый вексель въ 100 рублей (по 49 штив. каждый), отправленный къ нему при ордерѣ отъ 28 февраля текущаго года. При семъ слѣдуетъ второй вексель и поручается въ точности исполнить упомянутый ордеръ. Дано въ Императорской Академіи Наукъ въ С. Петербургѣ, 7 марта 1741 года.

№ 116. Письмо Вольфа изъ Галле къ Шумахеру, отъ 25 (14) апр. 1741 г. ***)

Оба письма Вашего Высокородія, одно съ приложеніемъ предписанія студенту Ломоносову, и другое съ двумя векселями на прошлогодною пенсію я получилъ. Покорнѣйше благодарю Васъ за послѣднюю, и считаю долгомъ увѣдомить Васъ, что первое письмо я отправилъ въ Марбургъ къ доброму пріятелю, для передачи г. Ломоносову, написавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы онъ отправился въ путь, какъ скоро получитъ свои деньги по векселю, и чтобы сообщилъ мнѣ, если ему еще что-нибудь понадобится для ускоренія его отъѣзда. Такъ какъ онъ мнѣ отвѣтилъ, что на поѣздку и экипировку его хватить назначенныхъ по векселю денегъ,

---

*) См. нѣм. подлинникъ на стр. 186 (№ 84).

***) См. нѣм. подлинникъ на стр. 187 № 85).

***) См. нѣм. подлинникъ на стр. 187 (№ 86).

но что на уплату долговъ ему нужно еще до 100 рейхсталеровъ, или немногимъ болѣе, то я просилъ добраго пріятеля въ Марбургѣ, за мою отвѣтственность поручиться за него, что онъ и общалъ мнѣ сдѣлать, и еще разъ убѣждалъ г. Ломоносова поспѣшить отъѣздомъ на сколько возможно . . . .

№ 117. Письмо Шумахера къ академику Амману, отъ 13 июня 1741 г. *)

---

13 марта 1736 года, по резолюціи Кабинета Ея Императорскаго Величества, за подписью г.г. Кабинетъ-министровъ, Академіи Наукъ повелѣно было отправить нѣсколько молодыхъ людей за границу для изученія естественной исторіи и въ особенности металлургіи. Съ этою цѣлью въ томъ-же 1736 году отправлены были студенты Райзеръ, Виноградовъ и Ломоносовъ. Но такъ какъ послѣдній опять возвратился сюда, то я покорнѣйше прошу Васъ**) впредь до дальнѣйшаго распоряженія, преподавать ему естественную исторію, особенно по царству ископаемыхъ, и руководить его занятіями, съ тѣмъ чтобы съ нимъ поскорѣе можно было дойти до предполагаемой цѣли. Съ глубочайшимъ уваженіемъ и т. д.

13 июня 1741 г.

№ 118. Репортъ комисара Камера въ академическую Канцелярію, отъ 17 июня 1741 г.

По присланному ко мнѣ изъ Канцеляріи Академіи Наукъ указу велѣно мнѣ принять изъ Штатсъ-конторы тысячу двѣсти рублей,

---

*) См. нѣм. подлинникъ на стр. 188 (№ 87).

**) Въ первоначальной редакціи написано: испытать его въ означенныхъ наукахъ и обучать его впредь до дальнѣйшаго распоряженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ потрудитесь наблюсти, чтобы упомянутый студентъ Ломоносовъ написалъ диссертацию и съ присовокупленіемъ Вашего мнѣнія о ней представилъ ее Академіи Наукъ, дабы за тѣмъ можно было рѣшить что-нибудь относительно его. Съ глубочайшимъ уваженіемъ и т. д.

которые мною и приняты сего іюня 16 дня на Фрейбургскихъ учениковъ.

И о вышеозначенномъ Академіи Наукъ симъ репортую и требую о запискѣ въ приходъ указу. 1741 году іюня 17 дня.

Камисаръ Камеръ.

Деньги получены и внесены въ кассу. 16 іюня 1741 г.

Гоффманъ.

№ 119. Письмо Генкеля къ президенту Академіи, отъ 7-го іюля
(26 іюня) 1741 г. *)

Считаю долгомъ представить при семъ Вашему Прев., согласно предписанію русской Имп. Академіи Наукъ, составленныя двумя русскими студентами Райзеромъ и Виноградовымъ статьи (specimina) по части разработки рудниковъ, плавильнаго искусства и фундаментальной химической металлургіи, равно какъ и аттестаты, выданныя имъ прочими наставниками, маркшейдеромъ, гвардейномъ и механикомъ. Могу засвидѣтельствовать при этомъ, что они у означенныхъ наставниковъ изучили какъ маркшейдерское искусство, такъ и разработку рудниковъ, пробирное и гиттенмейстерское дѣло, толчейную и промывочную руды, и плавильное искусство, прилежно посѣщали рудники, не только въ качествѣ зрителей, но и дѣйствующихъ лицъ, практически ознакомились съ прожилками и жилами, съ различными способами скрѣпленія шахтъ, устройствомъ рудничныхъ механизмовъ, съ шурваніемъ, проводомъ шахтъ и штоленъ, употребленіемъ рудничнаго компаса, подготовленіемъ и приспособленіемъ минераловъ и всѣмъ, что сюда относится. Могу также сказать по правдѣ, что я съ своей стороны повсюду наилучшимъ образомъ велъ и направлялъ горнозаводскія занятія упомянутыхъ студентомъ (въ томъ числѣ и г. Ломоносова, пока онъ былъ тутъ), сообразно дѣйствительной необходимости и съ соблюденіемъ должнаго порядка, неутомимо наблюдалъ за тѣмъ, чтобы они прилежно занимались дѣломъ, при этомъ, согласно данному мнѣ порученію, добросовѣстно и не щадя трудовъ, велъ ихъ хозяйство и не только по возможности слѣдилъ за ихъ образомъ жизни, но и помѣстилъ ихъ по сосѣдству съ собою. Въ особенно-

*) См. тѣм. подлинникъ на стр. 188 (№ 88). — Надпись: Prst. d. 19. Aug. 1741.

сти при отдѣльно читанныхъ имъ лекціяхъ усердно и тщательно знакомилъ ихъ съ свойствами минераловъ, какъ-то: металловъ, рудъ, камней, земель, солей, сѣрнистыхъ и смолистыхъ тѣлъ, подземныхъ соковъ и водъ, и съ залеганіемъ и мѣстомъ нахождения всѣхъ минераловъ; отъ каждаго изъ всѣхъ этихъ веществъ, какъ здѣшнихъ, такъ и иностранныхъ, сколько ихъ можно было добыть, удѣлялъ имъ по одному экземпляру для ихъ собственной коллекціи, которая служить наглядною, необходимо-нужною и наилучшею минеральною бібліотекою; во время особыхъ, читанныхъ имъ по этой части лекцій проходилъ съ ними свое собственное собраніе штуфовъ, ясно и основательно указывалъ имъ настоящіе признаки каждой руды, съ тѣмъ, чтобы они могли составить себѣ о ней правильное понятіе и тѣмъ вѣрнѣе судить о ней. За тѣмъ я главнымъ образомъ прошелъ съ ними правильный практическій курсъ металлургіи, рационально и добросовѣстно преподавалъ имъ въ своей лабораторіи разложеніе, а гдѣ представлялась возможность, и соединеніе синтетическимъ путемъ, свойства металловъ, рудъ, камней, земель, солей, сѣрнистыхъ составовъ и подземныхъ водъ, взаимныя отношенія этихъ предметовъ между собою, въ особенности же по отношенію ихъ къ плавлению искусству, слѣдовательно и по степени ихъ годности или вреда при этомъ дѣлѣ, показывалъ все на практикѣ, заставлялъ ихъ и самихъ заниматься практическими работами и объяснялъ имъ, какъ они должны приниматься за основательное изслѣдованіе даннаго минеральнаго тѣла, а потомъ составлять объ этомъ дѣльный отчетъ и практическое заключеніе. Могу сказать по чистой совѣсти, что упомянутые студенты поняли все, какъ слѣдуетъ, тщательно записали показанные имъ опыты и полезныя замѣчанія, сообщенныя имъ во время слушанія химическаго курса и при разсмотрѣніи моего собранія штуфовъ, а потому, если будутъ прилежно повторять пройденное и усердно продолжать свои занятія, съ пользою могутъ быть употреблены въ своемъ отечествѣ, согласно Высочайшей Ея Величества воли, по горной части, при плавкѣ рудъ, въ особенности по части серебряныхъ рудниковъ, для распознаванія и отыскиванія драгоценныхъ камней, приготовленія разныхъ красильныхъ, полировальныхъ, шлифовальныхъ и валяльныхъ составовъ, для производства стекляныхъ издѣлій и изслѣдованія минеральныхъ водъ и разсоловъ. Смѣлю могу также увѣрить, что съ одной стороны имъ необходимо, для большаго усовершенствованія себя въ усвоенной ими наукѣ и для пріобрѣтенія другихъ, относящихся сюда предметовъ, которыя однакоже въ большомъ объемѣ могутъ

Быть добыты не столько здѣсь, сколько въ другихъ мѣстахъ, а съ другой стороны оказанные ими успѣхи заслуживаютъ и стоютъ того, чтобы для нихъ испрошено было Высочайшее соизволеніе и имъ даны были средства не только посѣтить курфиршеско-саксонскіе обергебиргскіе, шнебергскіе, аннебергскіе и пр. кобальтовые, оловянные, желѣзные, мѣдные и серебряные рудники и тамошніе сѣрные, купоросные и мышьяковые заводы и фабрики для обработки ископаемыхъ веществъ, но и объѣхать главнѣйшіе рудники въ Германіи, напр. богемскіе, штирійскіе и идрійскіе, послѣдніе два въ особенности изъ-за киноварнаго, ртутнаго и стальнаго производства, за тѣмъ альзаскіе и лотарингскіе, особенно для смальтовыхъ фабрикъ, равнымъ образомъ пфальцскіе киноварные и гессенскіе мѣдные рудники, далѣе илменаускіе разработки мѣдистыхъ сланцовъ, мансгольдскіе и наконецъ извѣстные всему міру гарцскіе рудники, а мимоѣздомъ и другія мѣста. Путешествіе ихъ могло бы продолжаться около года, считая съ 1742 года (до этого времени имъ пришлось бы еще здѣсь позаняться кое-чѣмъ); но вслѣдствіе потребныхъ на это значительныхъ путевыхъ издержекъ имъ необходимо увеличить содержаніе противъ прежняго, а управленіе и веденіе хозяйства предоставить г. Райзеру. При этомъ и я съ своей стороны не преминулъ бы снабдить ихъ полезными вѣдѣніями и хорошими рекомендаціями къ имѣющимъ у меня вездѣ корреспондентамъ, а пока согласенъ еще упражнять ихъ здѣсь въ томъ или другомъ предметѣ, и въ продолженіе всей моей жизни, а въ особенности по требованію Академіи Наукъ въ Петербургѣ, всегда буду готовъ и радъ помочь имъ добрымъ совѣтомъ, изслѣдованіями, сообщеніемъ свѣдѣній, замѣчаній и мнѣній, въ которыхъ они со временемъ могли бы встрѣтить надобность по части металлургіи, рудокопнаго и плавильнаго дѣла. Препровождаю при семъ къ Вашему Превосходительству валовой денежный счетъ: подробные счета могутъ быть представлены впослѣдствіи, такъ какъ ихъ до отъѣзда студентовъ и за недостаткомъ нѣкоторыхъ росписокъ нельзя привести въ должный порядокъ. Могу однакоже увѣрить, что всѣ расходы зависѣли отъ меня, слѣдовательно деньги не истрачены по-напрасну, и что упомянутые студенты не могли жить еще бережливѣе; не говорю уже о страшной дороговизнѣ, продолжающейся теперь болѣе года. Позволяя себѣ покорнѣе просить Ваше Превосходительство распорядиться о потребныхъ еще на нихъ деньгахъ такимъ образомъ, чтобы онѣ могли быть здѣсь ко дню Архангела-Михаила, имѣю честь быть и. т. д.

Фрейбергъ, 7 Іюля 1741.

№ 120. Валовой отчет суммъ, полученныхъ и израсходованныхъ Генкелемъ на содержаніе русскихъ студентовъ, отъ 7 июля (26 июня) 1741 г. *)

1494 рейхст. 18 гр. получено по 3 векселямъ, согласно курсу и за вычетомъ комиссіонерскихъ расходовъ.

1461 рейхст. 3 гр. 5 д. издержано, а именно

250 рейхст. на ученіе маркшейдера, гвардейна и механика.

277   »   на г. Ломоносова.

473   »   10 гр. 7 д. на г. Виноградова.

457   »   14   »   2   » на г. Райзера.

За тѣмъ остается

---

33 рейхст. 14 гр. 7 д. наличными деньгами.

Сверхъ того еще слѣдуетъ уплатить за прежнее время :

62 рейхст. различнымъ лицамъ.

50   »   причитающихся еще маркшейдеру.

50   »   "   "   механику.

10   »   "   "   въ награду гиттенмейстеру, который прилежно обучалъ ихъ.

---

172 рейхст.

Потребуется еще на все время, которое они здѣсь пробудутъ:

40 рейхст. обжигателю серсбра.

60   »   на инструменты, книги и нѣсколько хорошихъ шуфовъ и

столько, сколько примѣрно до новаго года понадобится на ихъ содержаніе.

Кромѣ того они нуждаются каждый:

въ хорошей новой одеждѣ,

въ дорожномъ платьѣ, плащѣ, сапогахъ и т. д., въ рудничной одеждѣ, приблизительно въ 5 рейхст.; это имъ вездѣ будетъ необходимо при посѣщеніи рудниковъ, прежнее же платье совершенно изношено;

наконецъ еще потребуется отъ 6 до 8 рейхст. на поѣздку въ Дрезденъ, для осмотра тамошняго королевскаго минералогическаго кабинета и другихъ рѣдкостей.

И. Ф. Генкель.

Фрейбергъ, 7 июля 1741 г.

---

*) См. нѣм. подлинникъ на стр. 191 (№ 89).

№ 121. Письмо Генколя къ президенту Академіи. отъ 9 авг. (29 Юлія)
1741 г. *)

Въ дополненіе къ прошедшему письму моему отъ 30 іюня, при которомъ я имѣлъ честь прислать диссертациі 3-хъ (sic) г.г. студентовъ, представляю при семъ Императорской Академіи Наукъ денежные ихъ счеты; упоминаемыя въ этихъ счетахъ росписки, въ случаѣ надобности, также могутъ быть доставлены. Считаю вмѣстѣ съ тѣмъ долгомъ сообщить, что я не премину обучить г.г. студентовъ еще всему хорошему и побудить ихъ къ скорѣйшему по возможности возвращенію, имѣю честь быть и т. д.

Фрейбергъ, 9 авг. 1741 г.

№ 122. Общій счетъ приходу и расходу денегъ, полученныхъ Генкелемъ отъ Академіи на содержаніе трехъ студентовъ, отъ 13 (2) авг.
1741 г. **)

Приходъ.

Тал.	Гр.	Ден.	
520			наличными деньгами черезъ посредство г. Петри въ Дрезденѣ.
725	6		наличными деньгами изъ 600 руб. за вычетомъ комисс., согласно роспискѣ 2 мая 1740 г.
249	12		наличными деньгами изъ 200 руб., за вычетомъ комисс., согласно росп. 9 апр. 1741 г.
			Всего въ приходѣ 1494 тал. 18 гр.

Расходъ.

Тал.	Гр.	Ден.	
150			г. гвардейну Клоцшу, согл. росп.
50			г. маркшейдеру Бейеру, согл. росп.
50			г. Керну, согл. росп.
	17		за пересылку по почтѣ изъ Дрездена 520 талеровъ.
1	20		за пересылку изъ Лейпцига 725 тал. 6 гр. — по 6 гр. со ста.
	12		за пересылку изъ Лейпцига 200 руб.

*) См. нѣм. подлинникъ на стр. 192 (№ 90).

***) См. нѣм. подлинникъ на стр. 193 (№ 91).

Тал.	Гр.	Ден.	
	4		за посылку 2 пакетовъ чрезъ Виттенбергъ 7-го июля 1741 г.
278	2	8 г.	Ломоносову
487	19	4 г.	Виноградову
471	11	11 г.	Райзеру

} согласно счету.

Всего израсходовано 1489 тал. 14 гр. 11 ден.

За вычетомъ этихъ денегъ изъ поступившихъ въ приходъ 1494 тал. 18 гр.

остается налицо 5 тал. 3 гр. 1 д.

Въ полученіи этихъ 5 тал. 3 гр. 1 пф. симъ свидѣтельствуемъ

Г. У. Райзеръ.

Д. Виноградовъ.

Что гвардейнъ Клоццъ, по моей просьбѣ и во вниманіе къ обстоятельствамъ, изъ 150 талеровъ опять возвратилъ 18 тал. 18 гр. и удовольствовался 150 гульденами по мейсенскому счету, въ томъ удостовѣряетъ квитанція подъ знакомъ ○. Фрейбергъ, 13 августа 1741 г.

Юг. Фридр. Генкель.

№ 123. Счетъ деньгамъ, израсходованнымъ Генкелемъ съ 25 (14) июля 1739, на Ломоносова, отъ 5 авг. (25 июля) 1741 г.*)

	Тал.	Гр.	Ден.
наличными деньгами тотчасъ по приѣздѣ	10	—	—
за 3 блюда и 1 тарелку изъ олова	2	12	—
за вырѣзку на нихъ имени	—	1	6
шорнику за ремень	—	3	—
наличными деньгами	2	1	—
Августъ.			
наличными деньгами	10	—	—
за сукно съ прикладомъ на платье, согласно роспискѣ	36	—	—

*) Нѣмецкій подлинникъ, писанный рукою Генкеля, значится подъ заглавіемъ: Ausgabe vor Mons. Lomonosoffen von 25. July a. 1739 an.

	Тал.	Гр.	Ден.
портному за работу	3	12	—
за пуговицы, гарнитуръ и кушакъ, согласно росп.	2	16	—
Сентябрь.			
наличными деньгами	10	—	—
за 1/2 полѣнницы дровъ	2	5	—
за провозъ, указаніе куда ихъ везти, пошлину, переноску и рубку ихъ	1	15	6
заплатено при осмотрѣ штоленъ	1	2	—
за плизъ съ прикладомъ на киттель, согласно роспискѣ	2	18	—
портупейному мастеру, согласно роспискѣ	—	10	—
за шитье киттеля, согл. росп	—	12	—
за кусокъ кожи къ штанамъ, согл. росп.	—	14	—
шорнику, согл. росп.	—	3	—
за парикъ и другую работу, согл. росп	2	17	—
за 9 локтей холста на 2 рубашки, по 3 гр. каждый .	1	3	—
за шитье этихъ рубашекъ	—	5	—
за 9 локтей холста на двѣ рубашки, по 4 гр. за каждый	1	12	—
за шитье этихъ рубашекъ	—	6	—
Октябрь.			
наличными деньгами	10	—	—
за башмаки и туфли	2	18	—
за магнитъ	—	8	—
за корзину углей	—	14	—
за сочиненіе *) о пиратологіи, съ переплетомъ . . .	—	20	—
за стирку бѣлья, согл. росп	1	9	8
на поѣздку въ Дрезденъ	5	—	—
Ноябрь.			
наличными деньгами	10	—	—
за горный словарь, съ переплетомъ	—	9	—
Декабрь.			
наличными деньгами	—	—	—
за 1/2 полѣнницы дровъ	10	2	18

*) Генксля.

	Тал.	Гр.	Ден.
за провозъ ихъ.	—	21	—
пошлины	—	1	6
за указанія куда везти	—	4	—
за рубку.	—	7	—
за переноску и укладку	—	6	—
за пару толстыхъ шерстяныхъ чулокъ.	—	16	—
Январь 1740 г.			
наличными деньгами.	10	—	—
за пару сапоговъ, согл. росп	3	16	—
за стирку бѣлья, согл. росп	1	18	10
Февраль.			
наличными деньгами.	1	—	—
тоже	1	—	—
тоже.	1	—	—
тоже	1	—	—
за возъ дровъ	1	4	—
за распилку и переноску ихъ	—	3	6
за русскую Хронику	—	16	—
за возъ дровъ	1	3	—
за рубку и переноску ихъ	—	4	—
Мартъ.			
наличными деньгами.	3	—	—
за возъ дровъ, 21-го числа	1	3	—
за рубку и переноску ихъ.	—	4	—
Апрѣль.			
наличными деньгами.	3	—	—
тоже, 15-го числа	1	8	—
за пару башмаковъ.	1	—	—
за книгу о пробирномъ искусствѣ, съ переплетомъ. Flora saturnizans *).	—	4	6
за переплетъ ея.	—	3	—
за подшивки къ парѣ новыхъ шелковыхъ чулокъ. за 11 ¹ / ₄ локтей некатаннаго холста на 2 рубашки, по 7 ¹ / ₂ грош	—	5	—
	3	12	6

*) Генкелл.

	Тал.	Гр.	Ден.
за $\frac{5}{8}$ локтей батисту на манжетки къ нимъ	—	11	—
зв шитье этихъ двухъ хорошихъ рубашекъ	—	16	—
за поѣздку въ Брайнсдорфъ, и наводку	—	9	4
$1\frac{1}{4}$ полѣвницы хворосту	1	8	9
наличными деньгами, 28-го апрѣля	1	—	—
за стирку и пошивку пары шелковыхъ чулокъ	—	4	—
наличными деньгами, 28-го апрѣля	1	—	—
за поѣздку къ Гиммелсфрсту	—	2	11
за стирку бѣлья до 23-го апрѣля	1	6	—
заплачено повару Виземану, согл. росп.	19	12	8
за вѣсы и гири, согл. росп.	—	10	—
цирюльнику, согл. росп.	2	12	—
за чтеніе газетъ, согл. росп.	1	8	—
г-жѣ Зейсинъ за пиво и въ уплату взятыхъ имъ въ долгъ денегъ, согл. росп.	44	3	—
за починку сапоговъ	—	8	—
парикмахеру, согл. росп.	1	12	—
за пару шелковыхъ и пару шерстяныхъ чулокъ, согл. росп.	3	14	—
Май.			
наличными деньгами, 3-го числа	5	—	—
за стирку бѣлья съ 30-го апрѣля до 21-го мая	—	15	6
за пробирные вѣсы съ полнымъ приборомъ про- бирныхъ гирь, которые я далъ ему на подер- жаніе, но не получилъ отъ него обратно	10	—	—
повару остальныя деньги	2	8	—
за квартиру, согл. росп.	4	4	—
Всего . . .	277	2	8

Юг. Фридр. Генкель.

Фрейбергъ, 5 авг. 1741 г.

№ 124. Письмо академика Ломоносова къ Шумахеру, отъ 10 ноября 1741 г. *).

Я уже просмотрѣлъ всѣ каталоги минераловъ, составленные г. Ломоносовымъ, за исключеніемъ каталога янтарей, въ которомъ не нахожу нужнымъ дѣлать измѣненія, тѣмъ болѣе что онъ уже переписанъ на-чисто. Вы увидите, принадлежать-ли Академіи или нѣтъ таблицы г. Готвальда, которыя Вамъ посылаю при семъ. Имѣю честь быть и. т. д.

10 ноября 1741 г.

№ 125. Счетъ деньгамъ и книгамъ, отпущеннымъ Ломоносову изъ академич. книжной лавки, отъ 10 ноября 1741 и 8 марта 1742 г. **)

А.

Г. Ломоносовъ получилъ изъ книжной лавки:

1741 г. 7 авг. наличными деньгами въ счетъ жалованья . . .	15 руб.
4 сент. то же	10 »
15 окт. то же	6 »
	<hr/>
	31 руб.
да еще 2 ноября	10 »
	<hr/>
сведенъ счетъ 10 нояб. 1741 г.	41 руб.

Розенганъ.

В.

Послѣ 2 ноября 1741 года г. адъюнктъ Ломоносовъ получилъ изъ книжной лавки:

1741 г. 8 дек. наличными деньгами въ счетъ жало-		
ванья	20 руб.	коп.
1742 г. 20 янв. 1 планъ Москвы	25 »	
1 планъ Петербурга	25 »	
3 фев. 1 экз. стихотв. Галлера	10 »	
26 » налич. деньгами въ счетъ жало-		
ванья	15 »	»

Всего . . . . 35 руб. 60 коп.

С. Петерб., 8 март. 1742 г.

Иог. Христ. Розенганъ.

*) См. франц. подлинникъ на стр. 194 (№ 92).

**) См. нѣм. подлинникъ на стр. 194 (№ 93).

№ 126. ОБЩИЙ СЧЕТЪ ДЕНЕГАНЪ, НАЗНАЧЕННЫМЪ НА СОДЕРЖАНІЕ ФРЕЙ-
БЕРГСКИХЪ СТУДЕНТОВЪ, ОТЪ 10 НОЯБРЯ 1741 Г. *).

Приходъ.

1736 г. съ 4-го іюля на годъ получено изъ Штатсъ- Конторы	1200 руб.
1737 г. тоже	1200 »
1738 г. тоже	1200 »
1739 г. тоже	1200 »
1740 г. тоже	1200 »
1741 г. тоже	1200 »
<hr/>	
Всего	7200 руб.

Расходъ.

1736 г. іюля 15. Выдано студентамъ налич. день- гами	900 руб. — коп.
1737 г. сент. 10. Пославъ г. регир-ту Вольфу въ Марбургъ вексель въ	600 » — »
1738 г. мая 29. Туда-же вексель въ	300 » — »
— Тоже	550 » — »
окт. 12. Тоже	300 » — »
1739 г. іюля 29. По векселю черезъ тайн. сов. Зума	400 » — »
сент. 6. По векселю на Амстердамъ	1000 » — »
1740 г. марта 14. Повекселю регирунгсрату Воль- фу въ Марбургъ (въ уплату его ссуды)	332 » 80 »
По векселю берграту Генке- лю въ Фрейбергъ	600 » — »
Посольскому секретарю Пе- цольду половину гонорарія для берграта Генкеля	500 » — »
1741 г. По векселю въ Фрейбергъ 200 руб. и въ Марбургъ 100 руб.	300 » — »
іюня. Студенту Ломоносову при приѣздѣ сюда	50 » — »
Ему-же изъ доходовъ книжной лавки	41 » — »

*) См. нѣм. подлинникъ на стр. 195 (№ 94).

авг. 18. По векселю въ Фрейбергъ . . . . . 640 руб. — коп.
 За тѣмъ имъ по 4 іюля 1742 г. при-
 читается еще . . . . . 686 » 20 »
 Всего . . . 7200 руб. — коп.

10 ноября, 1741 г.

Гофманъ, контролеръ.

№ 127. Выписки изъ протоколовъ ученой Конференціи, отъ 1739
 и 1741 гг. *)

Засѣданіе 30 апрѣля 1739 г.

Присутствовали: презид. бар. Корфъ, юст. сов. Гольдбахъ, проф. Крафтъ, Винсгеймъ, Гейнсіусъ, Делиль, Штрубе-де-Пирмонъ, ректоръ Фишеръ, маг. Геллертъ.

Его Превосходительство предъявило двѣ статьи (specimina), присланныя учащимися въ Марбургъ, подъ руководствомъ г. регирунгсрата Вольфа, студентами Райзеромъ и Ломоносовымъ. Сочиненіе послѣдняго озаглавлено: *Dissertatio physica de corporum mixtorum differentia, quae in cohaesione corpusculorum consistit, quam Exercitii gratia conscripsit Michaël Lomonosoff, Matheseos et Philosophiae studiosus, Anno 1739, Mense Martio **)*; другое — *De solutione chymica Dissertatio, ubi operatio illa ad rationes physicas revocatur* (на 4 листахъ in 4°).

Обѣ диссертациі переданы были г. проф. Крафту для прочтенія и доставленія о нихъ его заключенія. Сочиненіе Ломоносова состояло также изъ 4½ листовъ.

Засѣданіе 3 мая 1739 г.

Г. проф. Крафтъ возвратилъ поступившія 30 апрѣля диссертациі учащихся въ Марбургъ подъ наблюденіемъ г. регирунгсрата Вольфа студентовъ Райзера и Ломоносова. Оба сочиненія безотлагательно переданы были г. проф. Эйлеру съ просьбою доставить ихъ, по прочтеніи, слѣдующимъ профессорамъ.

*) *Переводъ съ нѣмецкаго.*

**) *Надпись на рукописи Ломоносова, хранящейся въ архивѣ Конференціи: Legi Krafft d. 1 Maii 1739. Legi G. Weitbrecht d. 2 Maij. Legi L. Euler d. 4 May.*

Засѣданіе 24 августа 1741 г.

Присутствовали: юстиц. сов. Гольдбахъ, профессоры: Крафтъ, Винсгеймъ, Гейнсіусъ, Вейтбрехтъ, Леруа, Рихманъ и адъюнктъ Мула.

Слѣдующія девять диссертаций, представленныхъ Академіи тремя студентами и просмотрѣнными, на сколько время позволяло, г. юстиц. сов. Гольдбахомъ и прочими гг. профессорами, положено отдать на домъ выѣстѣ съ сочиненіемъ г. проф. Штрубе всѣмъ членамъ Академіи. Вслѣдствіе этого г. профессору Крафту переданы:

1) Григорія Теплова: Tentamen descriptionis et delineationis Ballotes cujusdam speciei perrarae cum iconibus quarundam plantarum etc. (Msct. in fol. 3 plag. cum 5 tab. 1741 mense Aug.)

2) Михайла Ломоносова: Commentatio de instrumento caustico catoptrico-dioptrico, delineata a M. Lomonosoff. Anno 1741, Mense Augusto. (MS. in fol. 4 pl. cum 2 tab. 1741 m. Aug.)

3) Его-же: Meditationes physico-chymicae de convenientia argenti et mercurii, principiis philosophiae etc. (MS. in 4°. 7³/₄ pl. cum 1 tab. 1741).

4) G. U. Raiseri, sterilis minerae stanni, germanice *Wolffram* dictae, examen chymicum (MS. in 4°. 3³/₄ pl.).

5) Его-же: Vom Freybergischen Schmelzen überhaupt und von der Roharbeit insbesondere (MS. in 4°. 5³/₄ pl.).

6) Его-же: Erklärung des Rizes von den Sätzen oder groszen Pumpen, die bey dem Berg-Bau üblich (MS. in 4°. 1¹/₂ pl. cum 1 tab.).

7) Demetr. Winogradoff, Chymische Untersuchung von der Blende, einer mineralischen Unart bey glantzigen Silber-Gängen (MS. in 4°. 3 pl.).

8) Его-же: Bericht vom Freybergischen Schmelz - Wesen, insonderheit von der Bley-Arbeit. (MS. in 4°. 5 pl.).

9) Его-же: Erklärung des Rizes vom overschlächtigen Rade bey Kunst-Gezeugen, so bey Berg-Gebäuden gebraucht werden. (MS. in 4°. 2¹/₂ pl. cum 1 tab.).

Засѣданіе 26 августа 1741 г.

Г. проф. Винсгеймъ объявлялъ, что 10 сочиненій, которыя 24 числа того-же мѣсяца отданы были г. проф. Крафту, на слѣдующій день переданы ему (Винсгейму), а имъ въ тотъ-же день отосланы всѣ г. проф. Вейтбрехту.

Засѣданіе 21 сентября 1741 г.

Г. проф. Вейтбрехтъ прочелъ присланную студентомъ Райзеромъ диссертацию на латинскомъ языкѣ: *Examen chymicum etc.*

Сверхъ того онъ читалъ написанную студентомъ Райзеромъ статью о фрейбергскихъ плавильняхъ вообще и о предварительной очисткѣ металловъ въ особенности. Но онъ дошелъ только до стр. 22.

Засѣданіе 9 октября 1741 г.

Г. проф. Вейтбрехтъ продолжалъ читать поступившую 24 августа статью студента Райзера о фрейбергскихъ плавильняхъ вообще и о предварительной очисткѣ металловъ въ особенности. Статья эта по прочтеніи сдана въ архивъ.

Его-же объясненіе чертежа о большихъ трубахъ читалъ канцеляристъ Тидеманъ.

Тидеманъ прочелъ также диссертацию студента Григ. Теплова: *Tentamen descriptionis et delineationis Ballotes cujusdam speciei pergrarae cum iconibus quarundam plantarum, speciminis loco profectuum suorum in re herbaria, illustri Academiae Scientiarum traditum d. 24 Aug.* На стр. 7-ой *) замѣченъ былъ неправильный смыслъ и на этомъ мѣстѣ прекращено чтеніе.

Засѣданіе 12 октября 1741 г.

Присутствовали: юстиц. сов. Гольдбахъ, профессора: Крафтъ, Винсгеймъ, Вейтбрехтъ, Рихманъ, Гейнсіусъ, Амманъ.

Г. проф. Крафтъ продолжалъ читать поступившую 24 августа и начатую чтеніемъ 9 октября текущаго года статью Мих. Ломоносова: *Commentatio de instrumento caustico catoptrico-dioptrico.* Онъ началъ читать съ стр. 7-ой, окончилъ всю статью и оставилъ ее въ архивѣ **).

Г. проф. Крафтъ прочиталъ также статью студ. Ломоносова: *Meditationes physico-chymicae de convenientia argenti et mercurii, principii etc.* Но онъ долженъ былъ остановить чтеніе на стр. 14-ой и статья эта, поступившая 24-го августа, оставлена въ архивѣ.

*) Здѣсь вѣроятно по ошибкѣ протоколиста не упомянуто заглавіе статьи Ломоносова, потому что на стран. 7 ея Рукописи отмѣчено карандашомъ: *Videtur hic aliquid deesse.*

***) Тамъ она до сихъ поръ хранится. Къ ней приложенъ особый листокъ, на которомъ рукою Миллера надписано:

V. Ampl. M. Lomonosovii *Commentatio de Instrumento Caustico catoptrico-dioptrico* A. 1741 *Academiae exhibita, iterum communicatur cum honoratissimis collegis, domi perlegenda. d. 4. Maii 1758. См. Примѣчанія.*

Засѣданіе 26 октября 1741 г.

Г. пр. Крафтъ продолжалъ читать поступившую 24 авг. статью (speciminis loco) студ. Мих. Ломоносова: *Meditationes physico-chymicae*. Онъ началъ съ стр. 14-ой и остановился на стр. 27-ой.

Засѣданіе 30 октября 1741 г.

Г. юстиц. сов. Гольдбахъ поручилъ заявить, что онъ не будетъ присутствовать въ Академіи, такъ какъ его требуютъ, но желаетъ, чтобы не смотря на это происходило обыкновенное засѣданіе и чтобы читаны были неразсмотрѣнные еще сочиненія. Вслѣдствіе этого проф. Крафтъ продолжалъ читать поступившую уже 24 августа текущаго года, статью (speciminis loco) студента Михаила Ломоносова: *Meditationes physico-chymicae*. Онъ началъ съ стр. 27-ой и прекратилъ чтеніе на концѣ 2-ой главы, стр. 45. Статья оставлена въ архивѣ.

Засѣданіе 2 ноября 1741 г.

Хотя въ засѣданіи собрались только вышеупомянутые три профессора — Вейтбрехтъ, Винсгеймъ и Леруа — но согласно требованію г. юстиціи совѣтника Гольдбаха проф. Вейтбрехтъ прочелъ изъ числа поступившихъ 24 августа сочиненій статью студ. Дмитрія Виноградова: *Chymische Untersuchung von der Blende, einer mineralischen Unart bei glanzigen Silbergängen*. По прочтеніи этой статьи, состоящей изъ трехъ листовъ, засѣданіе за недостаткомъ времени закрыто.

Засѣданіе 6 ноября 1741 г.

Г. проф. Крафтъ продолжалъ читать статью студ. Ломоносова: *Meditationes chymicae de convenientia argenti et mercurii*. Онъ началъ съ 3-ей главы и за недостаткомъ времени долженъ былъ прекратить чтеніе передъ самымъ окончаніемъ статьи.

Засѣданіе 11 ноября 1741 г.

Студентъ Ломоносовъ отъ имени тѣхъ, которые представили диссертациі, просилъ гг. членовъ Академіи благоволить высказать мнѣніе о ихъ сочиненіяхъ, дабы они положительнѣе могли разсчитывать на повышеніе своего содержанія.

Засѣданіе 13 ноября 1741 г.

Хотя г. юстиц. сов. Гольдбахъ по уважительнымъ причинамъ вынужденъ былъ изъ Конференціи отправиться на ту сторону, но

тѣмъ не менѣе г. проф. Крафтъ прочиталъ до конца присланную г. Ломоносовымъ 24 августа (speciminis loco) статью: *Meditationes physico-chymicae*, тѣмъ болѣе, что всего еще оставалось читать 1½ листа. Самая статья потомъ была оставлена въ архивѣ.

Засѣданіе 17 ноября 1741 г.

Г. совѣтникъ Шумахеръ снова наставлялъ (*urgirte*) на томъ, чтобы Конференція высказала свое мнѣніе на счетъ представленныхъ и читанныхъ диссертаций студентовъ Теплова и Ломоносова, такъ какъ это и для него и для студентовъ очень важно, чтобы сдѣлать за тѣмъ свои распоряженія (*um ihre Einrichtungen darnach zu machen*).

Засѣданіе 20 ноября 1741 г.

Присутствовали: юстиц. сов. Гольдбахъ, профессора: Крафтъ, Винсгеймъ, Гейнсіусъ, Леруа, Рихманъ.

Относительно диссертаций (*specimina*), представленныхъ студентами, постановлено было, чтобы тѣ, которые желаютъ получить свидѣтельства о своихъ успѣхахъ, явились къ экзамену, а живущіе за границею обратились бы за полученіемъ аттестатовъ къ тамошнимъ профессорамъ.

Засѣданіе 12 декабря 1741 г.

Хотя адъюнктъ Геллертъ просилъ о сообщеніи ему студентскихъ диссертаций, поступившихъ уже 24 августа, но просьба его еще не могла быть удовлетворена безъ согласія на то г. юстиціи сов. Гольдбаха, къ которому онъ и имѣетъ обратиться по этому предмету.

Засѣданіе 16 декабря 1741 г.

Съ согласія г. юстиц. сов. Гольдбаха адъюнкту М. Геллерту переданы были изъ числа студентскихъ диссертаций, поступившихъ 24 августа:

- 1) Райзера: *Vom Freybergischen Schmelzen* и проч.
- 2) Его-же: *Sterilis mineralis stanni... examen chymicum*.

Засѣданіе 17 декабря 1741 г.

Сверхъ вчерашнихъ статей адъюнкту Геллерту передано было еще:

- 1) Д. Виноградова: *Bericht vom Freybergischen Schmelzwesen...*
- 2) Его же: *Chymische Untersuchung...*

№ 128. Прошеніе Ломоносова въ Канцелярію объ опредѣленіи его при Академіи Наукъ, отъ гонв. 1742 г. *)

Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Елисаветъ Петровна Самодержица Всероссійская Государыня Всемилостивѣйшая.

Бьетъ челомъ Академіи Наукъ студентъ Михайло Ломоносовъ, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты:

1.

Въ прошломъ 1736 году указомъ Ея Величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Великія Гос-ни Импер-цы Анны Іоанновны даннымъ изъ Высокаго Кабинета, повелѣно было мнѣ нижайшему ѣхать въ Германію въ городъ Фрейбергъ для наученія Металлургіи; а по опредѣленію Академіи Наукъ посланъ былъ я нижайшій въ Марбургской университетъ для наученія Математики и Философіи съ такимъ обнадеженіемъ, что ежели я нижайшій мнѣ указанныя науки приму, то опредѣлятъ меня нижайшаго здѣсь экстраординарнымъ профессоромъ также и впредь по достоинству производить. *Къ сему*

2.

Во оныхъ городахъ будучи я чрезъ полпята года не токмо указанныя мнѣ науки принялъ, но въ физикѣ, химіи и натуральной исторіи горныхъ дѣлъ такъ произошолъ, что онымъ другихъ учить и къ тому принадлежащія погѣзныя книги съ новыми инвенціями писать могу, въ чемъ я Академіи Наукъ специмены моего сочиненія, и притомъ отъ тамошнихъ Профессоровъ свидѣтельства въ іюлѣ мѣсяцѣ прошедшаго 1741 году съ докладомъ подалъ. *прошенію Студента*

3.

И хотя я Академію Наукъ многократно о опредѣленіи моемъ просилъ, однако оная на мое прошеніе никакого рѣшенія не учинила и я въ такомъ оставленіи будучи принужденъ быть въ пачахъ и огорченіи. *Михайло*

И дабы указомъ Вашего И. В.—а повелѣно было сіе мое прошеніе принять и меня нижайшаго тѣмъ чиномъ пожаловать, кото-

*) Подлинное прошеніе писано на гербовой бумагѣ («1739 1 ко», т. е. копія) и сохранилось между Канцелярскими бумагами 1739 г. Слова: къ сему прошенію и проч., напечатанныя выше курсивомъ, писаны собственною рукою Лом-ва. Число не выставлено.

раго Императорская Академія Наукъ по моимъ наукамъ меня удостоить, въ которомъ чину я низжайшій отечеству полезень быть и Вашему Величеству вѣрно и ревностно служить не премину. *Ломоносовъ*

Всемилоствѣйшая Государыня Императрица прошу Вашего И. В.—а о семъ моемъ прошеніи всемилоствѣйшее рѣшеніе учинить. Генваря дня 1742 году. *руку приложилъ.*

Резолюція *).

Понеже сей проситель студентъ Михайло Ломоносовъ спеціальною своей науки еще въ іюль мѣсяцѣ прошлаго 1741 году въ Конференцію подалъ, которой отъ всѣхъ профессоровъ оной Конференціи такъ апробованъ, что сей спещиментъ и въ печать произвести можно; къ тому жъ покойной профессоръ Амманъ ево Ломоносова Канцеляріи рекомендовалъ; къ тому жъ оной Ломоносовъ въ переводахъ съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ на руссійской языкъ довольно трудился, а жалованья и мѣста по нынѣ ему не опредѣлено; то до дальнаго указа изъ Пр. Сената, и нарочнаго Академіи опредѣленія, быть ему Ломоносову Адъюнктомъ Физическаго класса. А жалованья опредѣляется ему сего 1742 года генваря съ 1 числа по 360 рублевъ на годъ, счисляя въ то число квартиру, дрова и свѣчи, о чемъ заготовить опредѣленіе, а къ камисару указъ. Генваря 8 дня 1742 году. Шумахеръ. **)

№ 129. Изъ прошенія Ломоносова объ опредѣленіи его профессоромъ при Академіи, отъ апр. 1745 г. ***)

Всепреслѣтлѣйшая Державнѣйшая Всемилоствѣйшая Государыня Императрица Елисаветъ Петровна Самодержица Всероссійская Государыня Всемилоствѣйшая.

Бьетъ челомъ Академіи Наукъ Адъюнктъ Михайло Ломоносовъ, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты:

1. Прошедшаго 1736 года указомъ Ея И. В.—а блаженныя и вѣчно достойныя памяти Гдрни Императрицы Анны Іоанновны даннымъ изъ Высокаго Кабинета и по опредѣленію Академіи по-

*) *Рукою Волчкова.*

***) *Собственноручная подпись.*

****) *См. Матеріалы изд. II. Биллярскимъ, стр. 61 и 62.*

сланъ былъ я нижайшій въ Германію въ города Марбургъ и Фрейбергъ для наученія Физики, Хѣміи и горныхъ дѣлъ съ такимъ обѣщаніемъ, что ежели я указаннымъ мнѣ наукамъ обучусь, и о томъ подамъ свидѣтельства и специмины, то по моемъ возвращеніи опредѣлить меня нижайшаго Профессоромъ. Въ которыхъ городахъ бывши я чрезъ полпята года указаннымъ мнѣ наукамъ обучился и сверхъ того въ Математикѣ и въ другихъ полезныхъ наукахъ довольное основаніе положилъ.

2. А минувшаго 1741 года ордеромъ присланнымъ изъ Академіи Наукъ призванъ я нижайшій изъ Германіи возвратно, и по прїѣздѣ моемъ подавъ въ оную Академію свидѣтельство и специминъ о моей наукѣ, которые отъ всѣхъ Профессоровъ апробованы; а потому я нижайшій опредѣленъ при той же Академіи Адъюнктомъ Физическаго класса до указа изъ Правительствующаго Сената и до нарочнаго Академіи Наукъ опредѣленія...

№ 130. Выписка изъ дѣлъ о фрейбергскихъ студентахъ, отъ 7 окт. 1745 и 3 февр. 1746 г. *)

1736 года марта 7 дня Императорская Академія Н. тогдашнему Императорскому Кабинету докладомъ представляла, что ежели нѣсколько молодыхъ людей послать въ Фрейбергъ къ горныхъ дѣламъ физику Генкелю для обученія металлургіи; то можно туда послать Густава Ульриха Райзера, Дмитрія Виноградова и Михайлу Ломоносова. На содержаніе ихъ въ каждой годъ потребно 1200 рублей, и потому на каждого по 400 рублей, а именно 250 р. на кушанье, платье, книги и инструменты, да 150 р. на проѣздъ въ разныя мѣста и въ награжденіе учителямъ и проч. И хотя у нихъ изъ сей суммы въ Фрейбергѣ по нѣсколько рублей останутся, однакожъ достальныя оныя деньги пригодятся имъ на проѣздъ ихъ въ Голландію, Анг-

---

*) Нѣмецкій текстъ этой выписки напечатанъ въ 1 части Сборника подъ № 95 (стр. 196—200), съ черновой. Въ Канцелярскихъ же Дѣлахъ 1746 г. (Томъ 100) находится друиой списокъ, переписанный набѣло (съ русскимъ переводомъ Лебедева), съ подписью архивариуса Паули. Этотъ переводъ Лебедева напечатанъ уже в. Биллярскимъ (стр. 1—8 и 79) съ небольшимъ пропускомъ. Мы вновь печатаемъ его здѣсь цѣликомъ, чтобы дать возможность сравнить означенную выписку съ подобными же, сдѣланными до того времени Шумахеромъ (См. Примѣчанія). Къ этому нужно прибавить, что выписка сдѣлана не послѣ подачи Ломоносовымъ прошенія въ Канцелярію, 13 февр. 1746 г. (см. № 131, стр. 365), но гораздо раньше, т. е. 7 окт. 1745 г. (см. Ч. I, стр. 200) и 3 февр. 1746.

лію и Францію, куда имъ необходимо ѣхать должно для смотрѣнія славнѣйшихъ тамъ лабораторій химическихъ.

На сіе изъ Высокаго Кабинета за подписаніемъ бывшихъ тогда кабинетныхъ министровъ въ томъ же 1736 году марта 13 дня получена резолюція, чтобъ назначенныхъ къ тому трехъ студентовъ для обученія металлургіи послать въ Фрейбергъ къ физику горныхъ дѣлъ Генкелю, на содержаніе ихъ по 1200 рублей въ Академію отпускать, и изъ сей суммы по разсмотрѣнію Академіи опредѣлить имъ годовое жалованье, а что останется изъ сей суммы, то оныя достальныя деньги удерживать въ академической казнѣ, а когда сіи студенты обучатся въ Фрейбергѣ металлургіи и за потребно усмотрѣно будетъ послать ихъ для большаго совершенства и искусства въ сихъ наукахъ въ Англію, Голландію и Францію осмотрѣть тамъ славнѣйшихъ химическихъ лабораторій, то тогда на тамошнее ихъ пребываніе и на возвратной пріѣздъ въ Россію изъ помянутыхъ остальныхъ денегъ по разсмотрѣнію отпустить потребное число денегъ.

Въ 1736 году августа 18 дня трое студентовъ Райзеръ, Виноградовъ и Ломоносовъ по резолюціи Академіи Наукъ съ данною имъ инструкціею посланы отсюда въ Марбургъ, каждому изъ нихъ на содержаніе ихъ опредѣлено по 300 рублей въ годъ, которыя денги кромѣ содержанія употреблять имъ и на проѣздъ и на другіе потребные расходы. Остальные 300 рублей удержать въ казнѣ на заплату въ потребномъ случаѣ чрезвычайныхъ расходовъ и проѣздныхъ денегъ, ежели они поѣдутъ дагѣ въ Голландію, Англію и Францію.

Въ 1739 году марта дня по резолюціи за подписаніемъ бывшаго тогда президента гдна камергера бар. Корфа опредѣлено, чтобъ имъ на содержаніе ихъ въ Фрейбергѣ впредь отпускать на годъ каждому не болѣе 150 р., и оныя деньги не къ нимъ самимъ, но къ г. горныхъ дѣлъ физику Генкелю посылать на заплату изъ того за кушанье, квартиру, дрова, свѣчи и другіе потребные расходы. Однакожъ Ак—я Н. награжденіе учителямъ особливо платить будетъ.

Кредитъ.

1736 года іюня 15 дня по промеморіи изъ Штатсъ-Конторы	
	отъ 4 іюня 1736 года по тоже число Рубл.
	1737 года принято на нихъ..... 1200
1737 » августа 31 дня оттудажъ	1200

		Руб.
1738	года сентября 18 дня оттудажъ	1200
1739	» іюля 16 дня оттудажъ	1200
1740	» сентября 26 дня оттудажъ	1200
1741	» іюня 29 дня оттудажъ	1200
1742	» іюля 5 дня оттудажъ	1200
1744	» іюня 22 дня оттудажъ	1200
<hr/>		
и того..		9600 р.

Дебетъ.

		Руб.	К.
1736	іюля 15 студентамъ при отправленіи ихъ выдано каждому по 300 рублей...	900	
1737	сент. 16 чрезъ вексель къ г. совѣтнику правительства Вольфу на нихъ.....	600	
1738	маія 29 чрезъ вексель къ г. совѣтн. прав. Вольфу въ Марбургъ на 550 р., изъ которыхъ имъ.....	300	
	достальные 250 р. г. сов. прав. Вольфу въ награжденіе*)....		
окт. 12	чрезъ вексель въ Марбургъ.....	300	
[1739 **)	вексель г-ну регарунграту Вольфу чрезъ амстердамскихъ купцовъ Аудеркерковъ, для уплаты долговъ студентовъ 4162 р.]		
1739	іюля 29 по векселю чрезъ г. тайнаго совѣтника Зума въ Фрейбергъ.....	400	
«	сент. 6 по векселю къ купцамъ Аудеркеркамъ въ Амстердамъ, заплачено въ Фрейбергѣ ***).....	1000	
1740	марта 14 по векселю въ Марбургъ къ г. совѣтн. правит. Вольфу истраченные имъ 416 рейхсталеровъ, считая каждый по 80 коп.....	332	80
»	» » по векселю къ физику горныхъ дѣлъ Генкелю.	600	
	къ г. секретарю посольства Пецольду половина награжденія горныхъ дѣлъ физику Генкелю.....	500	

*) Т. е. пенсїи.

**) Эта статья встрѣчается только въ нѣмецкой черновой 1745 года. См.

Примѣчанія.

***) Въ Марбургѣ. См. Примѣчанія.

		Руб.	К.
1741 февр. 24	по векселю въ Фрейбергъ къ г. горныхъ дѣлъ физику Генкелю на Райзера и Виноградова	200	
» » 24	такоежъ къ г. Ломоносову въ Марбургъ	100	
» авг. 18	по векселю въ Фрейбергъ на Райзера и Виноградова 800 рейхсталеровъ, изъ суммъ книжной лавки*)	640	
1742 юля 14	по векселю въ Фрейбергъ на провѣздѣ Райзеру и Виноградову 300 рейхсталеровъ	249	
	И того**). . .	6121	80
	и по тому осталось еще въ казнѣ . . .	3478	20
	И того . . .	9600	

Изъ вышепоказанныхъ денегъ г. профессоръ Ломоносовъ въ бытность его въ Марбургѣ и Фрейбергѣ получилъ, а именно

1736 юля 15 дня при отправленіи здѣсь въ С.-П-бургѣ	300 рбл.		
1737 изъ пересланнымъ къ гдну совѣтнику правитель-ства Вольфу по векселю 600 рублей	200	»	
1738 въ два раза по векселю	200	»	
1739 по присланному августа отъ 1 числа 1739 года отъ г. совѣтн. прав. Вольфа счету на 1893 рейхсталера 85 крейцеровъ по 75 коп. за рейхсталеръ на его долю	456	»	68 к.
1740 Изъ посланныхъ по векселю 332 рублей 80 коп. за истраченные гдномъ сов. прав. Вольфомъ 416 рейхсталеровъ по 80 коп. рейхсталеръ на его долю	110	»	93½ »
1741 По присланному гдна горныхъ дѣлъ физика Генкеля отъ 9 августа 1741 года счету съ гвардейномъ въ 427 рейхсталеровъ 2 гроша 8 пениковъ, по 75 коп.	245	»	53 »

*) Слова: изъ суммъ книжной лавки пропущены въ спискѣ 1746 года.

***) По черновому (нѣмецкому) списку 1745 года: И того 7288 р. 80 к.
И по тому остается еще въ кассѣ . . . 2316 » 20 »

Итого 9600 р.

24 февраля по векселю въ Марбургъ . . . . . 100 р. — к.

Изъ посланныхъ къ г-ну горныхъ дѣлгъ физику Генкелю въ награжденіе 500 рублей на его долю придеть . . . . . 166 » 66*)»

Итого . . . . . 1779 р. 81 к.

1741 іюня 8 дня онъ г. профессоръ Ломоносовъ пріѣхалъ сюда назадъ изъ Марбурга, и сверхъ вышепоказаннаго числа денегъ получилъ еще деньгами изъ казны . . . . . 50 » »

» ноября 10 дня изъ книжной лавки . . . . . 41 » »

Итого съ прежними . . . . . 1870 р. 81 к.

Въ 1742 году генваря 28 дня г. Ломоносовъ по резолюціи Академіи Наукъ впредь до указа Правлаго Сената и по академической резолюціи сдѣланъ адъюнктомъ съ жалованьемъ по 360 рублей въ годъ, включая въ то число дрова, свѣчи и квартиру съ генваря 1 числа 1742 года.

По вышесказанному счету получилъ онъ . . . . . 1870 р. 81 к. и ежели ему по 1 число генваря 1742 года давать надлежало по 300 р. въ годъ, считая съ 4 іюня 1736 года, то придеть ему жалованья за 5 лѣтъ 6 мѣсяцовъ и 26 дней . . . . . 1671 » 66½ »

И по тому онъ лишку забралъ 199 р. 14¼ к.

8 февр. 1746 г.

Актуаріусъ Ф. Г. Павли.

№ 131. Прошеніе проф. Ломоносова о выдачѣ ему денегъ, не добавныхъ въ бытность его за границей, отъ 13 февр. 1746 г.**)

Въ Канцелярію А. Н. доноситъ тойже Академіи профессоръ Михайло Ломоносовъ, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты.

1.

По высочайшему Ея И. Вел. блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны указу изъ Высокаго Кабинета при посылкѣ моей въ Германію для наученія химіи и горныхъ дѣлгъ опредѣлено

*) По немецкому списку: 66½.

**) *Надпись Волчкова*: Подано въ Канцел. Акад. Наукъ февраля 15 дня 1746 году. № 108. Выписавъ доложить.

было мнѣ жалованья по четыреста рублей въ годъ и посему надлежало мнѣ послѣ моего отъѣзду изъ Россіи мая съ 15 дня 1736 года до возвращенія и опредѣленія моего въ адъюнкты по 1 числу января 1742 году выдать всего двѣ тысячи сто восемьдесятъ пять рублей двадцать копѣекъ съ половиною, однако получилъ я всего тысячу восемь сотъ девяносто четыре рубля восемьдесятъ одну копейку, а именно здѣсь передъ отъѣздомъ моимъ триста рублей, въ Германіи въ разныхъ временахъ и мѣстахъ тысячу четыреста семдесятъ девять рублей восемьдесятъ одну копѣйку, считая въ томъ числѣ награжденіе учителямъ, да здѣсь по пріѣздѣ изъ Германіи до опредѣленія въ адъюнкты сто пятнадцать рублей, а посему остается еще въ недодачѣ двѣсти девяносто рублей тритцать девять копѣекъ съ половиною.

2.

И хотя Канцелярія Акад. Н. опредѣлила выдавать въ бытность мою въ Германіи по триста рублей въ годъ, а по сту рублей удерживать въ казнѣ на мое содержаніе въ Голандіи, Франціи и Англіи; однако въ помянутыя земли посланъ я не былъ, а опредѣленные триста рублей въ годъ на оное содержаніе въ Германіи не могли быть довольны, для того что за позною пересылкою денегъ изъ Канцеляріи Ак. Н. принужденъ я былъ по большей части жить въ долгъ и такъ за вещи до моего ученія и содержанія потребныя платить много больше нежели когдабъ я оныя покупалъ за наличныя деньги, отчего имѣю я и по нынѣ въ Германіи не заплаченные долги, о которыхъ по возвращеніи моемъ въ Россію въ Канцеляріи А. Н. я объявлялъ, а нынѣ оныя доказать могу.

3.

И хотя бъ такихъ долговъ на мнѣ въ Германіи и не имѣлось, однако всю опредѣленную сумму на мое содержаніе и обученіе мнѣ выдать надлежитъ, по примѣру всѣхъ посылающихся для обученія въ чужіе государства, которымъ даются деньги всѣ сполна напередъ, не требуя отъ нихъ никакого щоту. Сверхъ сего опредѣленная на меня сумма не вотще, но къ подлинной пользѣ и чести государственной употреблена, что доказываетъ законное мое произведеніе въ адъюнкты и профессоры.

Того ради Канцелярію А. Н. покорно прошу помянутую недодачу двѣсти девяносто рублей тритцать девять копѣекъ съ половиною приказать выдать мнѣ для платежа помянутыхъ моихъ долговъ въ Германіи; ибо Канцелярія А. Н. опредѣленную сумму на мое содержаніе по четыреста рублей въ годъ изъ Статсъ-Канторъ по вся-

кой годъ напередъ получала. *Февраля 13 дня 1746 году. Химию Профессоръ Михайло Ломоносовъ **).

№ 132. Резолюція академической Канцеляріи, отъ 25 февр., на прошеніе Ломоносова отъ 13 февр. 1746 г.**)

По указу Ея Императорскаго Величества Канцелярія Академіи Наукъ слушавъ учиненной выписки по доношенію оной же Академіи профессора Ломоносова, въ которой показано:

Въ прошломъ 1736 году марта 7 дня бывшему Кабинету***) докладомъ отъ Академіи представлено было, чтобы изъ молодыхъ людей послать въ Фрейбергъ для обученія металлургіи къ бергфизіку Генкелю трехъ человекъ: Райзера, Виноградова и Ломоносова, на которыхъ требована суммою по 1000 по 200 рублей на годъ, а на каждого по 400 рублей; изъ которыхъ расположено ва трактиръ, книги и инструменты по 200 по 50 рублей, на проѣздъ въ разныя мѣста и въ награжденіе учителямъ по 100 по 50 рублей, и того по четыреста рублей. А по резолюціи бывшаго Кабинета марта 13 числа тогожь 1736 году велѣно вышепомянутыхъ студентовъ послать для обученія металлургіи въ Фрейбергъ къ бергфизіку Генкелю и на оныхъ отпускать въ Академію по 1200 рублей въ годъ, а изъ оной суммы Академіи жалованье имъ производить по разсмотрѣнію, а что изъ оной оставаться будетъ, то удерживать при Академіи на проѣздъ имже въ Англію, въ Голандію и во Францію для смотрѣнія славныхъ химическихъ лабораторій, и тогожь 1736 году августа 18 дня по резолюціи Академіи Наукъ съ данною имъ инструкціею посланы изъ Академіи въ Марбургъ съ опредѣленнымъ имъ жалованьемъ по 300 рублей въ годъ, изъ которыхъ употреблять имъ на проѣздъ и другіе потребные расходы, а достальные 300 рублей велѣно удержать на заплату для чрезвычайныхъ расходовъ, ежели они поѣдутъ въ Голандію, Англію и Францію, а оныя студенты были только въ Марбургъ, а въ Голандію, Англію и Францію изъ оныхъ ни одинъ не ѣздилъ. А въ Академіи Наукъ

*) *Рукою Лом-ва написаны только слова, напечатанныя курсивомъ въ заключеніи прошенія. Число (февраля 13 дня 1746 году) выставлено имъ на подписанномъ мѣстѣ.*

**) *Извлеченіе изъ этой резолюціи Шумахера напечатано у г. Билярскаго (стр. 79. 80). Здѣсь она приводится цѣликомъ (См. Примѣчанія).*

***) *Въ подлинникъ: бывши Кабинетъ.*

по справкѣ на вышепомянутыхъ студентовъ въ пріемѣ было изъ Государственной Статсъ - Конторы іюня съ 15 числа 1736 году 1744 іюня по 15 число 9600 рублей, въ то число упомянутому Ломоносову выдано, а именно 15 іюля 1736 году при отправленіи отсюда въ нѣмецкія земли 300 рублей, по вексямъ въ нѣмецкія земли послано къ нему въ 1737-мъ 200 р., въ 1738-мъ 200 р., въ 1739-мъ изъ посланныхъ къ тайному совѣтнику Вольфу 456 р. 68 коп., въ 1740-мъ изъ пересланныхъ къ нему Вольфу 110 рублей 93 коп., одна треть въ 1740-мъ изъ пересланныхъ къ бергфизіку Генкелю 245 р. 55 коп. послано къ нему Ломоносову на проѣздъ въ Марбургъ 100 р., за обученіе его упомянутому Генкелю 166 р. 66 $\frac{2}{3}$ к. Въ томъ же году отъ камисара Камера по пріѣздѣ его здѣсь выдано изъ казны 50 р. и того 1829 р. 81 к., и ежели окладъ ему Ломоносову счислять по 400 р. въ годъ, то имѣетъ быть съ принятія тѣхъ денегъ іюня съ 15 числа 1736 году по возвращеніи его сюда и по опредѣленію въ адъюнкты по 1742 годъ двѣ тысячи двѣсти семнадцать рублей девяносто одна копѣйка съ половиною. А за выключеніемъ вышепомянутой изъ сего употребленной на него суммы осталось въ додачѣ триста восемьдесятъ восемь рублей десять копеекъ двѣ трети, въ которое число забралъ онъ изъ книжной лавки книгами потребными къ его наукѣ до 300 рублей,

приказали:

Понеже хотя онъ Ломоносовъ во Францію, въ Англію и Голандію не ѣздилъ, однако въ оной нѣмецкой землѣ будучи многіе бергъ-верки и горные заводы видѣлъ и тамо чрезъ немалое бытіе отиѣнное искусство получилъ, что не только отъ Академіи Наукъ въ адъюнкты, но по имянному Ея И. Величества прошлаго 1745 году указу профессоромъ химіи всемілостивѣйше пожалованъ, за такіе реченнаго Ломоносова предъ прочими товарищи его ревностные труды и особливую его предъ ними къ пользѣ государственной дѣйствительно полученную науку и за разные въ бытность здѣсь въ Россіи къ пользѣ и чести Академіи оказанныя услуги, означенную, въ бытность его въ Марбургѣ и въ другихъ нѣмецкихъ городахъ для науки въ разные годы происшедшую, недодачу къ его жалованію 388 р. 10 $\frac{1}{2}$ к. выдать изъ книжной лавки достальныя, что надлежитъ, книгами жъ записавъ въ расходъ съ роспискою и о томъ

въ тою лавку бухгалтеру Прейсеру дать указъ. Февраля 25 дня 1746 году. Подлинное за подписаніемъ совѣтника г. Шумахера, за скрѣпкою секретаря Сергѣя Волчкова.

№ 133. Изъ письма Ломоносова къ Н. Н. Шувалову, отъ 10 мая 1753 года. *)

Милостивое Вашего Превосходительства меня письмомъ напоминеніе увѣряетъ къ великой моей радости о непремѣнномъ Вашемъ ко мнѣ снисхожденію, которое я чрезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями почитаю. Высочайшая щедрота несравненныхъ Монархини нашей, которую я Вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Не примите Ваше Превосходительство мнѣ въ самохвалство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спаскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашніи лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны отецъ никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужія расхищать. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, не льзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ на денежку хлѣба, и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны иишутъ, что зная моего отца достатки, хорошіе тамошніи люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришолъ латинѣ учиться! Послѣ того вскорѣ взять я въ Санктпетербургъ и посланъ за море и жалованье получалъ противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвратило; но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣлы имѣютъ...

*) Въ первый разъ напечатано въ Полн. Собр. сочин. М. В. Лом-ва. Ч. I. Спб. 1784 г.

**№ 134. Автобиографическая записка Ломоносова, представленная
въ началѣ 1754 года въ Канцелярію Академіи.*)**

Коллежской Совѣтникъ и Профессоръ Михайло Васильевъ
сынъ Ломоносовъ.

1. Въ Московскихъ Спасскихъ школахъ записался 1731 года Генваря 15 числа. Жалованья въ шести нижнихъ школахъ по 3 копейки на день. А въ седмой 4 копейки на день.
2. 1736 Генваря съ перваго числа по указу Правительствующаго Сената взять въ СПб. А. Н. По сентябрь былъ Студентомъ при Академіи Наукъ. Жалованья денежнаго не происходило; но содержанъ былъ на Академическомъ кошгѣ.
3. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ того же года посланъ въ Германію по кабинетскому указу и тамъ обучался Физикѣ, Химіи и Горныхъ дѣлъ и пріѣхалъ обратно 1741 года въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Жалованья получалъ по 400 рублевъ въ годъ.
4. Въ адъюнкты произведенъ по апробаціи Профессорскаго Собранія и по опредѣленію Академической Канцеляріи 1742 года съ Генваря мѣсяца. Жалованья 360 р.
 НВ. Объ аттестатахъ профессорскихъ отнюдь не оставлять: для того что въ томъ состоитъ вся сила.
5. Въ Профессоры по аттестату жъ Профессорскаго Собранія, по опредѣленію Правительствующаго Сената и по Имянному ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указу 1745 Іюля 25 дня. Жалованья 660 и 860 рублевъ.
6. 1748 **)
7. Въ Коллежскіе Совѣтники пожалованъ Имяннымъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Указомъ за подписаніемъ Собственныя Ея В. руки, 1751 года Марта перваго числа. Жалованья 1200.

Отъ роду имѣеть сорокъ два года.

Мужеска полу дѣтей нѣтъ.

Пожалованныхъ къ Фабрикѣ имѣеть въ Копорскомъ уѣздѣ двѣсти одиннатцать душъ.

*) Число не выставлено. См. Ч. I. Введение, стр. XIII и ср. ниже № 143.

***) Пункта 6-го нѣтъ въ черновой запискѣ Лом-а, но на поляхъ между № 5 и 7 записано: «1748 годъ», который можетъ быть, относится къ цифрѣ «860» или къ наградѣ въ 2000 рублей, полученной Ломоносовымъ отъ Императрицы въ ноябрѣ 1748 года.

**№ 135. Изъ Слова о рожденіи металловъ отъ трясенія земли,
1757 года. *)**

... Изъ числа таковыхъ слоевъ, тѣ принадлежать больше къ сему моему дѣлу, которые состоятъ изъ песчанаго, или известнаго камня, также изъ шифера, горнаго угля и окаменѣлаго дѣрева, и руды разныхъ Металловъ въ себѣ скрываютъ. Таковыхъ слоевъ находятъ много въ горахъ Металлами обильныхъ. Въ Германіи славенъ предъ другими въ Гессенскомъ ландграфствѣ при Франкенбергѣ, которой мѣдь и серебро въ себѣ содержитъ. Тамъ случилось мнѣ не безъ удивленія видѣть, не токмо дерево, но и цѣлыя снопы окаменѣлыя, мѣдную и серебряную руду содержащія, такъ что въ нѣкоторыхъ колосахъ зѣрна чистымъ серебромъ обросли, на подобіе бити. . .

**№ 136. Изъ статьи Ломоносова о состояніи Академіи Наукъ прежде
новаго регламента, отъ апрѣля 1760 года. **)**

1) Съ начала Академіи наукъ отъ 1725 по 1733 г., ни единого Россійскаго студента при ней не было, которой бы лекціи у Профессоровъ слушалъ. А пріѣхавшіе изъ Москвы тогда 12 человекъ изъ Спасскихъ школъ лутчіе посланы въ Камчатскую экспедицію, и тамъ кромѣ Крашенинникова стали негодными, будучи безъ всякаго призрѣнія; оставшіеся въ Санктпетербургѣ, скитавшіеся нѣсколько времени въ бѣдности, для худаго содержанія опредѣлились по художествамъ и въ канцелярію ***).

2) Взяты изъ Москвы въ Академію изъ Сласскихъ школъ въ 1736 году 12 человекъ, изъ которыхъ Ломоносовъ и Виноградовъ посланы для науки за море. Оставшіеся принуждены были немалое время терпѣть крайнюю нужду и не имѣть долгое время въ наукахъ наставленія. Затѣмъ просили о томъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, и библиотекарю Шумахеру учиненъ былъ сильной выго-

*) Слово о рожденіи Металловъ отъ трясенія земли, на торжественный праздникъ Тезоименитства ... Елисаветы Петровны ... въ публичномъ Собраніи И. Академіи Н. Сентября 6 дня 1757 года говоренное ... М. Ломоносовымъ. Въ Спб. (in-4°). См. стр. 20.

**) Черновая статья о необходимости преобразованія Академіи находится въ известномъ Портфель Лом-ва. См. Матеріалы П. Биллярскаго, стр. 428 и 439. Ср. Очерк. Пассека, II, стр. 16

***) См. Примѣчанія.

воръ. Послѣ того лекціи начались студентамъ и деньги кормовыя въ маломъ числѣ выдавались. По окончаніи лекцій нѣкоторыя опредѣлены въ переводчики, прочіе остались студентами, и по большей части безъ призрѣнія и добраго смотрѣнія, будучи въ уничтоженіи, отъ унынія и отчаянія опустили въ подлость и тѣмъ потеряны. (Мы двое) Ломоносовъ и Виноградовъ съ третьимъ Рейзеромъ, опредѣлены были кабинетскимъ указомъ 1736 года Марта 18 дня, учиться за моремъ на суммѣ особой изъ статской канторы сверхъ академической. Однако Канцелярія академическая получивъ оную, употребила на другіе расходы; а оныя три студента принуждены были жить въ Санктпетербургѣ съ 19 Марта до половины Сентября мѣсяца, за тѣмъ что денегъ на дорогу долго ждали¹⁾. За моремъ будучи претерпѣвали великую нужду за удержкою жалованья, и живучи въ долгъ и беручи деньги въ процентъ великіе понесли убытки²⁾. Наконецъ, какъ они въ Фрейбергѣ горнымъ дѣламъ учились, и совѣтникъ Генкель не получилъ напередъ шести сотъ рублей обѣщанныхъ, половины своей за нихъ платы, также и имъ студентамъ весьма скудно деньги, и то чрезъ него Генкеля присылались, которые онъ у себя сталъ удерживать, и не надѣясь отъ Академіи себѣ награжденія, по прошествіи десяти *мѣсяцей*, при окончаніи химическаго курса совсѣмъ онымъ студентамъ отказалъ въ деньгахъ³⁾. Въ такихъ обстоятельствахъ принужденъ былъ Ломоносовъ искать случая въ Россію возвратиться и по прошенію онаго⁴⁾, а по ордеру Академіи президента фонъ Бреверна⁵⁾ въ С. Петербургъ пріѣхалъ. Оставшіе послѣ его товарищи близко три года не могли для долговъ въ отечество возвратиться, пока ихъ Горная Коллегія по представленію вице-президента Рейзера выкупила⁶⁾; хотя между тѣмъ въ Академіи сумма на троишь оныхъ студентовъ каждый годъ напередъ отпускалась. (И уже въ мою бытность здѣсь въ адъюнктахъ четыреста рублей на мою часть якобы для послыки мнѣ за море изъ статсъ-канторы принимались въ Академіи. Чудное дѣло! я былъ *въ одно время три года здѣсь и за моремъ вдругъ*⁷⁾).

1) Прибавлено на сторонѣ: и въ осень глухую на морѣ едва не потонули.

2) См. ниже стр. 381, прим. 4 и Примѣчанія.

3) Ср. выше стр. 323 и см. Примѣчанія.

4) См. его письмо отъ 16 ноябр. 1740 (стр. 336).

5) Отъ 28 февр. 1741 г.

6) Въ 1743 г. См. о всемъ этомъ Примѣчанія.

7) См. ниже стр. 382, прим. 4.

№ 137. Изъ «Первыхъ основаній металлургіи», изданныхъ Лом-виныъ въ 1763 году. *)

§ 2. Первой высокою металлъ есть золото... Въ здѣшней Императорской Академіи наукъ, въ Минеральной каморѣ, находится кусокъ самороднаго золота вѣсомъ 22 золотника...

§ 3. Второй высокою металлъ называется серебро... Въ Академической Минеральной каморѣ есть самороднаго чистаго золота (**)) кусъ вѣсомъ 7 фунтовъ. Самое чистое серебро имѣеть почти всегда въ себѣ не много золота...

§ 4. Лучшій металлъ изъ простыхъ есть мѣдь... Въ здѣшней Императорской Академіи наукъ въ Минеральной каморѣ находится самородной мѣди плита вѣсомъ близъ 20 фунтовъ...

§ 10. Висмутъ цвѣтомъ... на сурьму походить... Въ Саксоніи, недалеко отъ Фрейберга, находится въ землѣ чистъ, и безъ примѣшенія иныхъ минераловъ.

§ 12... А ртуть и въ самой жестокой морозъ застынуть не можетъ. (***)

§ 24... Недалече отъ Фрейберга въ рудокопной ямѣ, называемой Вознесеніе Христова, находится зинтеръ, которой на поверхности воды сѣдается такъ, какъ ледъ замерзаетъ...

§ 30. Въ здѣшней Императорской Академіи Наукъ въ Минеральной каморѣ находится съ черна сѣрватая квасцовая руда, которая въ одномъ фунтѣ гранъ золота содержитъ.

§ 42. Гѣры раздѣляются на пологія и крутыя, также на большія и малыя горки и бугры. Пологими горами называются, которыя въ верьхъ поднимаются помалу, такъ что безъ утружденія люди и всякой скотъ на нихъ всходитъ можетъ. Таковыя горы лежатъ въ Саксоніи около Фрейберга, кои на верстѣ и больше, едва съ башнями равняются...

§ 57. Не рѣдко бываетъ, что жилы какиимъ нибудь слѣснымъ случаемъ безъ нарочнаго исканія находятся... Такимъ ненарочнымъ приключеніемъ сыскано богатое Раммельсбергское горное мѣсто въ Германіи во время Нѣмецкаго Императора Оттона перьваго. Сей Государь будучи въ Гарцскихъ гѣсахъ, забавлялся не малое время

*) Первые основанія Металлургіи, или рудныхъ дѣлъ. Въ Спб.-ѣ. Печатаны при И. Акад. Наукъ 1763 года in-8°.

**)) Это описка или опечатка вмѣсто: серебра. См. Примѣчанія.

***)) Сіе писано въ 1742 году; посаѣ иначе оказалось. Прим. Лом-ва.

охотою... Оная гора и поныиѣ подѣ именемъ помянутаго егера Рамельсбергъ называется.

[стр. 223.] Прибавленіе (I): О вольномъ движеніи воздуха въ рудникахъ примѣченномъ, изъ перваго тома Новыхъ Комментаріевъ.*)

Когда въ Саксоніи въ Фрейбергскихъ заводахъ обучался я Химіи и рудному дѣлу; не однократно при осматриваніи рудниковъ случалось примѣтить движеніе воздуха, которое въ шахтахъ и штольняхъ въ самую тихую погоду безъ принужденія воздушными машинами простиралось, отъ чего употребительныя у рудокоповъ ночники и свѣчки погасали. Обстоятельствъ сего явленія тогда запримѣтить не было удобно: для того что простиралось мое вниманіе больше къ практикѣ, которая вездѣ была передъ глазами. Но какъ возвратясь въ Отечество, при сочиненіи сея книжицы (что было 1742 года) просматривалъ я разныхъ Авторовъ о рудныхъ дѣлахъ, и притомъ Георгія Агриколу; вышепомянутое движеніе воздуха нашомъ явственно описано. . .

§ 13. . . При устьяхъ рудниковъ въ Саксоніи въ жестокую 1739 и 40 года зиму, которая и тамъ была такъ холодна, какъ здѣсь стоятъ обыкновенныя добрыя зимы, видѣть мнѣ при опусканіи въ рудники и выходѣ случилось не однократно, что иней по сторонамъ не больше, какъ на аршинъ или на два въ шахтѣ простирался; а въ глубинѣ сажени на двѣ уже морозъ вышней нечувствителенъ.**)

Прибавленіе II.

§ 44 Въ Голландіи около Утрехта добываютъ турфъ въ мѣстахъ и слояхъ слѣдующаго состоянія . . .

§ 52. Въ примѣръ таковыхъ Флецовыхъ горъ, или легче сказать подошовъ къ руднымъ горамъ лежащихъ, предлагается здѣсь окрестной косогоръ Гарцскихъ рудныхъ горъ, что въ Графствѣ Гогенштейнскомъ при Илефельдѣ, Нейштатѣ и въ другихъ сосѣдственныхъ мѣстахъ. . . .

§ 71. Въ Фрейбергѣ найдены въ старинномъ нѣкоторомъ оставленномъ рудникѣ зарослыя въ камнѣ человѣческія кости, и при

*) *Novi Commentarii Imp. Academiae scientiarum. Tomus I ad annum 1747 et 1748, стр. 206. (Meditationes de caloris et frigoris causa).*

**) Въ «Словѣ о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ, предложенномъ 1753 года Ноября 26 дня Ломоносовъ также упоминаетъ (у Смирдина, II, 46) о «зиммахъ 1709 и 1740 года, которыя почти по всей Европѣ свирѣпствовали».

томъ рудокопные инструменты. Генкель о семъ издалъ въ печать въ своихъ сочиненіяхъ; и мнѣ слышать случилось отъ самовида сего дѣла, отъ тамошняго Маркшейдера, (горнаго межевщика) Бейера.

§ 75... Весьма глубокіе рудники, хотя не серебромъ или золотомъ; однако знатнымъ количествомъ свинцу и мѣди съ другими минералами къ труду привлекаютъ, такъ что въ Саксоніи при осматриваніи рудниковъ мнѣ въ гору опускаться случилось почти прямо въ низъ до сброса лѣстницъ, каждая по четыре сажени. Нѣже итти не допускала вода, потому что тогда одолѣла около семи лѣстницъ.

§ 76. Много достойныхъ вниманія дѣйствій производитъ въ рудникахъ натура; но рѣдко знаемыхъ учоному свѣту. Работники и хозяева прилѣжати своей корысти. Прилѣжкіе молодые люди, для ученія рудныхъ дѣлъ, вникаютъ больше въ производимыя работы, и не знаютъ, что къ изясненію Физической Географіи примѣчать должно; старые и знающіе силу не могутъ поднять труда, для обыкновеннаго осмотра.

§ 106. Проѣзжая неоднократно Гессенское Ландграфство, примѣтити мнѣ случилось между Касселемъ и Марбургомъ равное песчаное мѣсто, горизонтальное, луговое, кромѣ того, что занято не высокими горками или буграми, въ перпендикулѣ отъ 4 до 6 сажень, кои обросли мѣлкимъ, скуднымъ лѣскомъ, и то больше по подолу, при коемъ лежитъ великое множество мѣлкихъ, цѣлыхъ и ломаныхъ морскихъ раковинъ, въ вохрѣ соединенныхъ. Смотри на сіе мѣсто, и вспомянувъ многіе отиѣлые берега Бѣлаго моря и сѣвернаго Океана, когда они во время отлива наружу выходятъ; не могъ себѣ представить ничего подобнаго, какъ сіи двѣ части земной поверхности, въ разныхъ обстоятельствахъ, то есть одну въ морѣ, другую на возвышенной матерой землѣ лежащую. Тутъ бугры скудные прозябеніемъ, на песчановъ горизонтальномъ полѣ; тамъ голыя каменные луды на равнинѣ песчанаго дна морскаго. Здѣсь ржавою землею соединены въ подолѣ черепокожныя; тамъ держащіяся за обсохлую туру *) и за самой камень морскія раковины. Не указываетъ ли здѣсь сама натура, увѣряя о силахъ въ земномъ сердцѣ заключенныхъ, отъ коихъ зависятъ повышенія и пониженія наружности? не говоритъ ли она, что равнина, по которой нынѣ люди ѣздятъ, обращаются, ставятъ деревни и города, въ древнія времена было дно морское; хотя теперь отстоитъ отъ него около трехъ сотъ верстъ; и отдѣляется отъ него Гарцскими и другими горами?

*) Морская трава, или морская капуста. *Прим. Л.-ва.*

§ 143... По всему сему рассуждать должно, что едвали есть земля самая чистая и безъ примѣшанія гдѣ на свѣтѣ, кою Химки дѣвственницею называютъ, развѣ между глинами для фарфору употребляемыми, какова у насъ Гжелская, или еще Исетская, которой нигдѣ не видалъ я бѣлизною превосходнѣе.

§ 152. Сіе изъясненіе подаетъ немалое утѣшеніе людямъ, кои у насъ въ Россіи о збереженіи лѣсовъ весьма, и чутьли не излишно въ нѣкоихъ обстоятельствахъ попечительны; ибо въ рассужденіи недостатка въ дровахъ можно будетъ послѣдовать Голландцамъ, кои въ малой своей землицѣ, и то городами и деревнями весьма тѣсно застроенной, занятой многими поскотинами, кои по великому множеству скота и продаваемому во весь свѣтъ сыру и маслу представить можно; и притомъ изрѣзанной многими каналами и не лишенной садовъ и пашенъ, столь много промышляютъ и заготавливаютъ турфу, что не токмо сами довольствуются, но и развозятъ въ окрестныя зѣмли для продажи. Что турфъ есть въ Россіи, о томъ сомнѣваться не должно... Есть у насъ не хуже Голландскихъ луга, болота, топи, валежники оброслыя мхами, коихъ произведеніе и подъ ними не сомнительно...

§ 156. При семъ случаѣ не могу преминуть рассужденія, откуда янтарь принялъ свое начало...

№ 138. Записка Лом-ва о его участіи въ трудахъ Юнкера по соляному дѣлу, въ 1739 и 1741 годахъ. *)

Во время Турецкихъ и Крымскихъ походовъ, около 1737-го года, когда Его Сіятельство Генераль-Фельдмаршалъ Графъ Миннихъ

*) Эта статья, впервые напечатанная, въ 1829 г., Свиньиннымъ (Отеч. Зап., Ч. 37, стр. 166—168), написана Ломоносовымъ — хотя не собственной рукою его — въ концѣ 1763 г. или въ 1764, такъ какъ въ ней онъ указываетъ на Металлургію, вышедшую осенью 1763 г.

Фоліантъ, въ которой находится списокъ этой статьи (листы 187 и 188) нынѣ хранится въ русской библиотекѣ Академіи Наукъ и, уже въ 1827 г. былъ описанъ Свиньиннымъ (Отеч. Зап. Ч. 31, стр. 489—494). Самая статья не имѣетъ заглавія; на верху первой страницы только отмѣчено: Для извѣстія. Изъ этого можно заключить, что она была назначена къ представленію въ какое-нибудь Ведомство.

Съ этимъ извѣстіемъ находится въ связи «Докладъ Соляному Комиссаріатству», писанный собственной рукою Ломоносова и сохранившійся въ выше упомянутомъ фоліантѣ (лист. 118—119). Судя по слову и формѣ почерка этотъ отрывокъ черноваго доклада писанъ Лом-вымъ не въ 1764, а гораздо раньше. Этотъ

находился¹⁾ въ Украинскихъ мѣстахъ, тогда получилъ онъ имен-
ной указъ, что бы постарался осмотрѣть и поправить соляное дѣло
Украинскихъ городовъ: Бахмута и Тора²⁾. На что помянутой Гос-
подинъ Фельдмаршалъ употребилъ Профессора Академическаго
Юнкера, бывшаго тогда при немъ для содержанія журнала³⁾.
Оной Юнкеръ, осмотрѣвъ и описавъ оныя соляныя варницы и со-
стояніе ихъ, подалъ о томъ вѣдомость. Послѣ чего произведенъ
Гофкамерратомъ и посланъ въ Германію⁴⁾ осмотрѣть всѣ тамошніе
соляныя заводы, для пользы здѣшнихъ. Откуда онъ, въ 1739 году
возвращаясь, былъ въ Саксоніи въ городѣ Фрейбергѣ для руд-
ныхъ дѣлъ, гдѣ прилучились тогда Россійскіе студенты для науче-
нія Металлургіи, въ коихъ числѣ былъ Михайло Ломоносовъ.
Помянутой Юнкеръ употреблялъ его знаніе Россійскаго и Нѣмецка-
го языка и Химіи, поручая ему переводить съ Нѣмецкаго нуж-
ные репорты и экстракты о соляномъ дѣлѣ, для подавія въ Санкт-
петербургѣ по возвращеніи, при коемъ случаѣ Ломоносовъ много
въ четыре мѣсяца⁵⁾ отъ него пользовался въ знаніи солянаго
дѣла. А особливо, что онъ уже прежде того на поморскихъ со-
ловарняхъ у Бѣлаго моря бывалъ многократно для покупки соли
къ отцовскимъ рыбнымъ промысламъ, и имѣлъ уже довольное по-
нятіе о вываркѣ, которую послѣ съ прилѣжаніемъ и обстоятельно
въ Саксоніи высмотрѣлъ. Когда Ломоносовъ въ 1741 году въ
Россію возвратился, нашелъ здѣсь Юнкера въ полномъ упражненіи
о исполненіи солянаго дѣла въ Россіи⁶⁾; въ чемъ онъ съ реченнымъ
Ломоносовымъ имѣлъ по тому частое сношеніе, и сверхъ того
поручалъ переводить на Россійской языкъ всѣ свои извѣстія и
проекты о семъ важномъ дѣлѣ. Оныя его старанія его гдѣ нынѣ

---

*отрывокъ, по моему мнѣнію, сочиненъ не Ломоносовымъ, а бывшимъ академикомъ
Юнкеромъ, который въ 1741 г. поручилъ Ломоносову «переводить на Россійскій
языкъ всѣ свои извѣстія и проекты» о соляномъ дѣлѣ. Сохранились ли бумаги
бывшаго Солянаго Комиссаріата въ какомъ-либо изъ нашихъ государственныхъ
архивовъ? См. I Ч. Сборника, Введ., стр. XXVII.*

¹⁾ Въ подлинникѣ: находится. Весь текстъ Извѣстія мною сличенъ съ дошед-
шимъ до насъ спискомъ.

²⁾ Нынѣ Славенскъ, приписаной городокъ Слободско-Украинской губер-
нии къ Изюмскому уѣзду. Подъ симъ именемъ въ 1784 былъ онъ сдѣланъ
уѣзднымъ городомъ Екатеринославскаго Намѣстничества. Лежитъ при рѣкѣ
Торѣ, по имени коей прежде назывался Торъ. *Прим. Свиньина.*

а) См. I Часть Сборника, Введ., стр. XXVII.

б) Осенью 1737 г.

в) Ломоносовъ пріѣхалъ въ Фрейбергъ 25 (14) іюля 1739 г.

г) 9 февраля 1741 г. Юнкеръ выѣхалъ изъ Москвы стрѣлтно въ Украину, а
Лом-въ пріѣхалъ въ СПб-чь 8 іюня того же года.

находятся, неизвѣстно¹⁾); для того, что Юнкеръ, не дождавъ окончанія къ исполненію своихъ стараній, скончался²⁾). Послѣ того призванъ былъ въ Кабинетъ Ломоносовъ 1744 года, гдѣ ему покойный Баронъ Черкасовъ поручилъ пробовать разныхъ 10 солей Россійскихъ и сверхъ того Испанскую, для сравненія въ нихъ добротѣ, что онъ и учинилъ; и принято съ апробаціею³⁾). Изъ сего можно рассудить, каково имѣеть свѣдѣніе помянутой Ломоносовъ о соляномъ дѣлѣ, будучи дватцать лѣтъ Профессоромъ Химіи, и о соли издавъ въ публику ясныя понятія въ Словѣ о рожденіи металловъ и во второмъ прибавленіи къ Металлургіи.

Нижайшій докладъ и непредрассудительное мнѣніе Императорскому Соляному Коммиссаріату о соляныхъ дѣлахъ, что въ мѣстахъ между Днѣпромъ и Дономъ положенныхъ находятся, а особливо о обоихъ Императорскихъ заводахъ что въ Бахмутѣ и Торѣ.

Императорскому Коммиссаріату уже прежде сего давно, какъ всѣмъ зваемое дѣло нижайше предложено было, что на Ея Императорскаго Величества Провинціи между Днѣпромъ и Дономъ ради тамошней экономіи два милліона пудовъ соли надебно, которое число отъ большей части изъ другихъ близъ лежащихъ мѣстъ, то есть изъ Полши, Крыму и Кубанской Степи привозять, а самая меньшая и почти четвертая часть въ Императорскихъ Бахмутскихъ и Торскихъ заводахъ варять и продають.

И какъ чрезъ сіе немалая сумма наличныхъ денегъ въ Государства выходитъ, и къ незаплатѣ Императорскихъ пошлинъ, къ тайному непозволенному купечеству и къ введенію подложныхъ денегъ случай подало, и вообще Императорской казнѣ немалая утрата чинится; также очень часто и особливо во время войны⁴⁾ въ соли великая скудость бываетъ. Того ради по основательномъ изслѣдованіи и зрѣломъ рассужденіи о состояніи сего дѣла за мою должность признавъ, чтобы Императорскому Коммиссаріату нижайшій и моему званію пристойной генералной репортъ нижайше

¹⁾ Ср. *Материалы Биллярскаго*, стр. 6.

²⁾ Не въ 1744 г., какъ по ошибкѣ напечатано на стр. XXVII моего *Введенія*, но въ ноябрь 1746.

³⁾ Ср. *рапортъ Ломоносова отъ 5 февр. 1745 г. у Биллярскаго*, стр. 57. Въ *фоліантѣ Свинина* (лист. 95—98) находится собственноручная записка Ломоносова: *Опыты физическіе о соляхъ, но она состоитъ изъ однихъ заглавій статей.*

⁴⁾ Юнкеръ находился при главной квартирѣ дѣйствующей арміи до 1737 г.

учинить купно съ непредрассудительнымъ мнѣніемъ, коимъ бы образомъ вышепомянутыя государственныя утраты и отягощенія совѣсть вывести, и оныя по вся годы необходимо нужные два милліона пудовъ соли на нашихъ заводахъ дѣлать и такую цѣною продавать можно было, чтобы не токмо подданные нарочитое облегченіе имѣли, но и Императорская казна извѣстной и несравненно большей нежели прежде доходъ имѣла.

А что сіе по нынѣ находящему состоянію нашихъ заводовъ какъ лучше быть, такъ и впредь учреждено быть неможетъ, объявляють, не упоминая другихъ многихъ, слѣдующія главныя причины:

1) Весьма худое и безъ всякаго рассужденія учрежденное строеніе.

2) Недостатокъ дровъ къ доволному варенію.

3) Толь многое черпанье и отъ того происходящій недостатокъ въ работникахъ.

4) Худое состояніе соли.

5) Грубое невѣжество и задержка, которую тамъ пріѣзжающимъ по соль людямъ чинять.

6) Худое содержаніе тамошнихъ дорогъ и мостовъ.

7) Понинѣшняя опасность тамошней стороны.

А имянно что до перваго надлежитъ:

Колодези толь худо построены и укрѣплены, что какъ дождевая, такъ подземная вода въ росоль вѣтекаетъ, и оную убожѣ чинять, при томъ черпаніе росола изъ колодезей въ сковороды такимъ мешкотливымъ и труднымъ образомъ людскими руками производилось, что плата за черпанье, при такой скудной вываркѣ соли, болше нежели по дватцати пяти тысячъ рублей въ годъ становилась.

2) Въ солонварняхъ находятся всѣ тѣ недостатки и пороки, которые быть могутъ, и которые разумной экономіи, а особливо самому нужному береженію дровъ и слѣдовательно главному употребленію противныя. Неупоминая, что они со всѣхъ сторонъ полы, и отъ того переменной воздухъ выварку препятствуетъ, да еще же къ тому печи и сковороды толь дровамъ утратны адѣланы, что къ вываркѣ 50 пудовъ соли, считая вообще, по послѣдней мѣрѣ въ Бахмутѣ 1, а въ Торѣ 2 кубичныхъ сажень дровъ исходитъ. Которое буде положить что на обѣихъ заводахъ 500000 пудовъ, (какъ толь много за нужду выходитъ), вывариваютъ, то будетъ дровъ неменше какъ 10000 кубичныхъ сажень, а денгами, по бывшей донныѣ цѣнѣ, въ Бахмутѣ по четыре, а въ Торѣ, гдѣ меньше варятъ по 1 р. 40 копеекъ за сажень, болше нежели 40000 рублей.

Притомъ 3) и магазины какъ отъ непогодъ такъ и отъ огня небезопасны, и къ тому очень малы построены, отъ чего въ нихъ положенная больше обыкновеннаго расплывается, и во всегдашней опасности находится такое число, которое пристойная экономія всегда въ запасѣ держать должна, въ оныхъ магазинахъ вмѣститься неможетъ.

4) Въ рассужденіи кузнецовъ также лутчаго состоянія нѣтъ, и понеже горны и мѣхи очень худо здѣланы и инструментовъ мало находится, которые при томъ еще ни къ чему негодны. ¹⁾

№ 139. Выписка изъ Ломоносовой исторіи о поведеніи академической Канцеляріи, 1764 года. ²⁾

§ 11.

Въ 1735 году истребованные вѣновь двенадцать человекъ школьничковъ и студентовъ въ Академію изъ Московскихъ Спасскихъ школъ, въ коихъ числѣ былъ нынѣшній Статской Совѣтникъ Ломоносовъ и Надворной Совѣтникъ Поповъ и бывший потомъ бергмейстеръ Виноградовъ. Приѣхали въ Санктпетербургъ всѣ вмѣстѣ Генваря 1 дня 1736 года и содержаны были сперва на довольнои пищѣ, хотя и излишно дорого за то заплачено родственнику Шумахеру Фелтунгу ³⁾. 19 Марта объявлено студентамъ Ломоносову и Виноградову, что они отправляются, по имянному указу, въ Германію для обученія Натуральной Исторіи. И съ того времени взяты на отпускъ опредѣленные изъ Статсъ-Канторы на содержаніе ихъ съ третьимъ тысячу двести рублей на годъ, кои тогда же и употреблены были на другія академическія нужды, за не-

¹⁾ Здѣсь прерывается рукопись.

²⁾ «Краткая Исторія о поведеніи Академической Канцеляріи, въ рассужденіи ученыхъ людей и дѣлъ, съ начала сего корпуса до нынѣшняго времени», написанная Ломоносовымъ во второй половинѣ 1764 года, хранится въ Архивѣ академической Конференціи. Текстъ здѣсь отпечатаннымъ чрезъ §§-овъ сличенъ съ самой черною рукописью Лом-ва. Мы ограничиваемся самими краткими объясненіями этого сочиненія.

³⁾ Счеты академическаго эконома, бывшаго повара Петра Великаго, сохранились въ архивѣ бывшей Канцеляріи. За полное содержаніе каждаго студента Фельтенъ (Velten) требовалъ помѣсячно по 5 рублей. Чрезъ нѣсколько времени, когда и этихъ денегъ ему больше не выплачивали, онъ объявилъ Канцеляріи, что платитъ собственнымъ за студентовъ онъ уже не въ состояніи. Ср. § 13 въ сочиненіи Ломоносова.

достаткомъ денегъ въ Академіи ¹⁾. А отправляющіеся вышеписанные студенты и съ ними Густавъ Рейзеръ бывшаго тогда Бергъ-Коллегіи Совѣтника Рейзера сынъ, принуждены были ожидать своего отправленія до осени ²⁾, въ коемъ пути, будучи четыре недѣли на морѣ въ Октябрѣ мѣсяцѣ едва не потонули.

§ 14.

Отправленные въ Германію трое вышепоказанные Студенты пріѣхавъ въ городъ Марбургъ ³⁾, обучались у славнаго Профессора Волфа Математики и Физики, а Химіи начало положили у другихъ. И двое Россійскихъ обучились Нѣмецкому языку и во Французскомъ положили начало. Между тѣмъ для весьма неисправной пересылки денегъ на содержаніе претерпѣвали нужду и пришли въ долги ⁴⁾, хотя Шумахеръ получалъ на нихъ опредѣленную изъ Статсъ-Канторы сумму, тысячу двѣсти рублевъ, впередъ на цѣлый годъ. Отправленнымъ имъ изъ Марбурга въ Фрейбергъ для обученія рудныхъ дѣлъ опредѣлилъ жалованья токмо по полтора ста рублевъ. Обѣщанныхъ напередъ тамошнему Совѣтнику Генкелю за обученіе ихъ Химіи тысячи двухъ сотъ рублевъ не прислалъ же ⁵⁾. Почему Генкель присылаемая Студентамъ на содержаніе деньги сталъ удерживать за собою ⁶⁾, чево они не могли больше вытерпѣть и стали просить своего пропитанія, требуя справедливости. Но онъ съ великою запальчивостію въ деньгахъ отказалъ, а ихъ вонъ отъ себя выслалъ ⁷⁾. Въ таковыхъ обстоятельствахъ Ломоносовъ отъѣхалъ ⁸⁾ въ Марбургъ къ Волфу, какъ къ своему благодѣтелю и учителю; Рейзеръ и Виноградовъ, долго скитаясь, наконецъ нашли покровительство у Графа Кейзерлинга, который ихъ и снабждалъ нѣсколько времени ⁹⁾.

¹⁾ Этотъ расказъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Выше (на стр. 362) показаны сроки, въ которые Статсъ-Кантора выплачивала эти суммы. См. еще Примѣчанія.

²⁾ Студенты въ первый разъ съѣли на корабль 8 сент. 1736.

³⁾ 3 ноября.

⁴⁾ Это объясненіе не совсѣмъ сходно съ содержаніемъ письма Лом-ва отъ 16 ноября 1740 г. и съ другими извѣстіями. См. Примѣчанія.

⁵⁾ Лом-овъ не зналъ что Генкелю обѣщаны только 1000 р., изъ которыхъ половина уплачена лишь въ томъ 1740 г.

⁶⁾ Могло такъ показаться Лом-ву; но необходимо взять въ соображеніе все дошедшія до насъ извѣстія. См. Примѣчанія.

⁷⁾ Ср. выше стр. 323 и ср. стр. 336.

⁸⁾ Около 15 мая 1740 г.; въ Марбургъ Лом. уже былъ 6 іюня.

⁹⁾ Въ іюль 1742 г. Какъ во многихъ мѣстахъ своей Исторіи, такъ и въ отношеніи къ своимъ товарищамъ Ломоносовъ проходитъ молчаніемъ то, что не соглашалось съ его личнымъ взглядомъ.

§ 15.

Между тѣмъ присылка суммы на содержаніе Студентовъ въ Германіи совсѣмъ пресѣклись ¹⁾ и Рейзеръ чрезъ отца своего исходятайствовалъ, что деньги на содержаніе двоихъ стали пересылаться изъ Бергъ-Коллегіи исправно, даже до ихъ возвращенія. Ломоносовъ писалъ въ Академію изъ Марбурга о своемъ возвращеніи, и черезъ годъ ²⁾ на проѣздъ и на платежъ долговъ получилъ токмо сто рублей, и выѣхалъ за Волфовымъ поручительствомъ въ отечество. Подалъ добрыя свидѣтельства о своихъ успѣхахъ и специмены въ Академію, кои весьма отъ Собранія одобрены ³⁾. Но произведенъ не такъ какъ обѣщано ему при отъѣздѣ, въ Экстраординарные Профессоры, но по прошествіи полугода въ Адъюнкты, а профессорства ждалъ онъ здѣсь четыре года. Примѣчанія и смѣху достойно, что когда Ломоносовъ уже давно въ отечество возвратился и былъ по Штату въ Академіи Адъюнктомъ физическаго Класса на жалованьѣ академическомъ по 360 рублей, Академическая Канцелярія на всякой годъ требовала и получала изъ Статсъ-Канторы на содержаніе его по четыреста рублей напередъ ⁴⁾, и были якобы два Ломоносовыхъ, одинъ въ Россіи, другой въ Германіи. Подобно происходило и съ прочими двумя Студентами, на коихъ до возвращенія Шумахеръ принималъ опредѣленную изъ Статсъ-Канторы сумму, ничево къ нимъ не пересылая ⁵⁾. Возвратившагося Рейзера хотя Шумахеръ и приласкивалъ въ Академію ⁶⁾,

¹⁾ 14 июля 1742 г. Шумахеръ послалъ послѣдній вексель Райзеру и Вишнордову. 20 сент. 1742 была учреждена слѣдственная Коммиссія надъ Шумахеромъ, которая продолжалась до декабря 1743 г.

²⁾ Ломоносовъ записывая это 24 года спустя, не смнилъ ли время отсылки письма изъ Лейпцига (21 мая 1740) въ Канцелярію со времени отсылки письма отъ 16 ноябр. 1740? Впрочемъ первое письмо не получено въ СПб., что и утверждается свидѣтельствомъ самого Ломоносова (см. выше стр. 334). На письмо, отправленное 16 ноябр. 1740 г. изъ Марбурга, Канцелярія дѣйствительно удостоила Ломоносова отпѣтомъ лишь въ концѣ февраля 1741 года, — почему не раньше? см. ниже въ Примѣчаніяхъ.

³⁾ См. выше стр. 355.

⁴⁾ См. выше стр. 362. Ломоносовъ забылъ здѣсь прибавить, что когда онъ, въ 1746 г., сводилъ счеты свои съ Шумахеромъ, послѣдній довелъ еще дальше свое крючкотворство. На счетъ издержекъ на Ломоносова во время его пребыванія въ Марбургѣ и Фрейбергѣ, Шумахеръ внесъ и содержаніе, которое Ломоносовъ получалъ съ 1742 въ качествѣ адъюнкта. Ломоносовъ не оказалъ въ этомъ случаѣ никакого сопротивленія.

⁵⁾ См. выше стр. 364 и Прим. Въ 1743 г., во время господства Нартова, Академія не получила изъ Статсъ-Канторы положенныхъ 1200 рублей.

⁶⁾ Это подтверждается письмомъ горнаго советника Райзера изъ Москвы, отъ 26 дек. 1743 г., въ которомъ онъ поздравляетъ Шумахера съ новымъ опредѣ-

объявив профессорство Химіи, чтобы Ломоносова отвести от этой профессіи, однако Рейзеръ, вѣдая худое Академическое состояніе и непорядки, совсѣмъ отказался.

№ 140. Конспектъ похвального слова Ломоносову, написанный Штелинымъ въ 1765 году. ¹⁾

Exordium (приступъ). Со времени основанія Академіи вошло въ обычай прочитывать покойнымъ членамъ панегирики. Польза этого обыкновенія въ исторіи литературы для поощренія другихъ.

Причина пренебреженія его въ нашей Академіи.

Отдаленная (сауза remotior) не недостатокъ славныхъ мужей, но невѣжество секретарей.

Ближайшая. Впредь не должно пренебрегать имъ. Возстановляю обыкновеніе и намѣренъ и долженъ произвести, если не панегирикъ, то просмотрѣть краткую біографію знаменитаго человѣка, оказавшаго великія заслуги отечеству, наукамъ и искусствамъ, человѣка, можно сказать, необыкновеннаго.

Родился въ 1711 г. ²⁾ въ Куростровской волости, островѣ Двины близъ Холмогоръ. Отецъ рыбакъ. Съ дѣтства, сопутствуя отцу въ трудахъ, до 18-го года занимался рыболовствомъ и ознакомился съ берегами Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана

На сѣверъ проникалъ до Колы и дагѣ. Доходилъ до 70-го градуса широты. Ребенкомъ дѣлалъ наблюденія, изучалъ природу,

леніемъ къ должности начальника академической канцеляріи, и благодаритъ его за стараніе доставить его сыну (недавно возвратившемуся изъ за границы) мѣстечко при Академіи.

¹⁾ Составленіе этого конспекта, найденнаго в. Полюдинымъ въ бумагахъ Штелина, безъ сомнѣній относится къ 1765 году, когда Штелинъ исправлялъ должность ученаго секретаря Академіи (См. *Материалы*, изданія П. Виллярскимъ, стр. 738). Мы перепечатаемъ этотъ планъ по переводу в. Тихонравова, (помѣщенному въ *Москвитяинѣ* 1853 г. № 8. Отд. IV, стр. 22—25), прибавляя къ тому нѣсколько примѣчаній.

«Этотъ планъ неоконченнаго труда Штелина, писанный на латинскомъ языкѣ (съ прибавленіями на нѣмецкомъ), расположенъ по правиламъ риторическимъ и имѣетъ отрывочную форму». Прибавленія записаны Штелинымъ въ послѣдствіи въ видѣ поправокъ и пополненій.

²⁾ Ср. ниже стр. 390, прим. 2 и см. Примѣчанія.

собиралъ рѣдкости, зимою учился читать у священника того мѣста*); читалъ только Священное Писаніе; привыкалъ къ слогу. Желалъ читать болѣе, и узналъ, что то писано на латинскомъ языкѣ. Побужденный желаніемъ выучиться латинскому языку, задумалъ бѣжать**) и прибылъ ¹⁾ въ Москву (въ 1728 году, 17 лѣтъ). Принятый въ Спасскій монастырь, съ жадностію набирался свѣдѣній***). Обогащенный познаніями, училъ дѣтей священника. Предался изученію латинскихъ и греческихъ авторовъ и рукописей, писанныхъ на русскомъ языкѣ. Въ 1733 году²⁾ отправился въ Кіевъ, но не нашелъ тамъ лекцій физики и философіи, которыхъ добивался.³⁾ Возвратился въ Москву и съ жаромъ предался наукѣ. Въ то же самое время петербургская Академія письменно просила у епископа юношей изъ семинаріи для слушанія профессорскихъ лекцій. Посланный въ Петербургъ⁴⁾, въ академію, (1734), посвящаетъ себя изученію металлургіи, физики и математики⁵⁾. Въ 1736-мъ его посылаютъ въ Марбургъ къ Вольфу; изучаетъ нѣмецкую литературу, читаетъ поетовъ (особенно Гюнтера); подражаетъ соотечественникамъ; первый даетъ стихамъ размѣръ⁶⁾; посылаетъ оду свою къ президенту Академіи⁷⁾; свидѣтельство Вольфа о его способностяхъ. Отправляется въ Фрейбургъ къ Генкелю, посвящаетъ себя литейному и рудному дѣлу, изслѣдуетъ минералы; занятія химіей (прилагаетъ⁸⁾ къ химіи физическія и математическія начала). Возвратившись, женится въ Марбургѣ⁹⁾; продолжаетъ занятія¹⁰⁾. От-

*) Читать и писать учится у діакона, ариметикѣ самоучкою.

**) На дорогѣ колеблется, куда отправиться ему, въ Москву или въ Петербургъ.

***) Въ Спасскомъ монастырѣ при удивительномъ прилежаніи въ одинъ годъ прошелъ три класса.

1) Не въ 1728, а въ 1730 г. См. выше стр. 370.

2) Въ 1735 г.

3) См. ниже стр. 392 прим. 1 и 3.

4) Въ дек. 1735 г. — Ломоносовъ самъ говоритъ, что пріѣхалъ въ Спб. 1 янв. 1736 г. См. выше стр. 380.

5) См. ниже стр. 392 прим. 3.

6) См. ниже стр. 393.

7) Штелинь ошибочно полагалъ, что Лом-въ прислалъ оду, сочиненную имъ въ 1739 г. на вѣстіе Хотина, не изъ Фрейберга, а изъ Марбурга. Ср. ниже на стр. 393.

8) Не льзя сказать съ точностію, основывается ли это на словахъ самаго Ломоносова, или на письмѣ его (изъ Марбурга) къ Шумахеру, или на диссертациѣ Лом-ва. См. выше стр. 335 строк. 20 и ср. стр. 337 прим.

9) 6 іюня 1740 г.

10) Это можетъ относиться только къ времени по возвращеніи изъ Голландіи, т. е. къ зимѣ 1740/41 г. См. Примѣчанія.

правляется въ Бельгію*); на возвратномъ пути его хватаютъ прусскіе солдаты, по неволѣ записываютъ въ число рейтаровъ и силою уводятъ въ Везель. Убѣгаетъ и пробирается не безъ опасностей въ Бельгію¹⁾. Въ Гагѣ ему помогаетъ графъ Головкинъ²⁾. Садится на корабль и отправляется въ Петербургъ; дорогою видитъ во снѣ отца. Освѣдомившись о немъ въ Петербургѣ, слышитъ, что онъ погибъ; задумываетъ ѣхать на родину, чтобы искать отца на островахъ; получаетъ извѣстіе, что отецъ найденъ на островѣ; оплакиваетъ его кончину. Сдѣланный адъюнктомъ академіи, выказываетъ отличныя способности. Въ 1746 году³⁾ его опредѣляютъ профессоромъ химіи; строитъ лабораторію⁴⁾ и прилежно занимается опытами. Получивъ въ даръ Каровадайскій участокъ⁵⁾, учреждаетъ стеклянный заводъ. Обнаруживаетъ способности свои новыми изобрѣтеніями: мозаика, прежде неизвѣстная (поводъ данъ былъ Воронцовымъ). По предложенію сената берется за великое дѣло. Великія творенія его въ области поэзіи, краснорѣчія, грамматики, отечественной исторіи, физики, математики и астрономіи. Прославленный сочиненіями своими, онъ избирается членомъ Шведской и

*) Когда онъ во второй разъ возвращался изъ Бельгіи, его записываютъ въ солдаты⁶⁾. Черезъ полгода возвращается въ Марбургъ⁷⁾, въ одеждѣ рудокопа.

Въ Москвѣ пробылъ 6 лѣтъ.⁸⁾

Въ шестой годъ былъ въ Кіевѣ⁹⁾.

23 лѣтъ (въ 1734) прибылъ въ Петерб. Академію.

Въ Марбургѣ женился въ 1736¹⁰⁾ году (25 лѣтъ).

За границую 7 лѣтъ.¹¹⁾

Возвратился въ отечество въ 1741 году (30 лѣтъ).

¹⁾ Не въ Нидерланды, а, какъ кажется, черезъ владѣнія какого-то нѣмецкаго епископа, впрямую монстерскаго, и другія земли, въ Марбургъ. Въ эти противорѣчивыя показанія происходятъ отъ незнанія Штелиномъ въ-точности, что Ломоносовъ былъ въ Марбургъ именно три раза, — и что именно два раза нагнулся провъздомъ въ Нидерланды.

²⁾ Такъ какъ въ 1740 г. гр. Головкинъ отказалъ ему во всякой помощи (см. выше стр. 337), то это извѣстіе относится къ 1741 г., когда Лом-овъ во второй разъ явился къ Головкину.

³⁾ 26 іюля 1745 г.

⁴⁾ См. Журналъ Канцеляріи Академіи отъ 2 ноября 1745 г. въ Сборникъ Билярскаго (стр. 73).

⁵⁾ См. Матеріалы, изд. Билярскимъ, стр. 151.

⁶⁾ Здѣсь вѣрно означено время вступленія Лом-ва въ прусскую военную службу, но слова: «во второй разъ» слѣдуетъ выбросить.

⁷⁾ Осенью 1740 г.

⁸⁾ и ⁹⁾ То есть съ 1730 до конца 1735 г. Ср. ниже стр. 392, прим. *)

¹⁰⁾ 6 іюня 1740 г.

¹¹⁾ 4¹/₂ г.

Болонской академій ¹⁾. Его замѣчаетъ Императрица Елисавета, удостоиваетъ благосклонности и осыпаетъ благодѣяніями; его назначаютъ совѣтникомъ; покровительство первыхъ при дворѣ особъ. Непримириная вражда съ невѣждою поэтомъ Сумароковымъ. Побуждаетъ къ открытію сѣверныхъ странъ, сообщаетъ свои наблюденія. Императрица Екатерина, благосклонностью и желаніемъ распространить образованіе въ государствѣ подобная Елисаветѣ, обращаетъ вниманіе на его опытность и приказываетъ ему изложить свои мысли на письмѣ. Его Петриады явилась только первая книга. Обѣщанія Шувалова ²⁾. Пылаетъ любовью къ отечеству и желаніемъ распространить въ немъ просвѣщеніе. Управляетъ академическою гимназіею ³⁾. Скончался на Святой недѣлѣ 1765 года. Смерть встрѣтилъ съ духомъ истиннаго философа; сказалъ ⁴⁾: жалѣю только, что покидаю недовершеннымъ то, что задумалъ я для пользы отечества, для приращенія наукъ и возстановленія упавшихъ дѣлъ академическихъ: оно умереть со мною. Похвалы ему заключу въ одинъ короткій стихъ:

Principibus placuisse viris non ultima laus est. *)

Всѣ его записки приобрѣлъ графъ Григорій Орловъ.

Графъ Воронцовъ на свой счетъ велѣлъ поставить ⁵⁾ на могилѣ его памятникъ изъ каррарскаго мрамора, и просилъ Штеллина написать эпитафію.

Характеръ Ломоносова:

Физическій. Отличался крѣпостью и почти атлетическою силою; напр. трехъ напавшихъ на него матросовъ одолѣлъ и снялъ съ нихъ платье.

Образъ жизни общій плебеямъ.

*) Стихъ Горация.

¹⁾ Въ члены болонскаго Института Лом. былъ избранъ въ 1764 г., а въ стокольскую академію онъ прислалъ записку, которая была напечатана въ шведскомъ переводѣ: Tankar om Isbergens ursprung uti de Nordiska Hafven, insände af Michael Lomonosow, Ledamot af Kejsarliga Petersburgiska, samt K. Svenska Vet. Acad. Ifrån Latinska Språket öfversatte. = Мысли о происхожденіи ледяныхъ юговъ въ сѣверныхъ моряхъ. Представлено членомъ Имп. петербургской и Кор. шведской Академій. Переводъ съ Латинскаго. См. Kongl. Vetenskaps Aca-demiens Handlingar. För År 1768. (Vol. XXIV. 1768 in-8°, стр. 34—40.) = Дѣянія Корол. Академіи (точнѣе) наукъ, за 1768 г.

²⁾ См. ниже на стр. 389.

³⁾ Съ 1758 г. см. Матеріалы, изд. Билярскимъ, стр. 368 и 422.

⁴⁾ Штеллину самому.

⁵⁾ Гр. Михаилъ Ларионовичъ Воронцовъ умеръ 15 февр. 1767 г. Въ журналѣ: «Трутень» на 1769 годъ (сент. 8 дня; трет. изд. СПб. 1865, стр. 126) была помѣщена надгробная надпись (Подъ камнемъ симъ лежитъ и проч.), присланная

Умственный. Исполненъ страсти къ наукѣ; стремленіе къ открытіямъ.

• **Правственный.** Мужиковать; съ низшими и въ семействѣ суровъ; желалъ возвыситься, равныхъ презиралъ. Религіозные предразсудки его. Сатиры на духовныхъ. Гимнъ бородѣ. Преслѣдуетъ бѣднаго Тредьяковскаго единственно за его дурной русскій слогъ.

№ 141. Изъ Штелиновыхъ матеріаловъ для словаря русскихъ писателей, около 1780 г. ¹⁾

[стр. 205] 1736 до 1741. Г. Тредьяковскій перевелъ большую часть моихъ стихотвореній для придворныхъ торжествъ. Они раздавались при Дворѣ и были написаны его стариннымъ стихосложениемъ ²⁾.

Прим. Тредьяковскій въ 1731 г. ³⁾ написалъ небольшое разсужденіе о русскомъ стихосложеніи (de la Versification Russe), въ которомъ доказываетъ, что русскіе стихи должны въ стихосложеніи согласоваться съ латинскою просодіею. Но это устройство ихъ противно духу русскаго языка, и нашло мало одобренія.

стр. 206] Около этого же времени Г. Ломоносовъ прислалъ изъ Марбурга (куда онъ былъ посланъ С.-Петербургскою Академіею для усовершенствованія въ наукахъ), нѣсколько одъ тогдашнему президенту бар. Корфу ⁴⁾; оды эти были написаны совсѣмъ

къ редактору неизвѣстною особою, и марта 9 дня 1770 года (см. изд. трет. стр. 279) напечатана этикетка на латинскомъ русскомъ языкахъ.

¹⁾ Предложенный здѣсь текстъ взятъ изъ Москвитина на 1851 г. (Ч. I) Эти Матеріалы для исторіи русской словесности собраны и записаны Штелиномъ († 1785), безъ сомнѣнія, не въ одно время, и окончательная изъ редакція относится уже къ послѣднимъ годамъ его жизни, такъ какъ въ нихъ упоминается о смерти Адоурова († 1778) и о директорѣ московскаго университета, «статскомъ советникѣ» Приклонскомъ, который 1 янв. 1781 былъ пожалованъ въ действительные статскіе советники. См. Исторію Московскаго Университета. Соч. Шевырева, стр. 250. Въ 1784 г. фонъ-Визинъ былъ назначенъ директоромъ университета.

²⁾ Или Штеликъ считалъ силлабическіе стихи со стихами, написанными съ 1734 г. Тредьяковскимъ тоническимъ размеромъ (см. I Ч. моего Сборника, стр. 80 и 81), или же считалъ такъ назыв. троеги Тредьяковскаго совершенно неудачными.

³⁾ Въ 1736 г. См. мой Сборникъ, Введ. стр. XIX.

⁴⁾ Письма и донесенія Л-ва 1737—39 г. найдены мною въ академическомъ архивѣ въ довольно хорошемъ порядкѣ. Изъ этого обстоятельства и изъ содержания самихъ бумагъ я заключаю, что Ломоносовъ прислалъ въ Академію только одну оду изъ Марбурга (переводъ изъ Фенелона), именно въ 1738 г. Штелику же вообра-

другимъ, новымъ размѣромъ, по образцу нѣмецкаго, который до того времени не былъ извѣстенъ въ Россіи. Ему въ Германіи понравилась нѣмецкая поэзія, въ особенности стихотворенія Гюнтера, изъ которыхъ онъ зналъ наизусть цѣлыя піесы. По нимъ писалъ онъ свои русскіе стихи съ нѣмецкимъ размѣромъ въ ямбахъ, трохеяхъ и дактиляхъ¹⁾.

1743 2). Вышли 3 переложенія псалма, сдѣланные проф. Ломоносовымъ, капитан. Сумароковымъ и проф. Тредьяковскимъ, — и были напечатаны вмѣстѣ.

Съ 1742. Гг. Сумароковъ и Ломоносовъ издавали по временамъ нѣсколько удачныхъ одъ и пѣсень. . .

1746. Вышеупомянутые 3 поэта представили на судъ знатоковъ три свои переложенія псалма, каждый подъ своимъ именемъ.³⁾

[стр. 207]. Въ благополучное царствованіе Ея И. Величества Елисаветы Петровны такъ возвышалась поэзія и прочія изящныя искусства и науки, что онѣ приняли совѣмъ другой видъ.

Г. Сумароковъ часто писалъ нѣжныя пѣсни . . .

Г. Ломоносовъ въ торжественные дни ко Двору представлялъ большія оды.

Оба они упражнялись попеременно въ сочиненіи трагедій, которыя игрались при Дворѣ⁴⁾ . . .

[стр. 209]. Въ это же время Совѣтникъ Ломоносовъ представилъ въ рукописи г. камергеру Шувалову первую пѣснь своей героической поэмы Петріада, для которой, по его словамъ, онъ положилъ себѣ за правило *ковать* ежедневно по 30-ти стиховъ.

Всѣ его прежнія сочиненія въ стихахъ и прозѣ были въ этомъ году напечатаны въ Москвѣ, въ двухъ томахъ, въ 4-ку⁴⁾. Также его

жалъ, что ода на взятіе Хотина также прислана изъ Марбуриа; онъ ошибался въ томъ (см. ниже на стр. 393), что назвалъ оду на взятіе Хотина (1739 г.) одою на взятіе Очакова (1737 г.). Все это объясняется тѣмъ, что онъ записывалъ извѣстія о первыхъ одахъ Ломоносова уже въ глубокой старости, по одному воспоминанію.

¹⁾ Ср. ниже стр. 393.

²⁾ «Три оды парафрастическія псалма 143» вышли въ 1744 г. (см. ниже стр. 419). Изданіе 1746 года существовало только въ воображеніи старика Штеллина.

³⁾ Изъ матеріаловъ, изд. в. Биллярскимъ (стр. 145) ясно, что Лом.-въ сочинилъ свою трагедію: Тамира и Селимъ и проч. только по заказу. Недавно была найдена въ академической библиотекѣ черновая тетрадь Лом.-ва, заключающая 3-е дѣйствіе этой трагедіи. На верху первой страницы замѣчено авторомъ: Начать 20 сент. послѣ обѣда, стало быть за недѣлю до объявленія указа академической Канцеляріи, отъ 29 сент. 1750 г.

⁴⁾ Не въ одномъ году, а въ разные годы. Такъ какъ Сопиковъ (ср. также рецензію Н. Тихонравова на Смирдинское изданіе, въ Моск. Вѣдом. 1852 г. № 46)

Исторія русскаго государства была отдана тисненію при Академіи осенью 1758 года, безъ всякаго предварительнаго прочтенія и одобренія. Даже историческая конференція при Академіи не знала ни слова болѣе тѣхъ, которые видѣли это сочиненіе и печатали его. Одинъ потаенный приказъ президента Академіи утвердилъ его печатаніе ¹⁾.

[стр. 210]. 1760. Въ день рожденія камергера И. И. Шувалова, ноября, совѣтникъ Ломоносовъ представилъ ему первую пѣснь [стр. 211] своей героической поэмы: Петриада, напечатанную въ 4-ку ²⁾. Она заслужила одобреніе знатоковъ и удивленіе многихъ Россіянь. Потому и желали видѣть ея продолженіе въ такой же силѣ. Шуваловъ даже обѣщалъ автору собрать для

и другіе распространяли несовсѣмъ вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ, то для прекращенія недоумѣній, сообщается здѣсь заглавіе перваго московскаго изданія, составляющаго библиографическую рѣдкость.

Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Господина Коллежскаго Совѣтника и Профессора Михайла Ломоносова. Книга первая. Второе изданіе съ прибавленіями. Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1757 года. in 4°. (Съ портретомъ Лом-ва, подъ которымъ извѣстные стихи: Московскій здѣсь Парнасъ изобразилъ витію и проч. Объ этомъ портретѣ см. письмо Лом-ова въ Сборникъ Биллярскаго, стр. 356. На заглавномъ листѣ виньета, представляющая Аполлона и проч.)

Въ моемъ экземплярѣ за заглавнымъ листомъ слѣдуетъ «Предисловіе о пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ» (стр. 3—10); за нимъ «Оглавленіе сочиненій, содержащихся въ первой книгѣ», но въ нихъ не приводится упомянутое «Предисловіе». Потомъ находится новый заглавный листъ, сходный съ первымъ, но напечатанный другимъ шрифтомъ и съ пропускомъ одной строки (Господина Коллежскаго Совѣтника и Профессора). Съ этого (второго) заглавнаго листа начинается новая нумерація страницъ (всего 398). Вторымъ называется это изданіе, впрямую, противъ академическаго, вышедшаго въ 1751 г. Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Михайла Ломоносова. Книга первая. in-8°. Ср. еще стр. 374 *Материаловъ*, изданныхъ в. Биллярскимъ.

Вотъ заглавіе втораго тома московскаго изданія:

Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Коллежскаго Совѣтника и Профессора Михайла Ломоносова. Книга вторая, въ которой содержится Краткаго Руководства къ краснорѣчію Раздѣленіе первое, состоящее изъ Риторики, или общихъ правилъ обоего краснорѣчія, то есть Ораторіи и поэзіи. Второе изданіе съ сочинительскими исправленіями. Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1759 года, 224 стр. in-4°. *Кромѣ того стр. III—VIII: Посвященіе В. Кн. Петру Ѳеодоровичу, стр. IX—X: Оглавленіе Риторики. Въ моемъ экземплярѣ на стр. 49 и 50 (§ 71. Коля и проч. Вы и проч.) отмѣчено чернилами: Изъ Готтшида. Первое изданіе Риторики въ 1748 г. отдана Академію Н. въ 8° дол.*

¹⁾ См. *Материалы Биллярскаго*, стр. 373 и 375.

²⁾ Петръ Великій, Героическая поэма Михайла Ломоносова. IV и 43 стр. in-4°. (Въ концѣ: Ноября 1 дня 1760 года). См. выше стр. 386 прим. 2.

него коллекту въ нѣсколько тысячъ рублей, если онъ окончитъ эту поэму.

Прим. Лишь только вышла въ свѣтъ эта первая пѣсня, какъ одинъ непримиримый врагъ (говорятъ, что это былъ Сумароковъ) написалъ на нее комедію, въ которой онъ, вмѣсто музыки, умоляетъ о прощеніи бессмертный духъ Петра Великаго, что такой дикій поэтъ употребилъ всеу его великое имя.

№ 142. Черты и анекдоты для біографіи Ломоносова, взятыя съ его собственныхъ словъ Штелинымъ, 1783 года.¹⁾

Примѣчаніе Штелина на заглавіи въ тетради. Эти анекдоты, по приказанію княгини Дашковой, президента Академіи Наукъ, были переведены на русскій языкъ, и, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ менѣе важныхъ мѣстъ, напечатаны подъ заглавіемъ: Жизнь Ломоносова при первомъ томѣ его сочиненій, изданныхъ Академіею въ 4, въ 1784 году.

Ломоносовъ родился на островѣ, лежащемъ на Сѣверной Двинѣ, недалеко отъ Холмогоръ, въ Куростровской волости, въ 1711 г.²⁾

Когда онъ подростъ, отецъ его, рыбакъ, бралъ его нѣсколько разъ съ весны до поздней осени съ собою на рыбную ловлю, въ Колу, въ Бѣлое и даже въ Сѣверное море, до 70 градуса сѣв. широты, о чемъ онъ самъ припоминалъ въ послѣдствіи. По 10 году, въ зимнее время учился онъ читать и писать у священника своего села, который, не зная латинскаго языка, выучилъ его только чтенію церковныхъ книгъ, но возбуждалъ его любознательность разска-

¹⁾ Г. Погодинъ нашелъ нѣмецкій оригиналъ этихъ анекдотовъ между бумагами Штелина и напечаталъ его въ *Москвитянинѣ* (на 1850 годъ. Часть I. Отд. III. стр. 1—14) въ переводѣ г. Миллера подъ заглавіемъ: «Черты и анекдоты для біографіи Ломоносова, взятыя съ его собственныхъ словъ Штелинымъ». Должно полагать, что это заглавіе находилось въ нѣмецкомъ подлинникѣ. Впрочемъ нѣкоторыя мелочныя извѣстія были взяты Штелиномъ не съ собственныхъ словъ самаго Ломоносова, а изъ другихъ источниковъ.

Такъ какъ эта записка послужила основаніемъ при составленіи біографіи Ломоносова, помѣщенной по распоряженію Академіи во главѣ I Части «Полнаго Собранія» его сочиненій, то ее слѣдуетъ подвергнуть новому обсужденію. Штелинъ, можетъ статься, написалъ большую часть этихъ извѣстій очень рано, въ видѣ сбора анекдотовъ, остальное же — не раньше 1783 г., уже въ старости, по однимъ воспоминаніямъ. Даже кажется, что онъ или сдѣлалъ нѣсколько оставокъ въ текстъ академической біографіи, вышедшей въ 1784 году, или представилъ редакціонному комитету подлинникъ въ новой редакціи. По этому мы помѣщаемъ въ примѣчанія въ сколько нибудь значительные варианты изъ печатной біографіи 1784 года.

²⁾ Впрочемъ немного раньше. См. Примѣчанія.

зами про Заиконоспасскій монастырь въ Москвѣ. Ломоносовъ выучился также и счисленію, впрочемъ безъ объясненія правилъ.

На 17 году, зимою, въ ночь, ушелъ онъ тайно изъ отцовскаго дома, вслѣдъ за обозомъ съ рыбою, который отправлялся въ Москву. Онъ догналъ его на другой день, въ 80 верстахъ отъ своей деревни, на большой дорогѣ. Прикащикъ не хотѣлъ взять его съ собою; но онъ просилъ со слезами дать ему случай взглянуть на Москву.

Въ Москвѣ, гдѣ у него не было ни души знакомыхъ, спалъ онъ первую ночь на возу. Проснувшись на зарѣ, онъ сталъ думать о своемъ положеніи, и съ горькими слезами палъ на колѣна, усердно моля Бога ниспослать ему помощь и защиту. Въ то же утро пришелъ господскій дворецкій на рынокъ закупать рыбы. Онъ былъ родомъ съ той же стороны, и разговорившись съ Ломоносовымъ, узналъ его. Онъ пріютилъ его на господскомъ дворѣ между дворнею.

Этотъ дворецкій просилъ своего пріятеля, монаха изъ Заиконоспасскаго монастыря, исходатайствовать у Архимандрита для Ломоносова позволеніе вступить въ семинарію.

Между тѣмъ его домашніе въ деревнѣ искали его по всей окружности, и не нашедъ, считали безъ вѣсти пропавшимъ, пока наконецъ, съ послѣднимъ зимнимъ путемъ, возвратился изъ Москвы тотъ обозъ, и прикащикъ сказалъ отцу Ломоносова, что его Михайло остался въ Москвѣ, въ монастырѣ, и просить его объ немъ не сокрушаться.

Въ монастырѣ Ломоносовъ учился съ большимъ прилежаньемъ и дѣлалъ удивительные успѣхи. Въ свободное отъ ученія время сидѣлъ онъ въ семинарской библиотекѣ и не могъ начитаться¹⁾. Въ первое полугодіе былъ онъ переведенъ изъ перваго класса во второй, и въ тотъ же годъ въ третій²⁾. Кромѣ латинскаго онъ вы-

1) Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи. Сочиненіе Сергѣя Смирнова. М. 1855, на стр. 101 и 250. Ср. также слѣдующее примѣчаніе.

2) Слѣдовательно еще въ 1731 году. Ср. выше стр. 384, прим. ***.

Въ академической биографіи (Полное Собр. соч. М. В. Лом-ва. Часть I. 1784. Вторымъ тисненіемъ 1794 г.) напечатана слѣдующая таблица:

Вступленіе его въ Заиконоспасское училище было въ 1722*) году, при ректорѣ Архимандритѣ Германѣ Концевичѣ и префектѣ Софоніи Мегалевичѣ.

*) Должно быть опечатка вмѣсто 1728, что и пишется въ тѣхъ переводѣхъ акад. биографіи (Journal von Russland. Herausgegeben von Johann Heinrich Buzze, Bibliothekar bei der Russisch-Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 2ter Band. St. P. 1794, стр. 34), хотя и этотъ годъ не отъ-реть. Лом-овъ покинулъ свою деревню не раньше 1730 года. См. Примѣчанія.

учился греческому языку, и горѣлъ желаніемъ изучить физику и математику ¹⁾; но не имѣлъ къ тому случая. Такъ какъ жажда его къ познаніямъ не могла быть вполне удовлетворена въ семинаріи, то онъ просилъ начальниковъ отослать его на годъ въ Кіевъ для изученія философіи, физики и математики. Тамъ напелъ онъ однѣ сухія бредни вмѣсто философіи, но совершенно никакихъ матеріаловъ для физики и математики. А потому не остался в годъ въ этой Академіи, гдѣ, за недостаткомъ другихъ книгъ, прилежно перечитывалъ онъ лѣтописи и творенія Св. отцевъ. Лишь только возвратился онъ въ свою семинарію, какъ пришло туда изъ петербургской Академіи требованіе о присылкѣ двѣнадцати семинаристовъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ. Обрадованный этимъ желаннымъ извѣстіемъ, онъ тотчасъ сталъ проситься въ Академію. Въ 1734 г. ²⁾ былъ онъ посланъ съ 5 товарищами изъ монастыря въ петербургскую Академію.

Тамъ занимался онъ съ большимъ стараніемъ физикою и математикою, также и поэзію, хотя ничего не печаталъ, и въ особенности любилъ заниматься минералогією и физическими экспериментами ³⁾.

За Латинскую азбуку посадилъ его іеромонахъ Модестъ Ипполитовичъ.

Въ 1730 году переведенъ въ Латинской грамматической классъ учителя іеромонаха Германа Канашевича.

Въ 1731, Смятаксисъ преподавалъ ему бѣлецъ Тарасій Посниковъ.

Въ 1732, въ Латинской и Россійской поезіи наставлялъ іеромонахъ Теофилактъ Квѣтницкій.

Въ 1734, слушалъ Риторику у іеромонаха Порфирія Крайскаго, который послѣ того заступилъ мѣсто ректора сего училища.

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1735 *) , ради отличныхъ успѣховъ въ ученіи, ректоръ Архимандритъ Стефанъ и префектъ Антоній отправили его въ Санктпетербургскую Академію Наукъ.

Въ его время покойной Новгородской преосвященной Димитрій Сѣченой былъ еще непостриженъ, и училъ читать и писать по Латинѣ.

^{*)} *Этимъ, вѣроятно, опредѣляется время поѣздки Лом-ва въ Кіевъ.*

¹⁾ *Лом-ва пылалъ любовью къ наукѣ. Но можно усомниться, чтобъ склонность къ физикѣ и математическимъ наукамъ въ немъ пробудилась такъ рано. См. выше стр. 384, прим. 3 и 5 и ниже прим. 3.*

²⁾ *Въ дек. 1735 г. съ 11 товарищами.*

³⁾ *Этотъ рассказъ о его занятіяхъ минералогією и физическими экспериментами пока также не утверждаетъ положительными документами. Но очень можно быть, что такой любознательный человекъ, какъ Лом-овъ, уже въ Петербургѣ пристрастился къ этому роду занятій, какъ скоро узналъ, что онъ назначенъ сдѣлаться металлургомъ. См. еще Примѣчанія.*

Въ академической биографіи Лом-ва рассказъ Штелина раскрытъ слѣдующимъ образомъ:

«Онъ пріѣхалъ ... въ Петербургъ, въ состоящую подъ вѣдомствомъ Академіи гимназію. Тамъ слушалъ начальныя основанія философіи и математики,

Весною 1736 г. Академія назначила послать его, вмѣстѣ съ его товарищемъ Виноградовымъ, въ Марбургъ, къ знаменитому философу и математику Христиану Вольфу, отъ котораго онъ черезъ три года, по его рекомендаціи ¹⁾, отправился въ Фрейбергъ къ горному совѣтнику Генкелю, для изученія горнаго дѣла и металлургіи. Черезъ нѣсколько времени возвратился въ Марбургъ, въ университетъ ²⁾. Въ первое свое пребываніе тамъ, будучи студентомъ, онъ скоро выучился говорить и читать по-нѣмецки, для чего, впрочемъ, онъ еще въ Петербургѣ въ гимназіи ³⁾ приобрѣлъ хорошія приготовительныя познанія ⁴⁾. Въ особенности любилъ онъ стихотворенія Гюнтера и зналъ ихъ почти наизусть. По тому же размѣру сталъ онъ сочинять русскіе стихи. Первымъ его опытомъ въ этомъ родѣ (въ 1739 г.) была торжественная ода на взятіе Очакова ⁵⁾. Онъ послалъ ее къ тогдашнему президенту Академіи Корфу, который отдалъ ее на разсмотрѣніе Ададурову и Штелину.

Мы были очень удивлены такимъ, еще небывалымъ въ русскомъ языкѣ, размѣромъ стиховъ, и нашли, между прочимъ, что эта ода написана въ Гюнтеровомъ размѣрѣ, и именно въ подражаніе его знаменитой одѣ: *Engen ist fort! Ihr Musen nach etc.*, и даже цѣлыя строфы были изъ нея переведены ⁶⁾.

и прилежалъ къ тому съ крайнею охотою, упражнялся между тѣмъ и въ стихотвореніи, но изъ сихъ послѣднихъ его трудовъ ни чего въ печать не вышло. Отвѣтную оказалъ склонность къ экспериментальной физикѣ, химіи и минералогіи. Прочувшись цѣлыя два года начальнымъ основаніямъ сихъ наукъ, утвердившись въ математикѣ, назначенъ былъ съ товарищемъ своимъ Виноградовымъ въ Германію».

¹⁾ Это значитъ только, что сначала Вольфъ не противился предположенію Академіи отправить Лом-а съ товарищами въ Фрейбергъ. При самомъ отъѣздѣ (въ 1739 г.) Вольфъ, впрямую, рекомендовалъ молодыхъ Русскихъ Генкелю. См. выше стр. 302.

²⁾ Не въ университетъ, но проѣздомъ. Въ Фрейбергъ Лом-овъ пріѣхалъ 25 (14) іюля 1739 г., выѣхалъ оттуда около 15 (4) мая 1740 и 6 іюня (26 мая) уже вѣнчался въ Марбургѣ.

³⁾ Академической гимназіи Лом-овъ не посещалъ. Ср. I Часть Сборника, Введ. стр. XXII и выше стр. 370.

⁴⁾ Ср. выше докладъ бар. Корфа, на стр. 230.

Въ академической біографіи 1784 года послѣ словъ: . . . положилъ хорошее основаніе, прибавлено: Отъ обхожденія съ тамошними студентами, и слушая ихъ пѣсни, возлюбилъ нѣмецкое стихотворство. Лучшей для него писатель былъ Гюнтеръ. Многихъ знатнѣйшихъ стихотворцевъ вытвердилъ наизусть».

⁵⁾ Т. е. ода на взятіе Хотина, сочиненная Лом-ымъ въ Фрейбергѣ, а не въ Марбургѣ. См. выше стр. 384 прим. 7 и I Часть Сборника, Введ. стр. XXXII.

⁶⁾ Шлецеръ, не сличивши подробно оды Гюнтера со стихотвореніемъ Лом-а, опротивительно сказалъ (стр. 212 его автобіографіи, приведенной на стр. 218 I Части Сборника), что Ода Лом-а скорѣе переводъ Гюнтера, чѣмъ подражаніе.

Она была напечатана при Академіи ¹⁾, поднесена Императрицѣ Аннѣ, роздана при Дворѣ, и всѣ читали ее, удивляясь этому новому размѣру. (Тогда Сумароковъ еще и не думалъ о сочиненіи стиховъ, тѣмъ менѣе такимъ размѣромъ ²⁾; но все-таки въ послѣдствіи, въ царствованіе Императрицы Елисаветы, онъ хотѣлъ присвоить себѣ имя и честь перваго автора, который ввелъ этотъ размѣръ въ русскомъ стихосложеніи.)

Около этого времени (1740) Ломоносовъ тайно женился ³⁾ въ Марбургѣ на дочери своего хозяина (марбургскаго гражданина, ремесломъ портнаго), у котораго онъ жилъ нѣсколько времени, и тамъ же родилась у него первая дочь.

Въ продолженіе своего тамъ пребыванія онъ содержалъ жену и дочь своимъ жалованьемъ, которое получалъ по третямъ изъ пetersбургской Академіи ⁴⁾.

По его просьбѣ о дозволеніи ему усовершенствовать себя въ горномъ дѣлѣ и въ металлургии, Академія позволила ⁵⁾ ему посѣтить рудники въ Гессенѣ и Гарцѣ. (См. протоколъ акад. канцеляріи.)

Въ Гессенѣ познакомился онъ съ знаменитымъ металлургомъ и горн. совѣтн. Крамеромъ, который тамъ печаталъ свое превосходное сочиненіе о химіи ⁶⁾. Съ нимъ прожилъ онъ нѣсколько времени,

См. объ этомъ сужденіе Л. К. Грота въ его Очеркѣ академической дѣятельности Лом-ва (перепечатанномъ въ VII Томѣ Зап. Акад. Н.).

¹⁾ Это весьма сомнительно. См. I Часть Сборника, стр. XXX и XLIV и ниже Прибавленіе къ I Части.

²⁾ О попыткѣ Сумарокова въ 1740 году см. I Ч. Сборн. Введ., стр. XX.

³⁾ 6 іюня 1740 г.

⁴⁾ Такъ какъ Лом-ву, во время его пребыванія за границей, сначала назначено было ежегодно 300 рублей, то Штелинь и принялъ, что тѣ 100 рублей, которые присланы Шумахеромъ къ Лом-ву въ Марбургъ 28 февр. 1741 г., на поѣздку въ Петербургъ, составляли третью его годоваго оклада. Какъ бы то ни было, но со времени своего отъѣзда изъ Фрейберга въ срединѣ мая 1740 г., Лом-овъ кромѣ означенныхъ 100 р. не получилъ уже ни одной копѣйки отъ Академіи.

⁵⁾ По этому кажется, что Штелинь читалъ письмо Лом-ва изъ Марбурга отъ 16 ноября 1740 г., переданное впрямую вслѣдствіе распоряженія Шумахера въ Архивъ ученой Конференціи. Штелинь утвердъ даже, будто «Академія» позволила Лом-ву посѣтить рудники на Гарцѣ, ссылаясь при этомъ на протоколъ не Конференціи, а Канцеляріи. Но такого порученія никогда не было дано. См. Примѣчанія.

⁶⁾ Въ академической біографіи это мѣсто напечатано, какъ кажется, по другой редакціи и въ несовсѣмъ точномъ видѣ: . . . что въ Гарцѣ. Тамъ познакомился онъ со славнымъ горнымъ совѣтникомъ и металлургистомъ г. Крамеромъ, имѣвшимъ тогда уже въ готовности къ напечатанію прекрасное свое сочиненіе, объ искусствѣ раздѣленія металловъ. У сего ученаго и искуснаго мужа жилъ онъ довольно долгое время, и много успѣлъ въ практической металлургии.

прилежно занимаясь своимъ предметомъ. Вездѣ посѣщалъ онъ рудокопные заводы и шлавильни, и провелъ тамъ все лѣто¹⁾.

Зимю возвратился онъ въ Марбургъ, и прожилъ тутъ до весны 1741 года.

Отъ ничтожныхъ средствъ къ содержанію, отъ роскошной иногда жизни²⁾ и отъ необходимыхъ издержекъ на содержаніе своего тайнаго семейства, онъ впалъ въ бѣдность, въ долги и въ такое отчаянное положеніе, изъ котораго не зналъ какъ освободиться. Изъ опасенія попасть въ тюрьму, онъ рѣшился тайно убѣжать въ Голландію, хотя бы даже пришлось ему дорогой просить милостыни (потому что отъ полученнаго имъ незадолго предъ тѣмъ третнаго жалованья у него не осталось ни гроша); а тамъ сѣсть на корабль и отправиться въ свое отечество³⁾.

Имя Андреасъ Крамеръ, пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Лейденѣ и Лондонѣ, лишь въ 1743 г. былъ назначенъ брауншвейнскимъ камерратомъ въ Бланкенбургъ. (См. Поггендорфа, biographisch-literarisches Handwörterbuch zur Geschichte der exacten Wissenschaften. 1. Band. Leipzig 1863, стр. 493). По этому должно полагать, что Лом-овъ познакомился съ нимъ въ Лейденѣ, лѣтомъ 1740 или весною 1741 года. Гдѣ-то, помнится, Ломоносовъ упоминаетъ о лейденскомъ университетѣ.

Сочиненіе Крамера, приведенное Штелиномъ, вышло въ 1739 г. и во второй разъ въ 1744 г. и было переведено на англійскій, французскій и немецкій языки. Вотъ полное заглавіе его по экземпляру, находящемуся въ И. Публ. Библиотекѣ: Ioann. Andr. Crameri Elementa artis docimasticae duobus Tomis comprehensa, quorum prior Theoriam, posterior Praefin, ex vero Fossilium indole deductas, atque indubitata Experimentorum, summa cum accuratione institutorum, fide firmatas, ordine naturali et doctrina apertissima exhibet. 2 Partes Lugduni Batavorum 1739. in-8°.

¹⁾ Такъ какъ Штелинъ мало заботится о точномъ опредѣленіи времени, то и событія у него перебиты. Нѣсколькими строками выше онъ говоритъ, что Лом. просилъ въ своемъ письмѣ изъ Марбурга (отъ 16 ноября 1740 г.) Академію (т. е. Шумахера) о дозволеніи ему усовершенствоваться въ металлуріи и что позволили ему посѣтить рудники на Гарцѣ, стало быть слѣдующаго лѣта. — «Всего лѣта» 1740 года Лом-овъ не могъ провести «въ Гессенѣ и на Гарцѣ», потому что отправился изъ Марбурга (черезъ Франкфуртъ, см. выше стр. 337) въ Голландію не раньше 7 іюня (27 мая). Оттуда онъ, по собственнымъ словамъ Штелина, черезъ погода возвращается въ Марбургъ въ одеждѣ рудокопа (см. выше стр. 385, прим. 7). Принимая въ соображеніе всѣ обстоятельства (см. еще Примѣчанія), должно полагать, что Ломоносовъ возвратился въ Марбургъ черезъ Гарцкія горы, послѣ того какъ убѣжалъ изъ крѣпости Везеля. Уже 28 (17) окт. 1740 г. Райзеръ получилъ въ Фрейбергѣ отъ Ломоносова письмо изъ Марбурга, въ которомъ онъ извѣщаетъ своего товарища, что вернулся изъ поядки въ Голландію.

²⁾ Въ академической біографіи: и отъ непорядочнаго, можетъ быть, хозяйства. Штелинъ, впрочемъ, здѣсь смѣшиваетъ первое пребываніе Лом-ва въ Марбургѣ (1736—1739) съ третьимъ (1740—1741).

³⁾ Въ академ. біографіи: Расположился итти или въ Любекѣ, или въ Голландію, и послѣ отправиться моремъ въ Петербургъ.

Начало этого предпріятія исполнилъ онъ, не сказавъ никому ни слова въ Марбургѣ ¹⁾. По дорогѣ въ Дюссельдорфъ, въ разстояніи двухдневнаго пути ²⁾ отъ Марбурга, зашелъ онъ на большой дорогѣ въ мѣстечко, гдѣ хотѣлъ переночевать въ гостинницѣ. Тамъ нашелъ онъ королевско-прусскаго офицера, вербующаго рекрутъ, съ солдатами и съ нѣсколькими новобранцами, которые весело пировали. Нашъ путешественникъ показался имъ пріятною находкою. Офицеръ вѣжливо пригласилъ его безъ платы поужинать и попить въ ихъ компаніи ³⁾. Не забыли также расхвалить ему королевско-прусскую службу, и мало по малу уговорили молодого странника вступить въ нее. Они такъ напоили его, что онъ на слѣдующій день ничего не могъ себѣ припомнить, что происходило съ нимъ въ продолженіе ночи. Проспавшись, увидѣлъ онъ только, что у него на шеѣ красный галстукъ, который онъ тотчасъ же снялъ ⁴⁾, и въ карманѣ нѣсколько прусскихъ монетъ. Офицеръ же называлъ его славнымъ молодцомъ, которому навѣрное посчастливится въ королевско-прусской службѣ; солдаты называли его товарищемъ. «Я вашъ товарищъ?» сказалъ Ломоносовъ, — я про то ничего не знаю; я Русскій, и никогда не былъ вашимъ товарищемъ! — «Что? — возразилъ вахмистръ, — ты имъ не товарищъ? Развѣ ты проспалъ или ужъ забылъ, что ты вчера при насъ принялъ королевскую-прусскую службу, ударилъ по рукамъ съ господиномъ поручикомъ, взялъ задатокъ, и пилъ съ нами здоровье твоего и нашего полка? Будь же бодрѣе, другъ кавалеристъ, и не раскаявайся; тебѣ у насъ понравится; ты красивый молодецъ, и верхомъ будешь очень хорошъ на парадѣ» ⁵⁾.

25 (14 апр.) 1741 г. Вольфъ пишетъ изъ Галле къ Шумахеру (см. выше стр. 342), что «еще разъ убѣждалъ Ломова поспѣшить отъѣздомъ на сколько возможно».

¹⁾ По *акад. біографіи*: «Не простившись ни съ кѣмъ, ниже съ женою своею, однимъ вечеромъ вышелъ со двора, и пустился прямо по дорогѣ въ Голландію. Шелъ всю ночь. На третей день миновавъ Дюссельдорфъ, почевалъ, по близости отъ сего города, въ небольшемъ селеніи на постояломъ дворѣ».

²⁾ ? Не смотря на опредѣленность этого извѣстія должно предполагать, что Ломовъ по неволѣ поступилъ въ кавалерію Фридриха Великаго не осенью 1741 г., но лѣтомъ 1740 г., и именно на обратномъ пути изъ Голландіи въ Марбургъ. См. выше стр. 337 и Примѣчанія.

³⁾ По *акад. біографіи*: Офицеръ просилъ его учтивымъ образомъ сѣсть подлѣ себя, отужинать съ его подчиненными, и вмѣстѣ выпить, такъ ими называемую круговую рюмку.

⁴⁾ По *акад. біографіи*: Пробудясь увидѣлъ на платьѣ своемъ красный воротникъ; снялъ его.

⁵⁾ По *акад. біографіи*: Пилъ съ нами круговую рюмку за свое и полку нашего здоровье, и побратался съ нами. Не унывай только и не думай ни о чемъ, тебѣ у насъ полюбится, дѣтина ты доброй и годишься на лошадь.

И такъ нашъ бѣдный Ломоносовъ сталъ королевскимъ прусскимъ рейтаромъ¹⁾, и дня черезъ два вмѣстѣ съ другими рекрутами, набранными въ окрестности, былъ отправленъ въ крѣпость Везель.

Съ этой минуты онъ твердо рѣшился бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ. Его провожатые, казалось, замѣтили въ немъ еще дорокою это желаніе; и потому въ крѣпости Везель, съ самаго начала, стали присматривать за нимъ строже, чѣмъ за прочими рекрутами. Замѣтивъ это, онъ притворился очень довольнымъ, какъ будто онъ получилъ величайшую охоту къ военной службѣ. Къ его счастью, онъ не былъ, какъ большая часть рекрутовъ, помѣщенъ въ городѣ на квартирахъ; но оставался въ караульнѣ, гдѣ долженъ былъ спать на скамейкѣ. Такъ какъ эта караульня находилась близко отъ вала, и заднее окно выходило прямо на валъ, то онъ и рѣшился воспользоваться этимъ и другими удобствами къ своему предположенному бѣгству, которое онъ черезъ нѣсколько недѣль смѣло предпринялъ и благополучно исполнилъ. Онъ каждый вечеръ заранѣе ложился спать на свою скамейку, такъ что высыпался довольно, когда его товарищи едва только засыпали, и всегда искалъ случая убѣжать. Однажды, проснувшись вскорѣ послѣ полуночи, онъ замѣтилъ, что всѣ прочіе спали глубокимъ сномъ; онъ рѣшился съ величайшею осторожностію вылѣзти изъ задняго окна и взобраться на валъ. Тутъ въ темнотѣ онъ поползъ до вала на четверенькахъ, чтобъ часовые, разставленные не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго, не могли его замѣтить, спустился въ ровъ, переплылъ²⁾ чрезъ него безъ шума, взобрался на четверенькахъ на валъ, и опять спустился въ ровъ и переплылъ его; потомъ вскарабкался на контрескарпъ, перелѣзъ черезъ частоколъ и палисадникъ, и съ гласиса выбрался въ открытое поле. И такъ самое трудное, подъ защитою ночнаго мрака, было благополучно окончено: теперь его спасеніе зависѣло отъ достиженія прусской границы; но до нее оставалось болѣе нѣмецкой мили; и вотъ онъ въ мокрой солдатской шинели, повязавъ шею носовымъ платкомъ вмѣсто краснаго галстука, собралъ всѣ свои силы, чтобы до разсвѣта достигнуть границы. Едва совершилъ онъ четверть пути, какъ стало уже разсвѣтать, и вскорѣ послѣ того онъ съ трепетомъ услышалъ съ крѣпости пушечный выстрѣлъ, обыкновенный сигналъ

¹⁾ Къ этому (И такъ — — рейтаромъ) въ *академ. биографіи* прибавлено: Палка Прусскаго вахмистра запечатлѣла у него уста. (Дни чрезъ два — —)

²⁾ По *академ. биографіи*: Переплылъ главной ровъ, а за вѣшними укрѣпленіями и рavelлиной, проминовалъ съ крайнимъ трудомъ контрескарпъ, открытой ходъ, палисадникъ и гласисъ, и увидѣлъ себя на концѣ на полѣ.

о бѣжавшемъ дезертирѣ. Этотъ угрожающій звукъ заставилъ его удвоить шаги, и онъ побѣжалъ изъ всѣхъ силъ, оглядываясь по временамъ; онъ увидѣлъ даже, хотя въ далекомъ еще разстояніи, кавалериста изъ крѣпости, скачущаго за нимъ во весь опоръ. Но прежде нежели онъ могъ догнать его, нашъ сиѣлый бѣглець достигъ Вестфальской границы ¹⁾, и возблагодарилъ Бога за благополучное свое спасеніе отъ прусской власти. Даже и тутъ, въ вестфальской деревнѣ ²⁾, онъ не рѣшился остановиться, а пошелъ въ ближній лѣсъ, гдѣ въ его густомъ кустарникѣ онъ снялъ съ себя мокрое платье, чтобъ высушить его, а самъ между тѣмъ легъ и проспалъ до сумерекъ. Вечеромъ онъ съ новыми силами пустился въ путь, выдавая себя вездѣ за бѣднаго студента ³⁾, и пробрался такимъ образомъ черезъ Аригеймъ въ Утрехтъ, а оттуда въ Амстердамъ. Здѣсь Импер. русскій агентъ Олдекопъ принялъ его, какъ Русскаго, претерпѣвшаго на дорогѣ несчастіе, далъ ему другое платье, и отправилъ въ Гагу къ русскому посланнику графу Головкину ⁴⁾. Этотъ вельможа снабжалъ его нѣсколько дней всѣмъ нужнымъ, далъ ему денегъ, необходимыхъ на дорогу, и отправилъ его обратно въ Амстердамъ, гдѣ онъ скоро нашелъ случай сѣсть на корабль, отправлявшійся въ Петербургъ. Еще до своего отъѣзда ⁵⁾ онъ написалъ женѣ своей, оставленной имъ въ Марбургѣ,

¹⁾ *Городъ и крѣпость Везель, при впаденіи рѣки Диппе въ Рейнъ, нынѣ принадлежатъ къ прусской рейнской провинціи. Во время Ломоносова Вестфальскій округъ (Westfälischer Kreis) такъ называемой нѣмецкой имперіи составляли, кромѣ герцогства вестфальскаго и небольшихъ прусскихъ областей, земли нѣсколькихъ независимыхъ епископовъ, какъ-то мюнстерскаго, падерборнскаго, литтикскаго и проч. Собственно такъ называемое «Герцогство вестфальское» съ городомъ Арнсбергомъ до 1803 г. принадлежало курфирсту-епископу кѣльмскому.*

²⁾ *По академ. биографіи:* Обошелъ изъ предосторожности епископское селеніе находившіяся по близости лѣсомъ, остановился въ немъ отдохнуть, сушить мокрое свое платье, проспалъ спокойно до полудни.

Это епископское селеніе вѣроятно принадлежало къ землѣ епископа мюнстерскаго.

³⁾ *По академ. биографіи:* Называясь вездѣ бѣднымъ Саксонскимъ студентомъ.

⁴⁾ *По академ. биографіи:* Въ послѣднемъ городѣ Россійской Императорской повѣренной въ дѣлахъ господинъ Ольдекопъ, изрядно его принявъ отправилъ, сходственно съ его желаніемъ, въ Гагу къ Россійскому же послу графу Головкину на шляпкѣ.

Штелингъ, предполагая, что Лом-овъ былъ записанъ въ прусскіе солдаты весною 1741 г., здѣсь смѣшиваетъ вторую поѣздку его въ Голландію съ первой. Изъ письма Лом-ва отъ 16 ноября 1740 (см. выше стр. 337) видно, что летомъ 1740 г., «изъ Марбурга онъ отправился во Франкфуртъ, а потомъ водою въ Роттердамъ и Гагу». Стало быть въ 1740 г. онъ прибылъ въ Амстердамъ только на обратномъ пути изъ Гаги.

⁵⁾ *По академ. биографіи:* Еще до отъѣзда своего изъ Гаги.

извѣстилъ ее о прибытіи своемъ въ Голландію къ русскому посланнику графу Головкину¹⁾, и просилъ ее не писать къ нему до тѣхъ поръ, пока онъ не извѣститъ ее о своей дальнѣйшей судьбѣ и о мѣстѣ своего пребыванія. Но послѣ того онъ долгое время не писалъ ей, вѣроятно потому, что его обстоятельства въ Петербургѣ, (куда прибылъ онъ благополучно въ «— —» мѣсяцѣ 1741 г.²⁾, и послѣ различныхъ доказательствъ своихъ способностей и познаній, получилъ званіе адъюнкта при Академіи), были такого рода, что онъ не могъ еще рѣшиться объявить въ Петербургѣ о своемъ супружествѣ, которое никому не было тамъ извѣстно, выписать къ себѣ жену и ребенка, и содержать ихъ своимъ скуднымъ жалованьемъ адъюнкта, въ такомъ дорогомъ мѣстѣ, какъ Петербургъ.

Дорогою, когда онъ плылъ моремъ въ свое отечество, случилось съ нимъ происшествіе, которое глубоко тронуло его, и котораго онъ никогда не могъ забыть.

Онъ проснулся послѣ страннаго сновидѣнія, въ которомъ онъ очень ясно видѣлъ своего отца, выброшеннаго кораблекрушеніемъ и лежащаго мертвымъ на необитаемомъ, неизвѣстномъ островѣ въ Бѣломъ морѣ³⁾, не имѣвшемъ имени, но памятномъ ему съ юности, потому что онъ нѣкогда былъ къ нему прибитъ бурей съ отцемъ своимъ. Лишь только онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ поспѣшилъ справиться объ отцѣ своемъ на биржѣ у всѣхъ прибывшихъ изъ Архангелска купцовъ и у холмогорскихъ артельщиковъ, и наконецъ узналъ⁴⁾, что отецъ его отправился на рыбную ловлю еще прошлою осенью, и съ тѣхъ поръ не возвращался, а потому и полагаютъ, что съ нимъ случилось несчастіе. Ломоносовъ такъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, какъ прежде своимъ пророческимъ сномъ. Онъ далъ себѣ слово отправиться на родину отыскать тѣло своего несчастнаго отца на островѣ, извѣстномъ ему съ юности и представившемся теперь ему во снѣ со всѣми подробностями и признаками, и съ честью предать его землѣ. Но такъ какъ заня-

¹⁾ Что Лом-овъ въ 1741 г. дѣйствительно (во второй разъ) явился къ Головкину, должно заключить изъ того, что жена Лом-ова, въ 1743 г., обратилась прямо къ этому посланнику. См. ниже стр. 400, прим. 2.

²⁾ 8 іюля.

³⁾ По акад. біографіи: въ ледяномъ морѣ.

⁴⁾ По акад. біогр.: Нашелъ тамъ (въ Петербургѣ) роднаго своего брата, и услышавъ отъ него, что отецъ ихъ того же года по первому вскрытіи водъ отправился по обыкновенію своему въ море на рыбной промыселъ; что минуло уже тому четыре мѣсяца, и ни онъ, ниже кто другой изъ его артели поѣхавшихъ съ ними, еще не воротились. Сказанной сонъ и братнія слова наполнили его крайнимъ безпокойствомъ.

тія его въ Петербургѣ не позволили ему исполнить это намѣреніе то¹⁾ онъ съ купцами, возвращавшимися изъ Петербурга на его родину послалъ письмо къ тамошнимъ роднымъ своимъ, поручилъ своему брату исполнить это предпріятіе на его счетъ, описалъ подробно положеніе острова и просилъ убѣдительно, чтобъ тамошніе рыбаки, отправившись на рыбную ловлю, пристали къ нему, отыскали на немъ тѣло отца его и передали его землѣ. Это было исполнено еще въ то же лѣто: партія холмогорскихъ рыбаковъ пристала къ этому дикому острову, отыскала мертвое тѣло на описанномъ мѣстѣ, похоронила его и взвалила большой камень на могилу. Извѣстіе о совершенномъ исполненіи его желанія, полученное имъ въ слѣдующую зиму, успокоило его всегдашнюю тайную печаль, причину которой онъ только въ послѣдствіи сообщилъ другимъ.

Съ этого времени онъ сталъ опять веселъ, съ новою охотою и необыкновеннымъ прилежаніемъ сталъ заниматься науками, и писалъ различныя сочиненія по части физики и химіи, которыя обратили на себя вниманіе членовъ Академіи, показавъ его геніальный взглядъ на науку, и проложили ему дорогу къ званію профессора химіи и металлургіи.

Между тѣмъ его оставленная въ Марбургѣ жена не получила никакихъ извѣстій о его мѣстопробываніи, и въ продолженіе двухъ лѣтъ не знала, куда онъ дѣвался. Въ томъ невѣдѣніи и безпокойствѣ обратилась она (1743) къ Импер. російскому посланнику въ Гагѣ, Графу Головкину²⁾, по первому письму своего мужа, присланному имъ по прибытіи его въ Голландію. Она убѣдительно просила Графа, который два года тому назадъ такъ милостиво его принялъ, извѣстить ее, для успокоенія ея глубокой горести, куда отправился и гдѣ теперь находится мужъ ея, студентъ Ломоно-

¹⁾ По *акад. біоур.*: Принужденъ былъ послать брата своего, давъ ему на дорогу денегъ, въ Холмогоры съ письмомъ къ тамошней артели рыбаковъ, усильно ихъ въ ономъ прося, чтобы при первомъ выѣздѣ на промыселъ заѣхали къ острову, коего положеніе и видъ береговъ точно и подробно имъ описалъ; обыскали бы по всѣмъ мѣстамъ, и если бы нашли тѣло отца его, такъ бы передали землѣ.

Люди сіи не отрѣклись исполнить прозбы его, и въ ту же осень нашли подлинно тѣло Василія Ломоносова, точно на томъ пустомъ островѣ, и погребши возложили на могилу большой камень. Наступившею зимою былъ онъ о всемъ ономъ извѣщенъ. Внутренняя его скорбь, давно уже многими при мѣчаемая, превратившись въ явную, со временемъ умѣрилась.

²⁾ По *акад. біографіи*: Въ такомъ страхѣ и неизвѣстности, на конецъ, въ 1743 году мѣсяцѣ Февралѣ, подала письмо Російскому Императорскому въ Гагѣ министру графу Головкину, чрезъ котораго получила она, какъ выше упомянуто, первое мужнино письмо.

совѣ. При томъ она написала къ нему письмо, въ которомъ открывала ему свою нужду и просила его помочь ей сколько возможно скорѣе. Графъ Головкинъ послалъ это письмо съ своею реляціею¹⁾ къ канцлеру графу Бестужеву, и просилъ его доставить ему отвѣтъ. Графъ Бестужевъ, не освѣдомляясь о содержаніи письма, ни о причинѣ требуемаго отвѣта, поручилъ статскому совѣтнику Штелину передать его кому слѣдуетъ, и доставить ему непременно отвѣтъ.

Никто и не воображалъ, чтобъ Ломоносовъ былъ женатъ. Но онъ самъ, полагая, что графъ Головкинъ узналъ всѣ обстоятельства отъ его оставленной имъ жены, прочиталъ письмо и воскликнулъ: «Правда, правда, Боже мой! я никогда не покидалъ ее и никогда не покину; только мои обстоятельства препятствовали мнѣ до сихъ поръ писать къ ней и еще менѣе вызвать ее къ себѣ. Но пусть она пріѣдетъ, когда захочетъ; я завтра же пошлю ей письмо и 100 руб. денегъ, которыя попрошу передать ей.» То и другое было отослано къ посланнику въ Гагу, а онъ немедленно переслалъ все въ Марбургъ, и въ томъ же году жена его съ ребенкомъ и въ сопровожденіи брата пріѣхала черезъ Любекъ въ Петербургъ къ своему обрадованному мужу, котораго она нашла здоровымъ и веселымъ, въ довольно хорошо устроенной академической квартирѣ при химической лабораторіи²⁾.

Что онъ въ 1746 г.³⁾ получилъ званіе профессора химіи и экспериментальной физики; совершенно перестроилъ академическую лабораторію, и устроилъ ее въ новѣйшемъ и лучшемъ видѣ; дѣлалъ много экспериментовъ и открытій; какія сочиненія читалъ онъ въ академическихъ собраніяхъ; какія прекрасныя рѣчи говорилъ онъ въ честь Петра Великаго и императрицы Елисаветы; какіе превосходные стихи писалъ онъ по временамъ, и какія книги издавалъ онъ, какъ напр. Риторику, Русскую Грамматику, Руководство къ горному искусству и къ рудокопнымъ заводамъ; какія трагедіи писалъ онъ первый на русскомъ языкѣ, и что издалъ онъ въ свѣтъ о древней русской исторіи и проч.: все это можно подробно и обстоятельно видѣть какъ въ самихъ его сочиненіяхъ,

¹⁾ Выше упомянутая реляція гр. Александра Гавр. Головкина, сколько известно, не нашлась въ ея домесніяхъ, хранящихся въ московскомъ Главномъ Архивѣ.

²⁾ Встрѣте въ акад. биографіи: «Жилъ онъ тогда въ Академическомъ домѣ подлѣ химической лабораторіи», т. е. во второй линіи на Васильевскомъ острову. См. ниже Предисловіе къ Запискѣ княгини Дашковой.

³⁾ Въ 1745 г.

изданныхъ имъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, такъ и въ протоколахъ академической Канцелярїи и Конференціи.

Его таланты и сочиненія приобрѣли ему высочайшую милость императрицы, которая, въ изъявленіе своего благоволенія, пожаловала ему довольное помѣстье Каравалдай при Финскомъ заливѣ; онъ пользовался особенною благосклонностію многихъ вельможъ русскаго двора, какъ напр. канцлера графа Воронцова ¹⁾ и брата его сенатора графа Романа Ларіоновича, камергера Ивана Ивановича и генераль-фельдцейхмейстера графа Петра Ивановича Шувалова, гетмана и президента Академіи графа Разумовскаго и многихъ другихъ именитыхъ особъ государства; приобрѣлъ уваженіе многихъ славныхъ ученыхъ Европы и цѣлыхъ обществъ, какъ напр. королевско-шведской Академіи Наукъ и знаменитой болонской Академіи, которыя сдѣлали его своимъ членомъ; наконецъ сама императрица Екатерина II всемилостивѣйше признала его заслуги, и зная его особенныя познанія о внутреннемъ устройствѣ государства и о состояніи острововъ, лежащихъ далеко на сѣверѣ, благоволила потребовать отъ него письменныя его сочиненія объ открываемыхъ тогда островахъ на Камчатскомъ и дагѣ на Ледовитомъ морѣ, и проч. Все это не анекдоты, но всѣмъ извѣстныя дѣла, и слѣдовательно легко можно собрать подробнѣшнія о томъ извѣстія.

Какъ справедливый анекдотъ, котораго я самъ былъ свидѣтелемъ, заслуживаетъ быть упомянутымъ слѣдующій: увидя въ первый разъ въ жизни мозаическую работу, — плачущаго апостола Петра, — подаренную папою Климентомъ XIII канцлеру графу Воронцову, пожелалъ онъ тотчасъ произвести подобную работу и въ Россіи. Онъ разсмотрѣлъ составныя его части, и въ своей плавильной печи сплавилъ составныя камни различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, составилъ особый цементъ и удачно вылѣпилъ голову Петра Великаго, — первую мозаичную работу въ Россіи ²⁾. Послѣ того, совершенствуясь постепенно въ своемъ искусствѣ, предпринялъ онъ наконецъ ³⁾ изумительно огромное изображеніе Полтавской битвы (12 фут. въ вышину и 8 въ ширину), на кото-

¹⁾ *Въ акад. биографіи*: отъ канцлера — Воронцова и всего его семейства.

²⁾ *Въ акад. биографіи*: Составилъ потребный къ работѣ сей мастикъ и изобразилъ довольно изрядно, для первой въ Россіи сдѣланной мозаичной картины, лице Петра Великаго съ Дангауерова подлинника.

³⁾ *Въ акад. биографіи прибавлено*: По сенатскому указу.

ромъ лица были представлены въ обыкновенный ростъ, назначенное для внутренняго украшенія Петро-Павловскаго собора ¹⁾.

Есть много анекдотовъ о непримиримой ненависти ученаго Ломоносова къ необразованному сопернику своему въ стихотворствѣ Сумарокову, который при каждомъ случаѣ старался оскорблять его. Вотъ одинъ изъ нихъ: камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ пригласилъ однажды къ себѣ на обѣдъ, по обыкновенію, многихъ ученыхъ и въ томъ числѣ Ломоносова и Сумарокова. Во второмъ часу всѣ гости собрались, и чтобы сѣсть за столъ, ждали мы только прибытія Ломоносова, который, не зная, что былъ приглашенъ и Сумароковъ, явился только около 2 часовъ. Пройдя отъ дверей уже до половины комнаты, и замѣтя вдругъ Сумарокова въ числѣ гостей, онъ тотчасъ оборотился и не говоря ни слова, пошелъ назадъ въ двери, чтобы удалиться. Камергеръ закричалъ ему: «куда, куда? Михаилъ Васильевичъ! мы сейчасъ садимъ за столъ и ждали только тебя.» — «Домой,» — отвѣчалъ Ломоносовъ, держась уже за скобку растворенной двери. — «Зачѣмъ же? — возразилъ камергеръ, — вѣдь я просилъ тебя къ себѣ обѣдать.» — «Зачѣмъ, — отвѣчалъ Ломоносовъ, — что я не хочу обѣдать съ дуракомъ.» Тутъ онъ показалъ на Сумарокова и удалился.

Ломоносовъ умеръ на 3 день пасхи 1765 года ²⁾. За нѣсколько дней до своей кончины сказалъ онъ Штелину: «Другъ, я вижу, что я долженъ умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть; жалѣю только о томъ, что не могъ я совершить всего того, что предпринялъ я для пользы отечества, для приращенія наукъ и для славы Академіи, и теперь при концѣ жизни моей долженъ видѣть, всѣ мои полезныя намѣренія исчезнуть вмѣстѣ со мною».

Къ его великолѣпному погребенію, на которомъ присутствовали с.-петербургскій Архіерей съ именитѣйшимъ духовенствомъ, нѣкоторые сенаторы и многіе другіе вельможи, явился и Сумароковъ. Присѣвъ къ статскому совѣтнику Штелину, бывшему въ числѣ провожатыхъ, указалъ онъ на покойника, лежащаго въ гробу, и сказалъ: «угомонился дуракъ и не можетъ болѣе шумѣть!» Штелинъ отвѣчалъ ему: «не совѣтовалъ бы я вамъ сказать ему это при

¹⁾ Въ *акад. биографіи*: Столъ великая картина, подобно какъ и многія другія, должно существовала быть поставлена на украшеніе внутреннихъ стѣнъ Санкт-петербургской соборной церкви святыхъ Апостоловъ Петра и Павла. Окончена она была чрезъ два года и нѣсколько мѣсяцовъ, съ нарочитымъ успѣхомъ.

²⁾ Въ *акад. биографіи*: Лом-овъ скончался на третій день святая недѣли 1765 года. Пасха была 3 апрѣля. — По Новикову (Опытъ истор. слов. Спб. 1772) Лом-овъ скончался 4 апрѣля.

жизни». Ломоносовъ нагналъ на него такой страхъ, что Сумароковъ не смѣлъ разинуть рта въ его присутствіи.

Графъ Орловъ ¹⁾ выпросилъ у вдовы его оставшіяся послѣ него бумаги, поручилъ секретарю Козицкому привести ихъ въ порядокъ и положить во дворцѣ своемъ, въ особой комнатѣ.

Спустя нѣсколько времени послѣ его смерти, канцлеръ графъ Воронцовъ, высоко уважая его заслуги отечеству, захотѣлъ воздвигнуть ему памятникъ изъ бѣлаго мрамора, и поставить на его могилѣ въ Невскомъ монастырѣ; онъ поручилъ стат. сов. Штелину сочинить подпись и рисунокъ къ нему въ флорентинскомъ размѣрѣ. То и другое было отослано графомъ въ Ливорно ²⁾, и на слѣдующій годъ полученъ былъ памятникъ изъ каррарскаго мрамора, сдѣланный совершенно по рисунку, въ томъ видѣ, какъ онъ теперь находится на кладбищѣ вышеупомянутаго монастыря.

Каммергеръ графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ напечаталъ на его кончину прекрасную оду на французскомъ языкѣ, въ которой были превознесены заслуги Ломоносова, и унижены зависть и невѣжество Сумарокова.

Приведу одинъ примѣръ необыкновеннаго присутствія духа и тѣлесной силы Ломоносова. Будучи адъюнктомъ Академіи жилъ онъ на Васильевскомъ острову при химической лабораторіи, и мало имѣлъ знакомства съ другими. Однажды въ прекрасный осенній вечеръ пошелъ онъ одинъ одиноконекъ гулять къ морю по большому проспекту Васильевскаго острова. На возвратномъ пути, когда стало уже смеркаться, и онъ проходилъ лѣсомъ, по прорубленному проспекту, выскочили вдругъ изъ кустовъ три матроса и напали на него. Ни души не было видно кругомъ. Онъ съ величайшею храбростію оборонялся отъ этихъ трехъ разбойниковъ. Такъ ударилъ одного изъ нихъ, что онъ не только не могъ встать, но даже долго не могъ опомниться; другаго такъ ударилъ въ лицо, что онъ весь въ крови изо всѣхъ силъ побѣжалъ въ кусты; а третьяго ему ужъ не трудно было одолѣть; онъ повалилъ его, (между тѣмъ, какъ первый очнувшись, убѣжалъ въ лѣсъ), и держа его подъ ногами, грозилъ, что тотчасъ же убьетъ его, если онъ не откроетъ ему, какъ зовутъ двухъ другихъ разбойниковъ, и что хотѣли они съ нимъ сдѣлать. Этотъ сознался, что они хотѣли только его ограбить и потомъ отпустить. «А! каналья! — сказалъ Ломо-

¹⁾ *Въ акад. біографіи*: Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ — велѣлъ собрать Григорью Васильевичу Козицкому запретъ въ особомъ покоѣ своего дома.

²⁾ *См. выше стр. 386, стр. 5.*

совѣ, — такъ я же тебя ограблю.» И воръ долженъ былъ тотчасъ снять свою куртку, холстинный камзолъ и штаны, и связать все это въ узелъ своимъ собственнымъ поясомъ. Тутъ Ломоносовъ ударилъ еще полунагаго матроса по ногамъ, такъ что онъ упалъ и едва могъ сдвинуться съ мѣста, а самъ, положивъ на плеча узелъ, пошелъ домой съ своими трофеями, какъ съ завоеванною добычею, и тотчасъ при свѣжей памяти записалъ имена обоихъ разбойниковъ. На другой день онъ объявилъ объ нихъ въ Адмиралтействѣ; ихъ немедленно поймали, заключили въ оковы, и черезъ нѣсколько дней прогнали сквозъ строй.

№ 143. Послужные списки Ломоносова и Нартова, отъ 1754 г. *).

Коллежской совѣтникъ и профессоръ Михайло Васильевъ сынъ Ломоносовъ, въ службѣ Ея Императорскаго Величества съ 1731 года и былъ сперва въ московскихъ Спаскихъ школахъ ученикомъ; въ 1736 году по указу Правительствующаго Сената взятъ въ санктпетербургскую Академію наукъ студентомъ и посланъ былъ въ Германію по Кабинетному указу, гдѣ обучался физикѣ, химіи и горныхъ дѣлъ и былъ тамо по 1741 годъ. Въ 1742 году по опредѣленію Канцеляріи Академіи наукъ и по апробаціи профессорскаго Собранія произведенъ въ адъюнкты. Въ 1745 году по именному Ея Императорскаго Величества указу пожалованъ въ профессоры. Въ 1751 году марта 1-го дня именованъ же Ея Императорскаго Величества указомъ за подписаніемъ собственныя Ея Величества руки пожалованъ коллежскимъ совѣтникомъ, съ жалованьемъ по тысячи по двѣсти рублевъ на годъ, въ которомъ чину и окладѣ понынѣ состоятъ. Отъ роду ему г-ну совѣтнику 42 года. Мужеска полу дѣтей у него нѣтъ. Крестьянъ пожалованныхъ къ фабрикѣ имѣетъ въ Копорскомъ уѣздѣ двѣсти одиннадцать душъ.

Андрей Константиновъ сынъ Нартовъ въ 1714-мъ году по именованію блаженнаго и вѣчной славы достойнаго памяти государя императора Петра Великаго указу взятъ былъ изъ вѣдомства адмиралтейской московской канцеляріи ко двору Его Вели-

*) Печатано съ копій, подлинники которыхъ, впрочемъ, хранятся въ одномъ изъ государственныхъ архивовъ. Ср. выше стр. 370 (№ 134) и ниже Примѣч.

чества и опредѣленъ механикомъ. Въ 718 году по именному блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго указу посыланъ былъ въ иностранныя европейскіе государства и былъ тамо по 720 годъ. Въ томъ 1720 году былъ при дворѣ Его Величества по прежнему при механической должности. Въ 1726 году по именному блаженныя и вѣчно достойныя памяти Ея Императорскаго Величества государыни императрицы Екатерины Алексѣевны указу находился въ Москвѣ съ генераломъ Волковымъ на монетныхъ дворахъ для передѣлу монеты двухъ миліоновъ и къ произведенію и механическому дѣлу машинъ. Въ 729 году по указу Государственной Военной Коллегіи отправленъ былъ на сестербецкіе заводы для передѣлу въ монету дватцати тысячъ пудовъ красной меди. Въ 1733 году по именному Ея Императорскаго Величества указу пожалованъ изъ механиковъ ассессоромъ и опредѣленъ въ присутствіе на монетные дворы въ Москву въ учрежденную вторую Экспедицію и сверхъ означенной должности былъ при литьѣ большого Успенскаго колокола. Въ 1735 году по изустному указу блаженныя и вѣчно достойныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны опредѣленъ въ лабораторію и механическимъ токарнымъ машинамъ и инструментамъ, находящимся при Академіи наукъ. Въ 1741 году апрѣля 27 дня за изобрѣтенныя имъ касающіяся до артилерійскаго военного снаряда разныя извенціи пожалованъ коллежскимъ совѣтникомъ, въ которомъ чинѣ и повинѣ состоитъ съ жалованьемъ по тысячи по двѣсти рублевъ на годъ изъ доходовъ Штатсъ-Конторы и обрѣтается при порученныхъ ему дѣлахъ въ Академіи наукъ, въ Главной артиллеріи, въ Адмиралтействѣ что по его искусству. Отъ роду ему 60 лѣтъ. Дѣтей имѣетъ мужеска полу двоихъ, находящихся въ службѣ Ея Императорскаго Величества, перваго Степана въ артиллерійскомъ корпусѣ при осадной ротѣ подпоручикомъ 30 лѣтъ, втораго Андрея въ кадецкомъ корпусѣ въ студентскомъ классѣ 16-ти лѣтъ, которой и на смотру былъ въ геролдмейстерской конторѣ. Крестьянъ за нимъ господиномъ совѣтникомъ пожалованныхъ по именному Ея Императорскаго Величества за подписаніемъ собственныя руки указу въ 1746 году имѣетъ въ новгородскомъ уѣздѣ въ разныхъ пятнинахъ въ Усадище Крючковѣ сто пятьдесятъ три души, а дворовыхъ людей, набранныхъ изъ выше писаннаго числа крестьянъ, одиннадцать человекъ.

VIII.

О Д А

ФЕНЕЛОНА, 1681 года,

ПЕРЕВЕДЕННАЯ

М. ЛОМОНОСОВЫМЪ,

ВЪ 1738 г. *)

---

*) См. ниже стр. 418.

ODE

Composée par Messire François de Salignac, de la Motte Fenelon,
Archeveque-Duc de Cambrai Prince du st. Empire¹⁾.

1.

Montagnes ²⁾ de qui l'audace
Va porter jusques aux Cieux
Un front d'éternelle glace,
Soutien du sejour des Dieux:
Dessous ³⁾ vos têtes chennes
Je cueille au dessus des nues
Toutes les fleurs du Printems;
A mes pieds contre la terre ⁴⁾
J'entends gronder le tonnerre
10. Et tomber mille torrens.

2.

Semblables aux monts de Thrace,
Qu'un Geant audacieux
Sur les autres monts entasse
Pour escalader les Cieux,
Vos sommets sont des Campagnes
Qui portent d'autres montagnes ⁵⁾
Et s'élevans par degrez,
De leurs orgueilleuses têtes
Vont affronter les tempêtes
20. De tous les vents conjurez.

---

¹⁾ Ode.

A l'Abbé de Langeron.
Description du prieuré de Carenac. *D.*

²⁾ Montagnes d'Auvergne où il était dans sa jeunesse. *R.*
Les montagnes du Périgord, où était Fénelon lorsqu'il composa cette ode. *D.*

ОДА

Которую сочинилъ Господинъ Франціскъ де Саліньякъ дея Мотта
Февеловъ, Архіепіскопъ Дюкъ Камбрейскій, Священныя Римскія
Імперіи Принць ¹⁾).

1.

Горы ²⁾ толь что дерзновенно
Вносите верхи къ звѣздамъ
Льдомъ покрыты беспремѣнно,
Нерушимъ столпъ небесамъ:
Вашими подъ сѣдинами
Рву цвѣты надъ облаками
Чемъ пестрять васъ взоръ весны;
Тучи подо мной гремящы
Слышу, и дожди шумящы,
10. Какъ ручьевъ падучихъ тьмы.

2.

Вы горамъ Эракійскимъ равны
Кладъ одну что на другу
Исполнѣ отвагой славный
Что бѣ взотти небесъ къ верьху.
Зрю на васъ поля широки,
Гдѣ съ уступами высоки
Горы, выше облаковъ
Гордыя главы вздымають,
Бурей ярость посрамляють
20. Всѣхъ бунтующихъ ³⁾ вѣтровъ.

---

²⁾ Deasus. *D.*

⁴⁾ A mes pieds, contre la terre, *D.*

⁵⁾ montagnes; *D.*

⁶⁾ Въ подлинникѣ: бунтующихъ.

3.

Dès que la vermeille Aurore
 De ses feux étincelans
 Ces vertes montagnes dore ⁷⁾
 Les tendres agneaux bilans ⁸⁾
 Errent dans les pâturage;
 Bientôt les sombres bocages
 Plantés le long des ruisseaux ⁹⁾
 Et que les Zephirs agitent,
 Bergers et troupeaux invitent
 30. A dormir au bruit des eaux.

4.

Mais dans ce rude paysage
 Où tout est capricieux
 Et d'une beauté sauvage
 Rien ne rapelle à mes yeux
 Les bords que mon fleuve arrose ¹⁰⁾
 Fleuve, où jamais le vent n'ose
 Les moindres flots soulever:
 Où le Ciel serain nous donne
 Le Printems après l'Automne
 40. Sans laisser place à l'Hiver.

5.

Solitude ¹¹⁾ où la riviere
 Ne laisse entendre aucun ¹²⁾ bruit
 Que celui d'une onde claire,
 Qui tombe, écume et s'enfuit:
 Où deux Iles fortunées
 Des rameaux verts ¹³⁾ couronnées,
 Font pour le charme des yeux
 Tout ce que le coeur desire:
 Que ne puis-je avec ma Lyre
 50. Te chanter du chant des Dieux!

---

⁷⁾ Toutes ces montagnes dore, *D.*

⁸⁾ bélants *D.*

⁹⁾ bocages, plantés le long des ruisseaux, *D.*

¹⁰⁾ arrose; *D.*

¹¹⁾ Carenac, petite Abbaye sur la Dordogne, qu'il avoit alors. *R.*

3.

Какъ на сихъ горахъ червленной
Начинаетъ видъ зари
Сыпать по травѣ зеленой
Злато, искры и огни,
Скачють на лугахъ ягнята,
То гдѣ лыва кустовата
По истокамъ вдоль ростѣтъ ¹⁴⁾,
Зѣфиръ древъ верьхи качаетъ
Съ пастухами призываетъ
30. Спать стада при шумѣ водъ.

4.

Но съ пригожствомъ на угрюмой
Нѣтъ тово на сей земли,
Что бъ я зрилъ очми и душой
Бреги какъ моей рѣки
Тихимъ токомъ орошенны,
Гдѣ несмѣють устремленны
Вѣтры волнъ когдѣ взбудить.
Гдѣ всегда погода ясна,
Съ осенью весна прекрасна
40. Непускають зиму жить.

5.

Пустыня ¹¹⁾, гдѣ быстриною
Стрѣжъ моей рѣки шумить
Чистой только лишъ водою,
Спѣшно пѣнючись бѣжить.
Гдѣ два острова прекрасны
Какъ щастливы цвѣтьями рясны
Зраку могутъ радость дать
Серце каковой желаетъ:
Лѣра что моя незнаетъ
50. Пѣснь тебѣ Боговъ воспѣвать!

¹²⁾ autre D.

¹³⁾ fortunées, de rameaux verts D.

¹⁴⁾ Ср. первый стихъ Лом-вой Оды на побѣду при Вильманстрандѣ, 23 авг. 1741 г.:

Россійскихъ войскъ хвала растеть.

6.

Du Zephir la douce haleine,
 Qui reveroit ¹⁵⁾ nos buissons,
 Fait sur le dos de la plaine
 Flotter les jaunes moissons,
 Dont Cerès remplit ¹⁶⁾ nos granges.
 Bacchus lui-même aux vendanges
 Vient empourprer le raisin,
 Et du panchant des collines
 Sur les campagnes voisines
 60. Verse des fleuves de vin.

7.

Je voi au bout des campagnes,
 Pleines de sillons dorez,
 S'enfuit ¹⁷⁾ vallons et montagnes
 Dans des lointains azurez,
 Dont la bizarre figure
 Est un jeu de la nature.
 Sur les rive du canal,
 Comme en un miroir fidele
 L'Horizon se renouvelle
 70. Et se peint dans ce cristal.

8.

Avec les fruits de l'Automne
 Sont les parfums du Printems,
 Et la vigne se couronne
 De mille festons pendans.
 Le fleuves ¹⁸⁾ aimant les prairies,
 Qui dans les Iles fleuries
 Ornent ses canaux divers
 Par des eaux ici dormantes
 Là rapides et bruiantes
 80. En baigne les tapis verts.

9.

Dansant sur les violette
 Le Berger mêle sa voix
 Avec le son des musette
 Des flutes et des haut-bois:

¹⁵⁾ De zéphyr — reverdit *D.*

¹⁶⁾ emplit *D.*

6.

Вѣтръ отъ запада пріятно
 Въ нашихъ вѣетъ тихъ лѣсахъ,
 И волнуетъ многократно
 Желты класы на поляхъ
 Полнить чемъ Цереса гумна.
 Сила Бакхусова шумна
 Обагрятъ виноградъ,
 Со пригоровъ, что высоки,
 Многи льютъ вина потоки,
 60. На поля тѣ въ низъ бѣжать.

7.

За полями гдѣ ужъ спѣетъ
 Даръ Цересы золотой
 Горъ порядокъ чуть синѣетъ
 Доли скрыты далиной,
 Дивны этихъ всѣ фігуры
 Только лишь игра природы
 При своихъ берегахъ каналъ
 Такъ какъ зеркало правдиво
 Горизонтъ являетъ живо
 70. Чистой тотъ въ себѣ кристалъ.

8.

Вдругъ съ осенними плодами
 Сладокъ духъ даетъ весна,
 Тьмою виноградъ кистями
 Красить увѣчавъ себя.
 Тутъ луга рѣкѣ пріятны
 Въ островахъ цвѣтами знатны
 Дѣлаютъ различны рвы;
 Тихо идутъ тѣ здѣсь спящы,
 Скоро тамъ текутъ шумящы,
 80. Мочать златныя ковры.

9.

На фіалкахъ и былинкахъ
 Съ пляской Пастухи поютъ,
 И играютъ на волюнькахъ,
 Посвистомъ флейтъ воздухъ бьютъ:

17) S'enfuir *D.*18) Le fleuve — — divers, — — dormantes, — — bruyantes, *D.*

Oiseaux par votre ramage
 Tous soucis dans ce bocage
 De tous coeurs sont éfacez.
 Colombes et tourterelles
 Tendres, plaintives, fideles,
 90. Vous seules y gemisser ¹⁹⁾.

10.

Une herbe tendre et fleurie
 M'ofre des lits de gazon,
 Une douce reverie
 Tien mes sens et ma raison.
 A ces charmes ²⁰⁾ je me livre,
 De ce Nectar je m'enivre,
 Et les Dieux en sont jaloux;
 De la Cour flateurs mensonges
 Vous ressemblez à mes songes ²¹⁾
 100. Trompeurs comme eux, mais moins doux.

11.

A l'abri des noirs orage,
 Qui vont foudroier les Grands,
 Je trouve sous ces feuillage
 Un azile en tous les tems.
 Là pour commencer à vivre
 Je puise seul et sans livre
 La profonde verité.
 Puis la fable avec l'histoire
 Viennent peindre à ma mémoire
 110. L'ingenuë Antiquité.

12.

Des Grecs je voi le plus sage ²²⁾
 Jollet d'un indigne sort,
 Tranquille dans son naufrage
 Et circonspect dans le port.
 Vainqueur des vents en furie
 Pour sa sauvage patrie,

---

¹⁹⁾ gémissiez. *D.*

²⁰⁾ A ce charme *D.*

Вашъ сердца тонъ услаждаетъ,
 Птицы скуку прогоняетъ
 Звонокъ въ роцѣ сей густой.
 Горлицы со голубями
 Жалкими вы голосами

90. Восхищаете духъ мой

10.

Мяжкой вмѣсто мнѣ перины
 Нѣжна, зелена трава
 Слаткой думой бесъ кручины
 Веселится голова.
 Сей забавой наслаждаюсь,
 Нектаремъ симъ упиваюсь,
 Боги въ томъ завидятъ мнѣ;
 Лжы что при Дворахъ частыя
 Вы какъ сны мов пустыя,

100. Васъ пріятнѣ только тѣ.

11.

Грозныхъ тучъ неопасаюсь
 Гордость что владыкъ разятъ,
 Подъ листами покрываюсь
 Тѣ всегда меня хранятъ.
 Что бы жить мнѣ здѣсь начати
 И бесъ книги почерпнати
 Саму истину могу.

А потомъ мнѣ повѣсть знатна
 Пишетъ, бас'ня и пріятна

110. Въ память умну Старину.

12.

Былъ изъ Елліновъ мудрѣйшій ²¹⁾
 Лживыя фортуны смѣхъ,
 Въ портахъ разумомъ острѣйшій,
 Въ буряхъ непужливый всѣхъ.
 Пылкихъ вихрей побѣдитель
 Отчизны своей любитель

²¹⁾ mensonges, — — songes, D.

²²⁾ Ulysse D.

Des Grands il fuit les plaisirs²³):
 O combien de mon bocage
 Le calme, le frais, l'ombrage
 120. Bornent mieux tous mes desirs²⁴).

13.

Je goute loin des allarmes
 Des Muses l'heureux loisir:
 Rien n'expose aux bruit des armes
 Mon silence et mon plaisir.
 Mon coeur content de ma Lyre
 A nul autre honneur n'aspire
 Qu'à chanter un si doux bien.
 Loin, loin trompeuse fortune,
 Et toi faveur importune²⁵),
 130. Le monde entier ne m'est rien.

14.

En quelque climat que j'erre,
 Plus que tous les autres lieux,
 Cet heureux coin de la terre
 Me plaît et rit à mes yeux²⁶).
 Là pour couronner ma vie
 La main d'une Parque amie
 Filera mon dernier jour²⁷).
 Là reposera ma cendre
 Là Tyrsis²⁸) viendra repandre
 140. Les pleurs dûs à notre amour²⁹).

FIN.

---

²³) patrie Bravant les flots nuit et jour. *D.*

²⁴) l'ombrage, Méritent mieux mon amour! *D.*

²⁵) Loin, loin, trompeuse fortune;
 Et toi, faveur importune! *D.*

²⁶) *Cp.* Horatii carminum lib. II. 6. vs. 13. 14:
 Ille terrarum mihi praeter omnes
 Angulus ridet. . .

Роскошей чюжался сей.
 О мои колы могутъ кусты
 Хладны, тихи, дагы, и густы
 120. Похоты предѣлы моей.

13.

Здѣсь при Музахъ во щастливой
 Слатко тишинѣ живу:
 Отъ войны всегда бурливой
 Молча веселье недожду.
 Сердце радостно при дѣрѣ
 Нежелая чести въ мѣрѣ
 Щастье лишь свое поеть.
 Прочь фортуна прочь спесива,
 И твоя вся милость лжива ²⁷⁾,
 130. Ни вочто вѣнчаю свѣтъ.

14.

Гдѣбъ мнѣ толь забавно было,
 Мѣсто я сыскать немогъ,
 Мысль мою бѣ такъ взвеселило,
 Сей земли какъ уголокъ ²⁸⁾.
 Парка жизнь мою скончаетъ
 Мирно здѣсь, и увѣнчаетъ,
 День послѣдней допрядѣтъ;
 Прахъ мой будетъ почивати.
 Тѣрсь ²⁹⁾ любви чтобъ долгъ воздати
 140. Надо мной слезъ токъ прольѣтъ ²⁹⁾.

Конецъ.

M. Lomonosoff.

²⁷⁾ *Filera mes plus beaux jours; D.*

²⁸⁾ *Sous ce nom emprunté, Fénelon désigne l'abbé de Langeron, le plus cher de ses amis, à qui cette ode est adressée. D.*

²⁹⁾ *Op. Horat. carm. lib. II, 6. vs. 22—24:*

— — — *ibi tu calentem
 Debita sparges lacrima favillam
 Vatis amici.*

²⁹⁾ *Въ подлинникѣ: лжива; но ср. выше стихи 98 и 112: лжи и лживыя.*

ЗАМѢЧАНІЕ

О ВТОРОМЪ ИЗДАНИИ РУССКАГО ПЕРЕВОДА ФЕНЕЛОНОВОЙ ОДЫ.

Не разъ преподаватели русской словесности и друіія лица изъявляли желаніе, чтобы Академія Н. снова издала переводную Оду 1738 года (см. Введ. стр. XXIV), отпечатанную только въ одномъ экземпляре во случаю столетію юбилея московскаго университета. Нынѣ исполняется это желаніе, такъ что теперь есть имѣть возможность съ-точности оцѣнить первые литературные опыты Лом-ва, до вступленія его въ Академію.

При нынѣшнемъ изданіи строго соблюдены все особенности русскаго правописанія Ломоносова. Въ его подлинникѣ, конечно, пять цифръ, показывающихъ число стиховъ.

Всего впрямь, что Лом-ва скопировалъ французскій текстъ Оды 1681 года изъ гамбургскаго изданія Телемака 1732 года*), которое, какъ извѣстно, не отличалось исправностію. Кроме того, Лом-ва въ періодъ времени отъ 1738 по 1741 г., при передачѣ чуждыхъ трудовъ еще не привыкъ къ большой аккуратности, чѣмъ здѣсь особенно замѣтно въ отношеніи къ французскому правописанію и знакамъ препинанія. Не стоить указывать въ примѣчаніяхъ на все орфографическія ошибки и опуски, встрѣчавшіяся въ спискѣ Лом-ва.

Буквою R (= Ramsai) обозначено имя перваго издателя Фенелоновой оды 1681 года, а буквою D (= Didot) читается парижское изданіе полнаго собранія сочиненій Фенелона (Oeuvres de Fénelon. Paris, chez Didot. Tome III-me. 1850).

См. о всемъ этомъ и друіихъ подробностяхъ, нужныхъ для однихъ, лишннихъ для друіихъ, мою статью (Нѣсколько словъ о Фенелонѣ и его одѣ 1681 года, переведенной Ломоносовымъ), напечатанную въ III томѣ Уч. Зап. Акад. Н. по I и III Отдѣленіямъ. Спб. 1855, стр. 256—263.

*) См. I Часть, стр. 131, гдѣ «1723» должно быть опискою вмѣсто «1732».

IX.

ТРИ ОДЫ

ПАРАФРАСТИЧЕСКІЯ

ПСАЛМА 143

СОЧИНЕННЫЯ

ЧРЕЗЪ

ТРЕХЪ СТИХОТВОРЦОВЪ

ИЗЪ КОТОРЫХЪ

КАЖДОЙ ОДНУ СЛОЖИЛЪ ОСОБЕЛНО.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

СІЮЮССХLIV.

**Sic honor, et nomen diuinis Vatribus, atque
Carminibus venit - - -**

Horat. de Art. poët. vers. 400 et 401.

то есть:

**Симъ образомъ искусные Стѣхотворцы, и ихъ
Стѣхи, честь и славу себѣ получаютъ.**

Горац. о Наук. Стѣхотвор. ст. 400 и 401.

ДЛЯ ИЗВѢСТІЯ.

Будучу по случаю совокупно сихъ слѣдующихъ Одь Авторы, имѣли довольной между собою разговоръ о Россійскихъ Стѣхахъ вообще, которые нынѣ, послѣ какъ начали исправлять ихъ охотники, ужё въ совершеннѣйшемъ видѣ, и съ пріятнѣйшимъ слуху Стопъ паденіемъ, нежели какъ старыя бесстопныя были, производятся отъ Писателей искусныхъ въ Стѣхотвореніи. Разговоръ ихъ былъ нѣкоторой родъ спора, въ рассужденіи, такъ называемыхъ двусложныхъ Стопъ, ХОРЕЯ и ІАМБА, которыми нынѣ составляются Россійскіе Стѣхи.

Нѣкоторой*) изъ нихъ такое имѣлъ мнѣніе, что Стопа, называемая ІАМБЪ, высокое сама собою имѣетъ благородство, для того что она возносится съ низу въ верхъ, отъ чего всякому чувствительно слышна высота ея и великолѣпіе, и что, слѣдовательно, всякой Героической Стѣхъ, которымъ обыкновенно благородная и высокая матерія поется, долженствуетъ состоять сею Стопою; а ХОРЕЙ, сприроды нѣжность и пріятную сладость имѣющій самъ же собою, по его мнѣнію, долженъ токмо составлять Элегической родъ Стѣхотворенія, и другіе подобныя, которые нѣжныхъ и мякихъ требуютъ описаній, потому что онъ съ верху въ низъ упадетъ, чемъ больше показываетъ нѣжную умильность, нежели высоту и устремительное теченіе.

Другой прекословилъ сему, и предлагалъ, что некоторая изъ сихъ Стопъ сама собою не имѣетъ какъ благородства, такъ и нѣжности; но что все сіе зависитъ токмо отъ изображеній, которыя Стѣхотворецъ употребляетъ въ свое сочиненіе, такъ что ІАМБОМЪ состоящій Стѣхъ равно изобразить слаткую нѣжность, когда нѣжныя слова приберутся, и ХОРЕЕМЪ высокое благородство, ежели Стѣхотворецъ употребитъ высокія и благородныя рѣчи.

Сіе онъ утверждалъ еще, что ХОРЕЙ и ІАМБЪ коль себѣ ни противны діаметрально, для того что первый состоитъ изъ долгаго да краткаго слоговъ, а второй изъ краткаго да долгаго; од- 4

*) «Сего Ода есть Третія Парафрастическая.» *Примѣчаніе, прибавленное Тредіаковскимъ къ изданію 1752 г. (См. его Сочиненія и Переводы. Томъ II, стр. 91). И такъ подѣ «нѣкоторымъ» разумется Ломоносовъ.*

нако сіе ихъ сопротивленіе другъ другу не толь есть непріятельское явно, что бы они не имѣли между собою согласія и дружбы тайно: ибо чистымъ ІАМБОМЪ состоящій Стіхъ, ежели токмо одинъ самый первый слогъ сего Стіха тише обыкновеннаго голосомъ произнесется, имѣеть состоять въ тожь самое время чистымъ ХОРЕЕМЪ; также, буде Стіхъ составленъ чистымъ ХОРЕЕМЪ, то типайшимъ произношеніемъ перваго его одного токмо слога, составится онъ совокупно чистымъ ІАМБОМЪ.

Отъ сего онъ наводилъ, что союзъ между сими обѣими Стопами долженствуетъ быть не заключенной, но природной и братской; а слѣдовательно, когда ІАМБЪ сприроды имѣеть высоту, то совокупно имѣеть ону и ХОРЕЙ; кождажъ въ ХОРЕЪ также природная есть нѣжность, то все участіе въ ней по праву должно и ІАМБУ, и для того какъ ХОРЕЙ нѣженъ и высокъ, такъ ІАМБЪ высокъ и нѣженъ.

Въ рассужденіяхъ того, что первый приписывалъ чувствительное благородство ІАМБУ для того, что онъ съ низу въ верхъ восходитъ, а ХОРЕЮ умильность для сего, что онъ противно ему падаетъ, сей второй говорилъ, что ежелибъ ІАМБЪ былъ высокъ и благороденъ, то бы ХОРЕЮ, какъ по прямой линіѣ противному, надлежало быть нѣсколько, или довольно низку и подлу, а не умильну и нѣжну; и что ежели бы восхожденіе съ низу въ верхъ въ Стопѣ было точнымъ знакомъ благородства, а паденіе съ верху въ низъ умильности, то бы Гомеровою Іліадѣ, и Віргілевою Энеидѣ, двумъ наивысочайшимъ Героическимъ Поэмамъ, должно было состоять АНАПЕСТАМИ, которые также восходятъ съ низу въ верхъ, а не ДАКТИЛЯМИ, которые падаютъ съ верху въ низъ, даромъ что ихъ количество слоговъ не состоитъ въ возвышеніи и пониженіи глоса, то есть въ различіи тона, но въ протяженіи и сокращеніи онаго, то есть въ медлѣнномъ и скоромъ произношеніи: ибо сія ихъ долгота и краткость мѣряющаяся временемъ, всячески не могла быть безъ возвышенія и униженія глоса, инако бы во всякомъ ихъ Стіхѣ была токмо Монотонія, которой и въ Прозѣ, то есть не въ пѣтической рѣчи, быть непристойно, хотя въ ней и нѣтъ пѣнія, а они Стіхи свои произношеніемъ пѣли, то есть, былъ у нихъ въ нихъ нѣкоторой родъ музыки, но въ музыкѣ Монотоніи, то есть, одному звону глоса, нѣтъ мѣста, и быть ей тамъ безъ различія глоса, по крайней мѣрѣ двустепеннаго, странно. А понеже не АНАПЕСТЫ, но ДАКТИЛИ употреблены отъ сихъ великихъ Стіхотворцовъ; того ради, или каждая Стопа ни благородна ни нѣжна собою, или всякая и благородна и нѣжна совокупно. Къ

томуждь, какъ восхожденіе, или вознесеніе въ ІАМБЪ не непрерывное, но токмо вомоко смѣщенный съ скокомъ, такъ въ ХОРЕЪ нисхожденіе, или ниспаденіе не все продолжающееся, но также скокъ смѣщенный съ вскокомъ: И такъ, наконецъ, обѣ сія Стопы по всему себѣ равны, такъ что одна предъ другою никакова преимущества имѣть не можетъ, когда онѣ токмо сами въ себѣ, и къ словамъ не приложенныя, рассматриваются.

На сіе третій*) изъ нихъ же предлагалъ, что и онъ въ ІАМБЪ находитъ высоту, благородство и живность; а въ ХОРЕЪ, кромѣ нѣжности, ничего не видитъ, и что ему въ Іамбическихъ Стѣхахъ рѣчь важнѣйшею кажется: ибо ІАМБЪ, говорилъ онъ, возвышая свой голосъ, нѣсколько гордости являетъ, а ХОРЕЙ упадая, точно изображаетъ любовническое воздыханіе. И такъ ІАМБЪ уже имѣетъ теперь двухъ защитниковъ, и слѣдовательно два голоса; а ХОРЕЯ защищаетъ одинъ токмо голосъ.

Но чтобъ не показалось, что двое одного хотять преодолѣть, и что притомъ сіе дѣло не можетъ рѣшиться большинствомъ, чтобъ дозволено такъ сказать, голосовъ: того ради онъ рассуждаетъ, сочинить всѣмъ тремъ нѣкоторой высокой родъ Стѣхотворенія, а именно Оду, а для сего выбрать одинъ Псаломъ изъ Псалтири.

Находящему въ ХОРЕЪ съ нѣжностію и благородство, сочинить бы Оду Хорейческую; а стоящимъ за Іамбическую токмо высоту, составить Одическіе свои Стѣхи ІАМБОМЪ. Черезъ сіе тотчасъ объявится, имѣетъ ли ХОРЕЙ при нѣжности высоту, а ІАМБЪ при высоте нѣжность.

Защитникъ ХОРЕЯ, какъ прочіе оба его называли, хотѣлъ было пространнѣе доказывать, что мнѣніе его не въ томъ состоитъ, чтобъ онъ приписывалъ точно обѣимъ снмъ Стопамъ нѣкоторое особенное свойство высоты, или нѣжности, но по положенію токмо, то есть, буде ІАМБЪ собою высокъ, то онъ совокупно собоюждь и нѣженъ; а буде ХОРЕЙ собою нѣженъ, то онъ также притомъ и высокъ: ибо впрочемъ не признаваетъ онъ, какъ говорилъ выше,

*) На стр. 95 изданія 1759 г. (см. Сочиненія и Переводы — В. Тредиаковского. Томъ второй) прибавлено слѣдующее примѣчаніе, относящееся къ Сумарокову.

«Сего есть самая первая мѣстомъ Парафрастическая Ода. Удивительно, что онъ токмо первое мнѣніе (т. е. Ломоносова) иными повторяетъ словами, а отраженія моего ни словечкомъ не возражаетъ. Могъ бы онъ многое привести изъ Горация въ подтвержденіе первому мнѣнію, а именно, что Архилохова ярость Іамбомъ была ВОРУЖЕНА, что Іамбъ способенъ къ предодлѣнію народнаго ШУМА, и что онъ какъ рожденъ на представляемые ВЕЩИ, и подобное».

ничего сего въ Стопахъ, но причитаеть все разности словъ. Но оба прочіе не хотѣли отъ него ничего больше слышать, да токмо склонили его къ тому, чтобъ ему сочинить Оду Хореическую, и выбрали себѣ на сіе Псаломъ сто sóрокъ третій. Сей есть случай и причина сихъ трехъ Одъ, двухъ Іамбическихъ, а одной Хореической, которыя нынѣ Свѣту подаются.

Однако подаются онѣ Свѣту не въ такомъ намѣреніи, чтобъ рассмотреть и опредѣлить, которой изъ нихъ лучше и великолѣпнѣе вознесся. Сіе предпочтеніе могло бы имъ быть всѣмъ тремъ обидно: ибо праведно есть, что всѣ трое не подлымъ искусствомъ сочинили свои Стѣхи, и что трудный и прерывный разумъ Псалма совершенно они изобразили. Чувствительная токмо разность ихъ жара и изображеній, а удивительное согласіе разума здѣсь предлагается, и отъ сего заключается, что всѣ добрые Стѣхотворцы коль ни разны въ особенности остроту своихъ мыслей и силу различаютъ, однако въ обществѣ въ одинъ пунктъ сходятся, и чрезъ то отъ должнаго себѣ центра не относятся. Чрезъ сіе самое распознаваются многіе дряхлые на Парнассѣ полузціе, которые и свои мысли не ясно иногда словами изображаютъ, и Стѣхомъ весьма не глаткимъ и не правильнымъ, и въ одной матеріи разны, и въ разности больше надлежащаго другъ отъ друга далеки, для того что не знаютъ, гдѣ ихъ пунктъ неподвижный, и цѣль, въ которую бы мѣтить.

Чтожъ еще до сихъ Одъ Писателей; ихъ токмо всѣхъ тремъ имена здѣсь объявляются, то есть, что Авторы сіи именно: Александръ Сумароковъ Генеральсь-Адъютантъ, Міхайла Ломоносовъ Адъюнктъ при Академіи, да тояжъ Академіи Секретарь Васілей Тредіаковскій. Но которой изъ нихъ которую Оду сочинилъ, о томъ умолчивается: знающіе ихъ свойства и духъ тотчасъ узнають сами, которая Ода чрезъ котораго сложена.

А чтобъ, напоследокъ, Читателямъ не имѣть нѣкоторыя неудобности въ томъ, что, читая можетъ быть за благо рассудится кому сличить Оды съ самымъ подлиннымъ Псалмомъ, а не имѣя вскорѣ Псалтири при себѣ, можетъ онъ лишиться сего удовольствія: того ради вносится сюда оный Псаломъ весь точно.

Благословенъ Господь Богъ мой, научаяй руки мои на ополченіе, персты мои на брань. Милость моя и приближище мое, заступникъ мой и избавитель мой, защититель мой, и на него уповахъ, повинувай люди моя подь мя. Господи, что есть человекъ, яко познался еси ему? или сынъ человекъ, яко внимяеши его? Человекъ суетъ уподобися, днѣ его яко снѣ преходятъ. Господи, преклони небеса и снѣди, коснися горажъ, и воздымятсѣ. Блесни молнѣю, и разженеши я, посми стрѣлы твоя, и смятеши я. Посми руку твою съ высота, и изми мя, и избави мя отъ водъ мноихъ, изъ руки синовъ чужихъ. Иже уста глаголаша суету, и десница ихъ, десница неправды. Боже, пѣснь нову воспю тебѣ, во Псалтири десятиструннѣю пою тебѣ. Давоцему спасеніе Царемъ, избавляющему Давида раба своего отъ меча мота. Избави мя, и изми мя изъ руки синовъ чужихъ: иже уста глаголаша суету, и десница ихъ, десница неправды. Иже сынове ихъ яко новосажденія водруженная въ юности своей: Дщери ихъ удобрена, преукрашена, яко подобіе храма. Хранилица ихъ исполнена, отрягающая отъ сего въ сіе. Овцы ихъ многоплодны, множащияся во исходнцахъ своихъ. Волове ихъ толсти. Нпсть паденія оплоту, ниже прохода, ниже вопля въ стомахъ ихъ. Ублажиша люди, иже сѣ суть. Блажени модѣе, иже Господь Богъ ихъ.

ОДА ПЕРВАЯ ГАНУЧЕСКАЯ.

БЛАГОСЛОВЕНЪ ТВОРЕЦЪ вселенны,
 Которымъ днесъ я ополченъ!
 Се руки нынѣ вознесенны,
 И духъ къ побѣдѣ устремленъ:
 Вся мысль къ ТЕБѢ надежду править;
 ТВОЯ рука меня прославить.

ЗАЩИТНИКЪ слабыя сей груди,
 Невидимой своей рукой!
ТОВОЙ почтутъ мой мя люди
 Подверженны подъ скипетръ мой.
ПРАВИТЕЛЬ бесконечна вѣка!
 Кого Ты помнишь! человѣка.

Его весь вѣкъ какъ тѣнь переходить:
 Всѣ дни его, есть суета.
 Какъ вѣтеръ пыль въ ничто преводить;
 Такъ гибнетъ наша красота.
 Кого ТЫ, ТВОРЧЕ, вспоминаешь!
 Какой Ты прахъ днесъ прославляешь!

О БОЖЕ! рцы мѣстамъ небеснымъ,
 Гдѣ ТВОЙ божественный престолъ,
 Превышше звѣздъ верхамъ безвѣснымъ,
 Да приклонятъ въ niskій доль:
 Спустишь, да долы освятятся;
 Коснись горамъ, и воздымятся.

Да сверкнутъ молни, громъ ТВОЙ грянетъ,
 И взыдетъ вихрь изъ земныхъ вѣдръ;
 Рази врага, и не востанетъ;
 Пронзи огнемъ ревуцій вѣтръ;
 Смяти его пустивши стрѣлы;
 И дай покой въ мой предѣлы.

Простри съ небесъ СВОЮ зѣнницу, 10
 Избавь мя отъ враговъ моихъ;
 Подай мнѣ крѣпкую десницу,
 Изми мя отъ сыновъ чужихъ:
 Разрушь бунтующи народы,
 И стануть брань творящи воды.

Не приклони къ ихъ ухо слову:
 Дѣла ихъ гнусны предъ ТОВОЙ.
 Я воспою ТЕБѢ пѣснь нову,
 Внесу до облакъ голосъ мой,
 И восхваляю ТЯ пѣснью шумной
 Въ моей Псалтирѣ многострунной.

Дающу области, державу,
 И царскій на главу вѣнецъ,
 Царемъ спасеніе и славу.
 Премудрый всѣхъ судьбъ ТВОРЕЦЪ!
 ТЫ грознаго меча спасаешь,
 Даешь побѣды, низлагаешь.

Какъ гроздъ росю напоенный, 11
 Сыны ихъ въ юности своей;
 И дщери ихъ преукрашенны,
 Подобьемъ красоты церквей:
 Богаты, славны, благородны;
 Стада овецъ ихъ многоплодны.

Волю въ лугахъ благоуханныхъ,
 Во множествѣ слатчайшихъ травъ,
 Спокоясь отъ трудовъ имъ данныхъ,
 И весь ихъ скотъ пасомый здравъ:
 Нѣтъ вопля, слезъ, и нѣтъ печали,
 Которыбъ ихъ не миновали.

О! вы щастливые народы,
 Имущи такую часть!
 Послушны вамъ земля и воды,
 Надъ всѣмъ, что зрите, ваша власть:
 Живущеежъ по ТВОРЧЕЙ волѣ,
 Еще сто кратъ щастливы боги.

ОДА ВТОРАЯ ХОРЕЧЕСКАЯ.

Крѣпкій, чудный, бесконечный,
 Полнъ хвалы, преславный весь,
 БОЖЕ! ТЫ единъ превѣчный,
 Сый ГОСПОДЬ вчера и днесь:
 Непостижный, неизмѣнный,
 Совершенство пресовершенный,
 Неприступна окружень
 САМЪ величества лучами,
 И огньпальныхъ слугъ зарями,
 О! будь вѣкъ БЛАГОСЛОВЕНЪ.

Кто бы толь предивно рѹки
 Безъ ТЕБЯ мнѣ ополчилъ?
 Кто бы пращу, а не лѹки,
 Въ брань направить научилъ?
 Ей бы мечъ извлекъ я тщетно,
 Ни копьемъ сразилъ бы мѣтно,
 Будебъ ТЫ мнѣ не помогъ,
 Перстовъ трепеть ободряя,
 Слабость мышцы укрѣпляя,
 Силъ ГОСПОДЬ и правды БОГЪ.

Нынѣ кругъ земный да знаетъ
 Милость всю ко мнѣ ЕГО;
 Духъ мой твердо уповаеъ
 На Заступника СЕГО:
 ОНЪ Защитникъ, Покровитель,
 ОНЪ Прибѣжище, Хранитель.
 Повинуя родъ людей,
 Далъ ОНЪ крайно мнѣ владѣти,
 Далъ правительство имѣти,
 Чтобъ народъ прославить сей.

Но смотря мою на подлость,
 И на то, что бѣднѣ и малѣ,
 Прочихъ видя верхъ и годность,
 Чтожъ ихъ жребій не избралъ,
 ВЫШНЯГО судьбѣ дивлюся,
 Такъ глася, въ себѣ стыжуся:
 БОЖЕ! кто я нища тварь?
 Отъ когожъ и порожденный?
 Пастухомъ опредѣленный!
 Какъ? О! какъ могу быть Царь?

Толь ничтожну, а познался!
 Червя точно, а возвелъ!
 Благъ и щедръ мнѣ показался!
 И по сердцу избобрѣлъ!
 Лучшель добрыхъ и великихъ?
 Лучшель я мужей толикихъ?
 Ахъ! и весь родъ смертныхъ насъ,
 Гниль и прахъ есть предъ ТОБОЮ;
 Жизнь его тѣнь съ суетою,
 Дни и ста лѣтъ, токмо часъ.

14

Ей! злыхъ всяко истребляешь:
 Преклони же звѣздный сводъ,
 И коль яро громъ катаешь
 Осмотри, сниссѣдъ, злой родъ;
 Лишь коснись горамъ, вздымаются;
 Лишь пролей гнѣвъъ, убоятся;
 Грозну молнію блесни,
 Тотчасъ сонмъ ихъ разженеши,
 Тучей бурныхъ стрѣлъ смятеши:
 Возъярись, не укусни.

На защиту мнѣ смиренну
 Руку САМЪ простри съ высотъ,
 Отъ враговъ же толь презрѣнну,
 По великости щедротъ,
 Даруй способъ, и избавлюсь;
 Вознеси рогъ, и прославлюсь:
 Родъ чужихъ, какъ буйнъ водъ шумъ,
 Быстро съ вошемъ набѣгаетъ,

15

Немощь онъ мой ругаетъ,
И пріемлетъ въ баснь и глумъ.

Такъ языкомъ и устами
Сей злословить въ суетѣ;
Злый скрежещетъ и зубами,
Слѣпо зрѣя на высотѣ;
Слѣпо множествомъ гордится;
Храбро оруженъ красится:
А десница хищныхъ сяхъ,
Есть десница неправдива;
Душъ ихъ скверность нечестива:
Тѣмъ спаси мя отъ такихъ.

16

БОЖЕ! воспую пѣснь нову,
Въѣкъ ТЕБѢ благодаря,
Арфу се держу готову,
Звонъ внуши и гласъ Царя:
Десять струнъ на ней звенящихъ,
Стройно и красно гласящихъ
Славу СПАСА всѣхъ Царей;
СПАСА и рабу Давиду,
Смертну страждущу обиду
Лютыхъ отъ меча людей.

Преклонись еще мольбою,
Ту къ ТЕБѢ теперь люю,
Сокрушенъ падъ ницъ главою,
Перси, зри, мой бію:
О! чужихъ мя отъ полчища
САМЪ избави скоро нища.
Рѣзвъ языкъ ихъ суета,
Въ праву руку къ нимъ вселилась,
И лукавно расширилась,
Хищна вся неправота.

17

Сн славу полагаютъ
Тожо въ множествѣ богатствъ,
Духъ свой гордо напыщаютъ
Веледѣльныхъ отъ изрядствъ:

Всѣ красуются сынами,
 Больше какъ весна цвѣтами;
 Дщерей всѣхъ прекрасныхъ зрять,
 Въ златѣ, нѣжно намощенныхъ,
 Толь нѣтъ храмовъ испещренныхъ:
 Тѣмъ о ВЫШНЕМЪ не радять.

Ихъ сокровище обильно,
 Недостатка нѣтъ при немъ,
 Льетъ довольство всюду сильно,
 А избытокъ ѣсть во всемъ:
 Овцы въ полѣ многоплодны,
 И воловъ стада породны;
 Ихъ оградамъ не лъзя пасть;
 Татю вкрасться въ тѣ не можно;
 Все тамъ тихо, осторожно;
 Не страшить путей напасть.

Васъ толь щастіемъ цвѣтущихъ
 Всякъ излишно здѣсь блажитъ;
 Малъ чтить и великъ идущихъ,
 Уступаяжъ путь, дрожжитъ.
 О! не вы, не вы блаженны,
 Вы коль ни обогащенны:
 Токмо тотъ народъ блаженъ,
 БОГЪ съ которымъ пребываетъ;
 И которой ВѢЧНА знаетъ,
 Сей есть всѣмъ преукрашенъ.

18

ОДА ТРЕТЯ ІАНВІЧЕСКАЯ.

БЛАГОСЛОВЕНЪ ГОСПОДЬ мой БОГЪ
 Мою десницу укрѣпивый,
 И персты въ брани научивый,
 Сотрѣть враговъ взеселный рогъ.

Заступникъ и Спаситель мой,
 Покровъ и Милость и Отрада,
 Надежда въ брани и Ограда,
 Подъ власть мѣ дагь народъ святой.

О БОЖЕ! что есть человѣкъ?
 Что ТЫ ему СЕБЯ являешь,
 Отъ твари бѣльша быть вмѣняешь,
 Котораго толь кратокъ вѣкъ.

Онъ утро, вечеръ, ночь и день
 Во тщетныхъ помыслахъ проводить;
 И такъ вся жизнь его преходить,
 Подобно какъ ночная тѣнь.

Склони, ВЛАДЫКО, небеса,
 Коснись горамъ, и воздымаются;
 Пусть паки на землѣ явятся
 ТВОИ ужасны чудеса.

И молнію ТВОЮ блесни;
 Бросай отъ странъ гремящихъ стрѣлы;
 Рассыпъ враговъ ТВОИХЪ предѣлы,
 Какъ плевы бурей разжени.

Меня объягь чужой народъ,
 Въ пучинѣ я погрязъ глубокой:
 ТЫ съ тверди длань прости высокой,
 Избавь меня отъ многихъ водъ.

Вѣщаетъ ложь языкъ враговъ,
Уста обильны суетою,
Десница ихъ полна враждою,
Скрываютъ въ сердцѣ лесть и ковь.

21

Но я, о БОЖЕ, возглаголю
ТЕБѢ пѣснь нову повсечасно:
Я въ десять струнъ ТЕБѢ согласно
Псалмы и пѣсни приношу.

ТЕБѢ СПАСИТЕЛЮ Царей
Давида въ храбрости прославльшу,
Отъ лютаго меча избавльшу,
Что врагъ взмахнулъ рукой своей.

Избавь меня отъ хищныхъ рукъ,
И отъ чужихъ народовъ власти:
Ихъ рѣчь полна тщеты, напасти;
Рука ихъ въ насъ наводитъ лукъ.

Подобно масличнымъ древамъ
Сыновъ ихъ лѣта процвѣтають;
Одеждой дщери ихъ блистають,
Какъ златомъ испещренный храмъ.

22

Пшеницы полны гѣмна ихъ,
Несчетно овцы ихъ плодятся,
На тучныхъ пажитяхъ хранятся
Стада въ травѣ воловъ тодстыхъ.

Цѣла обширность крѣпкихъ стѣнъ
Вездѣ столпами утвержденныхъ;
Тамъ вопля въ стогнахъ нѣтъ стѣсненныхъ,
Не знаютъ скорбныхъ тамъ временъ.

Щастлива жизнь моихъ враговъ!
Но тѣ свѣтлые веселятся,
Ни бурь, ни громовъ не боятся,
Которымъ ВЫШНІЙ САМЪ Покровъ.

ЗАМѢЧАНІЕ

О ВТОРОМЪ ИЗДАНІИ ПАРАФРАСТИЧЕСКИХЪ ОДЪ 1744 ГОДА.

Издание «Парафрастическихъ Одъ» представляетъ собою столь необыкновенную библиографическую рѣдкость, что вполне естественно желаніе многихъ видѣть его перепечатаннымъ въ первоначальномъ видѣ, тѣмъ болѣе что это небольшое произведеніе трехъ литераторовъ стоитъ почти обильно въ исторіи русской словесности, по цѣли, съ которою оно написано.

Мысль обратиться къ публикѣ для суда и рѣшенія въ чисто литературномъ вопросѣ, оригинальна въ то время, и конечно дѣлаетъ честь какъ Сумарокову, такъ Тредіаковскому и Ломоносову. Первую мысль этого общаго предпріятія подалъ Сумароковъ (см. выше стр. 423 и ниже стр. 443). Сообщаемъ здѣсь немногія извѣстія, которыя сохранились въ Архивѣ академической Канцеляріи объ изданіи 1744 года*).

Въ Канцелярію Академіи Наукъ отъ типографіи репортъ.

По приказу ундеръ-библіотекаря г. Тауберта велѣно напечатать три оды парафрастическія подъ смотрѣніемъ господина секретаря Василья Тредіаковскаго, которыя и напечатаны на трехъ листахъ; а по расчету типографскому надлежитъ взять за оныя за наборъ двухъ листовъ первыхъ 4 рубля, да за послѣдній листъ 150 копѣекъ; за напечатаніе и за бумагу по копѣйкѣ съ листа; и того за 800 экземпляровъ, которые печатаны на счетъ сихъ одъ авторовъ, надлежитъ взять 14 рублей 15 коп., да сверхъ того печатано для продажи 200 экземпляровъ.

И о вышеписанномъ Академія да благоволитъ быть извѣстна. Декабри дня 1743 году.

Корректоръ Алексѣй Барсовъ.

На верху сдѣлана слѣдующая пометка, писанная рукою С. Волчкова:

Подано въ Канц. Акад. Наукъ 31 авг. 1743.

За напечатаніе одъ надлежащія деньги 14 рубл. поставить по расчету на жалованіе Тредіаковскаго и Ломоносова, а съ г. адъютанта Сумарокова требовать тѣхъ денегъ, которыя на его часть почислены достанутся.

Другая бумага писана Волчковымъ, съ пометою: Записать въ Журналъ.

Хотя по присланному отъ его свѣтлости генерала прокурора и кавалера князя Никиты Юрьевича Трубецкаго сего декабря 24 дня**) письменному извѣстію и приказано парафрастическихъ стиховъ, 600 экземпляровъ напечатать, токмо въ томъ извѣстіи не объявлено на чей счетъ сіи стихи дѣлать, а титулярный секретарь Тредіаковскій объявилъ, что оныя стихи сочинялъ оный, да г. адъютантъ Сумароковъ и адъюнктъ Ломоносовъ, а при томъ на оныхъ стихахъ своею рукою подписалъ, дабы оныхъ парафрастическихъ стиховъ на ихъ трехъ, общій счетъ 150 экземпляровъ напечатать, и потомъ о напечатаніи 150 экземпляровъ на ихъ счетъ поровну на каждого послать въ типографію и велѣтъ оныя экземпляры по напечатаніи взнестъ въ Канцелярію съ показаніемъ цѣны, а потомъ оныя напечатанные стихи отдать Тредіаковскому съ роспискою, и поставить на счетъ г. адъютанта Сумарокова 50; на Ломоносова 50, да на счетъ Тредіаковскаго 50 экземпляровъ, и о томъ къ Розенгану и куда надлежитъ послать указъ.

*) См. Канцел. Дѣла 1743 г. Авг. (Фоліантъ № 80) и Журналъ акад. Канцел. подъ 28 дек. 1743 г. (Фол. № 512).

**) 1743 г. О Трубецкомъ ср. I Часть Сборника, Введ. стр. L.

Х.

ПИСЬМО

**ВЪ КОТОРОМЪ СОДЕРЖИТСЯ РАССУЖДЕНИЕ О СТИХОТВОРЕНИИ,
ПОНЫНЪ НА СВѢТЪ ИЗДАННОМЪ ОТЪ АВТОРА ДВУХЪ ОДЪ,
ДВУХЪ ТРАГЕДІЙ, И ДВУХЪ ЭПИСТОЛЬ**

ПИСАННОЕ

ОТЪ ПРІЯТЕЛЯ КЪ ПРІЯТЕЛЮ

1750.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ русско́мъ отдѣленіи библиотеки Академіи Н. издавна существуетъ отдѣлъ рукописей, коихъ текстъ значится уже напечатаннымъ. Въ этомъ отдѣлѣ до сихъ поръ хранятся, между прочимъ, вышеупомянутый (на стр. 388 прим. 3) отрывокъ трагедіи Ломова и рукопись его оды и похвальныхъ надписей, изданныхъ въ 1751 году. Въ этомъ-то отдѣлѣ недавно найдены мною, кромѣ напечатанныхъ рукописей, и сочиненія не изданные, изъ которыхъ, можетъ быть, нѣкоторыя дѣйствительно были назначены къ печати, но по какимъ-либо причинамъ потомъ остановлены. Такая судьба, впрямую, постигла и «Письмо» Тредіаковскаго.

Это «Письмо» Тредіаго до сихъ поръ было извѣстно только по намекамъ, встрѣчающимся въ сочиненіяхъ Сумарокова*) и по доношенію, поданному 8 марта 1751 года Тредіаковскимъ президенту Акад. ир. Разумовскому: «19. Сочинилъ я критику по приказу бывшаго академическаго ассессора Григорья Теплова на некоторыя сочиненія Господина Александра Петрова сына Сумарокова».

Такъ какъ встрѣчающіяся въ «Письмѣ» Тредіаго извѣстія о тогдашнихъ литературныхъ вопросахъ (см. на прим. сказанное выше на стр. 421 и слѣд. объ изданіи парафрастическихъ одъ) и о личныхъ отношеніяхъ тогдашнихъ литераторовъ дополняютъ скудную литературную летопись сороковыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, то мы рѣшились ѣликомъ напечатать этотъ первый опытъ русской литературной критики.

Такъ какъ Тредіаковскій обвиняетъ Сумарокова въ неправильномъ употребленіи знаковъ препинанія и выдаетъ себя за знатока по этой части (см. ниже стр. 462), то въ настоящемъ изданіи знаки препинанія соблюдены такъ какъ они встрѣчаются въ рукописи.

На заглавномъ листкѣ рукописи имя Тредіаковскаго не выставлено, но мѣстами встрѣчаются поправки, сдѣланныя его рукой, и въ концѣ приложенъ листъ in-4°, съ собственноручной ея замѣткою: «Благоволилъ приказать вписать въ Р. С. моя Критика выше строчки сего» и т. д.

---

*) Сумароковъ и современная ему критика. Соч. Н. Булича. Спб. 1854, стр. 35, 59 и 60. — Александръ Петровичъ Сумароковъ. Соч. Влад. Стоюнина. Спб. 1856, стр. 69 и слѣд.

Государь мой!

Многажды я къ вамъ писывалъ о разныхъ дѣлахъ; но никогда и на умъ мнѣ притти не могло, чтобъ я долженъ былъ когда написать къ вамъ аполлетическое и критическое письмо, каково есть сіе настоящее. Нынѣ ужé невозможно стало удержаться отъ сего; въ чемъ и покорно прошу извинить меня по дружбѣ вашей. Нападки на общаго нашего друга, и неумѣренность нападающаго, преодолѣли мое терпѣніе: ибо извѣстный Господинъ Пить, послѣ употребленныхъ въ эпистолахъ своихъ къ нему обидяхъ и извѣтельствахъ, не токмо не рассудилъ за благо отъ тѣхъ унять, но еще оныя и отчасу больше и несноснѣйше нынѣ размножилъ; а чаятельно, что и впредь награждать ими потщится, если унять, отъ кого надлежитъ, онъ не будетъ. И какъ сему Господину равно было, для оказанія своей тщетныя способности, отстать отъ одъ, а приняться за трагедіи, по сихъ за эпистолы, и ужé нынѣ за комедіи: такъ намъ легко можно повѣрить, что угодны ему будутъ наконецъ и точныя сатиры. Впрочемъ, какимъ онъ подаркомъ еще обогатить имѣетъ общество читателей; то ли бо мы такъ же со временемъ узнать можемъ. Но нынѣ такой онъ намъ всѣмъ представилъ на театрѣ гостинецъ, который по всему не можетъ не названъ быть достойнымъ остробуйныя его музы. Сочинилъ онъ небольшую комедію: при чемъ сіе весьма удивительно, что она отъ него сочинена простымъ словомъ, а не стихами, толь наипаче, что онъ не токмо желалъ бы самъ обыкновенно говорить о всемъ приемами съ нами, но, рассуждая по страсти его, хотѣлъ бы еще, чтобъ и пріятели его, и слуги, и служанки поздравляли ему, спрашивали его, и отвѣтствовали ему же спрашивающему на приемахъ; словомъ, желательно ему было, чтобъ все при немъ обращалось по приемамъ, и звенѣлобъ приемами.

Но какъ то ни есть, Государь мой; однако оная комедія сочинена вся прозою, выключая токмо двѣ штучки, кои сплетены стихами. Комедія сія недостойна имени комедіи, и всеконечно неприличная, да и вся противна регуламъ театра; а состоитъ она въ семнатцати явленіяхъ, и названа Тресотиніусъ. Въ ней нѣтъ ни начальнаго оглавленія, ни должнаго узла, ни приличнаго развязанія. Да и не дивно: она сочинена только для того, чтобъ ей быть

не язвительно токмо, но и почитай убійственною чести сатирою, или лучше, новымъ, но точнымъ пасквилемъ, чего впрочемъ на театрѣ во всемъ свѣтѣ не бываетъ: ибо комедія дѣлается для исправленія нравовъ въ цѣломъ обществѣ, а не для убіенія чести въ нѣкоторомъ человѣкѣ. Я не упоминаю о несправности въ ней сочиненія и о многихъ такъ называемыхъ Солецизмахъ: она совсѣмъ недостойна критики. Однако сіе смѣшно, что Авторъ, хотя показать о себѣ въ персонѣ не знаю какова Ксаксоксименіуса, что онъ искусенъ въ Славенскомъ языкѣ, тотчасъ лишь началъ, да позволилъ и показать себя, что онъ еще меньше умѣетъ по Славенски, нежели по Руски. Говоритъ онъ: подаждь ми перо, и абіе положу знаменіе преславнаго моего имени, его же не всякъ языкъ изрещи можетъ: ибо надобно было слѣдующимъ образомъ: даждь ми трость, да абіе положу знаменіе преславнаго моего имени, еже не всякъ языкъ изрещи можетъ. Великій словесникъ! въ полутарѣ строчкѣ пять грѣховъ. При представленіи ея, въ не малое пришелъ я удивленіе слыша нѣкоторые рѣчи въ ней, о которыхъ я такъ рассуждалъ, хотя впрочемъ и не по охотѣ, [понеже знаю, что онѣ говорены нѣгдѣ на единѣ] что или Авторъ имѣетъ пылливый духъ, или толь его пѣтической жаръ, называемый Энтузіазмомъ, есть силенъ, что онъ можетъ все то знать; въ чемъ ему нѣтъ и нужды. Подлинно, нѣсколько сіе удивительно, в рассужденіи свойствъ обыкновеннаго Пѣнтамъ: ибо они въ семъ токмо особенное преимущество имѣютъ, чтобъ имъ проричать всегда о томъ, что ужѣ было, а тайности тѣ токмо они съ прочими нами знаютъ, которые имъ бывають открыты.

Каковажъ, Государь мой, содержанія та комедія? О! праведное солнце. Не можно поистиннѣ надѣяться, чтобъ могли и зрители всѣ съ терпѣливостію до конца ея видѣть. Все въ ней происходило такъ, что Сумбуръ шелъ изъ Сумбура, скоморошество изъ скоморошества, и словомъ, недостойная воспоминанія негодность изъ негодности, такъ что вся сія комедишка достойна площаднаго минутнаго свѣта, а потѣмъ вѣчныя тьмы. Можно сказать праведно, что Авторъ не могъ ни чемъ никогда лучше открыть своего сѣрдца. Особливожъ Тресотиніусу, которымъ Авторъ разумѣлъ общаго нашего друга, означая его только что неточнымъ прозваніемъ, такіе были даны рѣчи, что Скаронъ, Францусскій Пѣтъ, повстиннѣ не хотѣлъ бы быть для сего кощуннымъ Пѣтомъ, при переодѣваніи Виргиліева достохвальнаго Энея въ своего смѣшнаго. Толико то Авторова язвительная насмѣшка превосходитъ беззлобивую и забавную Скаронову шутку! Смотри на все такое недостойное руга-

тельство, воспоминалъ я мыслию Аристофанову комедію, названную Облака, которая была представлена въ древнихъ Аѳинахъ, и коею, во вѣки театральныи токмо игрокъ, Аристофанъ смѣялся, надъ пречеснымъ во вѣкижъ въ язычествѣ мужемъ Сократомъ. Но есть ли что толь честное, чегобъ или вѣтреный, или надменный скалозубы не могли преобращать въ смѣшное? Вкратцѣ, Авторъ Тресотиніусъ есть выше поруганіемъ Облаковъ Аристофановыхъ; сіе значитъ, что въ Авторѣ нашемъ больше было злости и остервененія къ ругательству, нежели въ Аристофанѣ. Да заслужилъ ли оное ругательство Сократъ отъ Аристофана? Заслужи лъ лижъ и нашъ общій другъ тожъ самое отъ Тресотиніусова Автора? Сии токмо сравниваю Сократа съ нашимъ общимъ другомъ.

Обращая все сіе въ мысли, еще больше трепетало мое сердце съ стыда, потѣмъ съ негодованія, напоследокъ съ сожалѣнія по общемъ нашемъ другѣ, нежели Авторъ моргали очи съ радости, и съ внутренняго самолюбнаго удовольствія; толькожъ смѣшить безъ разума даръ подлыя души, какъ то самъ нашъ Авторъ говорить въ Эпистолахъ о стихотворствѣ. Но прошу, Государь мой, рассудить о терпѣливодушіи общаго нашего друга. По окончаніи у насъ новыя, а въ древней Греціи старыя такія комедіи, да и на крѣпко тамъ въ тѣжъ времена запрещенныя, навѣстилъ я его, рассказалъ ему о всемъ: въ окончаніи, просилъ его, чтобъ онъ себя такъ же перомъ защитилъ. Сіежъ для того, чтобъ или не показаться, буттобъ онъ боялся Автора, или чтобъ не сказали всѣ, что онъ не въ состояніи оборонять себя отъ клеветъ и насмѣшекъ недостойныхъ чеснаго человѣка. Слушая сіе, онъ усмѣхался токмо; а выслушавъ говорилъ: Я сожалѣю, что Авторъ, назвавъ меня непристойнымъ именемъ, приводитъ въ необходимую нужду благоразумныхъ людей называть либо себя и знаменательнѣе того: а съ другой стороны, безмѣрно радуюсь, что онъ симъ своимъ примѣромъ показалъ, коль безвреднѣе есть при такихъ случаяхъ быть въ терпѣніи и молчаніи, нежели подавать постороннимъ безъ пользы причину къ большому еще осмѣянію себя: ибо, по мнѣнію Сенеки изъ 11. книги о гнѣвѣ, главы 32, «тотъ великъ и благороденъ есть, который, по подобію большихъ звѣрей, «спокойно слышитъ лайніе маленькихъ собачекъ». Такъ по сему, предпріялъ я рѣчь, не токмо Авторъ не опуститъ ни единого случая, въ которой бы онъ не сталъ терзать ваша чести безопасно, но и всѣ недоброты ваши никогдажъ не оставятъ васъ въ покоѣ, вѣдая, что вы сами безотвѣтны. Пускай же то такъ, говорилъ онъ,

ежели имъ угодно. Ибо когда Авторъ былъ толь великимъ Христіаниномъ въ Оронтовомъ лицѣ, что кощунства своего въ XI. явленіи не усумнился употребить и слова Христа Спасителя нашего: то я здѣсь, гдѣ нѣтъ ни малаго скоморошества, не могуль дерзнуть томъ здѣлать, но съ благоговѣніемъ, и привести въ мое утѣшеніе изъ тогожъ Спасительнаго Евангелія рѣчи, именномъ, претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ. Послѣ сихъ его словъ, оба мы замолчали; онъ не знаю какъ печальнымъ и смущеннымъ видомъ на меня смотрѣлъ; а я рассуждалъ о семъ его намѣреніи, что онъ себя ни самъ оборонять не хотѣлъ, ни требовать себѣ отъ другихъ защиты. Вскорѣжь потѣмъ мы другъ съ другомъ и расстались.

Сказать правду, Государь мой; я симъ его намѣреніемъ не-былъ доволенъ: ибо знаю, что ему всѣ дѣлаются обиды по степенямъ, смотря по тому, какъ онъ ихъ сносить. Но понеже всѣ ихъ такъ онъ претерпѣваетъ, что видя будто не видитъ, слыша будто не слышитъ, чувствуя будто не чувствуетъ, и разумѣя будто не разумѣетъ: того ради нынѣ явнымъ ужé ругательствомъ прободать его начали. Кипѣло мое сердце, зная его совѣсть; и весьма жаль мнѣ его было: да и ктожь бы изъ добрыхъ, какъ думаю, о немъ не пожалѣлъ? Удивлялся я, понеже онъ самъ всегда безотвѣтенъ; то какабыъ тому была причина, что никто изъ пріятелей его не возмется за дѣло, и защитить его не почтится? Но тотчасъ пришло мнѣ на умъ, что онъ оглашенъ въ рассужденіи искусства отъ своихъ соперниковъ и ненависниковъ. Однако, независное око все противное тому въ немъ видитъ. Чтожь до соперниковъ его; то онъ говоря объ нихъ, и о себѣ, часто и понынѣ приводитъ Цицероново восклицаніе изъ втораго Филиппическаго слова, которое онъ употребляетъ, перемѣнивъ онаго рѣчи, но токмо оставивъ на томъ же планѣ, и съ тѣмъ же движеніемъ. Цицеронъ слѣдующимъ образомъ жалуется Сенаторамъ Римскимъ: «По какому моему несчастію такъ дѣлается, что кто, во время сихъ прошедшихъ дватцати лѣтъ, ни-былъ Римскому правленію непріателемъ, тотъ совокупно «тогдажь и мнѣ врагомъ и супостатомъ находился?» А общій нашъ другъ сіежь самое, но въ другой силѣ, иногдажь и съ крайнею горестію произноситъ: «По какому моему несчастію такъ дѣлается, «что кто, во время сихъ прошедшихъ дватцати лѣтъ, ни хотѣлъ себѣ «получить славу въ искусствѣ словесныхъ наукъ, тотъ совокупно «тогдажь и мнѣ былъ тайнымъ и явнымъ соперникомъ?» Но пускай, что его соперники оглашаютъ: онъ перебиваетъ ли ихъ дорѣгу, и отнимаетъ ли что у нихъ? развѣ то, что онъ во всемъ

томъ на нашемъ языкѣ есть первымъ начинателемъ. Виновать ли жь онъ, что случай допустилъ его къ тому прежде другихъ? Однако, онъ съ радостію всѣмъ тѣмъ уступаетъ прочимъ. Съ другой стороны, будь же и такъ, что премного есть такихъ, какъ то и подлинно, которымъ общій нашъ другъ есть или равенъ, или ихъ ниже: но нашего Автора онъ въ томъ искусствѣ по справедливости выше. Сіе не ненависное былюбъ и изъ устъ общаго нашего друга самохвальство: сія есть точная и непреоборимая правда. Того ради, будь и еще такъ, что находятся нѣкоторые, коиъ есть причвна, какъ превосходнѣйшимъ въ искусствѣ, обличать общаго нашего друга; но нашъ авторъ толь въ томъ самъ неисправенъ, что превесьмабъ онъ благоразумнѣе дѣлалъ, ежелибъ онъ благоволилъ о немъ предъ всѣми молчать, и себя предъ нимъ не превозносить. Признаваемъ нѣсколько, что есть въ немъ природная острота, но сія острота въ немъ необученная: а по мнѣнію Гораціеву, какъ природа безъ науки есть ничто, такъ и наука безъ природы есть недѣйствительна: одна у другія взаимныя себѣ по́мощи просятъ. Когда я говорю, что есть въ Авторѣ нашемъ острота; то я разумѣю, что въ немъ она не превосходная, но весьма обыкновенная многимъ. Славящіи остроту въ немъ превосходную, тѣмъ токмо доказываютъ, что онъ сію бездѣлушку сочинилъ скоро, а именно въ шесть часовъ. Но въ рассужденіи такихъ скорохватовъ весьма изрядно отвѣтствовалъ Эврипидъ у Валерія Мѣксима въ книгѣ 7. Алцестиду Пинту хвалящемуся, что онъ Алцестидъ скорѣе 100. стиховъ напишетъ, нежели Эврипидъ 3. Но разность, говорилъ тотъ, въ семъ, что твои дѣлаются на-три дни, а мои на-вѣкъ. Какъ то ни есть; однакожь сіи прославящіи не знаютъ, что Авторова комедія почитай вся взята изъ сочиненій комическихъ Барона Голберга, а особливо персона Капитана самохвала. Ежели по сему надлежитъ переводить; то найдутся, кои сіежь самое и въ половину тѣхъ часовъ могутъ здѣлать, да еще и весьма исправнѣе.

Хоревъ трагедія, о которой я имѣю вамъ донести ниже, вся на плагѣ Французскихъ трагедій; да и не только по плану она взята изъ Французскихъ, но и врасужденіи изображеній. Гамлетъ, какъ очевидныя сказываютъ свидѣтели, переведенъ былъ прозою съ Англическія Шекспировы, а съ прозы уже здѣлалъ ея почтенный Авторъ нашими стихами. Эпистола о стихотворствѣ Рускомъ вся Боало Депрова. Въ Эпистолѣ объ языкѣ Рускомъ почитай всѣжь чужіе мысли. Одѣ Парафрастической былъ предводителемъ Псаломъ; а другой его одѣ хотя не знаю я подлинника, однакожь не надѣюсь, чтобъ она вся его была: во всѣхъ собственныхъ его сочиненіяхъ, придатки

его какъ отливаются отъ чужихъ выработанныхъ мѣстъ, а у него по большой части обессиленныхъ переводомъ: и весьмабъ было сіе чудесно, ежелибъ ему что нибудь выдумать отъ себя. Того ради, гдѣжь его превосходная острота? Есть она, но общая многимъ. Превосходная острота не въ понятіи токмо одномъ, но еще въ вымыслѣ и въ изобрѣтеніи состоитъ. Но Авторъ толь малъ въ вымыслѣ, что ни именъ для смѣха выдумать отъ себя не могъ: Его и Штивеліусъ въ Эпистолѣ о стихотворствѣ такъ же чужой, а именно изъ помянутагожь Голберга, и сей самый Тресотиніусъ Молиеровъ Трисотень. Чтожь до изображеній его почитай всѣхъ, и почитай до всѣхъ же стиховъ; то все оное толь неисправно, что не-было еще понынѣ въ свѣтѣ Пінта, кой бы толь мало зналъ первыя самыя начала, безъ которыхъ всякое сочиненіе не можетъ не быть крайно порочно. Можно сказать смѣло, что какъ изъ противниковъ Соборной церкви нѣтъ страннѣе нашихъ раскольниковъ; такъ изъ всѣхъ писателей краснымъ слогомъ, нѣтъ въ томъ недостаточнѣе нашего Автора. Все сіе покажется изъ того ясно, что я предложу вамъ ниже во первыхъ о двухъ его одахъ, потомъ о двухъ трагедіяхъ, и напоследокъ о двухъ эпистолахъ. Ибо только того, что мы понынѣ отъ него въ свѣтѣ издавнаго имѣемъ.

Причина, которая меня возбудила къ рассмотрѣнію сему, есть, Государь мой, не нѣкоторая сѣрдпа моего подлая страсть, и недостойная добраго человѣка; но несносное тщеславіе нашего Автора, презрѣніе отъ него къ лучшимъ себя писателямъ, сожалѣніе по общемъ нашемъ другѣ, ковог онъ толь нестерпимо обидѣлъ, и наконецъ справедливость воздаянія. Однако, не извольте ожидать, чтобъ способу моего рассужденія быть съ посягательствомъ; онъ будетъ самый чистосердечный и праведный такъ, что заобиду его къ общему нашему другу, котораго миѣ, какъ и васъ самихъ, нѣтъ друживае въ свѣтѣ, не буду я воздавать обидою. Я не прикоснусь ни ко нравамъ Господина Автора, ни къ его состоянію: искусство его въ сочиненіяхъ станетъ токмо предъ мой судъ. Но впрочемъ, когда ни удостоится по суду оное его искусство самаго жестокаго осужденія; однако вездѣ будетъ умяченный на него приговоръ. Господину токмо Автору легко касаться до чина и до поступокъ: Брамарбасъ его прямо и безъ закрышекъ говорить объ общемъ нашемъ другѣ въ XI. явленіи, что каковъ его чинъ, таковъ его и поступокъ. Но я твердо знаю, что общій нашъ другъ въ чинѣ благоговѣйно, со всѣми добрыми, почитаетъ верховнѣйшее благоволеніе производящее въ чинъ, и непрекословно повинуется рукъ предводительствующей, по томужь благоволенію, чинъ учре-

жденный. Высокъ ли сей? не его дѣло. Низокъ ли онъ? помнить что, по присловію, не можно всѣмъ старцамъ въ игумнахъ быть. Съ моей стороны, я еще и радуюсь, что поступки общаго нашего друга сходствуютъ съ его чиномъ: сіе значить, что онъ не выходитъ изъ предѣловъ своей должности. Напротивъ того, не дивлюсь, что поступка нашего Автора безмѣрно сходствуетъ съ цвѣтомъ его волосовъ, съ движеніемъ очей, съ обращеніемъ языка, и съ біеніемъ сѣрдца. Но теперь за прямое дѣло.

Самая первая Ода нашего Автора, есть Парафрастическая: сочинена она съ Псалма 143-го. Парафрастическихъ сихъ одъ съ объявленнаго Псалма еще совокупно съ его положено двѣ; а напечатаны онѣ 1744 года. Но первая по порядку, есть порожденіе нашего Автора, какъ то мнѣ объявилъ одинъ изъ сочинителей тѣхъ Одъ. Случай къ сочиненію ихъ описанъ тамъ въ предувѣдомленіи. Сочинители уговорились поставить судьями искусства своего все читающихъ общество, и для того просили, чтобъ имъ позволено было ихъ напечатать; что имъ и повелѣно. Къ сему труду возбудилъ обоихъ другихъ сочинителей Авторъ: ибо онъ безъ всякаго сомнѣнія былъ увѣренъ о своихъ силахъ, что преодолѣть. По сему можете вы, Государь мой, праведно заключить, что нашъ Авторъ всѣ свои напрягъ силы въ такомъ случаѣ: честь и слава къ тому его обязывали. Ода его состоитъ въ одиннадцати строфахъ; а каждая изъ строфъ о шести стихахъ. Однако, Государь мой, пустая надежда и излишнее упованіе на себя, обманули нашего Автора: Ода его обоихъ другихъ во всемъ и по всему нѣже, такъ что нѣтъ ни единыя у него строфы, въ которой бы нѣ-было знатныя погрѣшности. Вы изволите сами то увидѣть способно: ибо я теперь каждую строфу разберу въ той одѣ порознь.

1.

Благословенъ Творецъ вселенны.
 Которымъ днесъ я ополченъ!
 Се рѹки нынѣ вознесенны,
 И духъ къ побѣдѣ устремленъ:
 Вся мысль къ Тебѣ надежду править;
 Твоя рука меня прославить.

Прошу, Государь мой, наблюдать: въ первомъ стихѣ слово, Творецъ, положено не взываніемъ, но повѣствованіемъ, то есть, разумъ сего стиха есть сей: Благословенъ есть творецъ вселенны, а не Благословенъ Ты Творецъ вселенны: ибо звательный падежъ слѣва Творецъ, употребляетъ нашъ Авторъ по Славенски, Творче, какъ то видно изъ третіей строфы сеяжь его Оды. И понеже сіе

праведно; то для чегожъ нашъ Авторъ въ пятомъ стихѣ сеяжъ строфы положилъ слово *къ Тебѣ*, вмѣсто *къ Нему*, а въ шестомъ *Твоя* вмѣсто *Ею*? ибо вся сія строфа есть повѣствовательная, а не взывательная. Вотъ, Государь мой, первая знатная погрѣшность, и первое странное въ писателѣ незнаніе.

2.

Защитникъ слабыя сей груди,
Невидимой своей рукой!
Тобой почтутъ мой мя люди
Подверженны подъ скипетръ мой.
Правитель бесконечна вѣка!
Кого Ты помнишь! человекъка.

Сія строфа есть вся взывательная; слово въ третіемъ стихѣ *Тобой*, и въ шестомъ *Ты*, означаютъ сіе бесспорно. Надлежитъ знать, что правило взыванія есть такое, чтобъ ему всегда быть произносиму ко второму лицу: о семъ, кромѣ Автора, и дѣти обучающіися грамматикѣ знаютъ. Но изъ сихъ словъ, *мой* есть перваго лица, *твоей* втораго, *своей* и *ею*, третяго. И какъ взываніе всегда бываетъ втораго лица; то слѣдуетъ, что нашъ Авторъ отъ незнанія погрѣшилъ, полагая во второмъ стихѣ взывательномъ *своей*, вмѣсто *твоей*. Симъ образомъ ему угодно быть выше утвержденныхъ правилъ въ красномъ языкѣ, или лучше, симъ образомъ угодно ему не знать того и понинѣ. Положеножъ у него въ первомъ стихѣ: *слабыя сей*, вмѣсто *слабыя сея*: ибо весьма сіе досаждаеть слуху, когда непосредственно словá соединенныя, или до одной вещи взаимно принадлежація, полагаются такъ, что одно изъ нихъ полное, а другое сокращенное. Лучше всегда, а особливо въ стихахъ, полагать оба такія словá полныя; однако сноснѣе, ежели они оба будутъ неполныя, когда того нужда мѣры требуетъ, какъ то и у него во второмъ стихѣ, невидимой своей. Вотъ же и вторая погрѣшность, или справедливѣе, не одна она во второй строфѣ. Сей точно всегда плодъ отъ писателя безъ первыхъ самыхъ нужныхъ основаній во всякомъ родѣ сочиненія!

3.

Его весь вѣкъ какъ тѣнь преходить:
Всѣ дни его, есть суета.
Какъ вѣтеръ пылъ въ ничто преводить;
Такъ гибнетъ наша красота.
Кого Ты, Творче, вспоминаешь!
Какой Ты прахъ днесъ прославляешь!

Въ сей строфѣ, Государь мой, не противъ грамматики уже погрѣ-

шено: здѣсь соврано противъ общія Философическія правды. Кто Господина Автора научилъ, что вѣтеръ пыль въ ничто преводить? Смигъ бы способомъ, по седми тысячахъ лѣтъ отъ сотворенія свѣта по нашему счисленію, давно ужé вся земля въ ничто была превращена. Вѣтеръ пыль только съ одного мѣста на другое преводить, а не въ ничто обращаетъ: отъ количества сотворенныя матеріи, по мнѣнію знатнѣйшихъ Философовъ, ничего не пропадаетъ; но токмо она индѣ прибавляется, а индѣ потомужъ убавляется. Но сіе, Государь мой, не Филологическое, да Философическое, и для того можно такое незнаніе Автору опустить.

4.

О Боже! рцы мѣстамъ небеснымъ,
Гдѣ Твой божественный престолъ,
Превыше звѣздъ верхамъ безвѣснымъ,
Да приклонятся въ niskій долъ:
Спустишь, да долы освятятся;
Коснись горамъ, и воздымятся.

Нарочитабъ могла быть сія строфа, ежелибъ она не имѣла смятенія; ибо въ ней заднее на переди положено, а переднее на зади, чемъ она и темна и порочна. Разуму ея слѣдующему надлежало быть: О Боже! рцы мѣстамъ небеснымъ, и превыше звѣздъ верхамъ безвѣснымъ, гдѣ твой Божественный престолъ. Въ четвертомъ стихѣ сея строфы, къ существительному имени долъ, Авторъ придалъ имя прилагательное niskій. Но мы дола никакôва не знаемъ не niskаго: развѣ по сему есть у Автора какой долъ вышній. Сіе точно называется у стихотворцовъ затычкою, когда нѣчто не надобное полагается въ стихъ для наполненія его мѣры. При томъ, Господину Автору должно было знать, что прилагательныя имена полагаются или для бôльшаго изъясненія свойствъ въ вещахъ, или для похваленія, или такъ же для похуленія, и для другихъ подобныхъ имѣющихъ бôльшую силу околичностей: ибо кто скажетъ: вода водяная, или солнце солнечное; тотъ только что говоритъ по пустому. Равнымъ образомъ кто говоритъ и niskій долъ. Худо такъ же полагать и одну рѣчь блиско отъ другія такіяжъ и тогожъ знаменованія. Однако, въ сей строфѣ Авторъ, послѣ niskаго своего дола, тотчасъ просить, чтобъ долыжъ освятились. Но какая была нужда въ семъ почитай непосредственномъ повтореніи? или не показалось лучше положить ему сей пятый стихъ такъ,

Спустишь, да зѣмли освятятся?

Іамбъ тотъже; а великолѣпіе, красота, и исправность лучшіе.

5.

Да свёркнутъ молни, громъ Твой грянетъ,
И взыдетъ вихрь изъ земныхъ нѣдръ;
Рази врага, и не востанетъ;
Пронзи огнемъ ревушій вѣтръ;
Смяти его пустивши стрѣлы;
И дай покой въ мой предѣлы.

Въ сей что ни въ самой нужной строфѣ, Авторъ какъ о должномъ и вѣщшемъ движеніи, нежели каково оно есть у него, не потщажя, такъ и нескланяемые частицы не сильныя употребилъ. Всѣхъ бы она строфъ лучше могла быть, ежелибъ устремительнѣйшая была. Соузы его (*и*), и глаголы *грянетъ*, *взыдетъ*, превратившіся по неволѣ въ будущія времена, безъ повелительныя или желательныя частицы *да*, почитай всю ея испортили. Я васъ судію теперь, Государь мой, хочу имѣть: ибо я утверждаю, что его самую строфу я лучшею здѣлалъ, такъ что далъ ей все должное движеніе, и устремленіе, какихъ содержаніе требовало. Въ семъ я ссылаюсь при томъ и на всѣхъ искусныхъ совокупно при васъ. Вотъ бы она какъ была вся жарчае и исправнѣе въ частицахъ нескланяемыхъ:

Да сверкнутъ молни, громъ да грянетъ;
Да взыдетъ вихрь изъ земныхъ нѣдръ;
Рази врага, да невостанетъ;
Пронзи огнемъ ревушій вѣтръ;
Смяти его пустивши стрѣлы:
Но дай покой въ мои предѣлы.

Прошу, благоволите судить по самой беспристрастной справедливости, чья строфа громче.

6.

Простри съ небесъ Свою зѣницу,
Избавь мя отъ враговъ моихъ;
Подай мнѣ крѣпкую десницу,
Изми мя отъ сыновъ чужихъ.
Разрушь бунтующи народы,
И стануть брань творящи воды.

Зѣница есть Славенское слово; а по нашему просто называется озарочко. Но никто еще толь дерзновенныя, и толь несвойственныя фигуры не употреблялъ у насъ: ибо говоря, распростерть озарочко, есть означать, что оно такъ простирается, какъ рука. Подлинно, можно сказать, что зрѣніе далеко распространяется; однако чрезъ сіе означается дѣйствіе видѣнія, а не орудіе, которымъ зримъ. Но зѣница есть орудіе видѣнія, а не дѣйствіе его. Слѣдовательно, Авторова,

простри зѣницу, есть ложная мысль, и несвойственное зѣницѣ дѣло. Въ пятомъ стихѣ положилъ онъ, *разрушь народы*; но глаголъ сей есть такъ же не приличенъ тутъ. Мы можемъ только говоря рас-сѣвать, развѣвать, раззорять, рассыпать, потреблять, истреблять народы; или такъ же можно намъ говоря и разженуть народы: но разрушать умѣемъ мы города, и прочія зданія; или иногда разрушаемъ мы и дружбу; но никогда не разрушаемъ народы. Чтожъ до послѣдняго въ сей строфѣ стиха; то онъ какъ самъ въ себѣ никакваго разума не имѣетъ, такъ и съ прочими прежде положенными ни мало не соединяется тѣмъ же. Ибо прошу, Государь мой, сказать мнѣ, что значить, *стать брань творящимъ водамъ*? Стать водамъ, есть несвойственно; а стать водамъ брань творящимъ, и того несвойственнѣе. Но пускай стануть брань творящи воды; толькожъ бы неостанавливались онѣ отъ того, что разрушатся бунтующи народы: ибо сія Авторова Логика весьма подобна есть слѣдующему заключенію: *стоитъ сегодня палка въ уму: того ради завтра дождь будетъ*. Ибо какъ отъ сегодняшняго стоянія палки въ углу не слѣдуетъ завтрашній дождь; такъ отъ разрушенія бунтующихъ народовъ не можетъ послѣдовать остановленіе брань творящихъ водъ. Сими при томъ обоими стихами Авторъ еще и не изобразилъ Царствующаго псалмопѣвца мысли, а сіе значить, что онъ его не разумѣлъ. Ибо Давидова сего, *избави мя отъ водъ многихъ, изъ руки сыновъ чужихъ*, есть сей разумъ: избави мя какъ отъ превеликаго и сильнаго наводненія изъ руки сыновъ чужихъ. Сія есть причина, что въ средней сегожъ Псалма одѣ положено:

Родъ чужихъ, какъ буйнъ водъ шумъ,
Быстро съ вошемъ набѣгаетъ.

Такъ же и въ послѣдней:

Меня объялъ чужой народъ,
Въ пучинѣ я погрязъ глубокой:
Ты съ тверди длань простри высокою,
Избавь меня отъ многихъ водъ.

Но разумъ сего четверостишія есть тотъ же, что и Давидовъ: такъ меня чужой народъ объялъ, что я погрязъ какъ въ глубокой пучинѣ. Того ради, Ты мнѣ съ высокія тверди простри длань, и тѣмъ избавь меня отъ оныхъ многихъ водъ пучинныхъ.

7.

Не приклони къ ихъ ухо слóву:
Дѣла ихъ гнусны предъ Тобой.
Я воспю Тебѣ пѣснь нову,
Взнесу до облакъ голосъ мой,

И восквалю Тя пѣснью шумной
Въ моей Псалтирѣ многострунной.

Господинъ Авторъ изволить смѣяться надъ тѣми, кои иногда въ стихахъ прелагаютъ части слова, буттобъ нашъ языкъ такъ же былъ связанъ тѣмъ какъ Французской и Нѣмецкой. Но, *не приклонитъ къ ихъ ухо слово*, что инос, какъ не преложеніе осмѣхаемое Авторомъ? Такъ же и въ Хоревѣ дѣйств. I. явл. III. стран. 15. говорятъ Оснелъда: *рви во мнѣ печальный духъ, жестокой въ сей любви*, не преложеніель за, *въ сей жестокой любви*, или дѣйств. II. явл. III. стран. 26. не преложеніель же говорить Кій, *но въ дѣль естельмнть свидѣтельства когда*, за, *но естельмн когда въ дѣль нннъ свидѣтельства?* да и весьма сего у Автора много. Тщетно и несправедливо Авторъ осмѣхаеть, будучи самъ тому больше всѣхъ подверженъ. Того ради, въ сей разбираемой мною строфѣ надобно по его: *не приклонитъ ухо къ ихъ слово*. Впрочемъ, сей его стихъ порочное имѣеть сочиненіе. Должно было ему знать, что винительныя падежи утвердительныя рѣчи переимѣняются въ родительныя, когда та рѣчь есть отрицательная, напримѣръ: *пишу справедливую критику*, есть утвердительная рѣчь, а справедливую критику есть винительный падежъ. Но, *не пишу справедливая критики*, есть отрицательная рѣчь, а справедливыя критики, есть родительный падежъ измѣнившійся изъ винительнаго. Но Авторова, *не приклони къ ихъ ухо слово*, есть отрицательная рѣчь. Слѣдовательно, надлежало ей быть:

Не приклони къ ихъ уха слово.

Но я присягну, что Авторъ о семъ правилѣ, которое впрочемъ весьма общее, надобное, и сильное, никогда и не слыхивалъ. Послѣдній стихъ сея строфы грѣшитъ родомъ: ибо Псалтирь, какъзначающій музыкальный инструментъ, есть мужескаго рода, какъ то *красенъ Псалтирь съ усльми*, а не женскаго: и потому, надлежало ему написать *въ моемъ Псалтирь*, а не *въ моей Псалтирь*. Хотяжъ въ простомъ языкѣ Псалтирь есть женскаго рода; но сія Псалтирь значитъ книгу: ктожъ видалъ книгу съ струнами? съ другой стороны въ сей одѣ, которая есть съ Псалма, необходимо надобно было для почтенія, сходства и высокости употребить сіе слово въ мужескомъ родѣ, такъ какъ оно употреблено въ Псалмахъ.

8.

Дающу области, державу,
И царскій на главу вѣнецъ,
Царемъ спасеніе и славу.
Премудрый всѣхъ судьбъ Творецъ!

Ты грознаго меча спасаешь,
Даешь побѣды, низлагаешь.

Строфа сія вся неисправная сочиненіемъ, и весьма порочная. Первое, къ чему у него возносится слово, *дающею*? ежели оно возносится предвѣдущія строфы къ словамъ, а именно, къ *восхваляю Тя тѣсно мучной*; то мѣстоименіе *Тя*, есть винительный падежъ; и слѣдовательно надлежало написать: *дающа*. Будежъ оное его *дающею* принадлежитъ сеяжъ самыя строфы къ *Творецъ*, которое слово положено въ четвертомъ стихѣ; то, хотябъ оно было звательный падежъ, хотябъ именительный, въ обоихъ случаяхъ должно ему было быть, *дающей*. Но не позволяетъ самъ Авторъ возносить свое *дающею* къ *Творецъ*: ибо послѣ словъ, *спасеніе и славу*, поставлена у него точка, и потому разумъ окончился, а какимъ глаголомъ окончился, Авторъ токмо знаетъ. Однако, положимъ, что тутъ у него стоитъ не точка, но запятая; то, и при семъ преніаніи строчномъ, надобно *дающею* переимѣнить въ *дающей*. Чтожъ впрочемъ Автора привело къ *дающею*? самое сочиненіе Царствующаго Пророка: ибо у него положено въ дательномъ падежѣ, *дающему спасеніе Царемъ*. Не великое оправданіе Господину Автору? то есть, непреоборимое доказательство незнанія Авторова. Ибо Пророкъ говоритъ исправно, для того что послѣ дательнаго *Тебѣ*, какъ то, *Боже, тѣмъ нову востою Тебѣ, во Псалтири десятиструннѣмъ пою Тебѣ*. Комужъ? *Дающему спасеніе Царемъ, избавляющему Давида раба своего отъ меча мота*. Второе, въ пятомъ стихѣ сея строфы Авторъ положилъ глаголъ *спасаю* съ родительнымъ падежемъ безъ предлога *отъ*. Мы прочіи всѣ положилибъ сію рѣчь такъ: *Ты отъ грознаго меча спасаешь*, а не *Ты грознаго меча спасаешь*. Но Автору угодно писать по новому. Впрочемъ, сколько его сіе сочиненіе ни новое, и ни противное языку; однако оныя ясно о себѣ показали, что оныя мало читывалъ молебный канонъ называемый Параклизъ: ибо тамъ точно, да и праведно, стоитъ: *отъ тяжкихъ и мотыхъ мя спаси*. Не лучше ли по сему Автору принятися за наши прежде книги, дабы научиться прѣвильному сочиненію? Расійнъ научить токмо вздыхать по пустому; а Боалб-Депрб всѣхъ язвить и лучше себя: но оба сіи нашему языку не научать.

9.

Какъ гроздъ росю напоенный,
Сыны ихъ въ юности своей;
И дщери ихъ преукрашенны,
Подобьемъ красоты церьквей;

Богаты, славны, благородны;
Стада овецъ ихъ многоплодны.

Во второмъ стихѣ слово *сыми* положено Іамбомъ неправо: ибо оно есть Хорей, *сыма*, а по Славенски, *синове*. Но Авторъ мало печется о нашихъ удареніяхъ, или лучше, не хочетъ ихъ знать, для того что сіе до буквъ, и изъ нихъ до складовъ принадлежить: ему токмо надобны рѣчи и не зная складовъ, а сіе значить, и не зная азбуки. Впрочемъ, въ сей строфѣ читаю я трижды мѣстоименіе, *ихъ*; а именко, при *сымахъ ихъ*, при *дщеряхъ ихъ*, при *овцахъ ихъ*. Однако, чьи сыны, дщери, и овцы, то какъ родителей такъ и стяжателей ихъ не вижу, а не вижу ни въ двухъ предъидущихъ строфахъ, ни въ послѣдующей. Въ двухъ предъидущихъ вижу токмо *дающею*, и не *приклони къ ихъ ухо славу*, а въ послѣдующей послѣ овецъ, *волось*. И такъ Авторъ изволилъ поскутиться объявить намъ, чьи сн дѣти и овцы: сіе значить, что онъ не знаетъ свѣдѣнія мѣстоименій. Четвертый стихъ сеяжъ строфы подлѣ и смѣшонъ совсѣмъ. Первое, слово, *подобьемъ*, вмѣсто *подобіемъ*, такъ досадно нѣжному слуху, что невозможно ему никакъ стерпѣть, равно какъ и имена его въ Гамлетѣ *Обелью*, *Полоня*, вмѣсто *Обелія*, *Полонія*. И поже на семь словъ не поставлено силы; то мнѣ можно читать и *подобьямъ*, вмѣсто *подобьямъ*. Но я оставлю сіе нуждѣ мѣры, или лучше пера дѣлю Автору. Второе, въ семъ же стихѣ употребилъ онъ слово *Церковей*. О! страшнаго незнанія: увидѣвъ, что въ Нѣмецкомъ переводѣ сего Псалма стоитъ *Kirche*; а языкъ у насъ тожъ самое называется *Церковью*; то и угодно ему тотчасъ стало слово употребительное языкъ. Но, Государь мой; помнилъ ли онъ, что онъ Давидовъ Псаломъ расцвѣчаетъ? Буде помнилъ, то надобно ему было знать, что мы Иудейскаго Храма не называемъ Церковью, такъ какъ Языческія капища называются иногда у насъ Храмамижъ, а не Церквями. Слово Церковь, есть Христіанскаго стилия: а хотя въ простомъ языкѣ и называется зданіе святое Церковью; однако Церковь въ точномъ своемъ знаменованіи не приежется за зданіе, но за собраніе вѣрующихъ во Христа. Зная сіе прочіи оба сочинителя Парафрастическихъ своихъ Псалмовъ, положили исправно. Тотъ, котораго Ода въ срединѣ такъ:

Толь нѣтъ храмовъ испещренныхъ:

А другой подобнымъ же образомъ въ послѣдней:

Какъ златомъ испещренный храмъ.

Не могу удержаться, чтобъ еще съ удивленіемъ не возопить: О! страшнаго, а самолюбиваго и тщеславнаго незнанія.

10.

Волю въ лугахъ благоуханныхъ,
 Во множествѣ слатчайшихъ травъ,
 Спокоясь отъ трудовъ имъ данныхъ,
 И весь ихъ скотъ пасомый здравъ:
 Нѣтъ вопля, слезъ, и нѣтъ печали,
 Которыбъ ихъ не миновали.

Здѣсь пріемлю я смѣлость спросить васъ, Государьмой; что Господина Автора волю въ лугахъ благоуханныхъ, во множествѣ слатчайшихъ травъ, спокоясь отъ трудовъ имъ данныхъ дѣлають? спятъ ли они? хѣдять ли? ѣдятъ ли? мичать ли? играютъ ли? бѣгають ли? или стоятъ на одномъ мѣстѣ повѣсивши губы? Ибо у Автора нѣтъ такъ называемаго личнаго глагола, котораго разумъ опредѣляемъ быть долженствуетъ. Но гдѣ нѣтъ личнаго глагола; тамъ всѣ искусныи писатели, кромѣ Автора, знаютъ, что нѣтъ разума. Толь превеликую Автору погрѣшность не можно ни чемъ другимъ извинить, и то на великую силу, какъ токмо такъ называемою фигурою Силлепсисомъ Автору неслыханною. Силлепсисъ есть то, когда чего недостаетъ въ рѣчи, тогда оное отъ ближняго содержанія заемлется, и тѣмъ разумъ дополняется, и еще премѣнная родъ, число, лица, падежъ, или что другое. Такъ Цицеронъ пишучи къ брату своему говоритъ: *онъ съ страха, а я съ смѣха упалъ*, то есть, и онъ такъ же упалъ: но въ Латинскомъ сіе чувствительнѣе: *онъ съ страха, а я съ смѣха упадася*; полный сего разумъ, *онъ съ страха упаде*; а сего *упаде* въ рѣчи не доставало, и для того приразумѣвается оно отъ ближняго *упадога* съ премѣненіемъ токмо лица. И такъ, взявъ въ помощь сію фигуру, такъ надобно разумѣть Автору сію строфу: волю въ лугахъ благоуханныхъ, во множествѣ слатчайшихъ травъ, спокоясь отъ трудовъ имъ данныхъ *здрави суть*, и весь ихъ скотъ пасомый *здравъ есть*. Но по совѣсти сказать, Авторъ ни во снѣ не думалъ о сей фигурѣ: а другаго впрочемъ, для самаго слабаго одобренія своея строфы, никакова ему отнюдъ невозможно сыскать убѣжища.

11.

О! вы щасливые народы,
 Имущи таковую часть!
 Послушны вамъ земля и воды,
 Надъ всѣмъ, что зрите, ваша власть:
 Живущіежъ по Творчей волѣ,
 Еще стократъ щасливы болѣ.

Въ Эпистолѣ своей о Рускомъ языкѣ, Авторъ не знаю надѣ кѣмъ изволитъ Сатирически смѣяться говоря:

Одинъ послѣдуя не свойственному складу,
Влечеть въ Германію Россійскую Палладу.

Хотя и оба сіи стиха, что до стопъ, худы, для того что Цезуры не означены Іамбомъ; однако не до того здѣсь дѣло; а поговоримъ о семъ послѣ. Мнѣ токмо хотѣлось бы знать, какую послѣднимъ сея строфы стихомъ самъ Авторъ влечеть въ Россію къ намъ Палладу: ибо *еще сто-кратно щасливъ болѣ*, написалъ не по Руски вмѣсто *еще сто-кратно щасливѣе*, или *щасливѣйшии*. Видите, Государь мой, что никому меньше, какъ Автору, по справедливости, можно смѣяться надъ другими, и еще ихъ несносно ругать, и язвить. Весьма ему приличны слова Христа Спасителя нашего: врачу, исцѣлися самъ: сучецъ во очеси брата твоего зриши, у себе же бервна не чуеши. Генеральное опредѣленіе на сію оду, Авторъ самъ потщался здѣлать въ четырехъ стихахъ, и именемъ своимъ закрѣпить: первый два положилъ онъ въ Эпистолѣ о стихотворствѣ, а другіи два въ Эпистолѣ о Рускомъ языкѣ.

Первыи:

Нельзя, чтобъ тотъ себя письмомъ своимъ прославлялъ,
Кто грамматическихъ не знаетъ свойствъ, ни правилъ.

А другіи:

Кто пишетъ, долженъ мысль прочистить напередъ,
И прежде самому себѣ подать въ томъ свѣтъ.

Ясно ужé вамъ, Государь мой, теперъ видѣть можно и по сему первому дѣлу, коль велико искусство въ сочиненіи нашего Автора. Изволили вы чрезъ то познать, коль великій онъ Грамматикъ, Реторъ, Писъть, Логикъ, Философъ, а при томъ, коль много онъ читаетъ наши книги, и потому какоѣ имѣетъ знаніе въ Грамматическомъ составленіи. Чего ради, давно ужé-было пора ему опомниться, себя и свои силы осмотрѣть, а напослѣдокъ, тщеславія и самохвальства убавить. Поистиннѣ, сими толь ясно видимыми въ немъ пороками, больше онъ себѣ вредитъ, нежели бесчеститъ тѣхъ, коихъ онъ нѣже себя почитаетъ, и прободаетъ толь чувствительно и ненавистно. Не думаетъ ли онъ, что всѣ прочіи того не видятъ, чемъ онъ зараженъ, чего онъ самъ стѣбитъ, и что и каковъ тотъ, противъ котораго онъ какъ съ цепи спустилъ своевольную въ лихости свою музу? Но впрочемъ, хотябъ кто ему такое напоминаніе и дружески представилъ; однакобъ тотъ потерялъ свое время, трудъ и слова, а успѣхабъ отнюдъ не получилъ въ томъ ни малаго. Затвердѣла ужé въ серд-

цѣ его сія страсть: не можетъ въ немъ ея ничто погасить, развѣ токмо нѣкоторый родъ чуда, или особливая благодать Господня. Сея ему Христіански и желаю! А чтожъ принадлежитъ до нынѣшняго времени; то любви ему токмо тѣ, которыи ему дивятся, и его хвалятъ. Весьмабъ онъ былъ щасливъ, ежелибъ по крайней мѣрѣ могъ усматривать, кто какъ и какимъ духомъ его хвалятъ. Ибо есть, какъ вѣроятно, кои сами не знаютъ, что въ сочиненіи его хвалятъ. Есть можетъ быть, кои то дѣлаютъ лъстя нарочно, дабы его приводить къ большему себя оказанію, и чрезъ тобъ чаще имѣть себѣ причину къ смѣху. Наконецъ, думаю что есть и такіе, кои ненавидя его похваляютъ, дабы ободряюще своею похвалою возбудить его еще къ явнѣйшей нерассудности, и тѣмъ бы его или погубить, или по крайней мѣрѣ привести въ напасть и бѣдство. Однако, до всего того, Государь мой, мнѣ нѣтъ дѣла: самъ онъ возрастъ имѣетъ, самъ о себѣ да печется. Я токмо рассматриваю его стихотвореніе; а по предъ воспріятому мною намѣренію одну и первую его штуку ужѣ рассмотрѣлъ. Теперь должно мнѣ приняться за другую Господина Автора Оду. Ея рассматривать я буду тѣмъ же способомъ, какъ и первую: именномъ, каждую строфу порознь, и въ каждой, что найдется достойнаго, то нелицемѣрно похваляя, а какія несовершенства и погрѣшности явятся, тѣ съ довольною пощадою осуждая.

Слѣдующая Ода, ежели Автору вѣрить, есть или самый верхъ совершенства въ семъ родѣ, или, по крайней мѣрѣ, выше всего того изъ Одъ, что мы ни имѣемъ похвальнаго у себя понинѣ. Боже мой! кому онъ ея писменныя еще не читалъ? Изъ смыслящихъ и незнающихъ, изъ знакомыхъ и невѣдомыхъ себѣ, словомъ, ктобъ къ нему ни пришелъ, или къ комубъ онъ самъ съ нею ни прибѣжалъ, всѣхъ убивалъ ею. Былъ онъ тогда съ нею точная Гораціева пѣвица, которая отъ тѣла не отпадаетъ, пока вся кровію не наполнится. Завелъ либъ кто слово о высокомъ при немъ стигъ? Тотчасъ онъ одну нѣкоторую строфу изъ сея Оды въ примѣръ ставилъ, и говорилъ необиновенно, что сія есть совершенный образецъ высокости; а прочее все или недостаточно, или пустошь. Продолжалъ онъ самъ свою похвалу довольно чрезъ многое время; а надѣюсь, что и нынѣ еще сегожъ самаго онъ при случаѣ не оставляетъ. Удивительно было, видѣть его къ тому устремленіе и жаръ защипенія, ежелибъ кто дерзнулъ сказать, что не токмо та строфа, но и вся его Ода есть изъ самыхъ посредственныхъ. Но я вамъ, Государь мой, доношу, что она еще меньше посредственна, нежели сколько порочна: вы изволите увидѣть то сами.

1.

Оставимъ брани и побѣды,
 Кровавый мечъ пріялъ покой.
 Покойтесь мирные сосѣды,
 И защищайтесь сей рукой,
 Которая единымъ взмахомъ
 Сильна повергнуть грады прахомъ,
 Какъ дерзость свой подыметъ рогъ,
 Пускай Гомеръ Боговъ умножить,
 Сія рука ихъ всѣхъ низложитъ
 Къ подножію Монаршихъ ногъ.

Второй стихъ оконченъ *покоюмъ*, а третій начинается тѣмже самымъ звономъ, а именно, *покойтесь*: сіе всѣ знатныи Пінты почтиаютъ за порокъ, а особливо въ Одахъ. Но и кстатиль повелѣвать мирнымъ сосѣдамъ покоиться? они, когда мирные, то тѣмъ самымъ давно ужé въ покоѣ пребываютъ и безъ принужденія ихъ къ тому: лучшебъ было, еслибъ Авторъ употребилъ слово *дружнимъ сосѣды* вмѣсто *мирнымъ*. Въ четвертомъ стихѣ Авторъ сосѣдамъ же говорить: *и защищайтесь сей рукой*. Но при томъ не изволилъ онъ намъ изъяснить, сія рука есть чья, которая толь есть сильна: ибо намъ самимъ невозможно никакъ догадаться. Мѣстоименіе указательное *сей*, показываесть токмо руку; но рука сія чья, того не объявляетъ. Выше имѣемъ мы изъ именъ *брань, побѣду, мечъ*: по сему, рука сія толь сильная долженствуетъ быть или бранная, или побѣдная, или мечная: сосѣдней быть ей нельзя, для того что должно имъ ею защищаться. Но положимъ ужé, что она Монаршая; то и въ семь разумѣ нескладно Авторъ употребилъ слова, *къ подножію Монаршихъ ногъ*, вмѣсто *къ подножію своихъ ногъ*; или, *своихъ Монаршихъ ногъ*. Да и къ подножію ногъ хорошоль? всеконечно подножіе есть не рукъ. А хотя и есть у насъ, во Псалмахъ: *поклоняйтесь подножію ноу его*; но сіе есть переводъ, и можетъ быть, что на Еврейскомъ языкѣ имя *подножіе*, не производится отъ ногъ, какъ то и на Латинскомъ *scabellum* не отъ ногъ же. Низложить гордаго къ Монаршескому подножію, и безъ приложенія ногъ, есть весьма дѣлю славное и Геронческое, а гордому чувствительное. Шестой стихъ есть неправильнаго сочиненія, для того что не по свойству нашего языка *повергаются грады прахомъ*, но надобно *въ прахъ*. Осмый, *пускай Гомеръ Боговъ умножитъ*, есть какъ пустой, такъ и негодный. Что означаетъ Авторъ чрезъ Гомера, и чрезъ умноженіе его Боговъ? Гомеръ былъ Пинтъ, и описалъ баснословно Троянскую войну, и походженіе Улиссово; а Боги его были всѣ ничто,

то есть, не-было ихъ въ самой вещи. Какаязъ хвала, что сія рука низложить такихъ, которыхъ не бываю, и быть ужé они не могутъ? Да и на что толь въ важной Одѣ, коею Авторъ Благочестивѣйшую Самодержицу нашу воспѣть по достоинству тщался, Баснословецъ Гомеръ [который впрочемъ Одѣ не писалъ, и потому брать его въ образецъ неприлично] и ложныи Боги? Въ самомъ баснословіи брань имѣли съ семи Богами Титаны и Гиганты, которые однако за злочестивыхъ и тамъ почитаются. Что больше? Стихъ сей, *пускай Гомеръ Боговъ умножитъ*, есть и ложный по мысли, и нечестивый по разуму. Ежелибъ вмѣсто его у Автора былъ такой, *пусть зависть намъ враговъ умножитъ*; тобъ въ строфѣ сей ложнаго и негоднаго быть ничего не могло. Впрочемъ, у Автора по седьмомъ стихѣ стоить запятая, а должно стоять двоеточію.

2.

О! дерсска мысль куды взлѣтаешъ?
 Куды возносишь плѣнный умъ?
 Елисаветъ изображаешъ,
 Ея дѣлъ славныхъ громкій шумъ
 Грemitъ во всѣхъ концахъ вселенны,
 И тщетно мысли восхищенны.
 Извѣстны ужъ Ея хвалы,
 Ужé и горы возвѣщаютъ
 Дѣла, что Небеса пронзаютъ,
 Лѣса, и гордые валы.

Первыи осемь стиховъ въ сей строфѣ всѣ изрядны, кромѣ слова *куды*, вмѣсто *куда*, и кромѣ *взмтасишь*, за *взлетасишь*. Но Автора нашего такая участь, чтобъ ему нигдѣ безъ погрѣшностей не быть: ибо два послѣдніи стиха первое что темны и обоудны, а другое что противный намѣренію Автору разумъ имѣютъ. Можно догадываться, что Авторъ такъ хочетъ мысль свою показать, именножъ, что *дѣлами небеса пронзаются*, и совокупно *тмса*, и *гордыи валы*. Но понеже какъ *тмса* средняго рода, во множественномъ числѣ, и въ винительномъ падежѣ, такъ и *небеса*; то чемъ онъ доказываетъ намъ, что у него точно оный въ сихъ двухъ стихахъ разумъ? Ибо равнымъ образомъ можно разумѣть, что небесами, лѣсами, и валами дѣла пронзаются, толь наипаче, что возносительное *что*, такъ же въ винительномъ падежѣ, и во множественномъ числѣ. Вотъ коль ясно Авторъ нашъ сочиняетъ; или лучше, вотъ какъ онъ умѣетъ сомнительный опредѣлять разумъ. При томъ, изволить ли онъ знать, что глаголь *пронзаю*, есть тожъ что и *прободаю*? Итакъ, что то у насъ за разумъ, когда дѣла прободаютъ небо, лѣсъ, и гордую

вѣдну? Но скажете, что онъ взялъ прозаю за Французское *регсег*; однако, Метафора сія у Франгузовъ употребительна, а у насъ она странна и дѣка, еще и ни какія пошлыя въ семъ разумѣ не означаетъ идеи.

Что очень хорошо на языкѣ Французскомъ;

То можетъ въ точности быть скаредно на Русскомъ, какъ то самъ Авторъ говоритъ въ Эпистолѣ о Русскомъ языкѣ, хотя впрочемъ вторый его стихъ и неисправенъ въ Цезурѣ. Того ради, вотъ, Государь мой, обоимъ его симъ стихамъ надлежало быть какимъ:

Дѣла, что въ небо проникають,
Въ гѣса, и въ гордыя валы.

Глаголъ *проникаю*, есть точно то, что у Франгузовъ *répétter*. Съ другой сторонѣ, препианія и въ сей строфѣ у Автора худы: ибо по третіемъ стихѣ надлежитъ быть двоеточію, а не запятой: по пятомъ точкѣ, а не запятой: по шестомъ двоеточію, а не точкѣ.

3.

Взгляни въ концы Твоей державы
Царица полунощныхъ странъ,
Весь сѣверъ чтить Твои уставы
До мѣсть, что кончить Окіанъ,
До края областей безвѣстныхъ,
Исполненъ радостей всемѣстныхъ,
Что Ты Петровъ воздвигла прахъ,
Дѣла его возобновила,
И духъ его въ себѣ вмѣстила,
Являя свѣту прежній страхъ.

Помните ли почтенный Авторъ, что онъ Оду сочинялъ, то есть самый высокій родъ стихотворенія? Но положимъ, что онъ въ твердой былъ памяти; то для чегожъ не старался онъ о выборѣ словъ? Ода не терпитъ обыкновенныхъ народныхъ рѣчей: она совѣтъ отъ тѣхъ удаляется, и приѣмлетъ въ себя токмо высокіе и великолѣпные. По сему, чегобъ ради ему не положить *воззри*, вмѣсто *взгляни*? Видно, что ему звонъ литеры (я) есть милъ: ибо онъ вмѣсто правнаго *клену*, пишетъ смѣшнымъ образомъ *кляну*: а для чего? Самъ онъ не знаетъ; да и право не имѣетъ твердаго основанія; но о семъ послѣ. *Твоей державы*, вмѣсто *Твоя*, неправо, и досадно нѣжному слуху. Искусныи никогда не напишутъ *Океана Окіаномъ*. Окіаномъ выговариваютъ токмо такіе люди, которые подобны знаніемъ Автору; а изъ знающихъ, что оно есть Греческое слово, и что пишется *Ὠκεανός*, никто не напишетъ *Окіаномъ*. *Петровъ прахъ*, упо-

требленный Авторомъ въ сей строфѣ, есть уничтожительное изображеніе. Надлежало-было ему не вносить такіа нискости, когдабъ въ немъ находилось столько благоразумія, чтобъ онъ могъ о семъ рассудить. Всякому читателю, имѣющему ревнительное сердце къ бессмертной славѣ Государя нашего Петра Великаго, жаль, что толикаго Монарха тѣло называется отъ Автора прахомъ. Благоразумный и Богословъ, и въ приличной правоучительной матеріи, назоветъ ЕГО или перстію, или мертвенностію, или останками, или какъ иначе, толькожъ съ почтеніемъ. Того ради, симъ бы слѣдующимъ образомъ лучше могло быть послѣднее его четверостишіе:

Что Ты Петра воздвигла намъ,
Дѣла его возобновила,
И самый духъ въ себѣ вмѣстила,
Явля прежній страхъ врагамъ.

Ясно вамъ, Государь мой, что мысли всѣ Авторovy, а подлости нѣтъ никакія въ изображеніяхъ; и еще порочное и повтореніе, *ею* ея, выкинуто.

4.

Стеналъ по немъ сей градъ священный,
Ревѣлъ великій Окіанъ,
Въ послѣдній облакъ восхищенный,
Лишенъ, кому онъ въ область данъ,
И въ Нордѣ флотъ его прославилъ,
Въ которыхъ онъ три флота правилъ,
Своей рукой являя путь.
Борей безстрашно дерзновенный
Въ воздушныхъ узахъ заключенный
Не смѣлъ прервать окобъ, и дуть.

Не говоря ужé ничего объ Авторовомъ Окіанѣ, желательнѣе мнѣ было знать, кто *въ послѣдній облакъ восхищенный, мишень?* Градъ ли священный, или великій Окіанъ? Да и что значить, *въ послѣдній облакъ восхищенный, мишень, кому онъ въ область данъ?* Толь высоко Авторъ изволить писать, что ужé и за разумъ залетаеть. О! дерсска Авторова мысль, куда залетаешь, не имѣя высокопарныхъ крилъ и за тѣмъ не подымаясь отъ нискихъ своихъ доловъ ни на вершокъ? Присимъ тебя, мысль дорогая, не летай толь высоко, да изображай себя пожалуй съ надлежащею только ясностію; въ чемъ поистиннѣ и можетъ тебѣ удался, ежели твердо будешь знать Грамматику, и всѣ ея свойства: ибо въ сей же строфѣ шестыи стихъ, *въ которыхъ онъ три флота правилъ*, порочное имѣеть правленіе, для того что глаголь *правомъ*,

означающій повелѣніе къ правленію, а не дѣйствіе самое правленія, править творительнымъ падежемъ, а не винительнымъ, чего ради и надежало ему быть, *съ котормъ онъ тремя флотами прѣидеть.* Чтожъ возносительное, *съ котормъ,* соединила Ты съ Нордомъ и флотомъ, то худо: ибо такія мѣстоименія съ однимъ пред'идущимъ единственнымъ, или множественнымъ соглашаются, о чемъ-было тебѣ знать должно было. Чего ради, надлежитъ вмѣсто *съ котормъ,* поставить *идь.* Но при всемъ томъ, здѣсь есть ложь и въ самомъ бытіи: ибо Петръ Великій управлялъ въ Нордѣ четыре, а не три флота, а именно, Россійскій, Аглинскій, Дацкій и Голландскій. Но отъ сеголь намъ Пинта должно ожидать исправности, а особливо историческія? По первомъ стихѣ надлежало быть точкѣ съ запятою; а по четвертомъ должно было поставить двосточіе.

5.

Ударомъ нестерпима Рока
 Бунтуеть воинъ въ страшный часъ.
 Отдай Петра, о смерть жестока,
 И вооружись противу насъ.
 Хотя воздвигни всѣ стихіи,
 И вооружи противъ Россіи,
 Пойдемъ противъ Громовыхъ тучъ;
 Но тщетно горестъ гнѣвъ раждала,
 И ярость воиновъ терзала:
 Сокрыло солнце красный лучъ.

Нѣтъ, Государыня мысль, кою Авторъ нашъ не умѣетъ правильно изъяснить, не ударомъ нестерпима Рока бунтуеть воинъ, да или отъ удара, или съ удара, или въ ударѣ, или при ударѣ, или по ударѣ, или за ударъ, или наослѣдокъ ради удара. Впрочемъ, видно вамъ, Государь мой, что строфа сія наполнена на глаголами *противу* и *противъ,* да глаголами *вооружись* и *вооружис.* И понеже въ ней нѣтъ различія въ словахъ; того ради, не можетъ она названа быть Одическою строфою. Моглабъ она быть исправнѣе и краснѣе симъ образомъ:

Въ ударѣ нестерпима Рока
 Бунтуеть воинъ въ страшный часъ:
 Отдай Петра, о! смерть жестока,
 А вооружись косою на насъ:
 Хотяжъ воадвигнешь всѣ стихіи,
 И встанешь Ты противъ Россіи;
 Не устранимся громныхъ тучъ.
 Но тщетно горестъ гнѣвъ раждала,

И ярость вонновъ терзала:

Сокрыло солнце красный лучъ.

Вами, Государь мой, свидѣтельствуюсь что моя строфа во всемъ его исправилѣе. Ибо сочиненіе въ ней правильное; а при томъ, различіе словъ введено, и пред'идущее съ послѣдующимъ сопряжено. По второмъ стихѣ у Автора стоитъ точка, а надобно быть двое-точію; такъ же и по четвертомъ вмѣсто точки двоеточіюжъ. По шестомъ авторъ положилъ запятую, а надобна тутъ точка съ запятою. По седьмомъ у него точка съ запятою, но должно поставить точку.

6.

Тобой возшелъ нашъ лучъ полдневный
 На мрачный прежде горизонтъ,
 Тобой разрушенъ облакъ гнѣвный,
 Свирѣпы звѣзды пали въ Понтъ.
 Ты днесъ фортуны намъ плѣвила,
 И грозный Рокъ остановила,
 Въ единый мигъ своей рукой
 Объяла всѣ свои границы.
 Се дѣло днесъ одной Дѣвицы
 Послѣвту возвратитъ покой.

Авторъ пред'идущую строфу окончилъ хотя *лучемъ*; однако сію послѣдующую почитай непосредственно тѣмъ же *лучемъ* начинается. Сіе значитъ, что онъ или мало нашихъ словъ знаетъ, или не чувствуетъ въ семъ порока. Что мѣшало, поставить ему здѣсь мѣсто луча, *солнцъ*? Кто ударяетъ слово *разрушенъ* на *у*, какъ то здѣсь Авторъ; тотъ сказываетъ, что оно взято вмѣсто *разрзанъ*; ибо вмѣсто *раззоренъ*, какъ то и кажется, что Авторъ то означаетъ, надобно ударить сіе слово на *шѣнъ*, *разрушенъ*. Но прошу, Государь мой, сказать мнѣ, что значитъ, *разрушенъ облакъ мятетый, и свирѣпы звѣзды пали въ Понтъ*? Да и можетъ ли кто быть толь великій Аполлонтъ, который бы могъ какой нибудь найти въ семъ разумъ? Сіе точно самое называется Сумбуромъ не означающимъ никакія мысли. Въ седьмомъ стихѣ слово *мигъ*, есть подлое, и слѣдовательно не одическое. Вмѣсто его высокимъ стилемъ говорится *миновение ока*. Можетъ статья, что слово *мигъ*, Авторъ предпочитаетъ *миновению* по привычкѣ своихъ очей. Въ немже поставлено *своей рукой*, вмѣсто *твоей рукой*, худо: ибо рѣчь идетъ взывательная, и обращена она ко второму лицу. Для сеяжъ самыя причины и *свои границы*, за *твои границы*, художъ и неправильно. Напоследокъ, по второмъ стихѣ Авторъ изволилъ положить запятую вмѣсто точки съ запя-

тою; сіежь самое и по третіемъ стихѣ. По четвертомъ не точкѣ надобно стоять, но двоеточію. По шестомъ не запятой, но точкѣ съ запятой; такъ же и по седьмомъ. Послѣдній стихъ оконченъ точкою; а надобно было его окончить удивительною: ибо тутъ такъ называемая фигура Эпифонема, то есть, возглашеніе.

7.

Отверзлась вѣчность, всѣ Герои
Предстали во умѣ моемъ,
Падутъ восточныхъ странъ днесь вой,
Скончавшись въ мужествѣ своемъ,
Когда Беллона стрѣлы мечеть,
И Александръ въ побѣдахъ блещеть
Идущъ въ Индійскіе страны,
И мнитъ достигнувъ край вселенны
Направить мысли устремленны
Противу солнца и луны.

8.

На Вавилонъ свой мечъ подѣмлетъ
Къ стѣнамъ его идущій Киръ,
Весь свѣтъ его законы внемлетъ,
Плѣнилъ Востокъ, и правитъ міръ.
Се ищетъ Греція Елены,
И вержетъ Иліонски стѣны,
Покрылъ брега Скамандры дымъ,
Помпей едину жизнь спасаетъ,
Когда Іулій смерть бросаетъ,
И емлетъ въ область свѣтъ и Римъ.

9.

Не вижу никакія славы,
Одна рѣками кровь течеть,
Алчба всемірныя державы
Въ своихъ перунахъ смерть несетъ,
Встаютъ народы на народы,
И кроетъ мечь Пергамски воды
Похвальный Грековъ главный Царь,
Чего гнушаются и звѣри,
Проливши кровь любезной дщери,
Для мщенія багрятъ олтарь.

Боже мой! сколько Авторъ положилъ въ три сіи строфы правды и баснословныя исторіи! Да на что все сіе толикое велерѣчіе? Для изъясненія, что во всемъ свѣтѣ много войны бывало! Изрядно.

Однако въ седьмой строфѣ Авторъ прорипааетъ о прошедшемъ, что у него *падутъ восточнѣе странъ днесь вои*, которые давно уже пали, и говорить неправо, что ему *отверзлась вѣчность*: ибо ему отверзлась вмѣсто ея *древность*, для того что всѣ оныи Герои, коихъ Авторъ упоминаетъ, были въ древности въ рассужденіи насъ, а не въ вѣчности. Вѣчность единому токмо Богу свойственна, а не Героямъ. Ежелибъ я не-былъ совершенно увѣренъ, что Авторъ отнюдь не знаетъ Богословія; тобъ подумалъ, что онъ говоритъ о такъ называемой у Богослововъ *предней вѣчности*, *aeternitas a parte ante*. Однако и сія вѣчность есть Божія, коея въ срединѣ, что до нашего разума, міръ и всѣ твари пребываютъ; а отъ сея, и такъ же по кончинѣ тварей, поидетъ задняя вѣчность, *aeternitas a parte post*. Но я еще повторяю, что сіе вѣчности раздѣленіе есть токмо слабаго нашего понятія: ибо свойство Божіея вѣчности есть въ томъ, что она состоитъ вся и цѣлая въ одномъ пунктѣ. А какъ? Превосходитъ сіе предѣлы нашего ума: одно токмо мы знаемъ, что нѣтъ въ ней ни начала, ни середины, ни конца. Есть и еще вѣчность, коя называется *вѣковъностію* *); а имѣетъ она начало, но не имѣетъ конца. Сія принадлежитъ до умныхъ и бессмертныхъ тварей. Удивительно, что Госнодинъ Авторъ, въ ложной своей вѣчности, не нашелъ при толь многихъ походахъ и сраженіяхъ, такъ же и Тебанскія баснословныяжъ войны. Однако, онъ вмѣсто ея наградиъ насъ упоминовеніемъ пѣтью о Троянской, вѣдомой ему изъ Дацѣрина Гомера; а о Тебанской оной знатно что не слыжалъ онъ самъ никогда, для того что Стацій не переведевъ на Францусской языкъ съ Латинскаго. Въ осмой Одѣ въ четвертомъ стихѣ поставлено, *правитъ міръ* неправильнымъ правленіемъ за *правитъ міромъ*; а въ шестомъ стихѣ говоритъ Авторъ: *и вержетъ Иліонски стѣны*, неправожъ, для того что глаголъ *вержетъ*, есть неупотребительный, а надобно было ему сказать *повергаетъ*. *Иліонски*, вмѣсто *Иліонски*, есть неправожъ: ибо ἥλιος [солнце], отъ чего Иліономъ городъ Троя названъ, пишется по Гречески одною ламбдою, или нашимъ (л). Въ сей же сáмой строфѣ, какимъ дымомъ у Автора покрываются брега́ рѣки Скамандры? Ибо когда Греки воевали противъ Трои, тогда какъ у нихъ, такъ и у Троянъ не-было еще ни бомбъ, ни пушекъ, и ни какóва огнестрѣльнаго оружія. Того ради, что чрезъ сей дымъ надобно разумѣть того не знаю, развѣ только или мгу, или пыль, или ужé подлинно оный дымъ, который былъ отъ огня, какъ Греки жгли Трою: однако дѣлаи

*) aequiternitas.

они сіе тогда, когда ужé всеконечно взяли городъ обманомъ, а не когда еще осаждали. Но въ послѣднемъ стихѣ сеяжь строфы, что намъ за диковинку Авторъ предлагаетъ, когда *Юлій емлетъ съ областьъ сътъ и Римъ?* Не великая поистиннѣ штука, весь свѣтъ взявши, взять ужé Римъ городъ: Римъ заемлетъ самую малую, и нечувствительную частіцу вселивныя. Но превеликое дѣло то, чтобъ Юлію, взявъ Римъ, покорить тѣмъ самымъ весь себѣ міръ, какъ то и подлинно тамъ тогда было. Автору не позволилъ Скамандринъ дымъ, положить прежде Римъ, а потомъ свѣтъ. Но что намъ нужды, что Риома привела къ тому Автора? Намъ надобенъ токмо Эмфазисъ, то есть, сильное изображеніе. Надлежало-было стараться о томъ Автору, чтобъ и Эмфазисъ, и Риома были у него между собою согласны. Въ девятой строфѣ осмый стихъ, *чею тумашатся и зотри,* долженствоваль положенъ быть девятымъ вмѣсто сего, *проломши кровь любезной дщери*; а сей вмѣсто онаго осмымъ: ибо такъ, какъ у Автора они расположены, смыслъ въ нарочитомъ есть смѣненіи. Съ другой сторонѣ, *любезной дщери*, вмѣсто *любезная дщери*, есть неправильно, и досадно слуху, для того что существительнаго имени *дщери*, есть полный родительный падежъ, а прилагательнаго *любезной*, есть сокращенный, или лучше, развращенный отъ народнаго мезнанія, а въ самой вещи онъ есть дательный. Слѣдовательно, въ красномъ сочиненіи дательный падежъ за родительный употреблять очень худо. Впрочемъ, о строчныхъ препинаціяхъ въ сихъ трехъ строфахъ я ужé не упоминаю, и упоминать больше нигдѣ объ нихъ не буду: довольно токмо вообще сказать, что Авторъ ихъ ни знаетъ ни вѣдаетъ, и для того меньше ему сплѣтокъ. Да и какъ знать такому писателю, который не токмо не учивался періодологии, и не слыживалъ ни отъ кого о разности періодовъ, объ ихъ членахъ, и объ ихъ существенныхъ частяхъ, но и не сочинявалъ ни одного еще помыслъ правльнаго періода. Но кто всего того не смыслятъ; тому знать и препинація, какъ отъ сего единственно зависяція, очень трудно. Изъясню ужé говорить объ общей сумѣсци въ сихъ трехъ строфахъ: самъ всякій читатель можетъ то видѣть съ перваго взгляда. Сперва у него Александръ Великій воретъ; потомъ Киръ идетъ, который былъ прежде Александра, на Вавилонъ; послѣ, тотчасъ Греція соглашается на Трои, и ужé требуетъ силу Елены, а сіе было задолго прежде Кира. Но вотъ и конецъ Римскія республики непосредственно послѣ Кира: Юлій съ Помпеемъ междоусобно сражаются, такъ что Юлій смертію какъ мячомъ въ Помпея бросаетъ, хотя отъ Кира до сего времени и много лѣтъ прошло. Чтожъ еще? паки война при Троѣ, и месть намъ одѣя-

ломъ кроеть Пергамски воды. Чтожъ и напоследокъ? Такъ называемый, толькожъ впрочемъ не логическій, *кругъ порочный*, то есть, Агамемнонъ еще не началъ Троянскія осады, хотя ужé мечь и кроеть Троянскія рѣки: ибо онъ приноситъ дщерь свою Іфигенію въ жертву Богамъ прежде нежели еще мечь покрывала Пергамски воды. Не Энтузіасмъ ли то, Государь мой, нетрезвый? или лучше не Сумбуръ ли то прямо Сумбурный, гдѣ круглое съ четверугольнымъ смѣшано? Надобно, чтобъ нашъ Авторъ чрезъ чуръ хватитъ Гиппокренскія воды, когда онъ сіе сочинялъ.

10.

Но здѣсь воинскій звукъ ужасный
 Подвластенъ Дѣвѣ днесь молчить,
 Единъ въ побѣдѣ вопль согласный
 Съ Петровымъ имянемъ гремитъ.
 Въ покоѣ градъ, лѣса, и горы,
 Съ покоемъ Нимфы ждуть Авроры.
 Едина лишь Елисаветъ
 Исполненная днесь любви
 Брежетъ своихъ подданныхъ крови,
 И въ тиxости свой скиптръ беретъ.

Авторъ вашъ великое и нарочное прилагаетъ стараніе, чтобъ ему писать слова по кореню: Слово въ четвертомъ стихѣ, *имянемъ* отъ *имя*, написано точно по произведенію. Не можноль по сему сказать, что Авторъ нашъ исправный Грамматикъ? Нѣтъ, Государь мой; Грамматики въ немъ не видно ни тѣни. Ежелибъ онъ зналъ, что Славенскія имена, кончащіяся на *мя*, какъ то *время*, *тѣмя*, *стѣмя*, *плѣмя*, и подобныя въ родительномъ падежѣ коренное (я) переи́меняютъ въ (е), и хранятъ сіе (е) во всѣхъ прочихъ косвенныхъ падежахъ, кромѣ винительнаго и звательнаго: тобъ онъ никогда не писалъ *имянемъ*, но *именемъ*. Впрочемъ, тщетно, предъ нехотящимъ слушать, пѣть пѣсню. Кого почтенный Авторъ разумѣетъ въ шестомъ стихѣ чрезъ *Нимфъ*, кои съ покоемъ ждуть *Авроры*, того я не знаю: знаю, что Нимфы были баснословныя Богини; а что имъ въ сей строфѣ дѣла, и какую онѣ приносятъ собою, и именемъ своимъ толь важной одѣ, а не пѣсенкѣ, красоту, о томъ пускай Авторъ намъ скажетъ, буде ему угодно. Въ осмомъ стихѣ употреблено слово *любви*, не знаюжъ по каковски: мы прочіи всѣ склоняемъ сіе имя слѣдующимъ образомъ: *любовь*, *любви*, а не *любови*, и такъ дагѣ во всѣхъ косвенныхъ падежахъ, кромѣ винительнаго и зательнаго.

11.

Еще тѣнь Небо покрываетъ,
 Еще луна въ звѣздахъ горитъ,
 Прекрасно солнце отдыхаетъ,
 И лучъ его въ валахъ сокрытъ.
 Россія жъ вся ужѣ встрѣчаетъ,
 Владычицу что Богъ вѣнчаетъ,
 Се бурный вихрь реветъ престалъ,
 Теперь Дѣвическая сила
 Полсвѣта скиптру покорила,
 Низпалъ изъ облакъ гнѣвный валъ.

Во всей Одѣ сей весьма много *валовъ* у Автора: *Валы* въ ней иногда *гордые*, иногда въ ней *валъ грозный*, иногда берутся *валы во область*, иногда *волна береня ломитъ*, иногда *Кедрь мисты въ валы бросаетъ*: да и въ сей одиннадцатой строфѣ, солнечный лучъ въ *валахъ* же скрывается, и ниспадаетъ изъ облаковъ *тмѣный* же *валъ*: и того всего и въ сей строфѣ *дважды вала*. У него и въ Гамлетѣ такъ же *валу* надлежитъ быть освѣщену *вмѣсто моря и воды*. Еслибъ Авторъ особливаго не имѣлъ любленія къ *валамъ*; тобъ ему можно было, кажется, въ четвертомъ стихѣ сея строфы обойтись и безъ *валовъ*, и написать свой стихъ такъ:

въ моряхъ
 И лучъ его *въ водахъ* сокрытъ
въ струяхъ
 вмѣсто:

И лучъ его *въ валахъ* сокрытъ.

Хотяжъ я и не вижу кромѣ темныя Аллегоріи, что при встрѣчаніи отъ Россіи Боговѣнчаемыя Владычицы бурный вихрь *реветъ* [вмѣсто *ревѣтъ*] престалъ; однако разумѣю, что Авторъ изображаетъ всемирную въ Россіи тишину, дарованную ей восшествіемъ на престолъ Самодержицынымъ, а прежде того, бывшее нѣкоторое нестроеніе. Но что Авторъ разумѣетъ въ послѣднемъ стихѣ, чрезъ *низпалъ изъ облакъ тмѣный валъ*; того отнюдь понять не могу, и чаю, что и ни кто сего никогда не пойметъ, и еще думаю, что хотя и самого Автора спросить, то онъ такъ же непонятное сіе чрезъ непонятноужъ толковать станетъ. Какъ? Кто видалъ, чтобъ *тмѣный валъ изъ облакъ низпалъ*! Что то за дивовище? или лучше, что то за Сумбуръ? и толь страннѣйшій, что онъ здѣсь пригвѣнень, какъ горохъ къ стѣнѣ.

12.

Великій Понтъ что міръ объемлетъ
 И въ полы кругъ земный дѣлитъ,

Тобою нашу славу внемлетъ,
 И ужъ въ концахъ землі гремитъ.
 Балтійскій брегъ днесъ ощущаетъ,
 Что моремъ паки Петръ владаетъ,
 И вся подъ нимъ земля дрожитъ,
 Нептунъ ему свой скиптръ вручаетъ,
 И съ страхомъ Невскій флотъ встрѣчаетъ,
 Что мимо Белтскихъ горъ бѣжитъ.

Въ двухъ первыхъ стихахъ сея строфы, хотя описаніе есть праведное; однако, вѣдая, что Авторъ очень малый Козмологъ, хотѣлъ бы я знать, какимъ образомъ великій Понтъ, то есть, какъ видно, цѣлый Океанъ вполнѣ кругъ земный дѣлитъ у него? Я нимало не сомнѣваюсь, что вопросившему себя о томъ, онъ что нибудь или неправое, и смѣха достойное скажетъ. Четвертый стихъ, *и ужъ въ концахъ землі гремитъ*, я не знаю куда приложить, къ великому Понту, или къ славѣ? Буде къ Понту; то не знаю, какъ ему въ концахъ землі гремѣть, и что чрезъ сіе Авторъ разумѣетъ: но ежели къ славѣ; то, для ясности, надлежало такъ свой стихъ Автору составить: *ужъ та въ концахъ землі гремитъ*. Глаголъ *владаю*, который въ шестомъ стихѣ, есть развращенный: искуснии въ азыкѣ говорятъ *владѣю*, а на *аю* произносятъ и пишутъ сей *обладаю*, а не *владаю*. Но вотъ еще и у Нептуна скиптръ въ осмомъ стихѣ! Что за новая Митологія? Древнии язычники изображали сего Бошка съ трезубцомъ, а не съ скиптромъ. Однако, будь трезубецъ Нептуновъ скиптромъ: Метафора сія нѣсколько прилична; толькожъ не знаю, пристойноль, чтобъ поганскій Божокъ внесенъ былъ сюда отъ сочинителя Христіанина, и вручалъ бы свой скиптръ Правовѣрнѣйшему Государю. О семъ пускай благоразумнѣйшии рассуждаютъ: но мнѣ въ сочиненіяхъ толикія важности нѣ-любы ни Нимфы, ни Нептуны, ни другіе подобныя сумозбродные тѣни: ибо можно безъ всѣхъ сихъ пүстошей обойтись, какъ то мы увидимъ ниже. Однако, въ игрушкахъ, или въ нѣкоторомъ баснословномъ совсѣмъ сочиненіи, я не порочу сихъ Нимфъ, Нептуновъ, Беллонъ, Юновъ, и Аполиновъ, вѣдая, что онѣ нѣсколько оживляютъ пустую или неважную, или всеконечно по всему баснословнаго рода матерію.

13.

На грозный валъ поставивъ ногу,
 Пошолъ межъ шумныхъ водныхъ нѣдръ,
 И положивъ въ моряхъ дорогу,
 Во область взялъ валы и вѣтръ,

Простеръ премудрую зѣницу,
 И на водахъ свою десницу,
 Подвигнулъ страхомъ глубину,
 Пучина власть его познала,
 И вся земля вострепетала,
 Тритоны вспѣли пѣснь ему.

Дошелъ я до той, Государь мой, строфы, которой Авторъ пѣны не ставитъ, которую выше всего краснаго изъ сочиненій почитаетъ, и въ которой полагаетъ онъ примѣръ всея Питическія высокости. Подлинно, презрядный въ ней жаръ и движеніе; однако какъ много въ ней ложныхъ мыслей, такъ и не сходственныхъ съ мыслями словъ. Она вся то, что у Французовъ называется *февіусъ*; а мы можемъ назвать, *надутыяъ пузырьрей пусканіе*, или *ртомъ облаковъ хватаніе*. Въ сей строфѣ говоритъ Авторъ, что *подвиглась страхомъ глубина*, и *пучина власть Петра Великаго познала*, когда пошелъ онъ кораблями по мѣрю; однако, *на грозный валъ поставилъ онъ ногу*. Какъ же могъ ужé валъ быть грозенъ, какъ самая малая часть всея глубины, которая однако страхомъ подвиглась, и всея также пучины, коя и сама во власть отдалась? Всякъ видить, что сего вала пустыя ужé грбзы: а слѣдовательно, *грозный валъ съ страхомъ глубины*, и съ *подданствомъ пучины* не сходствуетъ. Сіе значить, что Авторъ не больше о сходствѣ въ смыслѣ, сколько о звонкихъ словахъ, хотя и пустыхъ, старался. Но не звонкое бы которое нибудь слово было, когдабъ Авторъ вмѣсто *грознаго вала*, поставилъ или *быстрый*, или *зыбкій*, или какой другой валъ? Однако, сія слова не показались Автору; а не показались можетъ быть для того, что они сходствовать будутъ съ послѣдующимъ изображеніемъ, именно, съ *устрашенною глубиною*, и съ *подверженною пучиною*: ибо Автору надобенъ токмо звонъ, а кромѣ того ни что: ему и *Левъ Исавръ* пышнымъ кажется именемъ, какъ то я самъ нѣсколько разъ отъ него слыжалъ. Удивительно, какъ онъ сего пышнаго имени въ громкой сей строфѣ не поставилъ. Для его сочиненія все равно, что *на грозный валъ*, что *на Левъ Исавръ*. Второй стихъ Авторовъ идетъ *межъ шумныхъ водныхъ ндръ*; а сіе значить, что онъ идетъ между валами: однако, нога была сперва поставлена на грозный валъ, и потому, надлежало было ити *по грозныхъ валамъ* не боясь, а не пробираться между валами. Третій стихъ *пролазаетъ въ морякъ дороу*. Смыслъ Авторъ означаетъ, что *члоть* идетъ подъ водою: но ежелибъ пролагаема была дорога *на морякъ*; тобъ всеконечно корабли такъ шли, какъ они ходятъ, именножъ по поверхности воды. Въ пятомъ стихѣ *простирается змиа* ложною мыслию; а о

семь ужé доказано, гдѣ я вамъ, Государь мой, предлагалъ о шестой Авторовой строфѣ Парафрастическія Оды. Въ послѣднемъ самомъ стихѣ сея строфы, *Тритоны встѣмъ тѣсь* благополучно обладавшему моремъ. Но что то за козы рога, которые въ мѣхъ не лѣзутъ? Какъ? при толикомъ шумѣ, при толикомъ страхѣ, ужасѣ, при толикомъ трепетѣ, и премѣненіи, для того что нога ставится на грозный валъ, ходъ дѣлается между шумными водными нѣдрами, доро́га пролагается въ моряхъ, въ область берутся валы и вѣтры, простирается на водахъ зѣница и десница, подвигается отъ страха глубина, пучина подъ власть подвергается, и вся земля трепещеть, одни Тритоны могутъ быть спокойны и непоколебимы, и еще такъ веселы, что они съ радости поютъ пѣсни! Знать, что сіи Нептуновы музыканты были пьяны; инако, надлежало имъ играть въ свои роги или тревогу, или плачевную Арію, для того что Нептунъ, Государь ихъ, скиптра ужé лишился въ пред'идущей второй десятъ строфѣ, а слѣдовательно и имъ нѣчего тутъ ждать добраго. Сами извольте рассудить, Государь мой, коль малое рассужденіе у Автора. Съ другой стороны, на что сіи Нептуновы пѣснопѣвцы здѣсь? Не можноть бы Христіанину было и безъ нихъ обойтись толь въ важномъ описаніи? Боже прелгаіи! Благочестивѣйшему Императору, истиннѣйшему Христолюбцу, и правовѣрнѣйшему Христіанину, въ вѣрѣ скончавшемуся, Богомерскіи Тритоны пѣснь поютъ! О! Коль благоразумно въ Одѣ на воспріятіе престола, Всепресвѣтлѣйшей нашей Самодержицѣ удивляется ликъ небесный зря идущую ея въ ношномъ мракѣ: ибо Пить оный зналъ что писалъ, и имѣлъ рассужденіе: того ради и поеть не вредя Христіанства, но еще и съ бѣльшимъ Автора нашего великолѣпіемъ, говоря:

О! вы недремлющіе очи
Стрегущіе небесный градъ!
Вы бодрствуя во время ночи,
Когда спокоясь смертны спятъ,
Взираете сквозь тѣнь густую
На целу широту земную.
Но чаю, что вы въ оный часъ
Впротивъ естественному чину,
Петрову зрѣли дщерь едину
Когда пошла избавить насъ.

Нѣтъ тутъ языческихъ бошковъ, нѣтъ тутъ ни Нептуновъ, ни Тритоновъ: зрятъ тутъ недремлющіи очи, стрегущіи небесный градъ: то есть, зрятъ тутъ хоръ небесный. Сей хотябъ тогда не зрѣлъ токмо съ удивленіемъ на Петрову дщерь, но еще при томъ, хотябъ и помогъ, и по успѣхѣ хотябъ и всесладосную пѣснь воспѣлъ; од-

нако, признаваемый Христианами, весьмабъ онъ прилично у Пинта сего все то здѣлалъ.

14.

Тобою правда днесь сіяетъ,
И милосердіе вездѣ цвѣтетъ,
Щедрота скипетромъ владаетъ,
И всѣхъ сердцѣ къ Тебѣ влечетъ.
Тобой далъ плодъ песокъ безплодный,
И камень далъ источникъ водный,
Ты бурѣ повелѣла стать,
И тишину установила,
Когда волна брега ломила,
И возвратила вѣтры вспять.

15.

Твоя хвала днесь возрастаетъ,
Подобно какъ изъ земныхъ нѣдръ,
До облакъ всходитъ, и скрываетъ
Высоки горы тѣнью, кедръ
До рѣкъ свой корень простирая,
И листвіе въ валы бросаая,
Твой громъ колеблетъ небеса,
И молнья сферу рассѣкаетъ,
Послушный вѣтръ моря терзаетъ,
Даютъ путь горы и лѣса.

16.

Ты всѣ успѣхи предварила,
Желанію подавъ конецъ,
И плачь нашъ въ радость обратила,
Рассторгнувъ скорби днесь сердець.
О вы мѣста красы безвѣстной
Склоните нынѣ верхъ небесной,
Да взыдетъ нашъ гремящій гласъ
Въ дальнѣйшіе пространства сѣлы,
Пронзивъ послѣдніе предѣлы,
Къ престолу Божьему въ сей часъ.

Сіи три строфы по плану своему не худы, и моглибъ названы быть изрядными, ежелибъ въ изображеніяхъ ихъ не-было погрѣшностей. Я уже говорилъ, что глаголъ *владаю*, который и здѣсь въ 14 строфѣ употребленъ, есть испорченный, и что чистый сей глаголъ пишется, *владыю*. Съ пятого стиха, до конца на великую силу можно догадываться, что Авторъ благополучіе Россійское, по причинѣ

воспріятого престола Самодержицею, описываетъ. Однако Аллегорія его очень темна, такъ что, ежели кто не захочетъ догадываться, то тотъ будетъ всегда Автора спрашивать, что значить, *камень далъ источникъ водный?* что, *когда волна брелъ ложила?* что, *и возвратила вѣтры вспять?* При томъ, шестой стихъ не токмо темень по Аллегоріи, но еще и обоудное, то есть, порочное имѣетъ сочиненіе: ибо Авторъ ни чѣмъ не различилъ, *каменемъ ли данъ источникъ водный,* или *источникомъ воднымъ данъ камень.*

Въ четвертой надесять строфѣ первый съ третимъ стихомъ какимъ соглашается звономъ, такимъ точно и въ пятой надесять первый съ третимъ же: сіе отъ всѣхъ осуждается въ стихотворцѣ, и еще больше, ежели родъ стихотворенія есть высокій, каковъ долженствуетъ быть въ Одахъ, и въ Трагедіяхъ. Я понстиннѣ не могу прямо знать, что здѣсь означаетъ Авторъ чрезъ *громъ колеблющій небеса* и чрезъ *молню*, коя *расскаетъ сферу?* Самодержицына войска громъ не для колебанія небесъ, но для пораженія враговъ: ибо онъ законный и справедливый, и для того воружаться на небеса никогда не возможно. Слово *молня*, вмѣсто *молнія*, есть развращенное. Благоразумнобъ Авторъ могъ дѣлать, ежелибъ онъ отъ такихъ niskихъ вольностей убѣгалъ.

Въ шестой надесять строфѣ, пятый стихъ имѣетъ *красы безвѣстной*, вмѣсто *красы безвѣстныя*, не радивое соединеніе именъ. Неполныя съ полными именами худо соединяются, и досаждаютъ слуху, о чѣмъ ужé я вамъ, Государь мой, доносилъ. Осмый стихъ пороченъ удареніемъ силы, и развращеніемъ имени въ окончаніи его: ибо мы произносимъ не *дальнѣйшій*, но *дальнѣйшій*. Имя *село*, есть средняго рода, которое во множественномъ именительномъ имѣетъ *сѣла*, а не *сѣлы*. Сѣлы, и подобныя имена, кончатъ неправо не пекущіяся о Грамматической исправности: но Авторъ нашъ сочиняетъ краснымъ слогомъ, который не можетъ быть краснымъ, буде онъ притомъ неисправенъ. Чтожъ *сѣла* не согласятся съ *предѣлы*; тому мы невиновны: мы токмо видимъ, что Авторъ не исправенъ въ языкѣ, и знаемъ, что для Риемы не должно портить языка. *Пронзитъ послѣдніе предѣлы*, значить, *пробостъ послѣдніе предѣлы*. Но что то за разумъ? Мы ужé видѣли, что сей глаголъ у Автора употребленъ не самъ за себя, но за *проникать*: а что онъ *пронзать* кладетъ, то видно, что онъ глагола *проникать* не знаетъ. Да и какъ ему знать? нашихъ книгъ не читаетъ онъ много, а можетъ быть и не хочетъ. Въ послѣднемъ стихѣ положено, *къ престолу Божьему* за *къ престолу Божіему*, по самой большой, и по площадной вольности. Что больше? у Автора и сельское употребленіе, есть прѣ-

вильное и красное: его жерновы, по присловію, толь добры, что все мелютъ.

17.

О Боже, восхотѣвъ прославить
Императрицу ради насъ,
Вселенну рушить и восставить,
Тебѣ въ одинъ удобной часть,
Тебѣ судьбы суть всѣ подвластны,
Внемли вопящихъ вопль согласный,
Перемѣни днесь естество,
Умножь сей Дѣвицы лѣты,
Яви во дняхъ Елисаветы,
Колико можетъ Божество.

Въ первомъ стихѣ сея строфы поставлено дѣепричастіе *восхотѣвъ*, вмѣсто причастія *восхотѣвый*, или *восхотѣвшій* неправо, какъ то всѣмъ знающимъ чувствительно. Въ четвертомъ стихѣ прилагательное имя положено за надглаголіе, то есть *удобной* за *удобно*, толь странно, что нарочитая моглабъ быть причина подумать, что то ошибка типографская, ежелибъ самъ Авторъ нашъ былъ исправенъ въ языкѣ. Въ шестомъ стихѣ *вопящихъ вопль* никакія красоты не имѣеть, и еще повтореніемъ симъ чувствительную досаду дѣлаеть слуху, толь наипаче, что вмѣсто *воплъ*, можно было поставить Автору *мась*: да и *вопящихъ* вмѣсто *вопящихъ* есть весьма несправно. Въ седьмомъ стихѣ Авторъ желаетъ, чтобъ естество было отъ Бога перемѣнено. Великаго, нерассуднаго и отнюдъ невозможнаго онъ просить! Богъ, премудростію своею предусмотрѣль, благостію предизбралъ, а всемогуществомъ произвелъ самый изрядный, и самый превеликій міръ. И такъ, желать, чтобъ самое изрядное, и самое великое было перемѣнено, то желать, чтобъ оно хуже и меньше было. Ежелибъ онъ желать, чтобъ перемѣненъ былъ чинъ нѣкотораго частнаго движенія въ естествѣ, какъ то, чтобъ солнце назадъ уступило, или въ передъ бы подалось, говоря по виду; тобъ сіе согласно было съ премудростію, благостію, и всемогуществомъ Божиимъ. Осмый стихъ есть не стихъ, но токмо строчка: ибо онъ надлежація своя мѣры не имѣеть, а именно, недостаетъ въ немъ одного склада. Того ради, надлежитъ ему быть слѣдующему:

Умножи сей Дѣвицы лѣты,
или правѣ
Умножь сея Дѣвицы лѣты.

Литы положены какъ *семь*, за *мта*, всеконечно противъ Грамма-

тическаго рода, и противъ искусныхъ людей употребленія: о семъ ужé я предложилъ выше. Впрочемъ, кажется что Авторъ сіе нарочно дѣлаеть, подражая такому употребленію, которое ввели, и выиѣ вводятъ, такіи люди, кои никогда и не слыхивали, что есть въ Грамматикѣ три рода, а именно мужескій, женскій, и средній. Но что за въ бездну свергся Авторъ изъ-подъ небесъ? Ибо девятый его стихъ, въ соединеніи съ десятымъ, имѣеть явную противность закону. Изображаетъ ими Авторъ сію свою мысль:

Яви во дняхъ Елисаветы,

Колико можетъ Божество.

О! Неправовѣрія всѣмъ довольно смыслящимъ явнаго, но одному токмо Автору нечувствительнаго! Кто проситъ Бога, чтобъ онъ явилъ въ нынѣшніи дни, колико есть всемошно его Божество; тотъ разумѣеть, что Богъ ни прежде сихъ дней, ни отъ вѣка, ни понынѣ, словомъ, что онъ никогда еще не являлъ ни чѣмъ, и ни въ чѣмъ Божественнаго своего всемогущества. Вотъ, Государь мой, до чего доводитъ необученое мудрованіе! Я васъ увѣряю твердо, что другаго разума симъ его двумъ стихамъ отнюдь дать невозможно, какъ бы кто сіе, благопріятствуя Автору, ни хотѣлъ толковать; да еще и толковать сего инако никакъ невозможно. Однако, я совершенно вѣдаю, что смыслъ Авторовъ нечестовалъ не съ умысла, но отъ незнанія: того ради, дадимъ симъ его стихамъ православный разумъ, и напишемъ, вмѣсто

Яви во дняхъ Елисаветы,

Колико можетъ Божество.

такимъ образомъ:

Являй и въ дни Елисаветы,

Колико можетъ Божество.

или такъ не хужежъ,

Являй и въ дни Елисаветы

Что Ты всемошно Божество.

Видѣли мы, Государь мой, что сія Авторова ода порочна сочиненіемъ, пуста разумомъ, темна и обокудна составомъ словъ, ниска безразборными рѣчами, ложна повѣствованіемъ бывшихъ дѣлъ, непорядочна, наполнена безъ нужды повтореніемъ тѣхъ же самыхъ словъ, неисправна въ мѣрѣ стиховъ, безрассудна въ употребленіи баснословія, напоследокъ, а сіе всего прочаго хуже, отчасти и неправовѣрна. Но посмотримъ, есть ли еще во всей въ ней какая твердость и дѣльность: то есть, коль вымышленно и искусно Авторъ воспѣваетъ Самодержицу нашу: и всѣль, или одну кою изъ прославныхъ ея добродѣтелей прославляетъ: такъ же и все то произ-

водитъ онъ какимъ порядкомъ. Сіе мы тотчасъ увидимъ, когда сея Оды представлю я планъ, по которому и объявятся Авторovy мысли, и изобрѣтеніе: ибо все сіе въ Одѣ велерѣчіемъ прикрито. И такъ, вотъ ея все нагое содержаніе:

Полно намъ воевать, мы ужé покой имѣемъ; да и вы сосѣди покойтесь, и надѣйтесь на сію руку, которая всѣхъ непріятелей, сколькобъ ихъ нѣ-было, преодолѣеть. Но чего ради я толь дерзокъ, что Елисавету хочу прославлять: она и безъ меня несравненно прославлена. О Тебѣ вся Твоя пространнѣйшая Россія и держава радуется: Ты намъ Петра Великаго оживила. По немъ, какъ онъ скончался, плакать Санктпетербургъ, в самый Океанъ: и сколько войны ни укаряли смерть, и ни ярились на нея; однакожъ Петра Великаго не возвратили, и его ужé нѣтъ въ живыхъ. Но Ты намъ тишину, спокойствіе, и благополучіе принесла. Я вижу теперь въ древности прѣжестокіе брани: воюеть Александръ противъ Индіи; Киръ идетъ на Вавилонъ; Греція отъискиваетъ Елену; Помпей отъ Іулія бѣжитъ, а Іулій покаряетъ свѣтъ и Римъ. Но во всемъ томъ, что народы встаютъ на народы, и что Агамемнонъ проливаетъ кровь дочери своея, какая слава? сладость въ томъ, что мы всѣ Елисаветѣ подвласны, и что она толь насъ любитъ, что хранить нашу жизнь, и щадить нашу кровь. Нѣ-было еще зари, какъ Божвнчаемую Самодержицу встрѣтила Россія; когда та полсвѣта себѣ покорила. Вотъ же и море почувствовало, что Петръ Великій паки имъ владѣеть: пошелъ онъ по немъ, и устранилъ всю пучину. Ты къ намъ правосудіе ввела, и милосердіемъ всѣхъ объемлешь; Ты тишину подала, и бурю разогнала. Хвала Твоя такъ высока, какъ кедръ: громъ Твой колеблетъ небо, и молнія воздухъ раздпраетъ: словомъ, вѣтры, моря, горы, и лѣса Твои, и Тебѣ послушны. Ты насъ обрадовала, и всѣмъ нашимъ желаніямъ конецъ подала исполненіемъ. О! Боже, перемѣни естество, умножь сея Дѣвы лѣта, и нынѣ при ней яви, колико можетъ Твоя сила.

Вотъ, Государь мой, все содержаніе сея Оды, которое не токмо отъ меня не обессилено, но еще и украшено. Прошужъ сказать по справедливости, можноль прямо видѣть, какое есть Авторovo намѣреніе, и что онъ прославляетъ? Началъ онъ миромъ, грозитъ паки войною, увѣряетъ что онъ не способенъ хвалить Самодержицу, описываетъ всея Россіи пространство и радость, крушится о смерти Петра Великаго, радуется о добрѣ дарованномъ

Россіи Монархинею, негодуешь, что въ свѣтѣ великіе вѣны бывають, воздравляетъ намъ и себѣ, что мы Елисаветины, ликуешь что въ темнотѣ еще ноцней Россія покорившую полсвѣта Владычицу встрѣчаетъ, оживляетъ Петра, и плавающего въ морѣ, такъ же и завладѣвшаго онымъ вводитъ, хвалитъ паки Самодержицу, что она правосудна и милостива, что хвала ея велика, и что она сама сильна и страшна: напоследокъ, проситъ Бога объ умноженіи ей лѣтъ. Чтожь все сіе, Государь мой? Радуетсся онъ особливо, что Самодержица наша воспріяла прародительскій престолъ? Веселитсся, что мы спокойствіе получили, а индѣ вездѣ бывшіежъ брани оплакиваетъ? Плачетъ ли онъ, что мы Петра Великаго лишены? Или торжествуетъ, что въ особѣ Самодержицы нашей всякихъ благъ мы сподоблены? и что по великимъ ея добродѣтелямъ, и хвала еяжъ велика? Всего того много, и все оно достойное: но какая единственно цель есть Авторова? Словъ довольно; но всѣ сія словá какъ пронизки на шнуръ безъ разбора положены: нѣтъ связи, нѣтъ соединенія, нѣтъ расположенія, нѣтъ порядка; одно токмо что было нѣчто сочиняемо, и сочиняемо такъ, какъ попало. И хотяжъ Оды свѣйство есть такое, по мнѣнію Автору, что она *взлетаетъ къ небесамъ, и свертается во адъ, мчась въ быстротѣ во ось края вселенны, врата и туть вездѣ имѣетъ отворенны*; однако сіе не значитъ, чтобъ ей соваться во всѣ стѣроны, какъ угорѣлой кошкѣ, но чтобъ ей по одной какой линіѣ, по прямой, или круглой, или улитковой взлетать къ небесамъ, и спускаться въ долъ; то есть, беспорядокъ ея долженствуетъ быть порядоченъ и соединенъ, и нестись чрезъ всѣ горы и доли, выше, какъ говорятъ, дѣрева стоячаго, и облака ходячаго, къ одному токмо главнѣйшему дѣлу. Инако, Ода будетъ не Ода, но смѣха и презрѣнія достойный Сумбуръ. Сей у того не можетъ не случиться, кто токмо одни надутыя пузыри пускаетъ, и хватаетъ ртомъ облака. Я заключаю о сей Авторовой Одѣ, и то по самой искренности, и по правому моему разумѣнію, что она, не касаясь впрочемъ ко всеблагословенному въ ней имени Божію, и ко всеавгустѣйшему Монархину, изъ негодныхъ негоднѣйшая: ибо, какъ самъ Авторъ говорить въ Эпистолѣ о Рускомъ языкѣ.

Нѣтъ тайны никакой безумственно писать,

Искусство, чтобъ свой слогъ исправно предлагать,

Чтобъ мнѣніе Творца воображалось ясно,

И рѣчи бы текли свободно и согласно.

Я прѣ томъ долженствую васъ, Государь мой, увѣдомить о моей прошибочкѣ: ибо сія Ода есть не вторая по порядку у Автора, но

первая, для того, что она сочинена и напечатана 1743 года; а которую я рассматривалъ прежде, та 1744 года. Но хотя я въ семь и погрѣшилъ; однако мой погрѣшность весьма порядочнѣ Авторовы сея Оды: ибо я рассматривалъ въ первомъ мѣстѣ ту Оду, коя прославляетъ Бога, а во второмъ, о Самодержицыныхъ похвалахъ. Надѣюсь, что за мой Анахронизмъ, для приличнаго Божиимъ и Самодержицынымъ хваламъ мѣста, можете вы меня способно простить, и толь наипаче, что отъ сего перемѣшанія временъ не можетъ ничего послѣдовать вредительнаго.

Я обѣщался вамъ, Государь мой, рассматривать послѣ Одъ Трагедіи нашего Автора, и по нихъ такъ же Эпистолы; но теперь признаваюсь, что я вамъ не здержу даннаго слова. Прошу, чтобъ вы благоволили быть довольны симъ токмо моимъ Одъ его рассмотрѣніемъ, и по сему полагать, а полагать достовѣрно, что все прочее Авторова сочиненіе есть равно такіяжъ исправности. Къ неустойкѣ меня привела не лѣньность, но всеконечная невозможность чтобъ дагѣе продолжать рассужденіе: Господинъ Авторъ такой нашелъ способъ, что, ктобъ смыслящій ни принялся за его Трагедіи, всякъ тотчасъ увидитъ, что нѣльзя къ нимъ пристать. Нѣтъ въ нихъ ничего, или ужé превесьма мало того, чтобъ порочно нѣ-было. Ежелибъ Авторъ такова былъ состоянія, чтобъ онъ, по сочиненіи ихъ, могъ попросить искусныхъ своихъ пріятелей, дабы они неисправныя въ нихъ мѣста, читая у себя на единѣ, означили приглѣпленнымъ вощечкомъ; тобъ всеконечно надобно было, растопивъ воску въ сосудѣ, опустить ихъ обѣ въ воскъ, итѣмъ всѣ ихъ заглѣпить для изъявленія, что все въ нихъ неисправно. Въ прочихъ народахъ рассматриватели красныхъ сочиненій щасливы, для того что у ихъ Авторовъ всегда несравненно больше хорошаго, нежели недостатчнаго: но я слѣдователь толь не благополученъ въ моемъ предпріятіи, что необходимо надобно все на-все худымъ огласить, и чрезъ то подать неповинно причину къ подозрѣнію на себя, что я то дѣлаю по нѣкоторому пристрастію. Однако, я клянусь совѣстію моею, что я утверждаю обѣ Авторовой всеконечной неисправности, по правому и беспристрастному моему разумѣнію. Когдабъ больше было сіянія, нежели мрака въ его стихахъ; тобъ малое не могло затмить премногаго, и досадить зрителю, какъ то Гораций говорить. Но въ Авторомъ сочиненіи весьма больше тмы, нежели свѣта, который впрочемъ такъ слабъ, что его почитай невидно. Я не желаю, чтобъ вамъ просто моимъ словамъ вѣрить: я вамъ непреодолимо изъ премногаго докажу самымъ малымъ, что все то сущая правда.

Извѣсно мнѣ, что вы имѣете въ вашей Библіотекѣ Трагедію Хорева: прошужь по внятнѣе ея благоволить читать. Прежде всего вы изволите усмотрѣть, что премногое множество Іамбическихкихъ его Гексаметровъ въ составѣ своемъ порочныхъ, тѣмъ что пресѣченія не означаютъ они Іамбомъ; а означать онымъ въ Іамбическихкихъ Гексаметрахъ необходимо надобно; имъ вопервыхъ сама природа дала сіе совершенство, для того что Іамбическій Гексаметръ состоитъ изъ двухъ Триметровъ, а первѣйшая мѣра, по которой полное число стопъ опредѣленныхъ въ стихъ познавается безъ прибавки и убавки одного слога, всякому Іамбическому стиху есть мужескій стихъ, такъ какъ Хоренческому женскій: ибо перваго стиха стопá кончится долгимъ слогомъ, а втораго краткимъ; сіе знающему очень ясно. Слѣдовательно, разбивъ Гексаметръ Іамбическій мужескій на два Триметра, въ обонхъ на концѣ непременно надлежитъ быть Іамбу: Правда сія сама собою мечется въ глаза, такъ что хотябъ ей и не искать причины. Второе, первыи сихъ Іамбическихкихъ стиховъ изобрѣтатели всегда пресѣченіе считаютъ Іамбомъ на своемъ языкѣ. Должно знать, Государь мой, что Іамбическій стихъ Гексаметръ есть стихъ особливо Нѣмецкаго стихотворенія, равно какъ и всѣ прочіи Іамбическіи стихи: къ намъ они введены съ обрасца стихотворенія употребляемаго помянутымъ народомъ. Того ради, изъ премногихъ Авторovýchъ Гексаметровъ, находящихся въ Хоревѣ, въ Гамлетѣ, и въ Эпистолахъ, и не имѣющихъ въ пресѣченіи Іамба, на примѣръ изъ Хорева сіи,

Отецъ Твой воинствомъ / весь городъ окружаетъ,

Щедрота позная / разгнѣванныхъ небесь,

Смѣшенна съ казнію / и лютою напастью

Хотя и нѣкую / часть вольности имѣю,

и всѣ прочіи, сколько ихъ ни обрѣтается, порочны по составу своему. Я уповаю, что сего Господинъ Авторъ не чаялъ, чтобъ кто могъ сіе стихамъ его въ порокъ поставить; но онъ изволилъ какъ въ сложеніи такѡва своего Гексаметра обмануться, такъ, если и думалъ, что то не порокъ, и что въ порокъ не будетъ поставлено, то онъ помышлялъ несправедливо, для того что сей порокъ очень есть великъ, и чистому сложенію стиховъ весьма вредителенъ. Отъ Автора часто многіи слыхали какъ онъ говаривалъ о себѣ, что то онъ подлинно отецъ Россійскаго стихотворства: однако, невозможно его отнюдъ назвать и вотчимомъ: ибо какъ количество Россійскихъ стиховъ, а сіе есть самое въ нихъ основаніе, и по оному Хоренческой первый стихъ на нашемъ языкѣ, такъ и Іамбическій по томужъ введенному ужé Тоническому количеству, есть не его.

для того что прежде правильныи стихи начали быть употребляемы, нежели еще онъ зналъ, что Хорей, и что Іамбъ. Не онъ же ввелъ и сочетаніе стиховъ: съ самаго еще начѣла новаго нашего стихотворенія объ немъ было ужѣ упомянуто, званіе ему дано, и въ пѣсенкахъ дѣйствительно употреблено; а въ важное сочиненіе ввелъ его первый, и расплодилъ Іамбическихъ Одъ сочинитель. Чтожъ осталось, чемуобъ былъ нашъ Авторъ отцомъ въ нашемъ стиховъ составленіи? Есть онъ, но пасынкомъ нашего стихотворенія: ибо оно у него и составомъ, и сочиненіемъ, и гладкостію не родное: гдѣ гдѣ выскочить хорошій стихъ въ его сочиненіяхъ.

Посмотримъ же теперь Трагическую и Эпистолярную его рѣчь. Но какую я въ ней вижу неравность? Вижу совокупно высоту и нискость, свѣтлость и темноту, надменіе и трусость, малое нѣчто приличное, а премногое непристойное; вижу точный хаосъ: всежъ то не основано у него на Грамматикѣ, и на сочиненіи нашихъ исправныхъ книгъ, но на площадномъ употребленіи. Впервыхъ, худо онъ умѣетъ слова выбирать: ибо пишетъ въ Трагедіяхъ опять за паки, этотъ за сей, эта за сія, это за сіе. Не исправно кончитъ средняго рода имена во множественномъ числѣ, какъ то озѣры за озѣра, достоинства за достоинства, воздыханіи за воздыханія, братіевъ за братій, подозрѣніевъ за подозрѣній, правилы за правила, правы за права, слѣдствіевъ за слѣдствій, блаты за блата, желѣзы за желѣза, дѣйствіи за дѣйствія, нещастіевъ за нещастій, посольствы за посольства, отсутствіевъ за отсутствій. Всѣ подобныя окончанія въ именахъ пишутъ такіи писатели, кои не тщатся о Грамматической исправности; но Автору нашему, какъ краснаго слога писателю, должно тщаться о всей красотѣ языка. Не чувствуетъ онъ при разборѣ словъ оныхъ, кои худо въ важное сочиненіе полагаются, для того что гнусное нѣчто по употребленію означаютъ, и соединяютъ, какъ то *блудя*, вмѣсто *заблуждая*, *какобъ*, вмѣсто *какое*, а (*бъ*) или (*бы*) можно относить къ инымъ частямъ слова: то *тронуть* его, вмѣсто *привести въ жалость*, за Французское *toucher*, толь странно и смѣшно, что невозможно словомъ изобразить. Вы можете тотчасъ почувствовать неблагопристойность сего слова на нашемъ языкѣ изъ околичности. Въ Трагедіи Гамлетѣ, говоритъ у Автора женщина именемъ Гертруда, въ дѣйств. 11. въ явл. 2. что она

И на супружню смерть не тронута взирала.

Кто изъ нашихъ не приметъ сего стиха въ слѣдующемъ разумѣ, именожъ, что у Гертруды супругъ скончался не познавъ ея ни-

когда, врассужденіи брачнаго права, и супруговы должности? Однако Авторъ мыслилъ не то: ему хотѣлось изобразить, что она нимало не печалилась объ его смерти. Того ради надлежало-было ему написать такъ сей стихъ:

И на супружню смерть безъ жалости взирала.

При томъ, вводить нашъ Авторъ въ свои сочиненія неупотребительныя слова, какъ то въ послѣдокъ, за напоследокъ, не времянно, за не навремя, мгновенно, за во мгновениі, отколѣ въ Гамлетѣ за откуда, надвела, за навела въ Хоревѣ, бремянно, за отягощало, сугублю за усугубляю, мѣчтуйся за мечтайся, жесточе за жесточае, или жесточайше, изъ нова за изъ новаго, или просто новаго; умѣряй, умѣряючи, не знаю за что полагаетъ. Многіе онъ рѣчи составляетъ подлымъ употребленіемъ, какъ то, паденье за паденіе, отщенье за отщение, желанье за желаніе, воспоминанье за воспоминаніе; такъ оружье, сомнѣнье, понятье, безумье, Офелю, Положя, за Офелію, Полонія, и прочіе премногіе. Настояція дѣепричастія за прошедшія пишеть по площадному, какъ то, *прежня видѣсто премънишь и премънивши, увидя за увидѣвши, усладяся за усладившись, утомя за утомяши*, и прочія. Многіе Метафоры употребляетъ несвойственныя, какъ то *низвернуться въ плмненіе, таинство пронзить, ярость вмемши, быть милу сурово*; и при томъ многіежь вводитъ такъ называемыи Катахризисы, какъ то, *въ народы смерть метать, кидать въ отпры знамена*: ибо все сіе такова рода, какъ у Горация, бѣжать рысью и вскачь на долгой палкѣ. Мило очень нашему Автору непостоянное употребленіе словъ, какъ то индѣ *его*, а индѣ *на него*, индѣ *ся*, а индѣ *ее*; индѣ *святъ*, какъ то *пробудь надъ градомъ спать! о спать останься здѣсь!* а индѣ *святъ*, какъ то, *света край*, и во многихъ еще мѣстахъ. Сюдажь принадлежитъ и разноевидное сочиненіе, какъ то индѣ *не то меня лститъ*, а индѣ *не отъмечь мнѣ лститъ*. Сколькожь у Автора Солецисмовъ, то есть, ложныхъ сочиненій, и составовъ словамъ; того и счесть почитай невозможно. Но малое изъ едва объятнаго вамъ здѣсь предлагаю. Пишетъ онъ, скажите за скажете, услышилось за услышалось, увидючи за увидячи, слышилъ за слышалъ, оставшей за оставшейся, не принуждай мнѣ то себѣ сказать, за не принуждай меня, скиптръ свой во зло вмѣняешь, за скиптръ твой, мнѣ вѣрности давно ихъ внутренну явятъ, за мнѣ вѣрности давно внутренность свою являютъ, пустите убѣжать мнѣ васъ умерети нынѣ, за пустите, чтобъ я побѣжалъ отъ васъ умереть теперъ,

пусть кровію моею напьется вранъ въ лѣсахъ, за пусть крови моя напьется, Велькаромъ освобожденъ нечаянно темницы, за Велькаромъ освобожденъ нечаянно изъ темницы, отъ третьей онъ стрѣлы падушъ не могъ встать болѣ, за отъ третьей онъ стрѣлы упадши, бѣгутъ безъ памяти падутъ съ коньми съ горъ въ воды, за бѣгутъ безъ памяти, падаютъ; имѣть мужество на мѣсто своево, за имѣть мужество вмѣсто своего, скрыться грозныхъ тучъ, за отъ грозныхъ тучъ, съ юности моея, за отъ юности моея, итти изъ градскихъ стѣнъ, за сходить съ градскихъ стѣнъ, или, итти изъ-за градскихъ стѣнъ, сѣтуешь въ смятеніи своемъ, за сѣтуешь въ смятеніи твоємъ, вино часть вѣка своево, за вино часть вѣка моего, какой ты помощи, Княжна, желаешь мной, за какія ты помощи, Княжна, желаешь отъ меня, слабости свои могла я побѣдати, за слабости мои, взыти въ Царскій одръ, за взыти на Царскій одръ, на чью онъ жизнь алкалъ; но на жизнь алкать, сочинено весьма странно: ибо глаголь *алчу* есть самостоятельный, и не правитъ никакимъ падежемъ, то есть, говорится просто *алчу*. Пусть прочтетъ Авторъ посланія Святаго Апостола Павла, то и увидитъ во многихъ мѣстахъ мою правду, а свою превеликую погрѣшность. Увидитъ онъ, что есть тамъ: еще алчетъ врагъ твой, до нынѣшняго часа и алчемъ, и овъ алчетъ, еще кто алчетъ, навыхокомъ и насыщаются и алкати, не взалчутъ ктому. Во всѣхъ сихъ мѣстахъ глаголь *алчу* стоитъ самостоятельно, какъ то называютъ наши Грамматисты. На послѣдокъ, есть въ Гамлетѣ у Автора и *молящая тебѣ* за *молящая тебѣ*. Знаю, что Авторъ сей Солецисмъ исправилъ на листочкѣ между погрѣшностями. Но достовѣрно знаюжъ, что сіи погрѣшности не Типографскіе, но природно Авторовы: ибо я самъ моими глазами видѣлъ, что въ рукописномъ подлинникѣ писанномъ Авторовою рукою стояло *молящая тебѣ*; въ послѣднемъ печатномъ листѣ исправленномъ Авторовою рукою, и подписанномъ къ печати, было *молящая тебѣ*; знаю и сіе, что по напечатаніи Авторъ взялъ къ себѣ книжки съ *молящая тебѣ*: но послѣ, какъ уже сказано было отъ добраго человѣка нѣкоторому изъ его пріятелей, что Гамлетъ напечатанъ съ *молящая тебѣ*, и съ *поборникъ* вмѣсто *противникъ*, о чемъ нѣже; а сей его пріятель ему самому сказалъ, что то знатное очень погрѣшеніе: то тогда уже нашъ Авторъ узналъ, что онъ грубо ошибся, да и гдѣ не такъ? и для того просилъ, чтобъ листочикъ напечатанъ былъ съ погрѣшностями ис-

правленными. Однако не дерзнулъ онъ на томъ листочкѣ написать такъ: *Типографскіе погрѣшности*; но поставилъ просто, *погрѣшности*, для того что онѣ не Типографскіе, но его собственные.

Вотъ же вамъ теперъ, Государь мой, не правопись, но кривопись Авторова, какъ то, *время* за *время*, *солнце* за *солнце*, *серце* за *сердце*, *преждній* за *прежній*, *зорячность* за *зорячьсть*, *куда* за *куда*, *туда* за *туда*, *таво каво*, за *того кого*, *грамота* за *грамата*, *окрововленномъ*, за *окровавленномъ*, *свѣтъ*, *во свѣтъ сежъ*, *не свету*, за *свѣтъ*, *во свѣтъ сежъ*, *не свету*, *клянусь*, *клянѹ*, за *кленусь*, *кленѹ*, *растоваться*, за *роставаться*, *со всемъ*, за *совсамъ*, *притчиною* за *причиною*, ибо отъ глагола *чиню*, и предлога *при*, *касу* за *косу*, *сетуй* за *стыуй*, *приемъ* за *пріемю*, для того что во всѣ наши Ортографіи принято, чтобъ предъ гласными писать (*и*) а не (*и*). Но мнѣ вѣроятно кажется, что къ сей кривописи далъ причину подобія Автору Волтеръ: ибо сей первый изъ Французовъ началъ писать, *français, anglais*, вмѣсто *françois, anglois*, хотя впрочемъ Волтеръ Трагикъ великое имѣетъ основаніе такъ писать; но нашъ Авторъ такъ же Трагикъ, только что не хочетъ видѣть перемѣны въ ономъ предлогѣ, когда онъ и при сложеніи, буттобъ литера (*и*) принятая въ сіи мѣста не тогожъ была у насъ звона, что (*и*). Но вся сія мѣлочъ на сторону: должно видѣть ложныя знаменованія, данныя отъ Автора словамъ, а сіе происходитъ отъ того, что Авторъ отнюдъ не знаетъ кореннаго нашего языка Славенскаго. Пишетъ онъ *коль* производя отъ подлаго *комѹ*, за *когда* и *ежемѹ*, весьма неправо и развращенно, какъ то въ слѣдующемъ его стихѣ:

Не такъ, свирѣбая, *коль* толь твой вреденъ взглядъ.

Всякъ бы подумалъ по словамъ, что въ семъ стихѣ *коль* ~~толь~~ соотвѣтствующіе себѣ взаимно частицы, ежелибъ разумъ стиха допускалъ такъ думать, для того что тутъ *коль* взято за *когда*. Такъ же и сіе: *коль любишь, такъ скажи*. Всякъ подумаетъ, что разумъ тутъ сей, *коль мною любишь, такъ и скажи*. Однако Авторъ разумѣетъ сіе: *когда любишь, то скажи*. И по сему, *коль* за *когда* полагается отъ Автора ложно, потому что *коль* значить *колико*. Пишетъ же Авторъ *отсель* за *отсюду*, не зная, для того что *отсель* значить *оттнмъ*. Пишетъ онъ *область* за *власть* ложножъ, какъ то *какую область ты имѣешь надомною*, а говоритъ сіе Оснелда Хореву дѣйст. I. явл. 3. стран: 15. Пишетъ онъ и *довольтъ*, за *долженствуютъ*, какъ то *не изъ примѣры намъ во брамяхъ быть довольтъ*: однако, слово *довольтъ*, значить *довольно есть*, а не *должно есть*. Но славное въ Гамлетѣ слово *поборникъ*, въ дѣйст. 11. въ явл. 1. выговоренное Клавдіемъ, сколько въ ложномъ знаменованіи употреблено,

столько и въ смѣшномъ, для того что сіе показываетъ, что или Авторъ мало бываетъ въ церквѣ на великихъ вечерняхъ, и на всенощныхъ бдѣніяхъ, или бываетъ да не тогда, когда первый гласъ поется: ибо иначе, тобъ Авторъ могъ услышать въ Богородичиѣ начинающемся *Всемирную славу*, что слово *поборникъ* значитъ не *противника*, но *защитника*, и *споспѣшника*. Слѣдовательно, Авторъ употребилъ сіе слово за *противника*, говоря,

Се Боже предъ Тобой сей мерскій человекъ,
Который срамотой одной наполнилъ вѣкъ,

Поборникъ истинны, безстыдныхъ дѣлъ рачитель,
крайно въ ложномъ знаменованіи. Впрочемъ, поправлено сіе слово у Автора на листочкѣ между погрѣшностями: однако, я васъ, Государь мой, удостовѣряю по самой истиннѣ о семъ его исправленіи тѣмъ же точно, что я вамъ донесъ прежде о *молящая тебѣ*, то есть, что Авторъ тогда ужé узналъ свое погрѣшеніе, когда ему о томъ сказано и доказано было; а самъ онъ сея смѣшныя погрѣшности отнюдь не чувствовалъ. Но какъ онъ и исправилъ? Вы думаете, что онъ прямо поставилъ вмѣсто *поборника* *противникъ*? Весьмабъ онъ сдѣлалъ правильно, ежелибъ поправилъ такимъ образомъ, для того что, *противникъ*, тожъ самое имѣетъ количество и удареніе складовъ, что и *поборникъ*. Но нашъ Авторъ поставилъ на листочкѣ *руинитель*, вмѣсто *поборникъ*, то есть, такое слово онъ поставилъ, которое у насъ не употребительно. Будебъ было *нарушитель* илибъ *разрушитель*; тобъ могло быть изрядно. Сіе то называется по Украински, поправиться съ печи на лавку. Съ другой стороны, въ той же Клавдіевой молитвѣ стихокъ сей къ Богу, *принудь меня, принудь прощенія просить*, мнѣ нѣсколько подозрителенъ; но я оставляю рассуждать о разумѣ православія его Богословствующимъ; они знаютъ, что содѣйствіе Божіе съ дѣйствами человѣчeskія воли не бываетъ никогда по принужденію, но токмо по предваренію, по наклоненію, и по возбужденію къ добру, и по удерживанію, и отвращенію отъ зла: иначе, погиблабъ наша свободная воля, кою мы всѣ внутри нашея совѣсти ощущаемъ. Къ словамъ употребленнымъ въ ложномъ же знаменованіи отъ Автора принадлежитъ и то, что въ Гамлетѣ въ 1. дѣйств. въ явл. 2. говоритъ Гертруда сыну своему, чтобъ онъ бѣжалъ отъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ они находились, ибо подъ ними, говоритъ она, *твердь трясется*. Но кто Славенскій нашъ языкъ знаетъ; тотъ совершенно вѣдаетъ, что чрезъ слово *твердь* разумѣется у насъ Греческое слово, *στέρεωρα*, и *βρεσιμα*, Латинское *firmamentum*, а Французское *firmament*, то есть небо: слѣдовательно, кто говоритъ, *подъ*

нами твердь трясется. Однако, Авторъ помнилъ, можетъ быть, что у насъ положено во Псалмѣ 103: *основай землю на тверди ея.* Того ради, вы скажете, можно было ему *твердь* положить за *землю*, и потому говорить право, *подъ нами твердь* трясется. Нѣтъ, Государь мой, не можно: ибо сіе, *основай землю на тверди ея*, по Гречески, съ чего наше переведено, такъ чтется: 'Ο θεμελιῶν τῆν γῆν ἐπὶ ἀσφάλειαυ ἀυτῆς, тоестъ, *основай землю на крепости, на непоколебимости, на неподвижности, на неиспроверженіи, на безопасномъ утвержденіи, на безвредномъ столпѣ ея:* для того что Греческое, съ отрицательною частицею, слово *ΑΣΦΑΛΕΙΑ* сіи всѣ наши слова значить, понеже утвердительный глаголь *σφάλω*, есть по нашему, *испровертаю*; и слѣдовательно въ нашемъ онаго Псалма переводѣ слово *твердь*, которое есть собственно *фирмаментъ*, то есть *небесная твердь*, взято не само за себя, и не въ точномъ его знаменованіи, но за *крепость*, за *утвержденіе*, за *столбы*, за *подпору*, и за *подставку*: словомъ, за *твердость*, или за *твердыню* основанія. Подтверждается сіежь самое и Французскимъ переводомъ, Автору разумительнѣйшимъ: тамъ стоить: Il a fondé la terre sur ses bases; то есть, *онъ основалъ землю на ея фундаментахъ*, а не положено *sur ses firmaments*, то есть, *на ея твердыхъ*. Изъ всего сего только можно въ пользу Авторову заключить, чтобъ хотя онъ и не всеконечно въ ложномъ знаменованіи употребилъ слово *твердь*; однакожь оно у него всеконечно не родное, но, чтобъ такъ сказать, приемышь, такъ что, безъ сего моего объ немъ изъясненія, никто изъ знающихъ основательно нашъ языкъ, не можетъ не принять онаго за *небо*, и за *твердь небесную* въ Авторовомъ сочиненіи. У Автора нашего въ Трагедіяхъ его и склоненіе именъ, въ составъ косвенныхъ ихъ падежей, есть новое и необыкновенное: пишетъ онъ часто *любви* за *любовь*; да и сіе слѣдующее *заразовъ*, вмѣсто *заразы*, *мазми* за *мазаны*, тожь свидѣтельствуя. Чтожь до удареній; то премногое множество ихъ совершенно развращенныхъ; онъ ихъ натагиваетъ на Іамбы такъ, какъ Іамбу по мѣрѣ стиха быть нельзя. Такимъ образомъ у него *напримѣръ* неправо ударяется вреднѣйшій, за *вреднѣйшій*; *освирѣпѣлъ*, за *освирѣпѣль*; *разрушилъ* за *разрушѣль*; *важнѣйше*, за *важнѣйше*; *изыдите* за *изыдѣте*; *кромѣ*, за *кромѣ*; *мечное* за *мечное*; сіежь слово *противъ*, пишетъ онъ непостоянно *прѣтивъ* и *прѣтивъ*: но первое удареніе есть неправое. Не знаетъ Авторъ такъ же, когда и надглаголія надобно кончить на (*я*), и когда на (*те*), свидѣтель сему слово въ Хоревѣ *бесчитіе* за *бесчитіе*: ибо *я* въ семъ словѣ есть неударяемое, и потому должно ему быть на (*те*). Впрочемъ, что у него значить *накры*; того я не знаю, да не знаютъ

и многія, конхъ я о семъ знаменованіи спрашивалъ: во обстоятельстве можно догадываться, что то бубны, однако толь сіе не по нашему, что можно сказать: *разом по Чужомски*. Слово сіе употреблено въ Хоревѣ въ III. дѣйств. въ явл. 1, а говоритъ Кію Сталверхъ.

Зовущіе на смерть по *накрамъ* громки бон,
Являють каковы Россійскіе герон.

Но на что еще сіи слѣдующіи два гриба въ борщъ, говоря по Украински, *для ради*, вмѣсто одного *ради*, или одногожъ *для*? Какъ Ода, такъ и Трагедія не терпитъ площаднаго употребленія. Авторъ нашъ не почитаетъ же знать за порокъ, что онъ почитай непосредственно кончитъ свои стихи иногда однимъ звономъ Риемы. Есть у него въ одномъ мѣстѣ въ Хоревѣ женская Риема *помогати побаждати*; а чрезъ два стиха мужескія Риемы, тогожъ звона *помогати, уталанти*. Однако у добрыхъ стихотворцовъ едва сіе позволяется чрезъ десять стиховъ. Малъ еще сей порокъ для Автора: онъ и одинъ и тотъ же стихъ двѣма Риемами означаетъ, можетъ быть для показанія, что онъ умѣетъ изъ одноко Гексаметра два Триметра здѣлать. Стихъ сей есть слѣдующій:

Престань мнѣ въ томъ *помань*, и перестань *ездикань*.

Подлинно, не весьма богата сія Риема; да и Авторова искусство не очень обильно: онъ Трагическую свою любовь и самъ называетъ шутками, говоря въ Оснелдиной персонѣ:

Какое слѣдствие любовнымъ вижу *шуткамъ*.

Не споримъ, Трагическая любовь есть шутка; однако Трагическому Автору, какъ представляющему бутто важное дѣло, не надлежало ея называть шуткою: ибо подлинно любовь есть очень не шутка, да и зрители хотя знаютъ, что все то есть въ Трагедіи притворно, однако полагають важною правдою. Но вотъ у Господина Автора и точное противословіе въ семъ слѣдующемъ стихѣ, который положенъ въ третіемъ Хорева дѣйствіи, во второмъ явленіи, а говоритъ его Астрада:

Противеса только въ томъ *поборно* естеству.

Какъ? Госножа Астрада велитъ противиться не противно естеству! Но что сіе значить? Можетъ ли кто противиться естеству, и въ тожъ самое время быть ему безъ сопротивленія? Знать что Авторъ хотѣлъ симъ подражать Августа Кесаря обыкновенному присловію *скайде врадѣс* [festina lente] то есть, *сплани не сплани*. Казалось бы, что Авторъ ваялъ слово *поборно* за *противеса*, какъ те и Гамлетовъ у него *поборникъ* ваялъ за *противникъ*. Но въ семъ знаменованіи, какой будетъ разумъ въ ономъ стихѣ? *противеса маммо съ томъ противеса сомесноу*. Мать земля! Такъ ясно Авторъ

сочиняеть, что не возможно и разума пошлаго доискаться иногда въ его сочиненіи! Впрочемъ, сколькожъ весь сей Астрадаинъ совѣтъ Оснелдѣ непороченъ врассужденіи чистоты нравовъ; о томъ до-несу я вамъ, Государь мой, ниже. Какъ то ни есть; однако сход-ноль съ обстоятельствомъ, что Хоревъ во II. дѣйст. въ явл. 6, прося у Боговъ себѣ смерти говоритъ, чтобъ они *вынимъ изъ рукъ ею кровавій мечъ*, когда еще онъ не выходилъ противъ Завлоха на выласку, и зовущіе *по нахрамъ промжи Бом* не являли еще тогда, каковы Герои Россійскіе. Чѣмъ же мечъ Хоревовъ былъ при семъ случаѣ обагрень? Поистиннѣ Авторowymi чернилами, и тѣми еще не орѣшковыми и безкамедными. Авторъ какъ въ Одакъ, такъ и въ Трагедіяхъ полагаетъ не стихи за стихи, сіе значить, что онъ полагаетъ иногда простыя строчки съ превеликія торопливости, ибо въ Хоревѣ дѣйст. III, явл. I, стихъ сей,

Хотя смерть въ глазахъ ево, онъ зреть бесстрашнымъ бкомъ,
 есть токмо строчка съ Риемою, а не стихъ: въ немъ цѣлый складъ
 есть лишній въ первомъ полстишии, и потому первое полстишиіе,
 есть не полстишиіе, но членъ Прозаическаго Періода. Чтобъ сему
 стиху быть стихомъ; то надобно ему быть слѣдующему:

Хоть смерть въ глазахъ ево, онъ зреть бесстрашнымъ окомъ.

Напоследокъ, за что ни примешся въ Авторовомъ сочиненіи врас-сужденіи словъ и изображеній, все то находишь такъ порочное, и неискусное, что нельзя того изобразить. Онъ никакова отнюдь не имѣеть искусства въ употребленіи, и въ избраніи рѣчей. Свидѣ-тельствуеть въ Хоревѣ V. дѣйст. явл: 3. когда Кій просить, при-шедъ въ крайнее изнеможеніе, чтобъ ему подано было *судамше*. О! рассужденіе слѣпаго мудрованія. Знаеть Авторъ, что сіе слово есть Славенское, и употреблено въ Псалмахъ за стулъ: но не знаетъ, что Славенороссійскій языкъ, которымъ Авторъ все свое пишетъ, со-единилъ съ симъ словомъ нынѣ гнусную идею, а именно то, что въ писаніи названо у насъ *афедрономъ*. Слѣдовательно, чего Кій просить, чтобъ ему подано было, то пускай самъ Кій, какъ Траги-ческая персона введенная отъ Автора, обоняеть. Такое точно во всемъ Авторово искусство!

Не могу удержаться, чтобъ вамъ, Государь мой, не предложить теперь непреодолимаго доказательства въ томъ, что Авторово зна-ніе такъ мало, что меньше нельзя. Предъ самымъ представленіемъ Комедіишки, которою Авторъ толь малую славу дѣлаеть нашему преславному нареду, дѣйствующія лица одѣвались, и готовились къ представленію. Я тогда случился быть между ширмами. Но вотъ и нашъ Авторъ вдругъ явоняетъ тудажъ къ одѣвающимся притти,

съ очей и со всего лица въ крайнемъ удовольствіи сѣрдца. Едва онъ успѣлъ поклониться, съ кѣмъ надлежало, какъ оборотившись къ нѣкоторому изъ возлюбленнѣйшихъ своихъ наперсниковъ, заговаривалъ: знаете ли вы что? тотъ то и тотъ, именуя лице, называется того то и того, именуяжъ человѣка, Архилашемъ Архилохичемъ Суффеновымъ. Видитель, какой онъ глупивнкой: не знаетъ, что у Грековъ нѣтъ *именъ* такъ, какъ на нашемъ языкѣ. Тогда возлюбленникъ его, равно какъ Теренціевъ любилъ Гнатонъ, начали смѣяться животою надрывая; а ему въ томъ помогъ и самъ Авторъ. Я слыша сей Авторовъ разговоръ, и видя безумный смѣхъ онаго его возлюбленника, только лишь пожалъ плечами. Рассуждалъ я, что поистиннѣ сими точно и подобнымъ образомъ разглашаютъ о себѣ Авторъ предъ незнающими, что онъ человѣкъ съ неба звѣзды хватаетъ искусствомъ своимъ. И какъ же не такъ? Кто изъ незнающихъ Греческаго языка не повѣритъ, что то Автора правда, какъ человѣка во мнѣніи многихъ знающаго, по присловію, всю Ямскую по столбамъ врасужденіи наукъ до древнаго и новаго краснорѣчія касающихся? Однако, вамъ, Государь мой, я отдаю на рассужденіе, кому больше пристойно имя *мунинькова*, тому, кто Греческое имя здѣлалъ съ Рускимъ *именемъ*, или тому, который не знаетъ, что у Грековъ есть въ отечествахъ свой равнодѣльный нашъ *именъ*, а утверждалъ дерзновенно такомужъ знатоку, что того нѣтъ на Греческомъ языкѣ? Есть у Грековъ имена называемыя *Патронимика*, а по нашему *отчешенными* переведены они въ Грамматикѣ, изъ которыхъ мужескія обще [не говоря объ Іоническихъ и Эолическихъ окончаніяхъ, такъ же и объ окончаніяхъ женскихъ] кончатся на *дидисъ*, какъ то отъ *Пріамосъ* [Пріамъ] *Пріамидисъ* [Пріамовичъ]; отъ *Крѣносъ* [Сатурнъ], *Кронидисъ* [Кроновичъ]; отъ *Лаертисъ* [Лаертъ] *Лаертидидисъ* [Лаертовичъ]; отъ *Атрѣвъ* *Атрѣдидисъ* [Атридовичъ]: такъ и отъ *Архилохосъ* *Архилохидисъ*, а сіе точно по нашему *Архилоховичъ*. Хотѣлъ бы я знать, что Авторъ нашъ разумѣетъ чрезъ прозваніе онаго Архилаша Архилохича, которое есть *Суффеновъ*, какъ то онъ самъ изволилъ называть возлюбленнику своему. Я присягну, что онъ всеконечно того не знаетъ. Суффенъ былъ нѣкто Пигъ въ древнемъ Римѣ, по искусству своему ни къ чему годный, а по тщеславію безумный и всѣмъ несносный. Можетъ статья, что оный Архилашъ Архилохичъ Суффеновъ, буде онъ есть на свѣтѣ, и ежели притомъ Пигъ и еще тщеславный, прозванъ Суффеновымъ и отъ того древняго Суффена.

Довосилъ ужé я вамъ, Государь мой, что нѣтъ почитай ничего

въ сочиненіяхъ Авторовыхъ, которое не-былобъ чужое. Теперь тожъ самое подтверждаю. Язвительная его Комедія не его, да Голбергова, но токмо у Автора она на свой образецъ; Гамлетъ Шекспировъ, Эпистола о Стихотворствѣ и по плану и по изображеніямъ, но токмо сокращена, вся Боало-Депрова, а сего Автора всяжъ Горациева, но токмо распространена. Чтожъ до сея Трагедіи Хорева; она вся на-все выбрана изъ многихъ Французскихъ Трагедій какъ Корнелиевыхъ, такъ Расиновыхъ, и Волтеровыхъ, хотя впрочемъ все ея существенное основаніе есть Расинова Федра. Читающіи Французскіи Трагедіи могутъ сами сіе сличить, и видѣть: мнѣ ежелибъ сіе дѣлать; тобъ мое рассмѣтрѣніе въ пятеро увеличилось противъ Авторовыхъ сочиненій. Я токмо предложу одно здѣсь похищеніе изъ Волтеровы Трагедіи, названныя Меропа. Праведное солнце! Какъ же оно изгажено Авторовымъ переводомъ! Удивительно, учить Авторъ въ Эпистолѣ о Русскомъ языкѣ какъ переводить, а самъ ни шкиля, какъ говорятъ, не умѣетъ. Не бесстыдноелъ то тщеславіе? Надобно поистиннѣ желѣзное имѣть чело. Впрочемъ, говорить тамъ Волтеръ:

Quand/on a tont perdu, quand/on n'a plus d'espoir,
La vie est un oprobre, la mort est un devoir.

Сіе значитъ по словамъ:

Когда все погибло, и когда больше никакія нѣтъ надежды; то жизнь ужé позоръ, а смерть должность.

Но у Автора нашего въ III. дѣйстви въ 7. явленіи говорятъ сіе презрядное похищенное мѣсто Оснельда слѣдующимъ образомъ:

Когда погибло все, когда надежды нѣтъ,
Жизнь, бремя и одна она покой даетъ.

Рассудимъ же, Государь мой, сперва не о томъ, какъ сему двустипію надобно быть, но о семъ, что оно у Автора нашего значить. Волтеровъ разумъ въ сихъ двухъ стихахъ есть какъ превесьма исправенъ, такъ и безмѣрно великолѣпенъ. Но у нашего Автора въ немъ не имовѣрное никому, по самохвальству его, протувословіе. Говорить онъ, *жизнь бремя, и одна она покой даетъ*. Какъ? жизнь у Автора и тягосна, и совокупно онажъ спокойна! Стыдно, Государь мой, вчужѣ, когда видишь такое неискусство, а толь великое Авторо самохвальство. Я ужé не говорю, что запятѣй у Автора надлежало быть не по словѣ *жизнь*, но послѣ рѣчи *бремя*; доношу токмо, что его двустипіе симъ образомъ моглобъ быть исправно, и означалобъ точно Волтеровъ разумъ:

Когда погибло все, когда надежды нѣтъ,
Ужé бесчесна жизнь, оставить должно свѣтъ.

Но и по намѣренію нашего Автора, именномъ, что онъ вмѣсто *бесчестія* положилъ при жизни *бремя*, надобнобъ лучше слѣдующему быть двустипію:

Когда погнбло все, когда надежды нѣтъ,

Несносно бремя жизнь, а смерть покой отъ бѣдъ.

Изъ сего одного примѣра, можно всѣмъ выразумѣть объ Авторомъ сáмомъ маломъ искусствѣ, и заключить, а сіе по сáмой чистой справедливости, равнымъ образомъ и о всѣхъ его взятыхъ мѣстахъ изъ чужихъ сочиненій. Еще мнѣ вспало на умъ нѣкоторое изъ Хорева мѣсто, которымъ Авторъ безмѣрно чванится, такъ что внесъ оно и въ Комедіишку свою недостойную, а именно:

Карать противниковъ, и налагати данн.

Признаваю, что разумъ сего стиха есть великолѣпнень и гордъ. Но Авторовъ ли онъ? Сіе и во Францусскомъ сочиненіи, изъ котораго нашъ Авторъ похитилъ, есть подражаніе *Виргиліеву* изъ *Энеиды* Кн. 6. стих: 352.

Parscere subiectis et debellare superbos.

Впрочемъ пускай не думаетъ Господинъ Авторъ, что я не знаю всѣхъ его похищенныхъ мѣстъ: я имъ при случаѣ всѣмъ роспись по Алфавиту могу здѣлать, а теперь довольствуюсь токмо легкимъ показаніемъ одного сего изъ *Волтера*: сіежъ для того, дабы вѣдали, что Авторъ не имѣетъ ни малаго довольства самъ въ себѣ. Съ другой сторонѣ, увѣдомился я недавно, что Авторъ сочиняетъ, или сочинилъ трагедію *Эдипа*, въ которой токмо пять человекъ дѣйствующихъ лицъ. Но я напередъ васъ удостовѣрю, что сей Авторовъ *Эдипъ* будетъ точно *Софокловъ*, у котораго также пятеро [кромя *Хора*, котораго нынѣ къ намъ по подражанію Францускимъ Трагедіямъ, Авторъ не вводитъ же] дѣйствующихъ, а именно: *Эдипъ Царь Тебанскій*; *первенствующій жрецъ Юпитеровъ*; *Креонъ братъ Иокастинъ*; *Тирезій прорицатель*; *Иокаста, овдова оставшаяся послѣ Лайя Царя Тебанскаго, а супруга Эдипова*. Сего *Софоклова Эдипа* Авторъ нашъ не возьметъ, или не-взялъ съ подлинника, для того что онъ по Гречески ни пула не знаетъ; но будетъ поживляться переводомъ или *Даціеровымъ*, или онымъ, кои здѣланъ *Иезуитомъ Брюмою*. Не сомнѣваюсь притомъ, что Авторъ, для укрытія своихъ изъ *Софокла* похищеній, возьметъ нѣкоторыя мѣста изъ *Эдипа Петра Корнелія*; и уповательно, что въ Авторовомъ либо *Эдипѣ* будетъ токмо и четыре персоны, вмѣсто пяти, когда онъ оставитъ или *первенствующаго Юпитерова жреца*, или *прорицателя Тирезія*. Но какъ то ни есть, и ни будетъ; толькомъ Авторовъ *Эдипъ* весь имѣетъ быть основанъ на *Софокловомъ*, толь наипаче, что *Иезуитъ*

Брюноа сію Софоклову трагедію весьма хвалить, а Корнелиеву довольно хулить, что до плана, хотя и хвалить же его изображенія.

Теперь, Государь мой, осталось разобрать Трагедію Хорева вобще и порознь врассужденіи характеровъ. По моему мнѣнію, а мнѣніе мое сходно будетъ съ Драматическими правилами, Трагедія сія неправо названа однимъ Хоревомъ: ей надлежало было дать имя, *Оснельда и Хоревъ*, когда ужé Автору необходимо стало надобно проименовать ея Хоревомъ. Вы изволите знать, что наименованіе всегда дѣлается Драматическимъ штукамъ отъ того лица, которое въ Драмѣ есть Героимъ, и коего больше есть дѣйствія въ ней. Но сами рассудите, меньшеть дѣйствія Оснельдина во всемъ Хоревѣ противъ дѣйствій самого Хорева? Ею началась Трагедія, ею продолжалась, ею завязалась, смертію ея и развязалась. Хоревъ только что ея любилъ, и потому несносно ему было съ нею разлучиться: чего ради и старался о всѣхъ способахъ чтобъ ея въ Кіевѣ удержать. А какъ узналъ, что она умерщвлена; то съ превеликія горести и самъ себя убилъ. Вотъ все его дѣйствіе; а прочее все сказывается Велькаромъ. Будежъ для того положить его Героимъ Трагедіи, что онъ себя при самомъ концѣ, крушась по Оснельдѣ, предъ всѣми потребилъ; то въ такомъ случаѣ могъ себя потребить и Завлохъ по дочери, и Кій по невинномъ братѣ. И такъ можноъ ея въ такомъ случаѣ назвать было или Кіемъ, или Завлохомъ: еще можноъ ея было назвать и Сталверьхомъ, для того что зрителямъ въ самомъ же послѣднемъ явленіи представлено, что

Сталверьхъ скончалъ животь,

Низвергшись въ глубину Днепровыхъ быстрыхъ водъ.

И такъ, Государь мой, ежели не угодно, чтобъ ей быть токмо Оснельдою; то всеконечно надлежало ея назвать *Оснельдою и Хоревомъ*, а не Хоревомъ однимъ, и не Хоревомъ и Оснельдою.

Любовникъ сей Хоревъ, еще здѣлалъ и неблагопристойно, и противъ Театральныхъ правилъ, тѣмъ что онъ кровію своею *обрызгалъ предъ всеми театръ*. Можноъ было ему уйти за ширмы, и тамъ убиться; а о смертѣи его всеконечно непреминулъ, выбѣжавъ запыхавшись, какойнибудь воннь сказать, и еще распространить бы его неистовство пустымъ, и Автору обыкновеннымъ, велерѣчіемъ, а чрезъ то такжебъ подать причину, закричать Кію *уби*, и *минути грозны*, Завлоху *о Бои*, а Велькару *ахъ*, дабы тѣмъ окончить Трагедію. Не извольте, прошу, мнѣ говорить, что окровавляется сцена и во Французскихъ Трагедіяхъ, буттобъ не-было многихъ изъ Французскихъ Трагедій противъ правилъ: какъ *образецъ* къ вѣроятному представленію есть одна токмо *натура*; такъ и для

благопристойности есть всѣянная отъ натурьжъ нѣкоторая *чеснотъ*, основанная на благо разумномъ *порядкѣ* и достохвальномъ *приличіи*, *общемъ* всему человѣческому роду. Но сей же нашъ любовникъ хотя былъ и въ превеликомъ неистовствѣ, какъ то онъ себя при окончаніи показывалъ, толькожъ по дѣлу видно, что онъ нештовился нарочно, даромъ что вправду убился: ибо нештовство не лишило его такъ совсѣмъ разума, чтобъ онъ не могъ себя показать добрымъ *Стихотворцомъ*, здѣлавъ, въ самой непонятной скорости, четыре презрядныя стиха въ надгробную надпись Оснельдѣ. Подлинно, сія непристойность превосходить ужé всѣ прочіе, сколько ихъ ни есть у Автора. Извольте рассудить сами по справедливости, вѣроятноль, чтобъ человѣку находящемуся въ самомъ остромъ болѣзнованіи, въ самомъ крайнемъ безпамятствіи, и при самой кончинѣ, имѣть можно было столько смысла чтобъ сочинить Эпитафій, и еще стихами? Сей то намъ нынѣ сладкогласный лебедокъ, который при смерти своей воспѣлъ толь жалобно! Да и кстатилъ, чтобъ Князь, братъ Княжой, главный военачальникъ, храбрый Герой, и еще публично, здѣлалъ себя *Стихотворцомъ*? Приличіе поистиннѣ моглобъ быть, ежелибъ онъ слезнымъ и ослаблымъ своимъ голосомъ спросилъ тогда, *имѣтъ ли идѣ блиско Пѣтѣ*, которомубъ сочинить на гробъ любезнѣйшія его Оснельды Эпитафій, а сіе почитать бы послѣднимъ его завѣщаніемъ, для того что онъ самъ хочетъ всеконечно жизни лишиться. *Крайняя юрестъ и печаль не умѣтъ говорить витѣсаво*; сему и Авторъ нашъ не спорить въ Эпистоѣ о Стихотворствѣ. Чегожъ ради онъ далъ умирающему Хореву толь кудрявые рѣчи въ сочиненіи Эпитафія? Можно заключить, что не Хоревъ былъ въ безпамятствіи, но самъ Господинъ Авторъ.

Мнѣ весьма удивительно, что и сама Оснельда въ первомъ дѣйствіи, въ явленіи первомъ, толь есть нерассудна, что поистиннѣ нѣльзя не дивиться и не смѣяться Автору вымыслу. Когда Астрада постигла, что Оснельда очень любитъ Хорева; тогда сія Оснельда признавшись ей въ томъ сими словами:

Но ахъ! вошло мнѣ въ грудь сіе змеино [змѣино] жало.

Началá ей премногими рѣчами то самое рассказывать, что Астрада сама ей сказывала, а именно, какъ смерть народы пожирала, какъ въ одну минуту пала слава многихъ лѣтъ, какъ Кій одержалъ побѣду, какъ отецъ ея ушелъ въ степь, какъ онъ чрезъ озера и чрезъ рѣки переплывалъ на лошади, какъ по степямъ, по лѣсамъ, по горамъ, и по доламъ [диво что и не по подземнымъ пещерамъ] блудилъ, то есть, *заблуждалъ*, какъ мать ея, лишившись всѣхъ сво-

нѣтъ дѣтей, и съ мужемъ своимъ, отцомъ Оснельдинымъ, разлучилась, и какъ она не могла терпѣливо снести всего нещастія, и поцеловавши со слезами впослѣдніе ея Оснельду, сама себя съ отчаянія убила: а она Оснельда

Въ плѣненіе сіе низвергшись году,
Не помнитъ, ни отца, ни матери, ни роду.

Но есть ли умъ у Автора, что онъ велѣлъ Оснельдѣ пересказывать все сіе знающей Астрада? Удивительно, какъ Астрада могла все такое велерѣчіе терпѣливо выслушать, и не закричать: *полно полно, сударыня: я это знала тогда, когда еще ты молокососиха была.* Разумъ говоритъ, что всѣмъ симъ словамъ надлежало быть въ устахъ Астрадавыхъ; и сіе такимъ образомъ: послѣ какъ Оснельда скажетъ, что вошло въ ея грудь *любви змѣино жало*; то Астрада должно говорить, какъ то она и говорила:

Искореняй сей ядъ, отецъ тебя желаетъ,
а для Риомы прибавитъ:

Чего для и къ стѣнамъ онъ града приступаетъ.

Но въ причинубъ и привела, для чего ей *искоренять тотъ ядъ*, все то, что Оснельда Астрада пересказывала. Тогда Оснельдѣ и надобно было начать вмѣсто *однако кровь во мнѣ, за тѣмъ то кровь во мнѣ чрезъ всѣ шеснатцать мѣтъ*, и прочее все, да и продолжать послѣ *а мнѣ Астрада милъ*,

Но вѣрь [за повѣрь], что дочь ево сей пламень презираетъ,

И понеже сей стихъ такъ же Риомы требуетъ женскія; то приложитъ:

И сердце не любовь, того предпочитаетъ.

А по семъ прочее что слѣдуетъ.

Какуюжъ намъ Авторъ представилъ Астраду! самую совершенную Философку. Астрада не меньше сильна въ рассужденіяхъ, коль Стоикъ Зенонъ, Эпиктетъ, Сенека, Маркъ-Аврелій, и изъ новыхъ Юстъ-Липсіи, Каспаръ-Сціоппій, и Яковъ Томазіи. Словомъ, предъ Астрадою Кій, Хоревъ, Велькаръ, Сталверхъ, Завлохъ, и сама Оснельда, всѣ ничто, что до разума и рассужденій. Ктожъ она? женщина. Какѡва состоянія? служащая. Гдѣ Философіи обучилась? не знаю: знаю только, что Астрада женщина, и показывается ученою. Однако, со всею ея Философіею, она не весьма постоянно Стоичаха, и еще вредительная чистотѣ нравовъ жонка. Сперва она совѣтовала, чтобъ Оснельда *искореняла ядъ любви*; изрядно: но въ третьемъ дѣйстви, въ явленіи второмъ, показываетъ себя почитай своднею Оснельдѣ печалящейся, что *она въ двѣхъ мѣстахъ любовнымъ*

наименѣе бышеть, и что видитъ худое следствие любовнаго интрикамъ, говоря:

Тебѣль послѣдовать безумнымъ предрассудкамъ,
[словомъ *предрассудки*, и ниже *предрассужденіямъ*, Авторъ переводитъ Французское *préjugé* вновь; по нашему сіе слово значить, давно затвердѣлое и ложное мнѣніе]

Которой естество здоровый дало умъ,
Ко истребленію простонародныхъ думъ?
Чтобъ наше естество суровствуя страдало,
Обыкновеніе то въ людяхъ основало.

Чтожъ по семъ не весьма еще явножъ нечестія?

Обычай, ты всему уставъ во свѣтѣ семъ,
Предрассужденіе правительствуетъ въ немъ,
Безумье правила житія устанавливаетъ,
А лехкомысліе тѣ права утверждаетъ,
И возлагаючи на разумъ бремена,
Даютъ невинности бесчестны имена.

Все сіе ложь! все сіе нечестіе! все сіе вредъ добронравію! Сіе есть точное ученіе Спинозино и Гоббезіево; а сіи люди давно ужѣ оглашены справедливо Атеистами. Не *обычай* во свѣтѣ семъ уставъ всему; но есть *право естественное*, отъ Создателя естества *окоренное въ естество*. Не *предрассужденіе*, то есть, ложное мнѣніе правительствуетъ въ мірѣ; но *правда и честность естественная*. Не *безуміе* правила житія устанавливаетъ; но *разумная любовь къ добру естественному*. Не *лехкомысліе* тѣ права утверждаетъ; но *благоразумное и зрѣлое рассужденіе, смотря на сходство съ естественнымъ порядкомъ*, оныя одобряетъ. Не возлагаются на разумъ бремена: иначе, бытъ бы онъ *невольникомъ* въ своихъ рассужденіяхъ, и слѣдовательно не *разумомъ*.

Лжотъ такъ же Астрада, что естественную *правоту* всѣмъ человѣческимъ родомъ *внутренню ощущаемую*, называютъ люди *бесчестными именами*. Дѣлаютъ сіе врассужденіи того ябедники иногда въ судахъ: но все человѣческое общество никогда и нигдѣ сего не дѣлаетъ. Внутренняя совѣсть запрещаетъ заключить, чтобъ то несправедно и худо было, *когда кто самъ себя чѣю не желаетъ, того и друиѣ не дѣлаетъ*. Сіе принадлежит до естественныя правды. Но естественная честность въ томъ, чтобъ жить по *разумной любви къ добродѣтели*, то есть, *искренно, благоразумно, и постоянно дѣйствія наши внутреннія и внѣшнія раскладывать такъ, чтобъ получить крайнее и внутреннее блаженство*. Ибо благотворительнѣйшій Зяждитель, сотворяя человѣка, не могъ его не такова сотворить, чтобъ

ему не быть блаженну, и слѣдовательно естественно одолжилъ весь человѣческій родъ, имѣющій произойти отъ Адама, къ тому, чтобъ имъ стараться *о взаимномъ себѣ благополучіи*, а больше о полученіи *каждому крайнему блаженства*. Нѣтъ инаго конца, чегобъ ради былъ человѣкъ сотворенъ: ибо *славословіе Творцу*, есть точно соединено съ человѣческимъ блаженствомъ. Но для полученія блаженства, надобны *дѣйствія человеческія*. И понеже могли сіи быть *пристойныя и непротивныя* къ тому; того ради, не могъ того оставить всеблагій Богъ, чтобъ не различить ихъ *естественными знаками*. Слѣдовательно, *всплы* въ разумы человѣческіи такое *заніе*, что они рассуждаютъ себѣ получить отъ иныхъ *внутреннія соотвѣсти хвалу или стыдъ*, а отъ другихъ слѣдующую *пріятность или болѣзнь*, то есть, *всплы* въ нихъ *заніе правды и лжи, добра и зла*; сіежь для того, дабы, что хвальное съ природы, тобъ они дѣлали, а отъ бесчестнаго съ природыжь, убѣгали: равнымъ образомъ, тогобъ искали, что имъ пріятно съ природы по силѣ *честности*, а отъ болѣзненнагобъ удалялись по той же природѣ и по природной же честности: инако, человѣческій разумъ могъ бы то пріятнымъ или болѣзненнымъ почитать, что ему токмо по одной природѣ пріятно или болѣзненно, ежелибъ въ немъ нѣ-было природножь *разумнаго любви къ честности*, то есть, къ *добродѣтели*: словомъ, былъ бы человѣкъ *токмо скотъ бессловесный*, то есть, былъ бы онъ скотъ съ *желаніемъ безъ рассужденія*. Такой то точно Оснельдѣ, а въ Оснельдѣ всѣмъ, совѣтуетъ быть Астрада: она ей велить любиться по *растлнному природному желанію*, не смотря ни на правоту ни на честность: ибо ей естество *здоровый дало умъ престонародныхъ мыслей къ истребленію*; а чрезъ престонародныя мысли разумѣются здѣсь *всеобщіяа человеческого рода жтнія*. Нѣтъ по сему нужды въ Божіихъ, *на природѣ основанныхъ, и съ честностію соединенныхъ, заповѣдяхъ*, не нужны и человѣческія *законоположенія на Божіихъ утвержденныя*: одной токмо природѣ, но природѣ поврежденной по паденіи, должно послѣдовать. Изрядная проповѣдница слова истинны! Можно видѣть, что она умышленная нечестивица! Чтобъ мнѣ не говорилъ Авторъ, что Астрада полагается *язычницею*: ибо природная правота и честность вѣдома была и *язычникамъ*; свидѣтели тому ихъ *Философы, и законодатели*. Вѣдома она и самымъ *дикимъ народамъ*: свидѣтельствуется то, что они живутъ въ обществѣ, отъ паденій убѣгаютъ, или защищаются; бѣльшаго почитаютъ; добро любятъ; порядокъ наблюдаютъ; гнусныхъ и скверныхъ дѣяній природныхъ въ явь не дѣлаютъ, но устраняются и укрываются. А сіе показываетъ, что въ нихъ есть *способность къ прямой чес-*

ности, которую Богъ и въ заповѣдяхъ преднаписалъ. Природная ихъ способность къ правотѣ и добродѣтели есть какъ *искра подъ пепеломъ*, которую надлежитъ раздуть *ученіемъ*.

Чтожь до Кіа; его равнодушіе весьма странное: онъ представленъ отъ Автора то лехконравнымъ, то тяжелоправнымъ; иногда онъ у него весьма добрымъ человѣкомъ; а иногда чрезвычайно злымъ. Кій сей какъ нѣкоторый флюгеръ: куда вѣтръ ни подуетъ, туда онъ и оборотится. Словомъ, Кій Авторъ совершенный есть Гипохондриакъ, или нѣкоторый родъ сумозброда. Но Сталверхъ, наперсникъ его, не что иное, какъ самый глупый клеветникъ. Кто изъ хитрыхъ навѣтниковъ, какъ кажется, станетъ кого облыгать тогда, когда тотъ, на кого производится клевета, всю силу въ рукахъ имѣетъ, и когда ему не токмо невозможно никакова вреда здѣлать, но еще и по всему вѣроятно, что онъ самъ тотчасъ за то отмститъ можетъ, когда свѣдаетъ? И бывалъ когда клевета не свѣдана? Недавно я Кіа назвалъ сумозбродомъ; но и по правдѣ: ибо и онъ такой же у Автора дуракъ, какъ и Сталверхъ. Велѣлъ онъ ядомъ умертвить Оснельду, за мнимый злый умыслъ ея съ Хоревомъ, тогда, какъ Хоревъ надъ всѣмъ воинствомъ главное имѣлъ начальствованіе. Зналъ ли онъ, что Хоревъ любитъ Оснельду? Буде зналъ; то надлежало ему крайняго зла себѣ бояться отъ ополченнаго силами Героя, и любившаго безмѣрно Оснельду. Надлежало, поистиннѣ въ такихъ обстоятельствахъ Кію быть благоразумнѣе и осторожнѣе. Вотъ же и Завлохъ привлеченъ на окончаніе Трагедіи. Но что дѣлать? закричать по дочери: *о! дочьъ, о! плодъ несчастный*; а по Хоревѣ: *о! Боги*. Трагедія и безъ него ужъ развязалась: довольно было и одного его *меча* принесеннаго Велькаромъ. Я не говорю, чтобъ плѣннаго его не надлежало привести въ Кіевъ; но не должно было его на Театръ выводить явно: въ немъ и въ согласіи его, или и позволеніи, чтобъ Оснельдѣ сочетаться съ Хоревомъ, нѣ-было ужъ нужды: Оснельда скончалась, и тѣмъ главный и начальный *узлъ* Трагедіи развязанъ. Сказать по самой истиннѣ, Завлохъ такъ же вдругъ появился на Театрѣ въ сей Трагедіи; какъ Дорантъ въ Комедишкѣ Авторой выскочилъ бѣшенымъ изъ-за ширмъ, и здѣлался впрямъ женихомъ Кларисинымъ, къ великому зрителей удивленію, а къ превеликому обличенію неукства Авторова. Итакъ, въ одномъ только Велькаровомъ характерѣ нѣтъ непристойности, кромѣ токмо того, что онъ часто болталъ неисправнымъ Славенороссійскимъ языкомъ.

Въ семъ мѣстѣ предлагаю вамъ, Государь мой, и общее мое о всей Трагедіи рассужденіе. Вы изволите знать, что въ составѣ Тра-

гедію, и всякія Драматическія штуки, находятся такъ называемыя *три единства*; а именно, *единство дѣйствія, единство времени, и единство мѣста*. Сіе значить, чтобъ Драма представляема была объ одномъ только чемъ нибудь изъ прямыя или баснословныя Исторіи, а не о многомъ, и целой Исторіи со всѣми ея обстоятельствами. Второе, чтобъ дѣйствіе сіе началось и здѣлалось въ нѣкоторое опредѣленное и непрерывное время: а время сіе обыкновенно опредѣляется Драмѣ три часа, или ужé цѣлыя сутки. Третіе, чтобъ все оное представленіе производилось на одномъ токмо мѣстѣ. Единство мѣста объемлетъ домъ съ палатами и съ садомъ: нѣкоторые однимъ называютъ мѣстомъ и цѣлый городъ. Но я не вступаю въ сіе рассужденіе: я говорю токмо, что Драмѣ должно быть на одномъ мѣстѣ.

Итакъ, мнѣ кажется, что у Автора нашего въ Трагедіи Хорева нарушено первое изъ единствъ оныхъ, а именно *единство представленія*. Съ самаго оглавленія мы видимъ, что все дѣло будетъ клониться къ сочетанію Хорева съ Оснельдою; видимъ тожь самое и въ срединѣ. Слѣдовательно, главнѣйшему, по положенію, окончанію, къ которому зрители пріуготовлены, и къ коему всѣ Эпизоды, или прибавочныя окрестности, должны возноситься, есть сочетаніе Хоровово съ Оснельдою: прочее все или препятствуетъ, или бѣдствуетъ, или какимъ инымъ нечаяннымъ приключеніемъ. Но въ самомъ концѣ четвертаго дѣйствія, посланный отъ Кіа *кубокъ съ ядомъ*, которымъ бы всеконечно умертвить Оснельду, что и здѣлано, развязалъ ужé сей узолъ, и увѣдомилъ зрителей, что Оснельдѣ не быть за Хоровомъ. По сему, знать, что главнѣйшее представленіе было не о сочетаніи Хорева съ Оснельдою, но о подозрѣніи Кіевоу на мнимый умыслъ Хорововъ съ Оснельдою. Но вотъ въ началѣ пятаго дѣйствія и сей *узолъ* развязанъ Завлоховымъ *мечемъ*, которымъ завладѣлъ Хоревъ, побѣдивъ и плѣнивъ Завлоха, и который принесенъ Велькаромъ. Того ради, кто видитъ *два развязанія*; тотъ видитъ и *два узла*; а слѣдовательно, *не одинакое, но двойное представленіе*: одно о Хорововой любви съ Оснельдою, а другое о Кіевоу подозрѣніи на мнимое злоумышленіе отъ обохъ ихъ на него. Господинъ Авторъ не думаетъ ли, что токмо ему одному дано знать силу Драмъ, и потому не весьма онъ радѣлъ объ удовольствованіи исправностію зрителей, какъ, можетъ быть по сего, такихъ, которые не рассудятъ о томъ, ослѣпившись представленіемъ, и оглушившись ложнымъ его Краснорѣчіемъ? или справедливѣе, рассудилъ ли-полно и самъ онъ о томъ? Кажется, что и время его не весьма исправно: въ три, или ужé въ двенадцать

пять часовъ, [ибо ночью на выласку не ходять] не возможно, по моему, толь многимъ дѣламъ здѣлаться. Хореву надобно по сему любовь свою объявить по утру рано, и только что зварцу наинишисъ, буде онъ еще и тотъ тогда пить умѣлъ. Около обѣда быть увѣрену о взаимной къ себѣ любви Оснельдиной. Потѣмъ, хотя по салдатски, однако пообѣдать: за обѣдомъ съ часъ мѣста просидѣть. И посему больше ужé половины дня прошло. Однако надобно еще итти на выласку. Но вотъ тотчасъ и бѣдствіе: Кій на него въ подозрѣвіе приходитъ. Потѣмъ надобно ему свидѣться еще съ Осельдою, и выслушать всѣ нарѣканія отъ нея, что онъ идетъ противъ Завлоха отца ея не смотря на то, что она Хореву невѣста, такъ же и отвѣтствовать на оныя. Сему случаю надобно часа два положить, для того что любовникъ не скоро спѣшитъ итти отъ любезнѣйшій; а при ней ему и сутки часомъ кажутся. Итакъ, день ужé къ вечеру преклонился. А чтожъ, какъ сіе дѣлалось осенью? Въ такомъ случаѣ ужé и гораздо поздно было, хотя и въ Кіевѣ. Когдажъ имѣлъ онъ время нижнимъ полководцамъ отдать приказы, воиновъ пересмотрѣть, уговорить, ободрить, приготовиться, и чего еще премногого не долженъ онъ былъ дѣлать предъ сраженіемъ, а всего того не минутнаго? При томъ же и еще проститься съ Осельдою? Не въ минуту могъ онъ вывести полки и за-городъ, не въ минуту войско построить, привести, и въ сраженіе пустить. Однако, ночь ужé почитай глухая на дворѣ: а ночью всеконечно опасно было сразиться. Все сіе увѣряетъ, хотя Авторъ и противное оказываетъ чрезъ самый первый стихъ Трагедіи,

Княжна! Сей день тебѣ свободу объявляетъ,
 что выласка была отложена до другихъ сутокъ, и что Хоревъ побѣдилъ на другой день, и убился такъ же. Слѣдовательно, въ Трагедіи сей потому не будетъ единства времени.

Но пускай, что Авторъ не погрѣшилъ, [какъ то всеконечно совралъ въ рассужденіи дѣйства] въ единствѣ времени: однако, превеликое и непростимое учинилъ онъ погрѣшеніе врассужденіи плода отъ Трагедіи. Сіе представленіе есть непростая игрушка, но игрушка соединенная съ крайнею зрителей пользою. Трагедія дѣлается для того, по главнѣйшему и первѣйшему своему установленію, чтобъ вложить въ зрителей любовь къ добродѣтели, а крайнюю ненависть къ злости и омерзѣніе ея не учительскимъ, но нѣкоторымъ пріятнымъ образомъ. Чего ради, дабы добродѣтель здѣлать любезною, а злость ненавистною и мерскою, надобно всегда отдавать преимущество добрымъ дѣламъ, а злодѣянію, сколькобъ оно ни имѣло какихъ успѣховъ, всегдабъ наконецъ быть въ по-

ираніи, подражая симъ самымъ дѣйствіямъ Божиимъ. Сіе Божественное строеніе несказаннымъ образомъ великолѣпно описано у Іоанна Барклая въ третіей части Аргеннды. Часто, говоритъ онъ, Божественныя судьбы таковы бывають, что злодѣйства самымъ ужѣ успѣхомъ исполняемые безопасно, внезапное постигаеть ищеніе: сіежь для того, дабы беззаконникамъ не быть безъ страха, а утѣсняемой добродѣтели не лишитьсяябъ всеконечно надежды. Но кто торжествуетъ на концѣ у Автора? злоба. Ктожь и погибла у него? добродѣтель. Сіе всякъ смотритель и читатель, безъ всякаго о семъ распространенія и изъясненія, самъ собою видѣтъ и о семъ увѣренъ твердо быть можетъ. Разодрать же должно оную Автору всю тетрадь, когда въ ней должнаго плода не знать. Знаю, что Авторъ пошлется на многіе Французскіе Трагедіи, въ которыхъ равный же конецъ дѣлается добродѣтели. Но я доношу въ отвѣтъ, что какъ исправностямъ Французскихъ Трагедій подражать не худо: такъ слѣдовать ихъ порокамъ не должно: надобно дѣлать такъ, какъ надлежитъ, а не такъ, какъ многіи дѣлають. Я всѣ тѣ Французскіе Трагедіи ни къ чему годными называю, въ которыхъ добродѣтель погибаетъ, а злость выѣтъ конечный успѣхъ; слѣдовательно, равнымъ образомъ и сію Автору тѣмъ же именемъ величаю.

Симъ окончиваю рассмотрѣніе мое объ Авторovýchъ сочиненіяхъ. Поистиннѣ, Государь мой, я и отъ половины, по несчастію моему, усталъ. Но чтожь бы то было, ежелибъ мнѣ и другую половину трудовъ его, по обѣщанію моему, разбирать? Однако, вы ничего отъ того не могли потерять: всѣ его какъ оставшіяся сочиненія, такъ и впредь будущія, всѣ, доношу я, равныя находятся и будутъ силы. Кто прочтетъ одну Автору штуку; тотъ праведно можетъ заключить и о всѣхъ его другихъ. Сей отецъ дочерей своихъ раждаетъ таковыхъ, которые такъ между собою сестры, что хотя и разновидны имѣють лица, однако совершенно похожія, равно какъ Овидій описалъ въ Превращеніяхъ своихъ родныхъ сестръ Перевыхъ дочерей, говоря,

*Facies non omnibus una,
Nec diversa tamen, qualem decet esse sororum.*

то есть:

У всѣхъ у нихъ лице не одно; однако не разноежь, и такъ, что какому должно быть сходству между родными сестрами.

Толикіи недостатки, и толь многіи какъ въ рѣчахъ порознь, такъ и вообще въ сочиненіи, проистекають изъ перваго и главнѣйшаго сего источника, именножь, что не имѣлъ въ малолѣтствѣ

своемъ Авторъ довольнаго чтенія нашихъ Церковныхъ книгъ; и потому нѣтъ у него ни обилія избранныхъ словъ, ни навыка къ правильному составу рѣчей между собою. Второе, что обучался онъ можетъ быть по правиламъ не своему, да чужимъ языкамъ: Сей недостатокъ толь есть общій, что почитай и средняго состоянія люди егожь предпочитаютъ, не зная, какъ думаю, что бесчестіе Россіанамъ не звать по Россійски, нежели какъ инакъ. Третье, что при правильномъ можетъ быть изученіи языкамъ, не обучался онъ надлежащимъ Университетскимъ образомъ Грамматикѣ, Реторикѣ, Поэзіи, Философіи, Исторіи, Хронологіи и Географіи, безъ которыхъ не токмо великому Пѣнту, но и посредственному быть не возможно. Четвертое, нѣтъ въ немъ ни малаго знанія такъ называемыхъ ученыхъ языковъ, а по послѣдней мѣрѣ надобно звать ему по Латински. Пятое и послѣднее: полагается онъ больше надлежащаго на Французскихъ писателей, которыя и сами во многомъ и почитай во всемъ коисты съ Греческаго и Латинскаго языка. Не можетъ онъ справляться съ подлинниками, и потому обманывается часто въ разумніяхъ, которыя онъ беретъ, какъ будто изъ самыхъ подлинниковъ. Однако, при всѣхъ сихъ недостаткахъ, такое имѣеть о своемъ достоинствѣ и способности мнѣніе, что почитай не меньше себя онъ почитаетъ Корнелія и Расина: прочіихъ всѣхъ какъ съ нѣкоторыя высоты презираетъ. Сіе точно ложное о себѣ мнѣніе его и ослѣпляетъ, и не допускаетъ видѣть толь явныхъ пороковъ всего сочиненія. Впрочемъ, понеже я знаю что тщеславныя люди все въ пользу себѣ обыкновенно заключаютъ, чего ради и полагаю, что и сіе мое рассмтрѣніе можетъ либо Авторъ причестъ къ достоинству своихъ трудовъ, толь нампаче, что Критики нигдѣ не бываю на сочиненія худыхъ писателей; то свято васъ удостоверяю, что мое рассмтрѣніе было не для того, что будтобъ Авторовы сочиненія достойны Критическаго рассужденія, но для сего, чтобъ отвѣсть многихъ отъ несправедливаго мнѣнія объ Авторовомъ достаткѣ, котораго въ немъ едва, и едваль еще, нѣкоторая тѣнь находится, врассужденіи словесныхъ и краснорѣчивыхъ наукъ. Сіе объявивъ, пребываю и пребуду съ непремѣнною искренностію,

Государь мой,

Вашъ, и прочая.

Въ Санктпетербургѣ

дня

1750 г.

P. S.

При окончаніи сего моего къ вамъ, получилъ я новый списокъ съ Комедіишки Тресотиніусомъ названныя: въ семъ списокѣ нашель я, къ великому моему удивленію, что, между дѣйствующими лицами, прибавленъ, послѣ педантовъ, не знаю какой Архисотолашъ, а противъ сего имени написано, маляръ шалунъ. Смотрю далѣе; анъ послѣднее седмое надесять явленіе стало ужé осмымъ надесять, а послѣ шестаго надесять написано: Сцена XVII, но подъ симъ заглавіемъ, тѣжъ и Архисотолашъ. Тогда началъ я читать, да и прочель сію новую сцену, которую здѣсь вамъ всю предложу, и уповаю, что она вамъ нѣсколько не незабавною покажется.

Архисотолашъ.

Вотъ и самъ я здѣсь! прошу не погнѣваться, Государи мои, что я незнакомой человѣкъ къ вамъ принялъ смѣлость притти; однако надѣюсь, что вы будете мною довольны, для того что я вамъ надобенъ.

Оронтъ.

Мы добрымъ людямъ ради; да кто вы таковы?

Архисотолашъ.

Я, сударь, дорогой старичокъ, по имени Архисотолашъ, по отчеству Филавтоновичъ, по прозванію Кривобаевъ, а по художеству мал... мал... яръ, ..яръ еры юсъ. Ба! какое мое художество, я позабылъ, а мимо рта суется. О! о! вспомнилъ: я, сударь, по художеству маляръ, о чомъ эта кисть, или лучше пензель, да и дощечка, или чесмяе валець, съ вохрою доказываетъ, до вашихъ услугъ.

Оронтъ.

Изрядно, Господинъ Архисотолашъ Филатьевичъ Кривобаевъ. Да што ваше прішествіе, къ нашему убожеству?

Архисотолашъ къ смотрителямъ.

Знать этотъ старичокъ простакъ: онъ называетъ меня Филатьичемъ вмѣсто Филавтоновича.

Къ Оронту.

Двѣ причины привели меня показать себя всѣмъ вамъ; первая, слышалъ я, что у васъ скоро свадьба будетъ; а для такова торжества, я вамъ намалюю Гиснея. Другая, чтобъ

симъ ученымъ людямъ предложить вопросъ къ разрѣшенію, надѣ которымъ я давно работаю, да не умѣю сыскать конца, или справедливѣе, чегобъ я не умѣлъ, да не умѣю умѣть.

Тресотиниусъ.

О! Господинъ мал... мал... по художеству, и ярь еры юсь по томужъ: я здѣсь имѣю честь быть женихомъ, хотя и не по заслугамъ; однако мнѣ не надобно маліованова Гименея: я не люблю отнюдъ пустоши. Прошу пожалуй обойди нашу деревню, какъ говорятъ, и малюй что и гдѣ хочешь. Какъ бы я вамъ не сказалъ такѡва одноножнава твердо, которое будетъ зѣло, зѣло, зѣло твердо.

Оронтъ къ Тресотиниусу.

Нѣтъ ничево: пусть онъ намъ намалюетъ Гименея: видно, что вохры у него много.

А оборотясь къ Архисотолашу:

Однако, намалевалъ ли ты господинъ Филатьевичъ, когда нибудь, что нибудь, гдѣ нибудь, и кому нибудь?

Архисотолашъ.

Какъ? што нибудь, когда нибудь, гдѣ нибудь! Я, сударь, публичной маляръ, и намалевалъ на рынокъ картинъ съ семь, которые такъ живы, что всѣ говорятъ какъ сойки. По этому, есть ли у васъ Амбиція, а по Руски высокоумѣріе, чтобъ я вамъ намалевалъ сладкосювеснѣйшаго Гименея?

Боввмвзусъ.

Что то за превращеніе? Говоришь ты, есть ли у насъ Амбиція! Развѣ, Господинъ мал... мал... и ярь еры юсь по художеству, зло у тебя добромъ, и природа добродѣтелей развращена? Амбиція всегда и вездѣ есть, была, и будетъ крайнѣйшъ вломъ, а слѡву сему, не токмо что дѣлу, пора сожжену быть на площади, потому что оно очень вредительно добронравію. Эрго, надобно было тебѣ спросить, есть ли у насъ охота, или нѣкоторое любонувство, чтобъ видѣть маліованова твоего этою вохрою Гименея.

Архисотолашъ.

Видно что ты и впрямъ Философъ, и потому всю ставишь въ строку: я говорю такъ, какъ всѣ; а сказать правду, ежели въ комъ нѣтъ амбиціи, тотъ или незнающій свѣта, или прямо дуракъ: а я знаю щогольское употребленіе, и хотя самую малую толику, или и безмала безъ того, однако по Француски. Итакъ, буде въ васъ нѣтъ Амбиціи,

такъ эрго. Вить не та Амбиція, што Амбиція; да Амбиція, што явная Амбиція, а другова ей званія нѣтъ.

Вся кровь Архисотолаша.

Ха, ха, ха, ха!

БОВЕМБІУСЪ.

Амбиція, што явная Амбиція, а незнатъ какая другая, однако другой нѣтъ и тайной кровь худой. Ха, ха, ха, ха! Амбиція! Эдакое слово! да ужé и въ дѣло оно произошло! теперь то должно по Цицеронову закричать: О! времена, о! нравы.

ОРОИТЬ.

Плюнуть на Амбицію: пускай Господи́нь Филатьевичъ зачнетъ намъ-маловатъ Гименей.

АРХИСОТОЛАШЪ.

Дѣльно, дѣльно, добринькой старичо́въ: однако я не Филатьичъ, да Филавтоновичъ. Впрочемъ объ именахъ у меня нѣтъ заботы; надобно дѣло. Итакъ пока холстину натягиваютъ на пальцы, я между тѣмъ подойду къ сему третьему Господину: вижу что онъ обонкъ этихъ скромнѣе, и предложу ему мой премудрый вопросъ.

КИМАРЬ.

Партестую вамъ всѣмъ, Господá, Судари, Братцы, Товарищи, Мудрецы, Молотцы, и вся Поленѣца удалая, што этотъ Яръерыюсъ Кривобаевъ не прямой Мараль, да Псетоусіусъ Мараль, какъ то ясно по ево баснямъ: потому што, охъ! для тово што, нѣтъ! затѣмъ што, тѣфу! ибо, тѣфу тѣфу! панѣже вотъ такъ то съ высока́ носка́ нада по щогольскіе! панѣже для тово што онъ называется пальцами Рамы.

АРХИСОТОЛАШЪ.

Молчи, скотина скотъ, животина животь, зерншій, табашникъ, кабашникъ, пропоецъ, писмонось, мошнорѣвъ, чорныя работы подрядчикъ! што тебѣ дѣла! Дай языку кашни. Охъ усталъ! жаль што нѣтъ нигдѣ блиско сѣдалища стульнова. Вотъ нещасье наслало на меня какóва Поборника, Тобишь, Руши́теля. Но лучше отъ бездѣльника къ дѣловцу.

Архисотолашъ подшедь къ Ксаксоксименіусу.

Господи́нь чесной! нѣгдѣ, нѣкогда, нѣкіе жили да были два брата, какъ говорятъ съ Арбата, а третей дуракъ, да и умеръ дуракомъ, да ужъ и тѣ оба покойники свѣты. Однако большой здѣлалъ вѣтреную иѣльницу, которая всегда мола и кругомъ безпрестани вертѣлась, толькожъ въ ней нѣ-было

жорновъ: а средней почитай ежечасно игралъ въ самую большую игру въ пеструхи, однако весь свой вѣкъ не зналъ ни козырей, ни матадоровъ, еще и ни мастей. Которой же изъ нихъ жилъ домостройнѣе и богатѣе, прошу мнѣ вытолковать?

Ксаксоксимениусъ.

Зографе! отъ сею обою по единомъ коемждо аще и бокма еси пореновалъ суемудріемъ твоимъ: обаче не ктому отселѣ неистовъ пребуди. Тѣмже убо гряди вонъ съ миромъ, прежде даже и врѣсноту не рекутъ ти зла.

Архисотолашъ.

Што это? такъ вы ужé всё надо мной издѣваетесь! а издѣваетесь надъ маляромъ, и еще надъ всерыношнымъ! и надъ такимъ, которой маляю картины говоруньи! Постойтежь, я къ вамъ приплю Доранта, задушнова моево друга, которова вы еще не видали, што онъ и каковъ въ своей Амбици, и которой буде за меня не станетъ, такъ онъ свадьбу вашу на свой салтыкъ тотчасъ оборотитъ: Прощайте когда такъ: узнаете вы, што я не послѣдняя спица въ колесницѣ.
Ушло съ сѣрдца.

Оронть.

Што дѣлать? свадебное дѣло шатовато.

Сцена послѣдняя.

Тѣжь, Доранть и Клариса.

XI.

О

ДОЛЖНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВЪ.

Сочиненіе

М. Ломоносова.

—

1754.

Первая серия академических Записок, называвшихся в то время Комментариями, была принята учеными Европы очень радушно и положила прочное основание научной славе Академии. Сама Академия сочла необходимымъ несколько времени спустя напечатать второе издание всей этой серии, а в Болонь в 1740—1752 годах явилась даже перепечатка первых восьми томовъ. ¹⁾ Вторая серия, которая съ 1750 года издавалась подъ заглавиемъ Новыхъ Комментариевъ, при всей неудовлетворительности тогдашнихъ международныхъ сношений и книжной торговли, также успѣла разойтись по различнымъ государствамъ Европы и обратить на себя вниманіе тамошнихъ ученыхъ, какъ это, между прочимъ, уже видно изъ различныхъ рецензій, явившихся въ периодическихъ изданіяхъ того времени. Въ первомъ томѣ 2-й серии (Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, Tom. I. Ad annum 1747 et 1748. Petropoli 1750, in 4°), Ломоносовъ помѣстилъ четыре физико-математическія статьи (Dissertationes physico-mathematicae): ²⁾

Meditationes de caloris et frigoris causa, стр. 206—229. (О причинѣ теплоты и стужи. Рассужденія М. Л.—ва. См. Содержаніе, стр. 60—62).

Tentamen theoriae de vi aëris elastica, стр. 230—244. (Рассужденіе о упругости воздуха, которое предлагаетъ М. Л. См. Содерж., стр. 62 и 63).

Supplementum ad meditationes de vi aëris elastica, стр. 305—312. (Къ рассужденію о упругости воздуха прибавленіе М. Л.—ва. См. Содерж., стр. 67).

Dissertatio de actione menstruorum Chymicorum in genere, стр.

---

¹⁾ См. «О болонской перепечаткѣ Комментариевъ Академіи Наукъ» (Уч. Зап. Акад. Н. по I и III Отд. Томъ III. 1855, стр. 747—749).

²⁾ Въ началѣ тома былъ помѣщенъ краткій латинскій перечень (Summarium) всѣхъ диссертаций, который изданъ былъ и на рускомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Содержаніе ученыхъ рассужденій И. Академіи Наукъ, изданныхъ въ первомъ томѣ Новыхъ Комментариевъ послѣ всеобщей апробаціи отъ Е. И. В. новаго Академическаго Регламенту, in-4°. Какъ латинскій текстъ, такъ и русскій переводъ содержанія рассужденій Ломоносова очевидно написаны имъ самимъ.

246—266. (О химическихъ растворахъ во обще. Рассужденіе М. Л—ва. См. Содерж., стр. 63 и 64).

De motu aëris in fodinis observato, стр. 267—275. (О движеніи воздуха, которое въ рудокопныхъ ямахъ пригбчено М. Л—вымъ. См. Краткое Содерж., стр. 64).

Мы не станемъ говорить здѣсь о томъ, какъ этотъ первый томъ новой серіи былъ принятъ ученою Европою. Очень распространенный въ то время журналъ, издававшійся берлинскимъ академикомъ Сам. Формеемъ и другими учеными подъ заглавіемъ «Nouvelle Bibliothèque germanique». (A Amsterdam. Tome VIII-me 1751), прежде всего отзывался о немъ. Но вскоре послѣ того въ Германіи появились возраженія, въ особенности противъ диссертаций Ломоносова. На сколько они основательны, мы предоставляемъ судить специалистамъ по части точныхъ наукъ. Возраженія перваго противника возбуждаютъ некоторое подозрѣніе, потому что они вышли изъ-подъ пера безымяннаго рецензента. Это былъ авторъ рецензіи о первомъ томѣ Новыхъ Академическихъ Комментаріевъ, полкѣнникой въ 1752 году въ лейтенискомъ критическомъ журналѣ естественныхъ наукъ и медицины ¹⁾. Въмѣстѣ съ этой рецензіей, или независимо отъ нея, явились потомъ еще и другіе, не составя благоприятные для Ломоносова, отзывы о запискахъ его, въ Медицинской Библиотекѣ Фогеля ²⁾ и въ Гамбургскомъ Магазины ³⁾. Ломоносовъ, который отъ природы не любилъ возраженій и до того времени былъ немного избалованъ лестными для него отзывами и похвалами, не могъ вынести разразившейся надъ нимъ критики. Въ засѣданіи Академіи отъ 22 августа 1754 года онъ объявилъ, что лейтенискій рецензентъ дурно понялъ его и приписалъ ему такія мнѣнія, которыхъ онъ не можетъ признать своими. Намѣреніе Ломоносова напечатать антикритику, прочтенную имъ въ засѣданіи, было одобрено его товарищами ⁴⁾. Но прошло несколько мѣсяцевъ прежде нежели онъ исполнилъ это намѣреніе. Ломоносовъ въ то время уже погрузился въ мозаику, работалъ надъ мозаичнымъ портретомъ Петра Великаго, сочинялъ похвальную рѣчь на императора, и подготавливалъ обширные матеріалы къ обработкѣ новаго предмета — древне-русской исторіи. Эти новыя занятія успѣли его завлечь до такой степени, что 18 августа онъ даже изъявилъ

¹⁾ Commentarii de rebus in scientia naturali et Medicina gestis. Voluminis I Pars I. Lipsiae 1752. (Отзывъ о Лом—овѣ на стр. 222—227).

²⁾ R. A. Vogel's medicinische Bibliothek.

³⁾ Hamburgisches Magazin.

⁴⁾ Матеріалы, собранные П. Билярскимъ, стр. 278.

готовность уступить свое мѣсто по части земли другому ученому, который будетъ вызванъ изъ-за границъ. Но векоръ послѣ того онъ узналъ, что противъ теоріи его о теплотѣ возникла новая оппозиція и притомъ въ такой формѣ, которая совершенно отличалась отъ критическихъ приѣмовъ прежнихъ рецензентовъ.

Молодой нѣмецкій магістръ Іоаннъ Христонфъ Арнольдъ, желая занять мѣсто доцента физики при Эрлангенскомъ университетѣ, 12 октября 1754 года защищалъ напечатанную имъ диссертацию о невозможности объяснить теплоту посредствомъ коловратнаго движенія частей тѣла вокругъ ихъ осей ¹⁾. Уже самое заглавіе показываетъ, что авторъ этой диссертации хотѣлъ доказать несостоятельность теоріи русскаго академика. Ломоносовъ узналъ объ этомъ въ первый разъ изъ отчета о диспутѣ, напечатаннаго въ Гамбургскомъ Корреспондентѣ ²⁾, и въ его даже обвиняютъ въ неосторожности и требуютъ отъ него рѣшенія какихъ-то задачъ. Вся статья вообще была, какъ казалось, рассчитана на возбужденіе молодого магістра въ ущербъ опытному естествоиспытателю. Ломоносовъ потерялъ терпѣніе. Раздраженный рядомъ последовавшихъ на него нападеній, онъ при своемъ холерическомъ темпераментѣ тутъ, какъ и при другихъ случаяхъ, угодилъ передъ собою цѣлую фалангу враговъ, которая по тайному знаку неблагонамѣреннаго челоука, словорилась между собою затоптать его въ грязь. Онъ рѣшился посчитаться прежде всего съ первымъ своимъ оппонентомъ, но самъ не зналъ, какъ взяться за это дѣло. На этотъ разъ въ немъ замѣтна какая-то перышительность въ отноше- ній къ его противникамъ.

Желая сообщить свою антикритику заграничнымъ ученымъ, онъ рѣшился обратиться къ Эйлеру, который еще въ Петербургѣ принималъ участіе въ просмотрѣ его студентскихъ диссертаций (см. выше стр. 354) и, по утвержденію его въ званіи профессора землѣ, отдавалъ полную справедливость его талантамъ и трудамъ. Если и не ось, то по крайней мѣрѣ нѣкоторая изъ упомянутыхъ четырехъ диссертаций въ первомъ томѣ Новыхъ Комментаріевъ Эйлера читалъ въ Берлинѣ въ рукописи и одобрилъ ихъ въ письмѣ ³⁾ къ Шумахеру или къ пре-

¹⁾ De calore motu particularum corporis eoque rotatorio circa axes utique explicando. Erl. 1754.

²⁾ Статья, помѣщенная въ Гамб. Корреспондентѣ, напечатана съ черноваго перевода, хранящагося въ архивѣ бывшей академ. Канцеляріи въ Матеріалахъ, собр. П. Вилларскимъ, стр. 781. Ср. стр. 783.

³⁾ Сборникъ П. С. Вилларскаго, стр. 77. (Toutes ces piéces sont non seulement bonnes etc). Отзывъ Эйлера былъ написанъ, вероятно, послѣ 1746 г. Онъ тоже письмо Ломоно- сову къ Эйлеру, отъ 28 ноябр. 1754 и ср. Дополнительные извѣстія для біографіи Ломоносова, П. Пекарскаго въ Зап. Акад. Наукъ (Томъ VIII).

зиденту Академіи, графу Разумовскому. Подъ конецъ 1754 г. Ломоносовъ отправилъ свою антикритику на латинскомъ языкѣ къ Эйлеру при слѣдующемъ, очень характеристическомъ письмѣ отъ 28 ноября ¹⁾.

«Virò celeberrimo doctissimo in Regia scientiarum Academia Berolinensi summo atque incomparabili Mathematico atque Directori, Caesariae Academiae Scientiarum Petropolitanae et Societatis Regiae Londinensis Membro dignissimo, Michael Lomonosow S. P. D.»

Хотя о многомъ хотѣлъ бы я въ этомъ письмѣ извѣститъ Васъ, въ особенности же сообщить Вамъ мысли мои о происхожденіи цвѣтовъ, но по краткости времени я долженъ спѣшить Похвальнымъ Словомъ Петру Вашиному, которое долженъ буду произнести 18 декабря. Къ тому же меня тревожитъ наглость рецензентовъ, которые съ язвительностью Теона наперерывъ терзаютъ ²⁾ мои разсужденія, тогда какъ они Вами разсмотрѣны и одобрены многозначащимъ приговоромъ Вашимъ ³⁾. Конечно Вамъ, какъ свѣдущему человѣку, не неизвѣстно, что издатель лейпцигскаго Журнала по естественнымъ наукамъ и медицинѣ, не столько изъ любви къ наукѣ, сколько изъ недоброжелательства, напалъ на мои неусынные труды, и непонявъ ихъ, жестоко отдѣлалъ. Посылаю на Ваше проницательное разсмотрѣніе самое очевидное доказательство его злобы и тупости, и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительнѣйше прошу: подобно тому, какъ Вы съ особенною благосклонностію оказали мнѣ помощь въ моемъ отечествѣ, не поскучайте защитить меня своимъ покровительствомъ въ чужихъ странахъ. Примѣръ вышеозначеннаго рецензента увлекъ многихъ другихъ, и они съ яростию возстали противъ меня, — именно: какой-то Фогель въ своей Медицинской Библіотекѣ, также издатель Гамбургскаго Магазина, и нѣкто Арнольдъ изъ Эрлангена, о диссертациі котораго я недавно читалъ благоприятный отзывъ въ Гамбургской газетѣ. Все это заставляетъ меня не безъ причины подозрѣвать, что тутъ кроется змѣя подъ травой и что столь незаслуженныя и оскорбительныя клеветы

¹⁾ Латинскій текстъ письма съ припискою на нѣмецкомъ языкѣ отпечатанъ Вилларскимъ на стр. 782. Подлинникъ находится въ числѣ бумагъ Эйлера, подаренныхъ Академіи семействомъ бывшаго секретаря П. Н. Фуса.

²⁾ Фраза: Theonino dente dilaniare взята изъ Посланий Горція (I, 18, стихъ 82: dente Theonino circumrodere. Ср. II, 1 ст. 150: cruento dente lacessere.) Теонъ сдѣлался изъ этого своиими подлыми выходками.

³⁾ Стало быть, не раньше 1748 г., потому что первый томъ Новыхъ Комментаріевъ содержитъ въ себѣ Диссертациі, прочитанныя въ Конференціи въ 1747 и 1748 годахъ.

распространяются коварствомъ какого-то заклятаго моего врага ¹⁾. Итакъ, если Вы, по своей благосклонности, не погнушаетесь помочь мнѣ, я нахожу самымъ удобнымъ къ тому способомъ, чтобы предложенное здѣсь опроверженіе (которое предоставляю на Вашъ позволеніе измѣнить и, можетъ быть, смягчить) студентъ какого-либо университета по напечатаніи его публично защитилъ (какъ въ Эрлангенѣ былъ противъ меня диспутъ Арнольда); послѣ же можно будетъ помѣстить въ ученомъ журналѣ разборъ этого труда противъ враждебныхъ нападеній. Издержки напечатанія мною будутъ сполна возвращены. Впрочемъ настоящее возраженіе мое можетъ быть издано въ формѣ программы подъ чужимъ именемъ. Между тѣмъ предупреждаю Васъ, что здѣсь въ Петербургѣ никто не знаетъ и знать не будетъ объ этихъ предположеніяхъ моихъ: почему и Васъ покорнѣйше прошу, чтобъ все это исполнено было втайнѣ. Подозрѣваю, что и здѣсь примануть немаловажное участіе въ нанесеніи мнѣ такого оскорбленія. Это благодѣяніе Ваше останется вѣчнымъ залогомъ дружбы нашей; я съ своей стороны никогда не престану со всею искренностію поддерживать ее и давать Вамъ всевозможные знаки моей благодарности. Будьте здоровы и по прежнему расположены ко мнѣ. Спб. 28 ноября 1754 (по стар. календ.).

Взглядъ Эйлера на нападенія, которымъ подвергся Ломоносовъ, мы узнаемъ изъ письма его къ Миллеру отъ 31 декабря 1754 года ²⁾:

«... Господ. совѣтникъ Ломоносовъ писалъ ко мнѣ по поводу нелѣпныхъ критикъ на его сочиненія. Меня это дѣло тѣмъ менѣе удивляетъ, что я уже привыкъ видѣть, какъ жестоко всѣ мои сочиненія и изданія здѣшней (Берлинской) академіи отдѣляются лейпцигскими и гамбургскими рецензентами, въ чемъ немалое участіе принимаетъ, какъ кажется, г. Кестнеръ ³⁾, не утѣшительный держать въ уздѣ своего сатирическаго духа. Волноваться изъ-за этихъ людей значило бы тратить попустому время, тѣмъ болѣе, что они еще чваются, когда видятъ, что на нихъ досадуютъ. Но г. Формей хочетъ защитить г. Ломоносова въ своемъ журналѣ. Можно бы сверхъ того въ слѣдующемъ томѣ Комментаріевъ помѣстить предостереженіе, чтобы публика не довѣряла такъ называемымъ ученымъ вѣдомостямъ».

¹⁾ Ср. Сборникъ П. Биллярскаго, стр. 489 (5) и Дополнительныя извѣстія для біографіи Лом-ва, П. Пекарскаго.

²⁾ Нѣм. подлинникъ помѣщенъ въ Матеріалахъ П. Биллярскаго, стр. 279.

³⁾ Проф. Кестнеръ (Abraham Kästner), известный математикъ и сатирикъ того времени, переселился въ 1756 г. изъ Лейпцига въ Геттингенъ.

11 февраля 1755 года Эйлеръ отозвался и Домоновосу, который далъ перевести этого отъѣтъ на французскій языкъ, и безъ согласія Эйлера помѣстивъ его въ петербургскомъ журналѣ *Caméléon*, издаваннъ псевдонимнаго барона Чуди (le chevalier de Lussy), который одно время занималъ какую-то должность у И. И. Шувалова или исполнялъ извѣстнаго рода порученія его, и между прочимъ перевелъ также на французскій языкъ, хотя плохо, *Похвальное Слово Домоновоса Петру Великому*. Помѣщаясь отъѣтъ Эйлера, какъ онъ напечатанъ въ *Хамелеонѣ*¹⁾:

«Милостивый государь мой и другъ!

«Недобросовѣстность и слогъ нѣмецкихъ газетчиковъ мнѣ очень хорошо извѣстны и нисколько не трогаютъ меня: я самъюсь, видя, какъ они терзаютъ и стараются уронить прекраснѣйшія сочиненія. Безъ сомнѣнія, они думаютъ составить себѣ имя, выдавая себя за критиковъ, или по крайней мѣрѣ надѣются обмануть несвѣдущихъ, и говоря рѣшительнымъ тономъ о предметахъ даже вовсе имъ недоступныхъ, хотятъ прославиться блескомъ мнимой учености. Я видалъ, съ какою наглостью они называли пустяками самыя серьезныя вещи. Наша Академія сама испытала это: ея мемуары критиковались подобными писателями, между которыми первенствуетъ лейпцигскій профессоръ Кестнеръ, какъ бы руководящій всѣми литературными извѣстіями Лейпцига, Геттингена и Гамбурга. Тщетно старался прекратить этотъ произволъ; кончившійся къ тому новытки только еще раздражали сатиру и усиливали ея нападенія. Я всегда буду того мнѣнія, что надобно презирать подобныя статьи; такимъ жалкимъ писакамъ было бы слышкомъ много чести, еслибъ они увидѣли, что ихъ неправдами оскорбляютъ. Вотъ почему я никогда не читаю этого рода литературныхъ извѣстій и не видѣлъ ни одного изъ тѣхъ, на которыя вы, милост. гос., такъ справедливо жалуетесь. Кто смотритъ на вещи не поверхностно и знаетъ имъ цѣну, не долженъ принимать къ сердцу сужденія, столь пустыя и противныя очевидности. Всякій знаетъ, что появившіеся до сихъ поръ физическіе трактаты о причинахъ тепла еще не разъяснили вполнѣ этого предмета, и занимающіеся его изслѣдованіемъ заслуживаютъ величайшей похвалы. Васъ, м. г., нельзя не благодарить за то, что вы разъяснили мракъ, по-

¹⁾ № 20. Le Caméléon littéraire, Tome II. Par l'Autheur du Philosophe au Parnasse. Du jeudi 18 Mai, 1755. Imprimé à St.-Petersbourg. Французскій переводъ письма Эйлера былъ напечатанъ П. Вилярскимъ, стр. 784—785. Объ издателѣ *Хамелеона* см. Зап. Акад. Н. (1865). Томъ VI, 308. Ср. выше Часть I стр. 204 и отъѣтъ Дом-ва въ Хронол. Таблицѣ годѣ 1755 г.

крывавшій доселѣ этотъ вопросъ¹⁾. Я не считаю особенно нужнымъ устроить въ защиту Вашу, какъ вы предлагали, академическій диспутъ, который вѣроятно остался бы неизвѣстнымъ и подвергся бы участи столькихъ другихъ, не сообщаемыхъ публикѣ. Между тѣмъ я передаю, м. г., Вашъ мемюаръ нашему сочлену, г. профессору Формею, который мнѣ обѣщаль помѣстить Вамъ возраженіе во французскомъ журналѣ, что будетъ, какъ мнѣ кажется, единственнымъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ защиты. Думаю, что Вы признаете также умѣстнымъ напечатать въ которомъ-нибудь томѣ Комментаріевъ предостереженіе публикѣ, чтобъ она впредь не довѣряла подобнымъ рецензіямъ, по большей части лживымъ и превратнымъ. Не худо бы присоединить къ тому нѣсколько презрительныхъ выходовъ противъ такихъ критиковъ: это для нихъ было бы чувствительнѣе серьезнаго опроверженія. . . .»

Нескорбность Ломоносова оскорбила Эйлера, но онъ остался при своемъ мнѣніи о рецензентахъ, какъ это видно изъ писемъ его къ Миллеру и Шумагеру, отъ 5 іюля 1755 г. 2).

«... Совсѣмъ другое дѣло — сочиненіе г. Ломоносова о причинѣ тепла: все, что другими было говорено о томъ, нелѣпо или неосновательно и потому весьма далеко отъ достовѣрнаго объясненія; возраженія же противниковъ доказываютъ съ одной стороны, что они его мысли не поняли, а съ другой обличаютъ ихъ грубое невѣжество: они хотѣли увѣрить читателей, будто этотъ предметъ другими уже разсмотрѣнъ лучше и гораздо основательнѣе. Тѣмъ не менѣе мнѣ очень больно, что г. Ломоносовъ напечаталъ мое письмо въ Хамелеонѣ, ибо хотя всѣмъ извѣстно, что г. Кестнеръ большой охотникъ до насмѣшекъ и надѣется возвысить свои маленькія заслуги, унижая другихъ, однакожъ я вовсе не желаю изъ-

1) Этотъ отрывокъ былъ переведенъ около 1760г. самимъ Лом-омъ и помѣщенъ въ переизданіи Дамаскинскаго изданія (Собраніе разныхъ сочиненій и въ прозѣ М. В. Лом-ва. Изданіе новое исправленное. Ч. I. Въ Спб. въ типографіи Шнора, 1803 года. in-8°, стр. XVII). Мы здѣсь сообщаемъ это мѣсто такъ, какъ оно находится въ академической рукописи (№ 112; см. ниже Хронолог. Таблицу подъ 1754 г.)

«Dahero die Bemühungen derjenigen, welche darüber arbeiten, jeder Zeit groszes Lob verdienen. Um so viel mehr muss man also Ew. Wohlг. verbunden seyn, dasz Dieselben diese grosze Frage aus der Dunkelheit entriszen und einen glücklichen Anfang zu Erörterung derselben gemacht haben».

«Того ради стараніе тѣхъ, которые въ семъ дѣлѣ трудятся, всегда великую похвалу заслуживаютъ. Тѣмъ больше должно Вамъ имѣть обязательства, что Вы сей великой вопросъ изъ тьмы исторгнули и положили счастливое начало къ его изъясненію».

2) Нѣм. подлинникъ напечатанъ въ *Матер. II. Биллярскаго, (стр. 296)*.

за этого съ нимъ ссориться: еслибъ Хамелеонъ только опустилъ имя *Кестнеръ* и поставилъ *Проф...*, то для Ломоносова было бы все равно, а меня бы это избавило отъ неприятности. Впередъ, когда мнѣ случится писать къ такимъ людямъ, буду осторожнѣе и отложу въ сторону всякую откровенность».

Къ Шумахеру же Эйлеръ писалъ слѣдующее:

«Г. Ломоносовъ оказалъ мнѣ плохую услугу, давъ нанечатать въ Хамелеонѣ письмо мое, которое я дружески написалъ къ нему: еслибъ онъ опустилъ только имя проф. Кестнера или означилъ его точками, какъ въ подобныхъ случаяхъ часто дѣлается, то это не стоило бы и вниманія. Такъ какъ однакожъ справедливость того, что мною написано, очевидна, и г. Кестнеръ, какъ извѣстно, старается возвысить себя, унижая другихъ, то ему приходится смолчать, а тѣ, на кого онъ нападалъ, будутъ радоваться его невзгодѣ. Между тѣмъ я буду остерегаться такихъ господъ и впредь въ письмахъ моихъ не слишкомъ увлекаться откровенностью».

Берлинскій академикъ Формей исполнилъ свое обѣщаніе и помѣстилъ всю статью Ломоносова во французскомъ переводѣ въ Nouvelle Bibliothèque Germanique ou Histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse, et des Pays du Nord. Tome seizième. Seconde Partie. A Amsterdam 1755, p. 343—366. Одинъ оптикъ съ нея онъ послалъ 27 мая къ Ломоносову при письмѣ, сохранившемся въ извлеченіи съ собственноручнымъ переводомъ Ломоносова ¹⁾. Помѣщаямъ здѣсь то и другое.

«Comme je suis parfaitement disposé de Vous obliger en tout ce qui peut dépendre de moi, je me suis acquitté de cette tâche et je Vous envoie ci-joint les feuilles de mon journal, où cette pièce est imprimée. Il étoit naturel de défendre une aussi bonne cause que la Votre contre des accusateurs si injustes».

«Какъ я желаю Вамъ сдѣлать обязательство во всемъ, что отъ меня зависитъ, я то исполнилъ и посылаю Вамъ при семъ листки изъ моего журнала, гдѣ оная диссертация напечатана. Сіе было должность, чтобы защитить толь праведное Ваше дѣло отъ такихъ неправедныхъ поносителей».

Въ письмѣ своемъ къ Эйлеру Ломоносовъ выразилъ желаніе, чтобы антикритика его напечатана была за границею безъ его имени, а между тѣмъ въ отчетѣ о занятіяхъ своихъ въ теченіе 1755 года по части физики самъ говоритъ о ней:

«Сочинилъ Диссертацию о должности Журналистовъ, въ которой

¹⁾ Ср. выше стр. 508 прим. 1 и изданіе сочиненій Лом-ва, вышедшее въ 1803 г. въ 8-ю дол., стр. XVII.

опровергнуты все критики, учиненныя въ Германіи противъ моихъ Диссертаций, въ Комментаріяхъ напечатанныхъ, а особливо противъ новыхъ теорій о теплотѣ и стужѣ, о химическихъ растворахъ и упругости воздуха. Оная Диссертация переведена Господиномъ Формеємъ на Французскій языкъ и въ Журналь, называемомъ: Нѣмецкая Библиотека (Bibliothèque germanique), на томъ языкѣ напечатана.»

Хотя замѣтка эта уже давно была напечатана¹⁾, но долгое время никто не принималъ на себя труда отыскать упомянутую въ ней статью «о должности журналистовъ». Правда, что въ общественыя библиотекахъ Петербурга долго не было амстердамскаго журнала, экземпляръ котораго поступилъ въ Публичную Библиотеку лишь въ 1862 году изъ бывшей Эрмитажной Библиотеки. Значеніе этой статьи не укрылось отъ вниманія издателя «Матеріаловъ» (стр. 302), но множество друиыхъ источниковъ не позволило ему исключить ее въ свой сборникъ. Вскорѣ послѣ того Я. К. Гротъ обратилъ на нее вниманіе и рѣшился перевести этотъ замѣчательный отзывъ Ломоносова о журналистскихъ тогдашнихъ временахъ. Извлеченія изъ этого отзыва онъ сообщилъ въ своей Речи, всю же статью и переводъ писемъ Эйлера отдалъ мнѣ для помѣщенія въ этотъ Сборникъ. Не переведена только та часть отзыва, которая имѣетъ особый интересъ для спеціалистовъ. . . Такъ какъ русскій переводъ не могъ быть отданъ съ латинскаго подлинника, то мы сочли не лишнимъ перепечатать здѣсь и французскій текстъ изъ амстердамскаго журнала, едва-ли доступнаго для мнѣ, живущихъ въ Петербурга.

Важность этого документа несомнѣнна. Можетъ быть, онъ послужитъ къ тому, что наконецъ хоть когда-нибудь обстоятельно рассмотрѣтъ будетъ вопросъ, какое мѣсто Ломоносовъ занимаетъ въ изученіи естественныхъ наукъ своего времени. Мнѣнія по этому предмету различны, но это не должно намъ казаться страннымъ. Хотя къ исторіи разныхъ отраслей естественныхъ наукъ въ настоящее время относятся уже не такъ равнодушно, какъ прежде, но только изрѣдка являются ученые, которые при полномъ знаніи своего предмета и обширной литературы его, въ то же время знакомы съ настоящими историческими пріемами и умѣютъ изучать умственную связь между различными просвѣщенными народами. Въ глазахъ значительнаго большинства естествоиспытателей исторія ихъ предмета не имѣетъ ни малѣйшаго интереса. Они едва допускаютъ, чтобы она, даже бывъ хорошо изложена, могла служить отличнымъ пособіемъ къ введенію въ эту область видѣнія, особенно для молодыхъ ученыхъ.

¹⁾ Ид. Смидина I, стр. 733. Ср. Матеріалы, изданныя П. Бяляскимъ стр. 302.

Историкъ смотритъ на это иначе: для него исторія науки служитъ средствомъ къ ясному пониманію не только умственному, но и нравственному развитію отдельныхъ народовъ, а следовательно и всего человечества. Что касается въ этотъ случай Ломоносова, то историкъ а priori ютовъ предположить, что ученый съ такими необыкновенными дарованіями никакъ не могъ быть только посредственнымъ дѣятелемъ въ области своей специальности: физики и химіи. Но спрашивается, насколько труды его были важны въ то время или сами по себѣ, или по своему вліянію на друицъ. Вопросъ этотъ, конечно, можетъ быть рѣшенъ только тогда, когда подробно будетъ указана связь, въ какой наблюденія и открытія его находятся съ трудами ближайшихъ его предшественниковъ и преемниковъ. Ломоносовъ самъ утверждалъ, что нѣкоторые научные выводы сдѣланы имъ впервые и независимо отъ наблюденій друицъ ученыхъ. Это совпадало бы съ отзывами Эйлера, сила котораго, правда, нѣсколько уменьшилась бы, если допустить, какъ это уже было замѣчено, что въ половинѣ 18 столѣтія естествоиспытатели еще не держались строгой научной методы и потому нерѣдко отличались «фантазерствомъ». Если со временемъ дѣйствительно окажется, что Ломоносовъ, какъ естествоиспытатель, не имѣлъ вліянія на развитіе науки своего времени, то намъ въ этотъ отношеніи придется отдать справедливость привовару Шлеиера, основанному на отзывахъ современныхъ естествоиспытателей. Охотно допускаемъ, что Шлеиеръ не совсемъ хорошо зналъ своего антагониста, что онъ не умѣлъ достаточно оценить громадную услугу, оказанную Ломоносовымъ русскому образованію, и въ некоторыхъ случаяхъ даже позволилъ себѣ высказать совершенно ложныя обвиненія, утѣряя напр., что Ломоносовъ едва ли имѣлъ понятія о существованіи византійскихъ мѣтописцевъ! Но въ то же время положительно известно, что по смерти Ломоносова Шлеиеръ желалъ отдать ему полную справедливость, какъ интеллектуальной знаменитости. Сдѣланная мною жимогодомъ замѣтка (Сборникъ, ч. I, стр. 212) побудила профессора Любимова обратить вниманіе на одно мѣсто въ автобіографіи Шлеиера (Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ. См. Русскій Вѣстникъ. 1865. Томъ 56, стр. 404), которое мы перепечатываемъ здѣсь съ прибавленіемъ еще одного мѣста, въ надеждѣ, что оно побудитъ друицъ къ ближайшему разъясненію вышеупомянутого вопроса.

«Ломоносовъ былъ истинный геній, который могъ бы сдѣлать честь всему сѣверному полюсу и Ледовитому морю, и дать новое доказательство того, что геній не зависитъ отъ широты и долготы. Онъ такъ поздно поднялся отъ Двинскаго острова и все-таки въ

десять послѣдующихъ лѣтъ приобрѣлъ столько разнообразныхъ свѣдѣній».

«Онъ творецъ новой русской поэзіи; онъ же первый писалъ русскою прозою съ свойственною ей силой и могуществомъ. Благодарное отечество наградило его; его кліенты, пользозавѣщавшіеся его значеніемъ, чтобъ водвигаться впередъ, обоготворили его и пѣли, что «Цицеронъ и Virgilій соединились въ этомъ мужѣ изъ Холмогоръ»¹⁾). Это испортило его. Его тщеславіе выродилось въ какую-то дикую гордость, вслѣдствіе которой онъ сдѣлался несноснымъ всѣмъ людямъ (?!), особенно своимъ подчиненнымъ²⁾). Именно это высокое мнѣніе о себѣ соблазнило его предаться изученію множества самыхъ разнородныхъ предметовъ. Останься онъ при своихъ двухъ или трехъ специальностяхъ, онъ, вѣроятно, сдѣлался бы въ нихъ великимъ; но, раздробивши свои силы, онъ даже въ своихъ специальныхъ предметахъ остался посредственнымъ, хотя во всѣхъ считалъ себя превеликимъ...»

Имеется ли статья Ломоносова о должности журналистовъ значеніе для современной журналистики и какое? Предоставляя рѣшить это другимъ, мы не можемъ не высказать одно замѣчаніе, къ которому подошло намъ ближайшій поводъ чтеніе статьи 1754 года. Исторіку всего менѣе было бы простительно не сознавать, что періодическая литература, особенно со времени первой французской революціи благотворно дѣйствовала на весь народъ, призваніе къ участію въ рѣшеніи общечеловѣческихъ задачъ. Противникъ этимъ убѣжденіямъ историкъ-спеціалиста и отдають полную справедливость всѣмъ тѣмъ, которые, избравъ карріеру журналиста добровольно и безъ низкихъ расчетовъ, посвящаютъ и истощаютъ свои силы на пользу общественнаго образованія. Но въ противоположность такому взгляду на высокое призваніе журналистовъ, періодическую литературу также обвиняють въ тлоскихъ прѣзрѣхъ. По мнѣнію многихъ спокойныхъ наблюдателей, все то, чѣмъ составляетъ дурную сторону журналистики, особенно ежедневной, пустило такіе глубокіе корни въ большинствѣ

¹⁾ Шадцерь впрямую намекаетъ на стихи, приписываемые проф. Поповскому и напечатанные подъ портретомъ Лом-ва, въ московскомъ изданіи его сочиненій, 1757 года (см. выше стр. 389):

Что въ Римѣ Цицеронъ и что Virgilій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вѣстилъ.

²⁾ Ср. выше на стр. 387 отзывъ челоуѣка, искренно преданнаго Лом-ву: Правственный характеръ: Мужиковать; съ низшими и въ семействѣ суровъ... .

ев представителей, такъ заметно задерживаетъ распространѣнiе основательнаго образованiя, дѣйствуетъ такъ пагубно на развитiе нравственнаго характера молодежи и вообще несамостоятельныхъ людей, что современному обществу и слѣдующимъ поколѣнiямъ предстоитъ великая задача энергически противодействовать этому зло-среднему направленiю.

Но какъ примѣяться за выполненiе этой задачи? Административная журн., часто предлагаемая пессимистами, оказывается въ этомъ отношенiи не совсѣмъ удобными, какъ это уже давно признано исторiею *). Тутъ главнымъ образомъ все зависитъ отъ самаго членова образованнаго общества. Возьмемъ для примѣра вопросъ о безымянности журнальныхъ статей. Никто такъ горячо не настаиваетъ на началѣхъ гласности по всѣмъ общественнымъ вопросамъ, какъ представители публицистики. А между тѣмъ кто наиболее сознательно встѣпляетъ противъ этого самаго начала? Журналисты, конечно, приводятъ въ свое оправданiе разные побудительныя причины; но люди, посвященные въ тайны ежедневныхъ или ежемѣсячныхъ журнальныхъ работъ, уже неоднократно доказывали, что безымянность — если и не исключительно, то нередко, прибавимъ мы съ своей стороны — служитъ только средствомъ, чтобы прикрыть или незрѣлое знанiе предмета, о которомъ пишутъ и судятъ, или самовосхваленiе, или какое нибудь коммерческое дѣло, или личную мечь и вообще страсть къ грубой брани, непримѣнной между образованными людьми. Последнее явленiе, какъ было сказано недавно, особенно заметно у литературныхъ судей, у которыхъ слова «критикъ» и «другель» считаются синонимами.

Но какъ бы несправедливо ни было за отдѣльныя явленiя и злоупотребленiя осуждать всю журналистику и всѣхъ журналистовъ, все таки за примѣрами несостоятельности газетъ и журналовъ предъ судомъ безпристрастныхъ людей теперь также идти не далеко, какъ во время Домосова. При чтенiи статьи его невольно припоминаемъ прiемы, къ которымъ въ теченiе нынѣшняго года прибѣгаемъ авторы различныхъ статей о Домосовѣ. Затронуты были всевозможныя тона, начиная отъ эпическаго склада до журнальнаго цинизма. Грубые выходы, наполненныя площадными выраженiями противъ разныхъ лицъ и противъ учрежденiя, въ которомъ Домосовъ совершилъ свои умственные подвиги; клеветы, умышленное умалчиванiе неопровержимыхъ фактовъ и искаженiе многихъ другихъ, все это всплывало въ та-

*) Припомнимъ распоряженiе Наполеона III, по которому каждая сколько-нибудь самостоятельная газетная статья должна была имѣть подпись ко-либо изъ редакторовъ или сотрудниковъ журнала.

поль почти неуровнило видѣ и мнѣнствѣ, что содѣланіе естѣственно этихъ статей составило бы преоригинальнѣйшій сборникъ и представляло бы богатѣйшій матеріалъ для характеристики нынѣшней журналистики и критики. Мы нарочно воздерживаемся отъ перечисленія по отдельности естѣственно подобныя статей, рѣчей и критикъ, но не можемъ не замѣтить, что въ 1965 году съ трудомъ повстрѣли, чтобы сто лѣтъ послѣ смерти Ломоносова сочинялись о немъ подробныя біографическія статьи и торжественныя рѣчи на основаніи историческаго романа, напечатаннаго Кс. Полевымъ въ 1836 году ¹⁾! При пересмотрѣ всего этого напыльва брошюры, рѣчей, стихотвореній и критикъ о Ломоносовѣ, появившіяся въ теченіе нынѣшняго года, оказывается, что въ большей части ихъ являются два Ломоносова, — идеальнѣйшій и мнѣнческій, но ни одинъ изъ нихъ, въ сущности, не похожъ на историческаго Ломоносова. Последнему и въ голову не приходило считать научныя знанія достояніемъ известной касты, но при всемъ севебѣ убѣжденіи, что строго-научная дѣятельность не можетъ составлять призваніе многихъ лицъ, онъ требовалъ въ то же время, чтобы доступъ къ ней былъ облегченъ, на сколько это возможно, всему обществу. Въ этомъ отношеніи ему столько же противны были эгоистическое равнодушіе государственныя сановниковъ и большей части его товарищей, сколько легкомысленный образъ дѣйствій многихъ журналистовъ и потому онъ смѣлъ себя въравъ сказать: «Журналистъ свѣдущій, принципиальнѣйшій, справедливый и скромный сдѣлается чѣмъ-то въ родѣ феникса».

¹⁾ Лейно можетъ стать, что мы со временемъ еще встрѣтимъ курьезныя біографическія извѣстія о Ломоносовѣ во французскихъ энциклопедіяхъ и т. д., потому что брусельскій журналъ *Le Nord* не замедлилъ въ нѣсколькихъ нумерахъ помѣстить извлеченія изъ одной такой фантастической біографіи Ломоносова, авторъ которой, уболевши послѣдовать примѣру другихъ честныхъ людей, не выставилъ подъ нею своей фамиліи.

Приписка. Вся наша статья была уже набрана, когда мы познакомились съ рѣчью г. Булича (Къ столѣтней памяти Лом-ва. Казань. Изъ Уч. Зап. Каз. Унив. 1865 года) и съ статьею другаго разсудительнаго автора. Есть теперь надежда, что времяобразъ въ отношеніи къ Лом-ву (см. I, стр. LV1) уже не вернется.

О ДОЛЖНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВЪ

ВЪ ВЪЗЛОЖЕНІИ ИМЪ СОЧИНЕНІЙ, НАЗНАЧЕННЫХЪ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНІЯ
СВОБОДЫ РАЗСУЖДЕНІЯ.

Всякій знаетъ, какъ стали значительны и быстры успѣхи наукъ съ тѣхъ поръ, какъ было сброшено иго рабства и мѣсто его заступила свобода сужденія. Но нельзя не знать также, что злоупотребленіе этой свободы было причиною весьма ощутительныхъ золъ, число которыхъ однакожь далеко не было бы такъ велико, еслибъ большая часть пишущихъ не смотрѣла на свое авторство, какъ на ремесло и на средство къ пропитанію, вмѣсто того чтобъ имѣть въ виду точное и основательное изслѣдованіе истины. Оттого-то происходитъ столько излишне смѣлыхъ выводовъ, столько странныхъ системъ, столько противорѣчивыхъ мнѣній, столько заблужденій и негѣпостей, что науки были бы давно подавлены этой грудой хлама, еслибъ ученые общества не старались соединенными силами противодѣйствовать такому бѣдствію. Только что люди замѣтили, что въ потокѣ литературы смѣшаны истина съ ложью, вѣрное съ невѣрнымъ, и что наука подвергается опасности лишиться всякаго довѣрія, если она не будетъ выведена изъ этого положенія, — образовались общества ученыхъ и учреждены были какъ бы литературныя судилища для оцѣнки сочиненій, съ тѣмъ чтобы отдавать каждому автору справедливость на основаніи самыхъ точныхъ началъ естественнаго права. Таково же происхожденіе академій и обществъ, завѣдывающихъ изданіемъ журналовъ. Первые наблюдаютъ, чтобы до выхода въ свѣтъ сочиненія ихъ членовъ повергались строгому разсмотрѣнію, которое не допускало бы примѣся заблужденія къ истинѣ, не позволяло бы выдавать однихъ ипотезъ за достовѣрныя положенія и стараго за новое. Что касается до журналовъ, то они обязаны представлять самыя точныя и вѣрныя сокращенія появляющихся сочиненій съ присоединеніемъ къ нимъ ивогда справедливаго сужденія либо о самомъ содержаніи, либо о

какихъ-нибудь обстоятельствахъ, относящихся къ выполнению. Цѣль и польза такихъ извлеченій состоитъ въ томъ, чтобъ быстрѣе распространять въ ученомъ мірѣ знакомство съ новыми книгами.

Излишне было бы здѣсь указывать, сколько услугъ академіи оказали наукамъ своими прилежными трудами и учеными мемуарами; какъ усилился и распространился свѣтъ истины съ тѣхъ поръ, какъ возникли эти полезныя учрежденія. Журналы также могли бы много способствовать къ приращенію человѣческихъ знаній, еслибъ издатели были въ состояніи точно вынолнить задачу, которую на себя приняли, и оставались въ настоящихъ предѣлахъ, предписываемыхъ имъ этой задачей. Способность и воля — вотъ чего отъ нихъ требуютъ. Способность нужна для того, чтобы основательно и съ знаніемъ дѣла обсуждать ту массу разнородныхъ предметовъ, которая входитъ въ ихъ планъ; воля — чтобы, не имѣя въ виду ничего иного, кромѣ истины, нисколько не поддаваться предразсудкамъ и страстямъ. Тѣ, которые присвоили себѣ званіе журналистовъ безъ такого дарованія и расположенія, не сдѣлали бы этого, еслибъ, какъ было ужъ замѣчено, ихъ не подстрекнулъ къ тому голодъ и не заставилъ ихъ судить и раять о томъ, чего они не разумѣютъ. Дѣло дошло до того, что нѣтъ столь дурнаго сочиненія, котораго бы не расхвалилъ и не превознесъ какой-нибудь журналъ, и наоборотъ, какъ бы превосходенъ ни былъ трудъ, его непремѣнно очернить и растерзаетъ какой-нибудь ничего не знающій или несправедливый критикъ. Послѣ того, количество журналовъ такъ умножилось, что уже некогда было бы читать книги полезныя и нужныя или самому думать и трудиться, еслибъ кто захотѣлъ собирать у себя и только перелистывать Эфемериды, Ученыя газеты, Литературныя Записки, Библіотеки, Комментаріи и другія періодическія изданія этого рода. Потому разсудительные читатели и держатся только такихъ журналовъ, которые признаны за лучшіе, и оставляютъ въ сторонѣ тѣ жалкія компіляціи, которыя только переписываютъ или искажаютъ сказанное другими, и которыхъ вся заслуга въ томъ, что онѣ, не стѣсняясь ничѣмъ, расточаютъ желчь и ядъ. Журналистъ свѣдущій, проникательный, справедливый и скромный сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ феникса.

Для оправданія сказаннаго мною я болѣе затрудняюсь множественно примѣровъ, нежели недостаткомъ ихъ. Тотъ, на который я буду опираться въ остальной части этого разсужденія, взятъ изъ лейпцигскаго журнала, издаваемого съ цѣлію знакомить съ сочиненіями по части физики и медицины. Тамъ, между прочимъ,

изложено содержаніе мемуаровъ петербургской академіи; но нельзя представить себѣ ничего поверхностнѣе этого изложенія, въ которомъ опущены самыя любопытныя и интересныя вещи, тогда какъ авторъ жалуется, что академики оставили безъ вниманія факты или подробности, хорошо извѣстныя специалистамъ и которыя на самомъ дѣлѣ слѣбно было бы выставять, особенно въ изслѣдованіяхъ, не требующихъ всей строгости математическихъ доказательствъ.

Одно изъ самыхъ недостаточныхъ извлеченій, наименѣе сообразныхъ съ правилами здравой критики, есть то, которое сдѣлано изъ мемуаровъ г. совѣтника и профессора химіи Михаила Ломосова; въ этомъ извлеченіи встрѣчается множество промаховъ, на которые стоить указать, чтобы научить критиковъ этого разряда не выходить изъ настоящей ихъ сферы. . . . .

. . . Не есть ли это самое убѣдительное доказательство недостатковъ, 362 могущихъ отнять у журналиста всякій вѣсъ и довѣріе, какого онъ ищетъ въ публикѣ? Могутъ ли подобныя приемы быть оправданы тѣмъ, въ комъ есть хоть тѣнь стыда или остатокъ совѣсти? Отдавая такимъ образомъ отчетъ о сочиненіяхъ ученыхъ, критикъ не только вредитъ ихъ репутаціи, на которую онъ не имѣетъ никакого права, но и уничтожаетъ истину, предлагая читателямъ мысли, не имѣющія съ нею ничего общаго: поэтому естественно противодѣйствовать всѣми силами столь несправедливымъ продѣлкамъ. Продолжая такъ поступать съ тѣми, которые стараются быть полезными ученому міру, можно бы лишиться всякой охоты къ труду, и успѣхи въ наукахъ потерпѣли бы отъ того значительный ущербъ. Это въ особенности погубило бы совершенно свободу разсужденія. Такимъ критикамъ необходимо 368 предписать точныя границы, въ которыхъ имъ слѣдуетъ оставаться, не переступая ихъ ни подъ какимъ видомъ. Итакъ вотъ правила, которыми нужнымъ считаемъ заключить это разсужденіе и которыя совѣтуемъ затвердить хорошенько какъ лейпцигскому журналисту, такъ и всѣмъ его собратьямъ.

1. Кто берется сообщать публикѣ содержаніе новыхъ сочиненій, долженъ напередъ взвѣсить свои силы, ибо онъ предпринимаетъ трудъ тяжелый и весьма сложный, котораго дѣль не въ томъ, чтобы передавать вещи извѣстныя и истины общія, но чтобы умѣть схватить новое и существенное въ сочиненіяхъ, принадлежащихъ иногда людямъ самымъ гениальнымъ. Говорить о нихъ невѣрно и неразумительно, значитъ подвергать себя презрѣ-

нiю и поспѣванiю, — значить уподобляться карлу, который захотѣлъ бы поднять на своихъ плечахъ горы.

2. Чтобы быть въ состоянiи произнести приговоръ искреннiй и справедливый, надобно освободить свой умъ отъ всякаго предразсудка, отъ всякаго предубѣжденiя и не требовать, чтобы авторы которыхъ мы беремся судить, рабски подчинялись идеямъ, господствующимъ надъ нами, считая и безъ того этихъ писателей нашими истинными врагами, съ которыми мы призваны вести открытую войну.

364 3. Сочиненiя, о которыхъ отдается отчетъ, должны быть раздѣлены на два разряда: къ первому принадлежать сочиненiя одного автора, писавшаго ихъ какъ частное лице; къ второму труды, издаваемые цѣльными корпорацiями съ общаго согласiя, по тщательномъ ихъ разсмотрѣнiи. И тѣ и другiе заслуживаютъ конечно всякаго вниманiя и уваженiя со стороны критика. Нѣтъ такого сочиненiя, которое не требовало бы соблюденiя естественныхъ законовъ справедливости и приличiя. Нельзя однакожь не согласиться, что нужно вдвое болѣе осторожности, когда дѣло идетъ о сочиненiяхъ, уже несшихъ на себѣ печать уважительнаго одобренiя, просмотрѣнныхъ и признанныхъ достойными изданiя отъ лицъ, которыхъ совокупныя знанiя естественно превосходятъ свѣдѣнiя журналиста, и прежде нежели онъ рѣшится указывать недостатки и осуждать, онъ долженъ неоднократно взвѣсить то, что намѣренъ сказать, для того, чтобы быть въ состоянiи поддержать и оправдать свои слова, если въ томъ встрѣтится надобность. Такъ какъ сочиненiя этого рода бываютъ обыкновенно тщательно обработаны и предметы въ нихъ разсматриваются систематически, то малѣйше пропуски или неточности могутъ подать поводъ къ опрометчивымъ сужденiямъ, которыя уже и сами по себѣ постыдны, но становятся такими еще болѣе, когда въ нихъ ясно выказываются

365 небрежность, невѣжество, поспѣшность, духъ партiй и недобросовѣстность.

4. Журналистъ не долженъ торопиться порицать гипотезы. Онѣ позволительны въ предметахъ философскихъ, и это даже единственнiй путь, которымъ величайше люди успѣли открыть истины самыя важныя. Это какъ-бы порывы, доставляющiе имъ возможность достигнуть знанiй, до которыхъ умы низкие и пресмыкающiеся въ пыли никогда добраться не могутъ.

5. Особенно же пусть журналистъ запомнить, что всего безчестнѣе для него красть у кого-либо изъ своихъ собратьевъ выказываемыя имъ мысли и сужденiя и присвоивать ихъ себѣ, какъ

будто бы онъ самъ придумалъ ихъ, тогда какъ ему едва извѣстны заглавія книгъ, которыя онъ уничтожаетъ. Такъ бываетъ часто съ наглымъ рецензентомъ, который отваживается дѣлать извлеченія изъ сочиненій физическихъ и медицинскихъ.

6. Журналисту позволено опровергать то, что по его мнѣнію заслуживаетъ того въ новыхъ сочиненіяхъ, хотя это вовсе не настоящее его дѣло и не прямое его призваніе. Но кто уже разъ берется за то, долженъ воистинѣ ознакомиться съ мыслями автора, разобрать всѣ его доказательства и противопоставить имъ дѣйствительныя возраженія и основательныя доводы, прежде нежели онъ присвоитъ себѣ право осуждать другаго. Одни сомнѣнія и произвольные вопросы не даютъ этого права, ибо нѣтъ такого невѣжды, который не могъ бы предложить гораздо болѣе вопросовъ, нежели сколько самый свѣдущій человѣкъ въ состояніи разрѣшить. Журналистъ не долженъ особенно воображать, что непонятное и необъяснимое для него таково же и для автора, который могъ имѣть свои причины къ тому, чтобы сократить или опустить нѣкоторыя обстоятельства.

7. Наконецъ, онъ никогда не долженъ имѣть слишкомъ высокаго мнѣнія о своемъ превосходствѣ, о своемъ авторитетѣ и о достоинствѣ своихъ сужденій. Выполняемое имъ дѣло само по себѣ уже несприятно для самолюбія тѣхъ, кого онъ затрогиваетъ: было бы съ его стороны очень неблагоразумно оскорблять ихъ намѣренно и вынуждать къ обнаруженію его безсилія.

DISSERTATION

SUR LES DEVOIRS DES JOURNALISTES

DANS L'EXPOSÉ QU'ILS DONNENT DES OUVRAGES, DESTINÉS À MAINTENIR LA LIBERTÉ DE PHILOSOPHER *).

Personne n'ignore combien les progrès des Sciences ont été considérables et rapides, depuis qu'on a secoué le joug de la servitude, et que la liberté de philosopher lui a succédé. Mais on ne scauroit igno-

*) Cette Pièce nous a été fournie en Latin, et nous n'y prenons d'autre part que de l'avoir traduite. Comme il y a des discussions intéressantes pour la Physique, nous avons cru pouvoir en faire usage.

rer non plus que l'abus de cette liberté a causé des maux très fâcheux
 344 dont le nombre n'auroit cependant pas été à beaucoup près si grand,
 si la plupart de ceux qui écrivent, ne faisoient plutôt un métier et
 un gagne-pain de leurs Ouvrages, que de s'y proposer une recherche
 exacte et bien réglée de la Vérité. C'est de-là que viennent tant de
 choses hasardées, tant de systèmes bizarres, tant d'opinions contra-
 dictoires, tant d'écarts et d'absurdités, que les Sciences seroient de-
 puis longtems étouffées sous cet énorme amas, si des Compagnies
 sçavantes n'employoient et ne réunissoient toutes leurs forces pour
 s'opposer à cette catastrophe. Dès qu'on s'est apperçu que le torrent
 de la Littérature rouloit également dans ses eaux le vrai et le faux,
 le certain et l'incertain, et que la Philosophie couroit risque de perdre
 tout son crédit, si l'on ne la tiroit de cet état; il s'est formé des So-
 ciétés de Gens de Lettres, et l'on a érigé des espèces de Tribunaux
 Littéraires, destinés à apprécier les Ouvrages, et à rendre à chaque
 Auteur bonne justice, suivant les règles les plus exactes du Droit na-
 turel. Voilà également l'origine des Académies, et des Compagnies
 qui président à la publication des Journaux. Les premières sont atten-
 tives, avant que les Ecrits de leurs Membres paroissent, à les sou-
 mettre à un examen rigoureux, qui empêchent qu'on ne mêle l'erreur
 à la vérité, qu'on ne donne de simples hypothèses pour des démonstra-
 345 tions, et des choses anciennes pour nouvelles. Par rapport aux Jour-
 naux, leur office consiste à présenter des Abrégés bien nets et bien
 fidèles des Ouvrages qui paroissent, en y joignant quelquefois un juge-
 ment équitable, ou sur le fond même des matières, ou sur quelques
 circonstances relatives à l'exécution. Le but et l'utilité des Extraits,
 c'est de répandre plus promptement la connoissance des Livres dans la
 République des Lettres.

Il seroit superflu d'indiquer ici, combien les Académies ont rendu
 de services aux Sciences par leurs travaux assidus, et par leur doctes
 Mémoires; combien la lumière de la Vérité s'est fortifiée et étendue
 depuis ces salutaires Etablissemens. Les Journaux pourroient aussi
 favoriser beaucoup l'accroissement des Connoissances Humaines, si
 leurs Auteurs pouvoient remplir toute la tâche qu'ils s'imposent, et
 vouloient demeurer renfermés dans les justes bornes auxquelles cette
 tâche les astreint. Les forces et la volonté, voilà ce qu'on désire en
 eux; les forces, pour discuter solidement et sçavamment cette grande
 quantité de sujets différens qui entrent dans leur plan; la volonté,
 pour n'avoir rien en vue que la vérité, ne rien donner au préjugé ni
 à la passion. Ceux qui se sont érigés en Journalistes sans ces talens
 346 et sans ces dispositions, ne l'auroient jamais fait, si, comme on l'a in-

simé, l'aiguillon de la faim ne s'étoit fait sentir à eux, et ne les avoit forcés à raisonner et à juger de ce qu'ils n'entendoient point. Les choses en sont venues au point, qu'il n'y a point d'Ouvrage, quelque mauvais qu'il soit, qui ne se trouve prôné et exalté dans quelque Journal; et que réciproquement il n'y en a point, quelque excellent qu'il puisse être, qui ne soit décrié et déchiré par quelque Critique ignorant ou injuste. Après cela le nombre des Journaux s'est multiplié de façon qu'il ne resteroit plus de temps pour lire les Livres utiles et nécessaires, ou pour penser et travailler par eux-mêmes à ceux qui voudroient rassembler, et seulement feuilleter les Ephémérides, Gazettes Sçavantes, Actes Littéraires, Bibliothèques, Commentaires, et autres Productions périodiques de ce genre. Aussi les Lecteurs de bon-sens s'attachent-ils à celles qui sont reconnues pour les meilleures, et laissent à l'écart toutes ces misérables Compilations, qui ne font que copier, et souvent estropier ce que les autres ont déjà dit, ou dont tout le mérite consiste à distiller le fiel et le venin sans modération et sans retenué. Un Journaliste sçavant, pénétrant, équitable et modeste, est devenu une espèce de Phénix.

Pour justifier ce que je viens d'avancer, je suis plus embarrassé par la foule des exemples, que par la disette. Celui sur lequel je me fonderai dans le reste de cette Dissertation, est tiré de l'espèce de Journal qu'on publie à Leipzig, pour rendre compte des Ouvrages de Physique et de Médecine*). On y a rapporté entr'autres choses le contenu des Mémoires de l'Académie de Pétersbourg, mais il ne se peut rien de plus superficiel que ce rapport, dans lequel on a omis les choses les plus curieuses et les plus intéressantes, tandis qu'on s'y plaint de ce que les Académiciens ont négligé des faits, ou particularités qui sont parfaitement connus des gens du métier, et qu'il y aurait eu une affectation ridicule à étaler, surtout dans des matières qui ne sont pas soumises à la rigueur des Démonstrations Mathématiques. 347

Un des Extraits les plus défectueux, et les moins conformes aux règles d'une saine Critique, c'est celui des Mémoires de Mr. le Conseiller et Professeur de Chymie Michel Lomonosow, dans lequel on a fait une foule de bévues, qui méritent d'être relevées, pour apprendre à des Censeurs de cet ordre à ne pas sortir de leur sphère. Le début annonce l'intention du Journaliste, il est menaçant, la foudre se forme déjà dans la nué, et se prépare à éclater. Mr. Lomonosow, dit on, veut aller à de plus grandes choses qu'aux simples Expériences**). 348

*) Il a pour titre: *Commentarii de Rebus in Scientiâ Naturali, et Medicinâ gestis.*

***) *Majora quam Experimenta sola molitur Michael Lomonosow.*

Comme si un Physicien n'avoit pas effectivement le droit de s'élever au-dessus de la routine et de la manoeuvre des Expériences, et n'étoit pas appelé à les subordonner au raisonnement, pour passer de-là aux découvertes. Un Chymiste, par exemple, seroit-il condamné à tenir éternellement les pincettes d'une main et le creuset de l'autre, à ne pas s'écarter un instant des charbons et des cendres?

Le Critique s'efforce ensuite de tourner l'Académicien en ridicule, pour s'être servi du principe de la Raison suffisante, et avoir sué sang et eau, comme il s'exprime, à l'appliquer dans des démonstrations de Vérités qu'il auroit pu proposer tout d'un coup comme des Axiômes. Il dit du-moins qu'il les auroit reçues pour tels; mais en même tems il rejette les Propositions les plus évidentes comme de pures fictions, et tombe par-là en contradiction avec lui-même. Il se moque des démonstrations rigoureuses, lorsqu'elles sont nécessaires, et les exige là où elles sont superflus. C'est donc aux Philosophes qui voudront éviter des railleries aussi sensées, à voir comment ils s'y prendront pour ne rien démontrer, et pourtant démontrer à la fois.

- 849 Le mouvement des Cloches est un sujet sur lequel le Journaliste exerce sa critique sans aucun fondement. Il reproche à Mr. Lomonosow de n'en avoir pas donné une juste idée. Mais peut-on juger avec plus de témérité? Est-ce faute d'esprit, d'attention, ou d'équité que l'on parle ainsi? Le Critique confond le mouvement intestin de la Cloche avec son mouvement total, quoique ce soient deux choses parfaitement distinctes, et que personne ne puisse prendre le tremblement de la Cloche pour son mouvement intestin, après ce que l'Académicien a dit si positivement au §. 3. de son Mémoire, que le mouvement intestin consiste dans le changement de situation des parties insensibles. Qu'une Cloche soit agitée, qu'elle ait un mouvement de rotation, qu'elle passe d'un lieu à un autre; tous ces mouvemens n'auront rien de commun avec son mouvement intestin, et ne pourront par conséquent pas être regardés comme une cause de chaleur. En effet, quand la Cloche tremble, les parties sont en vibration avec le tout. Il en est comme d'un Corps entier qui a un mouvement progressif; toutes ses parties se meuvent aussi à la fois; mais il n'y a point-là de mouvement intestin, et c'est le cas du tremblement de la Cloche. Que le Censeur apprenne donc, qu'il n'arrive du mouvement intestin
- 850 par voye de trémulation, que lorsque les particules du Corps étant en vibration, elles changent de situation entr'elles dans un intervalle de tems imperceptible, (§. 3. 6.) et par conséquent en agissant et réagissant les unes sur les autres d'une manière très-rapide. Or cela ne peut arriver dans aucun Corps, à moins qu'il ne soit exempt de la

cohésion des parties, comme l'on conçoit que le sont les particules de l'air dans les recherches qui ont pour objet leur élasticité. Que le même Censeur reconnoisse par-la que personne ne manque plus que lui à la loi qu'il veut imposer aux autres, de bien développer les premiers principes qui servent à l'explication d'un sujet.

Un mouvement progressif, ou de trémulation, ne sauroit donc être la cause d'une chaleur intestine; et il seroit impossible au Critique de persévérer dans son erreur à cet égard, s'il savoit que les Cloches qui sonnent et sont agitées avec le plus de force, n'en sont pas moins froides. Il ne s'entend donc pas lui-même, et il fait l'agréable le plus mal à propos du monde, lorsqu'il taxe l'Auteur d'avoir établi le mouvement gyrotoire des parties pour la cause de la chaleur.

Il n'est pas plus fondé quand, en raisonnant sur le §. 14. du Mémoire de Mr. Lomonosow, il prétend que les Mathématiciens ne se servent jamais de la route à *posteriori* pour confirmer des vérités déjà démontrées. N'est-il pas certain que, dans la Géométrie tant élémentaire que sublime, on se sert des nombres et des figures pour expliquer les théorèmes, et les mettre en quelque sorte sous les yeux; et qu'ensuite dans les Mathématiques appliquées à la Physique, on se sert perpétuellement des Expériences pour appuyer les démonstrations? C'est ce qu'on ne sauroit nier, dès qu'on a la plus légère teinture des Mathématiques. Mr. Wolf en a même fait une loi dans son Anthémétique ^{*)}, §. 125. Et il est honteux à un Juge, d'ignorer ou de négliger une pareille loi. 351

Le Journaliste a plus de raison, quand il nie que le mouvement gyrotoire puisse avoir lieu dans des particules qui ne sont pas douées de la figure sphérique; mais il est par-là même dans le sentiment de l'Auteur. Car c'est une mauvaise chicane qu'il lui fait, de dire qu'il n'a pas exprimé formellement cette assertion, puisqu'elle découle par une conséquence des plus immédiates de la doctrine du §. 13., et qu'il ne peut pas rester une ombre de doute, que le mouvement gyrotoire qui produit la chaleur dans la matière propre des Corps étant une fois démontré, les particules de cette matière doivent nécessairement être sphériques. D'ailleurs des Philosophes du premier ordre conçoivent assez ordinairement les particules primitives en général comme sphériques, et je crois qu'ils ont raison. Car, si l'on fait quelque fond sur les argumens tirés de l'analogie, on ne peut guères rencontrer d'exemple plus frappants que celui qui a lieu dans la matière en question. 352

^{*)} Voila ses paroles: *Docemur ergo consultum esse ut dispiciamus, an veritates a priori deductae experientiae respondeant.*

La Nature affecte sensiblement la rondeur, tant dans les plus grandes choses que dans les plus petites; et on peut en faire l'observation depuis les Corps immenses et totaux de l'Univers jusqu'aux plus petits globules qui nagent dans le sang. Dans les différentes parties des Animaux et des Végétaux, dans les oeufs, les fruits, les semences y a-t-il aucune figure qui se rencontre plus fréquemment que la ronde? Et pour les Corps liquides, sans en excepter les Métaux mis en fusion, ils se forment constamment en gouttes sphériques, d'autant plus rondes qu'elles sont plus petites. Cela suffiroit pour autoriser la conjecture, que les particules élémentaires sont aussi globuleuses; mais on ne manque pas de raisonnemens plus forts pour rendre la chose encore plus évidente. Et il ne faut point être arrêté par la crainte que l'infinie variété des choses ne pourroit avoir lieu, si l'on n'admettoit aussi de la variété dans leurs principes; puisque la grandeur, la situation, le lieu, suffisent pour expliquer cette diversité. Mais je ne prétends point donner ici des leçons de Physique à un Juge; je veux seulement l'avertir, que dès-là qu'il exerce cette fonction, il ne doit pas se hâter de porter des sentences, sans avoir bien examiné les coupables, ni se plaître à chercher des fautes où il n'y en a point.

Les Sçavans qui s'appliquent aujourd'hui à l'étude de la Nature, s'accomoderont-ils, par exemple, de cette décision émanée de son tribunal? C'est qu'aujourd'hui les Physiiciens judicieux ne se piquent pas de connoître la figure déterminée des particules. Assurément elle n'auroit pas été du goût d'un Robert Boyle, qui a dit que la connoissance des particules étoit aussi nécessaire dans la Science Naturelle, que les particules elles-mêmes sont nécessaires dans la Nature pour la formation des Corps. Tous les Physiiciens de quelque réputation qui sont venus depuis ce célèbre Anglois, ne se sont point écartés de son opinion; et ils ne pourroient le faire sans ouvrir la porte aux plus étranges conséquences. Autant vaudroit dire qu'on peut sçavoir lire sans connoître les lettres de l'Alphabet, ou déterminer l'état astronomique du Ciel sans aucune étude préalable de la Géométrie. Aussi a-t-on toujours regardé comme une recherche importante, celle qui a pour but d'arriver à une connoissance plus exacte de la figure des particules. Et lors même que le succès n'a pas entièrement rempli l'attente, on a montré beaucoup plus d'indulgence que le fait notre Critique, dont toutes les paroles sont autant d'arrêts et de procriptions.

En rendant compte de la Dissertation sur la force élastique de l'Air, on ne sçait si le Journaliste a rêvé, ou malignement inventé ce qu'il fait dire à l'Auteur, que les corpuscules de l'air sont *polis*; expression dont on ne trouve pas la moindre trace dans celui-ci. Auroit-

il confondu le mot de *levitas*, qui se trouve au §. 11. et qui signifie la légèreté spécifique, avec *laevitas*, qui a le sens de *poli*. Quand on lit aussi mal, il ne faudroit pas rendre compte de ses lectures, beaucoup moins le prendre sur un ton de hauteur, et dire: *Jam particulae hae non politae sunt, sed aliquantulum scabrae*. Permis au Zoile de se battre contre ces corpuscules polis; mais il doit se souvenir qu'il est aux prises avec lui-même, et que de pareilles chimères sont purement de son invention.

Passons à un autre trait de Dictature, si ridicule qu'à peine mérite-t-il d'être relevé. «Ce mouvement gyrotoire, dit le Critique, de «chaque particule dans une direction contraire à la direction de «l'autre, est une supposition des plus gratuites, et a tout à fait l'air «d'une fable inventée à plaisir»*). Mais que veut dire ce galimathias? 355 N'est-il pas permis de proposer des exemples particuliers pour illustrer les Loix universelles? Mr. Lomonosow rapporte §. 15. un cas, qui, bien qu'il arrive rarement dans le conflict des atômes de l'Air, n'en est pas moins réel; et il y en a d'autres que celui-là qui peuvent produire un effet semblable, c'est-à-dire, tous ceux où les surfaces contiguës de deux corpuscales tendent avec la même vitesse vers la même direction. Quant aux autres sortes de conflicts, plus elles sont éloignées de celle-ci, et plus elles ont de force pour produire la répulsion mutuelle des particules. Cependant la fureur de censurer et de condamner ne quitte point le Journaliste, et il continuë en ces termes.

«Si toutes les particules sont pesantes, et qu'elles tombent par la «pression de la pesanteur, il n'arrivera jamais que l'une choque l'autre «en tombant sur elle, puisque la pesanteur leur imprimera à toutes «la même vitesse; et il faut imaginer quelque autre force, qui accé- 356 «lère celles de dessus, ou qui retarde celles de dessous». Ici l'on peut dire que la Critique perd terre, et s'enfonce dans les espaces les plus imaginaires. Pour nous qui ne voulons point quitter la surface de ce Globe, nous sçavons fort bien que l'atmosphère environne et presse cette surface. C'est pour cela que les particules les plus basses de l'air ne sçauroient descendre davantage, l'atmosphère empêchant leur chute. Celle-ci de leur côté résistent aux particules qui reposent sur elles, et ont un conflict successif avec elles jusqu'à la surface de l'atmosphère. Il n'est pas besoin de faire un effort d'imagination pour in-

*) *Motus ille gyrotorius uniuscujusque particulae in plagam plagae alterius contrariam gratis plane assumitur, et proximum fabulae amari gratia excogitatae est.*

*) *Si omnes particulae graves sunt, et gravitate urgente cadunt, nulla in aliam irruet, cum gravitas omnibus eandem velocitatem imprimat; estque alia vis excogitanda, quae accedat superiores, aut inferiores retardet.*

venter une nouvelle force, qui retarde les particules, lorsqu'elles tombent de l'air. Des Juges éclairés et équitables n'auroient pas besoin qu'on les en avertisse, mais il faut tout dire au nôtre.

357 Une prétendue absurdité qu'il prétend encore déduire de la théorie de l'air élastique proposée par l'Académicien, c'est que tous les fluides ne sont pas moins élastiques que l'air; et il ajoute toujours gratuitement, qu'il ne reste d'autre ressource à l'Auteur, que de concevoir les élémens de l'eau et des fluides non élastiques, (il lui plaît de les nommer tels,) réduits à un extrême degré de petitesse, et de sauver ainsi une hypothèse à la faveur d'une autre. Étrange sagacité d'un homme qui court après les vetilles les plus imperceptibles, et qui ne voit pas les choses les plus évidentes, lorsqu'elles sont sous ses yeux! Il n'a pas daigné faire la moindre attention aux vapeurs élastiques de l'eau et des autres liqueurs, ni à la cohésion qui se trouve entre leurs parties. Cependant une expérience quotidienne prouve à quiconque veut y prendre garde, que l'eau n'exerce point une élasticité pareille à celle de l'air, tant que la cohésion mutuelle de ses parties dure, c'est-à-dire tant que les forces répulsives n'excèdent pas l'effort de la cohésion. Mais le mouvement gyrotoire croissant continuellement, la répulsion vient enfin à bout de surpasser la cohésion, et l'eau se résout en vapeurs de la plus grande élasticité. C'est ce que Mr. Lomonosow a fait voir clairement dans sa Dissertation sur la Cause de la Chaleur, §. 23; mais la précipitation du Censeur lui a fait sauter cet endroit. Dès-là donc que, suivant la théorie de l'Auteur, les particules raboteuses peuvent non seulement entrer dans la composition de l'eau et des autres liqueurs, mais encore dans la production des vapeurs élastiques, c'est inutilement que le Censeur les transforme en particules d'une extrême légèreté.

358 Il dresse enfin ses batteries contre la Dissertation, qui roule sur l'action des Menstrués Chymiques. Et là, sans peser les raisonnemens ni faire aucune déduction suivie, il s'escrime à tort et à travers. On voit assez combien il s'entend peu à lire et à saisir l'essentiel de ses lectures, par l'aveu tacite qu'il fait de n'avoir pas jetté les yeux sur le §. 28., qui renferme véritablement l'essence du Mémoire. En effet si ce §. lui étoit connu, pourroit-il dire: «L'Auteur devoit considérer, «que lorsqu'un menstrué est exposé à l'air, il est pressé vers le métal «par le poids de l'atmosphère, au lieu que cette force cesse entièrement dans le vuide de la pompe, etc.»*) Mais il n'y a rien de plus exprès que la description contenuë dans le §. susdit, de la solution de

*) *Considerare debebat Auctor, si menstruum aëri libero exponatur, urgeri illud versus metallum pondere atmosphaerico, cum haec vis cesset in vacuo antliae, etc.*

œuvre à l'eau-forte, faite non dans le vuide, mais en plein air. Et pour l'Expérience décrite au §. 29. quoiqu'elle ait été faite dans le vuide, la différence notable du métal dissous confirme la théorie de l'Auteur contre l'attaque du Censeur; d'autant plus qu'à la fin du même §. se trouve la raison de cette différence.

Jusq'à présent on a donné des preuves incontestables de l'incapa- 359
cité et de l'extrême négligence du Journaliste. Mais voici un endroit, où sa bonne-foi est entièrement suspecte, et où il paroit avoir eu formellement dessein d'en imposer au Monde Sçavant, dans la pensée peut-être que les Mémoires de l'Académie Impériale de Pétersbourg sont un Ouvrage rare, que tout le monde n'est pas à portée de consulter. Il ose donc dans cette confiance attribuer à l'Académicien un degré d'ignorance, qui iroit jusqu'à nier l'existence de l'air dans les pores des sels, tandis que les plus novices en Physique ne sçauroient la méconnoître. Comme il n'y a pas moyen de tirer rien de pareil des Dissertations de l'Auteur, quelque violence qu'on leur fasse, la conséquence est toute naturelle. Car ces paroles du §. 41. ne sçauroient y donner lieu; *l'air répandu dans l'eau n'entre pas dans les pores des sels. Entrer* ne fut jamais synonyme d'*être contenu*. L'Académicien veut dire, et ne peut vouloir dire autre chose, sinon que l'air n'entre pas de l'eau dans les sels qu'on y fait fondre. Et il n'est pas concevable qu'on puisse transformer cette assertion en celle-ci: *Les pores des sels ne contiennent point d'air*.

Il en coute beaucoup au Journaliste d'avouer que Mr. Lomonosow a donné une explication fort heureuse du mouvement de l'air dans les Mines, c'est malgré lui qu'il est forcé d'en convenir. Aussi pretend-il 360 qu'elle est encore défectueuse à certains égards. Voici deux choses qu'il y remarque. D'abord il croit qu'on ne sçauroit guères admettre, que la température de l'air demeure long-tems la même au fonds des puits. Il a raison, s'il entend par-là une température rigoureusement la même. Mais il doit sçavoir que ce n'est pas à des cas de cette nature qu'on applique la parfaite rigueur des Mesures Géométriques, qui ne peut, ni ne doit s'y trouver. Ainsi l'Auteur a été en droit de supposer, que celui qui séjourne dans les Mines, demeure fort long-tems sans s'apercevoir des changemens qui arrivent dans l'air extérieur. Le Censeur dit ensuite, que d'autres personnes, qui l'ont instruit du même phénomène, lui ont rapporté que les changemens qui arrivent dans l'air des Mines, n'ont aucune liaison avec l'Hiver et l'Été, et qu'ils dépendent uniquement de la diversité du poids de l'atmosphère dans la même saison de l'année. A ce dernier égard, quiconque est au fait des Loix de l'Aërométrie et l'Hydrostatique, ne se persuadera jamais,

361 quoi qu'on lui dise, que pareilles Observations aient jamais été faites. Car, quand la pesanteur de l'atmosphère vient à augmenter ou à diminuer, les accroissemens et les décroissemens de la pression sont égaux et synchrones à une aussi petite distance que l'est celle, qui se trouve entre deux puits. Ou bien, s'il y avoit réellement quelque différence de tems et de pression, elle sera si petite et de si courte durée, qu'il n'en résultera aucun effet propre à troubler le mouvement des Mines. Mais s'il survient dans des jours d'Été un froid approchant de celui de l'Hiver, ou dans des jours d'Hiver, un tems d'Été, il est tout naturel (et personne ne s'en étonnera) que la révolution arrivée dans l'air extérieur soit moins sensible au fonds des Mines, comme Agricola l'avoit déjà remarqué. Tout cela étant de nature à pouvoir être supposé le plus aisément du monde par les personnes intelligentes, ce n'étoit pas la peine d'étaler de pareilles difficultés, et d'aspirer à un degré de précision qui ne signifie rien dans le cas présent, et dont on se formeroit inutilement l'idée dans la théorie, puisqu'il faut y renoncer dans la pratique.

Il ne faut pas oublier une dernière marque de cette rapidité que notre Juge croit pouvoir allier avec sa sévérité, quoiqu'elle soient incompatibles. Il s'imagine que Mr. Lomonosof, dans son Supplément aux réflexions sur la force élastique de l'Air, a eu principalement en vuë d'examiner *cette propriété de l'air élastique, par laquelle sa force est proportionnelle à sa densité*. Il se trompe, et trompe 362 les autres, en portant ce jugement. Avec un peu plus d'attention il auroit vu et lu, qu'il s'agit ici précisément du contraire, et qu'on y affirme qu'il faut un degré d'autant plus considérable de forces comprimantes pour condenser l'air, que cet air est renfermé dans des limites plus étroites; d'où il résulte que les densités ne sont pas proportionnelles aux forces.

N'est-ce pas là ce qu'on appelle une conviction de plus authentiques de tous les défauts qui peuvent faire perdre à un Journaliste le crédit et la confiance qu'il se propose d'obtenir du Public? De pareils procédés peuvent-ils être justifiés par quiconque à une ombre de pudeur, et un reste de conscience? Or, puis qu'en rendant compte de cette manière des Ouvrages des Gens de lettres, on fait non seulement tort à leur réputation, sur laquelle on n'a aucun droit, mais encore on étouffe la vérité, en présentant aux Lecteurs des idées qui n'ont aucune conformité avec elle, il est naturel de s'opposer de toutes ses forces à des procédés aussi injustes. Si l'on continuoit à traiter ainsi ceux qui cherchent à se rendre utiles à la République des Lettres, on les décourageroit entièrement, et les progrès des Sciences en souf-

friroient une diminution considérable. Ce seroit surtout l'entière ruine de la liberté de philosopher. Il faut marquer à de pareils Censeurs 363 les justes bornes dans lesquelles il leur convient de se tenir renfermés, pour ne pas les franchir sous aucune retenue. Voici donc les Maximes par lesquelles on croit devoir finir cette Dissertation, et qu'on prie le Journaliste de Leipzig, et tous ses semblables, de bien retenir.

1. Quiconque se charge d'instruire le Public de ce que contiennent les Ouvrages nouveaux, doit premièrement considérer ses forces. Car il entreprend un travail pénible et fort composé, où il ne s'agit pas de rapporter des choses communes et de simples généralités, mais de saisir ce qu'il y a de neuf et d'essentiel dans des productions qui sont quelquefois celles des plus grands hommes. Débiter là-dessus des choses sans justesse et sans goût, c'est s'exposer au mépris et à la risée; c'est ressembler à un Nain qui voudroit soulever des Montagnes.

2. Pour se mettre en état de porter un jugement sincère et équitable, il faut bannir tout préjugé, toute prévention de son esprit, et ne pas prétendre que les Auteurs dont nous nous ingérons de juger, soient servilement astreints aux idées qui nous dominent, en les regardant sans cela comme de vrais ennemis, auxquels on est appelé à faire une guerre déclarée.

3. Les Ecrits dont on rend compte, doivent être distingués en deux 364 classes. La première renferme ceux qui sont l'Ouvrage d'un seul Auteur, qui les a écrits comme personne privée; la seconde, ceux que des Sociétés entières publient d'un commun consentement, et après les avoir soigneusement examinés. Les uns et les autres méritent assurément toute la circonspection et tous les égards des Censeurs. Il n'y a point d'Ouvrage auquel on ne doive l'observation des Loix naturelles d'équité et de bienséance. Mais on avouëra pourtant que les précautions doivent être redoublées, lorsqu'il s'agit d'Ouvrages qui portent déjà le sceau d'une approbation respectable, qui ont été revus, et jugés dignes de paroître par des gens dont les lumières réunies doivent naturellement être supérieures à celles d'un Journaliste; et avant que de reprendre et de condamner, il faut peser plus d'une fois ce qu'on va dire, afin d'être en état de le soutenir et de le justifier, si le cas le requiert. Comme ces sortes d'Ecrits sont ordinairement travaillés avec soin, et que les matières y sont traitées systématiquement, les moindres omissions ou inattentions peuvent faire porter des jugemens hazardés, qui par eux-mêmes sont déjà honteux, mais qui le deviennent bien davantage, quand la négligence, l'ignorance, la pré-

365 citation, l'esprit de parti, et la mauvaise foi, s'y montrent d'une manière sensible.

4. Un Journaliste ne doit pas se hâter de décrier les hypothèses. Elles sont permises dans les Matières Philosophiques; et c'est même l'unique voye par laquelle les plus grands hommes sont parvenus à la découverte des vérités les plus importantes. Ce sont des espèces d'élangs qui les ont mis en état d'atteindre à des connoissances, auxquelles les Esprits abjects et rampans dans la poussière ne parviennent jamais.

5. Surtout qu'un Journaliste apprenne qu'il n'y a rien de plus desonorant pour lui, que de voler à quelcun de ses Confrères les réflexions et les jugemens qu'il a proposés, et de s'en faire honneur, comme s'il les tiroit de son propre fonda, tandis qu'il connoît à peine les titres des Livres qu'il met en pièces. C'est très souvent le cas de l'Ecrivain téméraire qui s'est avisé d'entreprendre l'Extrait des Ouvrages de Physique et de Médecine.

366 6. Il est permis à un Journaliste de réfuter ce qui lui paroît le mériter dans les Ouvrages nouveaux, quoique ce ne soit pas son objet direct, et sa vocation proprement dite: mais, quand il fait tant que d'en venir-là, il doit bien se mettre au fait de la doctrine de l'Auteur, analyser toutes ses preuves, et y opposer des difficultés réelles, et des raisonnemens solides, avant que de s'arroger le droit de le condamner. De simples doutes, ou des questions arbitraires, ne donnent pas ce droit; car il n'y a point d'ignorant qui ne puisse former beaucoup plus de questions que le plus habile homme n'en peut résoudre. Un Journaliste doit surtout ne pas s'imaginer que ce qu'il n'entend pas et ne sçauroit expliquer, soit tel pour l'Auteur, qui peut avoir eu ses raisons d'abrèger et d'omettre certaines choses.

7. Enfin il ne doit jamais se faire de trop hautes idées de sa supériorité, de son autorité, et de la valeur de ses jugemens. La fonction qu'il exerce étant déjà par elle-même desagréable à l'amour-propre de ceux qui en sont l'objet, il auroit grand tort de les desobliger volontairement, et de les forcer à mettre au grand jour son insuffisance.